

ХАЛИФАТ

ЕГО РАСЦВЕТ, УПАДОК И КОНЕЦ

ПО ОРИГИНАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ

СОЧИНЕНИЕ

УИЛЬЯМА МЬЮИРА, К.С.С.І.

Д-РА ЮСТИЦИИ, D.C.L., Д-РА ФИЛОСОФИИ (БОЛОНЬЯ)

НОВОЕ И УЛУЧШЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Т. Х. УЭЙРА, М-РА ИСКУССТВ, Д-РА БОГОСЛОВИЯ (АБЕРДИН)

Преподающего арабский в Университете Глазго,

Автора «Композиции арабской прозы» и

«Вариантов в списках Евангелия»

ЭДИНБУРГ: ДЖОН ГРАНТ

31 GEORGE IV BRIDGE

1924

www.muhammadanism.org

July 19, 2006

Russian

THE CALIPHATE ITS RISE, DECLINE, AND FALL

FROM ORIGINAL SOURCES

BY

SIR WILLIAM MUIR, K.C.S.I.

LL.D., D.C.L., PH.D. (BOLOGNA)

A NEW AND REVISED EDITION BY

T. H. WEIR, M.A., D.D. (ABERDEEN)

Lecturer in Arabic in the University of Glasgow. Author of "Arabic Prose Composition"

"Variants in the Gospel Reports"

EDINBURGH: JOHN GRANT

31 GEORGE IV. BRIDGE

1924

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стр.

ГЛАВА I

11 г. хиджры — Смерть Мухаммада — Избрание Абу Бекра — Омар, Али, Абу Обейда 14

ГЛАВА II

Поход Осамы на сирийскую границу 20

ГЛАВА III

Нападение бедуинов на Медину; отраженное Абу Бекром 22

ГЛАВА IV

Возвращение Осамы — Бедуины наказаны — Походы против племен-отступников 25

ГЛАВА V

Аравийский поход Халида — Толейха — Битва при Аль-Бузаха — Ойна — Малик ибн Нувейра — Аль-Йемама — Мусейлима — Сад смерти 28

ГЛАВА VI

Отступничество сломлено — Аль-Бахрейн, Оман, Хиджаз, Ибн Мадикериб, Аль-Ашас — Сожжение разбойника 41

ГЛАВА VII

Обзор — Скептицизм покорившихся племен — Энтузиазм подогревается походами в Сирию и Халдею — Арабы превращаются в мировую аристократию — Освобождение рабов-арабов 47

ГЛАВА VIII

12 г. хиджры — Поход Аль-Мусанны в Аль-Ирак — Халид присоединяется — Битва при Чейнсе — Кровавая река — Аль-Хира сдается — Айн ат-Тамр — Штурм Думы — Аль-Фирад — Тайное паломничество Халида 51

ГЛАВА IX

12-13 г. хиджры — Сирийский поход — Битва при Аджнадаине — Капитуляция Фихля 64

ГЛАВА X

Аль-Ирак — Битва при Вавилоне — Аль-Мусанна просит подкреплений 73

ГЛАВА XI

13 г. хиджры — Абу Бекр умирает — Он назначает халифом Омара 75

ГЛАВА XII

13-14 г. хиджры — Власть у Омара — Подкрепления в Аль-Ирак— Рустем — Битва на мосту — Поражение Абу Обейда — Битва при Аль-Бувейбе — Смерть Аль-Мусанны	80
ГЛАВА XIII	
14 г. хиджры — Сирия — Падение Дамаска	87
ГЛАВА XIV	
Аль-Ирак— Новобранцы — Саад — Йездегерд — Наступление Рустема — Битва при Аль-Кадисии — Разгром персидской армии	92
ГЛАВА XV	
15-16 г. хиджры — Аль-Хира занята вновь — Падение Аль-Медайна	105
ГЛАВА XVI	
16 г. хиджры — Битва при Джалуле — Омар запрещает наступление — Аль-Куфа и Аль-Басра — Землеустройство в Аль-Ираке	110
ГЛАВА XVII	
15 г. хиджры — Северная Сирия, Гимс, Антиохия — Ираклий отступает — Битва при Ярмуке	116
ГЛАВА XVIII	
Иерусалим покоряется Омару — Его приезд — Установления Омара	119
ГЛАВА XIX	
17 г. хиджры — Северная Сирия и Месопотамия — Нападения греков и бедуинов — Бени Ийад и Тагуб — Падение Кесарии — Суд над Халидом и его смещение	126
ГЛАВА XX	
14-15 г. хиджры — Иудеи и христиане изгнаны из Аравии — Перепись арабских племен — Гражданская и военная администрация — «Собрание» Корана	131
ГЛАВА XXI	
18 г. хиджры — Голод — Чума — Омар посещает Сирию — Муавия — Билал	137
ГЛАВА XXII	
19-20 г. хиджры — Покорение Египта — Александрия	141
ГЛАВА XXIII	
16-20 г. хиджры — Южная Персия — Сузы — Гробница Даниила — Аль-Гормузан	149
ГЛАВА XXIV	
21-22 г. хиджры — Покорение Персии — Битва при Нехавенде — Бегство	153

Йездегерда

ГЛАВА XXV	
17-23 г. хиджры — События дома — Расширение двора Каабы — Суд над Аль-Могирой — Аль-Куфа — Аль-Басра — Эра хиджры — Падение морали — Простота жизни Омара	157
ГЛАВА XXVI	
23 г. хиджры — Смерть Омара — Назначение выборщиков	165
ГЛАВА XXVII	
23-24 г. хиджры — Осман — Убийство Аль-Гормузана	170
ГЛАВА XXVIII	
24-35 г. хиджры — Арабы и корейшиты — Хашимиты и Омейяды — Кампании на востоке и западе — Победа на море	175
ГЛАВА XXIX	
30-34 г. хиджры — Непопулярность Османа — Недовольство в Аль-Куфе и Аль-Басре — Рецензия Корана — Абу Зарр — Другие случаи — Найла	182
ГЛАВА XXX	
33-34 г. хиджры — Недовольство растет — Восстание в Аль-Куфе — Али предупреждает Османа	190
ГЛАВА XXXI	
34-35 г. хиджры — Перспективы мрачнеют — Совещание правителей — Помощь Муавии отклонена	194
ГЛАВА XXXII	
35 г. хиджры — Нападение заговорщиков на Медину — Дворец окружен — Осман убит	197
ГЛАВА XXXIII	
35-36 г. хиджры — Избрание Али — Восторг в Дамаске — Муавие объявлена война	205
ГЛАВА XXXIV	
36 г. хиджры — Аиша в Мекке — К ней присоединяются Талха и Аз-Зубейр — Они захватывают Аль-Басру	210
ГЛАВА XXXV	
Али наступает на Аль-Басру — «Верблюжья битва» — Талха и Аз-Зубейр убиты — Аиша возвращается в Медину	215
ГЛАВА XXXVI	
Правительство в Аль-Куфе — Египет — Муавия в Дамаске угрожает убийцам	221

халифа

ГЛАВА XXXVII

36-37 г. хиджры — Али и Муавия враждуют — Битва при Сиффине — Суд — 225
Абу Муса и Амр, судьи-посредники

ГЛАВА XXXVIII

37 г. хиджры — Хариджиты восстают против Али — Подчиняются ему 232

ГЛАВА XXXIX

Решение судей — Муавия становится халифом в Дамаске 234

ГЛАВА XL

Али выступает в поход против Муавии — Призванные восстанием хариджитов 237
— Битва при Награване — Хариджиты

ГЛАВА XLI

38 г. хиджры — Амр покоряет Египет для Муавии 241

ГЛАВА XLII

38-40 г. хиджры — Восстание хариджитов — Зийяд — Договор Али с Муавией 243

ГЛАВА XLIII

40 г. хиджры — Заговор хариджитов — Али убит — Муавия спасается 248

ГЛАВА XLIV

40-41 г. хиджры — Аль-Хасан — Отречение в пользу Муавии — Смерть Аль- 252
Хасана

ГЛАВА XLV

40-60 г. хиджры — Муавия единственный халиф — Смерть Амра и Аль- 254
Могиры — Зийяд — Африка; Кайруан — Набег на Константинополь —
Трибуна Мухаммада

ГЛАВА XLVI

56 г. хиджры — Язид провозглашен беспспорным наследником — Прецедент в 261
исламе — Мать Язида-бедуинка

ГЛАВА XLVII

60-61 г. хиджры — Язид — Ибн Аз-Зубейр в Мекке — Аль-Хосейн идет на 265
Аль-Куфу — Трагедия при Кербеле — Гибель Аль-Хосейна —
Мохаррам

ГЛАВА XLVIII

61-64 г. хиджры — Реакция Алидов — Ибн Аз-Зубейр нападает на халифат — 273
Мекка в осаде — Смерть Язида

ГЛАВА XLIX

64-73 г. хиджры — Муавия II. — Мерван — Абд аль-Мелик — Межплеменная вражда — Аль-Мухтар занимает Аль-Куфу — Смерть «убийцам» Аль-Хосейна! — Мусаб разбит — Аль-Куфа взята — Аль-Хаджадж штурмует Мекку — Смерть Ибн Аз-Зубейра	276
ГЛАВА L	
73-86 г. хиджры — Абд аль-Мелик (продолжение) — Аль-Хаджадж — Азарика — Аль-Мухаллаб — Ибн аль-Ашас — Васит — Монетный двор — Ибн Хазим	291
ГЛАВА LI	
86-96 г. хиджры — Аль-Велид — Омар в Медине — Смерть Аль-Хаджаджа — Котейба — Хорасан — Аль-Мултан — Индия — Африка — Испания — Падение Мусы — Слава Аль-Велида	305
ГЛАВА LII	
96-99 г. хиджры — Сулейман — Хорасан — Восстание Котейбы — Язид, сын Аль-Мухаллаба — Нападение на Константинополь	322
ГЛАВА LIII	
99-101 г. хиджры — Омар II. — Падение Язида — Обращение в ислам	327
ГЛАВА LIV	
101-105 г. хиджры — Язид II. — Восстание Язида, сына Аль-Мухаллаба — Нарбонна — Депутация хашимитов — Сборщики хадисов	333
ГЛАВА LV	
105-125 г. хиджры — Хишам — Хашимиты; Алиды и Аббасиды — Аль-Куфа — Юсуф — Зейд — Центральная Азия — Индия — Армения — Африка — Франция — Карл Мартелл — Справедливое правление	340
ГЛАВА LVI	
125-126 г. хиджры — Аль-Велид II. — Язид III. — Хорасан — Наср — Посланники Аббасидов — Наступление Мервана — Компромисс — Смерть Язида III.	360
ГЛАВА LVII	
126-130 г. хиджры — Ибрахим — Мерван II. — Ибн Муавия — Сулейман Ад-Даххак — Хариджиты — Халифат теряет Испанию	366
ГЛАВА LVIII	
64-130 г. хиджры — Вражда арабских племен в Хорасане	374
ГЛАВА LIX	
130-132 г. хиджры — Мерван II. (продолжение) — Аббасиды в Хорасане — Абу Муслим — Бегство Насра — Аль-Куфа взята Аббасидами — Битва при Забе — Смерть Мервана	378

ГЛАВА LX	
132-656 г. хиджры — Династия Аббасидов — Общие черты	389
ГЛАВА LXI	
132-136 г. хиджры — Абуль-Аббас — Хашимия — Преследование Омейядов — Ибн Хубейра — Паломничество Абу Муслима	393
ГЛАВА LXII	
136-158 г. хиджры — Абу Джафар аль-Мансур — Убийство Абу Муслима — Равендия — Хорасан, Аль-Мехди — Восстание Ибрахима — Багдад — Омейяды в Испании — Бармекис — Паломничество — Литература	403
ГЛАВА LXIII	
158-169 г. хиджры — Аль-Мехди — Падение нравов — Манихейцы — Война с Грецией	424
ГЛАВА LXIV	
169-193 г. хиджры — Аль-Хади — Харун ар-Рашид — Никифор — Падение Бармеки — Смерть Харуна в Тусе — Слава его правления	431
ГЛАВА LXV	
193-198 г. хиджры — Аль-Амин — Аль-Мамун — Багдад осажден — Тахир и Харсама — Смерть Аль-Амина	447
ГЛАВА LXVI	
198-218 г. хиджры — Аль-Мамун (продолжение) — Алиды перед выборами — Мятежный Багдад — Али ар-Рида — Вызов Ибрахима халифу — Аль-Мамун в Багдаде — Тахириды — Бабек — Ереси — Блеск правления Аль-Мамуна	456
ГЛАВА LXVII	
218-232 г. хиджры — Аль-Мотасим — Солдаты-тюрки — Самарра — Бебек — Аморион — Ересь Аль-Васика — Ахмед-мученик	473
ГЛАВА LXVIII	
232-247 г. хиджры — Аль-Мутаваккиль — Возврат к ортодоксальности — Указы против иудеев и христиан — Саффарида — Убийство халифа	484
ГЛАВА LXIX	
247-256 г. хиджры — Аль-Мунтасир — Аль-Мустаин — Восстание — Осада Багдада — Аль-Мутааз — Васиф и Бога — Ахмед Ибн Тулун — Аль-Мухтади — Мятеж в Багдаде	491
ГЛАВА LXX	
256-279 г. хиджры — Аль-Мотамид и Аль-Муваффах — Восстание «зенджей» — Саффарида — Династия Тулунидов	504

ГЛАВА LXXI

279-295 г. хиджры — Аль-Мотаид — Аль-Муктафи — Египет — Война с греками 513

ГЛАВА LXXII

Исмаилиты и кармасианцы — Династия Фатимидов — Друзы — Ассасины 517

ГЛАВА LXXIII

295-329 г. хиджры — Аль-Муктадир — Аль-Кахир — Ар-Ради 526

ГЛАВА LXXIV

329-344 г. хиджры — Аль-Муттаки — Вожди Хамдана — Ихшидиды — Аль-Мустакфи — Бувейхиды 533

ГЛАВА LXXV

334-447 г. хиджры — Династия Бувейхидов — Халифы Аль-Мути, Ат-Тай, Аль-Кадир и Аль-Каим 538

ГЛАВА LXXVI

447-575 г. хиджры — Багдад у сельджуков — Тогрил-бег — Аль-Муктади и четверо последующих халифов — Крестовые походы — Взятие Иерусалима — Конец Фатимидов 542

ГЛАВА LXXVII

575-640 г. хиджры — Ан-Насир, его сын и внук — Хорезм-шах — Чингис-хан 549

ГЛАВА LXXVIII

640-656 г. хиджры — Аль-Мустасим, последний из халифов — Хулагу берет Багдад — Халиф предан смерти — Конец династии Аббасидов 552

ГЛАВА LXXIX

659-926 г. хиджры — Лжехалифат при правителях-мамлюках в Египте — Покорение турками-османами 555

ОБЗОР

559

БИБЛИОГРАФИЯ

566

КАРТА

574

Образец цитирования для библиографий: Muir, Sir William. *The Caliphate: Its Rise, Decline, and Fall*. Revised edition by T. H. Weir. John Grant, Edinburgh, 1924 (www.answering-islam.org/Books/Muir/Caliphate/).

ПРЕДИСЛОВИЕ

В СВОЕМ предисловии ко второму изданию, датированному 1891 годом, сэр Уильям Мьюир писал:

«Первоначально этот труд предполагался как сокращенный вариант первого издания, или «Анналов раннего халифата»,¹ с продолжением вплоть до падения Аббасидов; но по мере работы я увидел, что ужасно этот материал гораздо сложнее, чем я поначалу надеялся. Таким образом, результат оказался гораздо объемнее, чем я предполагал. Тем не менее, я уверен, что, несмотря на объем, мой рассказ будет найден небезынтересным; и я вношу его как свою лепту в историю того периода, о котором на английском языке существуют лишь скудные материалы.

Источники, за исключением последних частей, были исключительно арабского происхождения; разумеется, для ранней истории иных и быть не могло. После Табари, умершего в четвертом столетии, моим основным гидом оказался Ибн Асир (умер в 630 году), единственный в своем роде беспристрастный исследователь, основавший свой труд на всех доступных ему источниках. Ближе к окончанию, и в особенности при написании короткой главы о халифате при правлении мамелюков, я больше всего полагался на уважаемый труд Вайля «Деяния халифов» (*Geschichte der Chalifen*),² который, конечно же, служил мне постоянным подспорьем в работе. Выражаю мою глубокую признательность д-ру Вайлю за его последнюю книгу. Чем больше мы изучаем его великую историю в связи с оригинальными источниками, тем большее впечатление производят на нас обширные исследования, безупречная аккуратность и непредвзятые суждения автора.

Я должен здесь упомянуть, что материалы, из которых сплеталась нить нашего рассказа, полностью отличаются от тех, что использовались в жизнеописании Магомета. Что касается последнего, каждый случай из его жизни и каждая черта характера были проиллюстрированы мириадами преданий разной степени доверия: авторитетными, сомнительными и чисто легендарными. Каждый хадис независим и отделен, как правило, краток и самодостаточен. По смерти Магомета на сцену реальной жизни внезапно падает занавес. Хадисы прекращаются, немногие оставшиеся скудны и сжаты. Об основных «спутниках» у нас, конечно, достаточно сведений благодаря их связи с Пророком, и особенно выделяются жизни первых четырех халифов. Но предание, бывшее ранее набором отдельных высказываний, отныне принимает форму связанного повествования, а со временем и стиль обыкновенной хроники; и хотя случаются порой и исключения, например, в описании сражений при Кадесии, «верблюжьей битвы» и Сиффине, рассказ, как правило, становится скупым и бессодержательным. Также эти хроники строго разделяются по годам, главы для каждого года включают все, относящееся к нему, но, как правило, ничего более. Таким образом, прерывается взаимосвязь событий,

¹ Smith & Elder, 1833.

² Том I-III. Мангейм, 1864-1851; IV. и V. Штутгарт, 1860-1862.

происходивших на протяжении нескольких лет, что для связности повествования представляет определенные трудности и неудобства. Но, в общем, этих материалов вполне достаточно для целей историка...

Читателю следует помнить, что мусульманский год, как чисто лунный, на одиннадцать дней короче солнечного, и, следовательно, теряет примерно по три года в столетнем цикле. Еще одна особенность лунного года: как и у иудеев, дата означает возраст луны, но месяц не отражает сезон года. Обычно я привожу даты как по мусульманскому, так и по христианскому летосчислению.

Мусульманские месяцы, с которыми английский читатель не знаком, отмечаются по моему мнению наиболее точно — римскими цифрами, соответственно:

Мухаррам	i.	Раджаб	vii.
Сафар	ii.	Шабан	viii.
Раби I.	iii.	Рамадан или рамзан	ix.
Раби II.	iv.	Шаввал	x.
Джумад I.	v.	Дзул Када	xi.
Джумад II.	vi.	Дзул Хидж	vvvvxi.

Я не всегда был строг, а, возможно, и не всегда последователен, касательно личных имен. Как правило, я придерживался общепринятого написания».

Третье издание, опубликованное в 1899 году, является репринтом второго, с некоторыми исправлениями в тексте.

В настоящем издании использована система транслитерации Королевского Азиатского общества, с некоторыми модификациями, которые были приняты в новом издании «Жизни Мохаммада» сэра Уильяма Мьюира. Несколько незначительных ошибок было исправлено, и мы надеемся, что лишь немногие ускользнули от нашего внимания. При внимательном изучении «Халифата», равно как и «Жизни», сильное впечатление производит предельная аккуратность автора при приведении высказываний из его источников, также как и здравость его суждений при взвешивании доказательств в пользу двух или более противоречивых сообщений.

Говоря о Восточном периоде истории, «Халифат» основывается на хрониках Ибн аль-Асира, жившем и писавшем в Мосуле в начале тринадцатого столетия от р. Х. Сэр Уильям Мьюир прочел весь этот труд и оставил краткий перевод на полях своей копии. Работа Ибн аль-Асира является конспектом и продолжением труда более древнего историка Табари (ум. в 923 г. от р. Х.), публикация которого была завершена лишь недавно. Ценность работы Табари, опять же, в том, что он почти полностью состоит из цитат более ранних источников, некоторые из которых почти были современны описываемым событиям. Все эти люди жили при династии Аббасидов, но этот факт не повлиял на их труды так сильно, как можно было бы ожидать. Омейяды, в целом, не описываются в более мрачных тонах, чем Аббасиды, да и недостатки последних не скрываются. Наихудшие их черты, с нашей точки зрения, нечеловеческая жестокость и

неуважение к жизни, характерны и для тех, и для других. Халифы оправдывались или осуждались на религиозных основаниях; и их портреты, дошедшие до нас, свободны от карикатур и, очевидно, подлинны.

Арабская история по своему характеру практически вся состоит из эпизодов, что, без сомнения, помогает представить себе как основные лица на сцене, так и времена, в которых они действовали. Однако необходимо учитывать и силы, которые формировали и управляли событиями. Сэр Уильям Мьюир придавал полный вес наиболее мощной из этих сил, извечной вражде северных и южных племен арабов; но в деталях она описывается в работе Веллгаузена «Арабское государство и его крушение» (*Das arabische Reich und sein Sturz*),¹ и многие из его наблюдений нашли отражение в настоящем издании. Глава LVIII о соперничестве кланов в Хорасане целиком взята из этой книги. Таким образом, лица и события оказались взаимосвязаны относительно причины и следствия; и читатель меньше рискует не увидеть леса за отдельными деревьями.

История покорения Египта арабами еще не написана. Монография Э.Дж.Батлера по этой теме была опубликована еще до нахождения соответствующих рукописей. В настоящем издании использованы арабские манускрипты из коллекции архиепископа Райнера, отредактированные Дж.Карабасеком, так же, как и греческие рукописи из Британского музея, под редактуру Х.И.Белла. Из последних взяты сведения по управлению страной в конце главы XXII. Наиболее значимые манускрипты касательно этого завоевания, похоже, еще не опубликованы.

Повествование о завоевании Сирии в главах XIII и XVII, это сжатый перевод «Воспоминаний о покорении Сирии» (*Mémoire sur la Conquête de la Syrie*) г-на Ж. де Гежа, бывшего ведущим арабистом своего времени.

Наконец, имена ведущих ученых и исследователей, упоминаются в надлежащих местах, поскольку их влияние более значимо и долговечно, чем влияние халифов. В то же время, не следует забывать, что речь идет об истории халифата, который на своем позднем этапе не имел практически никакого отношения к великим событиям в литературе и науке тех дней.

В заключение, я должен поблагодарить прославленного автора «Арабского государства и его крушения» и его издателя за разрешение использовать этот труд. Корректурa была тщательно проведена моим другом г-ном Джеймсом Робинсоном, М.А., Moncrieff Manse, Аллоа, сверившим также даты и прочие цифры, благодаря кому эта работа не содержит ошибок в деталях. Также все страницы были прочитаны, алфавитный указатель проверен и исправлен M.G.W. И, последнее, я выражаю свою признательность печатникам за ту крайнюю тщательность, с которой они выполнили этот трудный набор. План Багдада

¹ Веллгаузен прочел свою заключительную лекцию перед тем, как оставил кафедру в Университете Геттингена в августе 1913г. Он принялся за изучение арабской литературы только после изучения древнееврейской, но успел пролить даже больше света на арабистику. Мне посчастливилось прочесть большую часть его труда (который, как и все, вышедшее из-под руки этого автора, выше всякой похвалы) в рукописном переводе, сделанном M.G.W. Надеюсь, однажды этот перевод будет завершен и станет доступным для английского читателя.

воспроизведен с позволения представителей «Кларендон Пресс» из буклета «Багдад для иностранца» (*Le Strange's Baghdad*).

Т.Х.УЭЙР.
Университет Глазго,
25-го марта 1915.

ХАЛИФАТ

ЕГО РАСЦВЕТ, УПАДОК И КОНЕЦ

ГЛАВА I

СМЕРТЬ МУХАММАДА, ИЗБРАНИЕ АБУ БЕКРА

11 г. хиджры / 632 г. от р. Х.

Смерть Мухаммада, 13 раби I. 11 г. хиджры, 8 июня 632 г. от р. Х.

СТОЯЛА середина лета 632 года от рождения Христова, когда арабский Пророк скончался.¹ Уже десять лет жил он Медине, и шел одиннадцатый год хиджры, то есть его бегства из Мекки. Мухаммад достиг шестидесяти трех лет; и до своей последней болезни, которая продолжалась всего тринадцать дней, был здоров и энергичен. Его смерть, таким образом, оказалась для Медины неожиданным ударом.

Отъезд Абу Бекра.

За несколько дней до этого жар и лихорадка сильно ослабили его и приковали к постели. Все воскресенье роковой недели он пролежал в прострации, временами впадая в бред. Утро понедельника принесло временное облегчение. Был час ранней молитвы, и молящиеся собирались на площади или во дворе великой мечети, примыкающей к покоям Аиши, где она нежно ухаживала за своим мужем на протяжении всей его болезни. В то утро, почувствовав себя немного лучше, он отодвинул в сторону занавесу от двери и осторожно вышел во двор, где Абу Бекр (будучи уполномочен им же, поскольку Мухаммад оказался прикован к постели) исполнял службу вместо него. По окончании молитв Абу Бекр, заметив, что его господин выглядит свежее, испросил разрешения посетить свою жену, жившую в верхнем пригороде Медины. После его отъезда Пророк, сказав несколько доброжелательных слов своей тете и окружавшим, вернулся с их помощью в покои. Это усилие истощило Мухаммада, силы его оставили, и вскоре он испустил последний вздох на груди своей любимой жены.

Возвращение Абу Бекра; сцена во дворе мечети.

Это случилось чуть позже полудня. Поползли слухи, и вскоре мечеть наполнилась множеством сбитых с толку последователей Мухаммада. Среди них был Омар, который поднялся и, будучи в крайнем возбуждении, утверждал, что Пророк не умер, но просто находится в трансе, из которого он вскоре поднимется и выкорчует лицемеров с лица земли. Абу Бекр к тому моменту уже спешил назад. Он пересек двор, еле поспевая за своим порывистым другом, и вошел в палаты Аиши. Наклонившись, он поцеловал лицо Пророка. «Ты был дорог мне, как отец и мать. Ты был мне услугой в жизни, — сказал он — и остаешься услугой в смерти». Затем он вышел вон и, найдя Омара все еще страстно

¹ См. «Жизнь Мохаммада» сэра Уильяма Мьюира, 4-е издание, стр. 480 и далее.

выступающим перед народом, отвел его в сторону с достопамятными словами: **«Все, верующие в Мухаммада, знайте, что Мухаммад мертв; но все, верующие в Бога, да знают, что Бог жив и не умирает»**. Сказав это, он процитировал несколько стихов из Корана,¹ несомненно, задолго до этого запавших ему на память, в которых говорилось, что Мухаммад смертен, и должен умереть, поскольку и другие пророки до него умерли. Признавая, что священные слова обнаруживали смысл, который никогда еще не открывался ему, Омар стоял в безмолвии. «Все члены мои дрожали», — будет рассказывать он об этом памятном часе, — «и я полностью осознавал, что Мухаммад мертв».

Жители Медины собираются, чтобы выбрать вождя.

Собрание во дворе мечети уже успокоилось, когда прибежал запыхавшийся посыльный с сообщением о том, что жители Медины собрались, чтобы избрать правителя среди себя. Момент был критический. Единство веры оказалось под угрозой. Разделенная власть могла распасться на части, и тогда все будет потеряно. Мантия Пророка должна пасть на одного преемника, и только на одного. Суверенитет Ислама требовал неразделенного халифата; и Аравия не признала бы никакого властителя, который не происходил бы из племени корейшитов. Жребий должен быть брошен, и брошен без промедленья.

Так думали, без сомнения, два главных сподвижника Пророка, услышав эту новость; и, таким образом, в сопровождении Абу Обейды, еще одного из вождей, они поспешили к месту, чтобы по возможности подавить этот заговор в зародыше. По пути два дружественно настроенных мединца, прибывших с бурно проходившего тайного совещания, предостерегли их о риске, которому они подвергали себя, направляясь туда одни, но, тем не менее, они ускорили шаг. Тем временем мединцы, собравшиеся в одном из своих неотделанных залов, уже настроились на независимый лад. «Мы дали приют этому рою пришельцев», — кричали они. «Это остриями наших добрых мечей они смогли насадить веру! Правителем Медины должен быть избран один из нас!» Они уже готовы были остановить свой выбор на Сааде ибн Обаде, вожде Хазраджа, который лежал в дальнем углу зала, укрытый в приступе лихорадки, когда вошли три сподвижника Пророка.

Встреча Абу Бекра, Омара и Абу Обейды.

Они оказались как раз во время; ибо, если бы граждане избрали Саада и поклялись в верности ему, Медина была бы безнадежно скомпрометирована. Омар со своей природной страстностью уже собирался говорить, когда спокойный и решительный Абу Бекр его опередил. «Каждое слово», — промолвил он, — «произнесенное вами, мужчины Медины, в вашу собственную хвалу, верно и более чем верно; но по благородству рождения и по их влиянию племени корейшитов нет равных, и никому иному, но им принесет свою покорность Аравия». «Тогда», — закричали они, — «пусть будет один правитель от вас и один от нас». «Идите прочь!» — воскликнул Омар, — «Двое не могут стоять рядом»; и даже Саад из-под своего покрывала пробормотал, что разделение власти

¹ Сура, iii. 138: «И Мухаммад — только посланник, до которого были посланники. Разве же если он умрет или будет убит, вы обратитесь вспять?»

только ослабит ее. Страсти накалялись. Хобаб закричал в поддержку Саада: «Не слушайте его! Идите ко мне, ибо я — **сильно потертый пальмовый ствол**.¹ Если они откажутся, выгоним их из города». «Порази тебя Господь!» — крикнул Омар Хобабу; и тот ответил ему тем же. Перебранка набирала жару и озлобления. Решив прекратить это во что бы то ни стало, Абу Бекр выступил вперед: «Посмотрите на этих двоих», — сказал он, показывая на Омара и Абу Обейду, — «Решите теперь, кого из них вы желаете видеть своим правителем и поприветствуйте его». «Нет!» — закричали оба в один голос, — «Ты уже служил Пророку, вел молитвы; ты — наш повелитель. Прости вперед свою руку». Он послушался, и они ударили своими руками по его руке (по арабской традиции) в знак преданности. Другие уже собирались последовать их примеру, когда Хобаб вскричал, обращаясь к одному из хазраджей, собирающемуся связать себя обещанием: «Ты перережешь горло своему собственному родственнику?» «Отнюдь нет», — ответил тот, — «Я только воздаю должное тому, кому это положено по праву». Пока они колебались, люди из племени аус, ревнуя к соперникам и их вождю Сааду, говорили между собой: «Если этот человек будет избран, власть навсегда останется у хазраджей».

Абу Бекр избирается халифом.

«Давайте все сразу поприветствуем Абу Бекра, как нашего вождя». Пример был дан, и группа за группой подходила ударить свои руки об руку Абу Бекра, пока не остался один Саад, все еще лежавший укрытым в углу. Признанный, таким образом, мединцами, Абу Бекр не сомневался в своем признании мекканскими «беженцами». Он не только был одним из них, но то, что заболевший Пророк назначил Абу Бекра занять его место при исполнении ежедневных молитв, уже в определенном смысле указывало на него, как преемника Мухаммада. Итак, Абу Бекру было оказано почтение со всех сторон. Ему были возданы почести как халифу² или «преемнику» Пророка.

Погребение Пророка.

Ночь прошла в подготовке усопшего к погребению. Тело было омыто и положено в могилу, которая была вырыта в покоях Аиши, где Мухаммад испустил последний вздох. Наутро жители города, мужчины, женщины и дети, заполнили покои, чтобы в последний раз бросить взгляд на лицо своего Пророка. Затем останки были с благоговением преданы земле.

Инаугурационная речь Абу Бекра.

Погребение закончилось, а во дворе великой мечети все еще не расходились скорбящие. Абу Бекр восшел на кафедру и, садясь, был оглашен как ХАЛИФ. Затем он поднялся и сказал: «О, народ! Теперь я ваш правитель, но я не самый лучший из вас. Если я буду

¹ Имеется ввиду ствол пальмы, оставленный для зверей, чтобы они могли о него тереться; метафора говорит о человеке, способном дать дельный совет. Полностью смысл фразы таков: «Я их любимый и очень потертый ствол, их особая, сгибающаяся под тяжестью плодов, пальма, подпертая стойками (из-за тяжести плодов) и хорошо защищенная шипами (для защиты плодов)». Подразумевается, что он — наибольшая их ценность. См. «Арабско-английский словарь» Лэйна, стр. 397, кол. а, и стр. 1034, кол. с.

² В арабском: «халифа».

хорош, поддержите меня; если плох, тогда поправьте меня. Следуйте Истине, которая заключается в верности; избегайте лжи, которая есть предательство. Слабейший среди вас будет сильнее со мной, пока я не возьму его обид; а сильнейший будет слабейшим, пока, если будет на то Господня воля, я не отберу у него того, что он захватил. Не прекращайте борьбы на стезях Господа; ибо кто прекратит, тот поистине будет Господом унижен. Повинуйтесь мне, как я повинуюсь Господу и его Пророку; если же я окажу неповиновение, то не подчиняйтесь мне. Теперь вознесите свои молитвы, и да будет милостив к вам Господь!» Собрание поднялось для молитвы, и Абу Бекр, впервые в роли халифа, занял место Мухаммада.¹

Али не спешит воздать почести.

Высшая власть, таким образом, попала в руки Абу Бекра без каких-либо помех. Саад ибн Обейда, расстроившись, что его обошли, держался в стороне. Али, как говорят, также отказывался воздать почести Абу Бекру вплоть до смерти своей супруги Фатимы. Странники Али делают вид, что он сам хотел стать халифом. Но ничего из его прошлого или из отношения к нему Пророка не дает оснований для такого предположения. Он действительно был обижен, но совершенно по другому поводу. На следующий день после смерти своего отца Фатима потребовала себе его долю в землях Хайбара. Абу Бекр отклонил требование; оставив доходы от земли, как того желал Мухаммад, для нужд государства. Фатима приняла этот отказ так близко к сердцу, что держалась в стороне от халифа весь недолгий остаток своей жизни. По крайней мере, лишь после ее смерти Али стал признавать титул халифа за Абу Бекром² с некоторой долей радушия.

Фатима — мать Аль-Хасана и Аль-Хосейна.

Фатима была единственным выжившим ребенком Мухаммада. Другие его три дочери, две из которых поочередно были женами Османа, к тому времени уже умерли. Два сына, которых родила Мухаммаду Хадиджа, оба умерли в младенчестве еще в Мекке. Третий, и последний сын Пророка, родившийся в Медине от рабыни Марии, умер в возрасте шестнадцати месяцев. Итак, по мужской линии у Пророка наследников не было. Но от его дочери Фатимы оставались два внука: Аль-Хасан и Аль-Хосейн. К этому времени им было лет шесть-семь.

Избрание Абу Бекра создает прецедент.

С кончиной Мухаммада закончилась его религиозная власть, но его функции правителя, властителя над всем исламом, были переданы по наследству. По арабским понятиям

¹ Руководство публичной молитвой всегда служило в исламе признаком превосходства, как в гражданской, так и в военной жизни.

² Предание относительно Али приукрашено и искажено благодаря стараниям политической фракции, которая в итоге заявила о «божественном» праве наследования для Али и его потомков. Однако нет и тени намека на то, что Али непосредственно утверждал что-либо в этом роде, или что подобное заявление было сделано за него кем-нибудь еще во время халифатов Абу Бекра и Омара. Лишь при выборе преемника после смерти Омара он стал кандидатом, но даже и тогда его притязания основывались на том, что он был одним из главных сподвижников, а не на каком-то предполагаемом праве родства с Мухаммадом, благодаря браку с его дочерью.

лидер нации, подобно вождю племени, является главой и представителем своего народа, и назначение не вступает в силу, пока не подтвердится людским уважением. Впоследствии Омар считал, что необычное избрание Абу Бекра (очевидно это относится к той сцене, что разыгралась в зале) не должно было стать прецедентом. Он говорил, что это событие оказалось крайне удачным по своим последствиям для ислама, но оправдано оно было только безотлагательностью момента. Какие могли бы возникнуть осложнения, будь один из сыновей Мухаммада жив к тому времени, теперь нет смысла гадать. Но, несомненно, переход власти правителя по наследству был чужд арабскому духу. Дела обстояли так, что Мухаммад, кажется, не желал считаться с возможной близостью своей собственной кончины и не сделал никаких распоряжений на этот счет. Но настолько, насколько мы можем предположить, он чувствовал фатальность болезни и близость смерти, назначение Абу Бекра руководителем публичной молитвы (знак признания вождем или делегирования власти) может быть расценено, как видимый признак желания, что тот должен был стать преемником Пророка.¹ Кроме притязаний мединцев, которые быстро отпали, в выборах не было ни сомнений, ни колебаний. Понятие божественного права и даже преимущественного права, дарованного членам семьи Пророка, сформировалось в более позднее время.

Партии в Медине.

Может быть полезным напомнить здесь читателю, память которого о событиях из жизни Пророка не так свежа, о положении партий в Медине на тот момент. **Мединцы** были давними обитателями города, приютившими Мухаммада после его бегства из Мекки и поддержавшими его дело;² теперь из них состояло практически все **коренное** население Медины, в то время как группа, выступавшая против него сразу после его прибытия, постепенно уступила растущей власти Пророка. Мединцы делились на два племени: **аус** и **хазрадж**, ревновавших друг к другу, как мы уже убедились. Помимо них, были еще **беженцы**, то есть, последовавшие за Мухаммадом в изгнание из Мекки или других мест и обосновавшиеся теперь в Медине. К тому же, титул «спутника» или «товарища» давался лишь тому, кто имел честь состоять в особой дружбе с Пророком. Стоит также сказать несколько слов, чтобы освежить память читателя, о трех товарищах, повлиявших на расклад при избрании халифа.

Абу Бекр.

Шестидесятилетний Абу Бекр был невысокого роста, сухощавого телосложения, сутулый, со сгорбленной походкой. У него было тонкое, гладкое и красивое лицо, орлиный нос заострен, лоб высок, глаза глубоко и широко посажены. Волосы были редкими, борода, уже многие годы седая, теперь была выкрашена в рыжий цвет. Несмотря на солидный возраст, лицо его сохраняло привлекательность; выражение было мягким, но мудрым и решительным. Для него вера в Пророка стала второй натурой, и теперь, после смерти своего учителя, ученик жил, чтобы исполнять его волю. Вера придавала силы характеру, от природы мягкому и покладистому, делая Абу Бекра из всех последователей Мухаммада наиболее верным, стойким и решительным.

¹ См. «Жизнь Мохаммада», стр. 500.

² Потому и назывались «ансары», то есть «помощники».

Омар.

Омар был на пятнадцать лет младше, отличаясь от Абу Бекра и внешним видом, и темпераментом. Широкоплечий и рослый, он возвышался над толпою. Немного смуглое лицо его было свежим и румяным. К тому времени он облысел и красил бороду, как и его друг. У него был размашистый шаг и внушительный вид. От природы вспыльчивый и горячий, он закручивал свои усы со злости и тянул их вниз ко рту. Но время смягчило его характер; и при своем властном нраве он оставался мягким и учтивым. Привязанность к Мухаммаду подействовала на двух этих друзей совершенно по-разному. То, что усилило мягкую природу Абу Бекра, послужило для уменьшения горячности Омара. Оба находились в сходных отношениях с Пророком. Хафса, дочь Омара, была одной из любимых жен Мухаммада; но Аиша, дитя Абу Бекра, стала в конце концов королевой в привязанностях Пророка.

Абу Обейда.

От этих двух мужчин зависело в тот момент будущее ислама. Третий, Абу Обейда, по возрасту находился между ними. Тонкий, высокий и мускулистый, он был лысым и носил небольшую бородку. Умеренному, скромному и миролюбивому Абу Обейде оказалось суждено, однако, принять ведущую роль в завоевании Сирии.

ГЛАВА II

ПОХОД НА СИРИЙСКУЮ ГРАНИЦУ

11 г. хиджры / 632 г. от р. Х.

Сирийский поход 11 г. хиджры, 632 г. от р. Х.

АБУ БЕКРУ вскоре представилась возможность показать свою решительность в исполнении последней воли Мухаммада в вещах как больших, так и малых.

Осама назначен Мухаммадом командовать войсками.

Незадолго до своей болезни Пророк распорядился снарядить поход на Сирийскую границу. Целью экспедиции было отомстить за поражение, которое понесли мусульманские армии на поле Мута. Однако, возглавлявший эту армию близкий друг Мухаммада Зейд ибн Хариса, погиб; и потому, ясно обозначив место похода, Мухаммад назначил его сына Осаму, хотя и весьма юного, принять командование и отомстить за смерть отца. Лагерь, включавший всех мужчин, способных сражаться, был разбит в небольшом проходе Джурф за пределами Медины на пути в Сирию. Армия оставалась в бездействии на протяжении всей болезни Пророка, не уверенная в ее исходе. Когда же наступила смерть, Осама свернул лагерь и, принеся обратно знамя, полученное им из рук Мухаммада, водрузил его во дворе великой мечети неподалеку от входа в покои Аиши.

Абу Бекр остается глух к протестам против отправки армии.

На следующий день после инаугурации Абу Бекр взял знамя и возвратил его Осаме, говоря, что тот все еще командующий и должен собрать армию под Джурфом, как это было сделано ранее; и ни один мужчина не должен остаться в стороне. Подчиняясь его распоряжению, все воины Медины и ее окрестностей стекались к лагерю, даже Омар был в их числе. В то время, пока они готовились к отправке, горизонт внезапно потемнел. За сообщением о болезни Пророка вскоре последовали вести о его смерти, распространившиеся по стране с быстротою пожара. Со всех сторон доносились слухи о предательстве и намерениях сбросить ярмо ислама. Воины и сам Осама были решительно настроены против того, чтобы оставить город без защиты, подвергая халифа риску непредвиденной опасности. Омар был выбран депутатом, чтобы изложить все это Абу Бекру, а также довести до его сведения (просьба, которую Мухаммад уже отклонил), что, если он хочет успешного исхода операции, то командование должен принять более опытный военачальник. На первую просьбу Абу Бекр ответил спокойно и непреклонно: «Будь город наполнен стаями хищных волков, а я оставался бы совсем один, войско и тогда должно было бы уйти; ни одно слово, сорвавшееся с уст моего Учителя не должно быть пущено на ветер». От второго требования халиф пришел в ярость: «Пусть мать твоя лишится тебя, о, сын аль-Хаттаба! », — сказал он, схватив Омара за бороду, — «Не назначил ли Пророк Господа человека, чтобы командовать армией, и я, смещая его, назначу на его место другого?» Так Омар вернулся, не достигнув своей цели.

Абу Бекр сопровождает Осаму пешком.

Когда все было готово к отправке, Абу Бекр отправился в лагерь и немного прошел с армией пешком. «Сядь на лошадь», — сказал ему Осама, — «Или я спешусь и пойду рядом с тобой». «Отнюдь нет», — ответил Абу Бекр, — «Я не сяду на лошадь, а немного пройду по земле путями Господа. Поистине, каждый шаг следования путями Господа равен заслугам от разнообразных добрых дел и очищает от множества грехов». Через некоторое время он остановился и сказал Осаме: «Если будет твоя воля, позволь Омару оставить войско, чтобы он мог возвратиться со мною в город для совета и поддержки». Тогда Осама отпустил Омара, и Абу Бекр вернулся с ним в Медину.

Осама возвращается победителем.

Очевидной целью похода Осамы была месть племени Гассан за смерть отца, в сражении с которым тот пал на поле Мута, и Ибн Саад утверждает, что Осама в самом деле убил человека, на чьих руках была кровь его отца. С другой стороны, люди, подвергшиеся нападению, принадлежали к племени Кодаа, и местом завершения похода была, очевидно, Обна, древний «Иавнеил» (Навин хв. 11), недалеко от Средиземного моря, между Аскелоном и Яффой. Поход длился месяц, самое большее два, и если отнять дни, проведенные в пути из Медины и обратно, то на саму операцию времени останется чуть больше, чем на набег разбойников. Это подтверждается фактом, что Осама вернулся в Вади-аль-Кору, не потеряв ни единого воина.

Тем временем волнующие события стали происходить в Медине.

ГЛАВА III

МЕДИНА ПОД УГРОЗОЙ.

11 г. хиджры / 632 г. от р. Х.

Результат действия Абу Бекра; iv-v, 11 г. хиджры, июнь-июль 632 г. от р. Х.

ВПОСЛЕДСТВИИ Абу Бекр с заслуженной гордостью вспоминал об отправке войска Осама, несмотря на всеобщие протесты. Общественное мнение не спешило оправдать этот поступок. Его смелое решение поразило бедуинов прочностью власти халифа. Если бы мединские вожди в 638 году не были уверены в надежном положении своих тылов, они не послали бы свое войско: арабы, рассуждавшие таким образом, оказались удержаны от многого, на что они могли в противном случае решиться. Тем не менее, положение оставалось критическим, а временами и вовсе тревожным.

Смелость халифа.

Это был, безусловно, поступок, которым храбрый старина халиф мог гордиться. «Арабы», — читаем мы, — «со всех сторон восставали. Отступничество и недовольство росло повсюду; христиане и иудеи начали поднимать свои головы; а правоверные были, как стадо овец без своего пастуха: их Пророк умер, число их было малым, а противников множество». И перед лицом таких проблем Абу Бекр бесповоротно отсылает свое единственное войско, оставляя Медину открытой и явно беззащитной.

Восстания по всей Аравии.

Опасность подстерегала повсюду: уже к концу жизни Мухаммада три его соперника, вдохновленные успехом Пророка, претендовали занять его место и уже подняли знамя восстания. На юге мятеж едва затих со смертью «Тайного Пророка» Йемена,¹ когда новости о смерти Мухаммада заставили его разгореться вновь с удвоенной силой. Севернее, в центре полуострова, Мусейлима собирал преданные ему сильные племена вокруг Аль-Йемамы.

А к северо-востоку, еще ближе к дому, Толейха, третий претендент, стал открыто проявлять серьезную враждебность. С каждой части полуострова одна за другой приходили вести о возрастающем недовольстве. Сборщики десятины (подати, ненавистной бедуинам), наместники и представители Мухаммада по всем районам бежали сами или изгонялись. Правоверные, где бы ни находились, подвергались нападению, некоторые мученики были зверски убиты. Мекка и Аль-Таиф вначале заколебались, но в итоге, находясь под сильным влиянием корейшитов, устояли. Но они были почти одни. То там, то сям отдельные племена сохраняли лояльность, а, возможно, пытались выиграть время, их вожди лишь поддерживали видимость повиновения; но они были едва

¹ «Жизнь Мухаммада», стр.478 и далее.

различимы среди бурлящей массы восстаний. Амр, спеша назад из Омана (куда он был отряжен Мухаммадом во время его последнего паломничества), видел по пути через всю центральную Аравию либо открытое отступничество, либо готовность разорвать отношения при первом требовании десятины; и его сообщение исполнило сердца жителей Медины тревогою. По правде говоря, ислам никогда не был прочен в отдаленных районах; а что касается бедуинов, то у самого Мухаммада не было недостатка в поводах для упреков в непостоянстве. Скорее страх наказания и жажда наживы под знаменами Пророка, чем приверженность вере, до сих пор удерживали под контролем этих диких сынов пустыни. Ограничения и требования ислама были для них утомительной и неприятной обязанностью, и теперь, освободившись от них, они снова возвращались к своей незаконной жизни.

Медина в опасности.

Получая донесение за донесением о новых изменах, Абу Бекр мог лишь поручать разбросанным повсюду посланникам, где только они были в силах, сохранять вместе лояльное меньшинство в отчаянной надежде пережить кризис до возвращения армии Осамы. Для непосредственной защиты Медины он принимал все меры, какие были возможны. Были призваны сохранявшие верность соседние племена и выставлены караулы на разных подходах к городу. Вздурораженные кланы из близлежащей пустыни оказались первыми, кто занял угрожающую позицию. Бени Абс и Зубьян сосредоточились поблизости в таком количестве, «что земля сжалась от них». Они разделились на две части: одна двинулась к Ар-Рабазе, другая к Зуль-Кассе, первой стоянке от Медины на пути в Неджд. Лжепророк Толейха послал своего брата воодушевить восставших; но они все еще колебались в выборе между его утверждениями и исламом. Наконец они нашли для себя компромисс. Делегация предложила сохранить ислам и его ритуалы, если им отменят десятину. Посланцы, принесшие эту весть, были гостеприимно встречены вождями Медины, но халиф негодуя отклонил их предложения. Он не собирался уступать ни йоты в узаконенных сборах. «Даже если вы удержите лишь привязь от верблюда, предназначенного для десятины», — ответил Абу Бекр резко, — «я буду биться с вами из-за нее». Получив отказ, они удалились, приметив для себя, что в городе осталось очень мало защитников. Настал подходящий момент не только для разбоя, но для решительного нападения на Медину. Предвидя такую возможность, Абу Бекр удвоил меры предосторожности. Он усилил караулы, поставив над стражей тех единственных трех вождей, остававшихся с ним: Али, Талху и Аз-Зубейра. Для остального народа он назначил сбор у большой мечети. «Земля восстала против нас», — сказал он, — «они прознали про нашу наготу и слабость обороны. Мы не знаем, нападут ли на нас ночью или днем, и на кого из нас нападут первым. А потому, будьте бдительны и ко всему готовы».

Нападение отражено.

Так и случилось. Они получили отсрочку на три дня, после чего от Зуль-Кассы была предпринята неожиданная атака. Заставы были начеку и не подпустили противника, пока основные силы спешили на выручку от мечети на верблюдах. Бедуины, едва ли ожидавшие такого горячего приема, бросились назад к своим резервам. За ними пустились в погоню; но мятежники, надувая свои бурдюки для воды, бросали их, сильно

раздувшимися, перед верблюдами мусульман. Непривычные к военным хитростям животные испугались и бросились бежать обратно к мечети. Никто не был убит или ранен, но неудача лишь раззадорила мятежников. Абу Бекр, предвидя возобновление атаки, призвал всех мужчин, способных держать оружие, и провел ночь в укреплении своего войска. Следующим утром, еще до рассвета, он сам повел небольшой отряд в обычном боевом порядке с центром и двумя флангами. Противник был застигнут врасплох на рассвете, а к восходу солнца уже опрокинут и обращен в бегство. Абу Бекр изгнал их, нещадно рубя, из Зуль-Кассы и, оставив часть своей небольшой армии там заставою, возвратился в Медину.

Важные итоги победы.

Сражение было незначительным, но результат его оказался огромен. Насколько бедственным было бы поражение, возможно, даже гибельным для ислама, настолько же победа оказалась поворотным моментом его успеха. Слухи о силе преемника Пророка, сумевшем защитить город даже без армии, распространились молниеносно. И вскоре после этого дух мусульмане стали приободряться духом при виде несущих десятину вождей. Племена, которых те представляли, были немногочисленны по сравнению с ордами отступников, но это послужило предзнаменованием более светлых дней. Первыми, таким образом, принесли свои законные приношения халифу депутаты от Бени Темим и Бени Тай. Каждый из них вводился в присутствие халифа как посол. «Нет», — сказал Абу Бекр, — «они больше, чем это; они — Посланники добрых вестей, верные люди и защитники веры». И люди ответили: «Истинно так; теперь добрые вести, которые ты обещал, начинают сбываться».

Спасение ислама благодаря Абу Бекру.

Предание с уважительной благодарностью приписывает сохранение ислама вере и стойкости стареющего халифа. «После смерти Мухаммада (так гласит запись) требовалось совсем немного, чтобы окончательно погубить правоверных. Но Господь укрепил сердце Абу Бекра и утвердил нас, таким образом, в решении не поддаваться ни на минуту отступникам; отвечая им только тремя словами: **подчинение, изгнание** или **меч**». Это простая вера Абу Бекра сделала его пригодным для своей ноши, она помогла ему исполнить закон своего Учителя до последней буквы. А без него ислам мог бы раствориться в компромиссе с бедуинскими племенами или, что еще более вероятно, погибнуть в муках рождения.

ГЛАВА IV

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОСАМЫ. ЭКСПЕДИЦИИ ПО ВСЕЙ АРАВИИ ПРОТИВ ОТСТУПНИКОВ.

11г. хиджры / 632 г. от р. Х.

Возвращение Осамы, vi. 11 г. хиджры, сент. 632 г. от р. Х.

ОСАМА, наконец-то, возвратился из своей экспедиции, и Медина вздохнула с облегчением. Пятая часть добычи (сохраненная в соответствии со священным постановлением для государства) была доставлена халифу, и распределена им среди населения. Этот демонстративный поход выполнил стоявшую перед ним задачу, успокоив совесть Абу Бекра, а также, вероятно, послужив горстью песку в глаза враждебных бедуинов, заставив их поверить, что халиф сильнее, чем есть на самом деле.¹

Поход против Бени Абс и Зубйан.

Абу Бекр не терял времени, стараясь извлечь как можно больше выгод из победы, одержанной над повстанцами. Изгнанные из Зуль-Кассы они бежали к ар-Рабазе, отводя душу в жестоких убийствах нескольких верных последователей Пророка, еще оставшихся среди них. Сильно задетый их злой участью, Абу Бекр поклялся, «что он уничтожит подобной смертью столько же из них, сколько они убили — и даже больше!»

Абу Бекр карает восставшие племена у Рабазы.

Оставив Осаму во главе города и небольшого войска, которое должно было хоть немного пополнить свои ряды, Абу Бекр с маленьким отрядом направился к ар-Рабазе. Вожди были против того, чтобы халиф сам принимал участие в сражениях. Если бы на поле брани пал командир, его место без труда занял бы другой, но в случае потери халифа они утратили бы главу и учителя. «Э, нет», — возразил Абу Бекр, — «я пойду впереди и буду вашим командиром, даже, буду как один из вас». Итак, они двинулись вперед, и полностью разгромили врага, часть мятежников убив, а остальных взяв в плен. Племена Абс и Зубйан бежали к Толейхе и соединились с его армией у Аль-Бузахи. Тогда Абу Бекр конфисковал их пастбища, чтобы иметь постоянный резерв из государственных лошадей и верблюдов. Через какое-то время мятежники согласились сдаться, и, в конечном счете, обрели себе вполне достаточную компенсацию в завоеванных землях за пределами Аравии.

Ислам должен быть восстановлен по всей Аравии.

Довольный этим успехом, халиф возвратился в Медину. Армия тем временем была переукомплектована. С приведенных к повиновению соседних племен начала поступать десятина. Медина больше не была в опасности, и граждане вздохнули свободно. Но на

¹ Ибн Аль-Асир, ii., стр. 254.

халифе все еще лежало тяжкое бремя. Сохраняя кое-где остатки, вера исчезала, и арабы на всем полуострове снова впадали в отступничество. Однако исламу предстояло стать верою для всей Аравии; — «По всей стране не должно быть другой веры», — таково было повеление Мухаммада на его смертном одре. Лжепророки должны быть сокрушены; мятежники подавлены; отступникам надлежит раскаяться, иначе они будут истреблены; и превосходство ислама должно быть восстановлено. Вот в чем, если коротко, состояла миссия Абу Бекра по исполнению воли умирающего Пророка.

Одиннадцать экспедиций направляются в разные части Аравии.

С этой большой задачей Абу Бекр во второй раз отправился в Зуль-Кассу, созвав туда все верные исламу войска и всех оставшихся лояльными вождей. Он разделил свои силы на одиннадцать независимых отрядов, назначив каждому определенного лидера, которому он (по примеру своего учителя) вручил знамя. Аравия была разделена на части, и каждому отряду было определено место действий с приказами касательно похода, откуда начать движение и какое выбрать направление. Так, Халиду надлежало подчинить Толейху; а Икриме с Шурабилем — Мусейлиму. Аль-Мухаджир был послан в Йемен; Аль-Ала в Аль-Бахрейн; Хозейфа в Магру; а Амр против Бени Кодаа. В соответствии с этим грандиозным планом, с течением времени, ни одно место не должно было остаться непокоренным. Лишь немногие воины остались дома; но теперь было достаточно и этих немногих.

Призыв к отступникам раскаяться. viii. 11 г. хиджры, окт. 632 г. от р. Х.

Распорядившись об отправке экспедиций по различным направлениям, Абу Бекр возвратился в Медину. Его первой заботой было обнародовать ультиматум к отступническим племенам, повелевая им повсеместно раскаяться и покориться, на основании чего они будут прощены и приняты обратно в ислам. Те, кто откажутся, подвергнутся нападению, взявшие в руки оружие мужчины будут порублены на куски, а их женщины и дети взяты в плен. Это обращение было доставлено через посланников в каждый район и в каждое из восставших племен. Азан, или призыв на молитву, стал проверкой веры: если его слушали и отвечали, все было хорошо; если же нет, то люди признавались отступниками и преследовались уже до конца.

Абу Бекр больше не принимает личного участия в военных действиях.

Абу Бекр никогда больше не покидал Медину для непосредственного руководства своими войсками. Некоторые говорят, что он сожалел об этом; но не похоже, чтобы это было так. Медина, столица, оказалась для него самым подходящим местом. Оттуда, как из центрального пункта, он мог управлять движением своих командиров по всему полуострову; и для того, чтобы держать под контролем операции на столь обширных территориях, лучшего места было не найти.

Ни один из основных соратников не назначен на командующие посты.

Не вполне понятно, почему он не назначил никого из наиболее выдающихся соратников Мухаммада на командующие посты. Такой же политики придерживался впоследствии Омар, объясняя это частично тем, что занятие таких постов требовало подчинения, несовместимого с их достоинством, но основной причиной было стремление укрепить свою власть, имея под рукою таких советников. Последняя причина, несомненно, имела место и в случае с Абу Бекром, который по всем важным вопросам привык советоваться с главными товарищами Пророка. Однако странно, что столь выдающиеся в сражениях Мухаммада мужи, как Али или Аз-Зубейр, должны были теперь на какое-то время оставить поля сражений.

ГЛАВА V

АРАВИЯ ПОКОРЕНА. ПОХОД ХАЛИДА.

11 г. хиджры / 632-633 г. от р. Х.

Год борьбы за подчинение Аравии.

НАСТАЛО, несомненно, время для решительных действий. Еще несколько недель назад весь полуостров повиновался требованиям Мухаммада как Пророка и как властелина. Теперь все так внезапно изменилось, и арабы стали быстро отречься от ислама и впасть в отступничество, предпочитая независимость. Чтобы вернуть себе назад полуостров, мусульманам потребовался целый год: год тяжелой борьбы с упорным сопротивлением в каждом уголке страны. И лишь тот неукротимый дух, что Мухаммад вдохнул в своих верных последователей, был способен принести им победу. В конце концов, арабы были вынуждены покориться и против своей воли признать религию Мухаммада, подчинившись его преемнику.

Детали скупы и неясны.

Краткого описания двенадцатимесячной кампании будет вполне достаточно; поскольку предание, ясное и подробное вплоть до смерти Пророка, внезапно становится скудным, немногословным и разобщенным. Состояние смятения, в котором пребывала вся страна, предстает перед нами в неопределенных, смутных и туманных очертаниях. Пока шла борьба за само существование ислама, его последователи думали лишь о копьях и мечах; и когда эта борьба, наконец, была окончена, немногие сохранившиеся записи передают лишь ощущение избавления от ужасной опасности. Не указаны даты многих сражений, произошедших за этот год. Мы можем только предполагать последовательность событий.

По этой причине мы начнем с походов Халида на север и восток, а затем остановимся на других районах в порядке их расположения вдоль побережья, начиная Аль-Бахрейном в Персидском Заливе, и заканчивая Йеменом на Красном море.

ЗАВОЕВАНИЯ ХАЛИДА

I. *Война с Толейхой.*

Халид ибн Велид.

После Абу Бекра и Омара наиболее выдающейся фигурой раннего периода ислама, несомненно, является Халид, сын аль-Велида. То, что вера так быстро возвращала свои позиции и затем распространялась с такой непостижимой скоростью, в большей степени заслуга именно его, чем кого бы то ни было. Удалой солдат, храбрый до безрассудства, но смелость его уравновешивалась спокойными и здравыми суждениями. Его ведение военных операций предрешило судьбу персидской империи и власти Византии над Сирией, возведя Халида в число величайших полководцев мира. Снова и снова, всегда с совершенным искусством и подлинным героизмом, оборачивал он удачу к себе лицом в моменты кризиса, когда поражение могло привести к крушению ислама. Из-за кровавой резни, устраиваемой его армиями, Халида прозвали «Мечом Божиим»; и он так мало ценил жизнь, что мог сочетаться с вдовой своего врага на земле, еще влажной от крови его же воинов. Он был уже отмечен в летописях ислама. Поражение Пророка при Оходе, в то время, когда Халид сражался на стороне корейшитов, было обязано главным образом его мастерству. После обращения именно его отряд отказался вложить мечи в ножны при захвате Мекки, вопреки воле Мухаммада проливая потоки крови; а вскоре после этого Халид вновь затеял жестокую резню, расправившись с безобидным племенем, что повлекло сильные упреки Пророка. Еще в сражении при Муте Халид подал надежды своего великого будущего: когда армия мусульман была разбита римскими легионами, а ее вожди пали один за другим, именно он спас от гибели разрозненные остатки, благодаря искусной и смелой тактике. Вот каков был этот Халид, которого посылал теперь Абу Бекр на затеявших мятеж пророков Толейхи и Мусейлиммы.

Халид выступает против Толейхи.

Отряд Халида, будучи гораздо сильнее других, включал в себя весь цвет беженцев из Мекки и граждан Медины. Чтобы отвлечь внимание врага, Абу Бекр пустил слух, что армия направляется к Хейбару; и, чтоб нагнать страху добавил, что сам халиф присоединится к ней там со свежими силами. Халид, однако, вскоре оставил направление на север. Круто повернув направо, он взял курс прямо на горную гряду, месту нахождения племени Бени Тай, что неподалеку от мятежного племени Бени Асад, где верховодил Толейха.

Толейха.

Нам мало что известно об учении Толейхи или других претендентов на место Пророка; ничего, в действительности показывающего, в чем же состоял секрет их влияния. По всей видимости, их служение было простой пародией ислама. Несколько скверных стишков и инфантильных высказываний — вот все, что презрительный голос предания донес до нас из их учений. Эти четверо претендентов (ибо в их числе была и Саджа-пророчица), появившиеся именно тогда в различных частях Аравии, чтобы привлечь к себе множество людей, кажется, подразумевали нечто более глубокое, чем набор бессмысленных рифм и

более привлекательное, чем незначительные вариации мусульманских обычаев. Вполне разумно предположить, что духовные искания аравийцев получили толчок от проповеди Мухаммада, а его пример как подтолкнул на этот путь других, так и способствовал их стремительному успеху.

Ревность бедуинов к Мекке и Медине.

Ревность к Мекке и Медине и, помимо того, нетерпимость уз ислама, оказались сильным побуждением для бедуинских племен, чтобы разделить жребий с этими претендентами. Так, племя Бени Гатафан, состоявшее ранее в союзе с племенем Бени Асад, теперь расторгло договор, утратив часть пастбищных земель. Ойна, их вождь, советовал восстановить их прежние отношения. «Давайте вернемся, — говорил он, — к стародавнему союзу, что был у нас с Бени Асад до ислама, ибо, если бы мы им не пренебрегли, то не знали бы нашим пастбищам границ. Наш собственный пророк лучше, чем пророк корейшитов. Кроме того, Мухаммад мертв, а Толейха жив». Говоря так, Ойна с семьями своих воинов присоединился к Толейхе и его армии в Аль-Бузахе.

Возвращение племени Бени Тай.

При первых же слухах о ереси Толейхи, Мухаммад отправил своего посланника для воодушевления правоверных из племени Бени Асад, чтобы сокрушить претендента. Но ересь уже пустила корни, получая поддержку как в соседнем племени Бени Тай, так и от мятежников, стекавшихся отовсюду к Толейхе после их разгрома при Рабазе; и посланник Пророка вынужден был бежать. Большой род Тай, однако, не полностью был неверен, ибо (как упоминалось выше) необходимые налоги уже заплатил Абу Бекру за некоторых из них Ади, их преданный вождь, посланный теперь Халидом вперед в надежде отвратить его людей от ереси Толейхи. Они встретили его недружелюбно. «Отец жеребенка! — кричали они (это было презрительное прозвище Абу Бекра¹), — Ты не дожدهшься от нас почтения к нему». «Хорошенько все продумайте, — ответил Ади, — Наступает армия, которой вы не сможете противостоять. И вскоре вы убедитесь, что он совсем не жеребенок, а сильный жеребец. Поэтому обдумайте все это». Обеспокоенные его словами, они попросили дать им время, чтобы отозвать своих соплеменников, присоединившихся к Толейхе; «ибо, — говорили они, — он непременно возьмет их в заложники или еще убьет их». Потому Халид сделал привал на три дня, и, в конечном счете, целое племя не только подчинилось ему, но и присоединилось вместе с тысячью лошадей, «весь цвет земли Тай и самые смелые из них».

Битва при Бузахе.

Получив, таким образом, подкрепление, Халид двинулся против Толейхи. Продвигаясь вперед, его армия была выведена из себя, найдя тела двух своих разведчиков. Один воин, по записям именуемый Оккаша, был убит и брошен Толейхой на дорогу, чтобы быть растоптанным. Армии встретились у Аль-Бузахи, и бой был горячим и продолжительным. Наконец, в ходе битвы наступил перелом, причем, из-за странного высказывания Толейхи,

¹ *Абу Бекр* означает «Отец верблюжонка», поэтому они дали ему прозвище «Абу'ль-Фазиль», т.е. «Отец жеребенка».

сражавшегося в своем пророческом одеянии из шерсти. Ойна смело держался со своими семьями воинами, когда ситуация стала критической. Он обернулся и спросил: «Есть ли какое-нибудь послание от Гавриила?» «*Нет еще*», — отвечал пророк. И во второй раз он спросил, и получил тот же самый ответ. «Да! — воскликнул Толейха чуть позже, — теперь послание пришло ко мне». «Так о же чем оно?» — нетерпеливо спросил Ойна. «Вот что говорит мне Гавриил: “*У тебя будет жернов, как у него, и того, что случится, ты не забудешь!*”» «Прочь! — воскликнул Ойна презрительно, — Несомненно, Господь знает, что случится, и ты это не скоро забудешь! Эй, все по своим шатрам!» И вот, они обратились вспять, и вскоре уже вся армия бежала.

Будущее Толейхи.

Толейха бежал со своей женой в Сирию. Дальнейшая его судьба любопытна. Вначале он вел жизнь беженца среди одного племени, кочевавшего близ сирийской границы. Когда племя Бени Асад получило прощение, он вернулся домой и принял ислам. Проходя через Медину вскоре после паломничества в Мекку, он был схвачен и доставлен к Абу Бекру, который освободил его со словами: «Оставьте его. Господь теперь поистине наставил его на верный путь». Когда пост халифа перешел к Омару, Толейха оказал ему почтение.

Поначалу Омар говорил с ним резко: «Ты убил Оккашу, а также его товарища. Ты мне не нравишься». «Не лучше ли, — ответил бывший пророк, — то, что они от моей руки обрели славу мучеников, чем если бы я от их рук сгорел бы в адском огне?» Когда он поклялся в верности, халиф спросил его относительно пророческого дара, сохранилось ли что-нибудь от него еще. «Э-э, — ответил тот, — это был лишь пшик или два, как воздух, выходящий из кузнечных мехов». Вот так, он вернулся к своему племени и отправился с ними дальше на войну в Аль-Ирак, где в сражениях с Персией он обрел славу героя. прославленным героем.

Раскаявшиеся племена вновь возвращены в ислам.

После Аль-Бузахского сражения Бени Асад, опасаясь, что их семьи могут погибнуть от рук победителей, подчинились, и были прощены. Другие сильные соседние племена, стоявшие в стороне и наблюдающие за ходом битвы, также сдались, получив от Халида те же условия. Они вновь стали исповедовать ислам со всеми его установлениями и в подтверждение этого заплатили десятину. На основании этого было получено полное прощение, но при одном условии, что те, кто в период отступничества убил хоть одного мусульманина, должны быть доставлены к Халиду. Их предстояло теперь (во исполнение клятвы, данной халифом) казнить той же смертью, какую они причинили. И если они пронзали свои жертвы копьем, бросали их в пропасть, топили в колодцах или сжигали в огне, теперь их ожидала та же жестокая участь.

Основная часть мятежников разгромлена.

Халид оставался в Аль-Бузахе в течение месяца, принимая подчинившихся людей и их десятину. Отряды всадников прочесывали местность, сея ужас повсюду. И только на одном направлении было встречено серьезное сопротивление. Основная часть мятежников

из раскаявшихся племен, не желая подчиниться, вела себя вызывающе. Им еще предстояло узнать, насколько жестка хватка ислама. Они собрались в большом количестве вокруг Ум Зимли, дочери одного из вождей Гатафана. Ее мать была взята в плен и обречена Мухаммадом на жестокую смерть. Сама она должна была прислуживать Аише, как рабыня-прислуга в хозяйстве Мухаммада; но она не утратила величественного духа своего рода. Сидя на боевом верблюде своей матери, она сама вела армию и побуждала мятежников к смелому сопротивлению. Халид объявил щедрое вознаграждение тому, кто покалечит ее верблюда. И вскоре тот был ранен, а Ум Зимль убита; разгромить войско мятежников оказалось просто.

Прощение Ойины.

Несколько главных мятежников было представлено пленниками Абу Бекру. Среди них был Ойна, известный главарь мародеров, нередко служивший ужасом самой Медине. Когда город был осажден корейшитами, он предложил свою помощь Пророку на унижительных условиях, которые, к счастью, были отклонены; и он был также одним из влиятельных лидеров, «чьи сердца» после битвы при Хонейне «были примирены» щедростью Пророка. И теперь его вели в Медину вместе с другими мятежниками в цепях, со связанными за спиной руками. Граждане толпились вокруг, чтобы поглазеть на поверженного вождя, и даже дети били его своими ручками с криками: «О, враг Господа, отступник!» «Вовсе нет, — отвечал Ойна смело, — я не отступник, потому что никогда не был верующим до сего момента». Халиф терпеливо внял просьбам пленников. Он простил их и приказал освободить.¹

II. Поражение племени Бени Темим. История Малика ибн Нувейры. Наступление Халида, 11 г. хиджры, (ноябрь?) 632 г. от р. Х.

Подчинив племена, населяющие холмы и пустыни к северу от Медины, Халид отправился на восток, против племени Бени Темим, живущего на плоскогорье возле Персидского залива.

Бени Темим.

Это большой род, состоявший частично из христиан, частью из язычников, с незапамятных времен разбросавший свои бесчисленные ответвления по пастбищам между Аль-Йемамой и устьем Евфрата. Как и остальная Аравия, они признали Мухаммада и подчинились его требованиям. Но смерть Пророка породила среди них такое же отступничество, как и повсюду. После первых успехов Абу Бекра некоторые из вождей, как мы уже видели, прибыли в Медину с десятиной. Тем временем возникло странное осложнение, поднявшее Бени Йербу (один из их кланов под командованием знаменитого Малика ибн Нувейры) на войну с частью своего же племени, что в конечном счете и привело к появлению на сцене Халида.

Вторжение в Центральную Аравию Саджи, пророчицы.

¹ Про мать Ум Зимль см. «Жизнь Мухаммада», стр. 348; и про Ойину там же, стр. 289, и далее.

Осложнением оказалось не что иное, как вторжение Саджи, предводительницы огромного войска, из Месопотамии. Ее семья происходила из племени Бени Йербу, позже переселилась на север и присоединилась к племени Бени Таглиб, в рядах которого в Месопотамии Саджа оказалась обращенной в христианство. Как давно она открыла в себе пророческое предназначение, и в чем состояли ее особые убеждения, мы не знаем. Во главе Таглиба и других христианских племен она теперь пересекала Аравию в надежде использовать создавшееся смятение и напасть на Медину. Достигнув поселения Темим, она позвала к себе Бени Йербу, свой собственный клан, и пообещала им царство, если ей будет дарована победа. Они встали под ее знамена во главе с Маликом ибн Нувейрой. Другие кланы Темима отказались признать ее пророчицей; и потому, отложив свои планы в отношении Медины, она обратила свое оружие на них. В ряде сражений, несмотря на поддержку Малика, она потерпела поражение. Затем, заключив договоры и обменяв пленных, она вспомнила об атаке на пророка-конкурента Мусейлиму, и направила свое войско к Аль-Йемаме.

Малик ибн Нувейра.

С приближением окрыленного победой Халида, многие из кланов Темима поспешили подчиниться. В этот критический момент, когда Саджа покинула его, Малик ибн Нувейра с кланом Йербу оказался в замешательстве, не зная, как поступить. Противоречивые взгляды в отношении лояльности Малика раскололи лагерь мусульман. По каким-то причинам Халид склонялся к нападению на Йербу. Мединцы были столь же решительно настроены против такого плана, утверждая, что для нападения нет никаких оснований. Халиду стоило прислушаться к их мнению. Но он ответил заносчиво: «Я здесь командую, и решать мне. Я выступлю против Малика с теми, кто захочет идти со мной. Я никого не заставляю». И он двинулся вперед, оставив недовольных позади. Те, впрочем, поразмыслив обо всем, присоединились к его войску. Халид, таким образом, в полном составе напал прямо на лагерь Малика, но не нашел на месте ни души. Там было абсолютно пусто.

Малик становится пленником Халида.

Действительно, Малик имел намерение подчиниться, однако его гордый дух противился тому, чтобы предстать перед Халидом. Он знал правила Абу Бекра, что никому, кроме тех, кто сопротивляется или не отвечает призыву на молитву, не должна грозить опасность. Поэтому он сказал своим людям, что больше не имеет смысла противиться этой новой силе, но что, подчинившись, они смогут переждать, пока эта волна их минует. «Ломайте свой лагерь, — сказал он, — и отправляйте каждого домой». Халид, все еще склонный рассматривать окрестности как вражескую территорию, разослал повсюду отряды, чтобы убивать, грабить и брать в плен каждого, кто откажется ответить на призыв к молитве. Среди прочих был схвачен Малик со своей женою и частью его людей. Когда их обнаружили, они отвечали, что являются мусульманами. «Для чего тогда это оружие?» — спросили их. Они сложили оружие и как пленники были отправлены в лагерь мусульман. Когда они проходили мимо Халида, Малик громко крикнул ему: «Твой учитель никогда не приказывал такого!» «Твой учитель, — промолвил Халид — так ты сказал? Тогда, мятежник, по твоему собственному признанию, он не твой!»

Малик ибн Нувейра казнен.

Свидетельства тех, кто захватил пленных, разнились. Одни утверждали, что пленники оказали сопротивление. Прочие же, мединцы во главе с Абу Катадой, показали, что те провозгласили себя мусульманами и сразу ответили на призыв к молитве. Так что пленники до утра оставались под вооруженной охраной. Ночь была холодной и ненастной, и Халид, чтобы защитить людей от непогоды (как он утверждал позднее), приказал «укутать пленников». Слово было двусмысленным, на одном из наречий оно означало «убить», и Дирар, начальник стражников, поняв приказ в этом смысле, начал всех, включая ибн Нувейру, рубить мечом. Услышав шум, Халид поспешил на место; но все уже было кончено, и он, уходя, воскликнул: «Если Господь предназначал что-то, то так поистине и произойдет». Но судьба Малика не была так просто оставлена без внимания. Мединцы, которые выступали против нападения, были шокированы его ужасной участью. Абу Катада открыто заявил об ответственности Халида. «Это твоя работа!» — говорил он; и, несмотря на упреки, настаивал на обвинении, заявляя, что никогда не будет сражаться под знаменем Халида. Вместе с Мутеммаммом, братом ибн Нувейры, он сразу же отправился в Медину, и там подал халифу официальную жалобу. Омар взялся за дело вождя Йербу со всей своей природной импульсивностью. Халид дал повод к обвинениям своим противникам, сочетавшись с Лейлой, красивой вдовой своей жертвы, прямо на поле боя. Из этого скандального происшествия Омар сделал самое худшее заключение.

Его вдова становится женой Халида.

«Он злоумышлял убить правоверного, — заявил Омар — и войти к его жене». Он был настойчив с Абу Бекром, что преступник должен быть разжалован и взят под стражу, говоря: «Меч Халида, обогранный в ярости и насилии, должен быть вложен в ножны». «Нет! — отвечал халиф (про которого сказано, что он никогда не разжаловал ни одного из своих командующих) — Меч, который Господь обнажил против язычников, могу ли я вложить в ножны? Да не будет этого никогда!» Как бы то ни было, он призвал Халида к ответу на обвинение.

Халид оправдан Абу Бекром.

Халид подчинился призыву. Добравшись до Медины, он сразу же отправился к великой мечети, и вошел туда в походном одеянии, облаченный в одежду, грязную от висевшего на поясе ржавого оружия, с истыканным стрелами тюрбаном, грубо обмотанным вокруг головы. Когда он проходил по двору, направляясь к покоям халифа, то повстречался с Омаром. Тот, не в силах сдержаться, выхватил из тюрбана воина стрелы, и, сломав их о свое плечо, обозвал Халида лицемерным убийцей и прелюбодеем. Не зная, разделяет ли это мнение Абу Бекр, Халид не проронил ни слова в ответ, и прошел в покои халифа. Там он изложил Абу Бекру свою версию, и тот принял его оправдания; однако грубо отчитал за то, что он взял в жены вдову своей жертвы, и оскорбил чувства арабов, непристойно празднуя свадьбу на поле боя. Выйдя от халифа с облегчением, Халид слегка посмеялся над Омаром, давая понять, что он был оправдан. Тогда Мутеммам стал настаивать, чтобы

ему выплатили компенсацию за смерть брата и отпустили всех оставшихся пленников. Абу Бекр распорядился пленников выпустить, но просьбу о выплате отклонил.

Но не прощен Омаром.

Омар, по-прежнему не уверенный в невиновности Халида, советовал снять его с поста командующего. Он настойчиво убеждал в этом Абу Бекра, который, наконец, ответил: «Омар, оставь его в покое! Удержи свой язык от Халида. Он отдал приказ, но приказ был неверно понят». Но Омар не внял этим словам. Он не простил, не забыл, и последствия этого мы увидим позже.

Скандал из-за этого дела.

Скандал расширялся, поскольку Малик ибн Нувейра был вождем, известным своей щедростью, благородством и добродетелями, равно как и поэтическим даром. Его брат Мутеммам, также неплохой поэт, воспел его трагический конец во многих щемящих душу строках, которые Омару так нравилось слушать, приговаривая: «Будь я сам поэтом, я не знал бы более высокой цели, чем оплакивать судьбу своего брата Зейда», который вскоре после того пал при Аль-Йемаме.

Мы располагаем слишком скудными материалами, чтобы судить о вине или невиновности Халида. Но его скандальный брак с вдовою ибн Нувейры, чья кровь еще не просохла на том же самом поле, если и не сгущает мрак подозрений, в любом случае, оправдывает предъявление обвинения в бессовестном потворстве своим похотям и полнейшем пренебрежении к элементарным приличиям.

III. Битва при Аль-Йемаме

Конец 11 г. хиджры — начало 633 г. от р. Х.

Халид выступает против Мусейлимы. Конец 11 г. хиджры, начало 633 г. от р. Х.

Но Халида ждала более суровая работа. В центре Аравии, немного к востоку, лежит Аль-Йемама. Там обитало племя Бени Ханифа, могущественное ответвление большого племени Бекр. Частью состоявшее их христиан, частично из язычников, оно подчинилось Мухаммаду, но теперь сорок тысяч сильных воинов восстали во главе с пророком Мусейлимой. Против них Халид направил теперь свое войско.

Мусейлима.

История Мусейлимы начинается еще при жизни Мухаммада.¹ Маленького роста, с невыразительным лицом, он все же обладал качествами лидера. Он посетил Медину с группой своих людей, после чего утверждал, что слова, сказанные Мухаммадом, означали, что ему предназначено разделить с ним долю пророка. На основании этого Мусейлима

¹ См. «Жизнь Мухаммада», с. 477.

выдвинул свои притязания, и был принят своим народом за пророка. На повеление из Медины оставить эти претензии, он прислал наглый ответ с требованием разделить землю. Мухаммад в гневе выгнал от себя посланника, и вслед за этим отправил Ар-Раджала, обращенного из того же племени, чтобы противостоять ереси и отвратить от нее своих соплеменников; но Ар-Раджал, как и остальные, был побежден претендентом. Говорят, что Мусейлима вводил в заблуждение людей мнимыми чудесами, подражал языку Корана, и ввел молитвы, наподобие тех, что были у Мухаммада.

Короче говоря, его религия была жалкой пародией ислама. Тем не менее, хотя и располагая сильной поддержкой среди своих людей, как пророк и их правитель, он чувствовал, что сеть Абу Бекра начинает приближаться к нему. Войска халифа упорно отвоевывали побережье Персидского залива, и Халид, которого Мусейлима больше всего боялся, был уже недалеко.

Его брак с Саджей, пророчицей.

В тот момент Мусейлима получил известие, что Саджа, пророчица, потерпевшая, как мы помним, поражение от Бени Темим, выступила со своими отрядами против него. В своей растерянности он послал ей дружеское приглашение. Она ответила согласием, и их чувства так совпали, что пророк Аль-Йемамы взял пророчицу из Месопотамии в жены, отпраздновав свадьбу прямо на месте — причем приданое составило половину доходов Аль-Йемамы. Через несколько дней Саджа отправилась к себе домой на север, и как комета исчезла так же стремительно, как и появилась, когда напала на Аравию. Отряды месопотамских всадников еще блуждали по стране, собирая для нее дань, когда подход Халида внезапно изменил обстановку; и Мусейлима, выйдя с сильным отрядом ему навстречу, расположил свой лагерь у Акрабы.

Неудача Икримы и Шурабиля.

Икрима и Шурабиль, посланные Абу Бекром подавить восстание в Аль-Йемаме, уже серьезно пострадали от рук Мусейлимы, из-за своего поспешного и необдуманного наступления. Неудача была так серьезна, что Абу Бекр гневно писал Икриме: «Я не увижу тебя, и ты меня не увидишь — в таком состоянии. Ты не вернешься сюда, чтобы не привести людей в уныние. Отправляйтесь к дальним побережьям и присоединитесь там к армиям на востоке и юге». Так, бежав из Аль-Йемамы, Икрима двинулся дальше к Оману, чтобы восстановить свою запятнанную репутацию. Шурабилю, тем временем, было предписано остановиться и ждать подхода Халида.

Халид направляется к Йемаме.

Вот после этой неудачи Халид, вызванный в Медину из-за происшествия с Маликом, и получил приказ атаковать Мусейлиму. Предвидя серьезную борьбу, халиф послал с ним свежий отряд опытных воинов, состоящий из жителей Мекки и Медины. Подкрепленный таким образом, Халид вернулся в свой лагерь в Аль-Битах, откуда с новыми силами двинулся навстречу врагу.

Пленение Маджаа.

Возвращаясь из похода от Акрабы, Халид сумел ошеломить своим нападением всадников из племени Бени Ханифа под командованием их вождя Маджаа. Они возвращались из набега на соседнее племя и не догадывались о появлении Халида. Поскольку они входили в число врагов, меч не пощадил никого из них, кроме Маджаа, которому Халид сохранил жизнь в надежде, что он пригодится впоследствии. Пленника заковали в цепи и поместили в шатер Халида под присмотр Лейлы, будущей жены военачальника.

Битва при Йемаме.

На следующий день армии встретились на песчаной равнине Акраба. Враги сошлись с отчаянной смелостью. «Сражайтесь за своих возлюбленных! — кричали они, — Это день ревности и возмездия; если вы проиграете, девицы ваши будут изнасилованы, а ваших жены поволокут их грязные руки!» Удар был так жесток, что мусульмане были отброшены, оставив свой лагерь неприкрытым. Дикие бедуины ворвались в палатку Халида, где оставалась лишь Лейла, охранявшая своего пленника, и лишь благодаря его заступничеству перед земляками меч пощадил эту женщину благородного происхождения. «Идите, сражайтесь с мужчинами, — воскликнул Маджаа, — и оставьте эту женщину», после чего воины перерезали веревки шатра и ушли. В тот момент ислам подвергся серьезной опасности. Поражение могло обернуться катастрофой; вообще-то, сама религия могла и не выжить. Но вот мусульмане воспрянули духом. Используя соперничество между бедуинами и городскими арабами своей армии, Халид поставил их сражаться по отдельности. Они начали подшучивать друг над другом. «Ну, — кричали сыны пустыни, — Вот уж поглядим, как эти городские сборщики налогов устроят настоящую резню! Уж мы научим их сражаться!» Повсюду вершились чудеса доблести и отваги. Предания восторженно описывают героические слова и поступки вождей, когда они один за другим погибали в самой гуще сражения. Зейд, брат Омара, будучи во главе мекканцев, схлестнулся в поединке с Ар-Раджалом, и, ругая его за отступничество, убил. Неистовый южный ветер, несший песок пустыни, слепил мусульман и стал причиной временной задержки. Укоряя их за бездействие, Зейд кричал: «Догоняйте тех, кто ушел вперед! Я не произнесу ни слова, пока мы не погоним этих отступников, или я предстану для оправданий пред моим Господом. Закройте глаза и стисните зубы. Вперед, как мужчины!» Сказав это, он повел их в атаку и пал на поле боя. Абу Хозейфа, неся на своем копье листки с писанием, со словами: «Сражайтесь за Коран, вы, мусульмане, и украсьте его своими делами!», последовал его примеру и разделил ту же участь. Его вольноотпущенник, подняв упавшее знамя, со словами: «Я был бы трусливым вестником священного текста, если бы убоился смерти», бросился в сражение, и был убит. Но и жители Медины не отставали. Их вождь упрекал своих воинов за замешательство: «Горе вам, отступающие! Поистине, я сторонюсь вас, как сторонюсь их», указывая на армию отступников, а затем бросился на врага, и исчез в его гуще. Воодушевленные его примером, простые солдаты летели в атаку с неистовством.

Враг разбит.

Противники попеременно теснили друг друга, и битва была суровой. Но, управляемые бесстрашной рукой Халида, и поднятые боевым кличем: «Йа Мухаммада!», мусульманские армии, в конце концов, одержали победу. Враг был разбит и обращен в бегство. «В сад! — скомандовал храбрый вождь Бени Ханифа Аль-Мухаккам, — В сад, и закройте ворота!» Защищая свою позицию, он прикрывал их отступление, пока они бежали в окруженный крепкой стеною сад, и Мусейлима с ними. Отряды мусульман, приблизившись, поскакали вдоль стены, но нашли ворота закрытыми.

Сад смерти.

В конце концов, Аль-Бара ибн Малик воскликнул: «Поднимите меня вверх на стену». Товарищи подняли его. На мгновение, увидев внизу движущуюся массу, герой растерялся; но затем, бесстрашно прыгнув вниз, стал бить налево и направо пока не достиг ворот и не открыл их. Как прорвавшая запруду вода хлынули внутрь его товарищи; но храбрые воины Бени Ханифа отчаянно отбивались, подобно лесным зверям, попавшим в западню в этом «саду смерти». Замкнутые в узком пространстве, стесненные в движениях ветвями деревьев, бесполезные в своей многочисленности, они были зарублены, и погибли все до одного. Резня была ужасной, ибо помимо «тысяч» (как говорит предание) убитых внутри ограды сада, столько же полегло на поле и, кроме того, столько же пало во время преследования.

Ужасные потери с обеих сторон.

Несмотря на свою блестящую победу, мусульмане тоже имели повод запомнить «сад смерти», ибо они потеряли там людей больше, чем во всех предыдущих сражениях. Кроме тех, кто был убит в саду, сражаясь лицом к лицу, большое количество пало на поле боя. Беженцы из Мекки потеряли триста шестьдесят человек, и жители Медины триста, всего около семисот человек; тем не менее, потери среди бедуинов были несколько меньше, но общее число составило более тысячи двухсот убитыми, не считая раненых. Среди павших оказалось тридцать девять близких соратников Пророка. Едва ли остался в Медине дом, принадлежащий беженцам или коренным жителям, в котором не оплакивали бы погибших.

Мусейлима среди убитых.

Мусейлима был убит Вахши, тем самым темнокожим воином, который, размахивая над своей головой копьем, после издевательств над убитыми эфиопского вида, поверг на землю Гамзу на поле Охода. После битвы Халид привел вождя Маджаа, все еще связанного, на поле, чтобы опознать убитых. Переворачивая тела, они наткнулись на здоровяка. «Посмотри, не это ли был твой господин?» — спросил Халид. «Нет, — отвечал Маджаа, — этот человек был лучше и благородней»; то был храбрец Мухаккам, который, прикрывая отступление, был сражен сыном халифа. Войдя в «сад смерти», среди груд изрубленных тел, они наткнулись на одного убитого неброской наружности. «Вот тот, кого ты ищешь, — сказал Маджаа, переворачивая тело Мусейлимы лицом кверху, — поистине, вы его сделали». «Ага, — согласился Халид, — а, вернее, это он сделал со всеми вами то, что он сделал».

Перемирие с Бени Ханифа.

Мусульманские всадники прочесывали окрестности, ежедневно приводя группы пленных. Зная, что после своего сокрушительного поражения, Бени Ханифа было не способно оказать сопротивление, их вождь Маджаа припомнил одну военную хитрость. Он создал видимость того, что в фортах и крепостях по всей округе еще остаются силы. Для подтверждения этого он послал указание старикам, женщинам — всем, кто у него оставался, включая детей — подняться на стены для обмана. Удостоверившись, таким образом, что поселенцы намерены сражаться до конца и видя, что воины утомились и скучают по дому, Халид предпочел заключить перемирие на более выгодных для противника условиях, чем мог бы. Когда уловка Маджаа раскрылась, Халид разгневался, но простил его за такой патриотизм и, в конце концов, согласился на перемирие. Однако оно было заключено не ранее, чем пришло разрешение Абу Бекра прекратить жестокости, ибо тот велел не щадить ни одного мятежника из безбожного племени, поднявшего оружие. К счастью, перемирие положило этому конец; Бени Ханифа было возвращено в ислам, и лишь немногие воины остались заложниками. Кампания закончилась, Халид послал делегацию от племени к Абу Бекру, учтиво принявшему депутатов. «Стыдитесь! — сказал он сперва, — как вы позволили этому самозванцу сбить вас с пути?» «О, халиф! — отвечали те, — ты уже обо всем знаешь; он был одним из тех, кого не благословил Господь, так же, как и его людей»; и повторили кое-что из того, что тот обычно говорил. «О небеса! — воскликнул Абу Бекр, — что это за слова? В них нет понимания ни добра, ни зла, лишь странная бессмыслица, обольстившая вас». И он распустил их по домам.

Многие соратники Пророка убиты.

Среди убитых оказалось немало людей, знакомых каждому, изучавшему жизнь Пророка. Потери «**чтецов**» (тех, кто знал Коран наизусть) были столь велики, что Омар решил собрать «священный текст», «дабы никакая его часть не была утеряна». Узнав о смерти своего брата Зейда, делившего с ним все опасности первых битв ислама, Омар был безутешен. «Ты вернулся домой, — попрекал он своего сына Абдаллу, — целым и невредимым, а Зейд мертв. Почему тебя не убили вместо него? Не хочу видеть твое лицо!» «Отец, — последовал ответ, — он искал мученичества, и Господь даровал ему это. Я добивался того же, но мне не было дано». Таков был дух этих мусульманских воинов.

Халид берет в жены дочь Маджаа.

Халид вновь ознаменовал свою победу свадьбой с пленной девушкой на поле битвы. «Дай мне свою дочь в жены», — попросил он Маджаа, того самого, кто защитил его невесту в минуту опасности. «Подожди, — ответил Маджаа, — не будь так поспешен; это может повредить тебе в глазах халифа, так же, как и мне». «Человек, отдай мне свою дочь!» — потребовал тот властно; так что Маджаа вынужден был отдать ему ее. Когда Абу Бекр услышал об этом, то послал ему письмо, обрызганное кровью: «Клянусь жизнью! Ты, сын своего отца, Халид, славный парень, живешь, как тебе заблагорассудится! Ты устраиваешь свадьбу на земле под брачным ложем, еще влажной от крови тысячи двухсот павших!» Упрек лишь слегка задел Халида. «Это все проделки, — сказал он, читая послание, — того лицемера», имея в виду Омара. Послание, однако,

выражало отношение самого Абу Бекру. Тем не менее, «меч Господа» был пощажен. Мы еще встретимся с Халидом — в Халдее на берегах Евфрата.

ГЛАВА VI

ОТСТУПНИЧЕСТВО И МЯТЕЖИ В ДРУГИХ ЧАСТЯХ ПОЛУОСТРОВА ПОДАВЛЕНЫ.

11 г. хиджры / 632-633 г. от р. Х.

Походы на восток и юг Аравии, 11 г. хиджры, 632-3 г. от р. Х.

В ТО ВРЕМЯ как Халид победоносно шествовал с севера к центру Аравии, другие направления полуострова с отступническими и мятежными племенами боролись другие отряды, посланные Абу Бекром, разбирались с племенами отступников в других частях полуострова. Соппротивление там было оказано не менее упорное; но победа, хотя во многих районах не такая быстрая, а порою и сомнительная, в конце концов, была достигнута.

Ала захватывает Бахрейн.

За Аль-Йемамой и побережьем Персидского Залива, между Аль-Катуфом и Оманом, лежат два пустынных района: Хеджер и Аль-Бахрейн. Когда их христианский вождь, Аль-Мунзир, принял ислам и признал власть Пророка, Аль-Ала был назначен резидентом при его дворе. Но Аль-Мунзир умер вскоре после смерти Мухаммада, и эту область охватило восстание. Аль-Ала бежал, но был послан обратно с сильной армией, чтобы призвать отступников к порядку. Именно в этот момент блестящая кампания Халида повергла в ужас соседние районы; а поскольку Аль-Ала проходил мимо границ Аль-Йемамы, к нему присоединялись делегации от множества вождей, стремившихся таким образом выразить свою лояльность. Преемником Аль-Мунзира стал представитель враждебной исламу династии Хира, но Аль-Ала посчитал его настолько сильным, что даже с серьезным пополнением предпочитал не начинать вторжение всей армией, ограничиваясь поединками и незначительными стычками. Наконец, узнав от своих шпионов, что враги пьют и веселятся, он неожиданно напал на них, захватив в плен их князя. Победенные хозяева бежали на корабле на остров Дарин, лежащий вблизи побережья; но и там их нашли и всех вырезали. Добыча оказалась богатой, в числе трофеев было взято в плен множество женщин и детей.

Чудесное озеро; и осушение моря.

По смерти Пророка предание перестает баловать нас описаниями чудес; но этот поход составляет единственное исключение. Когда вышедшая из Медины колонна оказалась в безводной зоне Дахна, воины чуть не погибли от продолжительной жажды. Когда они уже дошли до последней черты, на горизонте вдруг заблестела вода, люди и животные радостно кинулись к огромному озеру, чтобы утолить жажду. Ни одного источника не знали раньше в этой пустыне, но и впоследствии никто не мог отыскать то чудесное озеро. Вскоре после этого, когда мусульмане преследовали группу отступников до острова Дарин, второе чудо разделило волны, и мусульмане благодаря сверхъестественному вмешательству свыше смогли пересечь пролив, словно это было мелководье. Набожный

певец сравнивает этот проход с переходом израильтян через Красное море, и говорят, что какой-то монах обратился в ислам после двойного чуда: появления вод в пустыне и осушения вод в проливе большой глубины.

Мусанна.

В этой кампании Аль-Ала получил материальную помощь от остававшихся верными исламу жителей побережья. Среди них был Аль-Мусанна, вождь, пользующийся большим влиянием среди кланов Бекра. Сопровождая Аль-Алу в его победоносном продвижении вдоль Персидского Залива, он вышел с севера Хеджера и достиг, в итоге, дельты Евфрата, где стал основателем нового движения, на которое уже вскоре будет обращено внимание.

Оман.

Покорение важной области — Омана — последовало сразу за Аль-Бахрейном. Не так давно ее князь выразил преданность Мухаммаду. Вслед за этим в качестве резидента туда отправился Амр, и по причине удаленности, собираемая там десятина раздавалась местным беднякам. Не смотря на эту уступку, сразу же после смерти Мухаммада люди под руководством мятежника, объявившего себя пророком, подняли мятеж. Князь бежал в горы, а Амр в Медину. Задачу возвращения Омана и соседней провинции Магра Абу Бекр возложил на Хозейфу, новообращенного, имеющего влияние в тех краях. Ему помогал Икрима, посланный, как мы уже знаем, Абу Бекром, чтобы восстановить свою репутацию в этом отдаленном районе. Прибыв в Оман, они объединили силы с оставшимся лояльным князем.

Битва при Дабе.

В последовавшей битве доведенные до крайности мусульмане едва не потерпели поражение, но на поле появилась сильная колонна, состоявшая из недавно вернувшихся в ислам бахрейнских племен, и обернула исход сражения в их пользу. Потери среди врагов были огромны, и женщины, стоявшие сзади для придания им смелости, оказались желанной наградой в руках правоверных. Базар Дабы, богатый индийскими товарами, послужил источником великолепных трофеев, и в Медину тотчас была отправлена царская пятая часть из рабов и добычи.

Магра.

Хозейфа был оставлен губернатором Омана. Икрима же, дойдя до самой восточной точки Аравии, повернул на юго-запад; и с армией, ежедневно пополнявшейся за счет новобранцев из раскаявшихся племен, продолжал свой победный марш на Магру. Эта область в тот момент находилась в смятении из-за размолвки между двумя соперничавшими вождями. Став на сторону слабого, сразу признавшего ислам, Икрима атаковал другого и одержал большую победу. Среди добычи были две тысячи бактрианских верблюдов, значительный запас оружия и вьючных животных. Быстро смилив и призвав к порядку эту часть полуострова, Икрима, обладая теперь значительной

силой, направился, как ему было указано, на соединение с Аль-Мухаджиром для похода против Хадрамаута и Йемена. Но сначала обратим внимание на то, как обстояли дела после смерти Мухаммада по соседству, на юге и западе полуострова.

Хиджаз и Тигама.

В то время как города Мекка и Ат-Таиф оставались относительно спокойными, на соседних землях воцарилось насилие и беспорядки. Орды непокорных племен, рыскающие, как всегда, в поисках добычи и грабежа, уже подбирались к священному городу. Они были атакованы правителем и разогнаны, потеряв немало убитыми. Порядок был восстановлен отрядом из пятисот мужчин в пределах города и пикетами по всей округе. Но взоры на всю местность от Мекки до Йемена вселяли лишь тревогу и опасения. Отряды разбойников с остатками армии самозваного пророка опустошили Неджран; и приверженцы ислама вынуждены были спешно бежать в горы. Тигама, длинная полоска земли на побережье Красного моря, была наводнена бандами бедуинских разбойников, нарушившими все сообщение между севером и югом. В конце концов, армия очистила эту территорию от бандитов — и даже столь эффективно, что дороги так и оставались непроходимыми, но на сей раз из-за отвратительных гор трупов, покрывавших их повсюду.

Йемен после смерти Асвада.

Восстановить мир в Йемене было не так просто. «Тайный пророк» Асвад был незадолго до этого убит заговорщиками в интересах Мухаммада.¹ Это были Кейс ибн Мекшу, вождь из арабов, и еще двое других, персов по происхождению: Фейруз и Дадувейхи, в чьих руках и оказалось управление Саной. Вести достигли Медины сразу после смерти Мухаммада, и Абу Бекр назначил Фейруза своим заместителем. Но арабская кровь Кейса ибн Мекшу восстала против того, чтобы служить под началом перса, и он задумал изгнать всю группу иностранных переселенцев. Для этого он обратился за помощью к Амру ибн Мадикерибу, известному поэту и влиятельному вождю, оставившему вместе с другими ислам и с остатками армии лжепророка разорявшему страну. Дадувейхи был предательски убит этим самым Амром на пиру, но Фейрузу удалось бежать, и, после тяжелых лишений, найти убежище в дружественном племени. Какое-то время обстоятельства складывались для Кейса ибн Мекшу благоприятно. Семья Фейруза была взята в плен, а персидские поселенцы, гонимые со всех сторон, бежали в горы или спасались на кораблях, уходящих из Адена. Фейруз взывал о помощи к Медине; но это было задолго до того, как у халифа появилось войско для карательной экспедиции. Итак, Фейрузу пришлось положиться на свои силы, и со временем, при содействии покорных племен, он обратил войска Кейса ибн Мекшу вспять, вернул владения своей семьи и вновь взял Сану.

Поражение Кейса ибн Мекшу и Амра.

Но и более действенная помощь была уже на подходе. С одной стороны, это был Аль-Мухаджир. Назначенный Пророком своим заместителем в Хадрамауте, он задержался в

¹ «Жизнь Мухаммада», с. 479.

Медине из-за болезни, а, быть может, из-за невозможности сразу получить все необходимое для похода.

Йемен покорен. Конец 11 г. хиджры, весна, 633 г. от р. Х.

Выступив в поход последним из военачальников, вероятно, спустя десять или двенадцать месяцев по смерти Пророка, он двинулся на юг. Соединившись по пути с союзными племенами, он достиг непокорных земель во главе внушительного войска. С другой стороны, с востока, наступал Икрима, также с все возрастающей армией. Спеша навстречу Аль-Мухаджиру, он оставил Хадрамаут в стороне и быстро продвигался по направлению к Адену. Обеспокоенные надвигавшейся на них бурей, Кейс и Амр объединили свои силы, чтобы противостоять Аль-Мухаджиру. Но вскоре рассорились, став посылать друг другу, по арабской привычке, стихотворные пасквили с упреками. Сопротивление было бесполезным, и Амр, желая спасти свою шкуру, пошел на подлую уловку. Среди ночи напав на Кейса, он захватил его в плен и доставил Аль-Мухаджиру; забыв, однако, позаботиться о своей собственной безопасности. Аль-Мухаджир, само собой, схватил обоих и отправил в цепях Медину. Сначала халиф собирался казнить Амра за убийство Дадувейхи, но тот отрицал свою вину, а для ее подтверждения не нашлось свидетелей. «Не стыдно ли тебе, — обратился к нему Абу Бекр, — следуя за мятежниками, обрекать себя на вечные бега, либо на жизнь в цепях? А ведь останься ты защитником веры вместо этого, Господь превознес бы тебя над твоими собратьями». «Безусловно, это так, — ответил униженный вождь, — я приму веру и больше никогда не покину ее». Халиф простил отступников; и они не злоупотребили его милосердием, ибо мы видим эту пару храбрых, хотя и беспринципных, вождей уже вскоре в качестве преданных ему воителей в персидской войне. После этого в Йемене быстро установился порядок, и Аль-Мухаджир получил свободу для продолжения своего похода на Хадрамаут.

Хадрамаут. Ашас ибн Кейс.

Правление большой южной провинции Хадрамаут с трудом держалось во время длительного отсутствия Аль-Мухаджира на одном Зийяде, возбудившем у племени Бени Кинда ненависть к оккупантам, требуя от него десятину. Однако, благодаря поддержке сохранявших верность кланов, он сумел удержать свое место. После одного из своих набегов Зийяд привел с собою семью побежденного племени. Тронутый их стенаниями, Аль-Ашас ибн Кейс, вождь Бени Кинда, собрав сильный отряд, напал на Зийяда и освободил пленников. Это тот самый Аль-Ашас, который, присягая на верность Мухаммаду, обручился с сестрою Абу Бекра.¹ Теперь же, скомпрометировав себя, он поднял открытое восстание и настроил всю округу против Зийяда, который, будучи окружен врагами, срочно послал гонцов к Аль-Мухаджиру, умоляя того поспешать на выручку.

Подчинен Мухаджиром и Икримой.

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. 463.

Тем временем Аль-Мухаджир и Икрима, выступив соответственно из Саны и Адена, соединившись в Маарибе, пересекали песчаную пустыню, отделяющую их от Хадрамаута. Получив депешу, Аль-Мухаджир устремляется вперед с летучим отрядом и, присоединившись к Зийяду, атакует Аль-Ашаса, поражая его войско с большим кровопролитием. Разбитый враг поспешил укрыться в крепости, которую Аль-Мухаджир тотчас окружил. Вскоре подоспел Икрима с основными силами, которых теперь было достаточно для осады города и опустошения всей округи. Уязвленные гибелью своих соплеменников у них на глазах, и предпочитая бесчестью смерть, воины гарнизона вышли и вступили в бой с мусульманами на равнине. После отчаянной борьбы, в ходе которой все расселины заполнились телами павших, осажденных отбросили назад. Тем временем Абу Бекр, узнавший об их упорном сопротивлении, шлет приказ наказать мятежников, не давая пощады. Злополучный гарнизон, противник которого увеличивал свои силы день ото дня, не имел никакой перспективы на помощь и утратил все надежды. Видя безнадежность положения, коварный Аль-Ашас пошел к Икриме и дал свое изменническое согласие сдать крепость, если будут сохранены жизни девяти человек. Мусульмане вошли внутрь, перебив всех воинов, а женщин взяв в плен. Когда Аль-Ашас подал список из девяти имен, которых следовало пощадить, Аль-Мухаджир воскликнул: «Здесь нет твоего имени!» — ибо малодушный предатель от волнения забыл внести в список свое собственное имя. «Да благословен Господь, наказавший тебя твоими собственными устами!» И вот, заковав вождя в цепи, он уже собирался отдать приказ умертвить пленника, когда вмешался Икрима и вынудил воителя, во многом против его желания, передать дело на усмотрение Абу Бекра. Толпа пленных женщин, скорбящая по своим убитым мужьям и сыновьям, оскорбленная изменой, осыпала Аль-Ашаса всяческими проклятиями, когда его проводили мимо.

Абу Бекр щадит Ашаса.

По прибытии пленника в Медину халиф обзывал его трусом, не имеющим ни силы, чтобы управлять, ни смелости, чтобы защищать свой народ, и угрожал ему смертью. Но, в конце концов, тронутый мольбами принять во внимание условия соглашения, заключенного Аль-Ашасом с Икримой, и торжественным обещанием, что отныне он будет бесстрашно сражаться за веру, Абу Бекр не только простил его, но и позволил, как было условлено ранее, жениться на его сестре. Аль-Ашас оставался какое-то время в Медине, ничего не делая, и халиф мог бы сказать, что одна из тех немногих вещей о которых он сожалеет, это его слабость сохранить жизнь мятежнику. Но впоследствии Аль-Ашас пошел воевать, и, как мы увидим, очистил свое имя делами.

Мир восстановлен повсеместно.

Вот так, в последней провинции полуострова восстание, наконец, было подавлено, и господство ислама полностью восстановлено. Решено было, что Аль-Мухаджир останется в Йемене и разделит руководство вместе с Фейрузом. Зийяд же продолжил управление Хадрамаутом.

Невеста, обрученная Мухаммаду.

Рассказывают одну любопытную историю про девушку, на которой женился в Адене Икрима, взяв ее с собою в лагерь. Она была невестой Мухаммада, но свадьба не состоялась. Солдаты шушукались и ставили под сомнение законность брака Икримы. Аль-Мухаджир изложил суть дела Абу Бекру, не нашедшему в этом браке ничего неправомочного, поскольку Мухаммад так и не выполнил своих обязательств перед этой женщиной.¹

Две певицы изувечены.

Я не могу упустить случая, чтобы упомянуть о судьбе двух певиц из Йемена, обвиненных в том, что одна насмеялась над Пророком, а другая высмеивала мусульман в своих песнях. Аль-Мухаджир приказал отрубить обеим руки; а также (чтобы предупредить их пение в будущем), вырвать им передние зубы. Халиф, услышав про это, одобрил наказание первой, сказав: «Преступление против Пророка, это не преступление против обычного человека; и, разумеется, если бы мне первому донесли об этом деле, я должен был бы в назидание другим повелеть ее казнить». Однако он не одобрил того, что изувечили и другую.

Сожжение разбойника.

Как правило, Абу Бекр, верша суд, был мягок и даже великодушен к поверженному и покорившемуся врагу. Но бывали, как видим, и исключения. В одном случае измена мятежного вождя довела Абу Бекра до варварской жестокости. Аль-Фуджаа, довольно известный вождь, под предлогом борьбы с повстанцами в своей округе получил у халифа оружие для снаряжения своей банды. Вооружившись таким образом, он обманул доверие Абу Бекра и стал разбойником, промышляющим набегами и грабежом, нападая и на мусульман, и на отступников. В связи с этим Абу Бекр написал письмо лояльному вождю этого района с просьбой выступить против этого бандита. Доведенный до крайности, Аль-Фуджаа вызвал своего противника на переговоры, где утверждал, что имеет такие же полномочия, как и тот. «Если ты говоришь правду, — отвечал тот, — отложи в сторону оружие, и пошли вместе к Абу Бекру». Аль-Фуджаа так и поступил, но как только он появился в Медине, взбешенный его предательством халиф гневно воскликнул: «Отведите этого предателя на кладбище и сожгите его там на костре!» Неподалеку от городского кладбища мусульмане набрали сухих веток и, сложив их на месте для молитвы, подожгли костер, в который и бросили Аль-Фуджаа. Если обвинения были серьезно обоснованы, в чем у нас нет оснований сомневаться, то Аль-Фуджаа заслуживал участи бандита. Но бросить его живого в огонь было варварством, о котором Абу Бекр впоследствии сожалел, говоря: «Это одна из трех вещей, которых мне не следовало бы делать».

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. 390. Она была отправлена к Пророку за свою красоту, но он, найдя в ней какие-то недостатки, отослал ее домой. Табл. i. 2012 и далее.

ГЛАВА VII

ОБЗОР. НЕДОВОЛЬСТВО ВОЗВРАЩЕННЫХ В ИСЛАМ ПЛЕМЕН. ПОХОДЫ В СИРИЮ И ХАЛДЕЮ. ОТПРАВКА ОТРЯДОВ ВОЗРОЖДАЕТ ЭНТУЗИАЗМ. СОБЫТИЯ ДОМА.

11 г. хиджры / 632 г. от р. Х.

Обзор. Власть ислама в Аравии восстановлена.

ИТАК, за год по смерти Пророка временно пошатнувшееся господство ислама было восстановлено на всем полуострове. Победоносный круг полностью завершился. Начавшись с карательной экспедиции Осама на севере, он был продолжен блестящими победами Халида на востоке и в центре Аравии. Правда, пока цвет правоверных решал в «саду смерти» судьбу ислама, висевшую тогда на волоске, военные операции повсюду утихли. Позднее кампании получили активное продолжение и в других районах, хотя в некоторых частях они велись с ограниченными ресурсами и шли с переменной удачей; пока под конец Икрима, покоривший восточное побережье и соединившийся на юге с Аль-Мухаджиром, не затушил, как мы видели, последние угольки отступничества.

Угрюмость арабов, взбудораженных призывами к войне извне.

Восстания были подавлены, но арабские племена оставались замкнутыми и недоброжелательными. Бедуины, привыкшие свободно и бесконтрольно странствовать по своим пустыням безо всяких дорог, были раздражены требованием десятины и пренебрегали покорностью Медине. Лишь сила и страх удерживали их под властью халифа. Возникал вопрос, почему удача ислама не вызывала такого большого воодушевления извне? Перспективы не обнадеживали. Убеждения арабов были так сиюминутны, а их мотивация столь слаба, что все эти бедуины могли вскоре вновь отпасть. Сила и страх не могли надолго удержать вместе столь раздробленные племена, которым предстояло создать арабскую нацию. Южане завидовали северянам; бедуины пустыни презирали оседлых поселенцев; у каждого племени имелась причина для соперничества со своим соседом, и вражда становилась причиной кровной мести. На тот момент, равно, как и в более поздние времена, существовала взаимная неприязнь между двумя городами: Меккой, с ее южноарабским населением, и Мединой, населенной северянами. Даже в Медине, колыбели ислама, аусы были нетерпимы к хазраджам, и те и другие завидовали ансарам. Единственным авторитетом у бедуинов пользовался вождь их племени, да и то в незначительной степени. Для него свобода означала саму жизнь, и зависимость от власти центра он ненавидел более всего. Если бы все оставалось по-прежнему, то вскоре любой из вождей сбросил бы иго ислама, и Аравия вернулась бы к своему первоначальному состоянию. Но к счастью для ислама новая идея всколыхнула нацию. Едва восстания были подавлены, как столкновения с дикими племенами — сначала на границе с Халдеей, а затем и с Сирией — разожгли пожар войны с чужеземцами, и тотчас весь арабский народ, и жители городов, и бедуины, оказались сплочены вокруг ислама общими интересами: любовью к грабегам и жадной наживы.

Ислам предназначен для Аравии;

Мысль, что в наследие исламу предназначен весь мир, родилась значительно позднее. Несмотря на множество предвещающих ее традиций, эта идея была лишь смутно выражена, если и была выражена, самим Мухаммадом. Его миром была Аравия, и новый порядок предназначался для нее. Откровение Корана распространялось на «простом арабском» для обучения его народа.¹ От начала до конца призывы Пророка предназначались арабам, и только арабам. Да, за несколько лет до своей смерти Мухаммад отправлял послов к окружавшим его царям и властителям с призывом принять ислам; но эти шаги не имели никаких последствий. Мононациональному характеру отвечает и приказ сражаться с иудеями, христианами и язычниками; это повеление было дано арабским племенам, собравшимся в прощальное паломничество,² и имело в виду лишь одну Аравию, совсем не предполагая военные действия за ее пределами. Воля умирающего Пророка выражала то же стремление: «Смотрите, — говорил он, — чтобы лишь одна эта вера была по всей Аравии». Семя универсальности этой религии действительно попало в землю; но то, что оно в какой-то момент дало всходы, обязано скорее обстоятельствам, чем особому замыслу. Даже Омар после блестящих побед повсюду, опасался, чтобы его войска не продвинулись слишком далеко и не оказались отрезанными от помощи. В связи с этим он установил границы (как мы увидим) продвижения своих армий, которые они не должны были нарушать.

...распространяет призыв к войне.

Все же, хотя нигде в Коране и нет прямых указаний, борьба за мировое господство вполне соответствует духу ислама. «Когда народ прекращает сражаться на стезях Господа, — говорил Абу Бекр в своем слове, будучи избран на пост халифа (тем самым, сразу делая акцент на воинствующий ислам), — «Господь отвергает такой народ». Таким образом, как только Рубикон был перейден, горизонты мусульман стали расширяться всевозрастающими кругами, пока не охватили весь мир. Это запах войны заставил настороженно настроенные арабские племена согласиться на требуемую от них преданность: ибо, таким образом, разбойничий дух бедуинов соединился в единое пламя с возрожденным костром ислама. Призыв к войне прокатился по всей стране и был принят с радостью. Выступление началось с северных племен, тех, которые первыми обратились после своего отступничества. Позднее, на второй год халифата, боевой клич достиг и южных пределов, и военная мощь стала возрастать с каждым за годом. Поначалу халиф отвергал мысль о помощи от каких-либо бывших вероотступников, и привилегия служить сохранялась лишь за стойкими мусульманами. Но, шаг за шагом, по мере того, как расширялись горизонты завоеваний, и со всех концов сыпались просьбы о свежем подкреплении, дабы восполнить потери «мучеников», запрет все более отодвигался, и помощь принималась уже ото всех.

Тьмы арабов идут в поход.

¹ Коран, XLII 5; и далее.

² «Жизнь Мухаммада», стр. 463 и далее.

Воин за воином, колонна за колонной, целые племена бесконечными рядами со своими женщинами и детьми двинулись на войну. И слушая чудесные истории о покоренных городах; о захвате несметных богатств; о девушках, которых делили прямо на поле битвы: «каждому мужчине девицу или две»; и, видя царскую пятую часть добычи, которая во всем ее великолепии доставлялась в Медину; — все новые племена поднимались и уходили в поход. Вперед и вперед, подобно вылетевшим из ульев роям или нашествию саранчи, затемняющему землю, шли племена за племенами, и, дойдя до северных пределов, хлынули огромными массами на восток и запад.

Ограничения, еще касающиеся отступников.

Стоит, однако, отметить, что хотя отступники и были прощены, а в блеске побед почти терялись из виду; на раскаявшихся изменников все еще лежали определенные ограничения. Их вина была не такой, как у тех, кто грешил до обращения. Отступник, однажды уже просвещенный, преднамеренно бросал своим отпадением пятно на ислам. Поэтому ни один вождь, который поучаствовал в серьезном отступничестве, не мог выдвигаться на главнокомандующие посты. Он мог сражаться и имел право быть принятым в ряды бойцов; ему позволялось даже руководить небольшими отрядами в сто или пятьдесят человек; но чести занимать высокую должность он был лишен.

Арабы — аристократия мусульманского мира.

Арабы, покинув, таким образом, свою родную пустыню, стали аристократией ислама. Покоренные нации, даже находившиеся на более высокой ступени развития, приняв ислам, скатывались в целом к более низкому общественному положению. Арабы становились господствующим классом — одни они, где бы они ни оказались. Они были как «гости» или нахлебники, с которыми местные жители могли лишь разделять их привилегии — но то были лишь крохи с барского стола. Однако в этот ранний период ислама многие арабы сами оставались рабами, взятыми в плен во времена отступничества или еще прежних межплеменных войн. Они содержались в неволе у своих же соотечественников. Омар чувствовал это несоответствие. Недостойно кому бы то ни было из людей, принадлежащих к благородной расе, продолжать оставаться в рабстве. По этой причине, став халифом, он даровал им свободу. «Господь, — говорил он, — даровал нам, арабам по крови, победу и великие завоевания за пределами страны. Не подобает никому из нас, взятому во дни невежества или в прежних войнах в плен, пребывать в рабстве».

Освобождение рабов арабской крови.

Итак, рабы арабского происхождения за незначительный выкуп были отпущены на свободу, кроме невольниц, родивших своим господам детей, и которые, таким образом, сами уже находились в привилегированном положении. Мужчины, потерявшие своих жен и детей, кинулись тотчас на поиски, в слабой надежде найти их и вернуть. Странные истории рассказывали о скитаниях этих безутешных мужчин. Интересно, что некоторые женщины, будучи рабынями в Медине, предпочли остаться со своими владельцами.

Вот это господство, общественное, военное и политическое, арабская нация сохраняла на протяжении двух столетий. Затем их постепенно вытеснили на востоке (как мы увидим) турки и персы. Кто-то обосновался в городах со смешанным населением; остальные возвратились в свои родные пустыни, и с ними угасла слава халифата. Этого, однако, не произошло на западе, и поэтому в Испании и Африке престижность арабской крови сохранилась.

Медина.

Внутренняя история Медины этого раннего периода бедна событиями. Халиф выдвинул на пост судьи по гражданским делам Омара; но военные операции, сначала на полуострове, а затем и за его пределами, так занимали умы мужчин, что какое-то время эта должность оставалась синекурой.

Паломничество.

Летописцы ислама ежегодно тщательно регистрировали предводительство паломничеством в Мекке. Халиф был в то время слишком озабочен волнениями по всей Аравии и не мог отправиться туда сам; поэтому вместо него председательствовал правитель святого города.

Вот так закончился первый год халифата.

ГЛАВА VIII

КАМПАНИЯ В ХАЛДЕЕ.

12 г. хиджры / 633 г. от р. Х.

Столкновения с пограничными племенами ведут к конфликтам с Византией и Персией.

ХАЛДЕЯ и южная Сирия являются частью Аравии. Племена, населявшие этот регион, частью язычники, но в большинстве своем (по крайней мере, номинально) христиане, составляли с арабами единую расу, а потому попадали в сферу влияния новой религии. Однако же, когда им пришлось столкнуться на границах с армиями мусульман, эти народы получили поддержку от своих суверенов: соответственно, от кесаря на Западе и от хосровов на Востоке. Таким образом, разгорелась серьезная война, и ислам оказался напрямую втянут в смертельную борьбу с двумя главными силами Востока и Запада.

Зависимость историков от арабских источников.

Изучающему историю ислама, особенно на этой ее ранней стадии, очень важно учитывать, что для ее исследования мы располагаем практически лишь арабскими источниками. Анналы Византии канули в лету в последующей катастрофе; и только многие годы спустя стали появляться западные хроники. А Персидская империя оказалась сметена с лица земли в результате арабского вторжения, и, естественно, обо всем происшедшем мы судим лишь со слов завоевателей. Таким образом, и в истории Запада, и Востока, мы практически полностью зависим от арабского предания, которое, во-первых, само по себе кратко и отрывочно, а во-вторых, оно совершенно однобоко, и нам остается лишь надеяться на достоверность и целостность рассказа.

Положение Византии и Персидской империи.

Ни в одной из великих империй, зажимавших с двух сторон Аравию Абу Бекра, не сохранились мужество и добродетель прежних дней. Роскошь, коррупция, угнетение, религиозная борьба и военные катастрофы ослабили их мощь и подорвали их силы.

Варварские орды, заполонившие западную Европу, оторвали от византийских владений наиболее отдаленные районы. Война между кесарем и хосровами носила затяжной характер. Сирия и Месопотамия, будучи ареной военных действий, переходили из рук в руки. На последнем витке удачи двинувшийся от Черного моря Ираклий разгромил персов на поле близ Ниневии и подошел с триумфом к самым воротам вражеской столицы.

6 г. хиджры, 627 г. от р. Х.

Сироес, лишивший жизни своего отца и восемнадцать братьев, всего несколько месяцев наслаждался плодами отцеубийства. По свидетельству Гиббона, «на протяжении четырех лет царский титул присваивался девятью претендентами, оспаривавших с помощью меча

или кинжала права на осколки истощенной монархии». Такою была в то время Персия, с ее глупцами-придворными и жуткой анархией повсюду, пока Абу Бекр вел свою борьбу с отступническими племенами. Как бы то ни было, арабские армии встретили со стороны персов более жестокое и продолжительное сопротивление, чем в Сирии. Дело в том, что ислам нацелил свой удар в самое сердце Персии. С падением Сирии Константинополь мог оставаться, пусть и в постыдной, но безопасности. Однако, если бы арабы захватили Аль-Ирак, находившийся под рукой Ктесифон (Аль-Медайн) пал бы тоже, и Персия вместе с ним. На этом регионе мы и остановим сейчас свое внимание.

Мусанна нападает на Халдею.

Мы уже упоминали Аль-Мусанну среди вождей, помогавших возвратить Аль-Бахрейн. Продвигаясь вдоль Персидского Залива, он покорил Аль-Катиф и направил свои победоносные войска в дельту Евфрата. «Кто такой этот Аль-Мусанна? — спросил Абу Бекр, когда вести о его успехах достигли Медины, — и к какому он принадлежит клану?» Узнав, что Мусанна был из большого племени Бекр, жившего по соседству с Междуречьем, он приказал ему «двигаться дальше, сражаясь на стезях Господа». Это дело было как раз таким, какое нравится бедуинам: вскоре армия Мусанны увеличилась до восьми тысяч человек. Однако впереди назревало сопротивление. Христианские и языческие племена взбунтовались; и Абу Бекр, предчувствуя неизбежную бурю, решил, что «Меч Господа» должен быть снова обнажен. Вот почему Халид был отправлен покорять Халдею.

Войска отправлены в Ирак. 12 г. хиджры, март 633 г. от р. Х.

В начале двенадцатого года хиджры восстание было подавлено на всей территории Аравии за исключением южных районов, которые уже были на прямом пути к усмирению. Для Абу Бекра вошло уже в привычку двигать бесчисленные полчища арабов для схожей работы куда угодно. Он отрядил на север две армии. Одна, под командованием Халида, объединившись с Аль-Мусанной, направлялась в Убуллу, древний город вблизи дельты Евфрата, чтобы оттуда, оттеснив врага к западному берегу, двинуться к столице Халдеи Аль-Хире. Ийад во главе другой армии был отправлен усмирить восставшую Думу (на полпути между Красным морем и Персидским Заливом), а оттуда также к Аль-Хире. Кто первым доберется до этого города, будет управлять всей страной.¹

Халид объединяется с Мусанной в Ираке.

Ийад, столкнувшись препятствиями со стороны противника, надолго завяз в окрестностях Думы. Халид, не встретил на своем пути с подобных затруднений, и по дороге из Аль-Йемамы в Аль-Ирак объединился с большой группой бедуинов. Подкрепление оказалось очень кстати, поскольку его войско здорово уменьшилось: не только из-за кровавой бойни в Аль-Йемаме, но также и в связи с данным разрешением после той трудной кампании предоставлять воинам отпуск домой. Тем не менее, популярность похода была так велика, что когда после краткого визита к халифу Халид присоединился к своему лагерю

¹ Предание, очевидно, опережает ход событий. Маловероятно, чтобы халиф имел планы захватить Аль-Хиру; ибо аппетиты Халида, как и его господина, росли по мере того, как победы вели их дальше.

на берегу Евфрата, он нашел себя во главе десятитысячной армии; и это кроме восьмитысячного войска Аль-Мусанны, поспешившего выразить свою лояльность, признав главенство более одаренного полководца.

Месопотамия и Сирийская пустыня.

Раскинувшаяся перед арабами страна была чем-то близка им, но чем-то непривычна и чужда. От Персидского Залива до Мертвого моря простиралась каменистая пустыня, непроходимая и безводная. К северу природа смягчалась: все еще пустынная равнина покрывалась весной яркой зеленью и цветами, наполнялась пением птиц и жужжанием насекомых. Обильные пастбища простирались на сотни миль от Дамаска до Тигра. Еще севернее пустыня постепенно исчезала, и примерно на широте Мосула сменялась холмами и долинами Малой Азии. Поперек страны от Алеппо до Вавилона протекал Евфрат, в то время как с востока эту местность ограничивал Тигр, бегущий под горной грядой, отделяющий арабский Ирак¹ от Персии.

Между двумя реками простирается полная патриархальных воспоминаний Месопотамия. По этой огромной равнине странствовали (и странствуют по сей день) бедуинские племена со своими стадами. В большинстве своем они уже долгое время исповедовали христианство. Жившие на Сирийской стороне, вроде Гассана из Босры, были подданными Римской империи; те же, кто жил на востоке, оказались вассалами Персии. Но кочевая жизнь приводила к нестойкой лояльности и слабости веры; а потому эти северные арабы, влекомые симпатией к своим братьям с Аравийского полуострова, так же как и жаждой наживы, нередко бросали своих прежних союзников и веру предков, чтобы связать свою судьбу с колоннами захватчиков.

Халдея и устье Евфрата.

Низовье Евфрата, или арабский Ирак, разительно отличается от только что описанного региона. Две огромных реки, пока еще вдали от моря, приближаются друг к другу; но вместо того чтобы слиться, сохраняют свою независимость и около ста пятидесяти миль текут параллельно, окаймляя достопамятную долину Дура. Эта местность сейчас покрыта длинными холмами и насыпями, следами древних оросительных каналов и усыпана осколками кирпича и глиняной посуды, остатками туманной старины. Тогда она не была, как ныне, просто пустыней, но представляла собою хорошо возделанную и орошаемую каналами землю. На Тигре, чуть ниже места, где реки впервые подходят друг к другу, располагался Аль-Медайн, «двойной город»,² получивший такое название от Селевкии на западном берегу и Ктесифона на восточном, бывший некогда столицей Персии. В пятидесяти милях южнее масса бесформенных насыпей, возвышающаяся на восточном берегу Евфрата, знаменует местонахождение Вавилона, и, взобравшись наверх, можно заметить «Бирс Нимрод», или «Башню Столпотворения», поднимающую свою причудливую главу на горизонте зеленеющей долины. Еще на тридцать миль южнее расположена Аль-Хира, столица окрестных арабских племен. Она стояла (как и

¹ Арабский Ирак отличается от «Ирак аджами», то есть «чужеземного» или персидского Ирака.

² [Медайн, в действительности, множественное число от Медины; определенно можно предположить и двойственное число].

сменившая ее Аль-Куфа) на рукаве, вытекавшем из Евфрата через тоннель в природной скале, выдолбленный рукою человека в незапамятные времена. Несясь на запад, этот бурный поток наполнял множество водоемов и, в первую очередь, огромное озеро под названием «Море Наджаф»; затем, сделав широкий круг, воссоединялся с Евфратом до его слияния с Тигром. В былые времена существовал еще один рукав под названием «Ров Сапора», служивший преградой бедуинским набегам, который, заходя еще дальше на запад, возвращался в свою родную реку неподалеку от Убуллы. Этот приток, теперь пересохший, первоначально нес немало воды и, подобно другим источникам, помогал расширять зеленый пояс, отодвигая песчаную пустыню дальше к западу. Нижняя дельта, в свою очередь, подвергалась приливам, представляя собою легко орошаемую низину с наносной почвой, покрытую морем злаков; и от своей красоты получила название «сад света». Помимо повсеместно растущих пальм здесь в изобилии встречались фиговые, гранатовые и тутовые деревья. Но климат там замкнут и суров; состояние топей и болот, всегда столь легко затопляемых, усугублялось запущенностью дамб и отводных каналов; так что вторгшиеся солдаты, знакомые лишь с каменистыми пустынями полуострова, с любопытством взирали на буйно растущие тростники и на буйволов, прячущих под водой свои неповоротливые тела от зловредных насекомых, либо лениво плескавшихся на пустынных отмелях бесконечных лагун. Халдея кверху от дельты в то время обрабатывалась «феллахами» или арабскими крестьянами, бывшими в подчинении у «дикканов» или местных служителей персидского двора.¹

Халид шлет воззвание Хормузу.

Такова была великолепная долина, раскинувшаяся между пустыней и горными хребтами Персии — колыбель цивилизации и искусства — прельщавшая теперь мусульманских завоевателей. Первым, стоящим у них на пути, был Хормуз, сатрап дельты, тиран, ненавидимый арабскими подданными. Ему, как властелину окрестных племен, Халид отправил послание, в надменном тоне мусульманских воззваний: *«Прими веру, и ты в безопасности; или же плати дань, ты и люди твои; если же откажешься, то пеняй на себя. На тебя уже идет народ, любящий смерть так же, как ты любишь жизнь».*²

Затем, поставив командиром передового отряда Аль-Мусанну, и Ади, сына Хатима (знаменитого вождя Бени Тай), во главе следующего, сам Халид, ведя арьергард, двинул войска на Аль-Хафир, пограничную заставу Персидской империи.³

Битва цепей. Хормуз убит.

Встревоженный необычным воззванием, Хормуз послал сообщение хосровскому царю,⁴ а сам отправился навстречу врагу с армией, чьи фланги находились под командованием принцев царской крови. Он выступил с поспешностью, ожидая одержать легкую победу

¹ Об изменениях, произошедших в устье Евфрата и в общих чертах в районе Аль-Ирак смотрите Le Strange, *Lands of the Eastern Caliphate*, главы ii.-v.

² Табл. i. 2022; подобные письма были посланы жителям Аль-Медайна (2020).

³ Табл. различает четыре колонны, одну из них под командованием Асима ибн Амра. Каждую колонну сопровождал местный проводник. Аль-Хафир или Аль-Хуфейр был местом сбора. i. 2022 и далее.

⁴ Шира ибн Кисра. Табл. i. 2023.

над неподготовленными племенами пустыни; и, первым достигнув русла Аль-Хафира, занял позицию у истоков. Придя вторым, Халид сразу приказал своим воинам спешиться и освободиться от поклажи. «Раз такое дело, — сказал он, — давайте сразу сразимся за воду; клянусь жизнью! Источники должны принадлежать храбрейшему из двух». Тогда Хормуз вызвал Халида на поединок, и, несмотря на предательски устроенную им засаду, сам был убит в этой схватке. Вслед за этим мусульмане бросились вперед и, убив многих, обратили врага вспять, преследуя его до берегов Евфрата. Арабы предвкушали найти в Персии богатую добычу. На долю каждого всадника пришлось по тысяче монет, не считая огромного запаса оружия. Украшенную драгоценными камнями тиару Хормуза, символ власти сатрапа, послали халифу с его пятой частью. Захваченный в битве слон, предназначенный стать одним из подарков Медине, был выставлен напоказ всему городу к большому удивлению восхищенных жителей, но в итоге был отправлен обратно, как неподходящий к месту. Эта операция получила название «Зат ас-Саласил», «Владычица цепей», от партии персидских солдат, связанных вместе (как гласит с презрением предание), чтобы предотвратить их бегство.

«Замок госпожи».

Поверженная армия бежала к своей столице, и Аль-Мусанна поспешил за нею верхом. Переправившись через Евфрат, он подошел к крепости под названием «Замок госпожи», принадлежавшей персидской княжне. Оставив своего брата осаждать крепость, он напал на другой замок, обороняемый мужем княжны. Взял его штурмом, он вырезал гарнизон; когда княжна услышала об этом, то приняла ислам, и, забыв своего персидского господина, отдала свою руку брату Аль-Мусанны.

Персы вновь терпят поражение.

Пыл Аль-Мусанны чуть не стал причиной поражения. Когда послание Хормуза дошло до Аль-Медайна, царь отрядил на помощь еще одного принца с войсками. Объединившись с разгромленной армией, эти силы встретили Аль-Мусанну, остановленного «Большим каналом» (притоком Тигра, текущим поперек полуострова), и Аль-Мусанна со своим маленьким летучим отрядом оказался в большой опасности. Узнав об этом, Халид поспешил на подмогу своему заместителю и подоспел как раз во время. На поле боя завязалась отчаянная борьба. И снова враг бежал; большое количество персов было убито либо утонуло, остальные спаслись на лодках. Глубокий канал остановил дальнейшую погоню, но добыча, захваченная в стане персов, оказалась огромной. Халид прочесал местность, убивая всех взявших оружие мужчин, а их женщин обращая в рабство. Но феллахам, или мирным крестьянам, он не причинил вреда.

Победа при Валадже, ii. 12 г. хиджры, апрель 633 г. от р. Х.

Персидский двор здорово заволновался. Ходили слухи, что с арабскими захватчиками лучше всего справятся арабы, знакомые с их тактикой; и потому царь призвал большое число воинов из племени Бекр и других верных ему кланов, поставив над ними прославленного воина из их же числа. Он также вызвал Бахмана, полководца-ветерана, с востока, для управления царским войском. Объединенная армия, усилив свою мощь,

двинулась к Аль-Валадже, месту, неподалеку от слияния двух рек. Сражение было долгим и упорным, но мусульмане одержали верх благодаря тактике своего предводителя, неожиданно устремившись на утомленного противника из спрятанной у него в тылу засады. Разгром был полным. Персы бежали, и вместе с ними союзники-бедуины, но многие из них оказались захваченными в плен.

Речь Халида.

Опьяненный успехом, окинув взором поле сражения, Халид обратился к своим войскам с такой речью: «О, разве эта пища не в таком же изобилии, как кремни на поле? Э, клянусь Богом, разве не нам дано было сражаться за Бога с неверными, и если бы мы только этим себе зарабатывали на жизнь, было бы достойным погибнуть за эти сказочные поля, показав себя достойными их, а голод и нужду предоставив тем, кому больше по душе их возделывать, и кто находит вашу участь обременительной!»¹

Халид затронул своими словами струны восторга в сердцах бедуинов. В тот момент заговорил еще и голос плоти. Персиянки, как девицы, так и женщины, как «пленники их правой руки», тотчас, в неограниченном количестве, с позволения, которое они считали божественным, были брошены в законные объятия завоевателей; и, наслаждаясь этой привилегией, они ничего не имели против исполнения над язычниками «предписанного наказания». Таким образом, религиозный фанатизм возрастал наряду с военным пылом, оба обусловленные мотивами, присущими арабам — набегами и грабежом, военной добычей и очарованием пленниц.

Битва при Уллейсе, iii. 12 г. хиджры, май 633 г. от р. Х.

Победная чаша, однако, лишь слегка коснулась губ арабов, и множество случайностей еще могло пронести ее мимо. Большой род Бени Бекр разделился в сражении, часть взяла сторону Халида, а часть оставалась с персами. Неприязнь месопотамских бедуинов к захватчикам росла, усугубляясь поражением и их обращением с пленниками. Пострадавшие христианские племена подняли своих кочевых собратьев по обоим берегам Евфрата и побуждали персидский двор к отмщению. Сразу после этого заболел царь Ардашир, и Бахман был задержан при дворе; однако он послал войска через Евфрат, чтобы объединиться с лояльными бедуинами, со всех сторон стекавшимися к Уллейсу (Аллису), на полпути между Аль-Хирой и Убуллой. Вести об этом серьезном подъеме населения вынудили Халида спешно отступить и вновь пересечь Евфрат. Затем, оставив сильный отряд в Аль-Хафире для прикрытия тылов, он смело двинулся навстречу врагу. Арабские племена первыми бросились в атаку на мусульман, но Халид сразил их вожда. Затем уже персы выступили широким фронтом, и войско ислама оказалось в таком тяжелом положении, как никогда прежде. Борьба шла отчаянная, и в какой-то момент Халид, доведенный до крайности, поклялся Господу, что в случае победы кровь его врагов потечет багряным потоком. Наконец персы, не в силах противостоять стремительному натиску, сломали свои ряды и обратились в бегство. Во исполнение своей дикой клятвы, Халид приказал не убивать ни одного беглеца, но всех живыми доставлять в лагерь. Два

¹ Табл. i. 2031. Речь Халида цитируется Аль-Кинди, апологетом христианства, S.P.C.K., 1887, стр. 85.

дня мусульманские всадники прочесывали окрестности и захватили огромное количество пленников.

«Река крови».

Затем в пересохшем русле канала началась кровавая бойня, но вся кровь впитывалась землей. Отряд за отрядом обезглавливался, но кровавый поток все не тек.

В конце концов, по совету одного арабского вождя, Халид пустил в канал воду, и кроваво-красные струи исполнили его клятву. На том месте находились мельницы, и три дня зерно для армии молотось покрасневшим потоком. Возможно, предание приукрасило детали этого варварского злодеяния; но его память осталась в названии, которое получил после этого зловещий поток: его назвали «Рекою крови».

Персидский ужин на поле боя.

По окончании битвы в лагере врага был накрыт роскошный ужин, к которому персы, испуганные неожиданным появлением Халида, уже собирались приступить. Эта пища оказалась новым впечатлением для простых арабов, в ребячьем восторге хватавшим белые оладьи и с жадностью поглощавшим пышные блины и прочие восточные деликатесы. Халид вкушал свою трапезу ужин, облокотившись на тело богатыря, «равного тысяче воинов», которого он зарубил в поединке. Вести о победе, вместе с лучшей долей награбленного, давно установленной для халифа пятой частью, были немедленно направлены Абу Бекру. Посланник, сам храбрый воин, рассказал о накале и ходе битвы, о подвигах и искусстве отличившихся героев, о множестве пленников и богатой добыче.

Радость Абу Бекра.

Халиф, чрезвычайно обрадованный блестящим рассказом посланника, подарил ему красивейшую девицу из пленниц, которых он привел с собой.

Важность района Аль-Хиры.

На время дух персов был сломлен; но их бедуинские союзники продолжали беспокоить Халида. Занимаемое ими положение позволяло им серьезно досаждать его тылам и коммуникациям с Мединой, так что ему пришлось оставить целый участок к западу от Евфрата, удерживаемый этими племенами, вместе с Аль-Хирой, его столицей. Династия Лакхмид давно перестала править этим городом, который на долгие годы перешел под власть персидского сатрапа. Отчасти из-за того, что интересы жителей Аль-Хиры были схожи с христианскими племенами Месопотамии, отчасти из-за ее зависимости от Персии, реальное ее влияние до настоящего момента слабо ощущалось в аравийских владениях. Но недавние события показали, что даже Бени Бекр может объединиться со столицей пограничного региона, чтобы противостоять захватчикам; и дабы предотвратить повторение такой опасности, Халид теперь направил свои стопы к Аль-Хире.

Амгисия покорена.

Держа в мыслях свое стратегическое положение, Халид спешно двинулся к западному каналу Евфрата и напал на Амгисию, город, соперничавший с Аль-Хирой размерами и богатством.¹ Горожане бежали, и трофеи оказались так велики, что каждому всаднику досталось по 1500 монет. Когда пятая часть была доставлена в Медину, Абу Бекр был потрясен видом награбленного. «О, вы, корейшиты, — воскликнул он в восторге, — истинно ваш лев, лев ислама бросился на льва Персии и захватил его добычу. Конечно, утроба истощилась. Воистину, никакой женщине не выносить больше второго Халида!»

Хира осаждена и капитулирует.

Найдя в Амгисии лодки, Халид погрузил в них пехоту со всем имуществом и уже намеревался наладить переправу через ручей для осады Аль-Хиры, но в тот момент сатрап открыл ворота нескольких оросительных каналов, и флотилия внезапно села на мель. Сообразив, в чем дело, Халид поспешил с небольшим летучим отрядом вдоль канала, закрыл шлюзы, и тем самым позволил лодкам вновь подняться на воду. Затем, высадившись на берег и захватив красивейшие дворцы князей Аль-Хиры,² армия расположилась лагерем у городских стен. Сатрап бежал за реку; но город, защищенный четырьмя крепостями, отказывался сдаваться. Валы были укреплены, и осаждающие надежно укрывались от стрел и дротиков. Вне городских стен находилось несколько монастырей; испытавшие на себе все ярость осаждающих, монахи и духовенство склонили жителей города сдать на необременительных условиях, которые были отражены в договоре. Вслед за этим они принесли дары, которые Халид благосклонно принял и отправил в Медину. Абу Бекр одобрил договор и принял подарки, однако пожелал, чтобы их стоимость была удержана из дани.

Договор с Хирой.

Жители Аль-Хиры обязались платить ежегодную дань, которой облагались все классы населения, за исключением нищенствующих монахов. Мусульмане в свою очередь обещали сохранить город от вторжения. Договор, впрочем, вскоре нарушенный из-за прокатившегося по тем землям восстания, представляет интерес, как первый, заключенный с жителями территории, лежащей за пределами полуострова. Стоит упомянуть одно необычное условие. Красота Керамы давно стала притчей во языцех, и один воин потребовал ее на основании того, что Мухаммад, услышав, как тот восхваляет ее очарование, пообещал (как гласит предание), что, когда Аль-Хира будет взята, она станет его невестой. Халид настаивал на том, что обещание Пророка теперь должно было быть исполнено. Домашние Керамы опечалились, но она отнеслась ко всему с легким сердцем. «Не беспокойтесь об этом, — сказала она, — глупец, видевший меня в юности, забыл, что юность не вечна». Воин вскоре увидел, что она права, и был рад объявить о возможности выкупить ее, в результате чего она вернулась к своему народу.

Хира остается христианской, 12 г. хиджры — 633 г. от р. Х.

¹ Иная форма этого названия, как говорят, Намишия.

² «Жизнь Мухаммада», 1861, том 1, стр. clxxi.

Занятие Аль-Хиры стало первым значительным шагом в продвижении ислама по миру. Здесь Халид расположил свой штаб и оставался в течение года. В самом деле, этот город оказался самой первой столицей мусульман за пределами Аравии. Управление было оставлено за главами города, которые, по меньшей мере, были нейтральными. Халид, разумеется, рассчитывал, что жители, будучи арабского происхождения, и сами бывшие долгое время подданными династии из арабов, не замедлят занять его сторону. Ади, внук одноименного поэта, был участником делегации, заключившей мир. «Скажи мне, — шутливо обратился к нему Халид, — арабской или персидской вы крови?» «Суди по нашей речи; разве она говорит о низком происхождении?» «Верно, — ответил Халид, — тогда почему же вы не примете нашу веру и не разделите наш жребий?» «Э, нет, — отвечал христианин, — не бывать этому! мы никогда не отречемся от веры наших отцов, но дань вам платить будем». «Будьте прокляты, глупцы! — вскричал Халид, — неверие, как пустыня без пути; и по ней скитаются глупейшие из арабов! Вот вам два проводника, араб и чужестранец; и вы из двух выбираете чужеземца!» Приливы и отливы римских нашествий, несомненно, ослабили веру христиан, обитавших в Персии; но аль-медайнский двор всегда был под рукою, и хотя находился в последней стадии угасания, был все же достаточно сильный, чтобы сохранять власть и мало зависеть от Аль-Хиры. Долговечность власти арабов также вызывала сомнения; любовь к религии предков еще была жива; и город предпочел платить дань. И несколько столетий спустя мы все еще находим значительное количество жителей этих окрестностей придержающимися христианской веры.¹

Молитва и служба в честь победы.

Мусульмане утвердили публичную молитву, внешний символ господствующей веры, и горожанам пришлось пять раз в день слушать крик муэдзина, который с раннего утра раздавался из расположенного неподалеку лагеря. Халид отпраздновал свой успех в особой «победной службе». Событие оказалось знаменательным. Облаченный в ниспадающие одежды, свободно завязанные вокруг шеи, он обратился к собранию по окончании обычных молитв и воздал должное храбрости воинов: «На поле Муты, в битве с греками девять мечей переломились в руке моей. Но я не встретил там никого, равного по силам противникам, с которыми мы бились здесь; а из них не было никого отважнее, чем мужи Уллейса!» Первый поход в Аль-Ирак, действительно, предание окружает особым ореолом: ибо потери мусульманской стороны до настоящего момента были

¹ Чувства этих христиан относительно потери своих исконных правителей и затем в покорения их мусульманскими захватчиками, прекрасно выражены в следующих стихах, написанных одним из их поэтов. Аль-Мунзир и Ан-Номан были князьями из династии Лакхмидов:

«Вот, когда сгнули принцы рода Аль-Мунзир, узрею ли я вновь королевского пастуха верблюдов, возвращающегося вечером с пастбищ Хаварнака и Седира?»

Вот, когда пали всадники Ан-Номана, буду ль я еще кормить молодую верблюдицу на пастбищах между Меккою и Хафиром?

Как стадо козлов во время бури, мы рассеяны Бени Маадд (вторгшимися мусульманами), даже как куски верблюда, рассеченного для пиршества.

Прежде наши дома были священны, мы были подобны соскам наполненного вымени,

Платья в назначенное время хосровам дань скотом и золотом.

Такова судьба: ее повороты подобны вращению ведер в колодеце,

То она возносит к свету и радости, то погружает во тьму и страдания».

невелики, и борьба здесь едва ли могла сравниться со многими весьма спорными сражениями времен Пророка.

Управление регионом.

В то время как Аль-Хира была оставлена в руках ее собственных правителей, на окрестных территориях вводилось общее правление. «Дихкане» — крупные землевладельцы и сборщики царских податей — ожидали своего часа. Увидев теперь, что Халиду покоряется все, лежащее на его пути, многие спешили выразить покорность и принять на себя обязательства по выплату дани. Абу Бекр мудро предписывал оставить феллахам их владения и уважать их права, как собственников своих земель. Требование оставалось неизменным с добавлением небольшого подушного налога. По другим вопросам решения принимались с согласия и одобрения войска, ведущего переписку с властями Аль-Хиры. Сохранив свою родовую веру, люди стали «зимми», или вассалами под защитой. Халид принял на себя обязательство защищать их, а они, со своей стороны, заверили его в преданности и обязались извещать в случае грозящей опасности. Тут и там были расставлены гарнизоны, и войска сохранялись в готовности к выступлению. И так, земли к западу от Евфрата, а также к востоку от нижней дельты находились под контролем. На всей этой территории никто не был застрахован от грабежей, кроме тех, кто заключил с мусульманами договор. Доходным делом оказалось забирать заложников; отпускались они лишь после выплаты выкупа. Дань, как и трофеи, распределялась среди воинов: «для укрепления их воли и побуждения к храбрым делам».

Персия парализована внутренними проблемами.

Персия тем временем находилась в безнадежном смятении. Мужское потомство возможных соискателей трона было так безжалостно вырезано, что больше не осталось ни одного наследника царской крови, и быстро сменяющаяся череда слабых претендентов выдвигалась принцессами, оставленными для формирования двора. Ослабленные, персы были в состоянии только защищать Аль-Медайн, удерживая лишь кусок земли напротив него, вдоль Нахр-шира, глубокого канала, отведенного от Евфрата, и текущего поперек полуострова. Эта оборонительная линия находилась под угрозой Аль-Мусанны, но Абу Бекр дал строгие указания не наступать, пока в тылу не будет обеспечена полная безопасность. Более того, до сих пор не было никаких вестей от Ийада из Думы, на соединение с силами которого иракская армия так рассчитывала. Халид был раздражен вынужденной бездеятельностью, «играя», как он сетовал, «на протяжении многих месяцев женскую роль». Но он обуздал свой пыл и довольствовался сочинением двух посланий в категоричной форме, одно было адресовано «князьям Персии», другое «сатрапам и всем жителям».

Анбар.

На северном и западном направлениях, однако, агрессия продолжалась. Был осажден Аль-Анбар, крепость на берегу Евфрата приблизительно в восьмидесяти милях выше Вавилона. Измученные верблюды мусульман были убиты и брошены в глубокий ров, который, таким образом, стало возможным пересечь для штурма города. Персидский

правитель взмолился о пощаде, и ему было разрешено уйти. Захватив Аль-Анбар с его обильно орошаемыми окрестностями, армия ислама устремилась на Айн Ат-Тамр, «Финиковую рощу», крепость на пустынной границе в трех днях пути к западу. Персидские отряды здесь получили поддержку от большого объединения арабских племен, среди которых были рекруты из Таглиба, последователи пророчицы Аль-Йемамы. Они встретились с подошедшим Халидом, но получили отпор, и персидский правитель, воспользовавшись скрытым ходом с крепостного вала, бежал, предоставив защиту своих подданных самим себе.

Жестокость Халида.

Не выдвигая никаких условий, они сдались на милость победителей. Упорное противостояние бедуинов-христиан вызвало у Халида вспышку неразумной ярости, ожесточившей их против него. Их вождь был обезглавлен перед городскими стенами, а все защитники крепости были убиты; в то время как женщины и дети отданы солдатам или проданы в рабство.

Ученики-христиане.

В церковном монастыре оказались в тяжелом положении сорок юношей, в ужасе забаррикадировавшие от врага двери. Когда это убежище было захвачено, они сдались, как и подобает ученикам, наставленным в Евангелии. Им пощадили жизнь и распределили среди вождей. Судьба этих несчастных юношей, схваченных в несторианской семинарии и вынужденных стать пленниками в мусульманской вере, должно быть, вполне обычна для бурного и кровопролитного периода сарацинского вторжения. Причина, почему предание упоминает о них особо, в том, что среди них находились предки нескольких выдающихся деятелей, таких как историк Ибн Исхак и покоритель Испании Муса.

Ийад у Думы.

Все это время Ийад, который уже давно должен был присоединиться к Халиду, безуспешно сражался с врагами под Думой. Забеспокоившись, халиф отправил ему на выручку Аль-Велида, посланного Халидом в Медину с царской долей добычи. По его совету Ийад послал Халиду спешное сообщение с просьбой о помощи. Посланник прибыл вскоре после падения Айн Ат-Тамра; и Халид, не имея больше врагов на поле брани, ответил ему такими воинственными стихами:

«Друг мой, немного еще подожди, близка уже помощь, к тебе уж спешит;
Отряд за отрядом, они уже рядом, блистают их копыя, сверкают мечи».

Оставив за себя в Аль-Хире командиром Аль-Кааку, Халид с лучшими из своих воинов выступил без промедления, пересек оказавшуюся на пути пустыню и сдержал свое слово.

Халид штурмует Думу, vii. 12 г. хиджры, сент. 633 г. от р. Х.

Он прибыл как раз вовремя. Окейдир и Аль-Джуди, правители Думы, нашли поддержку у Бени Келб и других племен Сирийской пустыни; и теперь с севера спускалось племя Бени Гассан под командованием Джабалы, христианского князя Босры. Положение Ийада, окруженного со всех сторон, с каждым днем становилось все более критическим. Появление Халида сразу изменило всю сцену. Само его имя служило оплотом силы. Окейдир уже имел возможность испытать на себе его отвагу, оказавшись несколько лет назад благодаря ему пленником в Медине.¹ Будучи сильно напуган, он уже намеревался сдаться, но по пути был взят в плен и обезглавлен. Затем Ийад на сирийской стороне, а Халид на персидской атаковали враждебные племена и опрокинули их. Джабале посчастливилось унести ноги в Босру. Толпа оставшихся неудачников оказалась зажатой меж двумя армиями, и никому не удалось спастись. Ворота крепости были разбиты, и сгрудившиеся внутри горожане без разбора полегли под мечом. Женщины были проданы на торгах; а самую красивую из них, дочь несчастного Джуди, Халид купил для себя. Отпраздновав свадьбу на поле брани, он устроил себе короткий отдых в Думе, пока основные части армии добирались обратно в Аль-Хиру, где были встречены с тимпанами, цимбалами и бурными проявлениями радости.

Действия в Ираке, viii. 12 г. хиджры, окт. 633 г. от р. Х.

Но не все шло так гладко по соседству. Отсутствие Халида воодушевило персов и их арабских союзников, особенно Бени Таглиб, все еще горящее по поводу казни своего вождя, возобновить наступательные действия. Аль-Каака хоть и не терял бдительности, мог лишь удерживать границу и защищать Аль-Анбар от угрозы набегов.² Услышав тревожные вести, Халид поспешил обратно. В то время, пока Ийад оставался управлять Аль-Хирой, Халид отрядил Аль-Кааку через Евфрат, а сам двинулся к Айн Ат-Тамру, чтобы атаковать племя Таглиб; поскольку клялся, что таким образом он сокрушит гадюке главу в ее гнезде. На восточном берегу персы были обращены в бегство, а их вожди убиты. Тем временем на западном берегу серия блестящих, хорошо спланированных ночных налетов покончила с бедуинами. Их раз за разом застигали безмятежно спящими в своих шатрах в пустыне, рубили на куски, а семьи обращали в рабство. Так Халид исполнил свою клятву. Множество женщин, многие благородной крови, было распределено среди воинов. Также часть из них с богатой добычей была отправлена в Медину, где женщины были выставлены на продажу.³

Битва при Фираде. Разгром персов, греков и бедуинов, xi. 12 г. хиджры, янв. 634 г. от р. Х.

Преследуя своих врагов-кочевников, наконец, Халид достиг Аль-Фирада на Сирийской границе, и оставался со своей армией у реки во время поста рамадан и еще несколько недель после. Но византийский гарнизон на границе, встревоженный длительной

¹ «Жизнь Мухаммада» стр. 443 и далее.

² Табл. i. 2068 и далее.

³ Одну из них купил Али. До этого он взял в свой гарем другую девушку, одну из пленниц Аль-Йемамы; она была из племени Ханефа, и сын, которого она ему родила, был назван, поэтому, ибн Аль-Ханефийя (сын женщины-ханефитки). А его наследники, происходившие таким образом из рода Али, обладали политической властью, о которой мы впоследствии еще поговорим. Так же считается, что он в том же году женился на внучке Пророка Умаме, дочери Зейнаб, племяннице покойной жены Мухаммада Фатимы.

стоянкой лагеря и угрожающей позицией Халида, объединившись с персидскими заставами и соседними лояльными племенами, выступил внушительной силою, чтобы прогнать захватчиков. Они надеялись, что Халид пересечет реку; но осторожный воитель предложил вместо того им самим перебраться на восточный берег. Последовала долгая и жестокая битва. Мусульмане победили; конница преследовала беглецов, и резня, должно быть, была жуткой, ибо предание сообщает невероятное число жертв, сто тысяч.

Паломничество Халида инкогнито, xii. 12 г. хиджры, февр. 634 г. от р. Х.

На время сопротивление было подавлено, и в поле зрения не оставалось никакого противника. Приближалась пора паломничества в Мекку, и Халид принял исключительное решение совершить его инкогнито — не сообщив даже своему царственному владыке. Так, укрепив свою армию в течение десяти дней на отвоеванном поле битвы, он отдал приказ медленно продвигаться небольшими переходами обратно в Аль-Хиру. Затем, создав видимость, что остается позади, он с небольшим эскортом тайно отправился в благочестивое путешествие. Без провожатого он прошел окольными путями пустыню с невероятной скоростью и сообразительностью. Совершив обряд паломничества, он вернулся из Мекки той же дорогою с такой же быстротою, и вернулся в Аль-Хиру ранней весной, когда в нее входил арьергард его войска. Он так хорошо сохранил свою тайну, что в армии полагали, что все это время он оставался в Аль-Фираде, а теперь неспешно возвращался обратно. Даже Абу Бекр, осуществлявший руководство паломничеством, не подозревал о присутствии своего великого военачальника. Когда через некоторое время этот секрет был открыт халифу, тот остался очень недоволен. Но то, что он сделал в связи с этим проступком, принадлежало уже последующему году.

ГЛАВА IX

ПОХОД В СИРИЮ. БИТВА ПРИ АДЖНАДАЙНЕ. КАПИТУЛЯЦИЯ ФИХЛЯ.

12-13 г. хиджры / 633-634 г. от р. Х.

Халид ибн Саид отправлен на Сирийскую границу, 12 г. хиджры, 633 г. от р. Х.

ПОХОД на Сирию начался под руководством совсем другого Халида, сына Саида, — по крайней мере, согласно Сейфу, одному из самых старых авторитетов. Рано обратившийся, и потому изгнанный в Абиссинию, он занимал высокое положение в исламе, как мученик за веру. Использувавшийся в качестве посланника на юге, он был вынужден бежать во время беспорядков после смерти Пророка, и теперь требовал новых распоряжений. Хотя Омар (на которого этот Халид на всякий случай клеветал) сомневался в его пригодности, Абу Бекр, уступив настойчивости «мученика», отправил его навести порядок среди дружественных племен на сирийской границе; но приказал не нападать первым, если его не будут атаковать. Византийцы, в надежде завладеть его верблюдами, созвали своих союзников-бедуинов и заняли угрожающую позицию. Халиду в таком случае было разрешено наступать, однако делать это осмотрительно, чтобы не подставить под удар свои тылы. Дойдя до самого Мертвого моря, он опрокинул там сирийский отряд под командованием византийского военачальника Багана (Баанеса); но, поняв, что зашел слишком далеко, спешно послал за подкреплением.

Икрима послан ему на подмогу.

Как раз в то время войска мусульман, разгромив отступников на юге, возвращались в большом количестве в Медину, и, таким образом, могли принять участие в других операциях. Икрима, сын Абу Джала, и Аль-Велид ибн Окба спешно были отправлены на помощь этому Халиду на север, а в Медине была объявлена священная война, и другие эмиры объявили призыв, ибо (согласно этому рассказчику) именно тогда Абу Бекр впервые задумался о завоевании Сирии.

Халид ибн Саид терпит поражение при Мердж Соффаре близ Тивериадского озера.

Воодушевленный таким подкреплением, Халид ибн Саид ранней весной поспешил добыть первые лавры кампании. Забыв о предостережениях своего наставника, в своем рвении он попался в сети, раскинутые Баганом на пути в Дамаск. Когда арабы добрались до Мердж ас-Соффара, что на восточном побережье Тивериадского озера, неприятель ударил на них сзади, отрезав пути к отступлению. Халид, чей сын Саид оказался среди убитых, с остатками своей армии бежал в Медину.

Различные мнения.

Рассказ об этом походе Халида ибн Саида основан, как было уже сказано, лишь на одном источнике, т.е., Сейфе. Этот Сейф, однако — он жил во второй половине восьмого столетия от р. Х. — имел явную слабость приписывать доблестные деяния отцам веры, а

Халид, кто был одним из них, был на него в этом похож. Но трудно поверить, что мусульманам удалось в этом случае добраться до Дамаска, или спутать это сражение с битвой, произошедшей там позднее. Более того, другие историки дают иную оценку этому событию. Они утверждают, что сопротивление Омару было такое сильное, что Халид якобы не оставлял Аравию, а на посту командующего его сменил Язид, сын Абу Суфьяна.

Части армии.

Армия состояла из трех отрядов по пяти тысяч воинов в каждом, двумя из них командовали Шурабил, сын Хасаны (его матери) и неустрашимый Амр ибн аль-Ас. Амр, по-видимому, был фактическим командиром и третьего отряда, если и не де-юре. Каждому из этих отрядов было предназначено по одному из районов Сирии для ведения боевых операций. Амр должен был действовать в направлении Айлы у залива Акаба, занимая южную Сирию или Палестину. Язид с Шурабилем сперва должны были двигаться на Тебук, где последнему следовало занять центральную Сирию, а первому наступать на Дамаск.¹ Муавия, будущий халиф, нес знамя своего брата Язида — в предзнаменование ожидавших его высоких почестей. Халид ибн Саид, как считается, вступил в отряд Шурабиля добровольцем. Все трое были утверждены в должности во втором месяце (сафаре) 13-го года хиджры, в апреле 634 г. от р. Х.

Абу Обейда.

По мере прибытия в Медину новых добровольцев, их направляли в распоряжение одного из трех командующих. Абу Обейда, сын Аль-Джарраха, кажется, стоял во главе одного такого отправленного на помощь отряда. Недовольство тем, что такой выдающейся личности пришлось быть лишь вторым по главенству, возможно, стало причиной другой версии, согласно которой, для вторжения в Сирию было отправлено не три, а четыре отряда. Абу Обейда, по этой версии, даже осуществлял общее руководство над всеми. Как бы то ни было, силы захватчиков вскоре возросли до двадцати четырех тысяч воинов, включая и корпус под командованием Икримы.

Сирийская армия.

Направленные в Сирию войска, в целом, отличались по составу от армии, оккупировавшей Аль-Ирак. В основном та армия состояла из бедуинских племен, которые тысячами стекались под знамена Халида и Аль-Мусанны; жителей Мекки и Медины среди них было сравнительно немного; так как в своем большинстве они возвратились по домам после битвы при Аль-Йемаме. Сирийская армия, напротив, насчитывала, по крайней мере, тысячу «соратников», то есть тех, кто непосредственно видел и общался с Пророком, и не меньше сотни из числа знаменитых «трех сотен» из битвы при Бедре. Они по своему выбору вступали в отряд, чей руководитель был им более по вкусу; но,

¹ Сирия под владычеством мусульман, вероятно, со времени Омара, была разделена на пять военных округов, «джундов»: Киннасин (Хальсис), Гимс (район Эмесы), Дамаск, Эль-Урдун или Иордан (по обоим берегам реки вплоть до Мертвого моря) и Филастин или Палестина, к югу и востоку до Кармила. Арабские историки преждевременно вводят в употребление эти названия, говоря о более раннем периоде.

однажды выбрав, они соглашались безоговорочно повиноваться своему командиру; в то время как он со своей стороны обязался учитывать их мнения и пожелания по всем важным вопросам. Благородные шейхи, еще несколько лет назад имевшие полную власть над Меккой, и величественные вожди знатного происхождения теперь с готовностью присоединялись к отрядам тех, кому халиф пожелал вручить знамя командования, не взирая на молодость и низкое социальное положение. И вся армия, соответственно, составленная из отдельных отрядов, отдавала себя в абсолютное распоряжение главнокомандующему силами правоверных.

Войска посланы.

Вполне представляя всю серьезность предприятия — ведь предстояло скрестить мечи с самим императором — халиф приложил все усилия, чтобы подготовить войска. Перчатка была брошена, арабы объявили войну одновременно двум могущественным монархам — Востока и Запада. Отряды для этого большого предприятия теперь один за другим формировались на равнине Джурф, неподалеку от Медины, на пути, ведущем на север. Когда они становились готовы к выступлению, халиф шел пешком возле назначенного им командующего и давал ему напутственные наставления:

«Мужи, — обычно говорил он,¹ — я дам вам десять заповедей, которым вы должны неизменно следовать: не обманывайте и не воруйте; не предавайте и не калечьте; не убивайте ни женщин, ни детей, ни стариков; не сдирайте кору и не сжигайте финиковых пальм; не вырубайте фруктовые деревья и не уничтожайте посевов; не убивайте стада скота и верблюдов, если не ради пищи. Вы встретитесь с мужами, у которых бритые макушки, рубите их по ним мечами. Также вы увидите мужей, живущих в кельях, оставьте их в покое в том, чему они себя посвятили».

Командующему давались инструкции более общего характера: обещать доброе правление захваченному народу и сдерживать свое обещание; не быть многословным, но говорить всегда просто; уважать парламентаров, но не удерживать их долго, чтобы они не начали шпионить; сохранять секретность, где это требуется; выставлять караулы вокруг днем и ночью; и никогда не расслабляться.

Благоприятные обстоятельства.

Вторжению мусульман в Сирию очень поспособствовало одно событие, случившееся незадолго до того. Византийский император имел обыкновение платить арабским племенам на юге Палестины ежегодное пособие; по экономическим причинам, в связи с необходимыми тратами на войну с Персией, в последнее время эти выплаты, однако, прекратились. По этой причине эти племена посчитали себя свободными от каких бы то ни было обязательств и примкнули к захватчикам. Жители Сирии также, помимо религиозных преследований, страдали от увеличивающихся налогов, вследствие чего оставались пассивными наблюдателями вторжения в их страну, в действительности,

¹ По одной версии, Абу Бекр адресовал эти слова Осаме (см. гл. ii), по другой — Язиду. В одной из версий два последних пункта — убивать монахов и щадить отшельников — опущены. Что касается остального, ср. Второзаконие, хх. 14, 19.

ожидавая лучшего от завоевания арабами, которые воздерживались от грабежа, и чье правление представлялось более мягким и терпимым, чем их теперешнее положение.

Первые столкновения.

Первое столкновение, произошедшее в долине Араба, что между Мертвым морем и проливом Акаба, закончилось поражением трехтысячной греческой армии. Услышав о вторжении, правитель Палестины Сергей спешно выступил с небольшим отрядом из трехсот воинов. Он встретился с Амром неподалеку от Газы, и его маленький отряд был изрублен в куски, а сам он убит. Эти победы были плодом неожиданности, поэтому осторожный Амр, вместо того, чтобы продвигаться вперед, отступил в Арабу, послав Язида, Абу Обейду и Шурабиля в Белку и Хавран. Сам же он в это время оставался ждать подкреплений из Медины.

Халид переведен в Сирию.

Для Абу Бекра вторжение в Сирию было важнее, чем завоевание Аль-Ирака; поэтому он решил перебросить оттуда Халида на запад. Этот приказ поначалу обескуражил Халида. Он приписал его Омару, который, завидуя его покорению Аль-Ирака, хотел вырвать эту победу из его рук. И причина для таких опасений существовала. Пока Абу Бекр был жив, дела обстояли иначе, ибо его инструкции были таковы: «Возьми с собой половину армии и оставь половину Аль-Мусанне. Когда Господь дарует тебе три победы в Сирии, тогда возвращаясь к своей миссии в Аль-Ираке». Успокоенный заверениями и преданный своему господину, Халид стал отбирать соратников и лучших воинов, которым предстояло сопровождать его в Сирию. Аль-Мусанна настаивал, чтобы разделение было равным, и был, в конце концов, удовлетворен, отстояв большую часть ветеранов. Каждая половина состояла примерно из девяти тысяч воинов. Аль-Мусанна проводил великого военачальника, которому служил верой и правдой, до границы пустыни, и, простившись, вернулся в Аль-Хиру.

Марш через сирийскую пустыню.

Нет единого мнения о пути, которым следовал Халид, но в отношении двух пунктов в основном разногласий не возникает: во-первых, что его исходным пунктом был Айн Ат-Тамр, в пустыне к западу от Евфрата и к югу от Хита; во-вторых, что завершающая часть похода лежала от Арака или Урака (близ Пальмиры), Тадмора (Пальмиры) и Карьятейна (Кариатейна) до Мердж Рахита (лугов на окраине Дамаска).

Путь следования.

Предмет спора заключается в том, пошел ли он из Айн Ат-Тамра в Арак через Думат Аль-Джандал (как вслед за ибн Аль-Асиром полагает Сэр Уильям Мьюир), или же двинулся напрямик в северо-западном направлении (к какому заключению пришел г-н де Геж, изучив множество источников). Вероятнее всего, что не оставившая следов часть пути включала долгий переход по безводной пустыне — между двумя пунктами, называемыми соответственно Коракир и Сува, чье месторасположение, к сожалению,

осталось неизвестным. Ибн Аль-Асир так описывает этот отчаянный переход: «Халид добрался до Коракира (место с пресной водой, принадлежащее племени Келб) и призадумался о том, как ему добраться до Сувы, преодолев пятидневный путь по пустыне. Он нашел проводника по имени Рафи, сына Омейра из племени Тай, считавшего, что с грузом и лошадьми проделать такой путь невозможно: “Ибо, клянусь Аллахом, даже и одинокий всадник не рискнет отправиться в такую дорогу”. Халид отвечал: “Другого пути нет, если мы хотим добраться до греков и не позволить им отрезать нас и не дать прийти на выручку нашим друзьям”. Итак, он приказал всем начальникам отрядов взять пятидневный запас воды и отобрать необходимое количество лучших верблюдов для воды, затем поить их вновь и вновь, покуда они уже не смогут больше вместить в себя. На следующий день необходимо завязать верблюдам уши и губы, чтобы они не могли жевать. Это даст возможность сохранить воду. На каждой стоянке в пустыне убивали по десять таких верблюдов для отряда из ста копыеносцев. Водой, вытекающей из их тел, смешанной с верблюжьим молоком, поили лошадей. На пятый день запасы кончились. Когда они подошли к окрестностям Аль-Аламейна (“два дорожных камня”), где должна была быть вода, проводник в отчаянии спросил: «Посмотрите, нет ли поблизости кустарника верблюжьей колючки; ее высота примерно как у сидящего человека?» Они ответили, что не видят ни одного. Тогда он воскликнул: “Богу мы принадлежим, и к Нему возвращаемся. Вы погибли, клянусь Богом! и я вместе с вами! (поскольку зрение его расстроилось) Смотрите лучше, горе на ваши головы!” Арабы огляделись и заметили один кустик. Он был срублен, так что оставался лишь пенечек. Тогда они воскликнули: “Аллаху Акбар!” — Бог велик! Они начали копать в этом месте, и нашли источник, и все напились. “Клянусь Богом! — сказал проводник, — я только раз был у этого источника, еще мальчишкой со своим отцом”».

Правдивость этого происшествия подтверждают следующие стихотворные строки:

«Как вожделенны колодцы Рафи, ведь труден был путь и далек,
Пустыню от Коракира Рафи до самой Сувы пересек.
В пятидневном безводном походе и воин готов зарыдать,
Подобного ни единому смертному не доводилось видать».

Результаты встречи с сирийской армией, iv. v. 13 г. хиджры, июнь-июль 634.

Подойдя к пределам видимости Дамаска, приблизительно в четырех лигах к северо-востоку от дороги, идущей от Эмеса, под восточными склонами Антиливана, Халид ненадолго придержал коня, чтобы взмахнуть знаменем, что символизировало его уверенность в быстром захвате страны. Возвышенность, на которой он стоял, до сих пор называется Санийят Аль-Окаб, или «Проход знамени».¹ Это было то самое место, с которого Пророк арабов примерно за пятьдесят лет до того в первый и единственный раз увидел «Зеленый город».

Пройдя под стенами Дамаска, к удивлению некоторых мужей племени Гассанид, праздновавших в это время какой-то праздник — Пасху или Пятидесятницу — и немного пообщавшись, как сказано, с городским префектом или епископом, Халид не замедлил

¹ Или «Орлиный проход». На карте Бедекера (с карты Ветштайна) он назван Тенийет Абу'ль-Ата.

отправиться в Босру, где присоединился к Язиду, Шурабилю и Абу Обейде. Капитуляция Босры была принята по устному заверению ее губернатора, и четверо военачальников двинулись на юг, навстречу Амру, который все это время находился в Арабе.

Сравнение двух армий.

Сэр Уильям Мьюир дает следующее описание противостоящих армий: «Византийская армия насчитывала двести сорок тысяч воинов,¹ часть из которых была преступниками, выпущенными на волю по такой оказии, другие же были скованы в ряд, чтобы не могли бежать, или, скорее, создать видимость, что были готовы погибнуть. Такие преувеличенные, а возможно и просто фантастические слухи ходили тогда в рядах мусульман. Но, как бы мы не преуменьшали их, надо признать, что армия, с которой Ираклий собирался отражать вторжение сарацинов, должно быть, была очень большой. Также мы можем полагать, что, хотя и лишённая согласия, лояльности и отваги, его армия имела хорошее снаряжение и была воодушевлена своими победами в Персидской войне. По дисциплине и общей выправке, равно, как и по снаряжению, византийцы в значительной степени превосходили арабских воинов.

Но бедуинские лошади были энергичнее и проворнее. Их ноша была легче, хотя и досаждала им больше, и они несли ее так быстро, что, когда арабам не удавалось ошеломить противника за счет внезапности, их конница моментально скрывалась с его глаз.

Армия греков...

В действительности, византийская армия насчитывала столько же бедуинских наемников, как и целая мусульманская армия. Но они отличались по духу. Лояльность сирийских арабов была слабой и нестойкой. Номинально они считались христианами, но вера их была поверхностна. Фактически по всей империи христианство разъедалось раздорами и озлобленностью. С подкреплением прибыл отряд монахов и епископов, несущих знамена и размахивающих золотыми крестами, которые возглашали, что вера находится в опасности, надеясь таким образом пробудить энтузиазм армии. Но в ответ пробуждали они лишь угрюмую ненависть. В те времена в церкви происходили глубокие расколы, и крик ортодокса веры о помощи мог затронуть в груди несторианца или евстихианца струны, совершенно далекие от патриотизма. Наконец, социальные и наследственные привычки сирийских кочевников, чуждые их византийским повелителям, находили полное соответствие у аравийских собратьев; и эти подсознательные эмоции были хорошо известны захватчикам, чтобы воспользоваться своим преимуществом.

...и мусульман.

Сравните с этим вялым и разобщенным воинством мусульман, с их первобытной силой, сплоченных вместе, как один, воодушевленных диким и фанатичным рвением «сражаться на стезях Господа», завоевывая в одно и то же время небесную славу и земную удачу.

¹ Один из старейших арабских летописцев говорит о ста тысячах.

Ибо уцелевших здесь ожидала несметная добыча, пленные девушки, плодородные долины, дома, которые не нужно строить, колодцы, которые не нужно копать. Если же они падут от меча, то, став мучениками, получат свою награду в раю, где черноглазые гурии нетерпеливо ожидают этой счастливой минуты. Солдатское воображение было воспламенено сказками о небесах, которые откроются на самом поле битвы, и две девы омоют с лиц павших пот и грязь, и с чувственной райской нежностью вознесут их на небеса в своих любящих объятиях. И в армии, побуждаемой таким странным сочетанием стимулов, божественных и человеческих — плоти и духа, веры и грабежа, небесного призвания и жажды секса, даже в предсмертных судорогах — десяток мусульман мог обратить в бегство сотню нерешительных греков. Сорок тысяч мусульман оказались сильнее двухсот сорока тысяч противников.

Битва при Аджнадаине, 28 в. 13 г. хиджры, 31 июля 634.

Византийскую армию вел в бой Феодор («Тазарик»), брат императора; и два войска встретились на роковом поле Аджнадаина, между Рамлехом и Бейт Джибрином (Элеутерополисом), в субботу 28-го джумада I, на 13 году хиджры (31-го июля 634г. от р. Х.). Эту дату можно считать точной. Чего нельзя сказать о местонахождении Аджнадаина, который считается то местом в Хауране на восточном берегу Иордана, то просто иным названием Ледджуна (Мегиддо), ибо «ледджун» это латинское «легион», а «аджнадаин» происходит от арабского «джунд» («армия»). Второе предположение подразумевает, что юг Палестины был уже покорен, и борьба шла за центральную Палестину, позднее получившую название Иорданской провинции; в то время как основной тезис первой гипотезы состоит в том, что греки не могли отрядить такую огромную армию просто для защиты отдаленных районов, населенных главным образом кочевниками. Очевидно, что такая армия предназначалась для защиты жизненно важной части империи. Положение Аджнадаина, находившегося в Палестине между Рамлехом и Бейт Джибрином, соответствовало военной ситуации того времени и подтверждается некоторыми стихами современников, согласно которым, беглецы после битвы искали убежища под стенами Иерусалима.¹

Один ранний арабский автор (Аль-Билязури, ум. в 279 г. хиджры, 892 г. от р. Х.) свидетельствует, что в этой схватке участвовало сто тысяч греков, вероятно это преувеличение. Главнокомандующим был Феодор, брат императора, но упоминаются также и управитель Палестины Артабан (Аретион), например, в строках вышеназванного Аль-Билязури, и другие. Практически все арабские историки приводят один случай в момент разгрома, который они посчитали очень интересным. Один из византийских командиров, не пожелавший пережить неудачу, накрылся с головою плащом в ожидании своего конца. Феодор бежал в Эмесу, где находился император.

¹ В ранних редакциях «Халифата» первым большим сражением в Палестине была названа битва при Ярмуке. Эта последовательность событий опирается на описание вышеупомянутого Сейфа (заимствованное у ибн Аль-Азира), но возможно существовало и место с подобным названием близ Аджнадаина. Впоследствии произошла большая путаница относительно этих двух сражений. Порой говорится, что некоторые арабские герои погибли в одном сражении, а порой в другом.

Его отослали с позором в Константинополь, откуда он больше никуда не выезжал. Ираклий отступил к Антиохии. Мусульмане в результате этой победы захватили Газу и соседние города. Абу Бекру удалось дожить до первого значительного шага в завоевании той провинции, которую он больше всего хотел видеть покоренной арабами. То были первые плоды мудрости, проявленной им в перемещении Халида из Аль-Ирака в Сирию. Месяц спустя он умер, 22-го джумада II.

Города сдаются.

Смерть Абу Бекра не принесла больших изменений в сирийской кампании. Омар, которого он назначил преемником, уже давно принимал активное участие в верховной власти; и, хотя во многом отличался от первого халифа, в отношении внешней политики у них не было разногласий.¹ За покорением Газы последовала осада Себасты (Самария) и Неаполя (Шехем, Набулус), самаритянского города. Оба они капитулировали. В это же время мусульманами были взяты и другие города: Лидда, Эммаус, Яффа и Бейт Джибрин. Жизнь и имущество горожан были сохранены; однако, с мужчин потребовали подушный налог, а на землю был наложен поземельный налог («харадж»). До этого момента мусульманская армия в Сирии действовала едино под общим руководством Амра; но теперь силы разделились: в то время как Амр остался завершать покорение Палестины (Филастины), Халид двинулся вперед к Иорданской провинции. Свидетельство успеха, который ожидал мусульманскую армию, можно найти в сохранившейся проповеди Софрония, архиепископа Иерусалима, на Рождество 634 года, в которой он сожалеет о невозможности своих людей совершить привычное паломничество в Вифлеем, в связи с тем, что страна находится в руках сарацин, и непосредственно место Рождества (по слухам) осаждено ими.

Битвы при Бейсане и Фихле.

Между тем, поверженная армия Феодора, усиленная свежими подкреплениями, восстанавливала силы в районе Бейсана (Бет-Шеан, Скифополис) в долине Иордана южнее Галилейского озера, имея в своем распоряжении мост через эту реку. Византийцы хотели остановить продвижение арабов путем перекопки бесчисленных горных источников, которые, хлынув на равнину, затопили бы землю, в результате чего арабские лошади поскользнутся или утонут, и основные силы мусульман будут обездвижены. Военная хитрость, однако, могла обратиться против самих греков, ибо, если противник и не сможет наступать, то сами они не смогут отступать. Подробности отсутствуют; но еще раз арабы, ведомые непобедимым Халидом, выиграли сражение, и греки вынуждены были пересечь Иордан и занять новую позицию у Фихла или Фахла, древней Пеллы, расположенной на возвышенности, с которой открывался вид на реку с юго-востока. После непродолжительной осады этот город капитулировал на тех же условиях, что Себаста и Неаполь. Это произошло приблизительно через месяц по окончании 13 года хиджры.² Провинция Гауланитис (Джаулан или Декаполис) была быстро захвачена, и исламская армия оказалась в двух днях пути от столицы Сирии Дамаска. Здесь

¹ См. гл. хіх.

² Повествование Сейфа (ему вторит ибн Аль-Асир) помещает эту битву после покорения Дамаска.

мусульмане, кажется, на какое-то время остановились, ожидая новых распоряжений от халифа. Страна обеспечивала в изобилии фураж и продовольствие; а местное арабское племя Гассан было дружелюбно к императору Византии, пускай и зависело от него.

Возможно, здесь мусульмане потерпели поражение, ведь повествование Сейфа и другие древние источники говорят о неудаче в начале завоевания.¹ Халид ибн Саид рискнул оторваться от основных частей и добрался до Мердж ас-Софара («Птичьего луга»), одного из лугов, расположенных за стенами Дамаска, между городом и местностью Хаулан. Здесь он подвергся неожиданному нападению четырехтысячной армии греков. Бой был яростный, бились на смерть. Кровь убитых, говорят, заставила вращаться мельничное колесо, расположенное по соседству. Сам Халид ибн Саид, очевидно, был убит. Он только что отпраздновал свадьбу с вдовой Икримы, убитого при Аджнадаине, и его невеста, говорят, участвовала в сражении, убив палаточным шестом семерых противников. Эта битва датируется первым днем² (1-е мухаррама) 14 года хиджры (25 февраля 635 г. от р. Х.).

¹ Ср. с. 62 оригинала и далее и с. 93.

² Сейф определяет дату битвы (с.63), таким образом, годом ранее.

ГЛАВА X

КАМПАНИЯ В АЛЬ-ИРАКЕ — НУЖДА В ПОДКРЕПЛЕНИЯХ. АЛЬ-МУСАННА НАХОДИТ АБУ-БЕКРА НА СМЕРТНОМ ЛОЖЕ.

Первая половина 13 г. хиджры / март-август 634 г. от р. Х.

Мусанна атакован персами.

ПРЕЖДЕ чем отправиться в Сирию, Халид, понимая, что с уменьшением армии, положение в аль-Ираке может стать отчасти небезопасным, отправил больных с женщинами и детьми домой в Аравию. В его отсутствие Аль-Мусанна сделал все, что было в его силах, укрепив все подходы от персидской столицы. Но новая гроза уже надвигалась. Новый принц, взойдя на трон, отрядил десятитысячную армию под командою Хормуза, чтоб изгнать захватчиков. Аль-Мусанна без промедлений призвал отдаленные гарнизоны; но и с этими подкреплениями его армия по численности сильно уступала персидской. Царь, уверенный в победе, написал Аль-Мусанне в оскорбительном тоне, что собирается изгнать его «при помощи войска птичников и свинопасов». Аль-Мусанна отвечал: «Ты — хвостун или лжец. Но если бы это было правдою, благословение Господу, что довел тебя до таких защитников!» Отослав такой ответ, он выступил навстречу Хормузу. Оставив Аль-Хиру, небольшой отряд пересек Евфрат и расположился лагерем к северу от бесформенных холмов, напоминавших о располагавшемся здесь некогда Вавилоне.

Битва при Вавилоне. Лето, 13 г. хиджры — 634 г. от р. Х.

Там, примерно в пятидесяти милях от столицы, он избрал поле битвы; и, поставив двух своих братьев командовать флангами, сам возглавил центр, ожидая, таким образом, атаки Хормуза. В середине персидского строя был слон, который привел ряды арабов в замешательство и на какое-то время парализовал их действия. Аль-Мусанна в сопровождении отряда смельчаков окружил громадную тварь, и арабам удалось повалить слона на землю. Лишенный этой поддержки, противник не выдержал стремительного натиска арабов, которые продолжали гнать персов до самых ворот Аль-Медайна. Для прославления «Героя слона» были сложены стихи на арабском.

Мусанна просит Абу Бекра о помощи.

Царь ненадолго пережил свое поражение. Сын, унаследовавший ему, был убит во время восстания, вызванного попыткой отдать руку принцессы царской крови своему любимому министру. На троне воцарилась принцесса, спасенная от бесчестия. Мусульманам нечего было особенно опасаться персидского двора, ослабленного этими постоянными переменами и изменами, но Аль-Мусанна был вынужден охранять границу большой протяженности, что было не по силам его армии. Местные жители в лучшем случае были к мусульманам равнодушны; сирийские бедуины — явно враждебны. Победы можно было одерживать, но не было сил развивать. Положение, при таких слабых силах, было очень рискованным. Естественно, Аль-Мусанна не переставал просить халифа о

пополнении. Он также обращал внимание на способ, которое помог бы им увеличить войско: снять ограничения с раскаявшихся отступнических племен. Он писал: «Они валом повалят на войну, и никого нет храбрее и ретивее». Ответ долго не приходил, и Аль-Мусанна рискнул сам отправиться в Медину, чтобы лично убедить Абу Бекра оказать ему помощь.

Абу Бекр на своем смертном ложе желает, чтобы Омар объявил призыв.

Он нашел Абу Бекра уже на смертном ложе. Старый халиф знал, что его конец близок, но разум его оставался ясен, и он сразу понял неотложность просьбы. «Позовите ко мне Омара, — сказал он (ибо он уже назначил его преемником), и затем обратился к тому со следующими словами: «Объяви призыв для Аль-Мусанны. Не мешкай. Если я умру, как может случиться, в этот день, не жди до вечера; если я продержусь до ночи, не жди до утра. Не позволяй печали обо мне оторвать тебя от служения Господу. Ты видел, что я сам делал, когда умер Пророк (и не может быть большей печали для человечества, чем эта); поистине, если бы печаль остановила меня тогда от того, чтобы препоясать свои чресла для дела Господа и Его Пророка, вера была бы под угрозой; пламя восстания, несомненно, разгорелось бы в городе. И, обещаю тебе, Омар! когда Господь дарует победу в Сирии, отправь обратно эти войска в Аль-Ирак; ибо они будут подходящим для этой цели воинством, лучше всего приспособленным для управления Ираком».

Омар слушается приказа.

Омар был тронут деликатностью этих последних слов и намеком, в них содержащемся. «Ибо, — сказал он, — Абу Бекр знал, что опечалил меня, когда отдал командование Халиду; поэтому он просил меня отправить его армию назад в Аль-Ирак, но не упомянул имени Халида и не попросил отправить его назад». Он внимательно выслушал слова умирающего халифа, и пообещал исполнить их.

ГЛАВА XI

СМЕРТЬ АБУ БЕКРА.

Август 13 г. хиджры / 634 г. от р. Х.

Абу Бекр исполняет паломничество, xii 12 г. хиджры, февраль 634.

В ПЕРВОЕ ежегодное паломничество, в связи с необходимостью подавления восстаний, Абу Бекру пришлось воздержаться от поездки в Мекку; но в следующем году он сам торжественно возглавил его. Когда процессия вошла в Мекку, жители поспешили сообщить об этом отцу халифа, который, ослепши от старости, сидел у дверей своего дома. При приближении сына старик поднялся поприветствовать его. Абу Бекр склонил верблюда, на котором ехал, на колени у порога, и, спешившись, обнял отца, заплакавшего от радости, и поцеловал его между глаз. Управитель и другие вожди Мекки подошли, чтобы позвать халифу руку. Они выразили свое почтение ему, а также его отцу, сказавшему: «Это — наша знать; почитай их, сын мой, и высоко цени их». «Высоко ценить их, — отвечал он, — я согласен; но (помня о наставлениях своего Учителя), что касается чести, то ко всем без исключения она приходит лишь от одного Господа». После омовения, облачившись в одежду паломника, он поцеловал черный камень и обошел вокруг Священной мечети. Народ окружил его; и когда люди упомянули Пророка, Абу Бекр заплакал. Ведь всего два года назад Мухаммад был среди них, участвуя в этом же обряде. Какое множество опасностей и избавлений от них пришлось на такой короткий период! Теперь они оплакивают его утрату. В полдень Абу Бекр вновь совершил обряд у Каабы; затем, сев в полумраке Зала собрания, обратился к жителям: если у кого есть жалобы, пусть скажет. Все молчали; так что он поблагодарил горожан и их управителя. Затем он поднялся и совершил полуденную молитву. Вскоре он попрощался с ними и отправился обратно в Медину.

Заболевает, vi. 13 г. хиджры, авг. 634 г. от р. Х.

В течение лета Абу Бекр был занят сбором подкреплений для сирийской кампании. Будучи простым и умеренным в привычках, он и поныне оставался крепким и здоровым, хотя ему уже перевалило за шестьдесят. Осенью, неосторожно искупавшись в холодный день, он подхватил лихорадку и слег, что вынудило его поручить ведение общей молитвы Омару. Видя, что болезнь затянулась на две недели, его друзья забеспокоились и спросили, не послать ли за целителем? «У меня уже был Целитель», — торжественно ответил Абу Бекр. «И что же он сказал?» «Он сказал мне: “Я собираюсь свершить над тобою то, что Я задумал”». Они поняли смысл его слов и замолкли. Сознывая, что конец близок, халиф стал готовить себе преемника. Выбор пал на Омара; но, желая подкрепить свое собственное убеждение мнением других, он посоветовался сначала с Абд ар-Рахманом, одним из главных советников Пророка, который похвалил Омара, как подходящего кандидата, но в то же время отметил его склонность к жестокости. «Это потому, — ответил умирающий халиф, — что он видел меня терпимым и мягкосердечным. Когда он сам станет хозяином, то во многом будет воздерживаться от того, о чем вы говорили. Я наблюдал за ним. Если я был зол на кого-то, он вставал на его

защиту; когда же я проявлял снисходительность, он становился жестоким». Осман тоже одобрил выбор: «То, что сокрыто в душе Омара, — сказал он, — лучше того, что на поверхности; нет равного ему среди нас». Талха, с другой стороны, был против: «Если мы так страдали от Омара, пока ты был с нами, что будет, когда ты уйдешь к своему Господу — тебе придется держать ответ, почему ты оставил свой народ на попечение такого жестокого властелина?» «Поднимите меня, — вскричал халиф, сильно взволновавшись, — вы хотите запугать меня? Клянусь, что когда встречу со своим Господом, то скажу Ему: “Я назначил правителем Его народа того, кто был лучшим среди всех остальных”».

Назначение Омара преемником халифа.

Вслед за тем Абу Бекр призвал Османа и продиктовал ему предписание о назначении его своим преемником. Он лишился чувств, пока тот писал. Придя в себя, халиф попросил Османа еще раз прочесть написанное. Затем, удовлетворенный, он возблагодарил Господа. «Ибо, — сказал он, — я видел, что ты опасаясь, чтобы после моей смерти люди не остались в сомнении». На этом он пожелал, чтобы постановление было прочитано гражданам, собравшимся во дворе мечети. Омар, сам присутствовавший при этом, попросил тишины, чтобы можно было услышать. Тогда, желая получить их одобрение, умирающий халиф попросил свою жену Асму приподнять его к окну (ибо дом халифа выходил во двор). Она поднесла его на своих покрытых татуировками руках к окну, откуда он, с трудом собрав силы, воскликнул: «Довольны ли вы тем, кого я назначил вашим правителем? Не кого-нибудь из моего рода, но Омара, сына Аль-Хаттаба. Поистине, я старался выбрать достойнейшего. Поэтому вы должны повиноваться ему преданно». Народ ответил в один голос: «Да, будем повиноваться».

До самого конца сознание Абу Бекра оставалось ясным, разум незамутненным. В свой последний день он принял (как мы видели) Аль-Мусанну, и, осознавая кризис, приказал Омару как можно скорее объявить призыв для Аль-Ирака. Во время болезни Аиша стала читать стихи языческого поэта, считая их уместными. Абу Бекру они не понравились, и он сказал: «Не то; прочти лучше (из Корана): “И придет опьянение смерти по истине: вот от чего ты уклонялся!”»¹

Его смерть — 22-го vi. 13 г. хиджры — 23-го авг. 634 г. от р. Х.,

Последнее, что он сделал, это призвал Омара к своему одру и долго увещевал его смирить свою жестокость мягкостью. Вскоре после этого он скончался с такими словами на устах: «Господь, позволь мне умереть истинным верующим, и присоединиться к благословенным на небесах!»

и похороны.

Абу Бекр правил всего два года и три месяца. Согласно его воле тело было подготовлено к погребению любящими руками Асмы. Он был одет в ту же одежду, в которой умер. «Ибо, — сказал он, — новые одежды годятся для живых, а старые — для разлагающегося

¹ Сура I. 18.

тела». Те же соратники, что несли гроб Пророка, теперь несли Абу Бекра; и они положили его в ту же могилу, голова халифа лежала рядом с плечом его Учителя. Омар, исполняя погребальный ритуал, вознес молитву, как было принято, над гробом. Погребальной процессии не нужно было далеко ходить: лишь пересечь двор Святынища; ибо Абу Бекр умер в доме, который предоставил ему Мухаммад напротив своего собственного.¹

Характер. Простая жизнь в Ас-Сунхе.

На протяжении большей части своего правления он оставался в этом доме. В течение шести месяцев, разумеется, после смерти Мухаммада, он продолжал жить частично, как и прежде в Ас-Сунхе, пригороде верхней Медины.² Там он вел простую жизнь с семьей жены, с которой вступил в брак по прибытию в Медину, и которая вскоре после его смерти родила дочь. Каждое утро он шел пешком или ехал на лошади во двор мечети, где жил и правил Мухаммад, для исполнения дневных дел и руководства публичными молитвами, которые в его отсутствие проводил Омар. Для более важной пятничной службы, в которой также читалось обращение, он оставался в утренние часы дома, чтобы покрасить свои волосы и бороду и одеться с особой тщательностью; и поэтому он не появлялся до полуденной молитвы. Но и здесь, как и везде, он сохранял строгую простоту с самой молодости и даже сам кормил и доил домашних коз. Поначалу он продолжал обеспечивать себя торговлей; но, понимая, что это отвлекает его от государственных дел, он согласился отказаться от всех остальных занятий и получать вместо этого ежегодное пособие в размере шести тысяч драхм на ведение хозяйства.

Переезд в великую мечеть.

Находя Сунх слишком удаленным от мечети, где во времена Мухаммада велись все общественные дела, он перенес туда свое жилище. Казначейство в те времена было, однако, простым. Ему не требовались ни охрана, ни помещение для расчетов. Десятина по мере поступления раздавалась бедным, или же тратилась на военное снаряжение и оружие; военная добыча тоже распределялась сразу же по доставке, или на следующее утро. Все получали поровну, новообращенный или ветеран, мужчина или женщина, невольник или свободный. В отношении богатств ислама, каждый верующий араб был равен своему брату. Когда халифа убеждали считать старшинство в вере основанием для предпочтения, Абу Бекр отвечал: «Предоставим это Господу; Он воздаст каждому в мире грядущем. Эти дары — всего лишь случайности нынешнего мира». После его смерти Омар приказал открыть сокровищницу; но там оказался лишь один кусочек золота, выпавший из мешка; так что все в голос зарыдали, благословляя память ушедшего халифа. Абу Бекра мучили угрызения совести даже из-за того жалования, которое он получал из народной казны; и, находясь на смертном одре, он приказал продать некоторые земли, его личные владения, чтобы возместить полученную им сумму.

Мягкость и спокойствие.

¹ «Жизнь Мухаммада», с. 172.

² Там же, с. 169.

По характеру Абу Бекр был необыкновенно мягким и вежливым. Омар любил повторять, что не найдется больше человека, за которого люди с большей готовностью решились бы положить свои жизни. Его давно называли «вздохатель» из-за мягкосердечия. Он был суров к отступническим племенам; но за исключением одного случая, когда он предал разбойника огню, халиф не совершил ни одного жестокого поступка; а о том случае Абу Бекр всегда сожалел. Это был «один из трех поступков, которых ему бы не хотелось совершать». Другими были: прощение Аль-Ашаса, заслуживавшего смерти; и то, что он не отправил Омара в Аль-Ирак, в то время, когда перебросил Халида в Сирию. «Тогда, — говорил он, — я должен был простереть обе свои руки, правую и левую, на путях Господа».

Жены и семья.

В отличие от своего Учителя, он довольствовался немногими женами. Двух женщин он взял замуж в Мекке, еще до обращения. По прибытию в Медину он женился на дочери одного горожанина; и позднее взял в жены Асму, вдову Джафара, брата Али, убитого при Муте. От каждой жены он оставил потомство. Не упоминается ни о каких других женах, ни о наложницах в его гареме. Из своих детей больше всего он любил Аишу, в подтверждение чего выделил ей особое имущество в собственность. На смертном ложе, беспокоясь о видимой пристрастности, он сказал ей: «Я хотел бы, чтобы ты, дочь моя, вернула это имущество, чтобы разделить с остальными наследниками поровну, не забыв того, кто еще не родился». Его отец пережил его на полгода, достигнув преклонного возраста девяноста семи лет.

Простой, усердный, мудрый и справедливый.

В своем дворе Абу Бекр поддерживал такую же простую и умеренную жизнь, как и Мухаммад. Охранников и слуг у него не было, да и вообще ничего, что свидетельствовало бы о какой-либо помпезности. Аккуратный в делах, он полагался на Омара, как своего советника, и суждения его имели такой вес, что можно даже сказать, что тот делил с халифом бразды правления. Абу Бекр никогда не давал себе покоя, лично снисходя до незначительных вещей. Так, он мог пуститься на ночную прогулку, чтобы посетить бедных и притесненных. Однажды Омар застал его ночью, вникающим в дела бедной слепой вдовы, которую Омар сам отправил за помощью. Судебные разбирательства были возложены на Омара, но за целый год «едва ли и пара просителей предстала перед ним». Надпись на государственной печати гласила: «Бог — лучший из властителей». Депеши главным образом составлял Али. Абу Бекр также прибегал к помощи Зейда (писца Пророка и составителя Корана) и Османа, или любого другого писца, оказывавшегося под рукою в нужный момент. В выборе кандидатов на высокие должности или командование, он был одновременно свободен от лицеприятия, мудр и проницателен в оценке характера кандидата.

Не так силен, как Омар.

Но у него не было силы и решительности Омара; да и чувство справедливости его не было таким острым и точным. Это видно на примере двух Халидов. Поручив командование

одному, несмотря на предостережения Омара и Али, как пишет Сейф; он получил в результате разгром в Сирии. И опять, отказавшись справедливо наказать другого Халида, бессердечно и скандально женившегося на вдове ибн Нувейры, он понес ответственность за его дурные поступки. Однако этому беспринципному военачальнику — удачно прозванному «Божий меч» — более чем кому бы то ни было обязан ислам своим выживанием и триумфом. Конечно, в трудные моменты у Абу Бекра не было недостатка в твердости: например, отправив армию Осамы в то время, когда Медина была беззащитна и все вокруг так неопределенно, он выказал бесстрашие и непоколебимость в достижении цели. И эта его решительность более всего способствовала тому, что волна восстаний и измен пошла на убыль.

Секрет его силы — вера в Мухаммада.

Абу Бекр не помышлял о собственном возвеличивании. Наделенный суверенной и безграничной властью, он использовал ее лишь в интересах ислама и на благо своего народа. Но основным секретом его силы была вера в Мухаммада. «Не называйте меня халифом Господа, — говорил он, — я лишь халиф Пророка Господа». Для него в любом деле существовал лишь один вопрос: какова была воля Мухаммада? и, как бы он поступил сейчас? С этого пути он никогда не отклонялся ни на йоту. Вот и получилось, что он сокрушил отступничество и защитил основы ислама. Его правление было недолгим, но за исключением самого Мухаммада ислам никому так не обязан, как Абу Бекру.

Свидетельство искренности Мухаммада.

По этой причине и потому, что вера Абу Бекра в Пророка сама по себе является сильным свидетельством искренности самого Мухаммада, я довольно подробно остановился на жизни и характере первого халифа. Если бы Мухаммад начинал свою карьеру сознательным самозванцем, он никогда бы не завоевал веру и дружбу человека, не только проницательного и умного, но и на протяжении всей жизни сохранившем скромность, последовательность и искренность.

ГЛАВА XII

ВОЦАРЕНИЕ ОМАРА. ПОДКРЕПЛЕНИЯ В АЛЬ-ИРАК. КАМПАНИЯ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ АБУ ОБЕЙДЫ И АЛЬ-МУСАНЫ.

Август- март 13-14 г. хиджры / 634-635 г. от р. Х.

Воцарение Омара, vi. 13 г. хиджры, авг. 634 г. от р. Х.

НА УТРО после смерти Абу Бекра Омар, поднявшись на кафедру, обратился к народу, собравшемуся в мечети. «Арабы, — сказал он, — подобны непокорному верблюду, который показывает ведущему каким путем его вести. Но с помощью Властелина Каабы даже в этом случае я поведу вас тем путем, которым вам надлежит идти».

Новые рекруты для Ирака.

Первым действием нового халифа было исполнение последней воли Абу Бекра: набор новых рекрутов для Аль-Мусанны. Для этого во дворе мечети было установлено знамя, и воинов немедленно призвали собираться вокруг него. Затем всеми, находившимися в городе и поблизости, была принесена клятва на верность Омару. Между тем, люди испытывали такой страх перед доблестью персов, что никто не откликнулся на призыв. Видя это, Аль-Мусанна, который еще оставался в Медине, обратился к арабам с волнующей речью. Он рассказал им о своих победах, о несметных богатствах, о прекрасных пленницах и плодородных землях, на которых они уже одерживали верх над неприятелем. «И Господь, — добавил он, — жаждет отдать остальное в ваши руки». Воодушевленные его рассказом и уязвленные упреками Омара, мужчины начали, наконец, подходить. Первым вышел вперед Абу Обейд, гражданин Ат-Таифа; затем, следуя его примеру, и другие стали подходить к знамени. Когда набралась, таким образом, тысяча, они обратились к Омару: «Теперь ты выбери из корейшитов ли, из жителей ли Медины, кого поважнее, кто будет нами командовать». «Ну уж нет, — отвечал халиф, — в чем надлежало быть славе соратника Пророка, как не в том, чтобы первым пойти в бой за него? Но теперь вы опоздали; вы не поспешили на помощь Господу. У того, кто первым поднял на себя бремя, легкое или тяжелое, больше прав. Истинно, я поручу командование никому другому, как тому, кто первым вышел вперед». И затем повернулся к Абу Обейду:

Обейда назначен командиром.

«Я ставлю тебя над этим отрядом, потому что ты первым предложил себя; а в стремлении на битву лежит слава араба». С этим решительным заявлением халиф вручил ему знамя; но в то же время, настойчиво обязал всегда советоваться с другими соратниками Пророка и опираться на их поддержку в ведении дел. Итак, армия выступила в Аль-Ирак. При этом Омар также снял запрет на то, чтобы в походе принимали участие бывшие отступнические племена, разрешив Абу Обейду брать под свои знамена всех без исключения, кто со времен своего отступничества пребывал добрым мусульманином. Аль-Мусанна с легким сердцем поспешил назад впереди Абу Обейда и возвратился в Аль-Хиру после месячного отсутствия.

Рустем поднимает Персию против захватчиков.

Тем временем в злополучном дворе Персии произошли следующие перемены. Принцы и принцессы сменяли друг друга в череде кровопролитных мятежей, пока, наконец, Буран, женщина царской крови, не позвала знаменитого Рустема из Хорасана, и с его помощью не воцарилась на троне. Назначенный главнокомандующим, Рустем вскоре показал свою энергию. Знать сплотилась вокруг него; крупные землевладельцы восстали против захватчиков, и вся страна стремительно сбросила арабское иго. Две колонны выступили из Аль-Медайна, одна, под командованием Джабана, переправилась через Евфрат и двинулась на Аль-Хиру; другая, ведомая Нарсой, заняла Каскар на ближнем к персам берегу. Народ стекался под их знамена, и положение мусульман становилось рискованным.

Победа Абу Обейда над персами, viii 13 г. хиджры, окт. 634 г. от р. Х.

Аль-Мусанна, собрав свою армию, все еще очень немногочисленную, оставил Аль-Хиру противнику, вернулся обратно в пустыню и на дороге в Медину стал ждать Абу Обейда. Но ожидать ему пришлось немало. Пополняясь по пути бедуинскими племенами и обременяясь их семьями, подкреплению понадобился целый месяц, чтобы завершить свой путь. После нескольких дней передышки, Абу Обейд принял командование объединенными силами и атаковал Джабана, обратив его в бегство. Затем, переправившись через Евфрат, он внезапно напал на Нарсу, сильно укрепившегося в царской финиковой роще близ Каскара, разбил его войско и занял лагерь, в котором помимо богатых трофеев оказалось множество редких фиников, предназначенных для царского стола.

Они были розданы солдатам в качестве обычного рациона. С пятой долей трофеев Абу Обейд отправил часть плодов Омару. «Вот, — писал он, — фрукты, которыми Господь кормит нас, ими питались только персидские цари; ты можешь посмотреть на них своими собственными глазами, попробовать их своими собственными устами и возблагодарить Господа за Его великодушие, даровавшего нам королевскую пищу». Злосчастная дельта, жертва чередующихся завоеваний и поражений, вновь подпала под владычество мусульман. Окрестные вожди приносили свои подношения, в знак лояльности устроив Абу Обейду роскошный пир. Он отказывался принимать в нем участие, если лакомства не будут разделены поровну с солдатами. Были сервированы дополнительные кушанья, и воины вкусили эту трапезу вместе с ним.

Бахман выступает против Абу Обейда.

Разгневанный поражением, Рустем собрал еще большую армию под руководством другого прославленного воина: Бахмана. Имперское знамя из шкур пантер было развернуто и возложено на слонов, отправленных с этим войском. Перед этим внушительным воинством арабская армия снова отступила, и, перейдя Евфрат, расположилась на западном берегу. Бахман остался на противоположной стороне. Поле битвы оказалось неподалеку от развалин Вавилона; на всю ширину реки был сооружен мост из лодок. Бахман предложил Абу Обейду беспрепятственно пересечь Евфрат, и таким образом

выбрать любой из берегов для грядущего сражения. Советники последнего пытались уговорить его не оставлять своего более выгодного положения. Но Абу Обейд посчитал это делом чести. «Будем ли мы больше бояться смерти, чем они?» — воскликнул он, скомандовав немедленно пересечь реку. Поле для арабов на противоположном берегу оказалось ограниченным; и хотя их было около десяти тысяч, для маневров не хватало места. Один лишь мост сохранял путь к отступлению. Неповоротливые слоны в пестрых накидках со звенящими колокольчиками привели в смятение арабскую кавалерию. Тогда всадники, спешившись, смело бросились на громадных зверей, с определенным успехом пытаясь срезать завязки паланкинов, чтобы прогнать слонов с поля. Сам Абу Обейд, выбрав самого свирепого белого слона с огромными бивнями, бросился на него с мечом в руке. Тщетно пытался воин добраться до уязвимых мест, огромное животное схватило его своим хоботом и раздавило до смерти. Ужас объял ряды очевидцев страшной сцены. Один за другим полегли те вожди, которых Абу Обейд назначил командовать в случае своей гибели, и армия арабов дрогнула.

Битва у моста. Абу Обейд убит, войско разбито, viii. 13 г. хиджры, окт. 634 г. от р. Х.

Сразу вслед за этим один из воинов, потрясенный участием своих командиров, бросился к переправе и с криком: «Умрем, как умерли наши вожди, или победим!» — отрезал крайнюю лодку, оттолкнув ее плыть по течению. Арабы были близки к бегству, паника быстро распространялась. Стесненные мусульмане, выжимались обратно к реке. Множество потонуло в глубоком и стремительном потоке, лишь немногие выбрались на противоположный берег. В этот решающий момент Аль-Мусанна бросился вперед. Окруженный несколькими героями, в числе которых был и вождь христианского племени Бени Тай, он схватил знамя и ринулся на врага, крикнув находившимся в смятении арабам, что будет удерживать позицию, пока все не отойдут. Затем он отругал виновника этого хаоса и приказал восстановить мост. «Не губите себя сами, — кричал он, — отходите в порядке, а я вас прикрою!» Пока он, таким образом, бесстрашно сдерживал натиск персов, удар копья пробил кольца его кольчуги, нанеся глубокую и опасную рану. Не обращая на нее внимания, он стойко оборонялся, пытаясь успокоить охваченную паникой армию, но тщетно. Хаос усиливался, и пока порядок был наведен, огромное количество воинов погибло в реке. Наконец, мост был восстановлен, и уцелевшие бросились через него; однако четыре тысячи воинов были смыты потоком, полегли на поле боя или скончались от ран. Из новых рекрутов примерно две тысячи, потрясенные увиденным, бежали от жуткого места обратно в Аравию; и Аль-Мусанна, снова принявший командование, остался лишь с тремя тысячами своих воинов. После битвы Бахман собирался пересечь реку, чтобы развить достигнутый успех. Если бы ему это удалось, то Аль-Мусанне с его лишенными мужества остатками войска, все еще удерживающими позицию на противоположном берегу, пришлось бы очень тяжело.

Мусанна отходит с остатками армии к Уллейсу.

Но к счастью в тот момент до Бахмана дошли вести о восстании в Аль-Медайне; и поэтому, отказавшись от своего замысла, он поспешил прочь к своей столице. Аль-Мусанна отступил обратно к Уллейсу; ниже по реке, и расположился там, храбро решив защищать свои прежние завоевания, находившиеся на земле народа, уже не безучастного

к исламу. Джабан, не осведомленный о спешном отзыве Бахмана, попался в руки Аль-Мусанны и был обезглавлен вместе со своими воинами. Положение, несомненно, выглядело тяжелым; но такой герой как Аль-Мусанна был не из тех, кто впадает в отчаяние. Как и во время своего первого похода, он попытался восполнить поредевшие ряды своего войска за счет близких мусульманам по духу арабских племен; и вскоре уже располагал немалой силой.

Невозмутимость Омара, невзирая на новости.

Омар с невозмутимостью принял дурные вести. Рекруты Абу Обейда продолжали бежать, пока не добрались до дома; вот и некоторые мединцы вернулись в город, покрыв себя позором. Халиф со спокойствием обратился к ним: «Поистине я защитник каждого верующего, лицом к лицу встретившегося с врагом, даже если его постигла неудача. Господь да смилостивится над Абу Обейдом, да простит его. Если бы он выжил и нашел пристанище на каком-нибудь песчаном холме, я, безусловно, стал бы ему первым адвокатом и защитником». Моаз, известный чтец Корана, оказался среди дезертиров. Вскоре после речи халифа, в ходе публичного чтения, он наткнулся на такой стих: «Кто в поле обратит к врагу спину (разве только не вернется вновь в сражение), или же присоединится к другой стороне, истинно навлечет на себя гнев Божий; убежищем для него послужит огонь ада — скверный конец!» [Крачковский: «А кто обратит к ним в тот день тыл, если не для поворота к битве или для присоединения к отряду, тот навлечет на себя гнев Аллаха. Убежище для него — геенна, и скверно это возвращение!»]¹ и громко зарыдал. Омар обратился к нему мягко: «Не плачь, о, Моаз, ты “обратил спину” не для того, чтобы “присоединиться к другой стороне”, ты “присоединился” не к кому иному, но ко мне». Таков был дух этих героев ислама, даже в поражении. Отступление привело только к одному результату: оно заставило халифа удвоить усилия.

Набор новых рекрутов.

Новый призыв к массовому набору добровольцев вскоре зазвучал по всему полуострову. Но это подкрепление не успело бы помочь Аль-Мусанне, если бы (к счастью для ислама) он не получил существенную поддержку гораздо ранее.

Многочисленные подкрепления присоединяются к Мусанне,

Дело в том, что все еще подтягивался предыдущий набор. Рекруты, со всех концов ежедневно прибывающие в Медину, стремились — теперь, когда запрет касающийся отступников был снят — показать искренность своего раскаяния и принять участие в дележе добычи. Вновь прибывающие группы умоляли Омара послать их на благодатные сирийские земли. Но последние победы в Сирии успокоили его относительно этого направления; и всех прибывших мужчин он без промедления отправлял в Аль-Ирак. Бесстрашные рекруты, сплоченные под знаменем Джарира, твердили, что все их родственники до того были отправлены в Сирию; но Омар сохранял твердость, и, наконец, уговорил их немедленно отправиться в Персию, пообещав четвертую часть от своей царской пятой доли захваченной там добычи. Дезертиры также торопились вернуться,

¹ Сура viii. 16.

чтобы восстановить свою честь. Но самым примечательным оказалось одно христианское племя из пустыни, которое, не отказываясь от своей веры, разделило свою судьбу с мусульманами и отправило отряд им на выручку. Таким образом, быстро получив подкрепление, Аль-Мусанна стал сильнее, чем прежде, и был уже способен к нападению. Его войска поначалу были сосредоточены на краю Аравийской пустыни, возле Хаффана. Женщины и дети (в те времена было принято брать с собой на войну свой скарб и домочадцев) были оставлены в безопасном месте, немного поодаль; некоторые даже остались с дружелюбно настроенными жителями в Аль-Хире, хотя город в результате последнего отступления вновь был захвачен персидским сатрапом. У Аль-Мусанны был также скрывавшийся там преданный последователь, который сообщал ему о том, что происходило в городе.

...который выступает против персидской армии.

От этого шпиона Аль-Мусанна узнал, что по решению, принятому в столице, против него собирается огромная армия. Незамедлительно отправив депешу Джариру, который был уже на подходе, с просьбой поторопиться, Аль-Мусанна двинулся на западный берег Евфрата к Аль-Бувейбу; и там, недалеко от будущей Аль-Куфы, стал ожидать противника на подходе к мосту. Омар предостерегал его, чтобы он больше не подвергал риску своих людей, переправляясь через реку до окончательной победы; поэтому Аль-Мусанна позволил вражеской армии беспрепятственно пройти по мосту. Персы двигались тремя колоннами, во главе каждой шло по слону, в сопровождении охраны из пеших воинов, и двигались они с шумом и диким грохотом. В это время был пост рамадан; но по особому разрешению воины подкрепились полноценной трапезой. Аль-Мусанна, на своем любимом боевом коне, шутливо прозванном «Мятежником» из-за своей покорности в бою, скакал вдоль рядов, призывая своих воинов проявить себя, как подобает мужчинам: «Ваша доблесть в этот день должна стать легендарной. Будьте спокойны, как сама смерть, если же обращаетесь друг к другу, говорите шепотом. Никто из нас не побежит в этот день. Я жажду славы не для себя, но для всех вас». И они отвечали ему подобными же словами, ибо он был любим своими людьми.

Битва при Бувейбе, ix. 13 г. хиджры, ноябрь 634 г. от р. Х.

Сигналом к битве должен был послужить текбир или возглас «Господь велик!», повторенный трижды; затем с четвертым восклицанием должно было начаться общее наступление. Но Аль-Мусанна едва успел прокричать один раз, как персидские воины без тени сомнения бросились в атаку; ближайшие ряды арабов были смяты под их натиском. Аль-Мусанна нервно затеребил свою бороду. Подозвав одного из вождей, он приказал ему немедленно передать дрогнувшим рядам такое послание: «Эмир приветствует вас и говорит, что *вы не должны в этот день постыдить мусульман*». Они отвечали: «Э, нет, не постыдим!» И когда дрогнувшие ряды вновь сомкнулись, Аль-Мусанна одобрительно улыбнулся. Бой был долгим, ведь стороны были достойны друг друга. Наконец, Аль-Мусанна, видя, что необходим отчаянный натиск, подскакал к вождю христиан, сказав ему: «Вы с нами одной крови; пошли вперед, когда я ударю, ударьте и вы со мной». Центр персов дрогнул под яростным напором, и, когда пыль улеглась, арабы увидели, что неприятель бежит. Фланги мусульман, до тех пор отжатые противником в стороны,

теперь приободрились и понеслись вперед. Персидская воины дрогнули и бросились к мосту. Аль-Мусанна, однако, добравшись первым, отрезал им путь. В отчаянии персы бросились на своих преследователей. Но арабы, хотя и сравнительно немногочисленные, с яростным рвением отбили безнадежную контратаку. «Противники, — рассказывал очевидец, — гонимые нами, были остановлены рекой, и, не найдя пути к отступлению, обернулись и кинулись на нас. Кто-то крикнул нашему командиру повернуть свое знамя обратно. “*Мое дело, — отвечал тот, — нести знамя вперед*”. Так что мы ринулись вперед и изрубили их, ни один из них даже до берега реки не добрался». Впоследствии Аль-Мусанна сожалел о том, что перехватил мост, что привело к ненужным потерям среди его солдат. «Я был не прав, — признавал он, — не повторяйте моей печальной ошибки; не следовало преграждать им путь, из-за этого они в отчаянии бросились на нас».

Враг разбит с ужасающими потерями.

Резня, практически не имевшая себе равных даже в анналах ислама, длилась всю ночь. Сто воинов хвастались, что каждый сразил своим копьем по десятку врагов; поэтому место битвы получило название «Поле десятков». Ни одно другое сражение не оставило заметок о большей длительности или еще больших потерях. Долгие годы кости убитых убеляли равнину; и для жителей Аль-Куфы прямо у дверей их жилищ еще долго сохранялось свидетельство одновременно отваги и безжалостности тех первых захватчиков.

Победа с помощью арабов-христиан.

Эта победа знаменательна тем, что была одержана отчасти благодаря мужеству христианского племени. Более того, самый доблестный подвиг в этот день был совершен человеком из другого христианского клана. Группа купцов-бедуинов с табуном лошадей для продажи прибыла в тот момент, когда воины уже выстраивались в ряды; она тотчас приняла участие в битве на стороне арабов. Юноша из их числа бросился в середину персидских войск, поразил их вождя Михрана и, вскочив на его богато убранного коня, вернулся назад, восторженно отвечая на крики одобрения мусульман: «Я из племени Таглиб! Я тот, кто поразил их вождя!»

Потери мусульман.

Потери со стороны мусульман были существенны. Аль-Мусанна оплакивал смерть брата, воскликнувшего, когда его принесли с поля боя смертельно раненым: «Возвысьте знамена Бени Бекр, и Господь возвысит вас, ребята; да не опечалит вас моя гибель!» Вождя христиан постигла та же участь. Аль-Мусанна нежно ухаживал за обоими до их последнего вздоха — невиданное зрелище на полях сражений этих фанатиков. Он завершил погребение своего брата и прочих павших мусульман следующим панегириком: «Горе мое смягчено тем, что они остались непоколебимыми; не отступили ни на шаг; и вот они лежат здесь — мученики Аль-Бувейба!»

Добыча.

Трофеи были огромны. Были захвачены громадные запасы зерна и стада скота. Домой были посланы караваны с добычей; но стоило им появиться на горизонте, как женщины, приняв клубы пыли за вражеский набег, набросились на воинов с дикими арабскими криками, забрасывая их камнями и палками. Вождь выехал вперед и похвалил женщин за храбрость. «Достойно жен такой армии — сказал он, — так защищать себя». Затем он сказал о победе и — указывая на обозы с зерном — «о первых плодах ея!»

Страна захвачена.

Страна была опустошена вплоть до самых стен Аль-Медайна. Вражеские гарнизоны были отовсюду выбиты; нижняя Месопотамия и устье Междуречья заново захвачены. Землю прочесывали группы арабов, совершая налеты на множество богатых рынков. Они поднимались до Багдада (в то время — небольшой деревеньки на Тигре) и даже еще севернее, до Текрита. В этих разбойничьих набегах было захвачено множество добычи, разделенной по заведенному порядку.

Аль-Мусанна прожил лишь несколько месяцев после своей большой победы. Он так и не оправился от своих ран, полученных в «битве на мосту», и умер. Его заслуги не получили должного признания. Будучи выходцем из низов, он так и не сумел занять места в ряду аристократии ислама. Джарир отказывался подчиняться ему — такому же бедуину, как он сам, даже не соратнику Пророка; на что и жаловался халифу. Омар, как мы увидим, прислушался к его жалобам, и назначил другого человека командиром над обоими. Но прежде чем перейти к новой главе в войне за Персию, нам следует на некоторое время возвратиться к событиям в Сирии.

Мусанна.

В самом деле, характер Аль-Мусанны заслуживает большего, чем упоминание вскользь. Среди военачальников, обеспечивших триумф ислама, равных ему практически не было. Уступая Халиду в стремительности натиска и гениальной предприимчивости, он обладал не меньшей храбростью и искусством стратега. Не отличаясь бесстыдной жестокостью, свойственной тому великому вождю, Халид никогда не использовал свои победы для удовлетворения личных похотей. На «мосту» силы мусульман не были окончательно уничтожены лишь благодаря хладнокровию и непреодолимому упорству Аль-Мусанны; а быстрое формирование многочисленного свежего войска после этой битвы, причем с помощью христианских племен (примечательный знак либеральности мусульман в отличие от слепого фанатизма последних дней), указывает на выдающиеся организаторские способности, в чем он далеко превосходил своих товарищей. Повторяющиеся смещения Аль-Мусанны дорого обошлись халифату, в одно время даже поставив будущее ислама в Аль-Ираке под сомнение; но на его лояльности к Омару они не отразились. Можно сказать, что дух времени не позволял халифу поставить бедуина неблагородного происхождения начальником над людьми, сражавшимися под знаменем еще самого Пророка в качестве его сотоварищей. Но странно, что ни один из историков, будучи столь ревностен к прославлению героев ислама, не сожалеет в своих трудах о смещении столь выдающегося военачальника и не пытается отвести Аль-Мусанне заслуженное им место в череде величайших полководцев мира.

ГЛАВА XIII

СИРИЙСКАЯ КАМПАНИЯ. ВЗЯТИЕ ДАМАСКА.

13-14 г. хиджры / 634-635 г. от р. Х.

Левобережье Иордана.

СТРАНА, в которой мусульмане теперь стояли лагерем — «местность к востоку от Иордана» — отличалась от тех, что встречались им прежде. На юг шли тропы овцеводов Белки, а на севере простирались пастбища Джаулана. В середине лежали холмы и долины Гилеада с полями пшеницы и ячменя, перемежающиеся рощицами тенистых дубов, олив и сикамор и порослями земляничного дерева, мирта и олеандра. То явно была «земля добрая, страна с живительными ручьями, с глубокими источниками, бившими в долинах и на холмах». Ландшафту придавали разнообразие зеленые склоны и лесистые расселины, украшенные ярким покровом цветов. Повсюду раздавалось птичье пение. С зеленых высот Ярмука можно было обозреть и голубизну вод Галилейского озера, сверкавшую на западе, и покрытые снегом вершины Ливана и Гермона на севере: резкий контраст бесконечным пескам и каменистым равнинам Аравии. Не менее разительным оказался и контраст с Халдеей. Там заболоченное устье Междуречья поражало тропическим великолепием, в то время как на равнинах пылились руины заброшенных городов, процветавших в стародавние времена, о которых напоминали ныне лишь осколки керамики и необычной формы кирпичи — загадочные современники исчезнувших царств. Здесь же гордость Византии еще была жива. За Иорданом лежали густонаселенные города, основанные римлянами, славившиеся своими соборами, театрами и форумами. В землях Гилеада можно было встретить даже мореходные свидетельства Наумахии. Страна была населенной и процветающей, будучи пристанищем смешанной расы: наполовину арабов, наполовину сирийцев, обретших римские привилегии и заимствовавших у них привычки к роскоши, лишённые, однако, свойственного римлянам духа рыцарства и мужественности. В целом это цивилизация развивалась насильственно, но была весьма экзотична. Как только прекратилась поддержка Запада, истинные сыновья пустыни вернулись к своей бедуинской жизни; повозки и колесницы уступили место верблюдам; и о римском господстве напоминали только колонны и перистили, мостовые и акведуки, да большие груды разрушенной кладки, до сих пор поражающие путешественника, точно взятые из другого мира. Но во время, о котором мы пишем, там еще царила эра так называемой цивилизации. Такова была та красивая страна, поразившая южных арабов своей природою и деятельной городской жизнью. По этой земле двигались теперь захватчики, а вскоре по ней проляжет главная дорога, которая соединит Сирию с мусульманскими святынями.

Слабое сопротивление византийцев в Сирии.

Победное шествие мусульман по Сирии проходило без особых затруднений. Персы боролись не за землю, а за самое свое существование. Здесь все было иначе. Сирия, Разумеется, в Сирии имелись святые места, дорогие для византийцев как колыбель их веры. Но, в конце концов, это была, хотя прекрасная и священная, но все же отдаленная

провинция, потеря которой для инертного и эгоистичного двора не грозила смертельной опасностью. И в Сирии не происходило таких жестоких схваток, как на равнинах Халдеи.

Дамаск.

Дамаск, древнейший в мире город, существовавший еще во времена Авраама, сохранился, не смотря на все превратности, столицей Сирии. Просторная равнина, на которой он был возведен, омывается источниками, стекающими с прилегающих горных цепей; и красивые рощицы и сочные луга вокруг дали ей название (с большим основанием, чем дельте Халдеи) «Всемирного сада». Будучи точкой пересечения торговых путей с запада на восток, этот город с переменным успехом из века в век сохранял свое богатство и многолюдность. В стенах Дамаска, высотой в двадцать футов и толщиной в пятнадцать, до сих пор находятся камни исполинских размеров, которые могли быть заложены в кладку за много веков до нашей эры. Над воротами и в других местах расположены оборонительные башни весьма почтенного возраста. Путешественник, входящий восточными воротами до сих пор может попасть «на улицу, так называемую Прямую», как и Святой Павел 1800 лет назад. Собор Святого Иоанна Крестителя все еще возвышает свой купол над всеми остальными строениями; помимо него во времена, нами описываемые, в городе и его окрестностях действовало пятнадцать церквей. Незадолго до этого Дамаск пострадал от персидской войны, проходившей с переменным успехом; но ко времени прихода арабов в значительной степени возвратил свое процветающее состояние.

Дамаск предстает взорам завоевателей.

Такова была столица Сирии, «Царица городов», во всем своем великолепии, окруженная высокими горами с белоснежными вершинами, которая теперь предстала взорам арабских воинов. Некоторые из них, возможно, уже бывали здесь, торгуя с севером; но в целом воины знали об этом городе только по слухам; и, что касается красоты, богатства и гармонии, их воображение едва ли приукрасило панораму, развертывавшуюся теперь перед ними.

Город окружен, 16. I. 14 г. хиджры, 13-е марта 635 г. от р. Х.

Осада Дамаска началась 16-го мухаррама 14 года хиджры, через четырнадцать дней после неудачи у Мердж ас-Софара, и с переменным успехом продолжалась шесть месяцев. У арабов не было ни опыта, ни мастерства для осады крепостей; а Дамаск был хорошо укреплен, и, видимо, обеспечен всем необходимым для упорного сопротивления. С другой стороны, осаждавшие постоянно посылали отряды фуражиров, чтобы пополнить запасы продовольствия, а также для отражения атак противника, пытавшегося освободить город. В конце концов, Халиду пришлось вызвать на помощь Шурабиля из Иорданской провинции и Амра из «Палестины», но только в результате предательства одного из осажденных город был наконец взят.

То, как мало имеется достоверных сведений об истории Палестины того периода, видно из того, что мы не знаем точно, кто был правителем Дамаска в течение этой памятной осады. Один источник указывает на некоего епископа, без упоминания его имени; другой утверждает, что это был Бахан; в то время как третий свидетельствует о патриции Нестасе (Анастасии).

Одна из многочисленных стычек между захватчиками и осажденными произошла между Бейт Лихьей и Санийят Аль-Окабом, приблизительно в четырех лигах от города к северо-востоку. Там была скала, на которой Халид установил знамя по случаю своего знаменитого перехода по пустыне. Силы греков находились на более безопасном, восточном тракте, ведущем к Эмесе, из которой они вышли. Мусульмане, преследовали противника, но когда они достигли Эмесы, то обнаружили, что враг уже скрылся.

Жители оставленного Ираклием города, изумленные неотразимой доблестью мусульман, остались пассивными наблюдателями происходящего. Мусульмане обращались с ними хорошо, в результате чего получили необходимое продовольствие и фураж. Арабы основали поселение на Оронте — реке, текущей к оставленному Ираклием городу Антиохия. Пока формировалась армия, которая должна была изгнать захватчиков за пределы империи, Баанесу, армянину, была поставлена задача постоянно досаждать арабам, и таким образом, прежде всего, предотвратить падение Дамаска. Летопись говорит, что он отбросил мусульман назад от Эмесы к Дамаску, и расположился лагерем на берегах реки Дамаска — часто упоминаемой Барады, ветхозаветной «Абаны», в пределах видимости из города. Впрочем, вскоре он опять ретировался в Эмесу. Мусульмане соорудили крепость в Берзе, считающейся местом рождения Авраама, у подножья холма Джебел Касийун, примерно в лиге к северу от города: для защиты осаждающих от нападения с этой стороны. Также сказано, что бесстрашным Химьяри Зуль-Келой была занята передовая позиция при Санийят Аль-Окабе, на развилке путей, ведущих в Дамаск и к Евфрату.

Что касается расположения мусульманской армии, осаждавшей город, то Халид со своими силами разместился с восточной стороны так, что его левый фланг был обращен к восточным воротам, завершавшим «улицу, так называемую Прямую», в то время как центр находился между этими воротами и воротами Святого Фомы, там, где теперь большое кладбище. Воспоминания о той осаде и вправду можно найти также на северной стороне: в половине лиги от «Райских ворот», Баб Аль-Фарадис, находится женский монастырь Халида; сами эти ворота сохранили следы пожара с тех времен; и даже сегодня их порой называют «Баб Аль-Карадис» — возможно, из-за горы трупов. С другой стороны, восточные ворота сохранились лучше всех остальных ворот Дамаска.

Капитуляция.

Отряд Абу Обейды был обращен к воротам Джабийя, западным воротам, а Язида — к Баб Ас-Сагир или «Малым воротам» на юго-западном углу стены, или же дальше вдоль стены до Баб Кайсан на юго-востоке. Лагерь Амра, говорят, находился напротив Баб Тума или ворот Святого Фомы на северо-востоке; а Шурабиль был возле так называемых «Речных

ворот», открывавшихся на Бараду — возможно, это только что упомянутые «Райские ворота».

Город, таким образом, был полностью окружен, и любая схватка или вылазка оказывалась безрезультатной, наталкиваясь на кордон вражеских лагерей. Единственная надежда на спасение могла прийти только извне. Но помощь, несмотря на множество геройских попыток, не пришла; и через шесть месяцев осады мусульмане вошли в город с двух сторон одновременно. С одной стороны они взяли ворота штурмом, но обнаружили, что правитель сдался, и смогли впустить своих товарищей с противоположной стороны. Два отряда собрались на Медном или Масляном базаре, и там после небольших споров между собой пришли к заключению, что капитуляция не должна нести смерть для всего города. Договор был составлен в церкви, называемой Максиллат, где теперь находится храм Святой Марии на Базарной площади; и подписан Халидом ибн аль-Велидом. Это произошло в месяце реджеб (седьмом месяце) 14 года.

Договор.

Условия договора, на основании которых столица Сирии передавалась в руки мусульман, были следующими:

«Настоящий договор Халид сын аль-Велида заключает с жителями Дамаска по его вступлению в этот город. Он обещает сохранить им жизнь и имущество, не трогать их церкви и стены города. Ни один дом не будет разрушен или отнят у его владельца. Настоящий договор гарантирует союз с Богом и защиту Его Пророка, его преемника и правоверных».

Вот какой представляется в общих чертах история взятия Дамаска; но есть и много иных версий. Они возникли отчасти из убежденности, что главнокомандующим являлся Абу Обейда, а Халид был под его началом лишь добровольцем, будучи отстранен от верховного командования Омаром сразу после того, как тот стал халифом; или, что Халид взял штурмом восточную часть города, еще не зная, что Абу Обейда предложил свои условия, хотя на самом деле все было наоборот. Даже по сей день восточную часть Дамаска составляют целые кварталы иудеев и христиан, в то время как мусульмане занимают западную часть города. Это явно указывает на западную половину города, то есть, ту его часть, где располагались Абу Обейда с Язидом, взяв Дамаск приступом. Противоположная точка зрения, возможно, возникла в результате того, что до халифа-омейяда Велида **западная** половина большой церкви Св. Иоанна использовалась мусульманским населением как мечеть, в то время как восточная продолжала оставаться церковью; из чего сделали заключение, что восточная половина, должно быть, была взята штурмом. Те, кто считает, что Халид был отстранен от своего командования во время осады, истолковывают появление его имени в договоре предположением, что Абу Обейда воздержался от обнародования письма Омара до того, пока город не был взят, чтобы победу можно было поставить в заслугу Халиду. Подобным же образом пытаются объяснить вопрос с битвой при Ярмуке.

Договор, подписанный между Халидом и жителями Дамаска, сохраняющий, как написано, им церкви, на первый взгляд противоречит тому факту, что половина церкви Св. Иоанна, если не других церквей, использовалась до халифа-омейяда Велида как мечеть. Мосье де Геж полагает, что эта частичная оккупация могла произойти в следующем году, когда Дамаск снова ненадолго попал в руки греков, но был отбит мусульманами.

Трудно объяснить вход в город с противоположных сторон двух командующих: одного беспрепятственно, другого штурмом, если не предположить, что правитель договорился об условиях сдачи с одним из них, осознав, что другой собирается захватить город с помощью оружия. Или же форсированное вторжение одного из командующих было частью такой договоренности, дабы создать в глазах Ираклия видимость неизбежности поражения и таким образом уберечь изменника от заслуженного наказания.

ГЛАВА XIV

ЙЕЗДЕГЕРД НАСЛЕДУЕТ ТРОН ПЕРСИИ. БИТВА ПРИ АЛЬ-КАДИСИИ.

14 г. хиджры / 635 г. от р. Х.

Йездегерд, царь Персии. Конец 13 г. хиджры, дек. 634 г. от р. Х.

Мы оставили Аль-Мусанну после громкой битвы при Аль-Бувейбе, разоряющим объятые ужасом побережья Халдеи. Но новая волна войны уже собиралась обрушиться на несчастную землю. В Аль-Медаине зародилось очередное брожение. Персидская знать, раздраженная слабостью Рустена и безвольностью царицы, начала сетовать, что те привели империю к краху. Придворные дамы сговорились посмотреть, не осталось ли в живых какого-нибудь принца царской крови. Так был отыскан Йездегерд, спасенный еще ребенком от резни, устроенной Сироесом, а теперь оказавшийся юношей в возрасте двадцати одного года. Он и был возведен на трон.

Возрождение воинского духа.

Вокруг юного монарха лояльно сплотилась знать, и каким-то образом удалось разжечь древний огонь патриотизма. Были собраны войска, Месопотамия занята вновь, города, вплоть до Аль-Хиры, сильно укреплены.

Мусанна вновь отступает.

Народ возвратился в прежнее подданство; и Аль-Мусанна, поняв, что ослабленная армия не в силах справиться с восстанием, достигшим к весне уже внушительного размаха, снова отступил за Евфрат к Зу Кару. Он отправил Омару срочное послание о грозящих повсюду новых опасностях. Халиф принял известие без страха. «Клянусь Богом, — было его твердое слово, — «что я смету гордых принцев Персии мечом принцев Аравии». Стало очевидным, что невозможно постоянно удерживать Месопотамию в то время, как столица Персии, оставалась поблизости.

Омар начинает очередной набор.

Аль-Медайн должен быть взят любой ценой, и для этой цели собиралась большая армия. Распоряжения, более твердые, чем когда-либо (как уже было сказано) были даны относительно нового всеобщего набора. «Спешите сюда, — гласил приказ, разосланный повсюду, — спешите срочно!» И по всей Аравии зазвучали призывы к оружию. Южные племена собирались у халифа в Медине; те же, кто обитал на севере — поскольку нужда была безотлагательной и время дорого — направлялись непосредственно к Аль-Мусанне.

Ежегодное паломничество, xii. 13 г. хиджры, февр. 635 г. от р. Х.

Отдав все распоряжения, Омар отправился в ежегодное паломничество в Мекку. Свершив его, халиф возвратился в лагерь близ Медины, где размещались подходившие отряды. Там обсуждалось, должен ли халиф, как он предлагал, и как того желал народ, непосредственно возглавить армию, отправляющуюся в Аль-Ирак. Наиболее известные из соратников были против этого. Поражение при участии Омара могло стать фатальным; но, оставаясь в Медине, даже в случае неудачи он мог и дальше слать на врага отряд за отрядом. Омар сдался; но проявленная им готовность лично нести бремя и все напряжение момента, придали новый импульс всему движению.

Саад назначается командующим в Ираке.

Кто же теперь должен возглавить эту огромную армию в Ираке? Аль-Мусанна и Джарир были лишь бедуинскими вождями. Но лишь человек благородного происхождения мог стать командующим теми гордыми племенами, что затопили равнины под Мединой. Вопрос еще обсуждался, когда пришло сообщение от Саада, замещавшего халифа в Бени Хавазин, о том, что около тысячи искусных копьеносцев было набрано из его племени. «Вот бы этого парня, а!» — возбудилось собрание. «Кого?» — спросил халиф. «Не кого иного, как “Хищного Льва”¹», — отвечали ему, — Саада, сына Малика²». Выбор был одобрен; и Омар без промедления вызвал Саада. Принявший в Мекке ислам еще мальчиком, новый эмир Аль-Ирака был теперь сорокалетним мужчиной. Он был известен, как «первый, проливший кровь в исламе», и прославился в качестве лучника в войнах Пророка.³ Также он занимал высокое положение, как племянник матери Мухаммада. Низкорослый, чернявый, с большой головой и спутанными волосами, Саад отличался храбростью, но не наружностью. Халиф дал ему наставления относительно предстоящей кампании, и предостерег его не очень полагаться на свое происхождение. «Господь, — сказал он, — смотрит на заслуги и добрые дела, а не на рождение; ибо в Его глазах все люди равны». С этими наставлениями, Саад был отправлен в Аль-Ирак с четырьмя тысячами воинов, первыми плодами нового набора. По арабскому обычаю они двинулись в поход вместе со своими женами и детьми.

Саад с новобранцами идет в Ирак.

По мере подхода новобранцев, Омар группа за группой отправлял их вслед Сааду. Численность армии стремительно росла, причем в нее входил весь цвет Аравии. Толейха, бывший «пророк», а ныне примерный мусульманин, и Амр ибн Мадикериб, возглавили соответственно свои племена; и Омар писал, что каждый из них стоил тысячи воинов. Аль-Ашас, также раскаявшийся отступник с юга, теперь присоединился к войскам с отрядом своего племени. Короче говоря, Омар «не оставил на земле ни одного достойного внимания человека, будь то воин, поэт, оратор или вождь, просто человек, располагавший конем или оружием, но всех и все отправлял в Аль-Ирак». С такими подкреплениями Саад оказался во главе двадцатитысячной армии, а с колонной, подходившей из Сирии, число воинов ислама превысило тридцать тысяч — силы, намного превосходящие все предыдущие войска арабов на Халдейской равнине. Новобранцы

¹ Игра слов: «Саад» значит «лев».

² Малик — это Абу Ваккас.

³ «Жизнь Мухаммада», с. 58, 63.

встретились с ветеранами Аль-Мусанны в Эш-Шурейфе, на границе пустыни, в пятнадцати-двадцати милях южнее Аль-Хиры.

Смерть Аль-Мусанны, ii. 14 г. хиджры, апрель 635.

Аль-Мусанна скончался, не дождавшись пока Саад доберется до назначенного места встречи. Его брат, Аль-Моанна, только что возвратился из своей поездки к Бени Бекр, которое персидский двор намеревался переманить на свою сторону. Он отправился навстречу Сааду с хорошей новостью, что ему удалось пресечь происки персов, равно как и с печальной вестью о смерти брата. Также он передал новому командующему предсмертный совет Аль-Мусанны арабам: держаться своих земель на границах пустыни. Сразиться там с врагом было его последней волей: «Вы будете победителями; но даже в случае поражения позади вас будет пустыня, удобная для отступления: там персы не смогут вас преследовать, и оттуда вы сможете возобновить атаки». Получив послание, Саад почтил память великого военачальника. Он также окружил особой заботой потерявшую кормильца семью; и более действенно исполнил свой долг, по истинно арабскому обычаю взяв в жены вдову героя Сельму.

Саад приводит в порядок свое войско,

Саад заново перестроил армию. Она была разбита на отряды по десять человек с отдельным командиром для каждого. Самым прославленным воинам было доверено нести знамена. Колонны и отдельные эскадроны конницы были составлены из кланов и племен; и так, кланами и племенами, они двигались, и так же выходили на поле боя. Подобным же образом были устроены и подразделения для исполнения различных обязанностей, присущих военной службе. Главное командование было поручено ветеранам, сражавшимся под знаменем Пророка; ибо в этой армии было не меньше тысячи четырехсот соратников Пророка, среди которых девяносто девять участвовали в сражении при Бедре. Следуя совету Аль-Мусанны, одобренному Омаром, Саад медленно двинулся по направлению к Аль-Озейбу, продолжая держаться границы пустыни.

и располагается лагерем в Кадисию, лето 14 г. хиджры

Там он оставил женщин и детей под защитой отряда всадников, и направился в Кадисию, огромную равнину, омываемую с дальней стороны каналом Евфрата, уже описанным, и ограниченной с запада «Рвом Сапора» (в наши дни просто протока) с простирившейся за ним пустыней. По равнине шла из Аравии дорога, пересекавшая здесь реку по наплавному мосту из лодок, ведущая в Аль-Хиру, а оттуда через полуостров в Аль-Медайн. Таково было место сражения, которому вскоре предстояло решить судьбу Персии. Саад, продолжая оставаться на западном берегу, расположил свой штаб в Кодейсе, небольшой крепости над источником, чуть ниже моста. Здесь он разбил лагерь, и стал терпеливо ожидать приближения противника.

Царь, потеряв терпение, приказывает наступать.

Рустен был бы не против поиграть в то же выжидание, что и Саад, если бы не его нетерпеливость. Арабы совершали постоянные налеты через реку в Месопотамию. Они нападали на замки знати и разоряли их земли. Прошла весна, наступило лето; но оно не принесло облегчения. Стада сгонялись со своих пастбищ, и частые набег одновременно служили для снабжения мусульманской армии продовольствием и для наказания своих неверных союзников. В народе росло недовольство; и крупные землевладельцы, в конце концов, объявили, что, если помощь замедлит, им придется перейти на сторону противника. Задетый их мольбами, Йездегерд не внял доводам Рустена, и настоял на немедленном наступлении.

Саад описывает Омару поле боя.

Тем временем Саад постоянно сообщался с Омаром. Халиф попросил описать их лагерь. «Аль-Кадисия, — писал Саад, — лежит между Рвом Сапора и рекой; впереди — глубокий поток, который слева изгибается по зеленеющей долине вниз от города Аль-Хиры; канал течет в том же направлении в озеро Наджаф, на берегу которого расположен дворец Хаварнака. Наш правый фланг защищен непроходимым болотом, а тыл наш упирается в пустыню». Омар, удовлетворенный отчетом, предписал своему эмиру не терять бдительности и терпения. Прежде всего, писал он, Йездегерду нужно предложить принять ислам, дабы не подвергать риску свое царство. С этим поручением двадцать воинов внушительной наружности пересекли равнину и предстали перед воротами Аль-Медайна.

Посланники предлагают Йездегерду принять ислам.

Когда их повозжали, чтобы представить царю, люди, толпившиеся вокруг, издевались над грубыми привычками арабов, облаченных в полосатые одежды и использовавших незамысловатое оружие жителей пустыни, что резко контрастировало с дворцовым блеском столичного города.

«Эй, только гляньте на эти женские подвязочки!» (бедуины носили луки на перевязи через плечо) — кричали они с насмешкою, нимало не задумываясь, какую панику может посеять это оружие в их плотных рядах. Когда посланники приблизились к окрестностям дворца, при виде гарцующих и рвущихся вперед красивых коней, дико несущих отважных всадников, ужас обуял царя и его изнеженную знать. Йездегерд потребовал через переводчика объяснить причину их ничем не обоснованного вторжения в его царство. Один за другим арабские посланники рассказывали ему о Пророке, вызвавшем огромные перемены в их земле, а также о благословениях и обязательствах ислама. «Примите ислам, — говорили они, — и вы будете такими же, как мы; или, если пожелаете, платите нам дань, и вы будете под нашей защитой; если же вы не согласитесь, то дни вашего царства сочтены». Царь ответил высокомерно: «Вы ничтожны, вы — ничто! Голодные проходимцы с голой земли; приходите, я дам вам обедков, и вы уберетесь прочь, богатые и довольные». Арабы ответили сильными, но сдержанными словами: «Ты говоришь правду; мы всего лишь бедные и голодные; но, да обогатит и насытит нас Господь; значит, вы выбираете меч? Тогда спор между нами решит меч». Царь разгневался: «Не будь вы парламентарями, вас бы всех казнили, всех до единого! Принесите сюда ком земли, и

пусть самый крепкий из них унесет этот груз за городские ворота». Арабы восприняли это, как счастливое предзнаменование. Рослый всадник тотчас схватил комок, вскочил на своего коня и, унося землю, полетел прочь. Сразу после этого в покои вошел Рустен, и царь рассказал ему, как он оскорбил простодушных арабов. «Простодушных? — воскликнул Рустен, — Это ты простодушный», и спешно отправил погоню, чтобы вернуть ношу. Но всадника уже и след простыл; спешно прискакав в Аль-Кадисию, он бросил ком перед командующим и воскликнул: «Возрадуйся, о, Саад! ибо, подумать только, Господь даровал тебе землю Персии!»

Рустен с огромной армией медленно наступает,

Рустен не мог дольше откладывать. Слоны и люди, собранные со всех районов, усилили его армию, теперь насчитывавшую сто двадцать тысяч человек. Тем не менее, двигался вперед он медленно и неохотно. Предзнаменования, говорят, предвещали ему большое бедствие. Но он лелеял надежду, что арабы, стесненные в своих запасах, вдруг разойдутся и исчезнут; или, устав от долгого ожидания, они оставят свою выгодную позицию и переправятся через реку. После большой проволоочки в пути он пересек Евфрат ниже Вавилона.

и располагается лагерем напротив арабов, ix 14 г. хиджры, окт. 635 г. от р. Х.

Вступив затем в Аль-Хиру, он выбрал жителей за то, что они перешли на сторону арабов; но они отвечали, что, оставленные царем, они не могли больше сопротивляться захватчикам. Наконец, проведя в дороге много недель, он подошел к мусульманской армии и разбил лагерь на противоположном берегу реки.

Саад сдерживает свою армию.

В течение этого долгого периода бездействия, нетерпеливые арабы сдерживались твердой рукой Саада, которому, как заместителю халифа, они поклялись беспрекословно повиноваться. За исключением набегов и рекогносцировок ничего не предпринималось. Некоторые из них, однако, были достаточно захватывающими. Толейха, бывший «пророк», в одиночку пробрался ночью во вражеский стан и увел трех коней. Во время жаркой погони он одного за другим поубивал своих преследователей и без посторонней помощи захватил последнего, который затем обратился в ислам и преданно сражался на стороне своего порабитителя. Поскольку враг подтянулся, мусульманское воинство притаилось, подобно тигру, залегшему в своем логовище, но готовому к смертельному прыжку.

Рустен получает трехдневное перемирие.

Теперь, когда, наконец, армии оказались лицом к лицу, у Рустена больше не было повода откладывать решающую схватку. На следующее утро после своего прибытия он поскакал вдоль берега реки на разведку; и, стоя на возвышенности в стороне от моста, послал за начальником стражи мусульман, охранявших проход. Последовало совещание; и Саад согласился послать в персидский лагерь трех своих командиров, чтобы они разъяснили

Рустену требования мусульман. Один за другим они представили себя. Каждый повторял одни и те же слова: «**ислам, дань** или **меч**». Рустен то был надменен в своих оскорблениях, то сжимался от жестоких слов посланников, и, напуганный дурными снами и предзнаменованиями, попросил время на раздумье. Три дня отсрочки, отвечали те, это предел, позволенный их Пророком; и они были персам даны.

...наводит дамбу через реку,

Когда срок истек, Рустен послал узнать, он или арабы должны пересечь реку, чтобы сразиться. Разбивший большой лагерь, как мы уже знаем, Саад не собирался трогаться с места, и все, что он мог предложить персам, это перейти реку самим. Рустен выступил из своего стана, но проходом не воспользовался. Всю ночь арабы наблюдали за мостом. Но у Рустена был другой план: он собирался пересечь реку через дамбу. Всю ночь его верные слуги забрасывали канал землей и фашинами, и при утреннем свете обнаружилась небольшая дамба, по которой можно было пройти.

...и выступает на поле боя.

Ранним утром Рустен, облачившись в шлем и доспехи с двойной кольчугой, весело вскочил на своего коня. «До следующего утра мы слегка их отделаем!» — воскликнул он; но в стороне признавался своим близким, что небесные предзнаменования были против него. И действительно прежние неудачи персов и отважный характер арабских вождей, не считая астрологии, внушали серьезные опасения. Перейдя беспрепятственно дамбу, он расположил свое огромное воинство на западном берегу реки, с центром напротив крепости Кодейс. Из тридцати боевых слонов восемнадцать поддерживали центр, остальные были разделены между флангами.¹ Восседая под навесом на золотом троне на берегу реки, Рустем следил за развитием событий. Посыльные, расставленные на расстоянии слышимости друг друга на всем пути в Аль-Медайн, постоянно выкрикивали последние новости, и держали Йездегерда в курсе всего, что происходило.

Саад, сраженный болезнью, руководит армией с вала Кодейса.

В то время как персы начали переход реки, авангард арабов отошел назад к Кодейсу, ниже которого были стянуты их основные силы. На его валу Саад, тело которого усеяли нарывы и фурункулы, лежал на носилках; и, направляя оттуда свои распоряжения, написанные на клочках бумаги, управлял, таким образом, передвижениями армии в течение всего дня. Войска, непривыкшие видеть своего военачальника в безопасном месте, возроптали; и злые пасквили на него поползли по лагерю. То, что он, прославленный лучник, «первый, проливший кровь в исламе», высмеивается подобным образом, было для него нестерпимо, и Саад приказал заключить основных шутников в крепость. Затем он обратился к армии и поведал, что тяжелое расстройство, постигшее его, сделало эмира неспособным даже прямо сидеть, не говоря уже о том, чтобы скакать на коне. Воины приняли его извинения, ибо его храбрость ни у кого не вызывала

¹ Они отличались от верховых слонов двора и знати, и, вероятно, все были завезены из Индии. Слоном не пользовались ассирийцами в военных действиях. Его изображения редко встречаются в их настенных росписях, и только в мирной обстановке.

сомнений; но некоторое ощущение недовольства еще сохранялось. Вернувшись на свое ложе, он увещевал армию с зубчатых стен, и затем послал своих командиров вместе с военными ораторами и поэтами по рядам с воодушевляющими словами, дабы пробудить боевой дух войск.

Перед армией ислама декламируются воинственные стихи.

Перед каждой колонной декламировалось откровение о тысяче ангелов, сражающихся на стороне Пророка, вместе со стихами, подобные этим: «Побуждай верующих к сражению. Если будет среди вас двадцать терпеливых, то они победят две сотни; а если будет среди вас среди вас сотня, то они обратят в бегство тысячу. Господь поселит ужас в сердца нечестивых. Берегитесь, чтобы вам не обратить спины в битве; истинно, кто обратит спину, навлечет на себя гнев Божий. Участью его будет пламень ада».¹ Упоминание «Решающего дня» при Бедре и божественный призыв сражаться всегда воспламеняли сердца мусульманских воинов; и здесь, как говорят, после таких декламаций «сердца людей укреплялись, их взоры просветлялись и они обретали божественный покой,² который наступал вслед за этим».

Битва при Кадиси, ix. 14 г. хиджры, ноябрь 635.

Была дана команда, чтобы до полуденной молитвы никто не шумел. Главнокомандующий должен дать первый сигнал, восклицая текбир, или военный клич: «АЛЛАХУ АКБАР», «Бог так велик!», и воины должны затем трижды повторить эти слова за ним.

Первый день, названный «Армас».

При втором и третьем вскрике они должны достать свое оружие и подготовить коней. При четвертом ряды должны двинуться единой массой вперед со словами: «Наша помощь от Господа!» Приказ был нарушен врагом, который, услышав первый клич, сразу двинулся вперед; после чего и нетерпеливые воины из среды мусульман бросились на персов, выказав небывалую храбрость в поединках. Героические подвиги Бедре нашли отражение на этом поле боя; а трофеи, снятые с павших богатырей, оказались неопишимо богаты. Так, Амр ибн Мадикериб с победным видом надел браслеты и изукрашенный драгоценностями пояс, сняв их с жертвы царской крови. Другой, радостно воздав хвалу своей возлюбленной,³ сразился с Хормузом, «Князем Ворот», и, взяв его в плен, препроводил пленника с его короною к Сааду. Вождь Бени Темим, тоже распевая стихи, погнался за своим противником через вражеские ряды; где захватил погонщика мула, и доставил его вместе с груженым животным на сторону мусульман; это оказался царский

¹ Сура viii. 66 и т.д.

² То же слово, что и «шекина», божественное влияние, сохраняющее сердце: суры ix. и xlvi. Обычай декламации подобных сур или отрывков из них перед битвой сохранился и до наших дней.

³ Его незамысловатая песня была примерно такого содержания:

«Девушка с заплетенными косами, молочно-белой грудью и тонкими пальчиками, Хорошо знает героя, укладывающего воинов на землю!»

пекарь с обильными кушаньями. Однако самая примечательная история произошла с Абу Миджаном.¹

Абу Миджан.

Зачинщик оскорблений Саада отягчил свой проступок пьянством. Заточенный в крепости под наблюдением жены командующего Сельмы, он был снедаем сильным желанием присоединиться к сражению. Вняв его горячей просьбе и обещанию скоро вернуться, женщина освободила его, посадив на белую кобылу своего мужа. Никто не узнал его, и Абу Миджан бросился на толпу врагов, кружа вокруг нее и проявляя чудеса храбрости. Некоторые подумали, что это начальник прибывшего из Сирии отряда, что ожидали в тот день. Другие полагали, что это Аль-Хидр, предводитель ангельского воинства. Но Саад сказал: «Если бы Абу Миджан не был заточен под надзором Сельмы, я бы мог поклясться, что это он на моей собственной кобыле». Верный своему слову, герой, удовлетворенный свершенными подвигами, вернулся к Сельме, связавшей его, как прежде, узамы. Вскоре после этого она добилась его освобождения.²

Слоны.

А на строй бедуинов надвигались слоны. Главный удар пал на Бени Баджила. Огромные животные качались из стороны в сторону, «их паланкины с воинами и знаменными, похожие на движущиеся замки», перепугали арабских лошадей, которые при виде слонов в панике разбежались. Бени Асад приняло удар на себя, и, героически отбиваясь, оставило на поле около четырех сотен павших. Затем слоны атаковали фланги, наводя повсюду ужас; и враги, воспользовавшись замешательством, бросились вперед. Положение было критическим; и Саад, как последний шанс, отрядил Асима избавить их от опасности любой ценой. Немедля этот храбрый вождь собрал группу лучников и проворных стрельцов, которые, приближаясь, сбивали махаутов со слонов и смело резали подпруги. Паланкины падали, и, никем не управляемые, огромные животные бросались в бегство. Получив, таким образом, облегчение, арабы отвоевали свою территорию. Но спустились сумерки, и обе армии прервались на ночной отдых.

Жена попрекает Саада.

Мусульманская армия была подавлена. Неопределенность исхода стала дополнительным поводом для оскорблений Саада, но тяжелее всего ему было сносить колкие упреки Сельмы. Весь день, сидя рядом со своим господином на крепостном валу, где они вместе наблюдали за смертельной схваткой, она восклицала: «Эх, вот бы Аль-Мусанну, хоть на час! Увы, увы, нет в этот день Аль-Мусанны!» Ужаленный такими словами, Саад ударил

¹ Табл. i. 2312 и далее. Другой источник, 2354 и далее.

² Он признался Сельме, что за кубком вина пел следующую песнь:

«Как умру, похороните средь лозы корней,
Пусть вбирают кости влагу день и ночь подряд,
Не хочу, чтобы равнина была могилой мне —
Там, боюсь, мне не отвесть сладкий виноград».

Но он дал ей слово, что больше не будет ни злоупотреблять вином, ни оскорблять эмира. Сельма добилась его освобождения, и он успел присоединиться к своим боевым товарищам в последний решающий день.

ее по лицу и, показывая на Асима и его отряд, воскликнул: «Что Аль-Мусанна, э? Мог ли он хоть чем-то сравниться с этими?» «Завистник и трус!» — кричала возбужденная женщина, верная памяти своего первого мужа. «Неправда, — сказал Саад, немного смягчившись, — клянусь, что каждый, только не ты, простил бы меня сегодня, увидев, в каком тяжелом состоянии я лежу». Люди соглашались с этой женщиной; но Саад не был трусом, и он заставил всех забыть это оскорбление.

День второй: «Агвак». Подход войска из Сирии.

Утро прошло в заботах о раненых и павших; и сражение возобновилось только при наступлении дня. Вскоре после этого показалась первая колонна возвращающейся из Сирии армии, во главе которой был Аль-Каака. Он оставил Хашима для того, чтобы основную пятитысячную армию привести на следующий день, и поспешил вперед, взяв с собою тысячу воинов. Умелой расстановкой Аль-Каака показал свои силы в глазах друзей и врагов более внушительными, чем на самом деле. Он разделил своих людей на отряды по сто человек, расположив каждый на небольшом расстоянии от других. Приблизившись, он поприветствовал Саада и его товарищей, обрадовав их вестью об идущем подкреплении. Затем, призвав остальных следовать за ним, тотчас поскакал вперед, бросая вызов врагу. «Герой моста»¹ принял вызов. Аль-Каака узнал своего благородного противника и устремился на него с возгласом: «Теперь отмщу я Абу Обейда и тех, кто погиб на мосту!» и поверг его на землю. По мере появления очередного отряда создавалась видимость, что подходили свежие силы. Они шли по равнине на виду у обеих армий, и в ответ на их текбир со стороны мусульманского войска гремело ответное приветствие: «Аллаху Акбар!» Арабы воспрянули духом. Они позабыли вчерашние неудачи; а сердца персиян, напротив, заныли, при виде того, как от рук Аль-Кааки и его сотоварищей падают наземь их лучшие ратоборцы. В этот день у них не было боевых слонов, упряжь которых еще не успели починить. Теснимые со всех сторон, персы не смогли удержать своих коней в строю, и лишь стремительное бегство спасло Рустена. Но пехота персов стояла, не дрогнув. Солнце склонилось к закату, а исход битвы был все еще не ясен. Битва была крайне упорной и кровопролитной. На поле сражения легло убитыми и ранеными две тысячи мусульман и десять тысяч персов. Всю ночь арабы выкрикивали имена и родословные своих соотечественников. Персидский лагерь также оглашался криками. Вот так, воодушевляя себя, стороны проводили ночь в ожидании решительной схватки.

День третий: «Имас».

Утро третьего дня застало противников за печальным делом очистки поля от тел павших. Пространство между двумя линиями примерно в милю было усеяно трупами. Раненые были препоручены заботам женщин, если только у них оставался шанс на выздоровление, или, точнее, говоря языком ислама: «покуда Господь не решит, даровать ли им венец мученика». Мертвых сносили в Озейб, долину в тылу арабского войска, где женщины с детьми второпях рыли для них могилы в песчаной почве. Раненых также несли в том направлении. Палящее солнце делало этот путь для страдающих и ослабевших очень

¹ Бахман; см. с.84.

тяжелым. На дороге высилась одинокая пальма, под благодатной сенью которой их ждал недолгий привал. Эти грустные стихи были сложены в ее честь:

«Слава пальме благородной — сень Кадисьи и Озейба!
Вкруг тебя ползут побеги и ромашки, и иссопа.
Пусть роса и дождь небесный освежают лист твой вечно,
И ни в чем нужды не знает пальма в сухости пустыни!»

Битва возобновляется. Атака сирийского войска.

Противников ожидали еще сутки упорной битвы. Персы, чьи павшие оставались лежать на солнце непогребенными, поникли духом после предыдущих неудач. Однако, их надежды возлагались на слонов, вновь занявших свои места на поле боя. Каждого из них окружали пехотинцы и всадники. Сражение только начиналось, когда внезапно вперед ринулся Хашим с основной массой пришедших из Сирии воинов. Пронесшись по долине, он устремился прямо на врага, смешал его ряды, и, достигнув берега реки, победоносно поскакал назад, встреченный радостными возгласами. Бой шел жестокий, удача переходила из рук в руки. Йездегерд, энергичный в критические минуты, бросил в самое пекло своих телохранителей. Ужасом для арабов оставались слоны, вновь сводившие на нет все их усилия. В решающий момент Саад обратился за помощью к Аль-Кааке, творившему чудеса, повергнутому наземь в одной схватке сразу тридцать персов. Летописцы с благодарностью отмечают: «не положи Господь на сердце Кааке свершить такие подвиги, пришлось бы нам оплакивать этот день». Саад сообразил, что единственными уязвимыми местами у слона оставались глаза и хобот. «Цельтесь туда! — воскликнул он, — и мы избавимся от этой напасти!» Это рискованное дело взял на себя Аль-Каака с братом Азимом и группой воинов. Вожжами стаду слонов служили два громадных зверя. Спешившись, Аль-Каака храбро бросился вперед и в глаз одного из них, «огромного белого слона», нанес удар своим копьем.

Слоны обращены в бегство.

Ослепленный жгучей болью, слон замотал в страхе головой, сбросил на землю махаута и, размахивая хоботом, отшвырнул Аль-Кааку в сторону. Второму зверю пришлось еще хуже, ибо его поразили в оба глаза и изранили хобот. Испуская жуткий крик агонии, ослепленное, взбешенное животное ринулось на ряды арабов. Крики и копья погнало его назад на персов. Зверь дико заметался посреди двух армий, пока за ним не последовали другие слоны, врезавшиеся в персидский строй. Все стадо огромных животных — с воздетыми ввысь хоботами, грозно трубя на ходу и сметая все на своем пути — бросилось в реку и скрылось на противоположном берегу. На время битва прекратилась, поскольку притихшие стороны оказались увлечены необычайным зрелищем. Но вскоре бой возобновился, продолжаясь до полной темноты. Исход сражения был до сих пор неясен.

«Ночь лязга»: бой до рассвета.

Третья ночь не принесла отдыха ни одной из сторон. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. С наступлением темноты возникла небольшая пауза, и Саад, опасаясь, что войско

противника может обойти его с тыла, послал воинов стеречь броды. Для отдыха, даже и кратковременного, почти не было времени, так как ранней ночью некоторым из арабских вождей пришлось в голову собрать свои племена на виду у обеспокоенного противника. Эти передвижения, совершаемые вначале без ведома Саада, спровоцировали общую свалку в темноте. Вопли сражающихся и звон оружия сделали эту ночь, названную «ночью звона»,¹ беспрецедентной в летописях ислама. Звук мог сравниться только со «звоном кузнечной наковальни». Саад посвятил себя молитве, ибо на протяжении всей ночи к нему не поступало никаких определенных вестей. К утру обе армии оказались утомлены и ослаблены. Затем поднялся Аль-Каака, возглашая, что еще одна энергичная атака должна изменить ход битвы, «ибо победа всегда требует упорства до конца». И арабы, целые сутки сражавшиеся без отдыха, вновь поднялись, со всею бодростью и рвением, в новую атаку.

Персы побеждены, а Рустен убит.

Персидские фланги дрогнули. Стремительная атака пробила в их центре брешь, оголив берег, с сидящим на троне Рустеном. Поднялся буйный ветер, и балдахин, никем больше не поддерживаемый, был снесен в реку. У несчастного князя едва хватило времени отскочить и притаиться под вьючным мулом, когда чей-то случайный удар обрушил тяжелую поклажу на его спину. Он пополз в реку, намереваясь укрыться в камышах. Но один воин заметил и узнал своего знатного противника, вытащил Рустена оттуда и прикончил на месте; затем, взобравшись на его трон, громко возгласил о кончине побежденного князя.²

Конец персидской армии.

Вскоре после того, как был убит предводитель армии персов, началось ее беспорядочное бегство и избиение. Некоторым отрядам удалось переправиться по дамбе; но вскоре она была отрезана (возможно, самими персами, чтобы предотвратить преследование), и снесена сдерживаемым потоком вместе с множеством находившихся на ней воинов. Слева и справа, сверху и снизу берега реки мусульмане беспощадно преследовали беглецов. Равнина вдоль и поперек была усыпана трупами. Множество бегущих, загнанных в топи и болота, были безжалостно зарублены. Но армия ислама была слишком истощена, чтобы продолжать преследование.

Потери мусульман.

Потери мусульман значительно превышали те, что были в предшествующих сражениях. В последнем столкновении они потеряли шесть тысяч воинов, кроме того, еще две с

¹ Харир (табл.) называет четвертый день просто «днем Аль-Кадисии». У каждого дня было свое имя, как мы отмечали. Названия первого и третьего (в некоторых рукописях дается прочтение «Зимас» вместо «Имас» или «Амас»; последнее означает «упорную битву») не имеют определенного смысла, возможно, это названия мест. Второе может означать «помощь», которую оказали войска, подоспевшие из Сирии. См. С. de Perceval, том. iii. с. 481. Гиббон (гл. iii.) не упоминает первый день, называя остальные три, как «помощь», «сотрясение» и «лязг».

² Табл. i. 2336-7; отчеты немного разнятся в деталях.

половиной тысячи погибли днями раньше. По окончании битвы женщины и дети с дубинками и кувшинами воды вышли на поле с двойной миссией: милосердия и возмездия. Каждого сраженного мусульманина, еще теплого и дышащего, они нежно поднимали и смачивали его губы водою. Но к раненым персам у них не было милости; им была уготована иная участь — подняв свои дубинки, они обрушивали на головы «удар милосердия». Таким образом, ислам, в этот момент подавил жалость и посеял в душах женщин, и даже маленьких детей, хладнокровную жестокость.

Обильная добыча.

Добыча была обильной, и не имела себе равной ни по количеству, ни по ценности. Каждый воин получил по шесть тысяч монет, не считая особых даров для ветеранов и тех, кто проявил особый героизм. Стоимость снятых с тела Рустена драгоценностей составила семьдесят тысяч монет, хотя самая ценная его вещь, тиара, была утеряна. Огромное царское знамя, захваченное на поле боя, было сшито из леопардовых шкур и так богато расшито драгоценными камнями, что было оценено в сто тысяч монет. Таким образом, не вылезавшие из нужды арабы теперь утопали в сокровищах Востока, всю ценность которых они даже были не в силах постичь.

Важность победы.

Для врага поражение оказалось поистине судьбоносным. Чуть больше тридцати месяцев прошло с тех пор, как нога Халида вступила на землю Аль-Ирака; и вот уже империя — которая пятнадцать лет назад смогла смирить войска Византии, разорить Сирию и победоносно раскинуть свои шатры на Босфоре — рушилась под ударами арабов, чья сила никогда не превышала тридцати-сорока тысяч воинов с бесхитростным оружием. Битва при Аль-Кадисии помогает нам решить загадку. С одной стороны здесь была равнодушная, раболепная покорность; с другой же — неукротимый дух, который после долгих и изматывающих часов битвы поднял мусульман в решающую атаку. Многочисленная армия, на которую истощились последние резервы Персии, оказалась полностью разгромлена; и, хотя разбитым отрядам удалось бежать через реку, военная мощь Персии так больше и не поднялась на подобную высоту. Страна вдоль и поперек была охвачена страхом. Кочевники по обеим сторонам Евфрата больше не колебались. Многие из них, хотя и оставались христианами, уже сражались в рядах ислама. Теперь они шли к Сааду, говоря: «Племена, которые первыми приняли ислам, оказались мудрее нас. Ныне, когда Рустен сражен, мы примем новую веру». Вот так, многие из них заявили о новом вероисповедании.

Известия, полученные Омаром.

Эта битва (датируемая де Гежем концом 637 г.) так долго ожидалась, и приготовления велись в таком огромном масштабе, что об ее исходе сразу заговорили повсюду: «от Аль-Озейба далеко на юге до Адена, и от Убуллы до Иерусалима», как о сражении, где решилась судьба ислама. Халиф уже привык выходить рано утром в одиночку далеко за ворота Медины, чтобы не пропустить возможность встретить посольного с поля боя. В конце концов, к городу подъехал посланник на верблюде, который на вопрос Омара

коротко ответил: «Господь разгромил персидское воинство». Неузнанный Омар последовал за ним пешком, жадно вникая в рассказ о ходе великой битвы.

Когда они вошли в Медину, народ окружил халифа и, приветствуя, пожелал ему радости победы. Смущенный посланник воскликнул: «О, повелитель правоверных! что ж ты не сказал мне?» «Э, все в порядке, брат мой», — просто отвечал халиф. Таков был скромный облик того, кто на тот момент был могущественнее, чем кесарь или хосров.

ГЛАВА XV

СОБЫТИЯ, ПОСЛЕДОВАВШИЕ ЗА БИТВОЙ ПРИ АЛЬ-КАДИСИИ. ПОКОРЕНИЕ АЛЬ-МЕДАЙНА.

15-16 г. хиджры. / 636-637г. от р. Х.

Саад вновь занимает Хиру, конец 13 г. хиджры, янв. 636 г. от р. Х.

ПО ЖЕЛАНИЮ халифа Саад дал утомленной армии передышку, чтобы привести ее в порядок. Остатки разгромленного войска персов бежали по направлению к бывшему Вавилону, и собирались там. После двухмесячного отдыха Саад, теперь оправившись от болезни, смог выступить и атаковать противника. На пути он снова захватил Аль-Хиру. Это был уже третий случай взятия несчастного города. Наказанием жителям за последнее бесполезное отпадение стало удвоение дани. Вскоре обойденная Аль-Куфой, городом, расположенным в нескольких милях от нее, некогда царственная Аль-Хира быстро потеряла свою значимость. Однако, расположенный неподалеку дворец Хаварнак, красивейшая резиденция прежней династии, оставался стоять на берегу озера Наджаф. В последующие дни он иногда использовался как загородный дом халифами и их двором.

Равнина Дура очищена.

Разрозненные отряды персов стекались сначала к руинам вавилонской башни, а затем, переправившись через Евфрат, расположились под огромным вавилонским холмом. Согнанные и оттуда, они отошли на Тигр. Саад расположил свой лагерь у Вавилона и оттуда очистил равнину Дуру, простиравшуюся на пятьдесят миль от Евфрата до Тигра. Местные вожди прибывали теперь со всех сторон, некоторые принимали ислам, другие решали платить дань; и пространство между двумя реками опять оказалось подвластным мусульманам. Прошло несколько месяцев, и, ближе к лету, Саад оказался в силах, в полном согласии с волей Омара, вступившего во второй год своего правления, атаковать Аль-Медайн.

Медайн, столица Персии.

Величественный город раскинулся по обоим берегам Тигра, в крутом двойном изгибе реки, в пятнадцати милях ниже современного Багдада. Селевкия, что на правом берегу, была поселением, основанным воинами Александра Великого. На противоположном берегу вырос Ктесифон — резиденция персидских монархов. Объединенный город на долгое время затмил Вавилон, как столицу Халдеи. Неоднократно завоеванный римлянами, он оставался к тому времени большим и процветающим, но безнадежно раздираемым интригами и разлагаемым роскошью. Центр города с царскими дворцами находился на восточной стороне, где знаменитая арка «Так и Кесра» до сих пор пленяет взор путешественника, спускающегося вниз по Тигру. Саад направил свои войска к району, лежащему на ближайшей стороне. По пути он был атакован воинами царицы-матери. Воодушевленная древним духом своей расы, поклявшись, что пока жива ее династия, империя останется непобедимой, она послала на поле боя армию под

командованием опытного военачальника, «Льва хосровов». Войско это было полностью разгромлено, а сам защитник царицы пал от руки Хашима.

Царица-мать побеждена.

После этого Саад двинулся дальше; и, извлеки урок из тщеславной гордости побежденной царицы, всенародно продекламировал перед собранными воинами следующие строки из Корана:

«Не клялись ли вы ранее, что будете вечны? Но вы вселились в обители тех, что несправедно поступали, по своим желанием; и вы видели, как Мы поступили с ними. Мы сделали их предупреждением и примером для вас». [У Крачковского: «Разве ж вы не клялись раньше, что нет у вас изменения? И вы поселились в жилищах тех, которые обидели самих себя, и стало ясно для вас, как Мы поступили с ними, и привели Мы вам притчи»]. (Сура xiv. 46, 47).

Осада западной части. Лето 15 г. хиджры, 636 г. от р. Х.

В бодром духе мусульмане подошли к реке; и вот! знаменитый «Иван» с огромным залом из белого мрамора высится прямо против них на дальнем берегу. «Благословенные небеса! — воскликнул Саад, пораженный зрелищем, — *Аллаху Акбар!* Это не что иное, как белый шатер хосровов! Теперь Господь исполнил обещание, данное своему Пророку». И каждый отряд восклицал: «Аллаху Акбар! Велик Господь!», когда подходил и взирал на дворец, величие которого находилось почти за пределами их понимания. Город был слишком хорошо укреплен для штурма, и Саад остановился перед ним. Были привезены осадные орудия, но они не возымели никакого действия на крепостные валы из обожженного на солнце кирпича. Осажденные предпринимали постоянные вылазки; но эта осада станет последним случаем, когда персидские воины еще осмеливались на поединки с арабами.

Осада была суровой, и жители терпели большую нужду. Армия осаждала город в течение нескольких месяцев, но Саад не бездействовал и на других направлениях. Карательные отряды отправлялись повсеместно, где крупные землевладельцы не спешили признать господство ислама. Арабы разорили Междуречье и взяли множество пленников; но по приказу Омара они были отпущены по домам. Итак, местность вниз от Текрита и от Тигра до сирийской пустыни оказалась полностью под властью мусульман.

Западная часть очищена, конец 15 г. хиджры, янв. 637 г. от р. Х.

Осада, в конце концов, поставила западную часть города в такое затруднительное положение, что царь послал парламентаря для передачи своего предложения. Он обязался признать под властью арабов земли к западу от Тигра при условии, что они оставят ему нетронутым восточный берег. Предложение это было с негодованием отвергнуто. Вскоре после того, увидев, что на стенах нет людей, Саад отдал приказ к штурму. Арабы вошли, не встречая сопротивления: персы ушли, забрав с собою лодки и полностью освободив западную часть города. Нигде не было видно ни души. Но дальняя

часть столицы, надежно отделенная рекой, все еще оставалась непокоренной. Войско арабов течение нескольких недель отдыхало, и, заняв пустующие особняки западной части, наслаждалось в предвкушении персидской роскоши.

Покорение Медайна, ii. 16 г. хиджры, март 637 г. от р. Х.

Из находившегося под угрозой Аль-Медайна Йездегерд отправил свою семью со всеми регалиями и драгоценностями в Холван, холмистую местность на севере; и сам теперь подумывал о бегстве в том же направлении. Воинственный дух Персии был безнадежно утрачен; а ведь в противном случае глубокий и быстрый Тигр все еще представлял собой хорошую защиту от внезапного нападения. Разумеется, именно так арабы и думали; ибо много недель потратили на поиск лодок, которые все до единой были уведены с западного берега. Неожиданно перебежчик указал Сааду место, в котором через реку можно было переправиться вброд. Однако поток, обычно спокойный, в то время сильно разлился, и арабы боялись потерять при переправе лошадей. Но тут разведчики принесли известие о намерениях Йездегерда бежать, и Саад решил действовать. Собрав свою армию, он обратился к ней: «Сейчас мы отданы на милость врага, который, господствуя на реке, может неожиданно напасть на нас. Но Господь дал одному из нас видение правоверных всадников, победоносно пересекающих реку. Вперед, взбурлим этот поток!» Отчаянная авантюра была одобрена единодушно. Шестьсот отборных всадников были построены группами по шестьдесят. Передовой отряд вошел в воду и бесстрашно поскакал через быстрый поток. Когда центр и фланги были уже вблизи противоположного берега, вражеский пикет бросился в воду, безуспешно пытаясь отогнать их обратно. «Поднимайте свои копыта, — вскричал Асим, — цельтесь им прямо в глаза». Таким образом, они отбросили противника, и благополучно достигли суши. Только после того, как Саад увидел, что авангард находится в безопасности на другом берегу, он дал команду остальным следовать за ним. И так, с криками: «Аллах! даруй победу Своему народу, да будут повержены Твои враги!» — ряд за рядом всадники летели в поток так близко друг за другом, вода оказалась скрыта с их глаз; и ступая, как по твердой почве, все, не потеряв ни единого, переправились на ту сторону. Персы, застигнутые врасплох, в панике бежали. Стремительная переправа арабской конницы не дала им времени ни на что, кроме бегства. Немногие оставшиеся тут же признали себя данниками. Мусульмане погнались за беглецами; но вскоре поспешили вернуться, чтобы принять участие в дележе царской добычи. Они бродили по великолепным дворцовым павильонам, в которые долгое время стекались сокровища Востока, пировали в садах, украшенных цветами, полными плодов. Глава победителей обосновался во дворце хосровов.

Победная служба.

Но сначала он решил воздать хвалу в благодарственной молитве. Царские палаты были использованы по такому случаю в качестве мечети; и там, в собрании такого большого количества мусульман, какое только могло вместить помещение, Саад провозгласил, что эта победа была одержана за счет Господа-Вседержителя. В наставление был прочитан отрывок из Корана, в котором говорилось о фараоне, погибшем в Красном море; а так же этот стих, по их мнению, наиболее уместный:

«Сколько они оставили садов и источников,
и посевов, и мест почетных,
и благодати, в которой они забавлялись!
Так! И даровали Мы это в наследие другому народу».

(Сура xliv 24-27.)

Медайнская добыча.

Добыча была богатой, выше всякого ожидания. Помимо миллионов драгоценностей, там были бесчисленные запасы серебряных и золотых сосудов, великолепных одеяний и украшений — бесценных экземпляров несказанной редкости и стоимости.

Удачно захватив караван мулов, мусульмане обнаружили неожиданный подарок, состоящий из тиары, царских одеяний и пояса. Арабы с удивлением взирали на корону, украшенные драгоценностями мечи и роскошный трон; еще среди прочих диковин там были серебряный верблюд в натуральную величину с наездником из золота; и золотая лошадь с изумрудами вместо зубов, рубиновой сбруей и золотой попоной. Драгоценные металлы для арабов потеряли свою ценность, ибо золото оказалось в таком же изобилии, как и серебро. Искусные дорогие изделия из сандалового дерева и янтаря могли использоваться любым из воинов для хранения мускуса и восточных пряностей. Камфара лежала в мешках, и сперва по ошибке ее добавляли в тесто, как соль. У тех, кто делил добычу, было много работы, ибо каждому воину причиталось (а армия теперь состояла из шестидесяти тысяч) по двенадцати тысяч монет,¹ не считая особо щедрых даров для наиболее отличившихся. Арабы отправили в Медину кроме причитающейся халифу пятой части такие редкостные и драгоценные вещи, которые могли бы вызвать изумление у простых сограждан на их родине. Халифу были посланы, в качестве подобающих подношений, царские регалии и меч хосровов.² Но настоящим зрелищем дня стал царский пиршественный ковер, семидесяти локтей в длину и шестидесяти в ширину. На нем был изображен сад, в котором земля была отделана золотом, стены серебром; долины изумрудами; ручейки жемчугом; деревья, цветы и плоды алмазами, рубинами и прочими драгоценными камнями. Когда вся остальная добыча была распределена, Омар собрал совещание, чтобы решить, что делать с ковром. Большинство советовало оставить его как трофей ислама. Но Али, размышляя о непрочности земных вещей, возразил; и халиф, прислушавшись к его мнению, разрезал его на части и роздал с остальной добычей. Кусок, доставшийся Али, стоил двадцать тысяч дирхем.

Аль-Медайн обладал всеми удобствами столичного города, и Саад решил обосноваться в нем. Дворцы и особняки бежавшей знати он поделил между своими командирами. Царскую же резиденцию он занял сам. Огромный зал, с неизменным убранством, был

¹ Скажем, по 400-500 фунтов стерлингов каждому солдату; из этого можно рассчитать (добавив также пятую часть халифа) общую сумму добычи. Одних сокровищ было взято на полтора миллиарда монет: подобная сумма была истрачена Рустином для проведения кадисийской кампании.

² Четыре других меча были: принадлежавший кесарю — взят Саадом, меч Бахрама — Аль-Каакой; третий принадлежал турецкому хагану; а четвертый — «царю Хинда».

освящен как место для молитвы, и там впервые на персидской земле была отправлена пятничная или соборная служба ислама.

ГЛАВА XVI

БИТВА ПРИ ДЖАЛУЛЕ. НАВЕДЕНИЕ ПОРЯДКА В МЕСОПОТАМИИ. ОСНОВАНИЕ АЛЬ-КУФЫ И АЛЬ-БАСРЫ.

16 г. хиджры / 637 г. от р. Х.

Наступление персов.

ОМАР был удовлетворен, насколько возможно, достигнутым успехом. К нему вернулась прежняя осмотрительность, и за пределами равнины, окаймленной горной грядой на востоке, он строго запретил дальнейшее продвижение. Лето 16 года хиджры прошло в Аль-Медаине при полном спокойствии. Царь с разбитой армией укрывался в персидских горах; и народ по обеим сторонам Тигра, видя тщетность сопротивления, с готовностью подчинился победителям.

Битва при Джалуле.

Осенью, решив еще раз попробовать свои силы, персы во множестве начали стекаться к Йездегерду в Холван, расположенный примерно в ста милях от Аль-Медаина. Часть сил была направлена под Джалулу, крепость, считавшуюся неприступной. Она была окружена глубоким рвом и стеною, утыканной гвоздями и заостренными железными прутьями. С одобрения Омара Саад отрядил вперед Хашима и Аль-Кааку во главе двенадцатитысячного войска, включая лучших воинов Мекки и Медины; и они расположились перед цитаделью. Гарнизон, пополнявшийся время от времени свежими силами из Холвана, атаковал осаждавших с отчаянной смелостью. Свежие отряды подошли и из Аль-Медаина, и осада затянулась на восемьдесят дней. Наконец, во время одной энергичной схватки, буря затемнила небо, и персидские отряды, потерявшие направление, были отогнаны Аль-Каакой, которому удалось захватить одни из ворот крепости. Оказавшиеся, таким образом, в ловушке, персы в отчаянии бросились на арабов, и последовало генеральное сражение, по шуму «не уступившее “ночи звона”, разве что оказалось не таким долгим».

Разгром персов и взятие Джалулы, конец 16 г. хиджры, дек. 637 г. от р. Х.

Персы были разбиты по всем статьям. Многие в попытке бежать, попались на железные прутья. Арабы преследовали противника, и земля была усыпана трупами. В сопровождении остатков своей армии Йездегерд бежал в Ар-Рей, в сторону Каспийского моря. Аль-Каака двинулся затем на Холван, и, разгромив врага, выставил там сильный гарнизон из арабских добровольцев в качестве самой отдаленной заставы мусульман на севере.

Добыча.

Добыча снова была богатой и обильной. Множество пленниц, многие благородного происхождения, было распределено, как желанная награда, частично прямо на поле боя,

остальные отправлены воинам в Аль-Медайн. Трофеи были оценены в тридцать миллионов дирхемов, не считая огромного количества отличных персидских коней, которые стали желанным пополнением армии, причем на каждого воина пришлось по девяти лошадей.

Зийяд послан с пятиной к Омару.

С долей трофеев для халифа Саад направил в Медину Зийяда, юношу сомнительного происхождения (подробнее об этом чуть позже), однако необычайно находчивого и ловкого. В присутствии халифа тот обратился к гражданам и в страстной речи перечислил блага Персии: богатые земли, несметная добыча, рабыни и плененные принцессы. Омар остался доволен его речью, и признал, что армия Саада превзошла каноны даже арабской смелости. Но следующим утром, при раздаче рубинов, изумрудов и множества драгоценных вещей, халифа увидели плачущим. «Как? — воскликнул Абд ар-Рахман, — сейчас время радости и благодарения, а ты проливаешь слезы?» «Э-э, — ответил бесхитростный халиф, — не об этом я плачу, но предвижу, что богатство, которое Господь даровал нам, станет источником суетности и зависти, и в итоге принесет горе моему народу».

Омар запрещает наступление в Персии.

Зийяд также передал просьбу о дальнейшем преследовании беглецов в Хорасане. Омар, довольствуясь настоящим, мудро запретил эту затею. «Я хочу, — говорил он, — чтобы холмы оставались границей между Месопотамией и прилегающими странами так, чтобы ни персы не смогли достать нас, ни мы их. Нам достаточно равнины Аль-Ирака. Меня больше заботит безопасность моего народа, чем горы трофеев и дальнейшие завоевания». Идея о всемирном господстве находилась пока в зачаточном состоянии; необходимость насаждать ислам всемирным крестовым походом еще не осенила мусульман; и, по правде сказать, империя, объединяющая Сирию, Халдею и Аравию, вполне удовлетворила бы даже ассирийского или вавилонского монарха. Подобным образом думал и Омар, избегая восторженности и головокружения от побед, он в первую очередь заботился об объединении и сохранении того, что уже попало ему в руки.

Операции в Месопотамии. Хит и Куркисия взяты. Лето 16 г. хиджры, 637 г. от р. Х.

Ничто теперь не угрожало персидской стороне, ибо амбиции Саада и его военачальников, сдерживаемые запретом халифа, были ограничены подчинением Месопотамии. Исходя из этого, были посланы отряды вдоль Тигра до самого Текрита — крепости примерно в ста милях от Аль-Медайна, охраняемая смешанным гарнизоном из греческих воинов и христиан-бедуинов. Они бесстрашно отразили нападение. Спустя сорок дней византийцы решили бросить своих местных союзников и бежать на лодках. Бедуины, в свою очередь, тайно снесясь с мусульманами, перехватили проход к воде; и греки, таким образом, зажатые с двух сторон, были перебиты. Отряд, пополнившийся новообращенными союзниками, двинулся вперед к Мосулу, жители которого сдались, став данниками. На Евфрате мусульманам сопутствовал такой же успех. Кочевые племена Месопотамии побуждались византийским двором атаковать захватчиков, в тот

момент угрожавшим Гимсу. Омар приказал Сааду выманить противника отвлекающим маневром с его позиции. Для этого была осаждена крепость Хит на Евфрате; но она оказалась слишком хорошо укрепленной для взятия штурмом. Половина войска была оставлена у этой крепости, в то время как остальные силы спешно двинулись вверх по реке к Киркисии, к месту впадения Хабура, и, неожиданно атаковав, взяли город. Узнав об этом, гарнизон Хита согласился сдаться при условии его беспрепятственного отхода. Так, нижняя половина Междуречья, от реки до реки, была покорена, крепости заняты, а бедуины либо принимали ислам, либо становились вассалами.

Персидский залив; дельта оккупирована; Отба, правитель Убуллы, 14. г. хиджры, 635 г. от р. Х.

От слияния двух рек, также вниз по обеим сторонам Шатт аль-Араба («Арабского ручья») до побережья персидского залива повсюду установилось господство ислама. Этот регион с переменным успехом подвергался арабским набегам еще с вторжения Аль-Мусанны. Омар понимал, что для безопасности Аль-Ирака было необходимо захватить побережье залива вплоть до горных цепей на востоке.

Кампанию Саада он поручил Отбе ибн Газвану, прославленному соратнику Пророка, которому надлежало с отрядом из Аль-Бахрейна захватить процветающий морской порт Убуллу. Гарнизон был разгромлен, и жители, по большей части — индийские купцы, спаслись бегством по морю. Персы сконцентрировали свои силы на восточном берегу реки, и произошло немало схваток, пока арабы не одержали победу, утвердив свое положение. В одном случае, женщины из мусульманского лагеря подняли свои чадры как знамена и двинулись в боевом порядке к месту стычки, где их приняли за свежее пополнение, что в критический момент решило исход битвы. Отба остался правителем Убуллы; и, как мы увидим, продолжал успешные операции в последующие три года против Хузистана и на персидской границе. Тем временем Убулла уступила место новой столице — Аль-Басре.

Основание Басры, 17 г. хиджры, 638 г. от р. Х.

На руинах Убуллы, когда она была впервые захвачена, возник небольшой городок из тростниковых хижин с мечетью, также построенной из тростника. Это поселение увеличивалось и приобрело важность, благодаря постоянно приезжающим из Аравии. Но климат там был нездоровым. Прилив поднимался почти на высоту пойменной долины, которая, за счет этого легко орошалась, простираясь вдаль и вширь зеленым морем. Там в изобилии росли гранатовые рощи, акации и тенистые деревья; и широкий пояс таких знакомых финиковых пальм, окаймляющий берег, мог бы примирить переселенцев Хиджаза со своей новой родиной. Но влажность порождала такое уныние, плохо подходящее арабскому темпераменту; тлетворные испарения следовали за периодическими приливами, и повсюду роились невыносимые комары.¹ Три раза менялось место поселения; пока, наконец, не был найден благодатный уголок Аль-Басры у реки, неисчерпаемого источника проточной воды; и там быстро вырос процветающий

¹ Путешественники и по сей день жалуются на досаждающих им комаров, роящихся в дельте гигантскими тучами.

город. Он был основан почти в то же время, и в том же стиле, что и соперничающая с ним Аль-Куфа. Но отчасти из-за лучшего климата, частью от больших доходов с покоренных земель, северный город первенствовал между ними, как по численности, так и по влиянию и богатству.

...и Куфы,

Возникновение Аль-Куфы было обязано той же причине. Через несколько месяцев после занятия Аль-Медайна в Медину были отправлены посланники. Обратив внимание на их болезненный вид, халиф поинтересовался, в чем дело. Они ответили, что городской воздух не подходит арабской натуре. В связи с этим, халиф приказал найти более здоровое и подходящее арабам место; с воздухом, больше приближенном к пустынному, хорошо снабжаемое чистой водой, и чтобы к нему можно было в любое время легко доставить помощь в случае нужды. После тщательных поисков на границах пустыни, они не нашли места, лучше отвечающего этим требованиям, чем равнина Аль-Куфа, недалеко от Аль-Хиры, по берегам одного из правых притоков Евфрата. Омар одобрил этот выбор, но предоставил каждому решить самому: оставаться ли ему в Аль-Медайне или переселяться туда.

х. 18 г. хиджры, окт. 638 г. от р. Х.

Новая столица весьма приглянулась арабам, и потому они переселялись туда в больших количествах. Жилье, как и в Аль-Басре, поначалу строилось из тростника. Но постоянно вспыхивали пожары; и после одного из таких бедствий халиф дал позволение возводить строения в обоих городах из кирпича. «Походный лагерь, — писал он, — подходящее для война место. Но если вам необходимо постоянное жилище, так тому и быть; только не позволяйте никому иметь более трех домов для его жен и детей, чтобы он не превышал скромный пример жилища Пророка». Таким образом, город был перестроен, а его улицы были проложены правильными линиями. В центре была оставлена открытая площадь, на которой возвышалась мечеть с галереей для тени; и, для украшения из Аль-Хиры были привезены мраморные колонны. Саад возвел для себя просторное здание и установил перед ним ворота, чтобы оградить себя от случайных посетителей с располагавшейся поблизости рыночной площади.

Омар просит Саада убрать ворота от его дворца.

Слухи о «замке Саада» встревожили привыкшего к простоте халифа, и он послал к эмиру одного из соратников Пророка с требованием снести ворота. Поклонившись прибывшему в Аль-Куфу посланнику, Саад пригласил его погостить в своем особняке. Подойдя к нему, Саад получил из его рук следующее послание: «Мне стало известно, что ты построил себе дворец, и люди называют его “замком Сада”; более того, ты воздвиг ворота между собою и народом. Это не твой дворец; скорее уж, это замок погибели. Что необходимо для казначейства, то можешь запираешь и охранять; но ворота, закрывающие от тебя народ, ты должен сломать». Саад подчинился приказу, но возразил, что цель установки ворот была ложно истолкована, и Омар принял это оправдание.

Савад заселяется феллахами.

Следующей заботой была колонизация земель. Савад, или богатую равнину Халдеи, захваченную практически всю с помощью силы, пытались объявить наградой для арабских солдат. Справедливость и беспристрастность Омара четко проявились в вопросе уменьшения этих притязаний. После обсуждения вопроса со своими советниками в Медине, халиф постановил, что землевладельцы, бежавшие во время операций в Аль-Ираке, также как и остававшиеся в своих владениях, должны рассматриваться как «зимми», или находящиеся под защитой: они сохраняют свои права при условии выплаты умеренной дани. Царские леса и поместья, земли знати и тех, кто оказывал сопротивление мусульманам, а также содержимое «храмов огня», были конфискованы; но требование разделить их, как обычные военные трофеи, было отклонено. Поделить их равными долями было невозможно, и подобная попытка могла лишь спровоцировать в народе недовольство. Также необходимость организовать обширную сеть каналов, почтовую и другие службы, требующие первоочередного внимания, заставляла оставить эту общую землю неделимой.

Доходы в казну поступали из двух источников: с брошенных земель, взятых во владение государством, некоторые из которых были пожалованы главным соратникам Пророка; и с податей, которыми обложили местных земледельцев, не являющимися мусульманами. Эти подати позднее были разделены на два вида: земельный или имущественный налог (харадж) и подушную подать (джизью). Собственно говоря, последняя взималась только с иноверцев; но поначалу оба этих сбора часто смешивались, и фактически оба ложились на плечи немусульман. Мусульмане не платили налогов; но лишь десятину: десятую часть урожая со своих земель. Напротив, доходы с захваченных земель распределялись среди мусульман в виде пособий. Пока продолжались завоевания, добыча была богатой, и в пособиях нуждались сравнительно немногие; такой порядок действовал очень хорошо. Однако когда местные земледельцы стали во множестве переходить в ислам, возникли трудности.

Земли халифата и доходы Куфы и Басры.

Конфискованные земли, разбросанные по всей провинции, управлялись представителями халифа, и доходы с них делились между захватчиками и государством. Оккупированные области Аль-Куфы, покоренные армиями Халида и Саада, были более обширными, чем земли Аль-Басры. Вскоре после основания Аль-Басры ее жители отправили посланников, требуя увеличения своих доходов, чтобы они более соответствовали возложенной на них ответственности. «Аль-Куфа, — обратился их представитель, — прекрасно орошаемый сад, который дает в сезон богатый урожай фиников, в то время как наша земля скудна. Часть нашей провинции граничит с пустыней, часть выходит на море, которое омывает ее солеными приливами. По сравнению с Аль-Куфой у нас много бедных, но мало богатых. Так уделите же нам часть от вашего изобилия!» Признав справедливость этой просьбы, Омар сделал существенную прибавку к их доходам из царских земель хосровов. Однако хотя Аль-Куфа была богаче, на нее были возложены более тяжелые обязанности, чем на соперничавший с нею город. Ее правление распространялось на более обширное

пространство; и обеспечение таких отдаленных гарнизонов как Холван, Мосул и Киркисия, должно было осуществляться из ресурсов, подконтрольных Сааду.

Влияние двух городов на будущее ислама.

Аль-Куфа и Аль-Басра, уникальные по своему происхождению, оказали особое влияние на судьбу халифата и ислама в целом. Преобладающее большинство их жителей были чистокровными арабами. Племена, со всех концов Аравии хлынувшие в Халдею, издавек почуяв запах добычи Халдеи и Персии, селились в основном в этих двух городах. В Аль-Куфе преобладали переселенцы с юга Аравии; в Аль-Басре же было больше арабов-северян. Вскоре города разрослись в две огромные и роскошные столицы, каждая с арабским населением от ста пятидесяти до двухсот тысяч человек. На литературу, теологию и политику ислама эти два города оказали большее влияние, чем весь остальной мусульманский мир. Времени и возможностей у их жителей было в избытке. Участие в походах оставалось необязательным и нерегулярным, перерывы между войнами бывали продолжительными и частыми и весьма охотно проводились в скучающей праздности. За исключением оживления, вносимого плодами какой-нибудь небольшой победы, разнообразием от отдыха и развлечений для жителей служили лишь небольшие отдельные неприятности. А так, время короталось в беседах на бытовые темы; и в эти часы, обсуждая дневные заботы, арабы все больше нравилось переживать события прошлого, вспоминая славную историю ислама и те битвы, в которых они когда-то принимали участие. Отсюда повелись предания, и отсюда же две великие школы: Аль-Басры и Аль-Куфы. Однако споры и сплетни в этих заведениях слишком часто сводились к племенному соперничеству и бытовым скандалам.

В народе разрасталось раздражение и междоусобицы; и оба города стали рассадниками волнений. Бедуины, осознавая свою силу, завидовали корейшитами, и становились нетерпимыми ко всему, что сдерживало их собственный буйный нрав. Разросшиеся раздоры еще управлялись сильной и мудрою властью Омара, но со временем, при более слабых халифах, подточили единство ислама, принеся с собою бедствия, которые оказались роковыми для религии, несмотря на ее замечательную живучесть.

ГЛАВА XVII

КАМПАНИЯ В СЕВЕРНОЙ СИРИИ. БИТВА ПРИ ЯРМУКЕ.

15 г. хиджры / 636 г. от р. Х.

Северная Сирия.

Подобно тому, как он оставил Амра в Палестине, а Шурабиля в районе Иордана, Халид отрядил Язида на выполнение задачи по захвату новой провинции, а сам вместе с Абу Обейдой двинулся на север. Они прошли через Верхнюю Сирию, взяли Баальбек и, наконец, Эмесу, и, как написано, в основном следовали течению Оронта. Однако поход оказался несколько больше, чем просто разведка, и арабам пришлось отступить перед вновь подошедшей армией византийцев.

Отношение к сирийцам.

Если бы мусульмане относились к жителям Сирии неподобающим образом или подвергали гонениям их религию, их положение оказалось бы теперь, разумеется, безнадежным; но их терпимость к своим вассалам, их справедливость и честность являли разительный контраст с тиранией и нетерпимостью римлян. И в итоге, когда новая армия Византии после больших приготовлений вновь вышла на сцену, мусульмане оказались, несмотря ни на что, в дружественной к ним стране. Сирийские христиане, получившие при арабских завоевателях больше гражданских и политических прав, чем у них было при правлении Ираклия, не желали возвращаться в прежнее положение. Жители Эмесы, включая иудеев, решили закрыть ворота перед византийцами в ожидании разрешения конфликта, понимая, что даже если в итоге они вернутся к своему прежнему положению, оно сможет быть намного хуже, чем было раньше. При отступлении мусульмане возвратили жителям собранную дань, поскольку они были теперь не в состоянии исполнить свою часть договора, гарантирующего людям безопасность жизни и имущества. Несторианский епископ пишет про пятнадцатый год: «Тайиты (или арабы), которым Бог предоставил в наши дни власть, стали нашими господами; но они не боролись с христианской религией; более того, они скорее защищали нашу веру; они уважительно относились к нашим священнослужителям и святым, делали пожертвования на наши церкви и монастыри».¹ Ничто другое не может яснее показать, сколь дружественными были взаимоотношения между христианами и их мусульманскими завоевателями, как тот факт, что приверженцы обеих религий, делившие между собой большую церковь Дамаска, входили через одну дверь.

Византийцы возвращаются.

Новая армия Ираклия состояла из арабов-христиан Гассана под командою их «царя» Джабалы, а также армян, сирийцев и греков. Главнокомандующим был Феодор «Саккелларий», которому подчинялись Баанес, армянин, и Джерджа (Георгий).

¹ Assemani, «Библейский Восток» (*Bibl. Orient.*) iii. 2, стр. xcvi.

Численность армии варьируется в разных источниках от ста до двухсот тысяч; в том числе около двенадцати тысяч христиан-арабов и столько же армян. Мусульманская армия была, безусловно, малочисленной. К началу 15 года силы мусульман были сконцентрированы близ Дамаска; но как только армия византийцев продвинулась на юг, арабы оставили город и бежали через землю Джаулан, пока не достигли берегов Ярмука (Иеромакс, ныне называемый в честь местного племени Шериат аль-Менадира), где стали ждать приближения греческого войска. Оно подошло во втором месяце джумадаа.

Битва при Ярмуке, 20-е авг. 636 г.

Враждующие армии встретились лицом к лицу во вторник двенадцатого джумадаа II 15 года (23 июля 636г.). Последовавшее жестокое, во многом решающее сражение называют по-разному: битвой при Ярмуке, в честь большой реки, разделяющей высокогорье Джаулан от Аджлуна, и впадающей в Иордан в пяти милях ниже места, где тот вытекает из Тивериадского озера; или битвой при Якусе — от притока Ярмука, текущего из окрестного Фика (Афека) и впадающего в него с северо-запада.

Селение у Якусы было открыто вновь Зеетценом в 1806 г. В день, когда встретились две армии, произошло сражение, в котором мусульмане одержали верх; однако после этого армии еще целый месяц стояли друг против друга, не начиная атаку ни с одной из сторон. В течение этих недель недовольство распространялось среди греков, некоторые командиры тайно сносились с противником, а между главнокомандующим и вождем воинов из Армении произошла размолвка. В конце концов, как-то днем в летнем месяце реджебе, при сильном ветре с юга, ослеплявшем византийцев тучами пыли, вдобавок к палящим лучам августовского солнца, мусульманская армия пошла в атаку. В тот день грекам не везло. Если они где-то и прорывались сквозь ряды арабов, то находившиеся во второй линии вооруженные женщины отбрасывали их назад. Конница византийцев, спасаясь, бросилась через равнины. Пехотинцы, разбитые на плотные манипулы для усиления боевого порядка, оказались легкой жертвою арабских пик, или же срывались с обрывистых берегов вади.¹ Многонациональное войско византийцев начало дробиться перед не такой многочисленной, но единой армией арабов.² Саккелларий пал в битве; Баанесу, однако, положе, посчастливилось убежать. Говорят, что, боясь попасться на глаза Ираклию, он бежал к горе Синай, где постригся в монахи и принял имя Анастасий.³ Впоследствии он написал поучения на тему шестидесятого псалма. Когда известие о катастрофе достигло слуха Ираклия в Антиохии, он воскликнул: «Прощай, о, Сирия, моя верная провинция! Отныне ты мне враг». Затем он удалился из Антиохии в Константинополь.

Потери и у мусульман были большие, но эти утраты шли не в счет по сравнению с тем, что принесла им победа. Многие из «соратников» Пророка пали сраженными, а многие

¹ Здесь, как считает мосье де Геж, это форма слова «вакуса», от глагола «вакаса», «ломать шею».

² Абдалла ибн Зубейр, тогда еще маленький мальчик, сопровождавший своего отца в той войне, видел своими глазами Абу Суфьяна и некоторых корейшитов, державшихся в стороне и наблюдавших за ходом битвы, подобно Роб-Рою в сражении у Престонпана; но эта история могла быть выдумана позднее, дабы очернить халифов-омейядов, пришедших на смену Абу Суфьяну.

³ Сравните стр. 93 оригинала, сноски.

получили раны и увечья, которые им пришлось носить до могилы, но Халид мог отныне заявлять, что «Сирия сидит тихо, как верблюд». Впервые арабы смогли назвать Сирию их собственностью.

Халид отозван.

Возврат земель, потерянных при отступлении мусульман к Ярмуку, не занял много времени. Дамаск снова оказался у них в руках в том же месяце, в котором прошла битва, ровно через год после его первого захвата. Поскольку греки отступили, страна покорила арабам с такой легкостью, что это повторное завоевание почти не упоминается. Но для Халида работы в Сирии больше не находилось. С покорением страны все военные вопросы отошли на второй план. Теперь перед арабами стояли задачи упорядочения отношений вассалов со своими новыми правителями, восстановления земельных ресурсов и поднятия сельского хозяйства. Военачальник должен был уступить место гражданскому чиновнику; меч — перу; Халид — Абу Обейде. Нет смысла искать какие бы то ни было скрытые причины, побудившие Омара заменить Халида Абу Обейдой. Меньше всего на него могла повлиять личная неприязнь. Омар был слишком велик для этого. Он был, прежде всего, педантичен, распорядясь общественной казной, а Халид, кажется, начинал богатеть за счет государства. Это могло подтолкнуть Омара отозвать его в Медину, но правда была в том, что солдаты из Аль-Ирака уже выполнили ту миссию, ради которой были переброшены в Сирию. Теперь они были нужны в «стране двух рек», и их отозвали обратно; а жребий Халида, естественно, был вместе с его воинами.

Завершение покорения.

Халид, тем не менее, оставался с Абу Обейдой. Амр вернулся в Палестину, задумав осадить Иерусалим, или, как его тогда называли, Элию; Шурабиль возвратился в район Иордана и взял Акку (Акр), Тир и Сепфорис. Язид со своим братом Муавией покорил Сайду (Сидон), Ирку, Джубейль и Бейрут на побережье провинции Дамаска; в то время как Абу Обейда двинулся на север мимо Баальбека, Эмесы и Киннастрина (Хальциса) к Алеппо и Антиохии. Халид отправился с ним, но вскоре оставил его, чтобы явиться в Медину; и Абу Обейда остался губернатором всей Сирии: его владения ограничивались с севера Антиохией, с востока Евфратом, с юга Аравией и Египтом. Однако, в то время мусульманские правители не научились еще справляться со средиземноморским флотом греков, и их господство на побережье не было таким бесспорным, каким оно установилось на долгое время внутри страны.

ГЛАВА XVIII

ЗАВОЕВАНИЕ ИЕРУСАЛИМА.

15 г. хиджры / 636 г. от р. Х.

Палестина покорена.

ОСНОВНОМУ нашествию арабов, как мы видели, подвергся Хауран. Выходя из Аравии, они двигались на север к Дамаску, по основному маршруту паломников наших дней: к востоку от Мертвого моря. Отправной точкой операций Сирийской кампании была Аль-Джабийя, высокогорный городок на востоке Галилейского моря; оттуда колонны отправлялись по большим военным дорогам, как в Дамаск, так и на север и восток, в Тиверию, область Иордана и Палестину. Вскоре после битвы при Фихле и осады Дамаска большая часть Иорданской провинции без затруднений покорилась Амру и Шурабилю. Во всей Палестине держались только Иерусалим, Рамлех и Кесария.

Иерусалим капитулирует, конец 15 г. хиджры, янв. 637 г. от р. Х.

Сначала Амр направил свои стопы к полному священным для мусульман преданий Иерусалиму. При его приближении Артабун (Аретион) отступил со своей армией в Египет. Патриарх взмолился о мире. Одно условие, говорят, он все же выставил: чтобы Омар лично прибыл в Святой город и там лично принял капитуляцию.

Путешествие Омара в Джабийю.

Халиф, не смотря на возражения своего окружения, сразу отправился прямо в Аль-Джабийю. Это событием оказалось знаменательным: первая поездка халифа за пределы Аравии.

Иерусалим был для мусульман объектом глубокого почитания не только как колыбель христианства и иудаизма, но как первая «кибла» ислама, т.е. направление, куда правоверный должен повернуться во время молитвы; а также обитель, куда Мухаммад был перенесен ночью во время ночного путешествия.¹ Омар, осмотрев место, где стоял когда-то Храм Соломона, помолился возле церкви Святой Марии, располагавшейся на месте нынешней мечети Акса.

Христианские летописи относительно этого визита.

Мусульманские источники не дают подробного описания этого знаменательного посещения. Но христианские авторы утверждают, что Омар сопровождал первосвященника по городу, осматривая различные места паломничества, учтиво расспрашивая об их прошлом. В назначенный час первосвященник предложил халифу вознести свою молитву в церкви Воскресения, где они случайно оказались. Но Омар не

¹ Коран 17, 1. «Жизнь Мухаммада», стр. 121.

пожелал молиться ни там, ни в церкви Константина, где для него был расстелен ковер, вежливо разъяснив, что если бы он согласился, его последователи завладели бы этой церковью навсегда, как местом, где хоть раз была произнесена мусульманская молитва. Омар также посетил Вифлеем и молился в церкви Рождества, оставив рескрипт первосвященнику, сопровождавшему его по святым местам, сохраняющий за христианами право на владение этим зданием с условием, что туда не может входить больше одного магометанина за раз. Это условие было нарушено, и на том месте, в конце концов, была воздвигнута мечеть, так же, как и на месте церкви Константина.

Омар возвращается в Медину.

В какой бы мере ни были правдивы эти предания, Омар не продлил своего пребывания в Иерусалиме. Решив вопрос, ради которого он прибыл, он немного задержался лишь для того, чтобы разделить Палестину на две провинции, одну с центром в Иерусалиме, другую в Рамлехе. После этого он отбыл, возвратившись в Медину тем же путем, что уже проделал ранее.

Причины, облегчившие завоевание Сирии.

Таким образом, за эти три года Сирия, от отдаленного севера до границ Египта, оказалась потеряна для христианского мира. Вызывает удивление слабое сопротивление византийской власти, ее армии и флота, и восстановленных крепостных твердынь этому внезапному вторжению. Близость сирийских кочевников к арабам, несомненно, облегчила завоевание. Коренное население также имело свои слабости; роскошная жизнь сделала народ изнеженным и неспособным сопротивляться наступлению диких и необузданных захватчиков. Хуже того, у них не было желания бороться. Тот патриотический пыл, что еще мог бы сохраниться, оказался растраченным в религиозной вражде, и соперничавшие секты радовались любому унижению своего соседа. Верность ближнему уступила место ожесточенной зависти, и не было недостатка в примерах активной помощи, оказываемой врагу иудеями и христианами.

Возможно, они даже испытали чувство облегчения в равных, хотя и оскорбительных правах, которые надменные завоеватели предоставили всем одинаково. Но была и более глубокая причина — одряхление Римской империи. Мужество и решительность, необходимые для отражения варварского вторжения, иссякли. И в то время как северные орды постепенно смешивались с нациями, которых они покорили, исключительная вера и фанатичное учение ислама сохраняло арабов расой особой и господствующей.

Арабы не селятся в Сирии, как в Халдее.

Завоеватели не осели в Сирии, как в Халдее. Они не основывали здесь своих арабских городов и военных поселений, как Аль-Басра или Аль-Куфа. Местность и климат также не очень им импонировали. И хотя эта земля была полна водных источников, изобиловала виноградниками и фиговыми деревьями, оливковым маслом и медом, однако, сирийское побережье привлекало арабов гораздо меньше, чем горячие и песчаные равнины Аль-Ирака, покрытые знакомыми им тамариском и финиковыми пальмами.

Арабы пришли в Сирию как завоеватели, и как завоеватели они селились в своем большинстве, особенно южные племена, в Дамаске, Гимсе и других административных городах. Но основная часть коренных сирийцев, горожан и селян, остались после завоевания по-существу такими же, как прежде; и на протяжении долгих столетий упадка они держались, как держится еще выживший остаток, за веру своих предков.

Восток отрезан от Запада.

Я говорил о потере Сирии, как об отрезанной от Византийской империи части. В некотором отношении это было нечто большее. Для своей собственной безопасности греки разоружили ближайшие районы на границе с враждебной, и теперь принадлежащей варварам Сирии. Города и крепости этой области были разрушены, а жители бежали. И эта нейтральная зона стала барьером для передвижений туда и оттуда. Для любых целей, социальных религиозных или торговых, эта дорога оказалась закрытой для целых поколений. Правда, паломничество и торговля со стороны Запада могли осуществляться по морю; но, что касается сообщения по суше, Восток на какое-то время оказался от Запада отрезанным.

Молчание византийских летописцев.

«Мерзость запустения воцарилась во Святом месте». Колыбель христианства, Сион, радость всей земли, оказался попираем ногами и полностью закрыт от созерцания своими преданными служителями. И обо всем этом упоминается византийскими летописцами всего в нескольких коротких строках, в то время как перо христианских историографов вообще отказалось запечатлеть эту печальную историю трусости и позора.

Договор Омара.

Ниже приводится содержание договора, заключенного в Аль-Джабийе, по которому Иерусалим уступался мусульманам, как это отражено во многих преданиях:

«Во имя Милосерднейшего Бога.

Это договор для жителей Элии. Это покровительство, которое раб Божий, командующий правоверных, дарует жителям Элии. Он гарантирует им сохранение жизни и имущества, их церквей и крестов, тех, кто устанавливает, носит и почитает эти кресты. Ваша церкви не будут использоваться, как жилища, не будут разрушены, и никто не возьмет что-либо, принадлежащее им, ни кресты, ни имущество жителей. Не будет никаких ущемлений касательно религии, ни малейшего досаждения. Иудеи смогут жить в Элии совместно с христианами, и те, кто будет в ней жить, будут обязаны платить такую же подать, как жители других городов. Греки и разбойники должны покинуть город, им будет предоставлена защита, пока они не доберутся до безопасного места. Те же, кто пожелает, могут остаться при условии платы той же подати, что и остальные. Если же кто-либо из жителей Элии пожелает выехать с греками, взяв свое имущество, но, оставив свои церкви и кресты, им будет гарантирована личная безопасность до их прибытия в надежное место. Чужестранцы могут остаться в городе на том же условии платы подати, или, если пожелают, могут также удалиться с греками и возвратиться в свои земли. Они ничего не

должны платить до сбора первого урожая. Все, указанные в настоящем договоре, находятся в союзе с волей и под охраною Бога и Его Пророка (мир ему!), и его преемников, и правоверных, пока они платят подати. Засвидетельствовано Халидом ибн аль-Велидом, Амром ибн Аль-Ас Абд ар-Рахманом ибн Ауфом и Муавией ибн Аби Суфьяном».¹

Омар, победивший двух императоров на их собственной территории, вступил в Иерусалим верхом на верблюде, одетый в потертую накидку из верблюжьей шерсти.

Простые привычки Омара.

Говорят, что даже его собственные подданные, которых можно считать наименее искушенными в том, что им довелось повидать на свете, были шокированы видом халифа и просили его сменить платье и пересесть на лошадь. Омар уступил относительно второй части просьбы, оставив, однако, в руках повод от своего верблюда. Однако ему не понравилась лошадиная рысь, и он вновь сел на верблюда. Феофан так описывает впечатление, произведенное Омаром на христиан: «Он вошел в Святой город в изношенной накидке из верблюжьего волоса, выказывая себя дьявольски набожным. Он потребовал показать иудейский Храм, построенный по повелению Соломона, чтобы он мог там вознести свои собственные богохульства. Софроний, архиепископ, увидав его, воскликнул: “Взгляните на мерзость запустения, о которой рек пророк Даниил, оскверняющую святилище!” И этот поборник благочестия со многими слезами возрыдал над судьбою христианского народа. По прибытии Омара в город, первосвященник предложил ему льняное одеяние и рубаху, однако Омар согласился лишь на то, чтобы надеть это пока его собственные одежды будут стираться, а затем возвратил все Софронию».

Подобные истории из христианских источников подтверждаются схожими мусульманскими преданиями. Один рассказчик упоминает, что Омар на пути в Аль-Джабийю, подойдя к броду, спешил с верблюда, разделся и перешел брод пешком, ведя верблюда за собой. Абу Обейда упрекнул его: «Сегодня ты опозорился в глазах народа этой земли». Чувства Омара были задеты. «Э, Абу Обейда, если бы кто иной сказал мне такое! Сам подумай! Мы были наиболее темными и презренными из народов, слабыми и ничтожными, и Бог прославил нас исламом. Если ты будешь искать славы иным путем, Бог Сам унизит тебя». Другая история гласит, что это Абу Обейда появился на людях в одеянии из грубой шерсти, за что получил замечание: «Гляди, ты командуешь всеми армиями в Сирии, и мы окружены врагами. Перемени свое облачение, оденься получше». На что тот отвечал: «Я не переменю того, в чем я пребывал, когда Посланник Божий был еще жив».

Евтихий и авторы истории Иерусалима посвятили несколько страниц появлению Омара на месте Храма Соломона.

¹ Халид, отозванный из Эмесы, отбыл в Медину, а теперь, кажется, возвратился с Омаром в Сирию. Странно, что этот договор не засвидетельствовал Абу Обейда.

Как бы то ни было, то, что целью поездки Омара в Сирию было не только принять капитуляцию Иерусалима, видно из того, что он не сразу направился в этот город, а сперва посетил Аль-Джабийю по соседству с Дамаском. Его задачей было организовать управление страной на разумной основе, пересмотреть соглашения, установить налоги на недвижимость и другое имущество, урегулировать взаимоотношения между завоевателями и покоренным народом.

Поземельный налог.

Для взимания налогов, земля была поделена на две категории: «ошрию», то есть, «облагаемую десятиною», и «хараджию». В категорию «ошрия» входили те земли, жители которых сразу приняли ислам, которые были очищены мусульманами, захвачены и заново разделены между ними. Во вторую категорию входили земли, чьи обитатели покорились на условиях договора. Омар с самого начала намеревался рассматривать всю Сирию как завоеванную территорию, чтобы разделить ее среди мусульман. Однако по совету Моаза ибн Джебея он сделал ее «хараджией», за исключением небольшой части земли, чьи собственники бежали, и она была отдана по выбору некоторым мусульманам, или тех земель, что лежали невозделанными и не имели законных владельцев, и которые заняли мусульмане. Завоевание сделало страну общественной собственностью, «агер публикус», в которой землевладелец имел только узуфрукт, право пользования («поссессио»), выплачивая за это ежегодный налог государству за каждый «джариб» (участок земли площадью шестьдесят на шестьдесят локтей, однако не одинаковый в различных странах) — определенную часть урожая или арендную плату в деньгах (харадж). Продажа такой земли отчуждала только узуфрукт, поскольку само владение («рикаб аль-ард») оставалось собственностью государства. Следовательно, «харадж» продолжал взиматься, был ли владелец мусульманином или нет.

Подушная подать.

Вдобавок к этому земельному налогу («цензус соли»), новые мусульмане — а в Сирии — христиане, иудеи и самаритяне, должны были платить подушную подать («цензус капитис») или «джизью». Ученые мусульмане рассматривают этот налог как выкуп от смерти для «людей книги» (включая в эту категорию наряду с иудеями и христианами, также «волхвов»), в противоположность идолопоклонникам, у которых был только один выбор: между исламом и смертью. «Джизья» не платилась за женщин, детей и недееспособных, но только за мужчин, способных носить оружие — «тех, у кого растет борода». Богатые собственники платили четыре динара или сорок дирхемов ежегодно; имеющие средний достаток — половину суммы; остальные — четверть (один динар или десять дирхемов). Вдобавок каждый должен был вносить ежемесячно определенное количество пшеницы, масла, уксуса, меда и жира для содержания мусульман, также им предписывалось оказывать гостеприимство в течение трех дней, солдатам на марше предоставлять конюшни (без ячменя) для лошадей и продовольствие для людей (но это не подразумевало резать овцу или хотя бы домашнюю птицу). Расходы на это гостеприимство возмещались раз в году. «Джизья» зависела от качества пахотной земли в каждой стране. Например, в Сирии она была выше, чем в Йемене.

Люди под защитой.

На этих подданных или «людей под защитой» («ааль азз-зимма») налагалось двенадцать ограничений, шесть обязательных и шесть желательных. Первые заключались в том, что они не должны оскорблять ни Коран, ни Мухаммада, ни ислам; не должны жениться на женщине-мусульманке; не должны пытаться обратить мусульманина или наносить вред его жизни или имуществу; и что они не должны помогать врагу и укрывать шпионов. Подданные, нарушившие один из вышеперечисленных запретов, лишались защиты мусульман; т.е. оказывались вне закона и расплачивались жизнью. Шесть «желательных» условий заключались в том, что они должны были носить отличительную одежду, «зийяр» — желтую нашивку на своем платье — и пояс («заннар»); они не должны были строить домов выше, чем дома мусульман; не звонить в свои деревянные колокола («налькус»), не читать свои Писания громким голосом; не пить вина публично; не показывать свои кресты или своих свиней; покойников своих им надлежало оплакивать и хоронить в молчании, и им не разрешалось ездить верхом на лошадях, но только на мулах и ослах. Нарушение этих условий каралось штрафами.¹

Таким в общих чертах были условия договора Омара, регулирующие гражданские и религиозные права покоренного народа. Было разрешено беспрепятственно исполнять служение внутри церквей и домов, однако запрещалось возведение новых культовых зданий. Гражданские предписания были, напротив, весьма гнусны и унижительны. Иудеи и самаритяне разделили участь христиан, однако, вплоть до начала правления второго халифа из числа Омейядов (60-64 гг. хиджры), последние были освобождены от поземельного налога в благодарность за услуги, оказанные по завоеванию.

Соглашения.

Торговые операции регулировались в то время в соответствии с соглашениями между отдельными городами и теми военачальниками, что их захватили. Омар решил пересмотреть их, чтобы привести к единообразию. Так, христианский правитель Босры в Хауране утверждал, что в договоре должна была признаваться особым условием поставка определенного количества пшеницы, уксуса и масла, являющаяся выкупом за него и за город, и просил Омара подтвердить это соглашение. Абу Обейда, однако, отрицая сам факт, настаивал, чтобы город подчинился на тех же условиях, что и остальные, выплачивая поземельный налог («харадж») и подушную подать. Это говорит о том, что вначале договоры не записывались, и закон не всегда осуществлялся единообразно. Когда в Аль-Джабийе Омар увидел нескольких христиан-прокаженных, он приказал, чтобы они обеспечивались, как категория бедных («закат»). После вступления в силу свода законов, запрещающего какое бы то ни было включение неверующих в «закат», эта благотворительность вышла из употребления.

Немусульмане.

¹ Сравните Namaker, *Incerti auctoris liber*, стр. 165 и далее.

Джабала, «царь» Гассана, согласно одному из источников, остался христианином. Будучи арабом знатного происхождения, он возражал против платы подушной подати, которой облагались подчиненные классы, но Омар, несмотря на высокий род Джабалы, не позволил ему отделаться лишь «закатом», выплатами на который ограничивались одни только мусульмане. Поэтому Джабала решился на добровольное изгнание вместе со многими своими соплеменниками в Малую Азию. Позже, однако, Омар раскаялся в своей суровости, и в 21 году хиджры предложил ему вернуться на его собственных условиях. Джабала отказался; а когда племя Таглиб, осевшее в Месопотамии, начало угрожать последовать его примеру по тем же самым причинам, Омар со своими советниками оставили свое стремление изобрести средство для удержания их на мусульманской территории.

В соответствии с другим источником, Джабала принял-таки ислам, но когда Омар позволил арабу, которого тот ударил, нанести ответный удар в отместку, гордость Джабалы была столь уязвлена таким уравнением людей разного происхождения, что он бежал в Константинополь, где и умер христианином.

Если цель принятия капитуляции Иерусалима и не была единственным мотивом для поездки Омара в Сирию, он, должно быть, все же страстно желал одним из первых войти в Святой город, с которым было связано так много трепетных воспоминаний пророков, и который послужил местом назначения ночного путешествия Пророка Аравии.

Следует отметить, что Сэр Уильям Мьюир не признает подлинности договора Омара, как не достойного этого человека; да и шесть «желательных» условий, перечисленных выше, определенно кажутся изобретением более поздних поколений. Возможно, здесь произошла путаница между Омаром I и Омаром II.

ГЛАВА XIX

ВОССТАНИЕ В СЕВЕРНОЙ СИРИИ

17 г. хиджры / 638 г. от р. Х.

Восстание в Северной Сирии.

ВИЗАНТИЙЦЫ на шестом году халифата Омара предприняли безнадежную попытку сбросить ярмо ислама в Северной Сирии и вновь подчинить себе этот регион. В какой то момент перед ними даже забрезжили некие перспективы.

Греки поддерживают восстание бедуинов, 17 г. хиджры, 638 г. от р. Х.

Это шевеление обязано своим зарождением обращению христианских племен Верхнего Междуречья к императору, умолявших его избавить их от исламских завоевателей. Хотя все твердыни Месопотамии оказались в руках у Саада, их гарнизоны не могли полностью контролировать жизнь кочевых племен; и многие из бедуинов-христиан по привычке искали поддержки у правителей Персии и Византии. Да и власть Запада на море оставалась еще непоколебимой. Кесария с ее поддержкой с моря стойко отражала все атаки с суши; и все приморские земли жили в страхе, или же в надежде, что византийский флот может показаться в любую минуту. Василевс пообещал жителям Междуречья поддержать их действия с моря. Из Александрии в Антиохию вышла эскадра, в то время, как массы бедуинов собрались у Гимса. Серьезно обеспокоенный, Абу Обейда созвал свои разбросанные гарнизоны. Но, найдя противника слишком сильным для того, чтобы можно было его рассеять при помощи своего войска, он немедленно послал за подмогой в Медину. В связи с этим Омар приказал Сааду безотлагательно отрядить достаточные силы из Аль-Куфы под командою Аль-Кааки для того, чтобы очистить Гимс; а также предотвратить вылазку византийцев в Верхнюю Месопотамию. В это время греки высадили десант со своих кораблей. Антиохия открыла свои ворота перед ними; Киннасин, Алеппо и другие города на севере Сирии подняли мятеж против арабов. На собравшемся военном совете Халид стал призывать к битве, но Абу Обейда, посчитав свои силы недостаточными для одновременной борьбы и с бедуинами, и с византийцами, отступил в Гимс. Там, теснимый противником, он ожидал подкреплений, продвигавшихся от Аль-Куфы. Омара настолько омрачил этот кризис, что, оставив Медину во второй раз, он направился в Аль-Джабийю, намереваясь лично отправиться на север вместе с помощью.¹ Но уже в пути его застали важные известия. Взбудораженным кочевникам надоел их длительный вояж на север, и, будучи более озабочены безопасностью своих жилищ, чем императорским призывом к борьбе, они повернули обратно к югу.

Абу Обейда обращает противника в бегство.

Увидев представившуюся ему возможность, Абу Обейда оставил свою крепость и в жестокой стычке обратил вспять неверных бедуинов, которые бежали от него в смятении.

¹ Этот повторный визит Омара в Аль-Джабийю отражен у Аль-Асира, ii. стр. 414.

К подходу войск Аль-Кааки от них уже и след простыл. Омар возвратился в Медину, довольный исходом дела. Он особо отметил рвение отряда из Куфы: «Господь да вознаградит их, — писал он Сааду, — ибо они собрались с готовностью и поспешили на выручку окруженных врагом братьев».

Кампания в Северной Месопотамии. 17 г. хиджры, 638 г. от р. Х.

То была последняя попытка Константинополя изгнать захватчиков из Сирии, на чьей шее теперь прочно укрепилось ярмо исламского господства. Вылазка в Междуречье также получила обратный эффект, поскольку арабы захватили теперь уже всю эту провинцию. Не довольствуясь этим, молодая религия, осознавая свою огромную силу, стала распространяться все дальше на север. Успех в Месопотамии повлек за собою кампанию в Малой Азии; и имя Ийяда, служить под началом которого сам Халид теперь не почитал за бесчестье, отныне сделалось ужасом для византийцев, как отмечали их краткие летописи. Насибин, Ар-Роха и другие укрепленные места на границе были взяты, более того, арабам покорилась даже часть Армении.

Христианские племена. Бени Ийяд.

Большинство бедуинских племен в Месопотамии приняло ислам. Были и исключения, причем история Бени Ийяд стоит особняком. Они мигрировали на север, найдя себе убежище на византийской территории. Но Омар, раздраженный этим бегством, опасаясь, что их племя превратится в настоящую занозу для его владений, потребовал их выдачи под угрозой изгнания всех христианских племен, живших под его покровительством. Император, не желая навлекать на них такие неприятности, согласился с требованиями

Позволение Бени Таглиб платить десятину.

халифа. Столь же примечательна и история Бени Таглиб. Они заявили о своей покорности Аль-Велиду, который, стремясь добиться лояльности от этого уважаемого рода, стал весьма рьяно давить на них, понуждая к отказу от веры их отцов. Омару это не понравилось: «Оставь их, — писал он, — в исповедании Евангелия. Лишь на земле Аравийского полуострова, где находятся святыя места, не должно оставаться никаких племен, кроме мусульманских». Аль-Велид был смещен со своего поста; а его преемнику было наказано не налагать на это племя ничего, кроме обычной дани, следить, чтобы они не препятствовали своим людям переходить в ислам и не наставляли своих детей в христианской вере. Бени Таглиб, посчитав, что их гордость задета обязательством выплаты «дани», послало ходоков к халифу. «Мы желаем, — сказали они, — платить налог, только если он будет носить то же название, что и сборы, взимаемые с мусульман». Либерализма Омара вполне хватило для уступки; и Бени Таглиб получило исключительную для христиан привилегию выплачивать «двойную десятину» вместо того, чтобы носить оскорбительное клеймо подчинения.

Падение Кесарии. 17 г. хиджры, 638 г. от р. Х.

Последней державшейся крепостью в Сирии оставалась Кесария. Она пала на пятом году халифата Омара. Амр попытался ее осадить задолго до этого. Но, оставаясь открытой со стороны моря, с хорошо укрепленными стенами, с сильным гарнизоном, она продолжала сопротивляться. Хотя Язид отрядил туда своего брата Муавию с подкреплениями из Дамаска, осада продолжалась еще несколько лет. Постоянно осуществляемые осажденными вылазки регулярно отбивались арабами; и, в конце концов, измена одного иудея раскрыла слабое место в обороне. Город подвергся штурму и продолжительной резне. В числе халифской пятинны в Медину были отправлены четыре тысячи плененных мужчин и женщин, где их и продали в рабство.¹ Источники расходятся относительно того, кто же из военачальников взял город. Амр пытался захватить его сразу после падения Иерусалима. Язид, как только сменил Абу Обейду на посту правителя Сирии, также попытал счастья, но недуг заставил его вернуться в Дамаск, где он и умер в конце 18 г. хиджры. Затем Муавия, его брат, назначенный ему на смену, не пожалел сил, и, ведомый изменником, взял город в месяце шаувале (шаввале) 19 года (октябрь 640 г. от р. Х.). Амр вновь отправился на войну, а Муавия остался в Сирии, закладывая основания для собственной династии и будущего трона.

Халид предстает перед судом, 17-18 г. хиджры, 638-9 г. от р. Х.

У карьеры Халида ибн Аль-Велида оказался несчастливый конец. Он возвратился из похода на север в свою резиденцию в Киннасрине, отягощенный военной добычей. Многочисленные друзья, рассчитывая на его щедрость, окружали полководца. Среди них был и Аль-Ашас, вождь племени Кинда, которому Халид сделал поистине царский подарок в тысячу золотых монет. Опять же, в Амиде Халид утопал в роскоши, купаясь в воде, смешанной с вином, аромат которого сопровождал его повсюду. Против него были выдвинуты два обвинения. По второму вопросу спорить было бесполезно: вино, даже в виде ванны, оставалось для мусульман под запретом. Однако, Халид не просил о снисхождении. Другое обвинение в глазах халифа выглядело более тяжелым. Не важно, входил ли подарок в число трофеев всего войска, или принадлежал лично Халиду, он оказался повинен в крайнем расточительстве. Как бы то ни было, он заслуживал отстранения от должности. Абу Обейда получил через специального курьера соответствующий приказ, и должен был теперь проследить за порядком в войсках. Халида следовало обвинить прилюдно; с него должны были стащить шлем; руки связать головным платком; и вот в таком виде он должен будет говорить правду.

Обвинен Абу Обейдой в хищении средств.

Перед Абу Обейдой стояла неприятная задача, ведь обещанному воину он был обязан своими успехами в Сирии. Но слово Омара было законом. Итак, он вызвал Халида из

¹ Этот иудей предал город, показав арабам акведук, через который они и прошли за стены. Население Кесарии было смешанным: семьдесят тысяч греков, тридцать тысяч самарян и двести тысяч (?) иудеев. Пленных ожидала злая судьба. Множество греков, женщин и мужчин, содержались в жутких условиях в чужих странах, где их использовали на тяжелых работах. Среди них было много женщин благородного происхождения, превращенных теперь в простых служанок; а тех, кто сохранил молодость и красоту, ожидала еще более горькая участь: когда они наскучивали своим хозяевам, те просто перепродавали их в другие руки. Не удивительно, что Аль-Кинди в своей «Апологии» яростно обличает установления мусульман в ту раннюю эпоху.

Кинастрина, созвал собрание в мечети Гимса и, поднявшись на кафедру, велел привести подсудимого. После этого курьер зачитал вопрос халифа: «Откуда взялись деньги, выданные Аль-Ашасу?» Халид, сбитый с толку неожиданным обвинением, хранил молчание. Побуждаемый к защите своими товарищами, он тем не менее не проронил ни слова. Абу Обейда и сам был смущен, зависла мучительная пауза. Наконец Билаль, прославленный муэдзин Пророка, вышел вперед, громогласно воскликнув: «Так и так говорит Повелитель правоверных, а нам должно повиноваться!» Сказав это, он развязал платок на голове Халида, связал им го руки и снял с него шлем. Великий воитель, которому ислам был столь обязан завоеваниями, стоял подобно преступнику перед собравшимися. Билаль повторил вопрос, и Халид наконец ответил: «Это были мои собственные деньги». Билаль тут же развязал ему руки и, надев обратно на голову полководца шлем, обмотал его платком, как было раньше, сказав: «Мы по-прежнему чтим тебя, как и чтили до этого, один из главных наших вождей». Но Абу Обейда промолчал, а у Халида, опешившего от такого бесчестия, будто язык присох к гортани. У Абу Обейды не хватило духу объявить о его смещении; и он разговаривал с Халидом благосклонно, как будто в нем никто не сомневался. Омар, извещенный о случившемся, учел деликатность Абу Обейды и вызвал Халида в Медину.

Вызван в Медину...

Послушавшись немедленно, хотя на сердце оставалась горечь, Халид сперва заехал в свою резиденцию; и там, как и в Гимсе, прощаясь со своими товарищами и с народом, посетовал на неблагодарность халифа, не гнушавшегося использовать его в трудные времена, но отвергнувшего тогда, когда Омар с его помощью достиг суверенной власти. Прибыв к халифу, Халид бросил ему горький упрек: «Клянусь, ты презрел верного слугу, которому многим обязан. Я взываю пред тобой ко всем правоверным!» «Откуда взялись эти деньги?» — вот все, что он услышал от Омара. Вопрос повторялся изо дня в день, пока, наконец, раздраженный Халид не бросил: «Моя добыча не что иное, как то, что Господь послал мне во дни Абу Бекра, так же, как и при твоём правлении. Ты можешь найти у меня тысяч шестьдесят монет, обретенных в твоём халифате; заведи их себе, если хочешь». Тогда его деньги пересчитали, обнаружив восемьдесят тысяч, и Омар конфисковал разницу. Однако халифу все еще хотелось держать знаменитого воителя в чести и уважении. Он послал соответствующее предписание во все провинции,

...и смещен.

заявив, что сместил Халида с его поста не из-за тирании или мошенничества, но посчитав, что следует убрать камень преткновения с пути народа, чтобы не искушать людей: чтобы те не понадеялись на плоть, вместо того, чтобы взирать на Того Единого, Кто дарует все победы.

Умирает в нужде и забвении, 21 г. хиджры, 642 г. от р. Х.

Вот так завершилась карьера Халида. Первым проступком Халида было убийство Малика ибн Нувейры, за которым последовали подлинно тиранические деяния в Халдее, понадеявшейся на его чувство милосердия и справедливости. Но к 642-му году о тех

делах все давно уже позабыли, и потому нынешнее поведение Омара следует считать неблагодарным и несправедливым. Он использовал «Меч Божий», пока нуждался в этом человеке, а когда победа была одержана, просто-напросто избавился от него. Халид удалился в Гимс, но жить ему там оставалось недолго. О его привычках к роскошной жизни может свидетельствовать краткое сообщение о чуме: пытаясь укрыться от нее со своей семьей в пустыне, он потерял, как сказано, не менее сорока сыновей. Вскоре, на восьмом году правления Омара, он умер. Будучи уже на смертном одре, он не переставал похвастаться своими шрамами, покрывавшими все его тело: свидетельством храбрости и бесспорной доблести. «А теперь, — сетовал он, — я умираю смертью труса, испускаю дыхание, как какой-нибудь верблюд!» Его кончина ярко иллюстрирует всю нестабильность земной удачи. Этот герой, вознесший ислам на самый гребень волны побед и славы, закончил свои дни в нужде и забвении. Путешественник ибн Джубейр посетил его гробницу в 1185 году, о ней упоминал и Йакут (1225), равно как и о его доме. Согласно иному источнику, однако, Халид умер не в Гимсе, а в Медине. Часть его копья долгое время хранилась в главной мечети Дамаска.

ГЛАВА XX

ИЗГНАНИЕ ИУДЕЕВ И ХРИСТИАН ИЗ АРАВИИ. ПЕРЕПИСЬ АРАБСКИХ ПЛЕМЕН. ГРАЖДАНСКОЕ И ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ. КОРАН.

14-15 г. хиджры / 635-636 г. от р. Х.

События на полуострове. 14-15 г. хиджры. Изгнание иудеев и христиан из Аравии.

НАМ надлежит обратить внимание на кое-какие события, произошедшие у арабов дома.

Аравия, родина несметных полчищ, готовых биться за ислам, должна была быть очищена от чужеродных религий. И как только в Сирии и Халдее были одержаны победы, Омар совершил весьма грубый и вероломный поступок.

Жители-христиане изгнаны из Неджрана...

В центре Аравии находится провинция Неджран, в которой издавна жили христиане. Мухаммад заключил договор с их вождями и епископами, позволявший этим христианам беспрепятственно исповедовать религию своих отцов при условии выкупа в 2000 кусков ткани, каждый стоимостью в сорок дирхемов. В смутное время они оставались лояльными к своим соседям-мусульманам, и Абу Бекр возобновил этот договор. Будучи достойными наследниками зачастую гонимого рода христиан, они не поддавались на уговоры принять ислам. Теперь же в наказание их изгоняли с родной земли, удобренной пеплом их предков-мучеников.¹ Им было сказано убраться, на правах получения земли где-либо в ином месте, или же денежного выкупа. Часть мигрировала в Сирию; но большинство осело неподалеку от Аль-Куфы, где колония из Неджрана долго хранила память об их экспатриации. Права, дарованные Пророком, уважались соответствующими правителями, насколько это позволяли обстоятельства; а размер дани от времени все уменьшался.

...а иудеи из Хейбара.

Несколько лет спустя иудеи Хейбара, богатой долины в двух-трех днях пути от Медины, испили подобную чашу. Права этого племени не были столь осязаемыми; ибо, после подчинения Мухаммадом, им были оставлены их поля с молчаливого согласия на уплату половины урожая. Взамен этого сомнительного права им предложили денежный выкуп и выслали в Сирию. Экспатриация проводилась под различными предложениями. Но основание для нее было одно, заповедь умирающего Мухаммада: «В Аравии не должно быть иной религии, кроме ислама». Земля, откуда ислам черпал свои силы, должна была стать священной.²

Арабы делят военную добычу и доходы от покоренных земель.

¹ См. «Жизнь Мухаммада», стр. хсvii. О договоре с Мухаммадом, стр. 458.

² «Жизнь Мухаммада», стр. 490.

Арабская нация была поборником ислама; и каждый из арабов требовался на битвы за эту религию. Араб должен был оставаться воином, и не кем иным. Им не позволялось оседать на завоеванных территориях в качестве землевладельцев, а на торговлю или иное занятие жизнь воина оставляла слишком мало свободного времени. Да и не было у них нужды в какой-либо работе. Арабы жировали за счет захваченных провинций, им прислуживали покоренные народы. Четыре пятых всей захваченной на войне добычи сразу же разделялось между воинами, оставшаяся пятая предназначалась их государству; но и она, после выплат различным чиновникам, распределялась между народом Аравии. Во время Абу Бекра это дело было довольно простым. Однако, при Омаре богатства Сирии и Персии, во все возрастающих количествах, сперва доставлялись в мединское казначейство, откуда их и распределяли сразу по прибытию. При малых масштабах добычи эта задача была несложной, но со временем разделять все в равных долях, чтобы никому не отдать предпочтения, становилось все сложнее. Кроме того, появились новые источники доходов: обложение налогом завоеванных стран, сбор джизьи, и остатки от этих средств, после удовлетворения гражданских и военных нужд, также должны были равномерно распределяться среди всего арабского народа.

Новый закон о распределении.

В конце концов, на втором или третьем году своего халифата, Омар пришел к решению, что распределение средств должно быть как-то зафиксировано и систематизировано. Весь доход государства подлежал разделению среди правоверных, как и до этого, но на основании каких-нибудь правил приоритета, отвечающих военному и теократическому фундаменту ислама. С учетом этого решено было выделить три момента: приоритетность обращения в ислам, отношения с Пророком и военные заслуги. Вдовы Мухаммада — «матери правоверных» — оказались на первом месте с годовым доходом в десять тысяч монет каждая;¹ также и все свойственники Пророка с учетом каких-либо родственных отношений к его вдовам. Прославленным трем сотням участников битвы при Бедре отводилось по пяти тысяч;² присутствие при Ходэбийи и участие «клятве под деревом»³ давало право на четыре тысячи; приложившие руку к подавлению восстания по смерти Пророка получали по три тысячи; участники больших сражений в Сирии и Халдее, как и сыновья «людей Бедра» имели право на две тысячи; а вступившие в армию после битв при Аль-Кадисии и Ярмуке — по тысяче. Особо отличившиеся воины получили дополнительно по пятьсот монет. Позднее их премия была снижена до двухсот монет. Не забыты, оказались и домохозяйки. Женщины получали одну десятую доли мужчины. Жены, вдовы и дети получали соответствующие пособия; а при регистрации каждому новорожденному записывались десять монет, которые он мог получить по совершеннолетию. Даже рабы-арабы (если кто еще оставался в рабстве) имели свою долю.

¹ Аише отвели еще пару тысяч сверх того, «за любовь, которую ей не успел дать Пророк», но, по некоторым источникам, она от них отказалась. Двум рабыням-наложницам Мухаммада сначала хотели дать по шесть тысяч; но, по требованию других вдов, уравнили их долю с остальными. Внукам дали по пять тысяч каждому.

² «Жизнь Мухаммада», стр. 234.

³ Там же, стр. 358, 416.

Все прочие составляют низшую расу.

Так каждому человеку была объявлена своя цена. Но этой привилегии удостоились лишь арабы по крови. Лишь немногие исключения были сделаны для знатных персов, но упоминание об этом лишь подчеркивает жестокость нового закона. Всей нации: мужчинам, женщинам, детям воинственной арабской расы были назначены пособия. В теории, права всех верующих должны были быть равны независимо от их крови. «Вы — одно братство», — говорил Мухаммад в последнем паломничестве, положив один указательный палец на другой, чтобы подчеркнуть важность абсолютного равенства в исламе.¹ На деле же это равенство оказалось распространенным лишь на арабскую нацию. Правом любого «брата» чужой расы оказывался лишь кусок пищи, достаточный для выживания, и не более того.

Правление Омара покончило с арабской завистью.

Народ, делящий всю добычу, все доходы и завоевания государства на основе равного братства — такому зрелищу в мире, вероятно, не было параллели. Отличия делались на основе более раннего обращения в ислам. Никаким иным путем нельзя было бы искоренить характерную арабскую склонность к племенной вражде. Гордые вожди корейшитов, отказывавшиеся присоединиться к Пророку вплоть до падения Мекки, требовали только самой большой доли: «Мы не знаем никого благороднее, чем мы сами, — заявляли они, — и ни на какую меньшую долю мы не согласны». «Э, нет, — отвечал Омар, — я определяю размер доли по вере, а не по благородству рождения». «Это правильно!» — согласились корейшиты, при том, что никакой другой ответ их бы не устроил. Существовали и две другие потенциальные угрозы: во-первых, соперничество между бедуинскими племенами и «соратниками», или жителями Мекки и Медины; и, во-вторых, ревность хашимитов (родни Пророка) с одной стороны и омейядов и прочих ветвей рода корейшитов с другой; — эти два вида соперничества все более и более разрастались, угрожая самому существованию халифата. Под твердою рукою Омара это противоборство на время ослабело, поскольку все арабы согласились с приоритетностью принятия ислама.

Арабы — аристократия исламского мира.

Голубая кровь арабов повсеместно признавалась в качестве свидетельства аристократии исламского мира. Общество было разделено на классы, были определены размеры выплат, включая награды за особую доблесть на полях сражений, причем даже такие выплаты переходили по наследству. По наследству переходила и обязанность сражаться за веру: благодаря этому в народе поддерживался воинственный дух, и армии халифата обеспечивалось постоянное пополнение. Нация, сформированная из облагороженной солдатни, избалованная, буйная и раздраемая враждой изнутри, представляла собою взрывоопасную смесь — питательную среду для мятежей и интриг. Тем не менее, она в самом деле составляла стеновой хребет ислама, секрет побед и устойчивости халифата. Множество гаремов умножало нацию со страшной быстротой. Эта раса прилежно сохранялась за счет потомства отцов-арабов (независимо от того, кем были матери),

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. 473.

которое не смешивалось с покоренными народами. Где бы ни оказывались арабы, они формировали отдельный доминирующий класс: класс аристократии страны и ее правителей. Покоренные расы, даже принявшие ислам, оказывались низшей кастой; они не могли рассчитывать ни на что большее, чем зависимость от какого-нибудь арабского вождя или племени, предоставляющего им покровительство и защиту. Вот так арабы сами себя выделили в воинственную нацию ради священной задачи продвижения ислама.

Даже после того, как их религиозное рвение улетучилось, особенное положение арабов как расы, целиком предназначенной для войны, продолжало, благодаря предвидению Омара, сохраняться еще два с половиной столетия. Вся эта нация была, и продолжала оставаться, мобилизованной армией: лагерь, но не город, служил ей домом — это были люди, чьим ремеслом и призванием оставались военные набеги, к которым они были готовы по первому зову.

Регистрация всех арабов, получающих пособие.

Для выполнения этих обширных замыслов по выплате денег, было необходимо вести учет по каждому мужчине, женщине и ребенку, имевшему право на пособие от государства: иными словами, требовалась регистрация всей арабской расы, задействованной в интересах ислама. Касательно верхушки общества это было несложно, но сотни тысяч семей простых арабов, продолжавшие стекаться со всего полуострова на войну, и стремительно умножавшиеся из-за неограниченной полигамии, делали эту задачу поистине геркулесовой. Мужчины из одного племени сражались вместе; несколько корпусов и отрядов были сформированы по территориальному и клановому принципу; и регистрации придали ту же форму. Каждый человек записывался при том племени и клане, о родстве с которым он заявлял. Учтем, что к этой изнурительной классификации нужно было добавить многословные, а в ряде случаев и вымышленные, родословия и племенные предания, существовавшие в Аравии еще до ислама.

Диван Омара.

Сам этот реестр, также как и помещение для его ведения и для пенсионных расчетов, были названы «диван», или казначейство. К тому моменту доход государства был раздут за счет дани от захваченных городов, подати с покоренных с народов, земельных налогов, военных трофеев и десятины. Одни из первых расходов шли на управление финансами и на гражданскую администрацию; далее — военные нужды; принявшие вскоре постоянный характер. Разница шла на пособия для народа. Все доходы ислама распределялись вскоре по их поступлению; Омар особо гордился тем, что в казначействе не оставалось ни дирхема. Счета отдельных провинций сперва велись местными жителями так, как они к тому привыкли: в Сирии — греками, в Халдее — персами. В Аль-Куфе это продолжалось до времени Аль-Хаджаджа, когда там появился изучивший нужное искусство чиновник-араб, который и перевел местную бухгалтерию на арабскую систему записей и ведения счетов.

Обширность арабского исхода.

Мы не знаем числа людей, переписанных в диване Омара, но население Аль-Куфы и Аль-Басры может навести нас на мысль о прогрессирувавшем обширном исходе из Аравии, и о той быстроте, с которой огромные гаремы умножали нацию. Женщины-арабки, как правило, выходили замуж лишь за арабов; но арабы-мужчины, помимо ничем не ограниченного сожительства с рабынями, были свободны брать замуж женщин из покоренных стран: обращенных, или из числа «людей Книги». Хотя женам арабской крови и отводилось первенство и в их положении, и в вопросах деторождения, дети любого отца-араба оказывались равны перед законом, независимо, была ли их мать рабыня или свободная, мусульманка, иудейка или христианка. Таким образом, нация росла. Учитывая также последующую способность Аравии удовлетворять бесконечные войны пушечным мясом, мы ненадолго ошибемся, если предположим, что еще до смерти Омара число арабов за пределами полуострова достигло полумиллиона, а вскоре уже удвоилось, если не учетверилось.

Управление провинциями.

Гражданское управление вводилось сразу вслед за покорением страны. В Халдее арабы быстро взяли под свой присмотр большую сеть каналов. Особые чиновники были поставлены для надзора за берегами Тигра и Евфрата, где раньше не было никакого порядка. Сирия и Аль-Ирак были измерены поле за полем; вся оценка приводилась к единой форме. В Аль-Ираке учреждению, объединявшему крупнейших землевладельцев, как и при предыдущей династии, было поручено поддерживать порядок и собирать налоги.

Кавалерийские резервы.

В добавление к войскам, находящимся в походах, в центрах нескольких провинций были сформированы кавалерийские резервы, готовые в любой момент выступить на помощь. В корпусе, находившемся в Аль-Куфе, насчитывалось четыре тысячи пик, а всего было восемь таких центров. Также создавались запасы фуража. Расходы на подобные мероприятия стояли первой строкой в бюджете каждой провинции.

Коран, сбор текстов.

«Собрание» Корана — то есть, сбор различных «откровений» Мухаммада — началось в первые годы правления Омара. Эта цель была поставлена еще Абу Бекром, по просьбе самого же Омара, который, видя, что многие из «чтецов» (тех, кто помнил текст Корана наизусть) пали в «Саду смерти», обеспокоился, что «многие из священных текстов могут быть утрачены». Задача была возложена на Зейда ибн Сабита, записывавшего время от времени отрывки, диктуемые ему, как и некоторым другим писцам, самим Мухаммадом. Многие из «сур», или глав, уже использовались по домам, или для публичных служений, в их полном и устоявшемся виде. В добавление Зейд стал искать любые возможные источники, сохранявшие что-либо, вышедшее из уст Пророка в виде откровения, из раннего периода его служения: «записанное ли на пальмовых листьях, кусках материи или кожи, костях, каменных пластинах, или в сердцах людей». Собрав с избытком различные и зачастую противоречивые материалы, он осторожно и с крайним вниманием связал их

вместе в том виде, в каком они были, в единое целое. Без сомнения, в этом деле он уделял времени и предмету определенное внимание; но беспорядочности ему избежать не удалось. Именно из-за этого, по-видимому, в священных текстах так много порой неясностей и нестыковок. Рукопись Корана, составленная таким образом, была доверена Хафзе, дочери Омара, одной из вдов Пророка, и вплоть до времени Османа этот текст считался за образец.

ГЛАВА XXI

ГОЛОД И ЧУМА

18 г. хиджры / 639 г. от р. Х.

«Год пепла», 18 г. хиджры, 639 г. от р. Х.

ПЯТЫЙ год правления Омара был омрачен двойным бедствием: чумою и голодом. Его прозвали «годом пепла», ибо сухой ветер из Хиджаза был день изо дня насыщен пылью с иссушенной песчаной почвы, и природный цвет небес оказался сокрытым плотной и знойной пеленою.

Голод в Аравии.

В северной части полуострова засуха оказалась настолько сильной, что вся природа увяла. Дикие и робкие звери пустыни, гонимые нуждою, вынуждены были искать пищи в руках у человека. Отары и стада от истощения погибали, или же скотина становилась непригодною для употребления в пищу. Рынки стояли заброшенными, а людские нужды достигали крайностей, подобно страданиям долгое время пребывающего в осаде гарнизона. Медину заполнили толпы кочевников, гонимых голодом, которые лишь усиливали общую подавленность. Омар, с характерным для него самоотвержением, не позволял себе ничего лишнего, чего бы он не мог разделить со своими подданными. Он поклялся, что не будет вкушать ни мяса, ни масла, ни даже молока, пока у людей не будет достаточно пищи. Как-то, по случаю, его слуга раздобыл за большие деньги мех, наполненный молоком, а другой мех — маслом. Омар отослал оба в качестве пожертвований. «Не стану есть того, — сказал он, — что стоит дорого; ибо как же мне знать нужды своего народа, если я не буду страдать вместе с ним?» От грубой пищи и оливкового масла (вместо молока и животного масла) лицо халифа, обычно румяное и свежее, приобрело болезненный землистый оттенок.

Зерно ввозится из Сирии и отовсюду.

Все усилия бросались на то, чтобы улучшить положение, и долгожданная помощь пришла, наконец, в Аравию. Абу Обейда привел из Сирии караван из четырех тысяч голов, груженный зерном, которое он лично роздал голодающим арабам. Амр доставил провиант из Палестины на верблюдах, а также и по морю, через порт Айла. Помощь подошла и из Халдеи. Скотину, на которой прибыли грузы, ежедневно забивали группами по двадцать голов и готовили в пищу вместе с доставленным зерном, чтобы насытить жителей Медины. После девяти месяцев жестокого испытания, Омар объявил специальное собрание; и (как написано) в ответ на молитву, ведомую Аль-Аббасом, пожилым дядей Пророка, разверзлись небеса, и тяжелые струи дождя обрушились на ссохшуюся землю. Быстро взошла трава, бедуинов отослали по домам на их пастбища, и скоро земля изобиловала своими дарами. В результате этого бедствия в Аравии образовался постоянный путь на север, и рынки Хиджаза стали постоянно снабжаться из Сирии, а впоследствии и из Египта.

Амвасская чума.

Следом за голодом шла беда гораздо страшнее, пусть и в соседнем регионе. В Сирии вспыхнула чума: по имени города, с которого она началась (Эммауса), ее стали именовать «чумою из Амваса». Ударив с особой яростью по арабам в Гимсе и Дамаске, она быстро опустошила всю провинцию. Перескочив через пустыню, чума добралась даже до Аль-Басры. Эта язва не щадила никого. Перед нею были беззащитны как богатые, так и бедняки. Люди падали с ног и погибали, как от внезапного удара. Первым побуждением Омара было отозвать Абу Обейду в Медину: на время, чтобы он не стал жертвой этой напасти. Зная благородный дух эмира, Омар завуалировал свою цель, просто приказав Абу Обейде прибыть «по срочному делу». Абу Обейда догадался о причине и, желая разделить опасность со своими людьми, попросил извинить его за неподчинение. Омар, получив ответ, не мог сдержать слез. «Что, Абу Обейда мертв?» — спросили его. «Нет! — отвечал халиф, — но можно считать его мертвым».

Омар держит совет на сирийской границе.

Халиф стал сам собираться в Сирию, но неподалеку от Тебука был встречен Абу Обейдой и прочими, спешившими из района бедствия. На собранном совете Омару пришлось подчиниться воле большинства и возвратиться домой. «Как! — воскликнул кто-то из свиты халифа, — Бежать от Божьего повеления?» «Ну, — отвечал халиф, будучи мудрее своего окружения, — если мы и бежим от повеления Божия, то лишь по повелению Божию». Затем он приказал Абу Обейде собрать всех арабов из зараженных городов в одно место в пустыне; а сам направился обратно в Медину.¹

Арабы бегут в Хауран.

Выполняя волю халифа, Абу Обейда не терял времени, заставляя людей оставить насиженные места в Хауране. Он добрался до Аль-Джабии, где его свалила болезнь. Вместе с ним жертвою чумы пал и его сын.

Смерть Абу Обейды.

Моаз ибн Джебель, назначенный на его место, умер практически сразу же за вслед за ним; и выводить обезумевших от ужаса людей в страну холмов пришлось Амру. Там чума пошла на убыль. Шурабиль ибн Хасана также умер, как считается, в один день с Абу Обейдой. И Язид, сын Абу Суфьяна, тоже скончался.² Эта вспышка унесла жизни не

¹ Во время этого совещания Абд Ар-Рахман привел слова Мухаммада: «Если страну поразила чума, не беги оттуда; коль оказался там, не беги от нее». Мнение Омара оказалось более разумным, и он привел такой пример в его поддержку своих взглядов: «Предположим (сказал халиф), вы оказались в долине, где одна сторона зеленеет тучной травой, а противоположная — гола и опустошена. На какой бы стороне вы ни отвязали своих верблюдов, это будет по воле Божией, но вы выберете зеленый склон!» Вот так халиф рассудил, что, уводя людей от опасности в более здоровую местность, он вовсе не пытается бежать от Божьего произволения.

² Гробницы этих трех великих мужей служат местом набожного паломничества и по сей день. Абу Обейда упокоен в Амта в долине Иордана, могила Шурабиля находится близ вади Йабис, а Моаза — в бейсанском Зауре. (Burckhardt, *Travels in Siria*, стр. 345 и далее). Что же касается Язида, см. стр. 143 оригинала.

меньше чем двадцати пяти тысяч человек. Из одного семейства, эмигрировавшего из Медины в количестве семидесяти человек, выжило лишь четверо. Таково было это поражение.

Поездка Омара в Сирию, осень 18 г. хиджры, 639 г. от р. Х.

Потрясенная страна наполнилась слухами о готовящемся вторжении византийских полчищ. О масштабах пережитого бедствия можно судить еще вот по чему. После умерших осталось богатое наследство, вокруг которого разгорелись горячие споры между выжившими претендентами, которые взбудоражили весь халифат. Проблема оказалась настолько серьезной, что для ее решения и для приведения в порядок прочих дел Омар надумал отправиться в поездку по всем своим владениям. Сначала он полагал посетить Халдею, после нее — Междуречье, откуда въехать в Сирию с севера. Но позже он отказался от столь обширных планов и выбрал обычный для себя путь, двинувшись напрямик в Сирию.

Халиф посещает епископа Айлы.

Дорога халифа пролегла через христианское поселение Айлу на заливе Акаба; и его посещение этого места раскрывает нам ту простоту и добрые чувства, что он испытывал к своим подданным-христианам. Он ехал на верблюде, со скромной свитой, избегая большой помпы. Желая оказаться в селении незнанным, халиф поменялся местами со слугою, пропустив того вперед. «Э, где эмир?» — закричали жители в нетерпении, сбегаясь отовсюду, чтобы не пропустить приезд халифа. «Он **предстает** вам!» — ответ Омара, чей верблюд двигался медленно, был двойного смысла. Толпа рванулась дальше, полагая, что великий властелин где-то позади, а Омар смог незаметно добраться до дома местного епископа, где и провел самые жаркие часы дня. Халиф спросил хозяина, нельзя ли заштопать его накидку, изорвавшуюся по дороге. Епископ не только позаботился об этом, но и предложил халифу из своей одежды что-то полегче, более подходившее для путешествия в жаркий сезон. Омар, однако, предпочел остаться в своем одеянии.

Омар в Сирии.

Продолжая свой путь, халиф объехал всю Сирию. Он посетил основные поселения мусульман, отдавая приказания о том, как распорядиться имуществом унесенных чумою жертв, и сам разрешая наиболее трудные споры о наследстве.

Назначает Муавию правителем.

Поскольку и Абу Обейда, и Язид скончались во время чумы, Омар назначил главнокомандующим силами в Сирии Муавию, другого сына Абу Суфьяна, чем и было положено начало династии Омейядов. Муавия был человеком неограниченных амбиций, но мудрым и вдобавок к этому способным. Он смог использовать свое назначение во благо. В то время никто и не помышлял о грядущих раздорах, когда сторонники Али и Аль-Аббаса начнут презирать Муавию именно за его кровь Омейяда. Оба конкурента, и

Али, и Аль-Аббас, бездействовали в Медине. Последний, и раньше бывший слабым и безынициативным, совсем сдал на старости лет. Али же, высоко чтимый как двоюродный брат и зять Пророка, а также уважаемый за свой ум и сообразительность, входил в число самых доверенных советников халифа, но не обладал никакой особой властью или влиянием. Не было у него и никаких особых устремлений, вел он жизнь тихую и наслаждался утехами своего гарема, постоянно пополнявшегося свежими красавицами. Нет никаких оснований предполагать, что давно канувшее в лету противодействие исламу Абу Суфьяна и Хинд, родителей Муавии, могло бы быть им вспомнано. Грехи, предшествовавшие обращению, вслед которому человек уже не колеблется в вере, не оставляют на верующем пятна. И покуда не разгорелось пламя гражданской войны, никто не стремился сколотить себе политический капитал на обвинениях рода Омейядов в их давних проступках и враждебности к Пророку. Таким образом, возведение Муавии в ранг командующего в Сирии не возбудило никакой зависти или противодействия. И, разумеется, это событие было всеми воспринято как само собой разумеющееся.

Билаль исполняет работу муэдзина.

Когда Омар уже был готов окончательно покинуть Сирию, произошло нечто, до глубины души взволновавшее правоверных. То был глас Билаля, муэдзина Пророка, провозгласившего час молитвы. Громогласного призыва пожилого африканца не было слышно со времени смерти Мухаммада, ибо старик отказывался служить для кого-либо иного. Он последовал за войском в Сирию и жил там, удалившись от дел, получая пенсию за ту работу, что он так долго выполнял в Медине. Наиболее знатные из горожан Дамаска обратились к Омару с просьбою, чтобы тот уговорил Билаля исполнить еще раз призыв к молитве в честь отъезда халифа. Старец дал свое согласие, и, когда с вершины Большой мечети зазвучал чистый громкий голос со столь знакомыми каждому звуками, лица всех собравшихся, живо представивших себе Пророка на дневной молитве, оросились слезами. Закаленные в боях воины, во главе с самим Омаром, заголосили как один, не стыдясь своих рыданий. Два года спустя Билаль скончался.¹

Паломничество, xii. 18 г. хиджры, декабрь. 639 г. от р. Х.

По возвращению в Медину Омар отправился в ежегодное паломничество в Мекку, в котором он предводительствовал во все годы своего правления. Заметим, что предыдущая поездка оказалась последним путешествием халифа за пределы Аравии.

¹ Насчет Билаля и его службы муэдзином, см. «Жизнь Мухаммада», стр. 196.

ГЛАВА XXII

ПОКОРЕНИЕ ЕГИПТА.¹

19-20 г. хиджры / 640-641 г. от р. Х.

19 г. хиджры, 640 г. от р. Х.

СЛЕДУЮЩИЙ год выдался относительно спокойным. В Персии ислам упорно продолжал свое распространение. Но мы пока отложим наступление в этом направлении, и рассмотрим завоевание Египта.

Амр положил глаз на Египет.

Египетская кампания, говорят, обязана своим началом Амру, который ездил в эту страну по торговым делам, когда еще был язычником. После падения Кесарии способного и честолюбивого военачальника бездействие в Палестине стало тяготить. Во время посещения Омаром Сирии, он уговаривал того напасть на Египет, что одновременно подорвало бы могущество врага, укрепив мощь исламского государства. Совет был хорош; ибо Египет, некогда житница Рима, теперь снабжал зерном и Константинополь. Александрия, хотя и населенная по большей части местными жителями, притягивала к себе людей отовсюду. Это был второй город империи, центр коммерции, роскоши и литературы. Греки и армяне, арабы и копты, христиане, иудеи и сирийцы варились здесь в одном котле. Однако образ жизни был по существу византийским. Впрочем, правление постоянно было под угрозой какого-нибудь восстания или мятежа местных египтян: как друг против друга, так и против своих иноземных правителей. Основное население было

¹ Основными источниками, повествующими о завоевании Египта мусульманами, являются современные этому событию хроники копта Иоанна из Никиу, ряд рукописей, датируемых тем же периодом, которые находятся в коллекции архиепископа Ренье, записи того времени и более поздние, сохраненные ранними арабскими историками Ибн Абд Аль-Хакамом (ум. в 268 г. хиджры), Аль-Билязури (ум. в 279 г. хиджры, 892 г. от р. Х.), и Табари (ум. в 310 г. хиджры, 966 г. от р. Х.), также как и более поздние: Ибн Аль-Асир (ум. в 630 г. хиджры, 1233 г. от р. Х.), Аль-Макризи (ум. в 845 г. хиджры, 1442 г. от р. Х.), Ас-Суюти (ум. в 911 г. хиджры, 1505 от р. Х.), и многие другие.

Ценность летописи Иоанна из Никиу (чей текст вместе с французским переводом можно найти в *Notices et Extraits des MSS. de la Bibliothèque Nationale*, том xxiv) принижена тем, что единственный сохранившийся экземпляр представлен эфиопской рукописью, датируемой 1602 годом, копией с древнего арабского перевода. Оригинал же был греческим, со вставками на коптском языке. Более того, в самом повествовании события явно непоследовательны по времени.

Рукописи из коллекции Ренье были опубликованы проф. Карабасеком в *Denkschriften* и *Sitzungsberichte* венской академии, также как и в *Mittheilungen*.

Вопрос последовательности событий в покорении Египта обсуждался и был разрешен практически г-ном Э.В.Бруксом в *Byzantinische Zeitschrift*, 1895, стр.436 и далее. Арабские историки полностью осознают существующие недоразумения (табл. i. 2580). Ибн Аль-Асир пытался найти какую-то исходную точку, предположив, что Миср был захвачен до «года пепла» (см. стр. 153 оригинала), поскольку в тот год Амр смог послать провиант из Суэца в Медину морем, но он мудро добавляет, что «Богу лучше известно» (ii, 440. Сравните табл. i. 2577).

обеспечено всем с беспрецедентным изобилием: театры, бани, и увеселительные заведения.¹ Целый лес корабельных мачт высился в его безопасной и просторной гавани, откуда поддерживалась связь со всеми морскими портами империи. Александрия была, таким образом, скорее европейским, чем египетским городом.

Египет разочарован в византийском правлении.

В богатой долине вне этого города жизнь была иной. Покинув прибежище роскоши, путник с вершины цивилизации сразу попадал в унылые пустоши монашества, в самые глубины бедности и нищеты. Египет был в то время, как и раньше, рабом других народов. Обильные урожаи с хорошо орошаемых земель кормили лишь большие города империи. И земледельцы, под гнетом дани и тирании, всегда были готовы восстать против своих правителей. Ненависть ожесточалась здесь, как и в других местах, никогда не прекращающимися попытками византийских правителей обратить население в ортодоксальное христианство, в то время как копты оставались монофиситами (верили в единую природу Христа — прим. перев.).² Период правления персов, занимавших Египет в течение примерно десяти-двенадцати лет, когда жестокости покорения закончились, отмечался, как и повсюду, скорее печатью большей терпимости, чем преследований, которые возобновились с возвращением прежних хозяев. Кир, используемый Ираклием в Египте как орудие для воплощения своего замысла объединения церкви на основе монотеистического компромисса, прибыл в Александрию в 630 году, облаченный двойной властью гражданского и церковного правителя. Коптский патриарх Вениамин без промедления бежал в Верхний Египет, где укрылся в монастыре, посоветовав своему духовенству последовать его примеру. В течение десяти лет Кир пытался гонениями склонить коптов оставить яacobитское вероисповедание и принять халкидское.³ Хроническая неприязнь к Византии пронизывала всю страну, и люди искали избавления от ставшего невыносимым господства греков. Сами византийцы разделились в Египте, как и по всей империи, на «голубую» и «зеленую» партии, и их военачальники враждовали друг с другом. Разумеется, в тот период, в Египте не было племен кочевников и симпатизирующих исламскому господству арабов; но там уже долгое время действовали элементы еще более опасные, и перемена одного ярма на другое выглядела для народа весьма желательной.

Амр вторгается в Египет, 19 г. хиджры, 640 г. от р. Х.

В самом конце восемнадцатого года хиджры Амр, получив от халифа неуверенное согласие, двинулся из Палестины в Египет. Его армия, даже вместе с группами бедуинов, привлеченных по пути многообещающей добычей, не превышала четырех тысяч человек. Вскоре после его выступления, Омар, вернувшись к тому времени в Медину, обеспокоенный незначительностью отряда Амра, решил его вернуть; но, обнаружив, что

¹ Только мужское население насчитывало шестьсот тысяч человек. Из них семьдесят тысяч (по другим источникам, сорок) мужчин-иудеев в возрасте, уже годном для уплаты подати, и двести тысяч греков, из которых тридцать тысяч бежало морем перед началом осады. 4000 бань, 400 театров и 12 000 судов различных размеров. Эти цифры, несомненно, преувеличены.

² См. *Origines Liturgicae* Палмера, том i., стр. 82; и его же *The Story of the Church of Egypt*, том i, примечание ниже.

³ Renaudot, *Historia Patriarcharum Alexandrinorum Jacobitarum — Benjamin Patriarcha.*

тот продвинулся слишком далеко, послал вслед за ним Аз-Зубейра с серьезным подкреплением, включавшим немало ветеранов и прославленных воинов.

Покорение Нижнего Египта.

Амр вошел в Египет через Вади Аль-Ариш, где он оказался 12 декабря 639 г. (10, хii., 18 г. хиджры). Двигаясь на запад, он достиг Аль-Фарамы (Пелусия), на осаду и захват которой у него ушел месяц. Обойдя с востока дельту Нила, он занял Бильбейс. Следуя дальше по течению реки, весьма немногочисленной в то время года, среди фиговых рощ и акаций, Амр, наконец, добрался до обелисков и разрушенных храмов Айн Шемса (Ауна/Она или Гелиополя).

По пути он разбил несколько отрядов, посланных воспрепятствовать вторжению; среди них был один под командою его сирийского соперника Артабуна, которого, как считается, убили в схватке.

Битва при Гелиополе.

Двигаясь от Гелиополя, Амр пересек Нил и (согласно Иоанну из Никиу) совершил набег на Файюм (у Меридова озера), и видимо только по его возвращению в окрестности Гелиополя к нему присоединилась подмога, посланная Омаром под командою Аз-Зубейра. Это, видимо, довело силы мусульман до пятнадцати тысяч человек. Население Айн Шемса, состоявшее из коптов и нубийцев, теперь убеждало правителя Египта, которого арабские авторы зовут Микаукисом,¹ сохранить мир и не дать им погибнуть. «Какой шанс есть у нас, — говорили они, — победить воинов, одолевших и кесаря, и хосровов?» Стороны договорились о перемирии на пять дней,² а после истечения этого срока арабы пошли в атаку. Амр применил привычную тактику, разделив свою армию на три части: одну оставил близ Гелиополя, другую двинул к северу от римской крепости Вавилон, третью же сосредоточил на берегу Нила, недалеко от местечка под названием Тендуньяс или Ум Дунейн. Когда византийские военачальники атаковали первую группу, которой командовал сам Амр, другие отряды арабов бросились на них с тыла. Победа мусульман была полной. Византийцы, кинувшись к своим кораблям, бежали вниз по реке. Битва при Гелиополе произошла в июле 640 года (viii, 19 г. хиджры).

Благодаря этой победе «город Мисра» (т.е. Египта — Мемфис), в котором находилась крепость Вавилон, попал в руки Амра, и весь Нижний Египет был бы сразу захвачен, если бы природа не пришла на помощь побежденным. Нил, который начинает разливаться в начале июня, тем летом превратил всю дельту в сплошное озеро в середине августа,

¹ Изначально это прозвание восходит к греческому «мегауксес», *μεγαυχης*, «многославный». То, что это титул, а не имя, видно из того, что так звали властителя Египта еще во времена Мухаммада («Жизнь Мухаммада» Мьюира, 4-е издание, стр. 371). См. соч. г-жи Э.Л.Бутчер, *The Story of the Church in Egypt*, т. i., гл. xxxii. А.Дж.Батлер в «Покорении Египта арабами» считает, что это прозвище Кира, и это мнение разделяет 11-е издание «Энциклопедия Британника». С другой стороны, см. *The Athenæum* за 1903г., т. i., стр. 455 и далее.

² Табари (i. 2584) пишет, что Микаукис послал Або Марьяма, «католикоса Египта», «с епископом» и церковниками, которые и заключили перемирие на пять дней. Артабун, однако, не согласился с этим. Один из принявших ислам был прозван «Абу Марьям», если верить некоему воину, служившему у Амра (i. 2583).

сделав военные операции невозможными. Из-за этого Амру пришлось провести весь период разлива, длившийся почти до конца года, в осаде крепости Вавилон, считавшейся неприступной. Осада, начавшаяся в сентябре 640 года, продлилась около восьми месяцев. Как и в случае с Дамаском, крепость была взята благодаря и приступу, и капитуляции. В то время как Аз-Зубейр с отчаянной отвагой успешно штурмовал стены, парламентарам от гарнизона были вручены Амром условия сдачи (табл. I, 2583 и далее). Крепость Вавилон пала на второй день пасхи, 9 апреля 641 года. Император Ираклий умер, когда осада еще продолжалась, 11 февраля того же года.¹

Сопrotивление практически было сломлено. Византийцы, которых Гиббон не решается называть римлянами, отныне были отброшены вровень с теми, над кем они привыкли властвовать, и, ненавидимые местным населением, были рады унести ноги в направлении морского берега. Копты начали активно принимать сторону мусульман, спеша перебить уцелевших солдат империи. Первой заботой Амра было обезопасить Файюм, а следующей задачей стало сооружение лодочного моста через Нил, что должно было не только облегчить переправу его сторонников, но и перекрыть поток беглецов из Верхнего Египта, постоянно плывущих вниз по долине к Александрии. Полностью используя выгоду от вражды коптов и византийцев, оставив гарнизон в Вавилоне, Амр, не теряя времени, двинулся с конным отрядом на Александрию, где находилась ставка имперского главнокомандующего Феодора. Амр спешил добраться туда прежде, чем греческие войска смогли быть стянуты для защиты. По пути он захватил Никиу, где, в числе множества беженцев, оказался и нашедший там убежище правитель Файюма. Это произошло 13 мая 641 г. (Иоанн из Никиу, стр. 563). Хотя бежавший правитель Файюма, руководивший местным гарнизоном, скрылся, и войско, практически без сопротивления, сложило оружие, мирные жители, включая женщин и детей, были убиты. Подобные сцены происходили и в других городах. Несмотря на значительное сопротивление на местах, Амр дошел до Кирияуна, что примерно в шестидесяти милях восточнее Александрии. Здесь его атаковал Феодор, но был вынужден бежать в город. Арабы расположились на равнине перед Александрией, вне досягаемости катапульт, установленных за стенами, сводившими на нет все помыслы мусульман о приступе. Стена со стороны суши имела незначительную протяженность и была хорошо укреплена, а подкрепление и продовольствие всегда можно было подвезти морем. Как можно предположить, внутренние раздоры в городе, полном бежавших военачальников, и с учетом отсутствия отозванного со своего поста Кира, в тот самый момент, достигли своего апогея. (Иоанн из Никиу, стр. 568 и далее).

Однако все слои населения, включая даже коптов, подвергавшихся гонениям при Кире, единодушно обрадовались его возвращению в сентябре следующего года. Он прибыл в город, будучи уполномочен заключить мир с мусульманами; и осенью 641 года Египет перешел из рук императора во владение последователей арабского Пророка, каковым и оставался на протяжении более чем тысячи двухсот лет.²

¹ У арабских историков Гелиополь и Вавилон, видимо, путаются один с другим. Батлер объясняет это тем, что они воспринимали свое арабское Баб Аль-Юн («Вавилон») за «ворота Ауна», (Она или Гелиополя).

² Этот договор был заключен между Киром и Амром в Вавилоне (Иоанн из Никиу, стр.575). Э.В.Брукс, вторя Иоанну из Никиу, датирует капитуляцию Александрии 17-м октября 641 года. (Табл. i, 2588 и далее).

Фустат.

Амр желал оставить за собой место правителя Александрии, но Омар не позволил ему находиться так далеко от своего лагеря. Так что ему пришлось вернуться в Верхний Египет. В течение нескольких последующих лет его приверженцы боролись с нубийцами, и, наконец, покорили их вплоть до Донголы. Группа арабских воинов пересекла Нил и поселилась в Гизе, на западном берегу — это переселение было разрешено Омаром только при условии возведения там сильной крепости на случай внезапной атаки. Штаб армии располагался вблизи Мемфиса. Вокруг ставки образовалось военное поселение, названное изначально Фустат, от «фоссатум» т.е. «лагерная стоянка», которое быстро переросло в столицу Египта, сегодняшней Каир. Там Амр положил основание великой мечети, на участке земли, до сих пор носящем его имя.¹

Земли оставляются земледельцам.

Аз-Зубейр настаивал, чтобы Амр воспользовался правом завоевателя и разделил земли среди своих приверженцев. Амр отказался; и халиф одобрил его решение. «Оставь наделы, — был его мудрый ответ, — в руках их народа, пусть возделывают их, чтобы приносили плоды». Самому Амру было отказано в предоставлении участка для возведения дома. У него было жилище в Медине пристанище, напомнил Амру халиф, и этим следовало довольствоваться. Таким образом, земли Египта, оставленные в руках у своих прежних владельцев, превратились для Аравии в богатую житницу, как в давние времена служили житницей Римской империи.

Суэцкий канал вновь открыт, 21 г. хиджры, 642 г. от р. X.

По возвращении в Фустат Амр преуспел еще в одном памятном деле, облегчив перевозку зерна из Египта в Хиджаз. Это было ничто иное, как повторное открытие канала, соединяющего Нил в районе Верхнего Египта с Красным морем у Суэца.² Отходящий от восточного притока реки в районе Бильбейса, канал поворачивал затем вправо, и, проходя по соленым озерам близ Тимсаха, достигал Красного моря, что соответствует теперь нижней части Суэцкого канала. Долго не использовавшееся русло было занесено илом; но препятствия, очевидно, были не слишком велики, ибо в течение года судоходство было восстановлено, и халиф в Янбо (порт близ Медины) видел своими глазами, как

¹ Интересная история этой мечети (с иллюстрациями) приведена в *Asiatic Journal* за октябрь 1890 г., стр. 759. Амр описан там, по традиции Аль-Макризи, как «невысокой, полноватый человек с длинными волосами и черными глазами, веселого нрава». Предание также добавляет проповедь, прочитанную Амром в этой мечети, которая, разумеется, подобно многому другому, написанному об этой кампании, является просто вымыслом.

² Канал, соединяющий Нил близ Бубастиса с озером Тимсах, уже существовавший при Рамсесе II. (Геродот, кн. ii, 158). Фараон Неко попытался продолжить этот канал на юг до Красного моря. Это намерение было исполнено Дарием через сто лет. Второй канал был проложен Птолемеями у Телл-Фака, ближе к Средиземному морю. Он использовал череду лагун (современный проточный канал) до Красного моря, и был слишком мелок для постоянного использования, за исключением больших наводнений. Один из этих каналов (очевидно углубленный Траяном, поскольку он назван «Амнис Траянус»), оставался судоходным до конца третьего столетия от р. X. Это был, несомненно, тот же самый канал, который был теперь расчищен и углублен Амром.

освобождались от груза суда, заполненные в тени древних пирамид. Канал оставался судоходным почти восемьдесят лет, после чего, обмелевший от песка, был снова заброшен.

Ничего не свидетельствует лучше о добром отношении Амра к египтянам, как то, что вскоре после свержения византийского господства он велел разыскать прежнего руководителя коптской церкви; и после тринадцати лет отчуждения патриарх Вениамин вновь занял свой пост. Этот шаг был соразмерен лишь мудрости, с которой Амр использовал взаимную неприязнь греков и коптов в своих собственных интересах.

Амр решил научить египтян уважать арабов.

Заметив, что египтяне, привыкшие к изысканности и роскоши, смотрели на арабов свысока за их привычку к простой пище, Амр, славившийся своею прирожденной смекалкой, прибегнул к одному представлению, дабы повлиять на их убеждения. Сначала он сервировал трапезу, состоящую из мяса заколотых верблюдов, как привыкли есть кочевники, и египтяне с удивлением наблюдали, как войско арабов утоляло свой голод такой грубой пищей. На следующий день был устроен роскошный пир, со всевозможными деликатесами в египетском вкусе; и снова войны вкушали с таким же аппетитом. На третий день отряды прошествовали в боевом порядке, и Амр обратился к собравшейся посмотреть на это зрелище толпе с такими словами: «Первый день представления показал вам простые обычаи нашей жизни дома; второй — как мы можем наслаждаться хорошими вещами на покоренных землях; и как вы можете видеть сегодня, наша воинская мощь, не смотря ни на что, сохранилась». Копты разошлись по домам, говоря друг другу: «Эй, глядите, осторожнее, как бы арабы не подняли на нас свою пята, с нас и этого достаточно!» Омар остался доволен проделкой своего наместника, и сказал ему: «Действительно, война зависит от мудрости и решительности, так же как и от силы».¹

Выдумки о жертвоприношении девушек Нилу.

Существует странная история о разливе Нила. Когда ежегодный разлив надолго задерживался, копты, согласно своему обычаю, должны были бросить в реку красиво одетую девушку, или скорее, как мы можем предположить, лишь ее символическую фигурку.² Узнав об этом, халиф передал Амру следующее письмо:

«Повелитель правоверных — реке Нил, здравствуй!

Если во времена минувшие ты разливался по своей воле, так разольешься тем более по воле Бога Всемогущего, и Его мы будем молить, чтобы твои воды поднялись и оросили эту землю».

¹ Табл. i, 2590 и далее.

² Об этой традиции не говорится в самых древних источниках, но, тем не менее, она могла существовать, согласно Лейну, который описал обычай ежегодно бросать в реку подобную фигурку, называемую «невестой Нила» (*Modern Egyptians*, xxvi).

«Брось это письмо, — приписал халиф — в поток, и этого достаточно». Амр так и поступил, и немедленно начался сильный прилив, оросивший землю!

Александрия: взята обратно; и окончательно покорена, 25 г. хиджры, 646 г. от р. Х.

Движимый неугомонным духом ислама, Амр вскоре расширил свои границы к западу, укрепился на мысе Эль-Барк и дошел даже до Триполи. Покоренные народы были обложены постоянной данью, которую платили рабами-берберами: таким образом, в этой несчастной земле с давних пор была узаконена торговля человеческой плотью и кровью. Приморские поселения получали мало помощи от флота Византии. Но несколько лет спустя, во время халифата Османа, греки предприняли отчаянную попытку вернуть себе Александрию. Мусульмане, повсюду завязшие в вечных завоеваниях, оставили город без надлежащей защиты. Греки и другие горожане, уставшие от мусульманского господства, сговорились с византийским двором; и флотилия из трехсот кораблей под командою Мануила, вышибла арабский гарнизон и захватила город. Амр поспешил вернуть Александрию. За городскими стенами разгорелось большое сражение: греки были разбиты, и город пришлось испытать все тяготы осады. Наконец он был взят штурмом и разорен. Чтобы предотвратить повторение подобной неприятности, Амр сровнял с землею все фортификационные сооружения и расположил поблизости сильный отряд, которому дважды в год приходила смена из Верхнего Египта. Мусульманский двор был перенесен в Фустат, и Александрия перестала быть столицей Египта. Сообщения о двух осадах Александрии (одна из которых закончилась капитуляцией, другая захватом), оставленные арабскими летописцами, расходятся в датах первого события, о котором они упоминают — то ли двадцатый, то ли двадцать пятый год хиджры. История о поджоге Александрийской библиотеки арабами, это более позднее измышление.

В Египте, как и за его пределами, арабы сохранили уже существовавшее разделение страны. Самыми большими частями и в Верхнем, и в Нижнем Египте были епархии со своими главами. Границы, как и повсюду, были особо оговорены. Но большее значение получили небольшие пагархии, примерно соответствовавшие древним номам, со своими пагархами, которыми зачастую оказывались арабы; и, наконец, сельские общины со своими старостами. При римской власти крупные землевладельцы (нередко являвшиеся пагархами) часто пользовались возможностью платить налоги непосредственно самому наместнику; но этому злоупотреблению, как и прочим, похуже, арабы положили конец. При них правитель не сообщался с отдельными налогоплательщиками, но только лишь с пагархами, отсылая им письма со старостами. Мусульманское управление отличалось простотой и чрезвычайной централизацией.

Налоговые вопросы.

Много света было пролито на характер арабского правления в Египте благодаря обнаруженным в последнее время рукописям. Особенно это касается налогообложения. В каждом «хорионе» (сельской общине) велись списки всех налогоплательщиков. Когда возникала нужда в людях, деньгах или товарах, управитель слал из Фустата запрос в каждую пагархию (или ном) с указанием требуемого количества от каждого из хорионов.

Местные чиновники собирали в этом случае сведения о каждом налогоплательщике относительно размеров их землевладений, количества финиковых пальм, виноградных лоз, акаций или доходов от торговли. Обычные налоги подразделялись на «денежные» и «зерновые». Деньгами выплачивались поземельный налог, посемейная подать и налоги, оплачивающие расходы по сборам. Подать платилась только главами семейств; поземельный налог взимался как с мужчин, так и с женщин. В целях уравнивания были обложены специальным налогом все, занимавшиеся торговлей. Зерновой налог взимался, как правило, пшеницей, иногда ячменем. В дополнение к налогам порой возникала надобность в непосредственной службе для государства. Это была не «барщина» или подневольный труд, поскольку эта повинность оплачивалась. Обычно арабам требовались моряки, и для этого привлекались люди разного рода занятий. Львиная доля обычных налогов уходила на содержание проживавших в Египте арабов; но существовали еще и дополнительные сборы для особых случаев. Пагархию могли обложить, например, сбором за определенное количество пальм, приходившихся на каждый дом. Плюс, местные жители обязаны были снабжать арабские войска на трехдневном постое пищей и фуражом. Арабские историки, говоря об этом раннем периоде, спекулируют терминами «харадж» и «джизья», но они служили синонимами, обозначавшими просто обложение в пользу государства, каким бы образом оно ни собиралось.¹

¹ Н. I. Bell, *Greek Papyri in the British Museum*, стр. xvii и далее.

ГЛАВА XXIII

НАСТУПЛЕНИЕ НА ЮГЕ ПЕРСИИ. АЛЬ-ХОРМУЗАН ВЗЯТ В ПЛЕН.

16-20 г. хиджры / 637-641 г. от р. Х.

Границы, установленные Омаром на востоке.

ЕЩЕ раз обратив взор на восточные провинции халифата, мы обнаружим, что осторожная политика Омара все еще сохраняла тенденцию сдерживать мусульманское продвижение в пределах арабского Ирака, то есть, местности, ограниченной западными склонами Персидских гор. Но вскоре, просто по стечению обстоятельств, мусульмане пренебрегли этим естественным барьером.

Положение в Нижнем Ираке.

К северу от Аль-Медайна мусульманские границы были надежно прикрыты Холваном и другими крепостями, возведенными на границе холмов. После неоднократных столкновений в Нижнем Ираке Отба укрепился в Аль-Басре, откуда он мог беспрепятственно контролировать все область при оконечности Персидского залива. Но персидские сатрапы все еще оставались в силе в Аль-Ахвазе и Рам Хормузе, находясь в сотне миль от Отбы.

Правитель Бахрейна атакует Персеполь.

Военные действия в этом направлении оказались ускорены опрометчивым и неудачным налетом на Истахр (Персеполь). Аль-Ала, отличившийся в разгроме восстания в Аль-Бахрейне, следил ревнивым взглядом за успехами Саада и Отбы в Аль-Ираке. Прельщенный близостью отделенного узким проливом персидского берега, он организовал пеший поход для захвата области, что лежала напротив его владений. Это было сделано не только без разрешения, но и вопреки известному нежеланию Омара полагаться на неустойчивый элемент. Успех мог бы оправдать эту затею; но произошло обратное. Отряды, высадившиеся на персидском побережье, не встречали в течение какого-то времени никаких препятствий и двинулись прямо на Истахр. Но вскоре они оказались в ловушке. Наступая все вместе, они не позаботились о безопасности своего лагеря, и были отрезаны противником от своих лодок.

Встречает препятствие, но освобожден подкреплением из Аль-Басры.

После тяжелой стычки, не в силах противостоять умножающему свои силы врагу, арабы повернули в последней надежде к Аль-Басре, но нашли путь в том направлении перекрытым. Посланники погнали коней в Медину, и Омар, рассерженный на Аль-Алу за безрассудство, отдал срочный приказ Отбе освободить окруженную армию. Войско численностью в двенадцать тысяч человек выступило немедленно; и, соединившись не без трудностей с Аль-Алой, отбросило персов назад и возвратилось в Аль-Басру. Отряды

Отбы завоевали в этой битве добрую славу и особую благодарность Омара. Этот поход Аль-Алы известен под названием «Первый Истахар».

Кампания в Хузистане, 17 г. хиджры, 638 г. от р. Х.

Но это отступление, пускай и проведенное с искусством и храбростью, привело к возобновлению враждебности. Аль-Хормузан, персидский сатрап, бежал из Аль-Кадисии в свою собственную провинцию Аль-Ахваз, на невысоком горном хребте, не слишком далеко от Аль-Басры. Теперь он стал совершать набеги на арабские заставы, и Отба решил ударить на него. С прибывшими из Аль-Куфы подкреплениями Отба сумел привлечь на свою сторону еще и местное кочевое племя. Эти бедуины, хотя и обитали долгое время близ Аль-Ахваза, будучи близкими по крови к мусульманам и разделяя их интересы, присоединились к гарнизону Аль-Басры. Усиленный таким образом, он выбил врага из Аль-Ахваза и отогнал за реку Карун. Противники согласились на перемирие; и Аль-Ахваз, уступленный мусульманам, был передан Отбой в руки своих бедуинских союзников. После очередной победы в качестве трофея халифу отправили пояс побежденного «марзубана», персидского «смотрителя границы». Под давлением Омара посланнику пришлось согласиться, что мусульмане вдали от родины начали привыкать к роскоши. «Любовь к сей преходящей жизни, — говорил он, — множится среди них, блеск золота и серебра ослепляет им взор». Обеспокоенный этим вынужденным признанием, Омар вызвал к себе Отбу, который прибыл, оставив за главного в Аль-Басре вождя бедуинов. Такое назначение оказалось в высшей степени неприятно Омару. «Как! — возмутился халиф, — ты человека пустыни ставишь над соратниками Пророка? Этому не бывать никогда!»

Могира сменяет Отбу в Аль-Басре.

А посему управляющим был назначен Аль-Могира; и когда Отба умер на обратном пути из паломничества, Аль-Могира стал правителем вместо него. Это послужило причиной, как мы сможем увидеть, стремительного возрождения давней неприязни между бедуинскими вождями и простыми кочевниками Мекки и Медины.

Враждебность Аль-Хормузана, 18 г. хиджры, 639 г. от р. Х.

На следующий год возник спор относительно границы между бедуинским племенем и Аль-Хормузаном; и последний, не удовлетворенный решением мусульманского военачальника, вновь поднял знамя войны. Он был обращен в бегство мусульманами, которые подавили восстание в этой провинции, и просили позволения закрепить достигнутую победу дальнейшим наступлением. Но Омар, ответив отказом, предложил им лучше заняться восстановлением оросительных систем, тем самым возродив заброшенные поля Хузистана. Аль-Хормузан подался дальше на восток, будучи во второй раз пощажен.

Захват Рам Хормуза и Тостара, 19 г. хиджры, 640 г. от р. Х.

Вскоре после этих событий было обнаружено, что шпионы Йездегерда в Мерве подстрекают народ к новому восстанию. Позиция Аль-Хормуза вновь внушала опасения; и халиф, предвидя серьезное сопротивление, распорядился собрать сильное войско из Аль-Куфы и Аль-Басры, во главе которого поставил Ан-Номана. Они преследовали Аль-Хормузана с множеством персидских сторонников; и вновь разгромили его в Рам Хормузе. Тогда он бежал в Тостар, крепость, в пятидесяти милях севернее Аль-Ахваза, которая упорно защищалась персами от осады мусульман в течение нескольких месяцев. Наконец, с серьезными для арабов потерями, крепость была взята штурмом, и Аль-Хормузан, сдавшийся со всем гарнизоном на милость халифа, был соответственно отправлен к мединскому двору.

Сузы, или Шушан.

Затем была предпринята осада Суз, величественного древнего Шушана; все еще грозного города, раскинувшегося между двух рек на изумрудной долине со снежными вершинами на горизонте. Арабы преуспели в замене персидской аристократии на местных уроженцев; им сразу же были доверены важные посты, мусульмане ставили их начальниками, с исключительным почетом выделяя таких людей из числа их племени. Однако произошло это лишь после того, как после длительной осады и борьбы город был взят.

Гробница Даниила.

Омар дал указания о почтительном отношении к гробнице Даниила. Пред нашими глазами предстает незабвенное видение библейского пророка «у реки Улая»; и там и по сей день эта святыня остается нетронутой благодаря благоговейной заботе последовавших поколений на протяжении тринадцати столетий, несмотря на постоянные перемены.

Джундай-Сабур.

Важный город Джундай-Сабур с прилегающими землями также был покорен Ан-Номаном, и наступление угрожало уже Исфахану. Но эти события, в результате которых открывался путь для наступления в самое сердце Персии, стали известны в Хорасане и побудили его вождя к более активным действиям.

Аль-Хормузан помилован Омаром.

Посланники, которые вместе с трофеями доставили в Медину плененного Аль-Хормузана, проливают свет на причины, заставившие халифа отменить свой давний запрет на дальнейшее продвижение. Перед вступлением в Медину они переодели пленника в парчовые одежды, чтобы показать горожанам, как одевается персидская знать. Утомленный приемом отряда из Аль-Куфы (ибо так он по большей части вел дела своих провинций), Омар заснул с кнутом в руке на устеленном мягким ковром полу Большой мечети. Когда пленного принца ввели внутрь двора, тот воскликнул, оглянувшись кругом: «Где халиф? Где его стражники и телохранители?» Действительно, скромное окружение могущественного халифа резко отличалось от роскоши хосровских дворцов, к

которой он привык! Разбуженный шумом, Омар встал, и, догадавшись, кто этот незнакомец, воскликнул: «Благословен Господь, смиривший такого человека и подобных ему!» Он приказал раздеть пленника и облачить в грубые одежды. Затем, не выпуская из рук кнута, он стал укорять Аль-Хормузана и (Аль-Могира переводил) попросил объяснить, зачем он повторно нарушил свои обещания. Пленник сделал вид, будто не может говорить от слабости; затем, чуть шепча, будто страдая от жажды, попросил глоток воды. «Принесите ему, — распорядился халиф, — и пусть пьет в покое». «Э-э, — промолвил пленник, дрожа, — я боюсь пить, чтоб кто-нибудь не поразил меня внезапно». «Твоя жизнь в безопасности, — сказал Омар, — пока ты не выпьешь эту воду». Не успел он договорить, как Аль-Хормузан вылил чашу на землю. «Я хотел не воды, — сказал он, — а пощады, и ты даровал ее мне». «Лжец! — вскричал Омар гневно, — ты будешь казнен». «Ну, нет! — вмешались другие, — не раньше, чем он выпьет эту воду». «Странно, — сказал сбитый с толку Омар, — парень одурачил меня; но не могу же я пощадить жизнь тому, из-за чьей повторной измены так много правоверных лишилось жизни! Клянусь, твой обман не поможет тебе, если ты не примешь ислам!» Аль-Хормузан с превеликой охотой тут же произнес символ веры; и, поселившись в отведенном ему месте в Медине, получил пенсию внушительного размера.

Посланники просят снять запрет на дальнейшее наступление.

«В чем причина, — дознавался Омар у посланников, — что эти персы упорно разрывают договоренности и восстают против нас? Может быть, вы обращаетесь с ними слишком сурово?» «Да, нет, — отвечали те, — но ты запретил нам расширять наши границы; а там в глубине страны остался царь, который их будоражит. Два царя не могут ужиться вместе по-доброму, пока один не свергнет другого. Это не наша суровость, но их царь подстрекает восстать против нас покоренных персов. И это будет продолжаться до тех пор, пока ты не снимешь запрет и не позволишь нам двинуться вперед и прогнать их царя. Только тогда рухнут все их чаяния и прекратятся поиски».

Омар начинает понимать их доводы.

К этому мнению присоединился также и Аль-Хормузан. Омар начал понимать необходимость отмены своего запрета на дальнейшее продвижение. Для сохранения своих же собственных завоеваний арабам не оставалось ничего, кроме как сокрушить хосровов и полностью овладеть их царством.

ГЛАВА XXIV

ЗАВОЕВАНИЕ ПЕРСИИ.

21-22 г. хиджры / 642-643 г. от р. Х.

Омара вынуждают начать войну с Персией.

ВСКОРЕ затянувшимся сомнениям Омара был положен конец. Задетый воинственностью персидского двора, он был вынужден, наконец, отдать приказ своей армии отныне вести борьбу до конца, чтобы нанести империи окончательный удар.

Йездегерд собирает огромную армию, 20 г. хиджры, 641 г. от р. Х.

Хотя Йездегерду и пришлось бежать, возможно, он не переставал тешить себя надеждою, что, удовлетворившись плодородной равниной Междуречья, арабы оставят нетронутыми его владения за горным хребтом. Но захват Суз, древней столицы Мидии, и наступление на Исфахан, положили конец любым его иллюзиям. Шайки арабских головорезов продолжали угрожать его царству; и их вторжение вглубь Персии было неизбежно. Царь, решив еще раз попытаться сдержать вражеское нашествие, приказал правителям провинций собрать все силы для мощного натиска. Многие из его сатрапов были фактически независимы, но отныне их сплотила общая опасность. От побережья Каспийского моря до Индийского океана, от Окса (Амударьи) до Персидского залива толпы вооруженных людей сливались в многочисленную армию под знамя царя. Его войска располагались на равнине с видом на снежную вершину потухшего вулкана Демавенда, к югу от Каспийского моря.

Персам противостоит войско Номана.

Вести о надвигающейся грозе, поступающие Сааду, сразу же передавались непосредственно халифу. С каждым новым посланником тревога лишь усиливалась. Стопятидесятитысячное войско под командою Фирузана; только что находившееся в Хамадане, уже двигалось к Холвану, и скоро должно его следовало ожидать на самых подступах к Аль-Куфе, на самом пороге центра арабской провинции. Ситуация была, безусловно, критической. Любое поражение на горных границах грозило потерей господства на нижележащих равнинах; и мусульмане могли лишиться всей Халдеи вместе с Аль-Куфой и Аль-Басрой. Как и прежде, при надвигающейся опасности, Омар объявил о своем желании лично участвовать в кампании. Он собирался расположиться на полпути между двумя этими городами, надеясь своим присутствием возродить уверенность воинов ислама в своих силах; и в то время как он будет руководить оттуда наступлением, его резерв прикостит армию с тыла. Но старые аргументы восторжествовали вновь, и Омара уговорили остаться в Медине. Ан-Номан был отозван из похода в Хузистан, чтобы принять общее командование. Оставив в обоих городах по сильному гарнизону, войска двумя колоннами выступили из Аль-Басры и Аль-Куфы. Арабская группировка в Сузах, помимо поддержки основного наступления, возобновила свое движение на Истахр

(Персеполь), тем самым, лишив противостоящих ей персов возможности соединиться на этом участке с главными силами царя.

Битва при Нехавенде, 21 г. хиджры, 642 г. от р. Х.

Прибыв в Холван, Ан-Номан отправил вперед шпионов, которые донесли, что огромные силы противника скопились на равнине, окруженной высокими вершинами Элванда, или Арванда, к юго-западу от Хамадана, но дорога к настоящему моменту еще свободна. Итак, арабы устремились вперед и вскоре сошлись с персами лицом к лицу в схватке. То была памятная битва при Нехавенде. Мусульман было тридцать тысяч, персов в пять раз больше; но, слабые количеством, они были сильны верою и возбуждены присутствием ветеранов и героев былых сражений. После двух дней стычек персы отошли за линию своих укреплений, откуда им было удобно атаковать и досаждать своему противнику. Мусульмане, вконец утомленные задержкою, решили выманить их хитростью. Последовав примеру Толейхи, они отошли назад, а когда персы устремились в погоню, их окружили и отрезали путь к отступлению. Произошла жестокая схватка, в которой Ан-Номан был убит. Но арабы в итоге добились такой желанной победы. Тридцать тысяч врагов полегло на поле боя; остальные бежали на близлежащую возвышенность, где полегло еще более восьмидесяти тысяч. Из огромной армии удалось спастись лишь небольшой части. Судьба Фирузана отражена в набожной поговорке. Он бежал в направлении Хамадана, но, обнаружив, что горный перевал перекрыт караваном, везущим мед, заблудился, был схвачен и убит. Оттого и говорят: «*Часть воинства Господа — пчела медоносная*». Хамадан попал в руки победоносной армии; и царские сокровища и драгоценности, спрятанные там, в большом храме огня, были захвачены.

Решающий эффект победы мусульман.

Вожди и жители всей западной Персии покорились мусульманам и стали их данниками. Добыча была несметной; среди прочего были взяты два ларца редких драгоценных камней, которые Омар вначале поместил в мединскую казну. Но на следующее утро халиф велел привезти к нему доставившего драгоценности воина. Омару было видение, в котором ангелы предостерегали его о грядущем наказании за хранение этих драгоценностей. «*Лучше возьмите-ка все это, — распорядился халиф, — продайте, а стоимость разделите среди воинов*». Так было выручено четыре миллиона дирхемов.

Рей и другие завоевания, 22 г. хиджры, 643 г. от р. Х.

Предпринятую Омаром кампанию, было уже не остановить. Гордый Йездегерд отказался покориться, и халиф, больше не колеблясь, преследовал перса до самой смерти. Воинственные племена с юга Каспия снова сплотились под началом Исфандияра, брата несчастного Рустена, для защиты Ар-Рея. Мусульмане выступили им навстречу; и еще одна громкая победа отдала этот город на их милость. Исфандияр отступил к Азербайджану; но, снова потерпев поражение, был взят в плен. Тогда, отчаявшись в успехе, он перешел на сторону противника, предпочитая разделить свой жребий с армией захватчиков. Из Ар-Рея Йездегерд бежал в Исфахан; не найдя там убежища, он поспешил в Керман, а откуда отправился в Балкх. В конце концов, он остановился в Мерве, где

искал помощи у тюркских племен и даже у китайского императора. Первые поддержали его дело; и в течение нескольких лет близ Мерва с переменным успехом проходили столкновения. Но в итоге, тюрки отступили, и вместе с ними за Окс ушел Йездегерд. Противоборство впоследствии возобновилось, но Йездегерду больше никогда не удавалось восстановить свою власть; лишенный сокровищ и оставленный всеми приверженцами, напрасно увещевавшими его покориться, он дожил до воцарения Османа, при котором, как мы увидим позже, принял позорную смерть.

Персидская империя покорена.

После падения Ар-Рея арабы направили свои силы на другие персидские провинции. Некоторые из них, хотя номинально признавали власть царя, фактически оставались сами себе господами; и теперь, когда метрополии настал конец, сохраняли опасную живучесть. Шесть групп, двинувшиеся из Аль-Куфы и Аль-Басры, и постоянно пополнявшиеся новыми арабскими добровольцами, жаждущими грабежа и славы, захватили множество различных земель. Для управления в каждой из них создавалось новое правительство во главе с покорившим ее военачальником. Так, друг за другом были заняты Фарс, Керман, Макран, Сиджистан, Хорасан и Азербайджан. Правда, местные жители повсюду вскоре поднимали мятежи; и это происходило до того, как захватчикам удавалось наладить размеренную жизнь и почувствовать себя в безопасности вдали от своих твердынь с гарнизонами. Однако, привилегии, которыми пользовались мусульмане, были так велики, что приверженцы зороастризма недолго противостояли искушению: постепенно персы стали переходить в ислам, по крайней мере, на словах, и, в конце концов, сопротивление прекратилось. Упоминания о семьях, исповедующих зороастризм, и о храмах огня, разрушенных уже после завоевания, свидетельствуют, разумеется, о том, что во многих областях обращение в ислам было медленным и частичным.¹

Персы надолго становятся низшим сословием.

Однако после падения персидского трона политические и социальные императивы для принятия ислама оказались для основной массы чрезвычайно сильны. Приученные к изысканности персы образовали в мусульманском обществе новую прослойку. Все же, несмотря на утонченность и благородное происхождение, они долгое время стояли обособленно, и в целом занимали положение ниже, чем грубый, но господствующий класс арабов. Отдельные люди или семейства, представлявшие подчиненные народы, могли добиться признанного положения, только примкнув к какому-нибудь арабскому вождю или клану, в качестве «мавали» (мн. ч. от «маула»), «иждивенцев» или сторонников; и, хотя, таким образом, они становились зависимыми, но могли требовать некоторых привилегий, обещаемых господствующей религией. Тем не менее, ни в Иране, ни в какой

¹ Зороастризм продолжал исповедоваться в Персии долгое время после покорения ее арабами, собственно, вплоть до наших дней. Законы, принятые против зороастризма, не соблюдались. Чуть больше века назад у него еще было много сторонников; но в настоящее время, говорят, там сохранилось всего несколько храмов огня. Социальные и политические стимулы принятия ислама — однако, принятия сперва лишь поверхностного — хорошо описаны в «Апологии» Аль-Кинди. Обратите особое внимание на речь Аль-Мамуна, стр. 29 и 84. Многие, как бы то ни было, переехали в Индию, основав там общины парсов.

другой стране они не могли вступать в брак с арабами на равных условиях, при этом инородцы фактически рассматривались, как люди низшей касты. Таким образом, хотя теоретически, становясь мусульманами, покоренные народы имели возможность войти в «равное братство» ислама, на практике они считались более низким сословием. Для арабов приоритет их расы и языка, их преимущества в наследовании и их политические привилегии, сохранялись еще на протяжении многих поколений.

ГЛАВА XXV

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ОМАРА. СОБЫТИЯ В АРАВИИ.

17-23 г. хиджры / 638-644 г. от р. Х.

Спокойствие в Сирии, Аравии и Египте, 17-23 г. хиджры, 638-44 г. от р. Х.

В ТО ВРЕМЯ как отряды мусульман с быстротою молнии подчиняли Восток своему мечу, волна завоеваний, прокатившаяся по Сирии, приостановилась у южной границы Малой Азии. Жители этих земель получили временную передышку. После смерти Ираклия у византийцев иссяк боевой дух для продолжения борьбы, как на суше, так и на море. Время от времени предпринимались отдельные попытки на побережье, но они не могли привести к какому бы то ни было существенному успеху. Тем временем Муавия занимался объединением сирийской администрации и с благоразумной предусмотрительностью укреплял свои завоевания на случай грядущей опасности. Повсюду преобладал мир. Амр сохранял прочную власть в Египте; и, ведя непрекращающуюся войну с местными племенами и византийскими поселенцами, постепенно расширял границы ислама на запад. Арабы, все еще побуждаемые своим неутомимым духом продолжать борьбу за пределами полуострова, у себя дома были спокойны.

Омар посещает Мекку; расширяет двор Каабы.

Помимо уже упомянутых поездок в Сирию, Омар покидал свою резиденцию в Медине только для совершения ежегодного паломничества. Наместники различных провинций также посещали Мекку с этой целью; и халиф по своему обыкновению не упускал возможности переговорить с ними на обратном пути в Медину о положении дел в их землях. За несколько лет до своей смерти он провел в Мекке три недели, расширив за это время пространство вокруг Каабы. Жилища, слишком близко подобранные к священному строению, были снесены, и был сделан первый шаг в формировании огромной площади и крытой галереи таким образом, чтобы они со временем стали местом поклонения для всего человечества. Некоторые собственники отказались продать свои родовые владения; но, не смотря ни на что, их дома были снесены, а деньги, причитавшиеся им в счет компенсации, сохранены в казне. Были обновлены колонны, ограничивающие «харам» или священные окрестности города; также оборудованы удобные места для привала на стоянках паломников, за охрану которых и уход за прилегающими источниками стали отвечать местные племена.

Катастрофа в Красном море, 19 г. хиджры, 640 г. от р. Х.

На седьмой год правления Омара произошло извержение вулкана на горе рядом с Мединой. Халиф приказал раздать беднякам милостыню, это благочестивое дело сплотило народ, последовавший примеру своего властителя; «и таким образом, извержение прекратилось». В тот же год была отправлена военно-морская экспедиция через Красное море для предотвращения нападений, которым подвергались мусульмане на

абиссинском побережье. Суда потерпели крушение, и экспедиция оказалась в большой беде. Это несчастье вынудило халифа поклясться никогда больше не позволять своим войскам связываться со столь ненадежной стихией. И лишь спустя несколько лет после смерти Омара мусульмане набрались храбрости попытаться счастья в морском бою.

Могира привлечен к суду за прелюбодеяние, 17 г. хиджры, 638 г. от р. Х.

С назначениями правителей в беспокойные города Аль-Куфу и Аль-Басру Омару, в общем, не повезло. Отба, правитель Аль-Басры, умер, как мы знаем, вскоре после завершения неудачного налета на Персеполь. Решение поставить новым наместником Аль-Могиру оказалось необдуманно. С ранних лет грубый и отталкивающий от себя людей, он еще в юности оказался повинен в убийстве в Ат-Таифе, и ислам не смягчил его характера и не изменил его морали. Гарем из восьмидесяти жен и наложниц не мог удовлетворить его похотливых желаний. В Аль-Басре о похождениях правителя узнали недоброжелатели, которые, заглянув в окно, стали свидетелями его тайной любовной связи с женщиной-бедуинкой, пришедшей к нему домой. Когда он вышел после этого на люди, чтобы возглавить публичную молитву, его заставили замолчать, назвав прелюбодеем; и Омар призвал его ответить на это обвинение. Согласно любому разумному закону о доказательствах, очевидность преступления не вызывала сомнений; но по странным условиям, провозглашенным Мухаммадом после неприятностей с его любимой женой, в показаниях Зийяда, четвертого свидетеля, обнаружилось слабое место.¹ Халиф, с трудом сдерживая недовольство судебной ошибкой, приказал, чтобы свидетелей, согласно правилам, наказали плетьюми, а обвиняемого освободили. «Бей сильней! — бесстыдно кричал Аль-Могира, обращаясь к палачу, с неохотой исполнявшему наказание, — бей сильней, и успокой этим мое сердце!» «Успокойся, — сказал Омар, — нам требовалась самая малость, чтобы доказать твою вину; и тогда ты был бы побит камнями до смерти, как прелюбодей». Подсудимого заставили замолчать, но не раскаяться. Он продолжал жить в Медине, лукавый придворный при халифском пороге.

Абу Муса — правитель Басры.

Правителем Аль-Басры Омар назначил Абу Мусу, человека совсем иного сорта. Небольшого роста, с гладким лицом и неброской наружностью, он, однако же, отличился при Хонейне, и был назначен посланником Пророка. Ему не хватало силы и твердости для тех трудных времен, что были уже на подходе, но он был мудр и достаточно сообразителен, чтобы держать беспокойных бедуинов Аль-Басры под контролем. Он сам принадлежал к бедуинскому племени, и это, возможно, давало ему преимущество, в растущей теперь вражде, находиться вне клики граждан Мекки и Медины. Но, чувствуя еще потребность в их поддержке, он обратился к Омару перед отъездом: «Ты должен укрепить мою власть обществом соратников Пророка, ибо поистине они — соль среди

¹ Для обвинительного приговора, каравшегося смертью, были необходимы свидетельства четырех очевидцев; но если свидетели не могли представить неопровержимых доказательств, их самих наказывали плетьюми. («Жизнь Мухаммада», стр. 302 и далее). Поэтому обвинение при обычных обстоятельствах было практически неосуществимым. Как мы увидим дальше, Аль-Могира сохранил признательность Зийяду за его свидетельство по этому делу.

людей». Его просьба была удовлетворена, и двадцать девять прославленных мужей ислама были отправлены вместе с ним. Однако даже Абу Муса едва не лишился своего места, что характеризует правление Омара с весьма любопытной стороны. После успешной кампании против курдов, Абу Муса отправил, как обычно, посланников в Медину с отчетом о победе и халифской пятинной. Дабба, недовольный житель, которому было отказано принять участие в триумфе, сам поехал в Медину и там выдвинул обвинения против Абу Мусы, который был вызван Омаром для объяснений. После нескольких дней заточения, он встретился лицом к лицу в присутствии халифа со своим обвинителем.

Обвинен в использовании служебного положения, 23 г. хиджры, 644 г. от р. Х.

Первое обвинение заключалось в том, что взятая в поход группа юношей использовалась им в качестве прислужников. «Это верно, — отвечал Абу Муса, — они сослужили мне хорошую службу, как проводники; поэтому я заплатил за них выкуп, и теперь, будучи свободными, они служат мне». «Он говорит правду, — ответил Дабба, — но то, что я сказал, тоже правда». Вторым обвинением было то, что он имел два земельных владения. «Да, это так, — объяснял Муса, — один участок у меня для пропитания моего семейства, другой для поддержания народа». Дабба ответил, как прежде. Третьим было то, что правитель завел в своем дворе девочку и содержал ее в чрезмерной роскоши. Абу Муса ничего не ответил на это. Далее его обвинили в том, что он передал печати правления Зийяду. Абу Муса вынужден был признать это, «так как считал юношу мудрым и годным к службе». Последнее обвинение было в том, что он заплатил некоему поэту тысячу дирхемов; и это признал Абу Муса, сказав, что поступил так, дабы защитить свою репутацию от непристойных выпадов. Халиф был удовлетворен и разрешил Абу Мусе вернуться к своим полномочиям, однако пожелал, чтобы Зийяд и девочка были отправлены в Медину. Когда они прибыли в столицу, Омар, оставшись очень доволен Зийядом, и уже предчувствуя его административный талант, отправил его обратно, одобрив его участие в государственных делах; однако девочку, возможно из-за ее чрезмерного влияния, он оставил в заточении в Медине. На Даббу халиф остался очень сердит. Ведь тот по злему умыслу собирался погубить Абу Мусу односторонними обвинениями. «Искаженная правда не лучше лжи, — сказал Омар, — а ложь ведет к адскому пламени».

Саад, правитель Куфы, смещен, 21 г. хиджры, 642 г. от р. Х.

Несколько лет Аль-Куфа оставалась под управлением своего основателя Саада, покорителя Халдеи. В конце концов, к девятому году правления Омара, против него выросло большое недовольство. Ревность между бедуинами и корейшитами уже дала первые ростки; и Саад был обвинен в несправедливом дележе добычи. Его также обвиняли в недостатке боевого духа и нежелании первенствовать на поля боя — то было возрождение клеветнических нападок в духе Аль-Кадисии. Он был вызван вместе со своими обвинителями в Медину; однако главный его проступок оказался совсем иного рода, чем те, что их действительно заботили. В своем публичном служении он сократил привычные всем молитвы; и Омар счел именно этот проступок непростительным и снял его с поста. На освободившееся место, которое требовало исключительных способностей,

опыта и энергии, Омар опрометчиво назначил Аммара, гонимого раба и мученика первых дней ислама, человека непревзойденного в вере, но бесталанного, и теперь уже в преклонных годах.¹ Жители Аль-Куфы обнаружили вскоре его несостоятельность; и по их просьбе Омар перевел Абу Мусу из Аль-Басры и поставил их правителем. Но обуздать зарождавшиеся в народе распри тому оказалось не под силу. Арабы обвинили его раба в злоупотреблении своим влиянием для закупки фуража, прежде чем его перевозили по мосту; и по такому незначительному поводу после годичного правления халиф отправил Абу Мусу обратно в Аль-Басру.

Могира занимает его место.

Омар уже собирался сделать новое назначение, когда коварный Аль-Могира выведаль его планы; и, рассуждая о ста тысячах беспокойных жителей, предположил, что рассматриваемый халифом кандидат не сможет справиться с таким бременем. «Однако, — сказал Омар, — граждане Аль-Куфы настаивают, чтобы я не посылал им ни жестокого тирана, ни слабого и беспомощного фанатика веры». «Что касается слабого верующего, — отвечал Аль-Могира, — то его вера для него самого, а его слабости — твои слабости; что же до сильного тирана, то его тирания вредит ему, а вот сила его тебе на пользу». Пойманный в эту ловушку, Омар оказался достаточно слаб, чтобы назначить Аль-Могиру, несмотря на его скандальное прошлое, в правители Аль-Куфы. Со всеми своими недостатками, Аль-Могира был, несомненно, человеком сильным, который и требовался для управления таким упрямым городом; и он сохранял свое положение в течение двух оставшихся лет жизни Омара.

Абдалла Ибн Масуд.

Примерно в то же самое время Омар назначил в Аль-Куфу другого рано принявшего ислам, исключительно религиозного человека: Абдаллу Ибн Масуда. Абдалла был рабом в Мекке в первые дни ислама, подобно Аммару, и халиф доверил ему должность казначея Аль-Куфы, с которой тот прекрасно справился. Он служил у Пророка камердинером, и Мухаммад называл его человеком с «легким телом, но с весомою верою». ² Абдалла хорошо изучил Коран и имел собственное «прочтение», которого, как лучшего варианта, постоянно придерживался, отвергая все иные.

Аль-Басра получает дополнительные пожертвования.

Аль-Басра все еще испытывала зависть к своей более богатой сопернице. Армии от двух этих городов принимали участие в завоевании Хузистана и, соответственно, в дележе добычи. Но Аль-Басра со своими несметными тысячами, была сравнительно беднее; и Омар, чтобы уравнивать благоденствия всем, кто участвовал в более ранних кампаниях, приказал увеличить пособия жителям Аль-Басры за счет излишних доходов с территорий, управляемых Аль-Куфой.

Местные чиновники, гражданские, военные и религиозные.

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. 67 и далее.

² «Жизнь Мухаммада» стр. 59, 201.

В наиболее влиятельных провинциях судебные функции исполнялись чиновниками, получавшими свои полномочия, как кади непосредственно от халифа. Контроль над остальными сферами оставался за местным правителем, который в силу своего положения вел ежедневные молитвы и, главным образом, по пятницам обращался с речью, имеющей нередко важное политическое значение. Военные и налоговые функции, которые, как и прочие обязанности, были возложены сначала на правителя, постепенно перешли в руки чиновников, специально для этого назначаемых.

Государство занялось подготовкой учителей ислама. В связи со стремительностью, с которой целые народы принимали новую религию, возрастал риск возникновения отклонений, как в постулатах, так и в ритуалах у огромного множества «новых мусульман», как их называли. Чтобы предотвратить эту опасность, Омар назначил во всех провинциях учителей, которые должны были разъяснять — мужчинам и женщинам по отдельности — Коран и его требования. Также на заре своего правления он ввел, в качестве законного требования, чтобы весь народ, от мала до велика, посещал публичные молитвы, особенно по пятницам. И чтобы, особенно в месяц поста, все мусульмане постоянно собирались вместе в мечетях.

Эра хиджры, 17 г. хиджры

Общеизвестно, что Омару принадлежат не только заслуги учреждения «дивана» или казначейства и систематизации распределения средств, но также и установления арабийского летоисчисления. Он начал отсчет времени с новой луны первого месяца (мухаррама) в год, когда Пророк бежал из Мекки. Поэтому магометанское летоисчисление называется «хиджра», иногда пишут «хеджира», или «эра от побега».¹

Общественная и домашняя жизнь в упадке.

Мы не располагаем достаточным материалом для детальной оценки состояния магометанского общества того периода. Постоянное участие в битвах, несомненно, в определенной степени должно было препятствовать разлагающему воздействию, которое во времена передышек от войн и роскоши нарушало уклад и чистоту жизни бедуинов. Однако существует много свидетельств того, что ценности отношений между полами уже начали утрачиваться. Пагубное влияние полигамии, разводов и института наложничества усугублялось раздачей или продажей большого количества пленниц среди солдат и народа в целом. Жена благородной крови согласно старинным обычаям бедуинской знати занимала почетное и главенствующее место в домашней жизни, которого она не могла лишиться из-за соперницы более низкого происхождения, какой бы красивой и плодovitой та ни была. Теперь же она оценивалась мужем, всего лишь как одна из многих. Наложница, рожавшая детей, сразу же как «ум велед»² становилась свободной; и

¹ Календарь уже был строго лунный, как было объявлено Пророком в последнем паломничестве. Но «эра» и, соответственно, летоисчисление, были введены только теперь. Лунный календарь на одиннадцать дней короче солнечного, и поэтому теряет по три года каждые сто лет. Удобство лунного календаря в том, что по определенной дате можно определить возраст луны; однако его серьезным недостатком является то, что он не связан с временами года.

² то есть, «мать ребенка».

по закону ее потомство имело равные права с детьми от свободных жен знатного происхождения. Красота и нежные уговоры, таким образом, нередко затмевали благородство и породу, и сиюминутная фаворитка вытесняла свою знатную госпожу.

История Лейлы.

От непристойного сластолюбца, наслаждающегося, подобно Аль-Могире, гаремом, полным греческих и персидских рабынь, такого можно было ожидать. Но таким было положение и в домах многих более благовоспитанных арабов, имеющих добрую славу. Некая дама, похищенная, возможно, из знатной семьи, одаренная очарованием и благами изысканной жизни, могла пленить своего господина, и на время приобрести высшую власть. История Лейлы служит примером. Эта красивая гассанидская принцесса была выкуплена Халидом в Думе из числа общих трофеев. Слава о ее очаровании достигла Медины, и разожгла романтический огонь в груди Абд Ар-Рахмана, сына Абу Бекра. Несчастный влюбленный не переставал воспевать хвалу своей возлюбленной и свои собственные страдания в стихах, дошедших до наших времен. Наконец, он стал ее господином, и она была отправлена из войскового стана к нему домой. Он сразу же сделал ее своей женой. Его любовь была так велика, что, бросив всех остальных, он проводил время с нею одной, пока не угасла ее красота. Она была царицей его дома. Через какое-то время она заболела и стала чахнуть. Красота поблекла, а с нею и любовь ее господина: пришла ее очередь быть оставленной. Его друзья говорили ему: «Зачем держать ее такой, брошенной и забытой? Отправь ее домой, обратно к своему народу». Он так и поступил. Судьба Лейлы была счастливее большинства других женщин. Пресытившись своей игрушкой, если она оставалась еще молодой и привлекательной, хозяин мог продать ее другому для забавы. Или же, если болезнь или годы источили ее красоту, он предоставлял ей унылый жребий несчастной, утомленной домашней рабыни, без надежды на будущее.

Употребление вина.

На падение нравов указывают частые упоминания о случаях пьянства. Немало примеров, когда даже правителей снимали по этой причине. Омар был непреклонен, строго налагая следующие по закону наказания. Взыскивая за распитие вина, он не делал скидок ни на какие звания, будь то его собственный сын или его боевые соратники. В Дамаске скандал вырос до таких размеров, что Абу Обейде пришлось привлечь за это нарушение группу граждан во главе с прославленным героем Дираром. Не решаясь исполнить закон, он умолял Омара простить раскаявшихся преступников. Пришел гневный ответ. «Созови собрание, — писал Омар кратким слогом, характерным для раннего периода его правления, — и приведи их туда. Затем спроси: “Вино разрешено или запрещено?” Если они признают, что **запрещено**, дай по восемьдесят ударов каждому; если же скажут, что **разрешено**, пусть им всем отрубят головы».

Влияние наложничества на семью.

Пристрастие к вину, возможно, могло остаться лишь напоминанием о днях, когда поэт пел эту песнь: «Как умру, похороните среди лозы корней...» Но обширные пополнения

гаремов мусульман за счет греческих, персидских и египетских пленниц, повлияли на семейный уклад и привели к неожиданным результатам. Иудейки и христианки могли оставаться в своей прежней вере, будучи как наложницами, так и женами своих новых хозяев. Со своей наследственной верой они, несомненно, сохранили и многие обычаи своего отечества; то же самое можно сказать и о рабынях-язычницах или парсах-огнепоклонницах, даже когда они номинально принимали ислам. Бесчисленные дети от таких союзов, внешне обученные принципам и обычаям ислама, должно быть во многом переняли от матерей, их вынянчивших и воспитавших, образ жизни и национальные черты. Переполненный гарем, с его институтом наложничества также служил дурной школой для подрастающего поколения. Богатство, роскошь и праздность в таких обстоятельствах также часто провоцировали всякие вольности и потворствовали похоти, и слишком часто приводили к несдержанности и распущенности.

Усиление падения нравов.

Ведь за исключением войн и раздоров жизнь мусульман была праздной и бездеятельной. Мало что могло удержать их от еле прикрытого ханжеством сладострастия. Часы, проведенные вне гарема, делились между скучными беседами в городских собраниях и молитвами в мечети по пяти раз на дню. Женщины теперь появлялись на людях, порхая под скрывающими их очертания покрывалами. Блеск и изящество, очарование и изысканность, до той поры свойственные арабскому обществу, теперь оставили его; мягкость, живость и теплота характера, так прекрасно воспеты в древней арабской песне, были охлаждены и изгнаны прочь. Азартные игры и прочие увеселения запрещались; даже ростовщичество денег под процент отныне не допускалось. Само собой, жизнь мусульманина проходила в изоляции; мужчины за пределами гарема уже не испытывали на себе благотворное влияние нежного пола. Жизнь общества постепенно принимала все более мрачный, унылый и тоскливый вид. Но природу человека невозможно обузывать вечно; в конце концов, возникает обратный эффект; и, сбрасывая искусственно навязанные цепи, человеческое естество нередко вырывается за границы религиозных убеждений. Беззаботные мусульманские юноши, пресытившись однообразными наслаждениями в замкнутом пространстве гарема, стали пренебрегать религиозными запретами вне дома, и, впадая в искушение, искали в вине, музыке, играх, и разгуле тех утех, что требовались для беспечного и молодого сердца. В больших городах воцарились разврат и вседозволенность. Распространение этой язвы часто усугублялось ее утаиванием. Более уравновешенных людей возмущали не только развлечения, излишества и чувственные наслаждения, которым предавалась молодежь, но даже такое распутство, о котором здесь стыдно поведать. Полностью развиться этим порокам предстояло позднее, но их плевелы уже были посеяны при строгом режиме Омара.¹

Простота домашней жизни Омара.

Пока что такие излишества преобладали только в иноземных провинциях. Дома халифам, подкрепленным освященной близостью Медины, удавалось сохранять простоту древней арабской жизни. Строгая простота, разумеется, не исключала (как в случае самого

¹ Изображение этих бесстыдных пороков, получивших распространение в Дамаске и Багдаде, вы можете найти в подробном научном труде Г. фон Кремера, *Culturgeschichte des Orients unter dem Chalifen*.

Мухаммада) удовольствий гарема. Но даже в этом отношении первые три халифа, исходя из мусульманских стандартов, были умеренны и сдержанны. Омар, говорят, не имел страсти к противоположному полу. Еще до хиджры у него было четыре жены, две из которых, не пожелав оставить Мекку, разошлись с ним. В Медине он вступил в брак еще с пятью женщинами, с одной из которых, однако, разошелся. В последний раз он женился на восьмом году своего халифата, примерно в шестидесятилетнем возрасте. За три года до этого он вступил в брак с внучкой Пророка, при обстоятельствах, проливающих свет на забавные стороны его домашней жизни. Ему понравилась Ум Кульсум, первая дочь Абу Бекра и сестра Аиши, через которую он и устроил помолвку. Но Аиша обнаружила, что легкомысленная девица не горит желанием выйти замуж за старого халифа. Попав в затруднительное положение, она обратилась за помощью к мудрому Амру, который с готовностью взялся расстроить эту свадьбу. Он поведал обо всем Омару, который решил, что Амр сам хочет жениться на этой девушке. «Нет, — возразил Амр, — мне этого не надо; однако девушка воспитывалась в семье своего отца Абу Бекра с нежностью, и я боюсь, что ей нелегко будет терпеть твои жесткие манеры и строгость твоего дома». «Но, — продолжал Омар, — я ведь уже пообещал жениться на ней; как я могу отменить помолвку?» «Предоставь это мне, — сказал Амр, — действительно, твой долг заботиться о семье Абу Бекра, но сердце этой девушки не принадлежит тебе. Оставь ее в покое, и я найду тебе другую ум кульсум, еще лучше этой — вот, хотя бы дочь Али и Фатимы». Таким образом, Омар взял в жены ту другую девушку, которая подарила ему сына и дочь.

Смерть многих известных людей.

Многие из знакомых нам лиц к этому времени уже покинули сей мир: Фатима, дочь Мухаммада, Сафия, его тетья, Зейнаб, одна из его жен, и Мария, наложница-коптянка; Абу Обейда, Халид и муэдзин Билаль. И многие другие, также игравшие заметную роль в жизни Пророка, сходили со сцены, и новое поколение постепенно занимало их место.

Абу Суффьян и Хинд.

Абу Суффьян дожил до 32 г. хиджры и умер в возрасте восьмидесяти восьми лет. Один глаз он потерял при осаде Ат-Таифа, другого лишился в битве при Ярмуке, так что он уже давно был слепым. Он развелся с Хинд, матерью Муавии — той, что «жевала печень» Хамзы в битве при Оходе.¹ О причине развода ничего не упоминается.

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. 263.

ГЛАВА XXVI

СМЕРТЬ ОМАРА.

23 г. хиджры / 644 г. от р. Х.

Последнее паломничество Омара, 23 г. хиджры, окт. 644 г. от р. Х.

УЖЕ шел одиннадцатый год халифата Омара, и хотя ему было около шестидесяти лет, он оставался полон энергии и сохранял аккуратность в исполнении множества лежащих на нем обязанностей. В последнем месяце года он посетил по своему обыкновению Мекку; и, взяв в свою свиту вдов Мухаммада, совершил с ними все ритуалы ежегодного паломничества. Не успел Омар вернуться в Медину, как, спустя всего лишь несколько дней, его правление трагически и безвременно закончилось.

Абу Лулуа, раб, обещает сделать ему ветряную мельницу.

Персидский невольник, Абу Лулуа, был приведен Аль-Могирой из Аль-Ирака. Попавший еще в своей юности в кандалы к византийцами, он рано принял христианство; и теперь, захваченному мусульманами, ему пришлось пережить повторное пленение и стать рабом Аль-Могире. Когда вереница пленников направлялась в Медину после битвы при Нехавенде, говорят, они проходили родными местами Абу Лулуа. При виде знакомого пейзажа сердце его нахлынула так долго подавляемая тоска; и, поглаживая склоненные головки малышей, он простонал: «Воистину, Омар поглотил все мои внутренности!» Он работал плотником, и хозяин делился с ним прибылью. Завидя посетившего рынок рабов Омара, он воскликнул: «Владыка правоверных! очисти меня от моих проступков, ибо, истинно, Аль-Могира оценил меня чересчур жестоко!» «Во сколько же?» — спросил халиф. «В два дирхема за день». «А чем ты занимаешься?» «Я плотник и работник по железу», — отвечал невольник. «Не очень большая цена, — заметил Омар, — для такого умного умельца, как ты. Мне говорили, что ты смог бы сделать мне мельницу, движимую ветром». «Это правда». «Тогда ступай, — сказал халиф, — и сделай мне такую мельницу, чтоб могла работать от ветра». «Если мне суждено еще немного прожить, — отвечал невольник угрюмо, — Я сделаю для тебя такую мельницу, что слава ее разнесется от востока до запада!» — и пошел своим путем. Омар на ходу задумался над строптивым ответом Абу Лулуа: «Э-э, этот раб только что угрожал мне».¹

Омар смертельно ранен им.

На следующий день, когда народ собрался в мечети для утренней службы, Абу Лулуа смешался с первыми рядами молящихся. Вошел Омар и, как обычно, встал впереди собрания, спиной к толпе. Как только халиф открыл молитву словами «Аллаху акбар», Абу Лулуа бросился на него, и острым клинком нанес шесть ударов по различным частям тела. Затем он в дикой ярости кинулся на окружающих, убивая одних и нанося раны

¹ Так Родерик, последний готский король, попросил своего вассала Юлиана, правителя Сеуты, которого он глубоко обидел, послать ему особого вида сокола, и последний ответил, что пошлет ему самых лучших, каких он когда-либо посылал — имея в виду арабов. Родерик, как бы то ни было, угрозы не понял.

другим, и, в конце концов, заколол себя насмерть. Упавшего на землю Омара отнесли в прилегающий ко двору дом, где он ясно дал понять, что желает, чтобы Абд Ар-Рахман продолжал службу. По окончании молитвы, халиф призвал его к своей постели и поведал о своем намерении рекомендовать в качестве преемника. «Следует ли это рассматривать как повеление?» — поинтересовался Абд Ар-Рахман. «Нет, клянусь Господом! — воскликнул Омар, — ты свободен». «В таком случае, — ответил тот, — я ни за что не приму этого бремени». «Тогда закрой мою рану, — сказал умирающий халиф (ибо жизненные силы уходили из-за глубокого ранения ниже пупка), — и подожди, пока я назову тебе тех, кто сохранил верность своему Пророку, и кем Пророк оставался доволен».

Назначение выборщиков для определения нового халифа.

Итак, он назвал вдобавок к Абд Ар-Рахману еще четырех: Али, Османа, Аз-Зубейра и Саада, главнейших среди соратников Пророка, чтобы они избрали ему преемника, и велел позвать их к своему ложу. Когда они пришли, он сказал: «Подождите вашего брата Талху (которого не было в тот момент в Медине) три дня; если он прибудет, возьмите его шестым; если нет, решайте без него». Затем, обратившись к каждому по очереди, он предупредил их об ответственности, которая возложена теперь на них, и предостерег их от пристрастности к своему собственному клану или семье. «О, Али, если выбор падет на тебя, не превозноси дом Хашима выше других собратьев. И ты, Осман, если выберут тебя, или тебя, Саад, остерегайтесь, чтобы ваши родственники не притесняли народ. Встаньте, идите, подумайте, а затем решайте. Тем временем, Сохейб пусть ведет молитвы». Когда они удалились, он позвал прославленного воина Абу Талху, сказав ему: «Иди, стань перед дверями, и никого не пускай». После паузы он торжественно обратился к стоявшим рядом: «Передайте тому, кто будет моим преемником, как мою последнюю волю, чтобы он был добр к жителям города, который дал приют нам и нашей вере; чтобы он воздавал должное их достоинствам и был снисходителен к их ошибкам. Пожелайте ему хорошо обращаться с арабскими племенами; истинно, они основа ислама; десятину, которую он получит от них, пусть отдает обратно для поддержания их бедноты. Что касается иудеев и христиан, пусть он верно блюдет с ними договор Пророка. О, Господь, я завершил мой путь. И теперь оставляю тому, кто грядет за мной, царство, прочно утвержденным и пребывающим в покое». Затем он тихо опустил на ложе, чтобы отдохнуть какое-то время.

Желает, чтобы его похоронили рядом с Пророком.

Немного погодя он попросил своего сына Абдаллу пойти и посмотреть, кто это ранил его. Узнав, что это был Абу Лулуа, халиф воскликнул: «Слава Господу, что это был не один из тех, кто хоть раз склонялся перед Ним в молитве! Теперь Абдалла, сын мой, иди к Аише и спроси ее, не позволит ли она, чтобы меня погребли в ее покоях рядом с Пророком и Абу Бекром. Если она откажет, тогда пусть похоронят меня, как и других мусульман, на земле для погребения Аль-Баки.¹ И внеси в список себя, Абдалла, если выборщики будут спорить (чтобы иметь решающий голос), и будь с большинством; или, если голоса разделятся поровну, возьми ту сторону, на чьей окажется мнение Абд Ар-Рахмана.

¹ Об этой земле для погребения за пределами города, см. «Жизнь Мухаммада», стр. 199.

Теперь позволь людям войти». Люди, столпившиеся у дверей, получив разрешение, стали подходить, чтобы выразить свое почтение. Когда они входили и выходили, Омар интересовался, участвовал ли кто-нибудь из знатных мужей в заговоре с Абу Лулуа против него. «Не приведи Господь!» — громко отвечали ему, ужасаясь от такой мысли.

Смерть Омара, 26 хii. 23 г. хиджры, ноябрь 644 г. от р. Х.

Среди прочих вошел Али с вопросом; когда он присел у постели халифа, подошел и сын Аль-Аббаса. Омар, опасавшийся склонности последнего к раздорам, спросил: «О, Ибн Аль-Аббас, со мною ли ты в этом деле?» Тот отвечал утвердительно, после чего Омар добавил серьезно: «Смотри, чтобы ты не обманул меня, ты и твои друзья. Теперь, Абдалла, сын мой, подними мою голову с подушки и опусти ее осторожно на землю; возможно Господь по милости Своей заберет меня в эту ночь, ибо я страшусь ужасов восходящего солнца». Лекарь дал ему напиток финиковой воды, но она вытекла из раны, не изменив цвета, то же повторилось и с глотком молока. Увидев это, лекарь произнес: «Полагаю, эта рана смертельна; самое время тебе подумать о завещании, о, повелитель правоверных». «Я уже сделал его», — промолвил Омар. Лежа, склонив голову на грудь своего сына, он продекламировал следующее двустишие:

«Как тяжело бы душе пришлось, когда б я мусульманином не стал;
А так я, как велел Господь, посты все и молитвы соблюдал».

Достижения его халифата.

И так, тихим голосом он продолжал повторять имя Господа и мусульманское кредо, пока не испустил дух. Его правление длилось десять с половиной лет.

Решительный, мудрый и простой.

Так умер Омар, величайший после Пророка в царствовании ислама; ибо во время его десятилетнего халифата, благодаря мудрости, терпению и решительности этого вождя были покорены Сирия, Египет и Персия. Абу Бекр разбил племена отступников; но ко времени его смерти армии ислама лишь перешли сирийскую границу. Омар воцарился на троне, будучи властителем одной лишь Аравии. Он умер халифом империи, включавшей и лучшие из провинций Византии, и всю Персию под каблуком арабов. Кроме того, не смотря на такую восхитительную удачливость, он всегда сохранял мудрость и здравость суждений и придерживался умеренных привычек подлинно арабского вождя. «Где же халиф?» — бывало, спрашивал гость, осматривая двор мединской мечети, в то время как монарх мог сидеть в простой домашней одежде прямо перед ним.

Характер.

Для описания жизни Омара достаточно всего нескольких штрихов. Простота и чувство долга были его основными чертами, беспристрастность и верность долгу — основными принципами, которыми он руководствовался в своем правлении. Ответственность так давила на него, что люди слышали, как халиф восклицал: «О, чтобы моей матери не

родить меня! лучше бы мне быть простою травинкою вместо этого!» На заре своей юности он выделялся вспыльчивым и раздражительным нравом, даже и в более поздние дни Пророка он отличался, как непримиримый сторонник мести. Всегда готовый обнажить свой меч, именно Омар посоветовал убить всех пленников, захваченных при Бедре. Но возраст, так же как и занимаемый пост, со временем смягчили его жестокий характер. Чувство справедливости у Омара было весьма развито. За исключением Халида, которого он, по некоторым свидетельствам, изводил мелочными обидами, никаких проявлений тирании или несправедливости за ним не было замечено; даже и в этом вопросе, неприязнь Омара возникла из-за недостойного поведения Халида по отношению к поверженному врагу. Его выбор заместителей и правителей был лишен лицепрятия и (за исключением Аль-Могиры и Аммара) исключительно удачен. Разные племена и народы арабского государства, представлявшие самые различные интересы, обрели покой в его полной и безоговорочной уверенности, и сильная рука халифа поддерживала законный порядок повсюду. Определенные слабости можно обнаружить в тенденции менять правителей в раздираемых враждою городах Аль-Куфе и Аль-Басре. Однако даже там, как и повсюду, соперничающая ревность бедуинов и корейшитов удерживалась им под контролем, и не осмеливалась нарушать покой ислама вплоть до смерти Омара. Наиболее прославленных из числа соратников Пророка он держал в Медине, отчасти, несомненно, для того, чтобы иметь достойных советников под рукою; а отчасти (как сам он говорил), из-за нежелания унижить их достоинство поручением исполнять должности, ниже его собственной. Он взял в привычку гулять по улицам и рынкам Медины с хлыстом в руке, готовый наказать нарушителей порядка на месте. Отсюда пошла поговорка: «Хлыст Омара пострашнее, чем меч у иного в руке». Однако, при всем этом, он оставался мягкосердечным, и можно припомнить множество подлинно милосердных поступков: например, помощь вдове и сиротам.¹

Первый «Повелитель правоверных».

Омар стал первым, принявшим титул «эмир аль-муминин», «повелитель правоверных». «Халиф (заместитель, наследник) халифа (Абу Бекра) Пророка Господа — такое название слишком длинно, да и трудно выговорить, — говорил он, — а это название проще и больше подходит для повседневного обращения».

Погребение.

Согласно его желанию, Омар был похоронен рядом с Пророком и Абу Бекром, в палатах Аиши. Сохейб, предводительствовавший на общей молитве, выполнил погребальную службу, и пять человек, из числа которых должен был быть выбран новый халиф, вкупе с сыном Омара, опустили тело в место последнего упокоения.

Мрачные перспективы.

¹ Так, путешествуя по Аравии во время голода, проходя мимо бедной женщины и ее голодных плачущих детей, сидящих возле огня, на котором стоял пустой котелок, Омар поспешил в соседнюю деревню, достал хлеба и мяса, наполнил котелок, приготовил обильное кушанье, и оставил крошек, смеющимися и играющими. Подобные примеры честного исполнения Омаром своих обязанностей приведены в Табл. i. 2752 и далее.

Историкам-мусульманам впору вздохнуть, прощаясь на страницах своих трудов с сильным, решительным и прямодушным халифом. Волей-неволей, им приходится переходить к истории бурных лет правления его слабого и эгоистичного преемника.

ГЛАВА XXVII

ИЗБРАНИЕ ОСМАНА.

Зуль-хиджра, 23 г. хиджры — мухаррам, 24 г. хиджры / ноябрь, 644 г. от р. Х.

Выборщики, xii. 23 г. хиджры, ноябрь 644 г. от р. Х.

ВИДИМО, нет смысла обсуждать, какие приготовления мог бы сделать Омар относительно выборов своего преемника, не настигни смерть халифа так внезапно. Однако же, по всей вероятности, он мог бы сделать более определенный выбор. Мы знаем, что его заботила угроза разделения, нависшая над миром ислама. Несдерживаемая ничем заносчивость арабских племен Аль-Куфы и Аль-Басры, подогреваемая воинской славой и награбленным добром, уже представляла собою постоянно растущую опасность. С другой стороны, семейные раздоры в среде самих корейшитов стали ослаблять ярмо, в котором они держали остальной народ. Совершенно очевидно, что, за исключением Абд Ар-Рахмана, Омар ни в ком не видел достаточной власти и авторитета, чтобы удержать бразды правления в руках; ни в ком, по крайней мере, не было явных задатков безоговорочного лидера. Опять же, порядок выборов или назначения халифа в исламе еще не был определен. Абу Бекр назначил Омара своим преемником на смертном одре; но существовал и более значимый прецедент с самим Мухаммадом, который просто велел Абу Бекру вести молитву, что было довольно двусмысленным. Если бы оставался жив Абу Обейда, Омар, вероятно, выбрал бы его. Но тот уже умер, а Абд Ар-Рахман не желал поста властителя. Халиф, ослабевший от раны, нанесенной клинком убийцы, оказался не готов для принятия такого серьезного и безотлагательного решения. Итак, слагая с себя ответственность, он счел целесообразным назначить наиболее авторитетных соратников Пророка, чтобы те сами выбрали между собою нового халифа.

Их положение и характеры.

Омар без сомнения надеялся, что его преемник, избранный таким способом, сможет рассчитывать на безоговорочную поддержку тех, кто его выбирал. Но он не учел непостоянства человеческой натуры; эгоизм оказался сильнее лояльности. Единственным настоящим патриотом среди всех оставался Абд Ар-Рахман. Ни Талха, ни Аз-Зубейр, ни Саад не имели никаких особых оснований помогать поста халифа. Аз-Зубейр, конечно, был близким родственником Пророка. Саад, также, приходился племянником матери Мухаммада; но смещение из Аль-Куфы не могло не повредить его былой славе покорителя Аль-Медайна. Али был немного их моложе, зато мог больше всех гордиться своим родством с Пророком, поскольку он являлся одновременно и сыном дяди Мухаммада, и овдовевшим супругом дочери Пророка Фатимы, и отцом единственных выживших внуков основателя ислама. Из-за своего спокойного характера он при дворе халифа пребывал пассивным; но, обладая способностью глубоко мыслить и быстро соображать, всегда выделялся на совещаниях у Омара. В отсутствие другого явного лидера его достоинства не могли долее оставаться незамеченными, да и сам он, обладая достаточной решимостью, вполне мог заявить о своей кандидатуре. Единственным реальным соперником для него был Осман. Прожитые годы лежали на его плечах тяжелой

ношей: Осману было уже под семьдесят. Обладая привлекательной внешностью и манерой держаться, он быстро удостоился руки Рокейи, дочери Пророка. Вскоре после ее смерти он женился на ее сестре, Ум Кульсум; а когда и та скончалась, Мухаммад стал говорить, что Осман ему так дорог, что, будь у него еще одна дочь, он бы и ее отдал за Османа. Однако в характере у Османа был очень важный изъян. Замкнутость и нежелание рисковать собой сделали Османа слабовольным и уступчивым. Из всех претендентов Осман, вероятно, менее других был способен справиться с неуправляемыми смутьянами, начавшими исподволь подтачивать империю ислама.

Тайное совещание.

Назначенные Омаром выборщики уединились. Между ними разгорелась серьезная дискуссия. Спор был громким и весьма жарким. Омар, услышав их крики, вынужден был даже просить их подождать до его кончины. После похорон Аль-Микдад, пожилой житель Медины, назначенный скончавшимся халифом ответственным за проведение всей церемонии, пригласил выборщиков в палаты казначейства, рядом с домом Аиши. Абу Талха со стражею должен был следить за входом. Омар велел не откладывать с выбором дольше трех дней: имя его преемника должно было быть оглашено народу не позднее четвертого дня. Важность этой спешки халиф подчеркнул приказом обезглавить меньшинство на месте, если оно будет противиться принятому решению. Выборщики, собравшись заново, продолжали настаивать на своих собственных кандидатурах, и два дня прошли в бесполезных пререканиях. Абд Ар-Рахман провел ночь в разговорах с ведущими гражданами Медины и военачальниками из провинций (которые, прибыв ранее для участия в паломничестве, до сих пор оставались в городе). Он прошупывал их мнения. На третий день Абу Талха предупредил выборщиков, что не допустит дальнейших проволочек: к утру им следует принять какое-то решение. Чтобы привести других в чувство, Абд Ар-Рахман сказал, что снимет свою собственную кандидатуру, если другие согласятся, чтобы он стал судьей между ними. Все согласились, но Али, вначале хранивший молчание, в последний момент заявил: «Эй! Дай-ка мне сперва свое слово, что не будешь смотреть ни на дружбу, ни на родство, но будешь судить правильно, для блага народа». «А я, — подхватил Абд Ар-Рахман, — прошу тебя пообещать мне, что ты согласишься с моим выбором и будешь против тех, кто будет противиться». Али согласился, и теперь судьба халифата оказалась в руках Абд Ар-Рахмана.

Третьй суд Абд Ар-Рахмана.

В ту ночь Абд Ар-Рахман, уединявшийся по очереди с каждым из выборщиков, не сомкнул глаз. В лице Али и Османа крайне обострилось соперничество между домами Хашима и Умейи; голоса среди выборщиков разделялись практически поровну. Аз-Зубейр склонялся к кандидатуре Али; как голосовал Саад, мы не знаем. Талха еще не приехал. Абд Ар-Рахман вел долгие переговоры по отдельности и с Али, и с Османом. Каждый настаивал на своих правах; но оба они соглашались, что только другой достоин рассматриваться в качестве альтернативы. Утро застало их при таком раскладе; но теперь настала пора принять окончательное решение.

Двор мечети был переполнен собравшимися для утренней молитвы мусульманами, которые давно уже сгорали от нетерпения. Абд Ар-Рахман обратился к народу с такими словами: «Люди считают, что правители, вожди и военачальники из зааравийских земель должны безотлагательно возвратиться по своим местам. Так посоветуйте мне, какой сделать выбор!» Аммар, бывший правитель Аль-Куфы, крикнул: «Если твое желание, чтоб не было у нас разделений, приветствуй Али халифом!» Аль-Микдад поддержал его. «Ну, нет! — закричал Ибн Аби Сарх, — если не хочешь у нас разделений, приветствуй халифом Османа!» К нему присоединился Абу Рабиа. Аммар презрительно посмотрел на Ибн Аби Сарха, но тот, платя тою же монетою, отвечал с издевкой: «Ради Бога, Аммар, с каких это пор ты берешься советовать мусульманам, как им поступать?! Пускай Бени Хашим и Бени Умейя говорят сами за себя!»

Выбран Осман.

Но заставить Аммара замолчать было невозможно. В этот момент кто-то крикнул ему: «Ты переходишь все границы, ты, сын Сумейи! Кто ты такой, чтобы сметь советовать что-либо корейшитам?»¹ Саад, видя, какие страсти разгорелись, сказал Абд Ар-Рахману: «Кончай скорее это дело, пока не вспыхнуло пламя междоусобицы!» «Замолчите, вы, люди! — возвысил голос Абд Ар-Рахман, — Молчите, пока не навлекли беды на самих себя. Решение этого вопроса остается за мной». С этими словами он попросил выйти вперед Али. «Связываешь ли ты себя заветом Господа поступать во всем, согласно Господней Книге, примеру Пророка и примерам его преемников?» «Надеюсь, — отвечал Али, — что буду так поступать; я буду действовать наилучшим образом, насколько мне позволят мои знания и способности». Абд Ар-Рахман задал тот же вопрос Осману, который отвечал безусловным «да, буду». Затем, то ли неудовлетворенный неуверенным ответом Али, то ли уже заранее будучи настроен против него, Абд Ар-Рахман поднял свое лицо к небу и, взяв Османа за руку, громко взмолился: «О, Господи, выслушай меня и будь мне Свидетелем!

1 мухаррама 24 г. хиджры, 7 ноября, 644 г. от р. Х.

Воистину, тяжкая ноша легла мне на шею, и эту ношу я кладу на шею Османа». Сказав это, он приветствовал Османа, как халифа, и весь народ последовал его примеру.

Вступительная речь.

Это был первый день нового года, двадцать четвертого года хиджры. После двух-трех дней непрерывных поздравлений от народа, Осман вышел на кафедру и сказал краткую речь. «Первая попытка, — сказал он, — всегда трудна, ибо я не привык выступать на людях. Но в будущем моим долгом будет обращаться к вам, и Господь научит меня, как это делать».

Несогласие сторонников Али.

¹ Чтобы понять скрытые здесь намеки, следует вспомнить, что Ибн Аби Сарх был сводным братом Османа. Репутация у него была плохая, как мы убедимся далее. Аммар же был сыном наложницы-рабыни по имени Сумейя.

Хотя Али, подобно прочим, принес клятву на верность новому халифу, его сторонники были крайне разочарованы, да и сам он с досадою укорял Абд Ар-Рахмана, что тот хочет взять власть над домом Пророка и над всем братством мусульман. «Смотри, — пророчески предупредил его Абд Ар-Рахман, — остерегайся, чтобы твои слова не обратились против тебя же, как бы потом не пришлось тебе в них раскаиваться». Али отошел от него со словами Иакова на устах: «Воистину, я весь состою из терпения! Да поможет мне Господь против того, что вы затеваете!»¹ [Вариант Крачковского неудачен: «Но — терпение прекрасное... У Аллаха надо искать помощи в том, что вы расписываете» — прим. перев.].

Вскоре вслед за этим в Медину наконец-то возвратился Талха. Осман рассказал ему, что произошло, и, поскольку голос отсутствовавшего мог оказаться решающим, сказал Талхе, что, если тот несогласен с выбором, то он готов тут же сложить с себя полномочия халифа. Но, услышав, что весь народ доволен итогами выборов, Талха также присягнул на верность Осману.

Выбор катастрофичен для ислама.

Выбор, сделанный Абд Ар-Рахманом, посеял семена, от которых суждено было взойти весьма горьким для ислама росткам. Он привел к междоусобице, принесшей в мир мусульман реки крови и угрожавшей самому существованию их религии. Она до сих пор разделяет правоверных, загоняя их в озлобленные секты, откуда нет выхода. Но Абд Ар-Рахман вряд ли мог предугадать ту легкомысленную политику слабого и безответственного Османа, что медленно, но верно приведет к таким плачевным итогам. У нас нет оснований считать, что, выполняя свои функции третейского судьи, Абд Ар-Рахман действовал из каких-то иных интересов, чем верность исламу. Как он считал, он действовал из лучших побуждений.²

Убийство Хормузана и дело сына Омара.

Восшествию Османа на престол последовал неприятный случай. Некто сказал Абдалле (или Обейдалле), сыну умершего халифа, что незадолго до этого Абу Лулуа видели в беседе с глазу на глаз с Аль-Хормузаном, персидским князем, и с рабом-христианином, принадлежащим Сааду. Якобы, когда их вспугнули, они немедленно разошлись, уронив такой же в точности кинжал, которым убийца впоследствии ранил Омара. Без раздумий поверив в заговор, взбешенный Обейдалла обнажил свой меч и помчался отомстить за смерть своего отца. Он уложил обоих: и князя, и раба. Саад, оскорбленный убийством

¹ Сура хii 18.

² Возложенную на него задачу он выполнил без тени себялюбия, как настоящий патриот. Денно и ночью обсуждая все чувства двух лидеров, он сделал все возможное, чтобы примирить имевшиеся между выборщиками разногласия. Нелегко обнаружить причину, повлиявшую на его окончательный выбор в пользу Османа. Предания Аббасидов приписывают роковую роль излишней щепетильности Али, посовестившемуся более решительно поклясться в верности традициям Абу Бекра и Омара. Дескать, Корану и примеру Мухаммада он бы следовал неукоснительно, а что касается двух первых халифов — только, если сам одобрил бы их поведение. По смыслу текста преданий, рассказывающих, как Абд Ар-Рахман спросил сначала Али, а затем Османа, и как они отвечали ему, я не нахожу достаточных оснований для такого вывода. Эта идея, похоже, была сфабрикована Аббасидами значительно позднее.

своего раба, схватил Обейдаллу, замаранного в крови своих жертв, и представил его перед халифом, как убийцу правоверного (ибо Аль-Хормузан исповедовал мусульманскую религию). На созванном совещании выяснилось, что нет ни тени доказательства, ни намек на существовавший заговор, или хотя бы на его предположение. Али настаивал, что, в соответствии с законом, «Обейдалла должен быть предан смерти, как убивший правоверного без надлежащей причины». Остальных шокировало его предложение: «Лишь вчера повелитель правоверных испустил последний вздох, а сегодня ты готов лишить жизни его сына!» Тронутый их мольбою, Осман посчитал достаточным возмещением за пролитую кровь денежный выкуп, да и тот он заплатил сам. Да, некоторых это взволновало, раздавались возгласы, что халиф отходит от строгой буквы закона. Поэт Ибн Лебид едкой сатирой высмеял как убийцу, так и халифа, позволившего тому избежать наказания. Но его скоро заставили замолчать. Дело это заглохло, и у нас нет причин считать, что решение Османа не было одобрено большинством.

Осман увеличивает пособия.

Одним из первых действий Османа стало увеличение размеров пособий всем вождям и влиятельным людям, посредством прибавки каждому по сотне дирхемов. Этот поступок, несомненно, добавил ему популярности, но одновременно и открыл новой администрации дорогу к расточительству.

ГЛАВА XXVIII

ХАЛИФАТ ОСМАНА. ОБЩИЙ ОБЗОР.

24-35 г. хиджры / 644-656 г. от р. Х.

Причины непопулярности Османа.

ПРАВЛЕНИЕ Османа длилось двадцать лет. Обычно считается, что первые шесть он пользовался популярностью, а в последние шесть все было наоборот. Другими словами, удача отвернулась от него в последние годы, недовольство Османом переросло в открытое подстрекательство к бунту, и, в конце концов, на голову пожилого халифа обрушилась буря накипевшего у всех гнева. В какой-то степени это правда; однако, на самом деле, причины непопулярности Османа зародились с самого начала его халифата. Природа их, как уже говорилось ранее, двойственна. Во-первых, это антагонизм между всей арабской нацией и корейшитами; а во-вторых, ревность внутри самого племени корейшитов: то есть, между кланами хашимитов и омейядов. К последнему роду принадлежали Осман и Муавия.

1. Антагонизм между корейшитами и прочими племенами.

Арабская солдатня, напыщенная от военной славы, нагруженная трофеями, заполняла всю империю ислама. В Сирии ее держала в ежовых рукавицах властная рука Муавии, подкрепленная внушительной группой переселившихся туда влиятельных граждан Мекки и Медины. Но в остальных провинциях племена арабов, осознавая свою силу, уже не собирались выпускать крепко зажатый у них в зубах кусок. Их надменный дух, постоянно ведущий к междоусобицам, особо проявлялся в Аль-Куфе и в Аль-Басре. Причем в этих городах дело обстояло так еще при Омаре, ибо и ему было не под силу отучить их от наглости. Арабы не терпели никакого контроля, отчасти из-за того, что ислам был обязан своим успехом их оружию; а отчасти потому, что на условии братства этой религии все правоверные, в особенности — арабы по крови — считались равными. Конечно, халиф, как наследник Пророка, был абсолютным повелителем, неподвластным никакому утвержденному кем бы то ни было авторитету. Но даже и халиф, в поисках общественного одобрения, не только привык советоваться по важным вопросам со своим окружением, но, как правило, чувствовал себя связанным мнением своих помощников так же, как они сами. Вот так и получилось, что уступки Омара в ответ на ропот жителей Аль-Басры и Аль-Куфы, создали вредный прецедент для нового халифа. Арабы почувствовали вкус власти, не замедлив воспользоваться всеми своими возможностями. Их беспокойный дух рос день ото дня: дух оппозиции власти, дух нетерпимости к правлению корейшитов.

2. Ревность между родами Хашим и Умейя.

Вторая причина, менее опасная для ислама вообще, таила в себе большую угрозу для халифата и лично для Османа. Если бы корейшиты лояльно объединились вокруг трона, они задушили бы арабский раскол в зародыше. Но слабость Османа и лицепрятие, с

которым он относился к своей собственной родне, возбудили зависть у клана хашимитов. Они заговорили о притязаниях Али и семейства Пророка, желая принизить омейядскую ветвь, к которой принадлежал халиф. Эта ветвь, к сожалению для омейядов, дольше всех не признавала миссию Пророка; а те, на кого Осман проливал теперь свои благодеяния, принадлежали к самым первым и самым ожесточенным противникам ислама. Любое слово обиды, произнесенное Мухаммадом в тот период вражды, теперь припоминалось и пускалось в ход, чтобы очернить их имена и бросить тень на правительство, выдвинувшее таких людей во власть. Итак, корейшиты разделились; соперничество парализовало их влияние, а Осман лишился той поддержки, которая могла бы дать ему силы сокрушить оппозицию среди недовольных арабов. Что еще хуже, Али и его партия пошли на поводу у нелояльных бедуинов, что быстро подорвало сами основы халифата, и что, как Али сам должен был предвидеть, в последствии неминуемо обернулось бы против него, если бы ему посчастливилось занять трон халифа.

Дух раздоров утишен военной деятельностью.

Однако же, эти тенденции приняли опасную форму гораздо позднее. Так получилось, в основном, благодаря военным операциям, которые широко велись во всех направлениях в течение всех двадцати лет правления Османа и отвлекали внимание от домашних проблем. Как мы увидим, походы время от времени проводились на востоке, что привело к покорению еще нескольких провинций. Часть из них вынуждена была платить дань мусульманам.

Войны на востоке, 31 г. хиджры 652 г. от р. Х.

Вскоре по смерти Омара, вся Персия оказалась охвачена мятежом, поэтому Осману пришлось провести ряд мероприятий по восстановлению арабского господства. Ибн Амир, правитель Аль-Басры, сперва приведя в покорность близлежащую провинцию, Фарс, начал большую кампанию на севере и востоке. Эти земли подчинились, крепости либо подвергались штурму, либо сдавались на милость победителя и передавались, как правило, под управление местных князей, обложенных тяжелой данью. Долг Нишапура, взятого благодаря предательству одного из «марзубанов», бывшего главным в одной из частей города, был оценен в миллион, а контрибуция с Мерва составила миллион монет с четвертью; так и с другими землями. Сарахс сдался арабам, обещавшим пощадить сто человек; но, составляя список, местный марзубан забыл вставить себя и был обезглавлен в числе прочих, поднявших оружие. Большое сражение произошло в Хваризме (Хорезме) на Оксе (Амударье), и власть халифа признали такие удаленные земли, как Балх и Тохаристан. Одержав эти блистательные победы, где было взято сорок тысяч пленных, Ибн Амир направился в Мекку, чтобы совершить паломничество благодарения. Его заместители, которым он приказал продолжать кампанию, при помощи меча усмирили Керман и Сиджистан и привели к покорности вождей вплоть до Герата, Кабула и Газны.¹

¹ В этих землях еще долго преобладало язычество. В Сиджистане арабский военачальник захватил святилище отлитого из золота идола с глазами из рубинов. Он отрубил статуе руки и вытащил рубины. «Вот, — протянул он их местному князю, — это тебе; чтоб ты помнил, что эта вещь не может ни повредить тебе, ни сделать тебе добро». Возможно, это был буддистский идол; но о буддизме, как о религии, в этих местах мы практически ничего не слышали.

Контроль над захваченной страной, безусловно, был слабый и непостоянный. Ибо и много лет спустя мы видим эти же самые провинции постоянно выступавшими против исламского господства и даже обретавшими на время независимость. Керман, впрочем, как и ближние земли, попал под более серьезное ярмо: были возведены крепости, прокопаны оросительные каналы, а земля разделена между захватчиками. Подобные порядки постепенно распространялись на восток. Йездегерд умер только к восьмому году правления Османа. Разное рассказывают о его скитаниях на Востоке после поражения при Нехавенде. Все историки сходятся в одном, что, в крайней нужде, царь нашел временное пристанище в лачуге мельника, где и был убит. Он был похоронен с должными почестями благодаря митрополиту Мерва.¹ Известие о том, что ветвь Анушарванов прервалась с кончиною Йездегерда, безусловно, должно было утихомирить Восток.

Племена тюрков и хазар, 32 г. хиджры 653 г. от р. Х.

Хотя в целом завоевания мусульман продолжали прогрессировать, по временам воинов ислама постигали провалы, причем серьезные. В правление Османа был предпринят тяжелый поход против тюркских и хазарских племен, на запад от Каспийского моря. В тридцать втором году хиджры арабам удалось добиться значительных успехов в горных проходах Азербайджана, но за этим последовали неудачи, в которых полегло немало ветеранов. Чтобы восполнить потери, Осман объявил набор в Сирии. Пополнение предназначалось куфанской армии. В мусульманах забродила дурная кровь: сирийцы отказались служить под началом командующего из Аль-Куфы; последовавшая перебранка едва не привела к кровопролитию. Это, как пишет историк, стало началом раскола между куфанцами и людьми из Сирии, краеугольным камнем их долгой вражды. Примерно в то же время целая армия погибла в снегах Кермана: лишь два человека уцелели, чтобы донести до мусульман печальную весть. Тревожные слухи ползли и из Туркестана. Но Аравия продолжала гнать такие огромные тучи воинственных бедуинов, и дикий фанатизм их религии распространялся с такой скоростью, что подобные неудачи вскоре совершенно забылись на общем фоне дальнейших завоеваний.

Сирия полностью покорена Муавией.

Сирия к тому времени всецело подчинялась Муавии. По смерти его брата Язида, Омар доверил ему управление Дамаском; и со смертью прочих правителей, их регионы переходили под его начало. Наконец, к началу властвования Османа, близким родственником которого был омейяд Муавия, вся провинция оказалась исключительно в ведении этого человека.

Борьба с Византией, 26 г. хиджры 647 г. от р. Х.

Несмотря на несколько малозначительных набегов, в Сирии некоторое время царил покой. На втором году халифата Османа Муавия был встревожен внезапным известием о подходе

¹ Об этом рассказывается в двух хадисах. Епископ созвал христиан (вероятно, составлявших в то время значительную часть населения) и, перечислив те привилегии, которые они имели при персидских царях, повелел воздвигнуть церковь или святилище над местом, где были погребены останки Йездегерда.

большого войска со стороны Малой Азии. Сил противостоять грекам у него не было. Обратившись к восточным провинциям за помощью, Муавия вскоре пополнил свою сирийскую армию восемью тысячами добровольцев. Усилившись, арабы смогли отразить нападение византийцев. Развивая свой успех, войско ислама прошло Малую Азию, затем Армению, достигло Табаристана и там соединилось с другой армией мусульман на западном побережье Каспия. Затем сирийские арабы повернули на север, дошли до Тифлиса и достигли Черного моря. Вражда с греками возобновлялась каждым летом, и, в конце концов, сирийским мусульманам удалось при помощи морского флота, базировавшегося в портах Африки, расширить свои владения в Леванте и Малой Азии, укрепив свои границы и упрочив влияние на побережье. За несколько лет до смерти Османа, Муавия, сопровождаемый своей женой-бедуинкой Мейсун, возглавил один из набегов вдоль морского побережья. Арабы дошли практически до предместий Константинополя; и разрушили немало крепостей на обратном пути, возвращаясь через Аммурию (Аморион).

Африка, 23 г. хиджры 646 г. от р. Х.

Говоря об Африке, я уже упоминал об отчаянном нападении на Александрию с моря, предпринятом в начале правления Османа. Византийцам тогда удалось захватить город, но вскоре Амр выкурил их оттуда; и с той поры никаких попыток свалить власть мусульман в Египте не делалось. Правда, дальше к западу от Египта еще долго оставались византийские войска; арабы активно досаждали им, пробираясь вдоль берега, омываемого теплыми водами Средиземного моря. Среди вождей, присоединившихся к египетской армии, был Абдалла Ибн Саад Ибн Аби Сарх, уже упоминавшийся приемный брат Османа. У него в исламе была незавидная репутация. Взятый Мухаммадом для записи его откровений, он не оправдал доверия Пророка; по взятии Мекки тот заявил, что всеобщая амнистия на Ибн Аби Сарха не распространяется, и ему удалось избежать смерти лишь благодаря заступничеству Османа. Будучи способным руководителем, он был назначен Омаром для управления Вехним Египтом после успешного набега на Нубию. Но спустя несколько лет ему пришлось уступить свою власть Амру, который стал править всем Египтом единолично.

Амр заменен Ибн Аби Сархом, 26 г. хиджры 647 г. от р. Х.

Арабы пожаловались Осману, который заявил, что Амр повинен во всех проблемах, и отстранил его от управления налогами и от гражданской власти. Амр не согласился: «Командовать войсками и не заниматься налогами, это все равно, что держать корову за рога, позволяя другому держать ее за вымя!» Он сердито возражал Осману, который, после резкой перебранки, вверил все управление в руки Ибн Аби Сарха. Такое решение оказалось ошибкою халифа. Амр пополнил ряды недовольных; а дурная репутация Ибн Аби Сарха, «отступника», как арабы его называли, послужила основанием для обвинений Османа в кумовстве и лицепрятии.¹

¹ Ибн Аби Сарх едва избежал казни при занятии Мекки («Жизнь Мухаммада», стр. 410 и далее). Теперь дух разделения беспрепятственно раздувал его проступок, и его уже называли человеком, о котором говорилось

Завоевания в Африке, 26 г. хиджры 647 г. от р. Х.

Итак, Ибн Аби Сарх, получивший единоличную власть, смело двинул свои войска вдоль морского берега от Барки до Триполи, угрожая самому Карфагену. Его губернатор Григорий, получив помощь от базилевса, выступил против арабов с армией в сто двадцать тысяч человек, если верить их историкам. Осман, предупрежденный об опасности, послал Ибн Аби Сарху большое подкрепление, в рядах которого находилось немало «соратников». Схватка получилась долгой и жаркой; и Ибн Аби Сарх, желая поднять дух своих головорезов, пообещал дочь Григория с большим «приданым» тому, кто убьет ее отца. Наконец, противник был разбит, множество византийцев перерезано, и кому-то из жителей Медины досталась эта девушка. Он довез ее на своем верблюде до Медины; и воинственные песни, которые он распевал по пути, сохранились до наших дней.¹ В этой кампании Осман сделался объектом всеобщего негодования, предоставив Ибн Аби Сарху пятую часть от халифской пятинны военной добычи в личную собственность. Остальное, как обычно, было отослано в Медину; где вновь Осман покрыл себя позором, позволив своему двоюродному брату Мервану выкупить все трофеи за незначительную цену.

Как бы то ни было, Ибн Аби Сарху принадлежит слава первого флотоводца в истории ислама. Он значительно расширил арабские завоевания благодаря успехам на море. С другой стороны, его незаслуженное выдвижение во власть породило острую зависть, вылившуюся в новые интриги, целью которых было опорочить имя его покровителя.

Запрет Омара проводить операции на море,

Муавия очень сильно сожалел об отсутствии поддержки с моря и постоянно просил Омара разрешить ему усадить своих солдат на корабли. «Острова Леванта, — писал он, — близки к берегам Сирии; отсюда можно слышать лай тамошних собак и куриное квохтанье; позволь мне напасть на них». Но Омар боялся моря, он обратился за советом к Амру, который в письме ответил следующее: «Просторы моря безграничны, и даже большие корабли выглядят в нем хрупкими скорлупками; ничего, кроме небес вверху и вод внизу; когда оно спокойно, сердце моряка разбито; когда оно волнуется, у моряка кружится голова. Надежда не велика, а опасность огромна. Человек в море подобен насекомому на щепке: вот-вот его поглотит пучина, он напуган до смерти». По получении такого тревожного письма, Омар запретил Муавии предпринимать что-либо с судами: «Сирийское море, мне рассказывали, длиннее и шире их суши; оно, по воле Господа, постоянно, денно и ночью, ищет пути поглотить эту землю. Как же мне доверить своих людей его проклятой груди? Вспомни Аль-Алу!² Ну, нет, мой друг, безопасность моих людей для меня дороже всех богатств Греции!»

...отменен Османом.

в Суре vi 93: «Кто же несправедливее того, ... кто говорил: “Я низведу подобное тому, что низвел Аллах”?»». См. перевод Корана Сэйла.

¹ Эта война предоставила много материала для романов лже-Вакиди и прочих писателей. Некоторые из них заявляют, что девушка прыгнула с верблюда и, убившись, смогла избежать своей горькой доли.

² *Вьше*, стр. оригинала 168.

Таким образом, при правлении Омара на море ничего не предпринималось. Но по его смерти Муавия возобновил свое прошение, и Осман, в конце концов, смягчил запрет, предупредив лишь, что моряков следует набирать строго добровольно. Первый флот арабов, снаряженный для набега на Кипр в 28 году хиджры, вышел в море под командою Абу Кейса. К нему присоединился Ибн Абу Сарх с отрядом кораблей, ведомых кормчими-египтянами. На них был размещен арабский десант из Александрии.

Захват Кипра, 28 г. хиджры 649 г. от р. Х.

Кипр арабы взяли с легкостью, захватив там огромное число пленников. Киприоты согласились платить ту же дань, что они платили базилевсу; и халиф, бывший не в состоянии обеспечить их безопасность, вынужден был уменьшить обычную подать.¹ Нам известно об Абу Кейсе, что он возглавлял пятьдесят набегов на суше и на море, найдя смерть во время налета на один их византийских портов. Несколькими годами позднее был занят остров Родос.

Морская победа под Александрией, 31 г. хиджры 652 г. от р. Х.

Спустя три года после захвата Кипра византийцы, изгнанные из африканских гаваней и находящиеся под угрозой уже в Леванте, собрали флот из пятисот единиц и бросили вызов арабам. Ответить им поручили Ибн Аби Сарху. Он собрал все имевшиеся в наличии в портах Египта и Северной Африки суда: числом его эскадра уступала греческой, но палубы его кораблей были забиты грозными арабскими воинами до отказа. Флотилия византийцев подошла к Александрии. В наступившем штиле противники стояли на якорях друг против друга. Мусульмане провели ночь в декламации Корана и молитве, а греки не переставали звонить в судовые колокола. Наутро произошло жестокое сражение. Корабли арабов сближались с противником, и мусульманские мечи и ножи пускались в дело. В абордажных схватках большие потери несли обе стороны; но греки, будучи не в состоянии противостоять дикому напору сарацин, дрогнули первыми и обратились в бегство. Военачальник византийцев бежал морем в Сиракузы, где народ, возмущенный этим поражением, утопил его в собственной ванне.²

Поношение Османа.

Невзирая на эту блестящую победу, на флоте вспыхнуло с новой силой недовольство Османом, впервые приобретя открытые и опасные формы среди главных соратников Пророка. Они начали роптать на халифа: «Осман переменял порядки своих предшественников, он поставил над нашим флотом человека, которого Пророк обрек смерти; и подобных людей Осман понаставил властителями и в Аль-Куфе, и в Аль-Басре

¹ [На Кипре до сих пор сохранилась часовня, называемая «Халат Султан Текья», посвященная Ум Харам, жене одного из участников того набега. Сопровождая своего мужа на остров, она свалилась с мула и разбилась. Муж поставил часовню на ее могиле. — *Asiatic Society's Journal* за январь 1896, статья vi. стр. 81. 3-е издание].

² Согласно Феофану, подобным образом был убит Константин II, но это случилось гораздо позднее. См. у Гиббона, гл. xlviiii.

— повсюду!» Эти слова достигли ушей Ибн Аби Сарха, и он заявил, что ни один из недовольных не примет участия в войне в рядах его войска. Это привело его противников в еще большую ярость. Несмотря на угрозы Ибн Аби Сарха, подстрекательские разговоры продолжались, причем народ уже стал открыто и безо всякой осторожности высказываться против Османа.

Перспективы мрачнеют.

На горизонте халифа сгустились тучи, омрачив все его перспективы.

ГЛАВА XXIX

СОБЫТИЯ В АРАВИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОСМАНА. РОСТ ЕГО НЕПОПУЛЯРНОСТИ.

30-34 г. хиджры / 651-655 г. от р. Х.

Недовольство в Куфе и Басре.

ВЛИЯНИЕ Аль-Куфы и Аль-Басры на судьбы ислама в этот период было едва ли не менее значительным, чем самой Медины. Атмосфера распрей и волнений в этих городах моментально наполнилась духом нелояльности, и поднятое не слишком мудрыми и осторожными жителями восстание привело к смене их правителей.

Саад вновь восстановлен в Куфе, 34 г. хиджры 654 г. от р. Х.

Аль-Могира не долго наслаждался властью над Аль-Куфой. Он был смещен Османом, который решил заполнить освободившуюся вакансию, как считается, исполняя желание умирающего Омара: восстановив в прежней должности Саада. Это было неудачное решение. Чтобы обеспечить себе безбедное существование, Саад взял большой аванс у Ибн Масуда, главного казначея халифата, но постепенно растратил все деньги. В пылу жаркой разборки Саад грубо обругал Ибн Масуда. Город разделился: часть заняла сторону прославленного военачальника, а другая часть поддержала верного слугу и приверженца Пророка. Вести о распре достигли слуха халифа, и тот с большим неудовольствием снял Саада, не пробывшего в должности и года.

Заменен Велидом Ибн Окбой,

Его преемником Осман назначил Аль-Велида Ибн Окбу, храброго воина, но человека невыдержанного, к тому же единоутробного брата самого халифа. Этот выбор оказался плох еще и тем, что Аль-Велид был сыном того самого Окбы, который, оказавшись пленником после битвы при Бедре, желая избежать смерти, пытался разжалобить мусульман словами: «Кто же позаботится о моих малых детях?» На что Пророк ответил: «Пламень ада!»¹ Эти слова не были забыты, и оппозиция с удовольствием теперь их припомнила. Тем не менее, Аль-Велид обладал определенной популярностью; и благодаря проведению удачных набегов на восток, где он отличился личной доблестью, ему удавалось какое-то время сдерживать взбудораженных арабов в узде. Но под конец неуправляемая масса мусульман оказалась ему не по зубам. В Аль-Куфе произошло убийство, и смертный приговор уличенным преступникам был приведен в исполнение у городских ворот. Родственники казненных не были согласны с приговором и стали искать повода обвинить в чем-нибудь своего правителя. Его привычки предоставляли им для этого немало возможностей. Однако Осман раз за разом отвергал обвинения Аль-Велида в невоздержанности за отсутствием необходимых по закону доказательств.

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. 230.

...который смещен за пьянство.

Наконец его враги преуспели, сумев свинтить с его пальца перстень с печатью правителя, пока он спал после попойки. Печать была с триумфом направлена в Медину. Хуже того, как вскоре выяснилось, Аль-Велид вышел на утреннюю молитву в таком состоянии, что, дойдя до ее конца, не останавливаясь, начал другую службу. Скандал оказался большой; и тут уж пришлось отстаивать честь ислама. Аль-Велид был вызван в Медину, выпорот согласно закону и снят с должности.

Абу Муса смещен в Басре, 29 г. хиджры 650 г. от р. Х.

В Аль-Басре тоже дела шли хуже некуда. Абу Муса уже немало лет правил этим городом, успев нажить себе бесчисленное множество врагов среди местных жителей. Он проповедовал изнеженной солдатне добродетели военных тягот, призывая идти в поход пешими. Собираясь в очередной налет, арабы с интересом ждали появления правителя: подаст ли он сам пример? Когда из замка потянулась бесконечная вереница мулов с багажом Абу Мусы, его обступили кричащие воины: «Дай нам ехать на этой скотине, а сам ступай пешком — по тому пути трудностей, что ты нам проповедовал!» Затем они отправились в Медину, где пожаловались на него: повысосал из провинции все соки, избаловал корейшитов, а прочие арабские племена тиранил. Вместо того чтобы безотлагательно разобраться с их раздражением, Осман лишь усугубил его, сместив Абу Мусу и согласившись назначить правителем какую-то сомнительную персону по их желанию. Оказавшись негодным к этой должности, и этот человек был снят, а на его место выдвинут молодой кузен халифа Ибн Амир. Когда известие о его назначении достигло Аль-Басры, Абу Муса сказал: «Вот, теперь вы получили сборщика налогов себе по сердцу — с огромной родней, с кузенами, тетушками и дядюшками, который замучает вас своими гарпиями!» Так и оказалось; ибо он вскоре заполнил все местные вакансии и руководящие посты в Персии своими людьми. С другой стороны, однако, он оказался способным руководителем; его громкие победы на Востоке не могут ускользнуть от общего внимания, и в разгоревшейся вскоре борьбе ему будет суждено сыграть ведущую роль.

Саид становится губернатором Куфы, 30 г. хиджры, 651 г. от р. Х.

Место правителя Аль-Куфы, вакантное после снятия Аль-Велида, Осман, вкуче с властью над всем Междуречьем, доверил еще одному из своих молодых родственников: Саиду Ибн Аль-Асу. Его отец был убит, сражаясь против Пророка при Бедре; и мальчик, оставшись сиротой, воспитывался Омаром. Со временем он отправил Саида на войну в Сирию. Получив хорошие отзывы о его поведении и характере, Омар призвал Саида к своему двору и дал ему в жены двух девушек-арабок.¹ Этот юноша, выдвинутый на наиболее решающее для всей державы место, не только не имел опыта в искусстве управления, но, непомерно гордясь из-за раздутых амбиций корейшитов, не придавал значения влиятельной бедуинской группировке. Привыкший в Сирии к железному

¹ Он был племянником Халида, столь бесславно начавшего сирийскую кампанию. Не будучи удовлетворенным этой парой жен, Саид завел себе огромный гарем и оставил после себя два десятка сыновей и множество дочерей.

порядку Муавии, он, только приехав в Аль-Куфу, жаловался в письме Осману, что в городе повсюду вольность, знатность по рождению ни во что не ставится, а бедуины совсем от рук отбились. Первое его выступление в качестве правителя вылилось в хвастливое разглагольствование. Он бойко говорил о том, как сокрушит неприятели и надменность жителей Аль-Куфы железным жезлом. Теша себя надеждой, что халиф все снесет, он лишь сильнее разжигал своим высокомерием недовольство большинства жителей, и без того разозленных неразумным выдвиганием знатных выскочек.

Рост недовольства в Куфе.

«Один корейшит сменяет другого на посту нашего правителя! — роптали жители, — и один не лучше другого. А нам все из огня, да в полымя!» Подводное течение этого раскола набирало силу с каждым днем. Правда, некоторое время умы мужчин были заняты успешными набегами Саида на север Персии. Он бросал арабов в набеги без остановки, и это пока удерживало их от открытого неповиновения.

В то же время, в дело вступили иные силы — незначительные на первый взгляд сами по себе, они сыграли роковую роль, будучи искусно использованы недругами Османа.

Рецензирование Корана, 30 г. хиджры 651 г. от р. Х.

Первым оказалось рецензирование Корана. Армии ислама, будучи распылены на огромных пространствах, оказались настолько удалены друг от друга, равно как и новые обращенные из покоренных народов, что в декламации священных текстов стали возникать расхождения. Прежнему халифу удавалось справляться с этой проблемой. Теперь в Аль-Басре стало принято чтение Абу Мусы; Аль-Куфа склонялась к авторитету Ибн Масуда; а текст в Гимсе отличался даже от варианта, принятого в Дамаске. Хозейфа, участвуя в долгих войнах на территории Персии и Азербайджана, столкнулся с такими разночтениями в разных провинциях, что вернулся в Аль-Куфу глубоко убежденным в назревшей необходимости пересмотра текста. Ибн Масуд был сильно задет неуважением, выказанным таким образом его авторитету чтеца. Но Хозейфе, при поддержке местного правителя, удалось уговорить Османа предпринять меры по восстановлению единой формы священного писания, «прежде, чем верующие начнут различаться по своим писаниям, подобно иудеям и христианам».¹ Халиф, по совету главных соратников, остававшихся в Медине, вытребовал себе копии всех рукописей, использовавшихся в империи ислама. Затем он назначил группу экспертов из корейшитов для сравнения собранных текстов со священными манускриптами, все еще сохранявшимися у Хафзы. Под их присмотром удалось сопоставить все варианты и написать главный образец, копии которого подлежали хранению в Мекке, Медине, Аль-Куфе, и Дамаске. Эти копии были размножены по всей империи; прежние тексты собраны и преданы огню; и стандарт вошел во всеобщее употребление. Эта акция Османа в тот момент была воспринята с повсеместным одобрением, за исключением Аль-

¹ [Это, очевидно, относилось (не к оригиналам, но) к переводам Библии на различные языки в тех странах, где было распространено христианство. Коран считался слишком священным, чтобы можно было его переводить, и читать его можно было (и до сих пор можно) лишь в арабском оригинале, независимо от языка нации. 3-е издание].

Куфы. Там Ибн Масуд, гордившийся своим безошибочным воспроизведением речи оракула, «слов чистых, как они слетали с уст Пророка», пришел в крайнее неудовольствие. Обвинения в святотатстве — сожжении Слова Божия — быстро были подхвачены местными раскольниками. Постепенно их слова перенимались другими, с жадностью проглатывались врагами Османа; и они, как видно даже в наши времена, до сих пор с готовностью используются сторонниками династии Аббасидов в качестве смертного греха, совершенного богоотступником-халифом. Это громогласное обвинение на деле не имело под собой оснований. Вообще-то, его отвергал сам Али. Став, несколькими годами позже, халифом, он обратил внимание, что жители Аль-Куфы все еще ругали его неудачливого предшественника за этот поступок. «Умолкните! — прикрикнул он на них, — Осман действовал по совету наиболее уважаемых из всех нас; будь я повелителем в то время, я должен был бы сделать то же самое».¹

Многие корейшиты переселяются в Ирак.

Примерно в это время большое число знати из Мекки и Медины переселилось в Аль-Куфу и Аль-Басру. Они не имели права пользоваться богатствами Аль-Ирака, которое оставалось особой привилегией первых поселенцев, в награду за их доблесть при завоевании. Тем не менее, им было позволено получать такие же пособия, на условии, что они откажутся от своих владений в Хиджазе. Эта уступка стала дополнительным поводом для недовольства корейшитами, чьи претензии уже переходили все границы.

Абу Зарр Аль-Гифари.

История Абу Зарра крайне характерна для того времени, и отношение к Абу Зарру явилось основанием для жалоб на халифа.² Он одним из первых принял ислам; говорили даже, что в некоторых обычаях этой религии Абу Зарр предвосхитил самого Мухаммада. Будучи аскетичным в своих привычках, он яростно обличал богатых и критиковал потворство роскоши, считая это отступлением от веры, а также тем злом, что, подобно настоящему потоку, способно лишить силы и деморализовать всю нацию. Великолепные дворцы, толпы рабов, кони и верблюды, многочисленные отары овец и стада коров, роскошные экипажи вошли в моду не только в Сирии и Аль-Ираке, но и в двух священных городах ислама.³ Протест Абу Зарра являлся естественной реакцией

¹ Об этой рецензии, см. экскурс в «Источниках биографии Мухаммада» в «Жизни Мухаммада». То, каким образом партия Аббасидов извращала факты и выдвигала обвинения в злоумышлениях против дома Омейядов, прекрасно отражено в «Апологии Аль-Кинди», стр. 25 и далее. Обвинение против Аль-Хаджаджа также беспочвенно. — Там же, стр. xi.

² Ибн-Котейба, стр. 130.

³ Аль-Масуди настаивает, что это являлось одной из причин такого быстрого распространения отступничества и деморализации общества, и приводит яркие примеры. *Аз-Зубейр* имел тысячу рабов, мужчин и женщин, и тысячу лошадей. У него были дворцы во всех значимых городах, дворец в Аль-Басре можно было видеть еще и в четвертом столетии хиджры. Его земельные владения в Аль-Ираке облагались налогом в тысячу золотых монет в день. *Абд Ар-Рахман* располагал тысячей верблюдов, десятком тысяч овец и оставил после себя собственность, оцененную в четыреста тысяч динаров. Наследство *Зейда* заключало большие слитки золота и серебра, а земли его оценивались в десять тысяч динаров. Корейшитская знать строила себе дворцы в Мекке, Медине и в их пригородах. У самого Османа был прекрасный дворец в Медине, с мраморными колоннами, со стенами, покрытыми дорогой лепниной, великолепными воротами и садами; и он также накопил несметные богатства.

убежденного верующего на отсутствие благодати и распущенность: следствие привычки к роскоши. Но протест этот был использован недовольными арабами в качестве оружия против их правительства. По приезде в Сирию, этот аскет, чей дух возмущился при виде окружающей помпезности и суеты, стал призывать народ к покаянию. «Это ваше золото-серебро, — кричал он, — в один день будет раскалено докрасна в пламени ада; и этим металлом будут клеймить вам лбы, бока и спины — вам, нечестивые расточители!»¹ А посему, раздайте свое богатство на пожертвования, оставив себе достаточно на хлеб насущный; иначе горе вам в День Суда!» Толпы людей окружали Абу Зарра в Дамаске, некоторые рыдали, пронятые его проповедью; другие злорадствовали, слушая его порицание богачей и знати; в целом же народ был ослеплен мечтой о том, как имущие классы из-за упреков совести начнут делиться своими богатствами. Обеспокоенный будоражающим действием этих обличений, Муавия решил проверить подлинное нутро этого проповедника. Он послал ему кошелек с тысячью монет, а на следующее утро, сделав вид, что совершил ошибку, попросил вернуть. Как оказалось, Абу Зарр за ночь успел раздать все содержимое. После этого, Муавия, будучи убежден в порядочности Абу Зарра, и предчувствуя, что его социалистические доктрины могут найти путь к широкому распространению, отправил проповедника в Медину, отрекомендовав его Осману честным, но заблуждающимся энтузиастом. Абу Зарр и перед халифом продолжал обличать богатых и высокопоставленных, убеждая Османа, что их следует заставлять делиться своим добром. Осман снизошел до возражений. «Коль скоро люди выполнили свои обязательства, — спросил он, — какую силою я могу побудить их идти на дальнейшие жертвы?» Халиф повернулся к Каабу, ученому, обращенному из иудеев, для подтверждения своим словам. «Прочь отсюда, сын иудея! Что общего у меня с тобою?!» — возмущился Абу Зарр, сильно толкнув Кааба в живот.

Ссылка и пятно позора, 30 г. хиджры 651 г. от р. Х.

Видя, что дальнейшие споры бесполезны, Осман обрек проповедника на ссылку в пустыню Ар-Рабаза, где он и умер два года спустя в крайней нужде. Предчувствуя близкий конец, отшельник попросил свою дочь зарезать козленка и приготовить его для путников, которые, по его словам, вскоре будут проходить этой дорогой в Мекку. Затем, велел ей повернуть его лицом к Каабе, Абу Зарр тихо испустил свой дух. Вскоре на горизонте показалась предсказанная им группа путников. Среди них оказался Ибн Масуд из Аль-Куфы, который, оплакав умершего святого, посетовал на его судьбу и похоронил там же. Это место стало со временем одной из святынь ислама. Смерть самого Ибн Масуда, последовавшая несколько дней спустя, добавила пафоса всему делу. Скорбная весть вскоре оказалась на устах у всех; и враги халифа не преминули обратить историю с ссылкой известного проповедника в свою пользу. Необходимость самой ссылки забылась, а вот пятно позора на халифе осталось.²

¹ Сура ix. 35; изначально текст говорил о христианских священниках и монахах. — «Жизнь Мухаммада», стр. 454.

² В преданиях Аббасидов делались попытки представить, что Абу Зарр был подвигнут к оппозиции тиранией правления Муавии, а также нечестивыми обычаями, которым попустительствовал в Медине Осман. Но Ибн Аль-Асир справедливо в этом сомневается, ясно давая понять, что проповедь Абу Зарра возбуждала бедных против богатых. Учение Абу Зарра основывалось на равенстве правоверных — опасность скрывалась в популярности идей социалистов, отвергавших претензии корейшитов. Перед

Прекращение увеселений в Медине.

Неудачливый халиф действовал не лучшим образом и тогда, когда сам решил примерить на себя роль обличителя пороков и начать борьбу с нечестивцами. Распушенность Сирии добралась и до священных пределов Хиджаза; но Осман, попытавшись запретить азартные игры, объявив их несопоставимыми с исламской верою, навлек на себя большое недовольство, особенно со стороны золотой молодежи, на чьи увеселения он покусился. Азартные игры и пари, конечно, были запрещены с одобрения более консервативных классов общества, но мало кто собирался кричать от радости, поскольку вмешательство халифа в жизнь арабов успело уже всем надоест.

Увеличение двора Каабы, 26 г. хиджры 647 г. от р. Х.,

Осман, посетив Мекку с паломничеством, решил увеличить большой квадрат Каабы, как того хотел еще Омар. Но и здесь, как обычно, халифу не повезло, ему не удалось обойтись без противоборства. Владельцы снесенных жилищ отказались получать компенсацию, подняв жуткий шум. Халиф бросил их в темницу, заявив: «Мой предшественник делал то же самое, и вы на него из-за этого не кричали». Но то, что могла сотворить жесткая рука Омара, не возбудив против себя ни одного человека, никак не удавалось слабому и непопулярному Осману.

...и мединской мечети, 32 г. хиджры 653 г. от р. Х.

Удача улыбнулась ему с мечетью в Медине, построенной самим Мухаммадом, в которой и покоился его прах вкупе с телами двух прежних халифов. Она была расширена и украшена. Первоначальные опоры, сделанные из стволов финиковой пальмы, были удалены, и отныне крыша стала покоиться на колоннах из обтесанного камня. Стены также были выполнены из каменной кладки, богато изукрашены и выложены редкостными и драгоценными камнями. Это было богоугодным делом, и потому никто не возражал.

Изменения в обычаях паломничества, 32 г. хиджры 653 г. от р. Х.

Однако новая волна ропота все же поднялась: из-за перемен, допущенных Османом в церемонии ежегодного паломничества. Хотя сами по себе они были вполне обычными и незначительными, двор халифа не удержался от сильного неодобрения. Чтобы укрыться от солнца, халиф развернул шатры в дни жертвоприношения в Мине, чего до него никто не делал. Кроме того, он добавил новые молитвы к читавшимся в Мине и на горе Арафат, с парой новых серий поклонов. Двое его предшественников во всех мелочах следовали ритуалу, установленному самим Пророком, и из-за этого мусульмане успели проникнуться суеверным благоговением ко всем малейшим деталям. Осман, оказавшись

Муавией он говорил так: «Ты говоришь, богатства принадлежат Господу; тогда, вы нарушаете права людей, ибо Господь дал богатства Своему народу». «Прочь с глаз моих! — вспыхнул Муавия, — Что это, как не пустая игра словами! Разве не все мы — народ Господа, и богатства принадлежат всем нам?» Предание упоминает о нужде и бедствиях Абу Зарра в Ар-Рабазе, вдобавок к плохому отношению халифа. Говорят, будто собственное племя халифа негодовало из-за этого, присоединившись к восстанию.

порицаем за странные нововведения, не смог дать вразумительного объяснения, но сказал, что поступил так просто по своему желанию. Неуважение к священному для мусульман примеру основателя их религии оскорбило множество людей, и против Османа возвысили голос соратники Пророка.

Рост непопулярности.

Добавим, что за пределами круга его непосредственной родни у Османа не было друзей. Узость мышления, эгоизм, несдержанность и упрямство — с годами, разумеется, все возраставшее — отталкивали от халифа даже тех, кто мог бы быть к нему лоялен. А уж врагов Осман себе нажил неисчислимое количество, и они были готовы преследовать его с неугасимой ненавистью. Мухаммад, сын Абу Бекра, и Мухаммад, сын Абу Хозейфы, были среди тех, кто озлобился на халифа после морской победы под Александрией. Хотя для их враждебности вроде бы не находилось каких-то особых причин. Первый, как считается, действовал под влиянием «чувств и амбиций». Другой же, близкий родственник Османа, возвращенный им сирота, обиделся за то, что оказался обойден местом и чинами. Оба присоединятся к восстанию, которое вскоре разгорится в Египте, и окажутся двумя наиболее опасными для халифа врагами. Арабский народ в массе разделял их настроения. Дух разделения упорно возбуждал нацию против незадачливого монарха. Эта закваска затронула всех вокруг халифа; и каждый человек, имевший какую-либо обиду, реальную или вымышленную, спешил возвысить свой голос против Османа.

Утрата перстня с печатью Пророка, 29 г. хиджры 650 г. от р. Х.

В довершение всех бед халифа, на седьмом году его правления он потерял перстень-печатку, который, будучи выгравирован специально для Пророка, Осман носил и использовал постоянно, как и его предшественники. Одной из подлинных заслуг Османа стало углубление старых и создание новых колодцев в окрестностях Медины. Во время руководства работами халиф вытянул руку, указывая направление. Увы! перстень слетел с пальца и упал в колодец. Несмотря на все усилия вернуть утраченную реликвию, удача отвернулась от арабов. Колодец был осушен, вся грязь вычерпана; но от перстня не осталось и следа. Осман тяжело переживал потерю. Это случай послужил тяжким знаменем для его души; лишь значительное время спустя он согласился заменить утраченный перстень точной его копией.

Осман берет в жены Найлу, 28 г. хиджры 649 г. от р. Х.

Кроме двух дочерей Пророка, даже не переживших своего отца, у Османа были и другие жены. Трое из них были живы, когда, на пятом году своего правления, в возрасте уже свыше семидесяти лет, он взял в жены Найлу. О ее прежней жизни мы ничего не знаем, кроме того, что она приняла ислам, будучи до того христианкой. Она принесла халифу дочь; и верно служила своему престарелому господину, несмотря на все невзгоды, до самого его печального конца. Да, наступала пора, когда ему становился крайне необходим такой помощник.

ГЛАВА XXX

ОПАСНЫЙ РАСКОЛ В АЛЬ-КУФЕ. РОСТ НЕДОВОЛЬСТВА.

33-34 г. хиджры / 654-655 г. от р. Х.

Активность подстрекателей.

БЛИЖЕ к концу правления Османа скрытая деятельность недовольных халифом, уже давно способствовавших повсеместному брожению среди мусульман (пожалуй, за исключением Сирии), стала проявляться на поверхности. Практически все арабские племена негодовали из-за непомерных амбиций корейшитов. Сами корейшиты разделились, причем большая часть из них завидовала дому Омейядов и фаворитам халифа. Искушение поднять мятеж усиливалось слабостью и нерешительностью самого Османа.

Ибн Ас-Сауда призывает к восстанию в Египте, 32 г. хиджры 653 г. от р. Х.

Ибн Амир уже отметил третий год своего правления в Аль-Басре, когда там появился Ибн Саба (или, как его часто называли, Ибн Ас-Сауда). Этот иудей с юга Аравии выразил желание принять ислам. Вскоре выяснилось, что он прямо-таки с головой увяз в пучине недовольства существующим правительством: этого смутьяна, призывавшего к мятежу, прогнали сперва из Аль-Басры, затем из Аль-Куфы и из Сирии, но он повсюду успевал заронить опасную искру в среду и без того недовольного народа. В конце концов, ему удалось бежать в Египет, где он стал развивать свои странные и пугающие людей доктрины. «Мухаммад должен вновь прийти, как и Мессия». А Али является его наместником.¹ Осман — узурпатор, а его представители — свора безбожных тиранов. Нечестие и несправедливость расцветали буйным цветом; истина и правосудие могут быть восстановлены лишь путем устранения неблагочестивой династии. Вот такая проповедь ежедневно будоражила умы жителей Египта; вскоре подстрекательские письма затопили все арабское царство, побуждая людей к действию подобно первым толчкам готового пробудиться вулкана.

Народное волнение в Куфе, 33 г. хиджры 654 г. от р. Х.

В Аль-Басре Ибн Амиру удалось на время подавить мятеж; но у Саида в Аль-Куфе не достало ни силы, ни такта, чтобы утихомирить разгоряченные сердца арабов. Во время своего первого же публичного служения он нанес оскорбление даже своим сторонникам, вымыв напоказ подход к кафедре, прежде чем взойти на нее: следы оставил его пьяный предшественник. У него не хватило ума не только померить амбиции надменных корейшитов, он пренебрег и требованиями арабской солдатни, благодаря мечам которой корейшиты смогли завладеть этой землей. Прекрасную долину Халдеи он называл «садом корейшитов»: «Как будто бы забыл, — кричали арабы, — что без **наших** сильных

¹ Что побудило Ибн Ас-Сауду (чье имя означает «сын черной женщины», его мать была темнокожей) проповедовать идею о сверхъестественности Али, неясно; но говорить о зарождении секты «алидов» в этот период было бы преждевременным. См. i. 2942.

рук и без наших копий им бы ничего не досталось!» Недовольство, усиливаемое болтовней Аль-Аштара и кучки раскольников, наконец, вылилось в открытый мятеж. Правитель с группой приближенных проводил время в свободной беседе, которая коснулась храбрости Талхи, в битве прикрывшего своим телом Пророка. «Э! — сказал Саид, — вот **это** воин; если хотите, подлинный алмаз в куче вас, бедуинов. Еще несколько таких, как он, и мы жили бы без проблем». Его слова обожгли собравшихся подобно крапиве. В этот момент какой-то юноша дал волю своим мыслям, сказав, как славно было бы иметь правителю определенный участок земли на берегу реки прямо под Аль-Куфю. «Что?! — закричали остальные, — пошли вон с **наших** добрых земель!» И в ярости вся компания набросилась на парня и его отца, едва не убив обоих.

Зачинщики сосланы в Сирию.

Для устрашения недовольных, взволнованных происшедшим инцидентом, десять зачинщиков во главе с Аль-Аштаром (о нем пойдет речь ниже) были отправлены в Сирию, в надежде, что они смогут исправиться под властною рукою Муавии, а также имея перед своими глазами пример лояльности тамошних жителей. Муавия разместил ссыльных в церкви; ежедневно, проходя мимо утром и вечером, он бранил их за безрассудство, с которым они посмели уравнивать грубые запросы бедуинов с неоспоримыми правами корейшитов. Униженные несколькими неделями такого обращения, они были отосланы в Гимс, где правитель повелел продержать их месяц в качестве отверженных. Когда он приезжал туда верхом, Муавия не забывал выругать их как предателей, стремившихся подорвать могущество империи. Под конец они совсем пали духом, и были отпущены на волю; однако, стыдясь возвратиться в Аль-Куфу, так и остались в Сирии. Все, за исключением Аль-Аштара, решившего тайком пробраться в Медину.

Саид изгнан из Куфы, 34 г. хиджры 655 г. от р. Х.

Проходил месяц за месяцем, но дела в Аль-Куфе не улучшались. Большинство из людей, пользовавшихся авторитетом, чья популярность могла бы удержать арабов в узде, находились в Персии, возглавляя различные отряды. Оппозиционеры одерживали верх с каждым днем, тайно сносясь со своими единомышленниками из Египта. Саид решил съездить в Медину, чтобы обсудить свое сложное положение с халифом, но время для поездки выбрал крайне неудачно. Не успел он выехать за городские ворота, как заговорщики захватили власть и послали в Сирию за сосланными. Вскоре на сцену вновь вернулся и Аль-Аштар. Встав в дверях мечети, он стал возбуждать народ против Саида. «Да я только что видел этого деспота в Медине, — говорил он, — он замышляет погубить вас, советует халифу урезать ваши пособия, даже у женщин; а те обширные просторы, что вы завоевали, называет “садом корейшитов”». Напрасно заместитель Саида с представителями городской знати пытался утишить надвигающуюся бурю. Он попросил тишины. «Тишины?! — вскричал воин Аль-Каака с издевкою, — вы скорее смогли бы уговорить большую реку отступить при наводнении, чем заставить замолчать людей, пока они не получают того, чего хотят!» Язид, брат одного из сосланных, поднял знамя и призвал всех врагов тирана, уже спешившего назад из Медины, преградить ему путь в Аль-Куфу. Народ пошел за ним до самой Аль-Кадисии, откуда были посланы гонцы к Саиду, передать, что «они в нем больше не нуждаются». Не ожидая такого оборота дел,

Саид попытался взять их уговорами. «Было бы достаточно, — убеждал он, — послать одного человека с вашей жалобой к халифу; вы же вышли толпой в тысячу человек на одного!» Народ оставался глух к его увещаниям. Его слуга, попытавшийся пробить себе дорогу, был убит Аль-Аштаром; сам Саид еле ускакал в Медину, где нашел Османа перепуганным известиями о мятеже и готовым уступить бунтарям, чего бы они ни запросили. По их желанию халиф вместо Саида назначил правителем

На его место назначен Абу Муса.

Аль-Басры Абу Мусу, прежнего губернатора. Чтобы приветствовать нового назначенца, в Аль-Куфу со всех сторон понаехали командиры арабских гарнизонов; Абу Муса принял их в заполненной народом мечети. Прежде всего, он взял с жителей клятву верности халифу, а затем начал молитву, руководя всем собранием.

Роковая ошибка Османа.

Если бы вместо этой уступки Осману удалось добиться, чтобы зачинщики мятежа в Аль-Куфе понесли заслуженное наказание, он подавил бы эту бурю в зародыше. А получилось, что он лишь подлил масла в огонь, инициировав восстание не только в этом взбудораженном городе, но и в Аль-Басре, и в Египте. Ведь, рано или поздно, решительных действий было не избежать; и халиф нуждался в сильной поддержке в надвигавшейся борьбе. Пока что спор шел между корейшитами и всей исламской знатью с одной стороны, и арабскими племенами и городской толпой с другой. В такой ситуации все крупные вожди до одного сплотились бы вокруг халифского трона. Но, сделав по своей жалкой слабости уступку мятежникам, Осман не только подтвердил их претензии, но и утратил возможность использовать весь мир ислама на своей стороне в более глубоком вопросе. Вместо этого, все свелось к незначительной ссоре, вызванной личными интересами и усугубленной озлоблением людей от лицепрятия и тирании самого халифа. Теперь кризис стал неизбежен. Людям стало очевидно, что у Османа недостает ни силы, ни мудрости для того, чтобы с ним справиться, и всякий стал искать своей собственной выгоды. Повсюду свободно циркулировали подстрекательские письма; выдвигались даже требования выбрать кандидатов для замещения Османа, который, как предвиделось, не сможет долее удерживать бразды правления халифатом в своих слабеющих руках.

Али пытается повлиять на Османа,

Вот так волнения распространялись даже в Медине, откуда летели в провинцию послания, что скоро меч более понадобится дома, чем за границами Аравии. Зараза стала столь всеобщей, что кроме близкой родни халифа, верными ему оставались лишь двое-трое из вождей. Мединская знать послала Али к Осману, чтобы повлиять на того. «Люди добиваются от меня, чтобы я тебя увещевал, — сказал он, — но что я могу сказать тебе, зятю Пророка, бывшего ему другом-наперсником? Путь пред тобою прям; но глаза твои слепы, и ты не видишь его. Кровь, пролитая однажды, не перестанет течь до Судного Дня. Начавшись с одного пятнышка, измена вскипит, как пенные волны моря». Осман посетовал, и не без основания, на недружелюбие самого Али. «Со своей стороны, —

сказал халиф, — я делал все, как лучше; а что касается людей, за которых ты меня укоряешь, разве не сам Омар назначил Аль-Могиру в Аль-Куфу; а если Ибн Амир мне родственник, разве он плох оттого?» «Нет, — отвечал Али, — но Омар держал своих помощников в узде, а когда они поступали неправильно, наказывал их; а ты относишься к ним мягко, поскольку они твои родственники». «Ну, а Муавия, — продолжал халиф, — это Омар назначил его в Сирию». «Да, — согласился Али, — но я клянусь тебе, что даже рабы Омара так не боялись своего господина, как трепетал пред ним Муавия. А теперь он делает, что хочет, говоря, “это все Осман”. А ты, зная про все это, оставляешь его в покое!» Сказав это, Али повернулся и пошел прочь.

...который обращается к народу.

Поскольку Али в разговоре ссылаясь на весь народ, Осман вышел прямо на кафедру и обратился ко всем, собравшимся на молитву. Он укорял их за несдержанность в речах и готовность слушать злоумышленников, которые хотят очернить его имя, выделить его промахи и приуменьшить добродетели. «Вы вините меня, — говорил он, — за то, что с радостью сносили от Омара. Он вас топтал ногами, бил хлыстом, унижал вас, ругался. А вы все сносили от него терпеливо: все, что вам нравилось, и что не нравилось! Я был мягок с вами; склонял пред вами свою спину; удерживал язык от резких слов, а руку от ударов. И вот, вы поднимаетесь против меня!» Затем, подробно остановившись на повсеместном благоденствии арабов во время его правления, на той пользе, которую оно им принесло, он закончил: «Итак, удержитесь, умоляю вас, от оскорблений меня и моих правителей, пока вы не разожгли пламя мятежей и волнений по всему нашему царству». Это обращение было смазано его кузеном Мерваном, воскликнувшим в самом конце: «Кто будет противиться халифу, с тем разберемся с помощью меча!» «Тихо! — остановил его Осман, — оставь меня с моими друзьями. Разве я не запретил тебе говорить?» Вслед за этим Осман сошел с кафедры. Это страстное обращение не возымело эффекта. Недовольство продолжало шириться, и сборища против халифа стали множиться.¹

Конец одиннадцатого года правления Османа.

Вот так закончился одиннадцатый год правления Османа. Ближе к его концу состоялось памятное совещание, рассказ о котором пойдет в следующей главе. Халиф совершил ежегодное паломничество как обычно. Он совершал его каждое лето; но этой поездке суждено было стать его последней.

¹ Мерван, согласно преданиям Аббасидов, всегда выступает как злой гений Османа. Однако, реальная роль, которую он сыграл в жизни Османа, без сомнения, преувеличена.

ГЛАВА XXXI

ПЕРСПЕКТИВЫ МРАЧНЕЮТ

34-35 г. хиджры / 655 г. от р. Х.

Непочтительное отношение к Осману.

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ход событий неуклонно приближал незадачливого халифа к печальному концу. Абд Ар-Рахман, бесспорно, чувствовал лежавшую на нем ответственность за его роль в избрании Османа, к этому времени уже испил свою смертную чашу. Последние годы свои он провел в сетовании, оказавшись одним из первых, кто выразил открытое недовольство недостатком щепетильности и пренебрежительностью Османа в делах закона: изъяны, может быть, и небольшие, но в глазах Абд Ар-Рахмана знаковые. Породистый верблюд, часть десятины одного из бедуинских племен, был подарен халифом как большой раритет одному из его родственников. Абд Ар-Рахман, возмущенный таким злоупотреблением в делах благотворительности, схватил это животное, зарезал его и раздал мясо беднякам. Слова, сказанные при этом в адрес «заместителя Пророка Господа», породили дальнейшее неуважение и поношение халифа. На улицах Османа встречали криками, что ему надлежит отстранить от дел Ибн Амира и безбожного Ибн Аби Сарха, и прогнать прочь Мервана, своего главного советника и наушника. Никто, кроме самых близких родственников, не поддерживал более халифа, но, полагаясь на них, Осман лишь усиливал враждебное отношение к себе народа. В итоге, халиф оказался вынужден выслушивать злобные выкрики из толпы.

Осман шлет своих представителей в провинции для изучения настроений.

Заговорщики повсюду мутили воду. Теперь их махинации стали обретать видимые очертания: слухи о надвигающейся измене поползли из столицы в заграничные колонии. Наиболее подверженные волнениям классы забеспокоились по всему царству арабов; тревога закрадывалась в сердце каждого человека. В Медину все время приходили письма с вопросами, что могут означать все эти зловещие разговоры, что за несчастье угрожает империи ислама. Мединская знать постоянно толклась на дворе у халифа в ожидании новостей; однако, невзирая на зловещие раскаты надвигающейся грозы, на поверхности все общество казалось спокойным. Наконец, по совету вождей, Осман разослал своих доверенных людей во все значительные центры: Дамаск, Аль-Куфу, Аль-Басру и Фустат, для наблюдения и доклада о любых подозрительных симптомах. Трое из них воротились, заявляя, что не обнаружили в повседневной жизни провинций ничего странного. Четвертого же, Аммара, прождали напрасно, поскольку его переманила на свою сторону египетская фракция. Тогда Осман разослал следующий эдикт во все зааравийские провинции: на предстоящем паломничестве правители всех земель должны, согласно традиции, лично явиться ко двору; у кого есть какие-либо жалобы на них, должен будет выйти вперед на общем собрании и обосновать свои претензии. С кем поступили несправедливо, тому помогут; в обратном случае халиф требует прекратить бесосновательную клевету, которая будоражит людские умы. Указ был зачитан повсюду.

Обращение это звучало довольно грустно; во многих местах люди, слушая его, плакали и молили Бога ниспослать милость на их халифа.

Совещание правителей провинций в Медине, 34 г. хиджры 655 г. от р. Х.

В назначенное время правители приехали в Медину, но ни один из злоумышленников не вышел из рядов собравшихся мусульман, чтобы изложить свои жалобы. Опрошенные Османом, его наместники не смогли назвать халифу никакой причины для недовольства, реального или кажущегося. Для глаз стороннего наблюдателя все казалось тихо и спокойно; да и посланные халифом люди вернулись, не найдя ничего подозрительного. Но все уже сознавали опасность трещины, расколовшей власть. И она стремительно увеличивалась. Несчастный халиф умолял людей о жалости, прося их совета. Но им было нечего предложить ему, за что Осман мог бы ухватиться. Один советовал арестовать заговорщиков и предать смерти их главарей; другой предлагал лишить всех ненадежных их пособий; третий рекомендовал отвлечь взбудораженные умы арабов новой войною; остальные считали, что наместникам следует изменить свое собственное поведение. Осман пребывал в смятении; он заявил лишь об одном: он никогда не пойдет на жестокие меры. Единственной панацеей, которую он решился одобрить, стала отправка новых армий для ведения дальнейших войн в зааравийских провинциях.

Ничего не было предпринято для отражения кризиса, и наместники разъехались по домам ни с чем. Муавия, собираясь к отъезду, уговаривал Османа отправиться вместе с ним в Сирию, где верные люди могли бы сплотиться вокруг халифа.

Осман отклоняет помощь, предложенную Муавией,

Но тот ответил: «Даже для сохранения жизни моей я не оставлю той земли, на которой провел свой путь в мире сем Пророк, и того города, где покоится его священный прах». «Тогда позволь мне послать войско, чтобы защищало тебя!» «Нет, этого я не сделаю, — твердо сказал Осман, — Я никогда не употреблю силы против тех, кто расположил свои жилища вокруг дома Пророка, и не допущу в их дома на постой вооруженных мужей». «В этом случае, — настаивал Муавия, — тебя ожидает не что иное, как гибель!» «Тогда Господь будет мне защитой, — воскликнул престарелый халиф, — и этого для меня достаточно!»¹ (У Крачковского: «Довольно мне Аллаха, на Него полагаются полагающиеся!» — прим. перев.). «Прощай же!» — сказал Муавия, уходя. Больше им не суждено было увидеться.

...который удаляется, предупредив Али и Зубейра.

Выезжая из города на ведущую в Сирию дорогу, Муавия решил предупредить группу корейшитов, среди которых находились Али и Аз-Зубейр. Он задержал коня, чтобы сказать им о грозящей опасности. Империя арабов сползает, сказал он, в анархию доисламских «дней невежества». Господь — всемогущий Отмститель за слабых. «Вам, — были его прощальные слова, — вам я поручаю этого старого беспомощного человека. Помогите ему, если хотите себе блага. Прощайте!» С этими словами он поскакал прочь.

¹ Он цитирует из суры xxxix 39.

Группа арабов оставалась некоторое время в молчании. Наконец, Али задумчиво произнес: «Лучше нам поступать, как он сказал». «Клянусь Господом! — согласился Аз-Зубейр, — ни на твоей груди, ни на наших, никогда не лежало такой тяжелой ноши, какая лежит теперь на груди Османа!»

ГЛАВА XXXII

ИНТРИГА СОЗРЕВАЕТ. ЗАГОВОРЩИКИ НАПАДАЮТ НА МЕДИНУ. СМЕРТЬ ОСМАНА.

35 г. хиджры / 656 г. от р. Х.

Заговорщики хотят захватить Медину. Конец 34 г. хиджры, лето 655 г. от р. Х.

ЗАГОВОР созрел очень быстро. Мятежники уже составили план предстоящих действий. Пока наместники халифа отсутствовали по вышеизложенной причине, заговорщики решили выйти из Аль-Куфы, Аль-Басры и Фустата и направиться в Медину, объединившись в достаточно серьезную силу. Там, в ответ на призыв халифа, они смогут представить ему бесконечный список всяких жалоб и громко возопить, требуя изменений, возмещений убытков от наместников, или их смещения. Когда Осман им воспротивится, они потребуют его отставки, и, в крайнем случае, прибегнут к силе меча. Относительно преемника халифа им не удалось прийти к соглашению. Аль-Куфа выступала за Аз-Зубейру; Аль-Басра за Талху; а фаворитом Египта был Али.

Заговорщики направляются в Медину, ix 35 г. хиджры, март 656 г. от р. Х.

Сразу выполнить этот план не удалось. Но несколько месяцев спустя, в середине следующего года, заговорщики вновь вернулись к своим замыслам. Все приготовления совершались в тайне. Под предлогом поездки в Мекку для совершения малого паломничества,¹ все группы пришли во взаимодействие. До ежегодного паломничества оставалось два или три месяца. Ибн Аби Сарх, правитель Египта, в этот момент послал Осману письмо, предупреждая его о возникшей опасности. В ответ халиф приказал ему преследовать мятежников; но тот пустился в погоню слишком поздно — они уже отъехали за пределы досягаемости его войска. Воротившись домой, Ибн Аби Сарх нашел Египет в руках изменника, и наместнику пришлось спасать свою жизнь поспешным бегством в Палестину. Интересно, что среди мятежных лидеров Египта находился Мухаммад, сын Абу Бекра.

Инсургенты располагаются лагерем близ Медины; они отступают;

Обеспокоенный известиями от своих соглядатаев о продвижении мятежников полным ходом к Медине, Осман занял место на кафедре и решил говорить о настоящей цели готовящегося нападения. «Они настроены против меня, — сказал он, — они вновь и вновь будут с завистью взирать на мое правление, желая, чтобы каждый день его был бы целым годом, ибо кровь, анархия и нечестие затопят отныне всю нашу землю». Вскоре появились мятежники, расположившись поодаль от города в трех отдельных станах: отдельно из Аль-Куфы, Аль-Басры и Египта. Народ вынужден был взяться за оружие и готовиться к отпору: вещь неслыханная со времен отступничества. Заговорщики, пытаясь еще замаскировать свои намерения, послали парламентаров к вдовам Мухаммада и

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. сi. Его можно было совершить в любое время года.

городской знати. «Мы прибыли, — поясняли они, — поклониться дому Пророка и месту его погребения, а также просить о смещении некоторых из наместников. Позвольте нам войти в город». Но разрешение дано не было. Тогда они послали переговорщиков к каждому из своих кандидатов на трон. Али обрушился на посланников, ругая их бунтарями, оскорбившими Пророка; другие встретили не больше гостеприимства в домах Талхи и Аз-Зубейра. Будучи не в состоянии уговорить горожан, без чьего согласия мятежники не могли добраться до халифа, их лидеры, заявив, что вполне удовлетворены обещанием халифа произвести перемены, удалились. Они договорились, что каждый из трех отрядов сделает вид, будто собирается в обратный путь к себе домой, а потом быстро возвратится к городу, чтобы застать жителей врасплох. Горожане, вздохнув с облегчением при виде их отхода, отложили в сторону свое оружие. Несколько дней все шло спокойно. Осман вел общие молитвы.

...но возвращаются с документом, на котором стоит печать халифа.

Внезапно в город вновь нагрянули все три банды. Группа жителей во главе с Али подошла к ним спросить, в чем дело. Чужаки показали документ, заверенный печатью халифа: это, объяснили они, было найдено группой из Египта у слуги Османа, которого они поймали спешившим по дороге на Фустат. В бумаге приказывалось бросить мятежников в темницу, пытать или лишить жизни. Али, подозревая подделку, спросил, каким же образом весть об этой находке с такой быстротой настигла остальные две группы, двигавшиеся в разные стороны. Как это они так быстро собрались вместе? «Можешь говорить, что тебе угодно, — отвечали ему, — вот послание, а вот печать халифа!» Али отправился к Осману, который отрицал свою причастность к этому документу, но, чтобы прояснить это дело, согласился принять главарей мятежников.

Сердитая перебранка с халифом.

Представленные Али халифу, они не выказали тому почтения, но с демонстративным видом, с показным негодованием, повторили свой рассказ. Они жаловались, что удалялись домой с обещанием перемен; но, вместо обещанного, наткнулись на собственного слугу халифа, спешившего в Египет с вероломно отданным приказом, который теперь у них в руках. Осман торжественно поклялся, что ничего об этом не знает. «Тогда скажи, кто же это написал и приложил печать?» «Не знаю!» — отвечал старый халиф. «Но документ выглядит вышедшим из твоих рук; вез его твой слуга; гляди, вот и печать твоя, а утверждаешь, что не имеешь к этому никакого отношения!» Осман вновь убеждал всех в своей непричастности.¹ «Говоришь ли ты правду, — грубо и дерзко

¹ Факты относительно этого документа очень расплывчаты. Он, бесспорно, был заверен перстнем халифа; но кто его к нему приложил, и как его достал, сказать невозможно. Никто не обвиняет Османа в сопричастности. Большинство хадисов-преданий приписывают это дело Мервану, непопулярному кузену халифа: на протяжении всего рассказа историк ругает его, как виновника неприятностей Османа, но ведь все они происходили от ненависти Аббасидов. Реплика Али по адресу заговорщиков так и осталась без ответа. Все три их лагеря обязательно должны были выработать некий план; да и касательно подлинности самого документа остаются сильные сомнения. Да, разумеется, у Мервана была возможность взять это дело в свои руки и написать подобный указ; и, конечно же, недостатка в основаниях у него для таких действий не было. Заговорщики могли напасть на след этого документа еще до того, как сделали видимость, что возвращаются по домам. Но все это лишь догадки.

заявили мятежники, — или лжешь, все равно, ты не достоин быть халифом! Мы не можем оставить скипетр правителя в руках человека, который, неважно, плут он или глупец, слишком слаб, чтобы управлять своими ближайшими подчиненными. Откажись от власти, ибо Сам Господь сместил тебя!» Осман дал им ответ: «Одеяние, в которое облачил меня Господь, снимать было бы неразумно; а вот от того зла, в котором вы меня обвиняете, я с готовностью отрекаюсь!» Злодеи закричали, что теперь уже слишком поздно для разговоров; халиф слишком часто обещал все изменить и нарушал свои же обещания; более они доверять ему не могут; теперь они будут сражаться, пока не сместят его или пока не убьют. «Смерть! — Осман отвечал им со сдержанной решительностью и достоинством, каким были отмечены его последние дни, — Я предпочитаю смерть; что же касается борьбы, я уже не раз говорил прежде, что мой народ не будет сражаться; будь у меня такое желание, я собрал бы легионы на своей стороне». Ссора становилась все громче, приобретая опасный характер. Али поднялся и пошел к себе домой. Заговорщики также разошлись по своим бандам; но они уже добились своей цели, сумев попасть в город. На дневных молитвах они смешивались с рядами прочих мусульман в мечети и бросали пыль в лицо Осману, когда он поднимался, чтобы говорить, и расталкивали преданных ему людей. Решительная развязка кризиса приближалась.

Беспорядки во время молитвы. Осман сбит наземь.

Наступила пятница. По окончании молитв, Осман взшел на кафедру. Вначале он призвал граждан прислушаться к голосу разума, и народ, несмотря на присутствие в его рядах мятежников, осудил их незаконные действия. Затем, обратившись к заговорщикам, халиф продолжил: «Вы знаете, что народ Медины считает вас осужденными устами Пророка, поскольку вы поднялись против его халифа и заместителя. А потому, перемените свои злые дела на раскаяние, и добрыми делами искупите свое прошлое». Один за другим жители города начали подниматься в подтверждение слов халифа, чтобы показать, что они на его стороне. Однако злоумышленники хранили молчание и продолжали сидеть с вызывающим видом. Началась свалка. Град камней обрушился на мединцев, которым пришлось бежать из мечети. Один из камней попал в Османа, он упал с кафедры, и халифа быстро отнесли домой, благо, жилище его находилось неподалеку. Он находился в обмороке. Вскоре он пришел в себя, а в последующие несколько дней оказался в состоянии вести молитвы. Однако наглость и насилие пришельцев вынудили его буквально запереться в своем доме: началась в прямом смысле слова блокада. Впрочем, вооруженные телохранители халифа вкупе с преданными ему горожанами пока что сохраняли вход в его жилище безопасным.

Отношение Али, Зубейра и Талхи.

С первого же дня волнений, Али, Аз-Зубейр, и Талха (троица, поименованная мятежниками в качестве кандидатов на роль следующего халифа) послали по одному из своих сыновей для подкрепления горстки верных Осману храбрецов, расположившихся у входа в халифский дворец. Но существенного они ничего не предпринимали; более того, во время памятной стычки с метанием камней все они предпочли оставаться в стороне. После инцидента, приведшего к обмороку Османа, они, вместе с группой мединцев, пошли справиться, как он себя чувствует. Не успели они войти, как Мерван с другими

родственниками, навещавшими халифа, подняли крик против Али, называя того главным виновником несчастья, которое в итоге все равно обрушится на его же собственную голову. (Заметим, что в этом они оказались правы). Али, взбешенный таким приемом, поднялся на ноги и вместе со своими товарищами покинул дом халифа. Честно говоря, это было бессердечное и трусливое дезертирство, в конце концов, принесшее для всех свои горькие плоды. Тревога, вызванная наглым поведением тех, кто покушался на установленную законом власть и отвергал верность трону, требовала от всех граждан, как решительности, так и бескомпромиссности и единства. Один из соратников Пророка верно подметил: «Эй, корейшиты, — сказал он, — до сих пор между вами и племенами арабов была прочная дверь, вас от них ограждавшая; не собираетесь ли вы ныне эту дверь сломать?»

Осман осажден. Переговоры с Али, Зубейром и Талхой.

Как только заговорщики показали свои истинные намерения, Осман послал в Сирию и Аль-Басру за помощью, умоляя не медлить. Муавия, задолго до того предвидевший такую печальную необходимость, держал наготове большие силы, которые незамедлительно двинулись на выручку халифа. Из Аль-Басры также поспешил на помощь повелителю конный отряд. Но путь был неблизок, и Осману стоило большого труда продержаться до подхода подмоги. Заговорщики заняли мечеть и все подходы к дворцу; кроме того, в качестве верха наглости, их лидер занял место предводителя на молитвах. В Медине никакого войска не было, и Осман зависел от той кучки добровольцев, что с трудом могла защитить вход в его дворец. Помимо ополчения из слуг, охрана состояла примерно из восемнадцати человек: родственников халифа и других мединцев, включая сыновей Али, Аз-Зубейра и Талхи. Осознавая растущую угрозу нападения, Осман предчувствовал свой близкий конец и послал сказать Али, Аз-Зубейру и Талхе, что он хочет в последний раз увидиться с ними. Они подошли к дворцу и, не спеша входить внутрь, остановились в пределах слышания. Халиф, взойдя на плоскую крышу своего дома, велел всем сесть на землю, на какую-то минуту друзья и враги оказались сидящими бок о бок. «Друзья, сограждане! — возвысил голос халиф, — Я молил Господа о вас, чтобы, когда Он заберет меня к себе, Он сохранил бы халифат в порядке». Затем он поведал о своей прежней жизни, о том, как Господь выбрал его быть наследником Своего Пророка и повелителем правоверных. «А теперь, — продолжал Осман, — вы поднялись, чтобы убить избранника Господа. Берегитесь, вы, люди!» Затем он обратился к осаждающим: «Лишить человека жизни по закону можно лишь в трех случаях: за отступничество, убийство, или прелюбодеяние. Предавая меня смерти без таких на то причин, вы обращаете меч против своей собственной шеи. Мятежи и кровопролития вечно будут сопутствовать вам самим». Дослушав его до этих слов, бунтовщики подняли крик, что существует еще и четвертый повод для смертной казни: подавление истины посредством злых дел, подавление их прав насилием. За свое нечестие и тиранию Осман должен уйти в отставку, или он повинен смерти! С минуту Осман хранил молчание. Затем тихо поднялся и велел гражданам разойтись; а сам, практически утратив надежду на спасение, вернулся в покои своего мрачного жилища.

Блокада усиливается. Страдания от жажды.

Осада дворца длилась уже несколько недель, когда прискакавший в Медину всадник возвестил о подходе помощи. Когда слух об этом дошел до ушей мятежников, те вынуждены были удвоить свои усилия. Перекрыв все лазейки во дворец, они не позволяли ни единой душе, ни входить в него, ни покидать. Даже украдкой, в тишине ночи осажденным зачастую не удавалось добыть ни капли воды. Люди испытывали сильную жажду. По просьбе Османа Али попытался урезонить осаждающих. «Вы обращаетесь с халифом, — говорил он им, — с большей жестокостью, чем относились бы к пленникам, взятым на поле боя. Даже неверные не отказывают в глотке воды жаждущему врагу!» Но бунтовщики оставались глухи к его уговорам. Ум Хабиба, снедаемая жалостью к халифу, попыталась с помощью Али доставить во дворец воду на своем муле через ряды осаждавших. Но ни ее пол, ни авторитет вдовы Пророка, не остановили злодеев, грубо схвативших женщину руками. Они разрубили уздечку своими мечами, так что женщина чуть не свалилась наземь с мула, и отогнали прочь с оскорблениями. Лучшие из жителей города оказались в шоке от грубости и бесчеловечности мятежников; но ни у кого не хватило смелости противостоять им. Упавшие духом, боящиеся за сохранность своих собственных домов, они смотрели как их соседи, взяв на всякий случай оружие, спешили вон из Медины, желая избежать жестокого зрелища. С трудом верится, что даже при таком беспомощном положении города Али, Аз-Зубейр и Талха, великие герои ислама, не смогли бы, если бы только захотели, собрать достаточно сил для отпора беззаконию этой банды бессердечных убийц. Их следует считать отчасти также виновниками гибели халифа, а то и вовсе соучастниками мятежников. По крайней мере, они повинны в хладнокровном безразличии к судьбе своего властелина.¹

Ежегодное паломничество, хii 35 г. хиджры, июнь 656 г. от р. Х.

Наступало время торжеств по случаю ежегодного паломничества. Осман, все еще помня о своих обязанностях как главы ислама, посчитал необходимым позаботиться об их должном проведении. Халиф вновь поднялся на крышу своего дворца. Оттуда он воззвал к сыну Аль-Аббаса, одного из своих приверженцев, охранявших вход, и велел ему возглавить группу паломников, которой надлежало отправиться в Мекку. Халифу, осажденному в собственном доме, пришлось отдать это распоряжение во многом вопреки собственной воле. К этой группе присоединилась Аиша. Прежде ее обвиняли в

¹ Разговоры среди придворных Аль-Мамуна, как отражено в «Апологии Аль-Кинди», показывают, что Али еще задолго до описываемых событий, рассматривал возможность убийства Османа (*Apology*, стр. 73). Вроде бы нет ни малейших подтверждений этому слуху; однако, как бы то ни было, невозможно сдержать негодование, глядя на отношение Али, который был в состоянии сделать так много, но ничего не предпринял. Он послал своего сына для присоединения к числу охранявших вход во дворец, возмущался, что тому не дают доступа к воде, и в то же время пальцем о палец не ударил, чтобы спасти сына от смерти. Существуют предания, показывающие Османа порицающим Талху за то, что тот воодушевлял мятежников ужесточить блокаду. Однако, как бы мы ни осуждали Талху за то, что он бросил халифа, такое обвинение выглядит невероятным. Обычно считается, что Талха и Аз-Зубейр, услышав про наглость бунтовщиков, просто попрятались по своим домам. Другие же говорят, что они оба покинули Медину. Ум Хабиба, дочь Абу Суфьяна, естественно, симпатизировала Осману. Один из граждан Аль-Куфы, находившийся в банде мятежников, был так потрясен их обращением с одной из «матерей правоверных», что ушел домой, где дал волю своим чувствам, описав в стихах весь ужас сцен, разыгравшейся в Медине трагедии.

возбуждении народа против Османа. Теперь же, в любом случае, импульсивная женщина не желала иметь никакого отношения к повстанцам, а также, стремясь вытащить своего брата Мухаммада из их компании, попросила того сопровождать ее в Мекку. Однако он отказался.

Штурм дворца, 18 зуль-хиджа, 17 июня.

В конце концов, приближение посланных на помощь халифу отрядов заставило мятежников поторопиться, и они решились на окончательный штурм с целью убить старого правителя. Приступ начался со всех сторон семнадцатого июня на рассвете, безнадежное положение горстки защитников, не способных удержать свою позицию, заставило их отступить внутрь дворцовых ворот. Ворота они заперли и пытались прикрыть свой отход стрельбой из лука, что стоило жизни одному из нападавших. Приведенные в ярость смертью своего товарища, мятежники ринулись к воротам и начали бить по ним камнями. Ворота для камней оказались слишком крепкими. Тогда повстанцы решили сжечь их. В это время остальные бандиты, пробравшись по крыше соседнего здания, нашли более легкий путь во дворец. Пробежав по коридору, они набросились на стражников, все еще находившихся вблизи дворцовых ворот. Один из защитников был зарублен, раненный Мерван свалился полумертвым, и остальных также одолели. Осман отступил, оказавшись один в одном из внутренних покоев женской половины. Там, в ожидании своей судьбы, халиф читал Коран, раскрытый на его коленях. Трое негодяев, посланных свершить кровавую работу, бросились на занятого чтением старика. Но, пораженные его величественным спокойствием и печальным видом, они вернулись ни с чем. «Поднять руку на него в таком положении было бы убийством чистой воды!» — заявили даже эти головорезы.

Яростный Мухаммад, сын Абу Бекра, в своей ненависти не был столь щепетилен. Ворвавшись в покой, он схватил старика за бороду и закричал: «Господь снимает тебя с должности, выживший из ума старик!» «Отпусти мою бороду, — спокойно сказал Осман, — я не выжил из ума, но я халиф, которого зовут Османом». Затем, в ответ на следующий поток оскорблений, старец продолжил: «Сын брата моего! Отец твой служил бы мне по-другому. Господи, помоги мне! У Него я ищу убежища от твоей руки». Такие слова затронули даже недостойного сына Абу Бекра, и он также удалился. В нетерпении вожди мятежников столпились вокруг халифа, рубя его мечами и топча ногами Коран, который тот только что читал. Однако у старика достало еще сил собрать разлетевшиеся листы и прижать к своей груди. Кровь хлынула на строки священной книги.¹ Во время этой

¹ Говорят, что кровью залило страницу до слов: «Если они отвратились, то они ведь всего лишь раскольники; Господь разберется с ними за тебя» (Сура ii 131). (Крачковский: «Если же они отвратились, то они ведь в расколе, и Аллах избавит тебя от них» — прим. перев.). Правда, этот текст настолько здесь уместен, что подобная история могла быть специально подстроена под него.

Когда заговорщики ворвались в покои халифа, он читал отрывок из суры iii 167, в котором говорится о мединцах, атакованных в битве при Оходе. Отчаявшиеся мединцы представлены там укоряющими Мухаммада и его сторонников словами: «“Истинно, люди [из Мекки] собрали силы против вас; вам следует бояться этого”. Но это лишь увеличило их веру, и они отвечали: “Для нас достаточно Господа; Он — лучший Защитник!”» (Крачковский: «Тем, которым говорили люди: “Вот, люди собрались против вас, бойтесь их!” — но это только увеличило веру в них, и они говорили: “Достаточно нам Аллаха, Он —

страшной рубки преданная Найла кинулась к своему израненному господину. Пытаясь прикрыть его своей рукою, женщина приняла на себя один из ударов. Отрубленные мечом пальцы полетели на землю. Несколько слуг халифа бросилось к нему на помощь. Один из них зарубил вожака бандитов, но и сам был убит на месте.

Осман убит.

Защитить халифа было невозможно. Повстанцы один за другим погружали свои клинки в его тело, и вскоре старик рухнул наземь бездыханным. Взбесившаяся шайка добилась своего. Мерзавцы были не в силах обуздать свою ярость. Они кололи труп халифа, плясали на нем, как дикари, и попытались отрезать голову, но были остановлены жутким визгом женщин, в отчаянии колотившим озверевших убийц в голову и грудь. Весь дворец был опустошен, даже с Найлы, израненной и истекающей кровью, сорвали ее покрывало. В этот момент раздался крик: «Эй, айда в сокровищницу!», и покои моментально опустели.

Его похороны.

Как только мятежники ушли, вход во дворец оказался перекрытым, и в течение трех дней и ночей три трупа оставались лежать внутри в полнейшей тишине. Затем кто-то из вождей корейшитов получил от Али разрешение похоронить тело халифа. Вечером, в сгустившихся сумерках, печальная процессия двинулась за город на место погребения. Смерть не смягчила сердце мятежников, и они встретили оплакивающих халифа людей камнями. Тело из-за этого было предано земле не на кладбище, но на земле соседнего с ним поля. Церемония проходила в спешке. В последующем времени это поле было присоединено Мерваном к территории кладбища: к земле, освященной останками первых героев войн Пророка. И долго еще Омейяды будут хоронить своих усопших вокруг могилы их убиенного родственника.

Характер.

Вот так, в возрасте восьмидесяти двух лет, свершил свой жизненный путь Осман, двадцать лет правивший исламским государством. Неудачи, в которых он погряз, настолько резко обозначили все слабости его характера, что вряд ли его нужно обрисовывать дополнительно. Ограниченность мышления, нерешительность и мягкость сочетались в нем с добротою души, которая при более благоприятных обстоятельствах могла бы сделать из него всеобщего любимца. И таковым он, конечно, и был для народа в самом начале своего правления. Но дальше потянулась полоса неудач. Соперничество между корейшитами остальными арабами ввергло нацию в междоусобную войну. Единственной гарантией для правящего класса сохранить свое влияние могло быть только полное объединение всех сил. Но Осман своей нерешительностью, своим себялюбием и лицеприятием раздробил аристократию ислама на озлобленные группы, и тем самым подрубил под корень ее последние надежды.

прекрасный доверенный!» — прим. перев.). Это был любимый отрывок Османа, возможно, он нашел в нем в тот момент утешение, поскольку помощи от людей ожидать было тщетно.

Посланные отряды возвращаются на север.

Воины, что спешили с севера на помощь халифу, прослышав о его трагическом конце, возвратились назад по своим домам.

ГЛАВА XXXIII

ИЗБРАНИЕ АЛИ.

35-36 г. хиджры / 656 г. от р. Х.

Внезапная перемена чувств.

Со смертью халифа, его родственники, а также те, кто пытался защитить его, сошли со сцены. Город был объят ужасом. Арабы вряд ли предвидели такой трагический конец. Многие, кто приветствовал мятежников, а то и присоединялся к ним, после свершения их злого дела отшатнулись в сторону. Родня убитого халифа бежала в Мекку, поклявшись отомстить. Один из жителей Медины, бережно завернув отсеченные персты Найлы в окровавленную рубаху Османа — говорящие сами за себя свидетельства злодеяния — отвез их в Дамаск и положил к ногам Муавии.

Али избран халифом, 24 хii 35, 23 июня, 656.

Несколько дней в Медине царила анархия. Мерзавцы овладели всем городом. Особенно отличились в эти первые дни террора египтяне: даже молитвы в мечети возглавлялись их главарем. Немногие из жителей города отваживались приходить на собрания. В конце концов, на пятый день безвластия, мятежники настояли, чтобы до их отъезда из Медины жители выбрали нового халифа, и империя обрела свое обычное состояние. Али, трясась от страха перед тяжким бременем, которое неизбежно должно было лечь на плечи преемника Османа, попытался уйти в сторону и предложил принести присягу Талхе или Аз-Зубейру. Но под конец, под нажимом своих друзей и под угрозами со стороны повстанцев, сдался. Итак, спустя шесть дней после случившейся трагедии, Али торжественно принес обет править «согласно Книге Господа» и принял почести, предназначенные халифу. Аз-Зубейр и Талха стали первыми, признавшими его власть. Позже они заявили, что дали ему клятву против своей воли, из страха перед заговорщиками. Народ в своей массе последовал их примеру. Были и исключения, но Али был к таким снисходителен и не стал требовать принесения клятвы ему на верность от приверженцев прежнего халифа. Мятежники же, оказав формальное почтение новому повелителю, подались восвояси, чтобы побыстрее рассказать историю своего похода у себя в Аль-Куфе, Аль-Басре и Фустате.

Склоняется покарать негодяев.

Путь Али не был усеян розами. Дома ли, или за пределами Аравии, повсюду его ждала тяжелая работа. Дни его наполнились заботами. К продолжающемуся соперничеству между корейшитами и бедуинами добавились требования отомстить подлым мятежникам. Кровавая измена сильно ослабила узы, скреплявшие арабское общество, и с законно избранной властью люди теперь мало считались. Банды кочевников, издали почуявшие запах наживы, роились в окрестностях города. Воодушевленные тем, что городское население утратило бразды правления над ними, бедуины отказывались оставить Медину

в покое.¹ Многие требовали от Али подтвердить непреклонность закона и покарать тех, кто запятнал свои руки кровью Османа. На этом настаивали даже Талха и Аз-Зубейр, слишком поздно осознавшие всю пагубность свершившегося на их глазах злодеяния, которому сами же почти никак не пытались воспрепятствовать. «Братья мои, — отвечал Али, — мне не безразличны ваши требования, но здесь я бессилён. Дикие кочевники и отбившиеся от рук рабы все равно пойдут своим путем. Что это, как не вспышка их языческого характера, что сдерживался так долго? Это временное возвращение к дням отступничества, работа сатаны! Сейчас они нам неподвластны. Но подождите, и Господь направит нас!» Эта склонность к ожиданию, к колебаниям, служила символом всей жизни Али. Ему уже стукнуло пятьдесят, и, несмотря на храбрость, отличавшую его в былые годы, Али давно превратился в тучного медлительного человека. Он любил покой; хотя порой Али и проявлял упорство и своеволие, лучше всего четвертого по счету халифа характеризовало убеждение, что дела, предоставленные самим себе, непременно пойдут на лад.

Корейшиты встревожены.

Корейшиты были встревожены создавшейся обстановкой. Восстание, первоначально направленное против нечестивого правления Османа, принимало слишком широкий размах. Бедуинам надоел контроль со стороны корейшитов; то, что случилось с семейством Омейядов, вынужденным бежать из Медины, в любой момент могло стать и со всеми корейшитами. Однако Али, хотя и называл деяния мятежников самой настоящей изменой, не предпринимал никаких шагов к их наказанию. Он лишь тянул время. Если бы он сразу решил энергично преследовать злоумышленников, халифа, без сомнения, поддержали бы и душой, и сердцем, все лидеры и знать ислама. Но он предоставил кораблю власти самому дрейфовать по волнам, и нерешительность халифа очень быстро занесла это судно в губительный водоворот восстания.

Али собирается сместить Муавию в Сирии,

Другим неотложным делом было утверждение в должности наместников, либо их смещение. Здесь Али не стал слушать своих друзей, проявив себя достаточно своевольным и безрассудным. Когда Ибн Аль-Аббас возвратился из паломничества в святую Мекку, он увидел, что Аль-Могира весьма мудро уговаривает Али оставить наместников на их местах, хотя бы до тех пор, пока вся страна не признает его права на трон. Но Али не послушал его. Тогда и Ибн Аль-Аббас попытался убедить халифа: «В

¹ Различного рода рабы, будучи пленниками всяких войн, годами стекались в Медину и другие центры империи. Они оказывались в рядах прислуги, направлялись на службу в охрану, были телохранителями, или же занимались торговлей, выплачивая часть прибыли своим хозяевам. Во время мятежа они своих владельцев бросили, выказывая открытое неповиновение. В Медине это явление приняло большой размах, поскольку из таких людей состояла охрана казначейства, и они, будучи единственным профессиональным войском в городе, чувствовали свою силу. И в Аль-Басре, и всюду подобный контингент с готовностью становился участником волнений. Подобно янычарам и мамелюкам более поздних времен, род этот был крайне раздражительным. Немедленно после принесения клятвы верности Али, они стали высмеивать его в угрожающих стихах, на что халиф (не оставивший в поэзии без ответа даже рабов) отвечал импровизированными куплетами. Был издан указ, что рабы, не вернувшиеся к своим хозяевам, будут считаться вне закона; но никакого действия он не возымел.

любом случае, сказал он, — не трогай хотя бы Муавию: его туда назначил Омар, а не Осман; за ним вся Сирия готова последовать куда угодно». Стоило прислушаться к этому совету, следовавшему со стороны столь близкого родственника. Но новый халиф, с его генетической ненавистью к линии Омейядов, резко ответил: «Ну, нет! Я не утвержу его даже на один день!» «Если ты его снимешь, — пытался урезонить Али его друг, — сирийцы поставят под сомнение твоё избрание. Даже хуже: они обвинят тебя в крови Османа, и все как один поднимутся против тебя. Утверди его правителем Сирии, и им никакого дела не будет до того, кто у них халиф. А вот когда ты прочно утвердишься, можешь снять его, если захочешь — это будет нетрудно». «Ни за что! — отвечал халиф, — Ему от меня ждать нечего, кроме меча!» «Ты храбр, — заметил Ибн Аль-Аббас, — но простодушен в вопросах войны; разве не сам Пророк сказал: “Что такое война, как не искусство обмана?”» «Это верно, — согласился Али, — но Муавию я больше не потерплю!» «Э-э, — протянул со вздохом Ибн Аль-Аббас, — тогда тебе лучше удалиться в своё имение в Янбо и попрочнее запереть там за собою ворота; ибо повсюду бродят шайки бедуинов. Если ты делаешь и других своими врагами, то эти бродяги уж точно с тобой разберутся, и обвинят твой дом в крови Османа». «Послушай, — попробовал другой подход Али, — поезжай-ка в Сирию сам. Вот, я назначаю тебя туда наместником!» «Да ни за что на свете! — воскликнул Ибн Аль-Аббас, — Муавия точно снесет мне голову! Или бросит в темницу, как виновника смерти Османа и твоего родственника. Лучше послушай моего совета и уладь с ним все дела по-доброму, пока ещё не поздно». Но Али оказался глух к его словам.

...и назначает новых наместников по всей империи, i 36 г. хиджры, июль 656.

Действуя крайне импульсивно, под воздействием этого минутного настроения, Али послал своих людей заменить всех наместников по всем областям исламской империи. В большинстве случаев эти перемены были приняты, хотя и с огорчением. Даже в Аль-Басре Ибн Амир, не желая провоцировать народ на мятеж, согласился вернуться в Мекку, где и остался жить после отставки. Сменивший его Осман Ибн Хонейф не встретил никакого сопротивления; однако группа людей, придерживавшихся памяти убиенного халифа, была там отнюдь не слабее партии сторонников халифа нынешнего. Остальные жители Аль-Басры ожидали, как повернутся события в Медине. В Египте получилось то же самое. Кейс, поставленный на место правителя, оказался мудрым и способным администратором, но перейти границу своей провинции и попасть в нее он смог, лишь притворившись приверженцем дела Османа. Очень большая группа людей в Египте, настроенных крайне агрессивно, поклялась, что не успокоится, пока справедливое возмездие не постигнет убийц их повелителя. В Йемене новый наместник смог вступить в должность лишь после того, как его предшественник перевез с собою в Мекку всю казну. А вот те два чиновника, что были направлены в Аль-Куфу и Сирию, встретили такой грубый отпор, что были рады хотя бы тому, что им удалось унести ноги в Медину.

Шлет послания Муавии и Абу Мусе.

Обеспокоенный последними событиями, совсем упав духом, Али решил посоветоваться с Талхой и Аз-Зубейром. Пламя восстания, которое он предвидел, уже разгорелось и готовилось разлететься по всей стране подобно жуткому пожару, уничтожающему все на

своем пути. «Ну что ж, — сказали они халифу, — позволь нам в таком случае удалиться, чтобы послужить тебе на поле брани». «Подождите, — остановил их Али, — прижигание следует использовать как последнее средство». Он решил сначала послать письма Муавии, а также Абу Мусе в Аль-Куфу, требуя от них повиновения. Абу Муса отвечал весьма вежливо, однако в своем письме предупреждал халифа о том неудовольствии, что возрастало в Аль-Куфе против Али. С Сирией же все коммуникации казались отрезанными; неделя проходила за неделей, а ответа все не было. На самом деле, там разыгралась весьма интересная сцена.

Символы отмщения в Дамаске.

Как только Муавия получил свидетельства убийства Османа: окровавленную рубашку и искромсанные пальцы Найлы, он повесил их на кафедре дамасской мечети. Выставленные на всеобщее обозрение, эти символы страшного преступления пробуждали в сердцах и без того раздраженных сирийцев жажду мести. Однако же, эмир не спешил действовать. Пребывая в ожидании, он хотел понять, на что способен новый халиф. Если бы у Али хватило мудрости, он сумел бы обратить желание мщения сирийцев на головы мерзавцев, совершивших убийство. Таким образом, он задавил бы начинающееся восстание арабских племен. В этом случае, они оказались бы его наилучшей опорой, поскольку Сирия никогда не испытывала бедуинских волнений, постоянно будораживших Аль-Ирак и Египет. Она изначально являлась излюбленной колонией для корейшитов, которые оседали там в большем количестве, чем в других провинциях. Их влияние в Сирии было общепризнанным. Более того, они переезжали в города Сирии, населенные христианами, что покорились арабам на почетных условиях. По этой причине все классы общества оставались законопослушными; в то время как Аль-Басра и Аль-Куфа оказывались постоянно переполнены племенами горделивых арабских кочевников, привыкших считать завоеванные земли своею родою собственностью. В Сирии преобладал закон; в Аль-Ираке и Египте царили дерзость и оружие. Кроме того, Сирия всегда была более привержена семейству Омейядов, и осталась такой до самого конца.

Дерзкий ответ Муавии, ii 36 г. хиджры, август 656 г. от р. Х.

Сирийцам недолго пришлось ждать раскрытия планов Али. Его резкая попытка отстранить Муавию и отказ преследовать убийц Османа дали основания предполагать о связи Али с заговорщиками. Взирая на висящую перед их глазами кровавую рубаху, сирийцы не замедлили поднять голос против нового халифа. Величие отверженного закона должно было быть восстановлено; если убийцы не предстанут перед правосудием, кого же тогда и винить, как не Али? Весь Дамаск находился в возбуждении, когда Муавия получил послание Али. Поначалу он не удостоил его ответом. Привезший письмо человек день за днем проводил в ожидании, глядя на надвигавшуюся бурю. Наконец, Муавия подготовил ответ: более странного послания мир еще не видел. Снаружи был написан адрес: «От Муавии Али», скрепленный государственной печатью. Больше в письме не содержалось ни слова, оно было пустым. Послание халифу должен был доставить Кабиса, вождь бедуинов, вместе с ним разрешили поехать и прибывшему гонцу от Али. Приехав в Медину спустя три месяца по смерти Османа, Кабиса принес

письмо Али. Халиф в нетерпении сломал печать. «Что это значит? — воскликнул он, глядя на пустой лист бумаги, — объясни эту загадку!»

Прежде всего, Кабиса осведомился, следует ли ему опасаться за свою жизнь. «Ты в безопасности, — отвечал Али, — неприкосновенность посла — дело святое. Говори!» «Знай же, — заявил посланник Муавии, — что я только что оставил рыдающими над окровавленной одеждой Османа шестьдесят тысяч воинов, которые натянуты, подобно тетиве лука, и горят желанием отомстить за смерть халифа — отомстить тебе!» «Что-о-о! — воскликнул пораженный Али, — Мне?! Уж не думаешь ли ты, что я бессилён покарать убийц? О, Господи! Беру Тебя в свидетели, что я неповинен в крови Османа. Пойди прочь! Как видишь, твоя жизнь в безопасности». Посол собирался удалиться, но толпа дерзких рабов и черни провожала его криками: «Зарезать этого пса! Прикончить посланника сирийских собак!» Он обернулся и, обращаясь к корейшитам, крикнул во весь голос: «Дети Модара! Дети Кейса! Конь и лук! Четыре тысячи вооруженных пиками воинов у меня под рукою. Готовьте к бою своих верблюдов и жеребцов!»

Али объявляет поход на Муавию.

Медина была взбудоражена и потрясена этим криком посланника. Пришло время, когда Али уже не мог долее откладывать свое решение. Аль-Хасан, старший его сын, вечно робкий и слабый духом, советовал подождать; но Али слишком ясно представлял, что действовать надо сейчас, пока не стало слишком поздно. Он дал выход накопившемуся раздражению в воинственных речах, которые, оказавшись вскоре на устах у всех, свидетельствовали мединцам о решимости халифа сделать меч судьёю в споре между ним и Муавией. Был объявлен поход на Сирию; назначены военачальники, собиравшие под свои знамена новый набор. Знамена им вручал сам Али, которому хватило предусмотрительности не включить в число командиров тех, кто участвовал в нападении на Османа. Были посланы приказы в Аль-Куфу, Аль-Басру и Египет собирать войска на войну. После чего Али взошел на кафедру и обратился со страстной речью к гражданам. Он говорил, что если сейчас они не станут сражаться, вскоре бразды правления уйдут у них из рук, и больше мединцам ими не завладеть. «Так сражайтесь же с проклятыми раскольниками, которые хотят разрушить единство ислама и разорвать надвое сообщество правоверных! Возможно, Господь исправит то, что извращают народы!» Но люди оставили без внимания этот призыв, и ряды халифского войска наполнялись вяло.

Талха и Зубейр уезжают в Мекку.

Талха и Аз-Зубейр, увидев, что дела идут не очень хорошо, вновь попросили у Али разрешения оставить Медину. В итоге, они отправились в Мекку под предлогом совершения малого паломничества.

ГЛАВА XXXIV

МЯТЕЖ В АЛЬ-БАСРЕ.

36 г. хиджры / 656 г. от р. Х.

Аиша возвращается в Мекку,

ОДНАКО прежде чем скрестить мечи с Муавией, Али предстояла достаточно трудная работа у себя дома.

Возвращаясь из Мекки, Аиша узнала по дороге домой в Медину о гибели Османа и восшествии на трон Али. «Доставьте меня обратно! — заявила пришедшая в ярость импульсивная женщина, — Везите меня назад, в Мекку. Они убили халифа. Я отомщу за его кровь!»

и подстрекает народ к восстанию.

В наиболее тяжелый для Османа период Аиша, подобно многим другим, внесла свою лепту в формирование общественного недовольства. Но она не имела никакого отношения к жестокому нападению заговорщиков, более того, искала путей отвратить от них своего брата, уговаривая того составить ей компанию в поездке в Мекку. Тщеславная и склонная к расколу, она ни на секунду не забывала о некрасивом поведении Али в той истории, когда ее добродетель была поставлена под сомнение перед Пророком,¹ и потому ныне была бы рада увидеть, как место халифа займет Аз-Зубейр. Вместо того чтобы продолжить свой путь домой, она развернулась и поехала напрямик в Мекку. Там вокруг нее быстро собрались недовольные. Находясь в надежном укрытии, она стала продумывать план мести за пролитую кровь Османа. Проникновенным голосом Аиша вещала своим слушателям о страшном преступлении, обесчестившем дом Пророка вкупе с местом его упокоения.

Таким образом, когда Аз-Зубейр с Талхою прибыли в Мекку, они обнаружили город в большом волнении. Многочисленные сторонники дома Омейядов, бежавшие туда по смерти халифа, или же проживавшие в Мекке еще до этого печального события, с жадностью выслушали рассказ этой парочки. Вместе с ними слушала и большая толпа рабов и тех жителей Мекки, кто был склонен ко всякого рода междоусобицам.

Зубейр и Талха с Аишою идут на Басру, iv 36 г. хиджры, октябрь 656 г. от р. Х.

«Мы оставили жителей Медины, — говорили Талха с Аз-Зубейром, — погруженными в недоумение. Правильное настолько смешалось с неверным, что люди просто не знают, что им теперь делать. Настало время для Мекки повести нацию за собою и покарать предателей, умертвивших нашего халифа!» Вот так было поднято знамя восстания, и многие сплотились вокруг него. Аль-Басра была избрана в качестве первой цели для

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. 301 и далее.

удара: город, поддержавший кандидатуру Талхи. В то же время, Ибн Амир, прежний ее наместник и приятель Османа, по-прежнему пользовался там влиянием. Он вывез оттуда всю казну, подобно тому, как это сделал Аль-Ала в Йемене, и теперь тратил деньги на вооружение и обеспечение своей собственной армии. Аиша, невзирая на принадлежность к слабому полу, готовилась принять личное участие в походе и начала будоражить жителей Аль-Басры, как ранее делала это с населением Мекки. Интересно, что Абдалла, сын Омара, только что бежавший из Медины и не спешивший примыкать к какой-либо из сторон, с трудом удержал на месте другую вдову Пророка — свою сестру Хафзу — горевшую желанием присоединиться к Аише. И вот, спустя четыре месяца после смерти Османа, повстанческая армия уже насчитывала три тысячи человек, треть из которых составляли жители Мекки и Медины. Аиша отправилась в поход, восседая в паланкине на спине верблюда. Этому животному было суждено дать свое имя первой стычке в грядущей гражданской войне. Прочие вдовы Мухаммада, жившие в Мекке, проводили ее, проехав небольшую часть пути, а затем вернулись домой. При этом вся группа дала волю своим чувствам, горько зарыдав при виде нахмурившихся лиц: «и не было подобного стенания ни до того, ни после, а потому этот день был прозван “днем слез”».

Амбиции смешаны с желанием отомстить.

Люди начинали задаваться вопросом: кто из двух, Талха или Аз-Зубейр, в случае успеха станет новым халифом; но Аиша поспешила предупредить спор, считая его преждевременным. Она пожелала, чтобы молитвы вел Абдалла, сын Аз-Зубейра; было решено, что выбор будущего халифа будет поручен, как и ранее, жителям Медины. Саид, бывший правитель Аль-Куфы, усомнившись в мотивах лидеров, в последний момент повернул обратно и увел своих людей назад в Мекку. Когда брошенная ими основная группа всадников завопила вдогонку, что они идут разобраться с убийцами Османа, Саид грубо проорал в ответ: «А куда же вас несет? Те, кому вы собираетесь мстить, трясутся на верблюжьих горбах прямо перед вами!» (Он имел в виду Талху и Аз-Зубейра). «Кончите их обоих и валите по домам!» Вполне вероятно, что у обоих этих вожаков, как и у их последователей, личные амбиции ошибочно принимались за желание свершить праведное возмездие. В порыве чувств вопли сторонников зачастую заглушают голос разума; нам нет нужды сомневаться, что оба лидера и их приверженцы обманывались, пытаясь убедить самих себя, что подлинной их целью было отмщение за совершенную в Медине подлую измену.

Аишу мучает совесть.

Несмотря на громкие разговоры о благородстве цели, о желании восстановить попорченную справедливость, совесть Аиши никак не могла успокоиться. Во время перехода через пустыню, человек, правивший ее верблюдом, старался развеять утомительность ночного пейзажа рассказом о тех местах, по которым они двигались. Араб громко произносил имена холмов и долин, представавших их взорам. При приближении к стоянке кочевников впереди слышался собачий лай. «Долина Аль-Хаваб!» — раздался голос ее спутника. Аиша внезапно вздрогнула и не смогла удержаться от вскрика. В ее памяти молнией пронеслась какая-то мысль: воспоминание о чем-то жутком, связанном со словами Мухаммада о лае псов Аль-Хаваба. «Поворачивай обратно!» — закричала она,

и, едва ее верблюд опустился на колени, Аиша быстро выбралась из своего паланкина. «Увы, мне, увы! — не могла она успокоиться, — я помню, как Пророк сказал, укоряя нас, когда сидел однажды в окружении своих жен: **“О, я знаю, на кого из вас будут брехать собаки Аль-Хаваба!”** Это я! Это я! Несчастливая женщина Аль-Хаваба! Я и шагу не ступлю далее в походе, у которого такое плохое предзнаменование». Спутники попытались убедить ее, что их парень выкрикнул название долины наобум; но Аиша отказывалась двинуться с места, и войску пришлось сделать привал на целый день. В отчаянии мужчины пошли на военную хитрость. На следующую ночь они подняли крик, что на них напал Али. Большой страх пересилил изначальный. Аиша сама бросилась к своему верблюду, и поход возобновился.

Али не удается перехватить повстанцев.

Но тревога, которую арабы подняли с таким хитрым умыслом, не была вовсе безосновательной. Когда слухи об их отступничестве достигли Медины, Али отказался выступить против своих соседей, пока они не решатся на открытое восстание, могущее угрожать единству ислама. Но вскоре он получил известие об их планах идти на Аль-Басру. Вначале Али обрадовался, поздравив себя с тем, что заговорщики не выбрали своей целью Аль-Куфу, где было гораздо более значительное население. Ибн Аль-Аббас, однако, посчитал, что Аль-Басра в действительности представляет более реальную опасность, поскольку там можно было по пальцам пересчитать вождей, способных обуздать народ и подавить восстание. Али согласился с его мнением и, будучи крайне встревожен, приказал предназначавшемуся в Сирию отряду двигаться в Неджд, в центр аравийского полуострова, в надежде, что ему удастся перехватить мятежников на их пути к Аль-Басре. Но его люди не горели особым желанием выступить на войну. Наконец, ему удалось сколотить группу из девятисот человек, которую халиф решил возглавить сам. Стремительно ринувшись вдогонку инсургентам, отряд Али доскакал до дороги из Мекки на север. Увы, как выяснилось, он опоздал: мятежники уже здесь прошли. К дальнейшему преследованию мединцы не были готовы, и решили оставаться на этом месте. Халиф решил не рисковать, а дожидаться там подкреплений, с требованиями которых он разослал своих гонцов в Аль-Куфу, Египет и другие земли.

Аиша, Талха и Зубейр нападают на Басру.

Вернемся к Аише. Повстанческая армия, возобновив свой поход, подошла к Аль-Басре и расположилась лагерем поодаль. Ибн Хонейф, градоправитель, соображая, что призыв мятежников к отмщению на самом деле содержит в себе идею, направленную против его покровителя Али, привал мусульман на собрание. Он хотел попытаться успокоить местное население. Заключив из людских разговоров, что у пришельцев есть в городе сильная поддержка, он облачился в боевые доспехи и, сопровождаемый большинством жителей, поспешил навстречу врагу. В то же время ряды неприятеля пополнились группой недовольных из числа граждан Аль-Басры. Начались переговоры. Талха, любимец жителей Аль-Басры, Аз-Зубейр, и даже Аиша с ее резким голосом убеждали всех подняться на убийц Османа, требуя восстановления справедливости. Другая сторона не менее громко протестовала, обвиняя Аишу за ее решение угрожать их городу. Какой стыд, говорили они, и пятно позора на имя Пророка, что она пренебрегла святостью

носимого ею покрывала и приличиями, присущими «матери правоверных». Али был избран законным образом, ему воздали почести, как халифу; а теперь Талха и Аз-Зубейр вероломно нарушают клятву верности, которую они дали ему одними из первых. Тут оба в свою очередь возразили, что присягнули Али вынужденно: их заставили. На этих словах все присутствующие схватились за оружие, от слов арабы перешли к ударам, и началась общая свалка. Ночь покрывала Аль-Басру, приостановив сражение, но на следующее утро оно возобновилось с новым жаром. Сторонники Али понесли столь чувствительные потери, что вынуждены были заключить перемирие. Стороны достигли компромисса, что следует требовать прояснения этого дела из Медины. Если Аз-Зубейра и Талху и в самом деле насильно привели к присяге, тогда Ибн Хонейф сложит свои полномочия и отдаст свой город в их руки.

Запрос в Медину о насильственной присяге.

В Медину был направлен эмиссар, одобренный обеими сторонами. Он приехал туда в тот момент, когда Али находился в лагере со своим войском, и объявил о цели своего визита перед собравшимися жителями. Сперва все хранили молчание. В конце концов, один из горожан заявил, что и Талха, и Аз-Зубейр отдали почести халифу вынужденно. После этого народ начал волноваться, и посланник, увидевший и услышавший вполне достаточно, чтобы доложить дома о царящих в Медине расхождениих во взглядах, без промедления поскакал назад.

Басра осаждена Талхой и Зубейром, 24 iv 36 г. хиджры, 19 октября 656 г. от р. Х.

Когда вести об этих событиях достигли Али, все еще стоявшего со своей армией в Неджде, он послал письмо Ибн Хонейфу, своему заместителю. «Не было никакого насилия, — писал он, — ни в отношении Талхи, ни Аз-Зубейра; ни на кого из этих моих противников не давило ничто, кроме мнения большинства. Клянусь Господом! Если цель их — мое отречение — нет им прощения; если что иное, я готов обсудить с ними». Таким образом, когда посланник возвратился в Медину, и повстанцы потребовали от Ибн Хонейфа покинуть город в соответствии с соглашением, он показал им письмо халифа и отказался. Но мятежникам уже удалось захватить плацдарм в самом городе. Вооруженные, они вошли в мечеть под предлогом вечерней службы, и, пользуясь темнотою и разразившейся ночью бурей, практически без сопротивления одолели стражу. Проникнув в находившийся обок мечети дворец эмира, они захватили Ибн Хонейфа. На следующий день в городе вспыхнула серьезная драка, закончившаяся поражением сторонников Али. Власть перешла в руки Талхи и Аз-Зубейра. Оставаясь верными своей показной цели, они сразу сделали заявление, что каждый, участвовавший в нападении на Османа, должен быть схвачен и казнен. Народ с поспешностью бросился выполнять этот указ, и большое количество людей в итоге было лишено жизни. Жизнь Ибн Хонейфа была пощажена. Прежде чем его освободить, ему обрили голову, сбрили бороду, выщипали ресницы и усы; и в таком жалком виде лишенный своего места губернатор поплелся назад в Медину к Али.

Аиша ищет помощи.

Мятежники послали сообщение о своем успехе в Сирию. Помимо этого, Аиша послала письма в Аль-Куфу, Медину и Йемен, подстрекая людей отвратиться от Али и призывая их отомстить за смерть Османа.

Между тем, граждане Аль-Басры принесли присягу Талхе и Аз-Зубейру как соправителям. Чтобы избежать причин для соперничества, они поставили своих сыновей по очереди вести молитвы. Однако симпатии к узурпаторам пробуждались в народе весьма вяло. Талха объявил военный поход против Али. Но никто не откликнулся на этот призыв, и он упал духом. Несколько недель прошли в беспокойстве, пока весь город не оказался взбудоражен известием, что на них полным ходом движется Али со своим войском.

ГЛАВА XXXV

«ВЕРБЛЮЖЬЯ БИТВА».

36 г. хиджры / 656 г. от р. Х.

Али, с подкреплением из Куфы, идет на Басру, в 36 г. хиджры, декабрь 656 г. от р. Х.

ОБНАРУЖИВ, что отряды мятежников с Аишей, Аз-Зубейром и Талхой уже прошли дальше, Али, как мы помним, приостановил на время свой поход на Аль-Басру. Он перекрыл к ней дорогу [из Аль-Куфы] и постарался как можно скорее подтянуть дополнительные войска для наступления. Ибо, несмотря на то, что по пути к нему примкнули некоторые верные халифу племена, он все еще чувствовал себя недостаточно сильным для немедленных действий. Он направил специальное воззвание в Аль-Куфу, население которой состояло во многом из ветеранов, на чью лояльность Али мог определенно рассчитывать; и подкрепил его обещанием того, что Аль-Куфа станет резиденцией халифа. «Посмотрите, — писал он, — разве я не избрал ваш город для себя, предпочтя его всем другим городам? К вам обращаюсь я за поддержкою, чтобы по возможности восстановить мир и единство, как это надлежит, среди собратьев по вере». Однако поначалу этот призыв оставался без внимания. Разросшийся город был разделен на многие группировки; и во многих из них послание Аиши, требующей отмщения за кровь Османа, уже нашло отклик. Абу Муса, правитель Аль-Куфы, оказался не готов к таким чрезвычайным обстоятельствам. Верный памяти убитого халифа, он намеревался успокоить волнения, сохраняя нейтралитет, и призывал граждан не примыкать ни к одной из сторон, а оставаться дома. Повторная делегация была встречена с тем же успехом. Али решил послать своего старшего сына в сопровождении Аммара, бывшего наместника Аль-Куфы, чтобы убедить упрямого эмира поддержать его дело. Обращение Аль-Хасана, внука Пророка, произвело, наконец, желаемый эффект. Ему удалось затронуть чувствительные струны патриотизма в сердцах столь непостоянных жителей города; начались волнения, и Абу Муса, не в силах удерживать ослабляющий его позицию нейтралитет, был смещен. Арабские племена объединились, делая это в тот момент вполне искренне, вокруг приверженцев Али. Вскоре десять тысяч воинов, кто по суше, кто по реке, отправились, чтобы присоединиться к халифу, который, медленно продвигаясь, ожидал их подхода. Таким образом, усилившись, Али, в конце концов, оказался способным к решительному сражению, и бросил свои силы на мятежную Аль-Басру.

Переговоры Али с Талхой и Зубейром.

Далеко не все жители Аль-Басры были настроены против халифа, и многие граждане оставили свой город, чтобы примкнуть к лагерю Али. Повстанческая армия, почти не уступающая численностью войску противника, двинулась вперед, возглавляемая Талхой и Аз-Зубейром, и сама Аиша восседала на верблюде в хорошо защищенном паланкине. В намерения Али входило уладить все миром, если только это возможно. Он был человеком компромисса; и здесь, в интересах ислама, он был готов великодушно забыть нанесенное ему оскорбление. Не считая, разумеется, личной зависти, не существовало достаточно

весомых противоречий, чтобы воспрепятствовать примирению сторон. Талха и Аз-Зубейр призывали к мести убийцам Османа; против этого Али ничего не имел, он не отрицал, что правосудие должно восторжествовать. Но ему необходимо было выиграть время. В числе воинов его собственной армии было довольно много людей из тех, что поднялись на Османа; и он понимал, что подвергнуть их наказанию, как того требовали его противники, в настоящий момент просто невозможно. Принимая во внимание эти соображения, он решил остановиться недалеко от Аль-Басры, послав вперед Аль-Кааку (который вместе с другими прославленными вождями присоединился к войску халифа с отрядом из Аль-Куфы) для переговоров с Талхой и Аз-Зубейром. «Вы в Аль-Басре уложили шесть сотен человек, — заявил им Аль-Каака, — в отмщение за кровь Османа; и что же?! Теперь, чтобы отомстить за них, на вас поднимутся шесть тысяч! Когда же прекратится эта междоусобная война? Исламу сейчас нужен мир и спокойствие. Бросьте свое дело, и владычество закона будет восстановлено, а виновные подвергнуты наказанию». Благодаря его словам в сознании Аз-Зубейра и Талхи начала проясняться истина, даже Аиша согласилась, отвечая, что, если таковы подлинные чувства Али, они готовы ему подчиниться. После нескольких дней, прошедших в таких переговорах, халиф, возрадовавшись перспективе избежать кровопролития, велел своим войскам подойти к городу.

Тактика убийц халифа.

Однако, как мы уже знаем, армия Али, набранная из кого попало по разным бедуинским стоянкам, включала в себя большое число весьма приметных убийц Османа. Опасаясь, чем может кончиться их соприкосновение с разгоряченными противниками, все еще желавшими обеспечить пламень ада для злодеев, халиф приказал, чтобы в его авангард не входил ни один из участников нападения на Османа. В свою очередь, встревожилась и группа убийц халифа, верховодил которою хорошо знакомый нам Аль-Аштар. Войска Талхи, давшие обет мести, превосходили их группу вдвое: если мир будет заключен, никакой надежды избежать правосудия у них не останется. Понимая это, они собрали тайное совещание, на котором пришли к выводу, что смогут уцелеть, только если вражда между сегодняшними противниками сохранится, и они заставят Али сокрушить их врагов. Они решили оставаться с основными силами, не входя в авангард, но быть готовыми в удобный момент броситься на противника, чтобы спровоцировать столкновение.

Поиски компромисса на переговорах.

Войска Аль-Басры, насчитывавшие примерно двадцать тысяч человек, стояла лагерем на окраине города. Силы Али, не встречая сопротивления, остановились на виду у противника. Начатые сторонами мирные переговоры, безусловно, велись искренне и заинтересованно. Сам Али выехал вперед верхом на коне, навстречу ему поскакали Талха с Аз-Зубейром. «С чего это вы на меня поднялись? — сказал Али, — Разве вы не присягали мне на верность?» «Э-э, — отвечал Талха, — это с мечом-то, воздетым над нашими шеями! Мы требуем, чтобы свершилось правосудие над убийцами Османа». Али заявил, что он не меньше их уверен в виновности убийц прежнего халифа; он даже обругал этих мерзавцев неприличным образом, но добавил, что для их наказания им нужно выбрать более подходящее время. Аз-Зубейр, с его стороны, был тронут

обращенными к нему словами Пророка, которые напомнил ему Али, и тут же связал себя клятвой, что не будет с ним сражаться. На этом они и разъехались. Оба войска, понимая, что переговоры идут успешно, расположились на ночной отдых в уверенности, что им ничто не угрожает. Уже много недель войны не были в таком спокойном состоянии.

Мир нарушен убийцами халифа.

Но вскоре эта идиллия была грубо нарушена. Под утро мирная сцена сменилась для людей страшным шоком. Убийцы халифа за ночь сумели привести свой план в действие. Нацелив свои пики, конные бедуины, ведомые заговорщиками, еще в темноте понеслись на шатры воинов Аль-Басры. В считанные минуты все смешалось. Обе стороны были уверены, что подверглись нападению противника; и рассвет застал оба лагеря сошедшимися в битве. Завязалась смертельная схватка, как того и хотели заговорщики. Тщетно Али пытался остановить своих людей. Конфликт усиливался чувством коварной измены. То было странное сражение: первое, в котором мусульмане скрестили свои мечи с мусульманами. Оно напоминало прежние битвы из староарабских времен, с той лишь разницей, что древняя межплеменная вражда сменилась иными чувствами. Клань смешались друг с другом, в какой-то степени этот конфликт отражал соперничество между двумя городами-соседями. «Представители Бени Ар-Раба из Аль-Куфы сражались против соплеменников из Бени Ар-Раба из Аль-Басры, воин из Бени Модар бился с другим воином Бени Модар»; и так происходило с различными племенами, и даже семьями: одна часть выходила на бой с другою. Армию Аль-Куфы гнали вперед убийцы халифа, понимавшие, что в случае поражения Али они окажутся обречены. Жестокость и упорство, проявленное в этой битве, можно объяснить только этим. Один из участников сражения вспоминал, что «когда противоборствующие стороны сошлись вместе грудь в грудь, от этой сумасшедшей резни возник такой шум, будто множество людей одновременно начали стирать белье на берегу реки».¹ Отношения друг к другу вождей резко отличались от той жестокой резни, в которую оказались вовлечены сражающиеся. Аз-Зубейр, пребывавший в нерешительности после разговора с Али, вообще оставил поле боя, верный своему обещанию, и был убит в прилегающей долине.

Гибель Зубейра и Талхи.

Талха, обездвиженный стрелой, попавшей ему в ногу, был доставлен в Аль-Басру, где и скончался. Лишившись своих вождей, войска повстанцев дрогнули и начали отступать. Они были отброшены к самому городу, где дорогу бегущим внезапно преградил верблюд самой Аиши. Будучи жестоко теснимой со всех сторон, она не переставала кричать из глубины своего паланкина: «Крошите убийц Османа!» Отступающие ряды моментально оказались охвачены вестью, что «мать правоверных в опасности», и воины храбро повернули назад, на врага, чтобы выручить свою предводительницу. Вокруг ее высоченного верблюда завязалась продолжительная и очень жестокая схватка. Один за другим различные смельчаки устремлялись к нему, с целью добыть знамя вдовы Пророка, и один за другим они падали наземь изрубленными. Только из числа корейшитов в схватке за узду этого рокового зверя полегло семьдесят человек. Наконец Али, сообразив, что ключевой точкой вражеского войска является верблюд Аиши, послал одного из своих

¹ Эта метафора должна понравиться человеку, прибывшему с Востока.

командиров перерезать ему ахиллово сухожилие, и вскоре животное с протяжным криком рухнуло на землю. Борьба была окончена, повстанцы отступили в город. Захваченный паланкин Аиши, весь подобно гигантскому ежу утыканный стрелами, был, по желанию Али, помещен в уединенное место, где брат знатной пленницы Мухаммад раскинул для нее шатер. Когда он отогнул завесу, Аиша завизжала от страха перед лезущим к ней незнакомцем. «Что, твои же собственные люди, — сказал он, — уже стали для тебя чужими?» «Ба, да это мой брат!» — вздохнула она с облегчением, согласившись, чтобы ее уложили в шатер. Храброй, хоть и своенравной, женщине удалось выйти из жаркого боя без единой царапины.

Потери в «верблюжьей битве».

Потери в злосчастной «верблюжьей битве» (ибо именно так она и была названа) оказались очень велики. Поле было покрыто десятью тысячами трупов, в равном соотношении с обеих сторон; причем, следует учитывать, что победители не смогли развить преследования противника. Ибо Али отдал распоряжение, чтобы ни за одним из отступников не гнались, и чтобы ни один раненый воин не был добит или ограблен. Халиф также запретил вторгаться в жилища или захватывать чью-либо собственность. Был выкопан огромный ров, куда сложили вместе все тела: и своих, и врагов. Али, остававшийся в течение трех дней в лагере за пределами города, сам провел погребальную службу. Это был первый случай, когда хоронили павших не в битве против неверных, но верующих, сражавшихся с другими верующими. Вместо того, чтобы проклинать память своих врагов (что в скором времени войдет в обычай в гражданских войнах), Али говорил с надеждою о будущем состоянии тех, кто вышел на поле боя с праведным и честным сердцем — неважно, на какой стороне он сражался. Когда ему принесли меч Аз-Зубейра, он проклял человека, лишившего его жизни; и, призывая вспомнить подвиги, которые свершил этот храбрый воин в ранних битвах ислама, продекламировал:

«С чела Пророка морщины забот
сгонял сей меч не раз без хлопот!»

У мусульман было немало причин скорбеть о потере Талхи и Аз-Зубейра. Они оплакивали память этих героев, вспоминая, как в битве при Оходе первый спас жизнь Мухаммада, рискуя своей собственной; а второй столько раз вносил замешательство в ряды идолопоклонников Мекки. Их гибель, как и гибель многих, поддержавших их сторону «соратников», было поражением всей империи ислама, так как корейшитам, серьезно ослабленным в этой битве, еще предстояла схватка с остальными арабскими племенами. Фактически, эта победа Али на деле являлась серьезным успехом убийц Османа, поддерживаемых раздираемыми враждою гражданами Аль-Куфы. С этого момента Али оказался полностью зависимым от них. Если бы вместо битвы он пошел на компромисс с Талхой и Аз-Зубейром, его положение стало бы несравненно сильнее.

Великодушие Али по отношению к врагам.

Отношение Али к поверженным врагам была исключительно великодушным. Войдя в город, он разделил содержимое сокровищницы между воинами, сражавшимся на его

стороне, пообещав им еще большее вознаграждение, «когда Господь предаст Сирию в его руки». Но во всех остальных случаях он обращался с друзьями и врагами равным образом, предав забвению всю прежнюю вражду. Мерван и приверженцы дома Омейядов разбежались по своим домам или искали прибежища в Сирии. Все, находившиеся в городе, присягнули на верность Али. Единственными недовольными оставались рабы и чернь, роптавшие, что с ними не поделились сокровищами, и лишили возможности пограбить. Объединившись в банды мародеров, этот сброд причинял немало беспокойства халифу. Они стремились ускорить его отъезд из города, чтобы устранить препятствия для своей вожаемой цели: поживиться чужим добром и погреть-таки руки на чужой беде.

Аиша возвращается в Медину.

С Аишей Али обращался так, как приличествует обращаться с особой, носящей титул «супруги Пророка в этой жизни, равно, как и в жизни грядущей». Она была в возрасте сорока пяти лет, но не утратила ни пыла, ни жизнерадостности юности. После битвы халиф посетил ее шатер и выразил удовлетворение, найдя женщину не раненой; добавив мягко, но несколько укоризненно: «Да простит тебя Господь за то, что случилось, и да будет Он к тебе милостив!» «Так же и к тебе!» — моментально последовал дерзкий ответ. Аише был предоставлен лучший дом в Аль-Басре, где она и затаилась в окружении своих сторонников. Вскоре она отправилась в обратный путь, сопровождаемая эскортом из сорока служанок, предоставленных ее братом. Сам Али небольшую часть пути провожал их, идя рядом с нею пешком; большая группа знати сопровождала Аишу до первой стоянки, где пожелала ей счастливого пути. Добравшись до Мекки, вдова Мухаммада совершила малое паломничество; и затем, удалившись в Медину, больше не предпринимала попыток вмешиваться в дела государства. Ее племянник, Абдалла, сын Аз-Зубейра,¹ ушел вместе с нею. Он прославится в последующей истории халифата; но это произойдет только после смерти Аиши. Оставшиеся годы она проведет в Медине. Толпы паломников, стекающиеся на могилу Пророка (в ее собственные покои), удивленно будут взирать на некогда прекрасную и любимую жену Мухаммада; в то время как она, словоохотливая к старости, будет служить богатым источником преданий и рассказов о случаях из жизни Пророка, начиная со своего раннего детства. Она покинет сей мир на пятьдесят восьмом году хиджры, в возрасте шестидесяти шести лет, проведя из них сорок семь лет во вдовстве.²

¹ Его мать Асма, сестра Аиши, известна тем, что при бегстве Мухаммада из пещеры она разорвала свой пояс, чтобы Порок мог привязать кошелек. Потому ее и прозвали «Та, у которой два обрывка» («Жизнь Мухаммада» стр. 141).

² Предания изобилуют анекдотами об Аише. Воины Али дразнили ее «бессердечной матерью правоверных». Сторонники Аиши в ответ сочинили экспромтом двустишие, в котором превознесли ее, как «благороднейшую и лучшую из матерей». Когда они рассказали ей об этом, Аиша оказалась очень растрогана и воскликнула: «Эх, если бы это было так, мне хотелось бы умереть лет двадцать назад!» Али, услышав об этом, тут же сказал: «Если бы это было так, то и мне было бы лучше умереть двадцать лет назад!»

Находчивая Аиша, всегда готовая дать ответ, была не очень аккуратна в своих словах. Подошедшего к ее паланкину на поле боя Асима, она обвинила в вольности, на которую тот осмелился. «Я видел всего ничуть, что-то красное и белое, — сказал он бесстыдно, — вот все, что мне удалось разглядеть». «Да Господь

Басра.

Али оставался в аль-Басре недолго. Назначив наместником своего кузена Абдаллу, сына Аль-Аббаса, а Зийяда, способного администратора, в помощь ему по сбору налогов, халиф отправился в Аль-Куфу.

откроет твою наготу! — вскричала она разгневанно, — отсечет тебе руки, и сделает твою жену вдовою!» Все это (как говорят) сбылось. Резкая перебранка произошла между Аишей и престарелым Аммаром, сказавшим, когда она уезжала: «Благодарение Богу, что мы больше не будем слышать твой мерзкий язык». Отправляясь в Мекку в сопровождении Али и группы провожавших, она сказала: «Давайте не будем держать плохих мыслей друг против друга; ибо истинно, что касается Али и меня, между нами ничего не было (намек на неприятность с нею, происшедшую еще при жизни Пророка, «Жизнь Мухаммада», стр. 301), разве только размолвка, что обычно случается между женщиной и родственниками ее мужа; и истинно Али был одним из лучших среди тех, кто возбуждал против меня подозрения». Али подтвердил: «Она говорит правду; ничего, сверх того, о чем она сказала, между нами не было». И затем он процитировал собственные слова Мухаммада относительно Аиши, что «она не только была ему женой в этом мире, но также будет ему женой и в мире грядущем».

ГЛАВА XXXVI

АЛИ ПЕРЕНОСИТ СТОЛИЦУ В АЛЬ-КУФУ. ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ЕГИПТЕ.

36 г. хиджры / 656-657 г. от р. Х.

Медина перестает быть столицей ислама.

КОГДА Али выезжал из Медины, преследуя мятежные войска, один из жителей, схватив его за уздечку, воскликнул в волнении: «Остановись! Если ты сейчас покинешь этот город, верховная власть удалится отсюда и никогда больше не вернется». Его оттолкнули в сторону, как человека, потерявшего разум; но словам этого человека суждено было запомниться надолго, пророчество его сбылось. Медине не суждено было долее служить центром империи.

Али въезжает в Куфу, vii 36 г. хиджры, январь 657 г. от р. Х.

На тридцать шестом году хиджры, семь месяцев спустя после гибели Османа, Али вошел в Аль-Куфу. Первые четыре из этих месяцев он провел в Медине; оставшиеся три в «верблюжьей» кампании, и недолго побыл в Аль-Басре. Ни один халиф еще не бывал в Аль-Куфе до этого. Теперь же ей предстояло стать местонахождением правительства Али. Жителям этого города льстила оказанная им честь. У Аль-Басры были свои определенные преимущества; ибо там проживало много вождей, способных поддержать халифа. И немалая часть из них шла на это с охотой. Кроме того, Али мог использовать ревность Аль-Ирака по отношению к Сирии в предстоящей борьбе с Муавией. Увы! все эти преимущества с лихвой уравнивались склонностью жителей Аль-Басры к раздорам. Это был центр бедуинской демократии; и дух кочевников был до сих пор не укрощен. Что они выиграли, интересовало граждан Аль-Куфы, восстанием против Османа? Призывы к отмщению убийцам халифа на миг приумолкли; но общий ход дел, сетовали куфинцы, медленно возвращался в старую колею, протоптанную корейшитами. Руководство в Аль-Куфе оказалось, по сути, таким же, какое было установлено этими «сыновьями пустыни» повсеместно. Али поставил наместниками своих кузенов, сыновей Аль-Аббаса, повсюду: в Медине, Мекке, Йемене, а теперь и в Аль-Басре, в то время как сам собирался править из Аль-Куфы.

Дух междоусобиц в Куфе.

«Какая польза нам от того, что, убрав Османа, мы проливали свою кровь, сражаясь против Аз-Зубейра и Талхи?» — разглагольствовал главный заговорщик Аль-Аштар среди своих друзей в Аль-Басре. Али, напуганный такого рода разговорами, забрал Аль-Аштара со своим караваном в Аль-Куфу, но там, среди легко возбудимого народа, его речи представляли еще большую опасность. Другим источником постоянных тревог служил рабский сброд и прочие отбросы общества Аль-Басры. Вырвавшиеся на свободу из-под всяческого контроля, они сплотились в большую банду и захватили область Сиджистан на границе с Персией. Эта шваль прикончила вождя, посланного Али, чтобы подавить

мятеж, и была утихомирена только Абдаллой Ибн Аль-Аббасом, который самолично разделался с бандой, приведя карательную армию из Аль-Басры.

Перспектива борьбы с Сирией.

Хуже всего, как бы то ни было, тучи сгущались на западе. Лишь ограниченный, усеченный халифат оставался подвластен Али, в то время как в Сирии влияние халифа оказалось подорвано. Смертельная схватка с Муавией угрожала на этом направлении. Но, прежде чем продолжить повествование о событиях в Сирии, нам необходимо обратить свой взор на время в сторону Египта.

Кейс, наместник Египта, ii 36 г. хиджры, август 656 г. от р. Х.

Тяжкое бремя правителя было возложено на Кейса, одного из важнейших ансаров, сына Саада Ибн Обейды, человека, который едва не был избран халифом по смерти Пророка.¹ Человек проверенных способностей и суждений, преданный приверженец Али, он отказался брать с собой в Египет войско, считая, что халифу солдаты нужны больше, и предпочел вместо этого воспользоваться поддержкою семи «соратников», которых и выбрал себе в сопровождение. При его приближении, мятежный наместник бежал из Египта в Сирию, где и был лишен жизни. Кейс был неплохо принят египтянами, принесшими перед ним клятву верности Али. Однако, влиятельная фракция под предводительством Язида Ибн Аль-Харисы из племени Кинана, нашедшая прибежище в соседней провинции, громко требовала удовлетворения за смерть Османа. Кейс благоразумно согласился оставить их до поры в покое, не решившись даже потребовать с них десятину. Но в остальных вопросах он держал Египет твердою рукой. В ожидании могущего последовать вскоре со стороны Али нападения, Муавия чувствовал себя на египетской границе беспокойно. Он всеми силами старался оттолкнуть нового наместника Египта, проявившего себя столь способным властителем, от халифа.

Хитрою интригою Муавия выживает Кейса.

Укоряя его в присоединении к группе, на которой все еще лежала кровь Османа, он призвал Кейса покаяться, и пообещал, что если тот примкнет к мстящим за это преступление, то он будет признан как наместник Египта, и его родственники будут выдвинуты на те посты, какие он только захочет. Кейс, не желая содействовать росту враждебности, составил свой ответ в хорошо взвешенных словах. Об участии Али в этом грязном деле, сказал он, не существует никаких доказательств; и он пока подождет со своим решением. Между тем, он не имел никакого намерения нападать на Сирию. Попав вновь под давление Муавии, он еще раз открыто заявил, что был и остается убежденным сторонником халифа. Тогда Муавия вознамерился возбудить ревность между Али и его наместником посредством коварства. Он распустил слухи, что Кейс на самом деле лишь тянет время: дескать, он терпим к египетским мятежникам, что свидетельствует о том, что в душе он с ними. Известие, распространенное с прилежностью, достигло, как и предполагалось, двора Али, где оно было подхвачено теми, кто либо сомневался в

¹ По смерти Османа, правитель Египта Ибн Аби Сарх был изгнан Мухаммадом Ибн Аби Хозейфой, действовавшим в интересах Али. Но этот [Мухаммад] попал в ловушку и был убит Муавией.

верности Кейса, либо завидовал его успеху. Чтобы удостовериться в его покорности, Али приказал Кейсу выступить против мятежников; и протест Кейса против такого шага, как преждевременного, был принят, как доказательство его соучастия с ними.

Мухаммад, сын Абу Бекра, назначен в Египет.

Он был смещен, а на его место поставлен один из убийц Османа: Мухаммад, сын Абу Бекра. Разозлившийся Кейс возвратился в Медину, где, на нейтральной территории, приверженцы обеих сторон должны были бы оставить его в покое. Однако, не найдя и там спокойствия из-за досаждений Мервана и прочих, он, в конце концов, решил отдать себя на милость Али; который, очистив его от клеветы, восстановил снова свое доверие, и с тех пор использовал его как главного советника. Муавия, порицая Мервана за то, что выжил Кейса из Медины, говорил: «Если бы ты поддержал Али сотысячной армией, это было бы меньшим злом, чем то, что ты дал ему такого советника».

К Муавии присоединяется Амр.

Со своей стороны, как бы то ни было, и сам Муавия имел влиятельного и проницательного советника: в лице Амра, покорителя Египта. Во время нападения на Османа Амр находился с двумя своими сыновьями вдали от Медины, в Палестине. Вести о трагедии, усугубленные его собственным недобрым обращением с халифом, произвели на него сильное впечатление. «Это я, — говорил он, — оставив старика в трудную минуту, повинен в его гибели». Из тиши своего уединения он внимательно следил за ходом событий в Аль-Басре; и когда Али вышел победителем, немедленно отправился в Дамаск, чтобы предстать перед Муавией. По причине недружелюбного отношения Амра к Осману, Муавия встретил его поначалу довольно прохладно. Впоследствии, однако, прошлое было предано забвению, и их дружба восстановлена. С тех пор Амр становится доверенным советником Муавии.

Слабость положения Али в Куфе;

Этот союз и неверный шаг Али в отстранении Кейса от управления Египтом, здорово укрепили позицию Муавии. Успех Али под Аль-Басрою также давал Муавии то преимущество, что павшие там в бою Талха и Аз-Зубейр — единственные его конкуренты в вопросе лидерства в борьбе за справедливость — сошли со сцены. Склонность Али уступать арабам в их междоусобицах грозила постоянной опасностью. Хотя он ясным образом всячески отказывался напрямую отождествлять себя с убийцами Османа, фактически он сражался за их же дело; и тем самым, в равной степени халиф оказывался на стороне арабских племен против корейшитов и аристократии ислама. И Али следовало бы предвидеть, что социалистический элемент в этом необычном компромиссе, рано или поздно неизбежно должен был привести самодержца к столкновению с интересами самого халифата.

...и сила Муавии в Дамаске.

Авторитет Муавии покоился на твердом основании; его позиция была смелее, его поведение последовательней. Он с самого начала сопротивлялся опасным требованиям групп, враждебных Осману. Таким образом, теперь у него имелось оправдание для их преследования с точки зрения справедливости, хотя, одновременно, поступая таким образом, он утверждал превосходство корейшитов. Влияние «соратников» всегда было в Сирии первостепенным; в то время как арабский элемент там по большей части состоял из представителей аристократических племен с юга; в результате бедуины у Муавии находились полностью под контролем. Крики об отмщении, воспламененные окровавленными символами, все еще развешенными на кафедре мечети, раздавались сверху и снизу; в то же время нерешительная позиция Али осуждалась всеми, как косвенное доказательство его соучастия в деле убийц старого халифа. И хотя многих пугала возможность возмездия со стороны Али в случае его победы, основным чувством, охватившим всю Сирию, являлось страстное желание отомстить за убийство его несчастного предшественника.

Заметим все же, что, независимо от того, какие бы мотивы ни шли в ход в разных местах, тогдашнее соперничество между Али и Муавией на самом деле велось за трон халифа; и многие полагали, что «серый мул Сирии» имеет лучшие шансы на победу.

Личное противостояние Али и Муавии.

Возможное решение этой проблемы находилось, несомненно, в отделении Сирии в независимое царство бок о бок с Аль-Ираком и Персией. Но идея о распаде халифата едва ли в те годы могла посетить умы правоверных. Единство ислама, утвержденное в качестве важного для арабов постулата и сохранявшееся на протяжении четверти века, оставалось тогда, и еще долго будет оставаться, преобладающим чувством для всей их нации.

ГЛАВА XXXVII

БИТВА ПРИ СИФФИНЕ.

36-37 г. хиджры / 657 г. от р. Х.

Вызывающий ответ Муавии Али, viii. 36 г. хиджры, янв. 657 г. от р. Х.

ПОСЛЕ воцарения Али в Аль-Куфе, последовала короткая передышка. Вожди и правители из ближних и дальних мест стекались в новую столицу, чтобы засвидетельствовать халифу свое почтение. Относительно одного из них, бедуинского вождя, было известно, что Муавия испытывает к нему добрые чувства. Поэтому Али решил отправить его в Дамаск с письмом, в котором, упомянув о своем избрании халифом и разгроме врагов в Аль-Басре, он призывал Муавию последовать примеру всего царства ислама и принести ему клятву верности. Как и в прежний раз, посланника заставили долго ждать. В конце концов, он был отпущен с обещанием, данным на словах, что Муавия готов подчиниться, но только в том случае, если убийцам халифа будет определено наказание, и ни при каких других условиях. К этому ответу посланник добавил, что окровавленные одежды Османа все еще развешаны на кафедре мечети, и множество сирийских воинов принесли клятву «не мыться водою и не спать в своих постелях, доколе они не перебьют убийц престарелого халифа и тех, кто их укрывает».

Видя, что Муавия так безнадежно отдалился от него, Али решил больше не медлить и объявил поход на Сирию. Поначалу народ не спешил откликнуться на призыв. Но через какое-то время Али удалось собрать для наступления пятидесятитысячную армию. Он планировал провести свое войско через верхнюю Месопотамию, и, таким образом, вторгнуться в Сирию с севера. Посланный в качестве авангарда отряд двигался вдоль западного берега Евфрата, но, встретив там сопротивление, был вынужден переправиться по реке обратно в Междуречье.

Вторжение Али в северную Сирию, xi, 36 г. хиджры, апрель 657 г. от р. Х.

Сам Али с основными частями двигался вверх по Тигру; затем, свернув невядалеке от Мосула на запад, пересек пустыню Месопотамии, и, опередив свой передовой отряд, достиг Евфрата в его верхнем течении в районе Ар-Ракки. Недружелюбные поселенцы высыпали на берега реки; и Аль-Аштару пришлось прибегнуть к весьма энергичным угрозам, чтобы заставить их соорудить мост. Армия переправилась через реку вблизи Ар-Ракки; и затем, немного пройдя по правому берегу в направлении Алеппо, наткнулась на сирийские заставы.¹

¹ Когда местные поселенцы отказались сделать переправу из лодок через реку в районе Ар-Ракки, отряд двинулся было вперед, собираясь пересечь реку по обычному мосту близ Мембиджа. Однако, тем временем Аль-Аштар, угрожая жителям мечом, все-таки вынудил их навести мост в Ар-Ракке. Ар-Ракка (Никифорий) расположена у слияния Белиха с Евфратом, возле того места, где река, приблизившись к Алеппо, отклоняется затем на восток. Места бывших арабских застав можно увидеть возле Сур Ар-Рума, ныне

Муавия встречается с Али на поле Сиффина.

Узнав о приближении Али, Муавия не теряя времени, привел в порядок свои войска, намного превосходящие численностью противника. И вскоре, не встречая на своем пути таких преград, как река или пустыня, его армия оказалась лицом к лицу с врагом. Амр был поставлен командующим, а двое его сыновей — заместителями. Желая предотвратить кровопролитие, Али дал приказ своим войскам при встрече с врагом немедленно остановиться и ограничиться обороною, дабы избежать вступления в смертельную схватку по неосмотрительности, до того, как будет предпринята попытка уладить дело миром. Передовой отряд его провел первые несколько дней в стычках. Аль-Аштар провоцировал сирийского предводителя сразиться один на один; но ему было сказано, что, обогрив свои руки в крови прежнего халифа, он утратил право на благородный поединок. Когда основные силы подошли друг к другу на расстояние видимости, Али обнаружил, что Муавия расположил свой лагерь таким образом, что армия халифа оказалась отрезанною от реки. Ее позицию ослаблял крайне затрудненный подход к воде. Поэтому он предпринял маневр, в ходе которого Муавия был вынужден оставить свое место, и перейти на памятное поле Сиффин.¹ Последовало несколько дней затишья; после чего Али послал трех вождей с требованием, чтобы Муавия для блага государства присягнул ему на верность. Это послужило поводом для бесполезных встречных упреков. Муавия требовал, чтобы убийцы Османа были отданы под суд; ему отвечали, что требование его походит не на что иное, как на привычку кошки скрывать свои когти перед решающим ударом лапою: замаскировать очевидные претензии сирийца на трон халифа было трудно. Муавия с возмущением отверг «такую подлую клевету». «Убирайтесь прочь, лживые мерзавцы! — вскричал он, — меч разрешит спор между нами!» С этими словами он выгнал парламентаров с глаз долой. Поняв, что все попытки нащупать пути к компромиссу тщетны, Али разделил свою армию на восемь отдельных групп, поставив во главе каждой из них по знатному бедуинскому вождю. Столько же отдельных подразделений было подобным образом сформировано и на сирийской стороне.

Стычки с перерывами, хii. 36 г. хиджры, май 657 г. от р. Х.

Каждый день одна из этих групп по очереди выходила на битву, становясь против отряда из армии противника. Борьба с перерывами велась таким необычным способом в течение месяца, иногда в день происходило по две стычки. Но до решающего столкновения дело так пока и не доходило. С обеих сторон не решались начать общее сражение, опасаясь, «чтобы в междоусобной битве не были погублены мусульмане, корни и ветви единого древа».

Перемирие на первый месяц 37-го года хиджры, июнь 657 г. от р. Х.

лежащего в руинах, немного к западу от Ар-Ракки. Это место находилось близ древнего Фапсака, на пути похода Кира [на Вавилон].

¹ Сиффин расположен к западу от Ар-Ракки, на полпути к Балису (одной из пароходных станций компании Чеснея), и примерно в ста милях от побережья; юго-восточнее Алеппо и северо-восточнее Гимса.

Новый год застал воюющие стороны утомленными от такой нерешительной борьбы и склоняющимися к мыслям о мире, так что было объявлено перемирие на один месяц. Этот период был проведен в переговорах, но они оказались такими же бесплодными, как и предшествующие. Али, под влиянием окружавших его разгоряченных бедуинов, теперь уже был едва ли склонен хотя бы просто осуждать нападение на Османа. Даже под давлением сирийских посланников, требовавших высказать свое мнение по этому вопросу, он уклонился от прямого ответа. «Я не скажу, — отвечал он уклончиво, — что нападение на него было делом неправильным, но и не скажу, что это нападение можно оправдать».

Бесплодные переговоры.

«Тогда, — отвечали сирийцы, — мы будем сражаться против тебя и против всех, кто отказывается признавать, что Осман был убит несправедливо»; и с этими словами они удалились. Со своей стороны Муавия объявил посланникам Али, что ничто, кроме наказания убийц халифа, не заставит его оставить поле боя. «Как?! — воскликнул один из них, — Ты хочешь лишить жизни Аммара?» «А почему нет? — отвечал Муавия, — По какой такой причине сын невольницы должен оставаться безнаказанным за то, что он лишил жизни вольноотпущенника Османа?»¹ «Это невозможно! — зашумели люди Али, — когда же ты остановишься? Проще остановить поток Евфрата, чем тебя!»

Возобновление военных действий, ii. 37 г. хиджры, июль 657 г. от р. Х.

Так прошел месяц; и Али, видя, что ничего не меняется, снова возобновил военные действия. Он повелел огласить перед сирийским фронтом воззвание, призывающее солдат Муавии присягнуть ему на верность. Но этот шаг только побудил тех еще теснее сплотиться вокруг Муавии; и группа воинов, в знак особого обета подпоясавших себя своими тюрбанами, поклялась защищать их лидера вплоть до смерти. Итак, схватки возобновились, становясь с каждым днем все горячее и ожесточенней; и Али, наконец, согласился пойти на генеральное сражение, которое должно было решить исход противостояния. Так, через десять дней после возобновления военных действий, обе армии, выступив полным составом, сошлись в бою. Он тянулся, пока вечерние тучи не покрыли небо, без перевеса в какую-либо сторону.

Битва при Сиффине, 11-12, ii. 37 г. хиджры, 29-30 июля 657 г. от р. Х.

На следующее утро битва возобновилась с еще большим жаром. Али находился в центре, окружив себя отборными воинами из Медины; фланги были сформированы следующим образом: один состоял из лихих налетчиков Аль-Басры, другой — из столь же проверенных головорезов Аль-Куфы. Муавия расположился на поле боя в своем шатре; и оттуда, в окружении пяти рядов присягнувших ему на верность телохранителей, наблюдал за ходом сражения. Амр обрушился всей тяжестью сирийской конницы на фланг, где

¹ Вольноотпущенник Османа был одним из его защитников, убитым в Медине в решающей схватке с заговорщиками. Аммара, сына невольницы Сумейи, следовало лишить жизни даже за это преступление, намного меньшее, чем убийство самого халифа. Таков был аргумент Муавии.

сражались жители Аль-Куфы, которые под его натиском дрогнули. Сам Али оказался под угрозой двойной опасности: как от плотной тучи летящих стрел, так и от непосредственной близости рукопашной схватки. Укоряя воинов Аль-Куфы за трусость, халиф, несмотря на свою тучную фигуру, смело сражался с мечом в руке, и мужественно отражал удар за ударом. Аль-Аштар во главе трех сотен «чтецов»¹ ринулся вперед с другого фланга и с яростью обрушился на «обмотанных в тюрбаны» телохранителей Муавии. Четыре из пяти рядов его защитников были искромсаны в куски, и Муавия, решив было спасти свою жизнь, уже потребовал коня, когда всех приободрил удачный клич, и командир остался со своими воинами. Амр находился подле него. «Сегодня храбрость, — воскликнул он, — завтра победа!» Пятый ряд телохранителей отбил-таки атаку, и обе стороны возобновили сражение с равным ожесточением. Примеры отчаянной храбрости были являемы воинами обеих армий, и резня шла ужасная. Со стороны Али пал Хашим, герой битвы при Аль-Кадисии. Еще более значимым моментом оказалась смерть Аммара, возраст которого уже перевалил за девяносто лет — одного из главных убийц халифа. Увидев гибель Хашима, он воскликнул: «О, рай! Как близок ты под острием стрелы и взмахом сабли! Хашим! Вживую вижу я разверсты небеса, и чернооких девиц в нарядах невест, сжимающих тебя в своих объятьях!» Воспев ему такую хвалу и освежив себя глотком любимого напитка, смеси молока с водой, стареющий воин, воспламененный вспыхнувшим на мгновение огнем молодости, бросился в ряды врагов и встретил там завидную смерть. Слышали, как Мухаммад однажды говорил ему: «Безбожной и мятежной расою, о, Аммар, однажды будешь ты убит», другими словами, что Аммару суждено пасть, сражаясь за правое дело. Из-за этого предсказания, его смерть, на глазах у многих, легла проклятием на тех, против кого он сражался, и посеяла робость в сердцах воинов Муавии. Но Амр и тут не растерялся: «Но кто же погубил Аммара? Разве не Али с его “мятежной расой”, что загнал старика сюда?» Находчивый ответ быстро разнесся по рядам сирийцев и во многом сгладил эффект от дурного знамения.

Битва свирепствует и на третий день, 13 сафара, 31 июля 657 г. от р. Х.

Борьба в этот день завязалась действительно серьезная: даже ночная мгла не смогла разделить противников; и, подобно Аль-Кадисии, эта ночь вошла в историю, как вторая «ночь звона». Утро застало две армии все еще в сражении. Арабы с опустевшими колчанами шли врукопашную. Аль-Аштар, убийца халифа, решивший добиться победы любой ценой, продолжал лезть вперед с непоколебимой храбростью и упорством. Муавия, теряя присутствие духа, уже начал говорить о предложении решающего поединка между лучшими воинами от каждой стороны. «Тогда выйди вперед сам и вызови Али», — сказал Амр. «Нет, — ответил Муавия, — ни за что! ибо Али всегда убивает своего противника, и тогда тебе придется занять мое место». Амр, разумеется, хорошо знал, что для поединка Муавия не очень то годился, поскольку, как и его соперник, был слишком тяжеловесен. Но было не время для продолжения жестоких шуток, подобных этой; и поэтому Амр предложил ему пойти на военную хитрость. «Водрузи на пики листы

¹ «Чтецы» или «декламаторы» Корана — те, кто буквально наизусть («хафиз») были способны продекламировать всю книгу от начала до конца. Они были самой фанатичной частью мусульманской армии, очень похожими по своим манерам на современных «гази».

Корана, — воскликнул он, — если наши враги откажутся последовать им, это посеет разлад в их рядах; если же признают этот священный символ, это приостановит жестокую резню». Муавия прислушался к его словам.

Прекращение схватки до разрешения спора в соответствии с Кораном.

И вот, сирийцы, не медля, укрепили священные страницы на остриях своих пик и, подняв их ввысь, поскакали вдоль линии сражения, крича: «Закон Господа! Закон Господа! Пусть он рассудит нас!» Услышав этот призыв, воины Аль-Куфы повторили в ответ: «Закон Господа, пусть судит между нами!» Когда все воины подхватили этот призыв в один голос, Али бросился вперед, пытаясь разубедить их. «Это коварная уловка злодеев! — воскликнул он, — боясь потерпеть поражение, они хотят остановить нас хитростью и скрывают свое бунтарское нутро под любовью к Священному слову». Но все было тщетно. На все его аргументы воины отвечали (а «чтецы» громче всех): «Нас зовут к Книге, и мы не можем наплевать на этот призыв». В конце концов, проявляя открытое неповиновение, воины стали угрожать неудачливому халифу, что если он не согласится, они оставят его, отдадут на милость врага, или обойдутся с ним так, как они обошлись с Османом. Видя бесполезность сопротивления, Али промолвил: «Прекратите безумные и мятежные речи. Подчинитесь и сражайтесь дальше. Но если вы хотите бунтовать, поступайте, как знаете». «Мы не будем сражаться, — отвечали они, — отзови Аль-Аштар с поля». На это повеление халифа Аль-Аштар ответил сначала отказом. «Нас ждет великая победа, — возразил он, — я не уйду с поля»; и повернулся, чтобы продолжать борьбу. Однако беспорядки нарастали, и Али был вынужден во второй раз послать за ним, говоря: «Какая польза от победы, когда разгорается мятеж? Ты хочешь, чтобы твой халиф был убит или брошен в руки врагов?» Аль-Аштар неохотно подчинился, и между ним и разгневанной солдатней разгорелась жесткая перебранка. «Только вчера вы сражались за дело Господа, — говорил он, — и лучшие из вас положили в этой борьбе свои жизни. Что же, теперь вы признаете, что были неправы, и мученики, таким образом, попали в ад?» «Э-э, — возражали воины, — вчера мы сражались для Господа, а сегодня ради того же самого Господа мы эту борьбу прекратим». На что Аль-Аштар обозвал их «предателями, трусами, лицемерами и злодеями». В ответ на него тоже посыпалась брань, а его носильщика стали хлестать плетьюми. Вмешался Али. Мятеж был остановлен. И Аль-Ашас, вождь Бени Кинда, был послан, спросить Муавию, что означают поднятые на пиках листы Корана. «Это означает, — был передан ответ, — что мы должны обратиться — и вы, и мы — к воле Господа, как она записана в Коране. Каждая сторона должна выбрать посредника, и вердикт этих посредников должен стать для всех обязательным». Армия Али одобрительно зашумела. Несчастный халиф был вынужден стерпеть еще большее унижение, согласившись на назначение своим арбитром человека, предавшего его. Солдатня выдвигала Абу Мусу, нерешительного правителя Аль-Куфы, смещенного из-за отсутствия выражения деятельной преданности. «Этот человек, — возражал Али, — в прошлом лишь бросал нас и убегал; и только несколько месяцев назад я простил его. К тому же его не было рядом с нами сегодня в сражении. Есть более достойный представитель: сын Аль-Аббаса, дяди Пророка; лучше выберите его своим представителем». «Ты еще себя предложи!» — отвечали ему грубо. «Тогда пусть будет Аль-Аштар». «Что-о-о?! — возмутились бедуинские вожди, все в той же грубой манере, — Человека, который раздул эту войну! Не желаем никого, кроме Абу Мусы».

Это был неприятный выбор для Али, но у него не оставалось альтернативы. Сирийским арбитром выступил Амр, с чьими изощренными и хитрыми уловками не мог соперничать ни один человек. Он прибыл в стан халифа, и соглашение между враждующими сторонами было заключено в письменной форме.

Решение арбитров, 13 ii. 37 г. хиджры, 31 июля 657 г. от р. Х.

Текст, диктовавшийся со стороны Али, был таким: **«Во имя Всемиловнейшего Господа!** Мы пришли к соглашению между властителем правоверных и ...» «Погоди-ка, — остановил его Амр (в точности, как корейшиты перебили Пророка в Аль-Ходейбии¹), — Али **ваш** властитель, но не наш». И опять беспомощному халифу пришлось уступить, и имена соглашающихся сторон пришлось вписать просто: «между Али и Муавией». Договор обязал их «следовать положениям Корана; и где Коран безмолвствовал, опираться на признанные прецеденты ислама». Али и Муавия гарантировали безопасность посредникам и их семьям и обещали народу следовать их решению. Со своей стороны посредники поклялись судить праведно, для того, чтобы таким образом, как от них и требовалось, примирить правоверных. Решение должно было быть обнародовано через шесть месяцев или позднее, если у посредников будет причина для задержки, в некоем нейтральном месте, на полпути между Аль-Куфой и Дамаском. На это время военные действия должны быть приостановлены. Это соглашение, должным образом составленное и подписанное, было засвидетельствовано многими вождями с каждой из сторон. Один лишь Аль-Аштар отказался: «Я перестану признавать свою правую руку, если она коснется документа, подобного этому».

Али и Муавия возвращаются по домам.

Итак, армии похоронили своих погибших, и оставили это достопамятное, но оказавшееся бесполезным, поле брани. Али возвратился в Аль-Куфу, а Муавия, получив определенное преимущество в борьбе, в Дамаск. Входя в Аль-Куфу, Али услышал со всех сторон причитания. Вождь, которому было поручено успокоить скорбящих, молвил: «О, халиф, ведь не два и не три воина погибли; из одного нашего клана сто четыре человека остались лежать погребенными на поле Сиффина. Не осталось ни одного дома, где бы женщины ни оплакивали погибших».

Разлад в Куфе.

Потери, разумеется, были велики с обеих сторон. Что усугубляло неудачу Али, заключенный им договор был лишь пустышкой, не гарантировавшей ни прочного мира, ни удовлетворения. Та группа арабов, дерзким требованиям которой он только что уступил, теперь отдалилась от него как никогда прежде. На недовольство граждан Аль-Куфы совершенным компромиссом, Али мог только ответить, что мятежные солдаты вынудили его пойти на это соглашение; и что он клянется исламом, что никогда бы сам по

¹ «Жизнь Мухаммада» стр. 359.

себе не отступил. Али связал свою судьбу с изменниками и убийцами халифа, и теперь пожинал горькие плоды. И один лишь Муавия оставался в выигрыше¹.

¹ Все описания этой битвы сделаны сторонниками Али. Каждый автор превозносит подвиги своего собственного племени. Единственная вещь, в которой все они сходятся во мнениях — это героизм Аль-Аштара. — Wellhausen, *Arabisches Reich*, стр. 51 и далее.

ГЛАВА XXXVIII

ХАРИДЖИТЫ, РАСКОЛЬНИЧЕСКАЯ ГРУППА. ВОССТАНИЕ ПРОТИВ АЛИ.

37 г. хиджры / 657-658 г. от р. Х.

Арабская партия попала на призыв к Корану.

БЫСТРОТА сообразительности Амра никогда еще не служила ему лучшим образом, чем тогда, когда он предложил использовать Коран в качестве арбитра между враждующими сторонами. Ведь с самого начала сторонники демократии призывали судить в соответствии с Книгой Господа. Священный текст никогда не оправдывал непомерные претензии корейшитов, ни присущего им лицепрития и тирании. Наставления Корана подразумевали существование братства правоверных; и сам Пророк предписывал абсолютное равенство всех мусульман. И как только прозвучал призыв к Корану, арабские вожди, как и предполагал Амр, попавшись в расставленную им ловушку, немедленно поддержали его.

Недовольство.

Но вскоре перспективы мира омрачились появлением недовольных. Арабы позабыли, насколько узкой была та задача, которую судьям предстояло решить. Бедуины и сторонники всеобщего братства сражались не за халифа или кого-то другого, но, по большей части, против притязаний корейшитов. Вот что больше всего волновало их в этой кровавой борьбе. «Если сирийцы победят, — кричал один из вождей, — вы пропали! Вы вновь станете подстилкой тиранов, какую были при любимчиках Османа. Они присвоят себе завоевания ислама, будто они достались им по наследству, а не были добыты нашими мечами. Мы потеряем свое господство, как в этом мире, так и в грядущем». Вот так они обосновывали убийство ими Османа, и так объясняли то, ради чего проливали свою кровь, и за освобождение от чего они сражались. Что они получили, выбрав себе посредника? Они мечтали о **теократическом государстве**, о власти религии; а ныне оказались отброшены назад, к прежним притеснениям. Посредникам предстояло решить спор просто между Муавией и Али; и каким бы ни был их вердикт, деспотизм в отношении простых арабов станет еще сильнее. Все, к чему они действительно стремились, было потеряно из виду: не оставалось больше никакой надежды на успех их дела.

Под Аль-Куфю появляется враждебный лагерь;

С таким сердитым ропотом от армии Али на пути домой отделилось двенадцатитысячное войско, и двигалось бок о бок с оставшейся частью, но немного поодаль. Недовольные не стеснялись в словах, недвусмысленно ругались и, согласно грубому бедуинскому обычаю, хлестали идущих рядом товарищей своими плетями. Арабы обвиняли друг друга в том, что отдали дело ислама в руки безбожным арбитрам; в то время как другие раскаивались, что предали своего халифа на поле боя, и таким образом отделили себя от огромной армии правоверных. С такими настроениями они не стали входить в Аль-Куфу, а разбили лагерь

поблизости: у селения Харура. Их вожди принадлежали племенам Темим, Бекр и Хамдан из Аль-Куфы. Временного предводителя себе они выбрали из племени Азд. Их боевой клич был: «Решение принадлежит Богу», то есть, вопрос о халифе должен быть решен с помощью меча. Эта группа намеревалась, однако, с приходом к власти, упразднить всяких принцев или халифов, а управление делами отдать в руки государственного совета. Подобного рода теократические идеи не ограничивались этой ватагой раскольников, но сильно будоражили умы жителей беспокойной и мятежной Аль-Куфы. Узнав об опасности, Али послал своего кузена Ибн Аль-Аббаса, чтобы урезонить отделившуюся от его армии группу, но это не дало никакого результата. Тогда он лично отправился в их лагерь, и преуспел, пообещав отдать их лидеру в управление Исфахан.

но Али убеждает раскольников,

Он убеждал их, что не несет ответственности за «безбожный компромисс», как они называли соглашение, поскольку вынужден был согласиться на него вопреки своим лучшим побуждениям, по причине их же собственного своеволия и поразительного упрямства. А посредники оказались связаны условиями договора, и должны были вынести свое решение в соответствии со священным текстом, который признавался сторонниками теократического государства, равно как и им самим, за высшую инстанцию. В случае если вердикт посредников после всего этого окажется незаконным, он может без колебаний его отвергнуть и снова продолжить борьбу против своих врагов.

...разойтись по домам.

Покамест они удовлетворились уверениями халифа; и, свернув свой лагерь, вернулись по домам, ожидая там решения судей.

ГЛАВА XXXIX

РЕШЕНИЕ ПОСРЕДНИКОВ.

37 г. хиджры / 658 г. от р. Х.

Междуцарствие.

ВРЕМЯ было беспокойное. Муавия правил Сирией; Али — остальной частью исламского мира. Оба старались до поры до времени ни в чем не мешать друг другу. Империя ислама на какой-то период оказалась в полной неопределенности.

Встреча посредников, viii. 37 г. хиджры, февр. 658 г. от р. Х.

В рамках назначенного времени Амр прибыл в Думу, расположенную на середине пути через пустыню, вскоре после Абу Мусы: каждый, согласно предварительной договоренности, в сопровождении кортежа из четырехсот всадников. Туда также собралось множество народу из Аль-Ирака и Сирии, из Мекки и Медины. С неослабным интересом арабы наблюдали за ходом встречи, призванной решать будущее ислама. Главные вожди из числа корейшитов также не преминули приехать: некоторые таили тайную надежду, что выбор арбитров может случайно пасть на них.

Их совещание.

Посредники встретились в шатре, сооруженном для такого случая; там и происходило их закрытое совещание с глазу на глаз. Сохранившиеся сведения об этом краткие и сомнительные. Абу Муса, под напором своего хитроумного партнера, признал, что убийство Османа было незаконным и непростительным актом. «Тогда почему же, — продолжал Амр, — вы не хотите признать Муавию, мстителя за кровь халифа, его преемником?» «Если бы вопрос стоял просто о кровном родстве, — отвечал Абу Муса, — тогда больше прав имели бы сыновья Османа, но избрание преемника должно происходить посредством голосования основных соратников Пророка». Тогда Амр предложил своего собственного сына. «Справедливый и достойный муж, — признал Абу Муса, — однако, он один из тех, кого вы уже вынудили принять одну из сторон в гражданской войне; а более всего нам следует опасаться, чтобы снова не разгорелся мятеж среди арабских племен». Подобное же возражение было высказано и в отношении Абдаллы, сына Аз-Зубейра; а кандидатура сына Омара была отвергнута, как человека, не имеющего необходимых качеств для управления. «Что ж, — промолвил Амр, когда все возможные кандидаты были названы и отвергнуты, — какой же вердикт ты бы сам вынес?» «По моему мнению, — ответил Абу Муса, — нужно сместить и Али, и Муавию, и предоставить людям возможность свободно выбрать того халифа, какого они

пожелают». ¹ «Твое решение — мое решение, — согласился Амр без промедленья, — ну, что ж, пошли».

...и решение

Народ, затаив дыхание в предвосхищении событий, толпился вокруг шатра, когда арбитры выходили из него. «Давай скажем им, — обратился Амр к своему коллеге, — о нашем решении». Абу Муса выступил вперед и громким и четким голосом объявил: «Мы приняли такое решение, которое, мы уверены, должно примирить народ и воссоединить царство ислама». «Он говорит истину, — подхватил Амр, — давай дальше, о, Абу Муса, произнеси же свой вердикт». Абу Муса продолжил: «О, люди! Мы хорошо все обдумали. И не видим иного решения, чтобы восстановить мир и согласие, как сместить Али и Муавию, и того, и другого. После этого, вы сами должны избрать подходящего человека на их место. Вот мое решение».

...сместить Али.

Он отошел в сторону, и Амр, выступив вперед, произнес: «Вы слышали заключение Абу Мусы. Он предложил отстранить своего кандидата; я тоже присоединяюсь к этому. Но что касается моего вождя, Муавии, его я поддерживаю. Он наследник Османа, отмститель за его кровь, и больше всех имеет право, чтобы стать халифом».

Народ потрясен.

Собравшиеся были ошеломлены. Даже сирийцы никогда не думали, что Муавия достигнет такого триумфа, не приходило и в голову сторонникам Али, что их посредник мог быть так постыдно обманут. «Что я мог сделать? — вскричал Абу Муса, — Он согласился со мною, но затем ушел в сторону». «Это не твоя вина, — сказал Ибн Аль-Аббас, — это вина тех, кто поставил тебя на это место». Подавленный упреками, Абу Муса бежал в Мекку, где ему предстояло окончить свои дни в неизвестности. В пылу негодования, начальник эскорта из Аль-Куфы схватил Амра и обращался с ним весьма грубо, пока не вмешался народ и не освободил посредника. Амр возвратился в Дамаск, где народ с радостью приветствовал Муавию халифом, хотя тот согласится принять этот титул лишь несколько лет спустя.

Сирийцы приветствуют Муавию как халифа.

Как глубоко это потрясающее известие затронуло Али, можно судить по тому факту, что в ежедневное богослужение мусульман он предписал добавлять молитву о проклятии на головы Амра, Муавии и их основных сторонников. Муавия охотно последовал его примеру. Вот так мусульманский мир стал получать ежедневное духовное наставление в

¹Скорее, он хотел предоставить решение «шуре», или совету, каким был избран Осман. Муавия мог позволить себе согласиться с этим, поскольку он не был провозглашен халифом вплоть до сорокового года хиджры. Али, с другой стороны, уже был провозглашен халифом. Его отказ подчиниться решению совета означал клятвопреступление, и Вельгаузен считает, что последняя часть этой истории была придумана сторонниками Али, чтобы скрыть его преступление и переложить вину на арбитров.

виде зрелища двух соперничавших властителей правоверных, произносивших крайние угрозы один против другого во время публичных молитв.¹

¹ Проклятия, употребляемые Али, были такими: «О, Господь, я молю Тебя, пусть Муавия и Амр будут прокляты», а далее следовали и все главные вожди поименно. «Да будут все они прокляты!» Проклятия Муавии, подобным же образом, включали Али, его сыновей Аль-Хасана и Аль-Хосейна, и Аль-Аштара.

ГЛАВА XL

ХАРИДЖИТЫ, ИЛИ РЕЛИГИОЗНЫЕ СЕПАРАТИСТЫ,¹ РАЗБИТЫ ПОД НАХРАВАНОМ.

37 г. хиджры / 658 г. от р. Х.

Замыслы Али против Сирии.

ПРОКЛЯТИЯМИ на голову своего соперника Али ограничиваться не думал. Он решил безотлагательно возобновить военные действия. Однако прежде ему пришлось разбираться с новым врагом, оказавшимся куда ближе к его собственному дому.

Враждебность теократической партии, ix. 37 г. хиджры, февр. 658 г. от р. Х.

Утвердившие свой лагерь в Харуре хариджиты, вместо того, чтобы жить в покое и в духе верности халифу, превратились в весьма агрессивную силу, похожую на встревоженный рой. Не должно присягать на верность никому, заявляли они, кроме Единого Господа, Всемогущего и Славного. Приносить присягу Али или Муавии, по их мнению, означало умаление достоинства великого имени Божия. «Обе стороны, — как они считали, — скачут в одной гонке отступничества, грива в гриву: сирийцы следуют за Муавией, прав он или неправ, а вы, куфинцы, во всем поддерживаете своего Али. Это не что иное, как богохульство». Таким образом, хариджиты вывели свое собственное кредо в коротком заявлении: «**никакого суда, кроме как от Бога**»; и эти слова они нахально бросили прямо в лицо Али.² Напрасно халиф пытался спорить, как прежде, что сами арабы навязали ему решение посредством арбитража. «Это так, — признавали хариджиты, — но мы раскаялись в этой промашке; и тебе так же надлежит в ней раскаяться, иначе мы поднимем против тебя оружие. Если нам суждено погибнуть в бою, мы с радостью встретим нашего Господа». Али все же надеялся переубедить их. Он предпочитал терпеть их бунтарские разговоры; и постарался, чтобы хариджитам стало известно о его к ним благосклонном отношении.

Терпение Али.

Халиф оставлял за ними право свободного доступа в мечеть для молитв. Если они согласятся присоединиться к его войскам, им гарантировано участие в дележе добычи, наравне с остальными. Пока они воздерживаются от какого-либо открытого выступления, он не будет использовать против них ни силы, ни оружия.

Хариджиты идут на Нахраван, x. 37 г. хиджры, март 658 г. от р. Х.

¹ Это название (от «харидж», *мн. ч.* «хаваридж») может означать «те, кто вышел/выступил во имя их религии», подобно «мухаджирун», см. Коран iv 101.

² «Ла хукума илла л'иллахи». Символ веры сепаратистов указывал на абсолютное равенство правоверных. Никакого халифа быть не должно, люди не должны присягать другому человеку, а власть должна находиться в руках Совета, избранного народом.

Увы, вместо того чтобы утихомирить этих фанатиков, сдержанность халифа лишь раззадорила их. Кончилось тем, что, когда стало известно решение арбитров, хариджиты посчитали его вполне оправдывающим их раскол и решили немедленно поднять знамя борьбы за дело Божие. Они твердо уповали на вмешательство свыше: ведь должно же, в конце концов, правое дело восторжествовать! Выражая протест против погрязшего в грехе мира, они надеялись унаследовать мир грядущий. Вот так, примерно месяц спустя после того, как суд посредников завершился, хариджиты, пользуясь поддержкой многих мусульман в Аль-Басре, потихоньку стали покидать свои дома. Шайка заговорщиков из Аль Басры, силою до пятисот человек, возглавляемая тамимитом, смогла ускользнуть от погони местного правителя, несмотря на его усилия, и присоединилась к основной группе, расположенной на пути из Аль-Куфы. Мирская власть и слава мира сего вызвала у хариджитов отвращение, как видно из их символа веры: лишь после того, как множество арабов отказалось принять на себя командование, сопряженное для них с большими искушениями, им удалось выбрать из своей среды вождя. Да и то, на условиях, что он будет исполнять эту должность временно, в силу необходимости. В их планы входил захват Аль-Медайна, где они рассчитывали провозгласить теократическое правление в качестве примера всем нечестивым городам, расположенным по соседству. Но его правитель вовремя получил предупреждение и сумел отразить их нападение. Хариджитам пришлось отступить от города. Переправившись через Тигр маленькими группами, они собрались под Нахраваном силою в четыре тысячи человек, под командою выбранного ими самими вождя: Абдаллаха Ибн Вахба.

Подобно всем фанатикам, хариджиты были склонны оцезивать комара, но поглощать верблюда. Совершая страшные зверства по отношению к другим людям, они оставались до смешного щепетильны в мелочах. Один из них, заколов случайно своим дротиком свинью, отправился на розыски владельца, чтобы уплатить компенсацию. Другой же считал себя не в праве съесть финик, найденный на дороге, поскольку на заплатил за него.

Али объявляет сбор для похода на Сирию,

Али вначале не распознал всю серьезность угрозы от возникшего движения. Число раскольников было относительно невелико, и халиф надеялся, что, увидев своих прежних товарищей,двигающихся в полном боевом облачении против бесчестных сирийцев, они не замедлят вернуться под его знамена. Поэтому Али взошел на кафедру и обратился к мужчинам Аль-Куфы с пламенной речью. Суд посредников он отверг, поскольку они, якобы, презрели Книгу Господа, равно как и пример Пророка: ни к тому, ни к другому эти нечестивцы не имеют отношения. Оба они — отступники, отвергшиеся как Господа, так и Пророка, да и всех добрых людей. «А потому, — заключил халиф, — мы должны возобновить нашу битву с того момента, где, уже имея победу в руках, мы оказались вынуждены ее оставить. Готовьтесь к выступлению на Сирию, ко второму дню будущей недели я жду вас в лагере за городом».

...и призывает хариджитов, отказывающихся присоединиться к нему.

Затем он отправил отдельное послание фанатикам в Нахраван. Оно было составлено в схожих терминах, а завершалось следующим образом: «Итак, теперь возвращайтесь

обратно и присоединитесь к моей армии. Я выступаю супротив общего врага: вашего и нашего. Мы должны вернуться назад, ко времени, когда под Сиффином вы сражались на моей стороне; так следуйте же за мною!» Их ответ оказался крайне дерзким: «Если бы Али признал свое богоотступничество и раскаялся в нем, тогда они могли бы подумать, не остается ли между ними чего-либо общего. Если же нет, то они отвергают его, как безбожного еретика!» Пришлось халифу предоставить этих упрямых сторонников теократии самим себе, и заняться набором рекрутов для войны с Сирией. Особого энтузиазма арабы выказывать не спешили. Из шестидесяти тысяч мужчин, переписанных в Аль-Басре получающими пособие как воины, на призыв Али откликнулось едва ли более трех тысяч.

Али выступает на Сирию;

После тщетного обращения к добровольцам, халиф разослал из Аль-Куфы вождям всех племен приказ о наборе рекрутов; и таким образом ему удалось выставить против Муавии армию в шестьдесят пять тысяч человек.

но его отвлекают дошедшие до крайности хариджиты,

С этим насильно собранным войском халиф уже собирался выступить против сирийцев, когда получил известие, что шайки фанатиков творят свои бесчинства по всей провинции и даже неподалеку от его собственного лагеря.¹ Халифский гонец, посланный уточнить обстоятельства совершаемых ими беззаконий, обрел свою смерть от рук хариджитов. Вести становились тревожнее с каждым днем, арабы, собранные в войске у Али, требовали направить их против бандитов: «Как же нам, — вопрошали они, — оставить у себя в тылу таких мерзавцев, с нашими домами, беззащитными перед угрозой их неслыханных жестокостей?» Али, и сам полностью разделяя озабоченность своих воинов, быстро изменив направление движения, он переправился через Тигр и направил свою армию на мятежных фанатиков. Подойдя к Нахравану, он послал вперед парламентаря с требованием, чтобы все, виновные в бесчинствах и убийствах, были беспрекословно переданы халифу. «Предайте таковых в руки правосудия, — настаивал халиф, — и вас оставят в покое, пока Господь не дарует нам победы в Сирии — ведь в таком случае вряд ли Он вновь обратит ваши сердца против нас». Хариджиты отвечали, что «мы все на равных основаниях ответственны за свое прошлое, а кровь безбожных еретиков, которых мы прикончили, была пролита по закону, праведно». В последовавших переговорах халиф пытался увещевать сбившихся с истинного пути фанатиков, предлагая пощаду всем, кто решит присоединиться к его войску или хотя бы мирно разоидется по домам. Некоторые прислушались к его призыву и перешли на сторону Али; пятьсот человек бежало в находящийся неподалеку персидский город, еще больше разошлось по своим домам. Однако 1800 мятежников осталось противостоять халифу: то были первые мученики теократического кредо.

¹ Эти хладнокровные мятежники проявили себя до последней степени варварами. Попадавшие к ним в лапы путешественники, не только мужчины, но и женщины, в случае отказа разделить их религиозные убеждения, немедленно предавались смерти. Беременным женщинам вспарывали животы мечами, и т.д.

...и он уничтожает их.

С диким криком «Вперед, в рай!» они ринулись на пики халифского войска и все, как один, полегли на поле брани. Потери Али были просто шуточными. Эта битва произошла в девятый день второго месяца 38 г. хиджры, седьмого июля 658 г. от р. Х.

Хариджиты превращаются постоянную занозу для империи ислама.

Однако же, для будущего ислама было бы лучше, если бы ни один из тех четырех тысяч не спасся. У этой змеи было вырвано жало, но она вовсе не была добита. Дух фанатизма стал распространяться самым загадочным образом; мечта о теократии начала приобретать себе все больше приверженцев, пускай пока и тайных: как в Аль-Басре, так и в Аль-Куфе. Насколько бы безнадежно ни выглядела их цель, эти фанатики просто сгорали от энтузиазма. Они подогревали себя мыслью если не о прямой помощи Бога, то, по крайней мере, о гарантированном им венце мученика. В последующий год банды мятежных фанатиков вновь и вновь внезапно появлялись в окрестностях арабских городов, отвергая легитимность власти Али и крича о приближающемся царстве Господа. Одного за другим их рубили на куски или же без труда обращали в бегство. Тем не менее, такие непрекращающиеся выступления не могли не нанести урона авторитету Али, подрывая его власть. Халиф пожинал плоды своей слабости, проявленной в компромиссе с врагами Османа. Напрасно он не свершил над ними правосудия! Хариджиты были фанатиками с совершенно крайними доктринами, эти люди были слишком искренни, чтобы найти общую почву с какой-либо чисто политической партией, и потому им редко удавалось добиться каких-либо существенных завоеваний в продвижении своего дела. Кроме их слов, после них практически ничего не оставалось. Но и в те времена, и гораздо позднее, мы видим, как они собираются в достаточно большие группы, чтобы угрожать существованию исламского государства. Вновь и вновь они будут терпеть поражения. Но вновь и вновь, на протяжении целых столетий, эти **хариджиты** будут «выступать» (о чем говорит само их название) со своей безнадежной мечтой, оказываясь занозой в теле всего халифата, и превращаясь в настоящий ужас для всех более порядочных арабов.

ГЛАВА ХЛІ

ВОССТАНИЕ В ЕГИПТЕ.

38 г. хиджры / 658 г. от р. Х.

Али останавливает поход на Сирию. Конец 37 г. хиджры, апрель 658 г. от р. Х.

РАССЕЯВ под Нахраваном фанатиков, Али вернулся на правый берег Тигра и вновь обратил свой взор в сторону Сирии. Но его воины настаивали на необходимости привести в порядок свое оружие перед столь дальним походом. «Отпусти нас ненадолго по домам, — просили они халифа, — почистить мечи и пики и наполнить опустевшие колчаны». Получив разрешение Али, войско двинулось назад и остановилось лагерем в пределах видимости Аль-Куфы. Солдаты стали малыми группами покидать лагерь, который вскоре совсем опустел. Али, увидев, что ни один из его воинов не спешит вернуться, потерял терпение, и сам двинулся в Аль-Куфу, где в гневной речи напомнил народу о священном долге арабов идти вместе с их халифом войною на отколовшуюся Сирию. Но весь свой пыл и горькие упреки он с таким же успехом мог бы обратить к глухой стене. Ответа на его призывы не последовало, и Али упал духом. Реальная возможность организовать поход в Сирию оказалась упущена.

Положение Али и Муавии.

Вот так подошел к концу тридцать седьмой год хиджры. Положение несколько не переменилось. Муавия без каких-либо помех продолжал править Сирией, которая лишь формально входила в состав халифата. Подданные хранили ему верность, разделяя его убеждения, и он пользовался в Сирии их безусловной поддержкой. В то время как Али, подавленному из-за безразличия и даже неприязни со стороны своего народа, впереди предстояло еще более серьезное испытание: потеря Египта.

Восстание в Египте.

Нужно учитывать, что в этой провинции сохранялось очень сильное противоборство тех, кто требовал отмщения за кровь Османа, и группировки мятежников. Кейс потерял свое место, не сумев расправиться с инакомыслящими, и на замену ему прибыл Мухаммад, сын Абу Бекра. Отбросив мудрую политику своего предшественника, Мухаммад потребовал от диссидентов или полностью подчиниться, или насовсем покинуть Египет. Они отказались от поспешного выбора, но, скрывая до поры до времени свои враждебные планы, спокойно ожидали исхода битвы при Сиффине. Поняв, что в результате происшедших событий Муавия все равно останется хозяйничать в Сирии, они набрались смелости и стали тревожить Мухаммада набегами. Несмотря на ряд поражений, им удалось расшевелить всегда готовых ко всяким волнениям арабов Египта, и Муавия, учуяв свой шанс, отдал приказ опытному Амру захватить провинцию, которую тому уже когда-то удалось покорить для царства ислама.

Амр покоряет Египет для Муавии, ii. 38 г. хиджры, июль 658 г. от р. Х.

Али понял, какую грубую ошибку он допустил, но было уже поздно. Он попытался было вернуть на место Кейса, но тот уклонился от нового назначения. В кризисной ситуации у Али не оказалось под рукою никого, кроме Аль-Аштара, одного из убийц Османа. Его-то и направил халиф в спешке в Египет. Но по пути тому суждено было встретить преждевременную смерть, скончавшись от яда, которым его отравил вождь пограничного с Египтом племени, где Аль-Аштар остановился отдохнуть (считают, что здесь приложил свою руку Муавия). В Сирии известие о смерти одного из главных убийц старого халифа встретили с восторгом: там Аль-Аштара сильно побаивались. Али же эта весть окончательно добила. Теперь ему оставалось лишь надеяться, что Мухаммад сможет удержаться и сделает все, что возможно в его силах, для сохранения власти над Египтом.¹ Но партия, поддерживавшая Муавию, набирала сил с каждым днем; и когда Амр, решив попытать счастья в бою с войсками Али, пересек границу во главе отряда в несколько тысяч человек, его с радостью встретила огромная толпа инсургентов. Мухаммад, предприняв неудачную попытку дать отпор захватчикам, был убит, а тело его сожгли с позором, завернув в ослиную шкуру.² Вот так Египет оказался утраченным для Али; а Амр, будучи заместителем его главного соперника в борьбе за титул халифа, вновь стал правителем этой провинции.

Али подавлен потерей Египта.

Потерю Египта Али было перенести тем труднее, что она оказалась непосредственным результатом его личной ошибки. Ведь именно он отстранил Кейса. К тому же, халиф мог бы отбить эту провинцию обратно, если бы не безразличие к нему куфинцев. Вновь и вновь он умолял их поспешать на защиту Мухаммада.

С большим трудом халифу удалось сколотить отряд в две тысячи всадников, но на это ушло столько времени, что вести о поражении сына Абу Бекра достигли Аль-Куфы практически еще до их выступления. Али взошел на кафедру, ругая народ за бездушность и нелояльное к нему отношение. Он в течение пятидесяти дней уговаривал куфинцев выступить в поход, чтобы отомстить их братьям, ставшим отступниками, и помочь тем, кто все еще сражался. Но они упирались подобно упрямому своенравному верблюду, стремящемуся сбросить свою ношу. «А теперь, — горько сетовал халиф, не в силах скрыть своего огорчения, — сын Абу Бекра пал мучеником, а Египет оторван от нас».

¹ Согласно другим источникам, Кейса сразу же сменил Аль-Аштар, а уже после него в Египет прибыл сын Абу Бекра. — Веллгаузен, стр. 61.

² Амр предложил Мухаммаду пощаду. Но на пути ко спасению его перехватил один из вождей, который был настолько решительно настроен против убийц Османа, что хладнокровно прикончил сына Абу Бекра и, завернув в ослиную шкуру, бросил его тело в костер. Аиша безутешно оплакивала злую судьбу своего брата, и, хотя все ее устремления были направлены против Али, отныне стала проклинать в своих ежедневных молитвах Муавию и Амра. Вплоть до самой своей смерти она отказывалась от жареного, принимая лишь самую простую пищу.

ГЛАВА XLII

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПРАВЛЕНИЯ АЛИ.

38-40 г. хиджры / 658-660 г. от р. Х.

Остаток правления Али.

ПОСЛЕДНИЕ дни правления Али не были отмечены даже проблеском надежды. Остаток его жизни проходил в сплошных страданиях: дома халифу досаждали фанатики-хариджиты, а по соседству не переставала докучать мятежная Сирия. Хуже того, ко всем этим неприятностям добавлялась ежедневная демонстрация безразличия и неприязни жителей Аль-Куфы, того самого города, который халиф выбрал в качестве столицы. И последнее для Али было совсем невыносимо.

Восстание в Басре подавлено, 38 г. хиджры 658 г. от р. Х.

Тяжкие мысли о потере Египта и жестоком убийстве Мухаммада никак не шли у него из головы. Али стал подолгу уединяться, не позволяя практически никому себя беспокоить. Его двоюродный брат, Ибн Аль-Аббас, правитель Аль-Басры, беспокоясь, что халиф может отречься от власти или натворить что-нибудь поспешное или необдуманное, постоянно навещал его, стараясь утешить. Муавия воспользовался представившейся ему возможностью взбудоражить недовольных в Аль-Басре в отсутствие наместника. Он был уверен, что среди многочисленных кланов сумеет найти таких, кто, подобно самому Муавии, желал бы отомстить за кровь Османа. У Али приверженцев там было очень мало, а остальные были, в основном, сторонниками теократической фракции, одинаково враждебно относившейся как к Муавии, так и к Али. Эмиссар сирийцев, доставивший в Аль-Басру послание от Муавии к ее гражданам, нашел такой теплый прием, что Зийяд, временно управлявший городом в отсутствие Ибн Аль-Аббаса, вынужден был бежать. Он прихватил с собою казну провинции и кафедру из мечети, которые ему удалось укрыть в крепости одного из оставшихся верными халифу племен. Оттуда он послал письмо в Аль-Куфу, прося помощи. Али тотчас отрядил ему в поддержку вождя, пользующегося влиянием среди местных племен, и тот смог убедить кочевников подняться на защиту Зийяда. После жестокой резни в городе людям халифа удалось-таки разбить мятежников, которым пришлось искать спасения в близлежащем замке. Их окружили и предали замок огню. При этом сирийский посланник с семьюдесятью своими приверженцами сгинул в языках пламени. Эта победа на какое-то время утихомирила бедуинов; но весь инцидент лишь подтвердил, насколько они недовольны положением вещей, и насколько призрачной является власть Али над жителями Аль-Басры с ее постоянно мятежным духом.

Волнения хариджитов.

Эта тяга к волнениям и беспокойствам не унималась ни в Египте, ни в Аль-Басре. Всего лишь в течение одного года, как видно из летописей, произошло пять-шесть случаев, когда довольно крупным шайкам хариджитов удавалось побудить народ к восстанию своими религиозными лозунгами. Одна за другою эти банды прекращали свое

существование, будучи рассеяны либо полностью уничтожены. Но, несмотря на неудачи, сама частота повторения этих безнадежных попыток одолеть власть халифа — плод дикого и безрассудного фанатизма — не могла не будоражить арабскую нацию.

Восстание Хиррита в Южной Персии, 38 г. хиджры, 658 г. от р. Х.

Наиболее серьезное из этих восстаний проходило под руководством Аль-Хиррита Ибн Рашида из Бени Наджийя. Причем, его лидерство и есть самое примечательное: ведь этот самый вождь храбро сражался вместе со своим племенем на стороне Али и в «верблюжьей битве», и в сражении под Сиффином. Подобно многим арабам, он решился поднять восстание чисто по своим убеждениям. Этот фанатик считал, что Али обязан был принять решение арбитров и созвать совет для решения судьбы халифата. Али, со своей обычной сдержанностью, заявил, что хотел бы обсудить этот вопрос с ним лично, и с этой целью назначил место для встречи. Но в ночь перед этой встречей Аль-Хиррит бежал из города вместе со своими последователями. «Ну и катись себе к дьяволу, — выругался Али, — ты пропал, как обреченный Самуд!» Ренегатов преследовали, но им удалось укрыться в Аль-Ахвазе. Там им удалось поднять персов, курдов и горцев-христиан, легко найдя к ним подход очень специфичным воззванием. Они заявили, что платить налоги халифу-безбожнику означает поддержку его дела, а это просто нетерпимо. Вместе с бандою мятежных арабов Аль-Хирриту удалось поднять восстание по всему Фарсу, заставив наместника бежать. Войско из Аль-Басра отбросило их к побережью Индийского океана. Но они вновь подняли мятежное знамя в Аль-Бахрейне, где местным племенам понравилась идея с налогами, а некоторые из них даже возвратились в христианство. Соблазняя людей своими лживыми обещаниями, эти отступники повсюду оказывались во главе восстания. Так продолжалось до тех пор, пока Аль-Хиррит не сложил голову в кровопролитном сражении. Лишь после этого власть халифата в Южной Персии была восстановлена.

Хиррит разбит и сам убит.

Мусульмане, плененные правительственными войсками в ходе этой кампании, получили свободу, заново принеся халифу присягу на верность. А вот пятистам христианам пришлось проделать свой путь на невольничий рынок в кандалах. Всем им предстояло быть проданным в рабство. Женщины и дети, отрываемые от мужчин, глав их семейств, подняли громкий крик. Сердца многих из слышавших его арабов смягчились. Маскала, один из начальников карательной экспедиции, тронутый душераздирающей сценою, заявил, что готов взять на свой счет всю стоимость выкупа за этих христиан, и освободил их. Али, услышав об этом, потребовал от него немедленно выплатить по тысяче монет за каждого из отпущенных пленников. Маскала, будучи не в состоянии заплатить такую огромную сумму, был вынужден бежать. Ему ничего не оставалось, как присоединиться к Муавии.

Зийяд поставлен наместником Фарса, 39 г. хиджры, 659 г. от р. Х.

Разгром хариджитов не позволил в один день восстановить порядок в Персии; ибо Фарс и Кирман объявили о своей независимости и прогнали халифских наместников. Для того,

чтобы приостановить дальнейший сепаратизм, Али вызвал из Аль-Басры Зийяда, человека, как мы уже убедились, выдающихся административных способностей. Он прибыл в Персию с огромною свитой; мир был восстановлен. Как оказалось, Зийяд добился этого, просто-напросто заменив одного мятежного князька другим. Кроме того, он не скупился на различные обещания и посулы. Успех Зийяда принес ему место правителя Фарса. Свой пышный двор он разместил в Исатахре (Персеполе), где своим мудрым правлением обрел такую славу, что в памяти у персов были заслуженно воскрешены сладкие воспоминания о «золотой» эпохе Анушарвана.

Поход сирийцев против Ирака, 38-39 г. хиджры, 659 г. от р. Х.

Невзирая на такие успехи в Персии, у Али оставалось множество причин для головной боли из-за проблем гораздо ближе к дому. Муавия, вздохнувший спокойно после того, как для Сирии была устранена угроза удара в спину со стороны Египта, начал беспокоить своего недруга частыми набегами на Аравию и города, находящиеся за пределами его провинции. Цели он выбирал разные: то опустошить земли, лежащие за сирийской пустыней, то совершить налет на какую-нибудь крепость, то потребовать десятины с какого-нибудь кочевого племени или же заставить его присягнуть ему на верность. Такие набеги, пускай и не всегда удачные, сеяли в сердцах арабов чувство незащищенности; и, что гораздо хуже, вели к дальнейшему охлаждению народа по отношению к Али. Ни рукой, ни ногой не желали пошевелить его подданные, чтобы отразить сирийцев, налетавших на их поселения и находившихся уже у самого порога. Али, желая выказать свое недовольство пассивностью и равнодушием жителей его провинций, самолично выступил в поле, практически без какого-либо сопровождения. Видя это, мужчины Аль-Куфы, отчасти из чувства стыда, а отчасти соблазненные его обещанием повысить им пособия, стали выходить на защиту своих границ. В тридцать девятом году хиджры куфинцам пришлось пережить примерно дюжину таких набегов. Хотя все их удалось в конце концов отбить, сирийцам доставались и пленные, и добыча, не говоря уже о подорванном престиже халифа. В одном случае военачальник Али с конным отрядом преследовал налетчиков до самого сердца Сирии: Баальбека, а оттуда, повернув на север, сумел увести своих людей до Ар-Ракки и вернулся в Аль-Ирак. Но, с другой стороны, и Муавия, желая показать свое полное пренебрежение властью Али, совершил рейд через все Междуречье и простоял несколько дней лагерем на берегах Тигра.

Муавия посещает Аль-Маусил.

Неторопливо осмотрев земли, которые он до тех пор никогда еще не видел, он беспрепятственно возвратился со своим отрядом домой в Дамаск.

Набег Бусра на Аравию, 40 г. хиджры 660 г. от р. Х.

Сороковой год хиджры открылся для Али новым несчастьем. Когда подошло время паломничества, Муавия послал Бусра, храброго, но очень жестокого воина, с тремя тысячами всадников в Аравию, чтобы захватить Святые места и привести их жителей к покорности. Когда тот приблизился к Медине, наместник бежал из города, и Буср вступил в него без какого-либо сопротивления. Пройдя в мечеть, он взшел на

священные ступени кафедры Пророка и, призывая вспомнить Османа, обратился к народу: «О, граждане Медины! Тот старец! Где тот седовласый старец, которому, как будто вчера — на этом самом месте! — я принес клятву на верность? Воистину, кабы не мое обещание Муавии, который умолял меня не обнажать меча, я не оставил бы здесь ни единой живой души!» Затем он стал угрожать самым знатным мединцам смертью, если те откажутся признать Муавию своим халифом. Испугавшись за свою жизнь, все они принесли обет верности правителю из рода Омейядов. После этого сирийцы двинулись на Мекку, где повторилась та же самая сцена, разыгранная эмиссаром Муавии, причем с тем же результатом.¹ Затем они прошли на юг до Йемена, где Буср натворил немало зверств, перерезав многих сторонников Али. Правитель, сын Аль-Аббаса, бежал в Аль-Куфу к халифу, который приходился ему двоюродным братом.

Гибель маленьких детей кузена Али.

Однако двое из его маленьких детишек попали в руки Бусру вместе с сопровождавшим их бедуином. Напрасно он умолял хладнокровного тирана о пощаде, протестуя против жестокого убийства. Оба ребенка обрели свою смерть. Из Аль-Куфы было поспешно отряжено войско в четыре тысячи человек, но подоспело оно слишком поздно, чтобы предупредить злодейства Бусра. Совершив свой рейд, он спокойно удалился в Сирию. Несчастному полуострову пришлось отнюдь не слаще и в руках пришедших «освободителей». Многие из жителей Неджрана были лишены жизни из-за своих симпатий к Осману. Мекканцев вынудили отказаться от клятвы, которую они только что принесли посланнику Муавии, и вновь присягать Али. Точно так же и жителей Медины заставили под угрозой меча поклясться в верности Аль-Хасану, сыну Али; но не успели войска халифа удалиться, как лидер враждебной ему группировки вновь возглавил руководство городом. Таким образом, весь полуостров разделился на две части. Не исключено, что жестокое убийство маленьких деток его кузена оказало на Али большее впечатление, чем все его остальные горести. Во время дневной молитвы в страшной ярости он проклял Бусра с новой силою. Безутешная мать излила свое горе в бесхитростных строфах, часть из которых дошла до наших дней.²

Абдаллах, сын Аббаса, возвращается в Мекку.

Но Али уже поджидал очередной удар. Он выдвинул своих кузенов, сыновей Аль-Аббаса, на очень высокие посты: одному поручил власть над Йеменом, другому над Меккой, третьему над Мединой. Абдаллаху, самому старшему из них, была доверена Аль-Басра, второй по значимости город в империи ислама. Когда слуха халифа достигли слухи о неурядицах в Аль-Басре, Али вызвал к себе своего родственника дать отчет. Абдаллах посмеялся над этим вызовом, бросил свой город, забрал с собою казну и удалился в

¹ При подходе Бусра Абу Муса (посредник) бежал из Мекки, чтоб сохранить свою жизнь. Незадачливый арбитр проживал там со времени спора, будучи в равной степени презираем обеими сторонами.

² Например:

«Эх, не видал ли кто где-нибудь двух моих крошек:

Драгоценностей, сокрытых подобно жемчужинам в ракушке?»

Поскольку они являлись внуками Аль-Аббаса, их судьба, естественно, занимает особое место в преданиях Аббасидов. Али проклинал Бусра, молясь, чтобы тот утратил все свои чувства, и, как гласит предание, в ответ на молитву тот превратился в безнадежно выжившего из ума идиота.

Мекку. Али был сильно потрясен этой подлостью; но еще больший удар ему нанесло предательство родного брата Акила, переметнувшегося к Муавии.

Али заключает договор с Муавией, 40 г. хиджры 660 г. от р. Х.

Все эти неприятности, следовавшие одна за другою, вконец подорвали дух халифа. У него больше не оставалось сил продолжать войну против Сирии. Все, на что теперь ему оставалось надеяться, это удержать в повиновении свои восточные провинции. В конце концов, после долгой переписки, Али и Муавия заключили соглашение о прекращении военных действий. Оба договорились отложить в сторону оружие, взаимно уважать территории друг друга, и поддерживать в будущем дружеские отношения. Тем не менее, Муавия торжественно признал за собою титул халифа в Иерусалиме в июле 660 г. от р. Х. (ii. 40 г. хиджры). Как гласят летописи, Али собрал армию в сорок тысяч человек, когда произошли события, рассказ о которых пойдет в следующей главе.

ГЛАВА XLIII

УБИЙСТВО АЛИ.

40 г. хиджры / 661 г. от р. Х.

Заговор с целью убить Али, Муавию и Амра, 40 г. хиджры, 661 г. от р. Х.

ХАРИДЖИТЫ были крайне обеспокоены стоящими перед исламом перспективами. Но тревожило их не то, что набеги и грабежи, вражда и раздоры стали обычным делом для всех арабов — к кровопролитию они относились гораздо более терпимо, чем к отступничеству. Прекращение войны не принесло душам этих фанатиков подлинного успокоения. Ведь правительство, крепко вставшее на ноги, означало бы крушение их надежд. От Али, дошедшего до соглашения с Муавией, больше не приходилось ожидать ниспровержения царств безбожников и восстановления господства праведности. Таким образом, сторонники теократической идеи сожалели о напрасно пролитой крови в битве при Нахраване и в других сражениях, оставив на время всякую надежду на перемены. Многие нашли убежище от тирании «безбожников» в священных пределах Хиджаза, где они могли свободно оплакивать несчастную участь ислама. И вот, когда трое таких фанатиков сетовали, собравшись вместе, на судьбу их религии, искра надежды вдруг промелькнула в их головах. «Давайте, — предложил кто-то, — прикончим каждый по одному из этих тиранов; тогда ислам вновь обретет свободу, и царство Господа воссияет!» И так же, как и в случае с Османом, хотя и под несколько иным соусом и будучи побуждаемы более смелыми надеждами, эти трое состряпали новый заговор против государства. Как только решение было принято, тут же обговорили и детали его воплощения. Али и Муавия должны погибнуть оба; а также Амр, не только как посредник, но и как наиболее вероятный кандидат на трон, который останется вакантным после смерти первых двух. Каждому из участников заговора предстояло расправиться со своей жертвой в один и тот же день, во время утренней пятничной молитвы, во дни поста, когда главные мечети Аль-Куфы, Дамаска и Фустата будут до отказа забиты верующими. Заговорщики окунули свои мечи в сильнейший яд и разошлись, поклявшись свершить свой замысел, или же погибнуть при попытке его выполнения.

Амр спасен. Муавия ранен; исцеляется.

Амру удалось избежать злой доли. Он оказался нездоров в решающий день, и начальник стражи, заступивший на место своего правителя при молитве, поплатился за эту привилегию жизнью. Муавия не был столь удачлив. Удар, обрушившийся на него, оказался едва не смертельным. Лекарь эмира заявил, что его жизнь можно спасти только прижиганием или глотком сильнодействующего лекарства, чтобы предотвратить очень вероятное развитие заражения. Муавия отказался от прижигания и выбрал лекарство. Средство оказалось действенным, и он выжил.

Али ранен в мечети в Куфе.

В Аль-Куфе все сложилось по-иному. Заговорщику Ибн Мулджаму удалось найти себе соучастников прямо на месте: парочку конченных головорезов из рода Бени Тайм. Это племя, до крайности воспламененное фанатизмом тех дней, сильно пострадало в кровавой бойне при Нахраване, и уже с тех пор вынашивало планы отомстить халифу. Ибн Мулджам любил девушку из этого племени, которая в роковой день Нахравана потеряла сразу отца, брата и несколько других родственников, и оттого неистово жаждала мщения. «Принеси мне, — просила эта девушка своего возлюбленного, — голову Али в приданое; если тебе удастся бежать живым, ты возьмешь меня в качестве награды в сем мире; если же погибнешь, то получишь на небесах награду еще лучше». И вот, она познакомила его с двумя на все готовыми молодчиками, снедаемыми тою же жаждой мести, что и Ибн Мулджам. Договорились, что пара его сообщников будет стоять в ожидании с обеих сторон у входа в переполненную мечеть. В назначенный час халиф вошел в собрание, призывая громко, как обычно: «К молитве, народ! К молитве!» Тотчас же на него с двух сторон бросились убийцы. Удар меча одного из заговорщиков пришелся в притолоку; но Ибн Мулджаму удалось тяжело ранить халифа в голову и в бок. Главаря нападавших схватили. Один из его сообщников был зарублен на куски, другой же в суматохе скрылся. Али был перенесен во дворец. У халифа еще оставалось достаточно сил, чтобы допросить убийцу. Ибн Мулджам, когда его доставили пред лицо Али, смело заявил, что сорок дней провел в предвкушении этого случая, в течение которых постоянно молился, чтобы «самый нечестивый злодей в мире получил по заслугам». «Тогда, — ответил Али, — это, должно быть, ты». Сказав это, он обернулся к своему сыну Аль-Хасану и попросил его держать убийцу под стражей поблизости: «Если я умру, он должен будет поплатиться жизнью, но смотрите, не увечьте его, ибо это запрещено Пророком». В тот же день Ум Кульсум зашла в камеру убийцы и прокляла его, добавив то, во что ей, несомненно, хотелось бы верить: «Мой отец, однако, должен выжить». «Э, госпожа, — отвечал фанатик, — в чем же тогда причина твоих слез? Послушай-ка. Свой меч я купил за тысячу монет, и больше тысячи стоило сделать его смертоносным при помощи яда. Никто не может выжить, получив рану от него».

Смерть Али, 17 ix. 40 г. хиджры, 25 января 661 г. от р. Х.

Вскоре стало очевидным, что рана, бесспорно, смертельная. Халифа спросили, не желает ли он, чтобы в случае его смерти его сын стал преемником. Сохраняя верность принципу избирательности, Али отвечал: «Я не могу ни повелеть это, ни запретить. Решайте сами». Затем он позвал Аль-Хасана и Аль-Хосейна к своему смертному ложу и дал им последнее наставление: быть стойкими в благочестии и смирении, и добрыми к своему младшему брату, сыну его жены-ханефитки. После этого он составил завещание и продолжал повторять имя Господа до последнего вздоха. Когда арабы свершили погребальный обряд, Аль-Хасан приказал привести к нему убийцу.

Ибн Мулджам предан смерти.

Ни кого не боясь, Ибн Мулджам заявил: «Я поклялся Господу перед святой мечетью в Мекке, что прикончу обоих: Али и Муавию. Теперь, если хочешь, я пойду и убью другого, или погибну в своей попытке. Если я преуспею, я вернусь и присягну тебе на

верность». «Нет, — отвечал Аль-Хасан, — не раньше, чем ты отведаешь огня». Он был убит, и его тело, завязанное в мешок, было брошено в костер.

Жены и дети Али.

Али был убит в возрасте шестидесяти лет. Его беспокойное правление, оспариваемое другими, длилось четыре года и девять месяцев. В молодости он был одним из самых прославленных героев ранних войн ислама. Но после смерти Пророка он не принимал участия ни в одном из военных набегов. К старости он стал тяжеловесным и тучным, а лысина и полнота Али стали предметом излюбленных насмешек его врагов. Какое-то время он вполне довольствовался одной женой, дочерью Пророка Фатимой, которая родила ему трех сыновей¹ и двоих дочерей, основателей рода Сейидов — исламской знати. После ее смерти он ввел себе множество женщин в гарем, как свободных, так и наложниц-рабынь, от которых у него родилось одиннадцать сыновей и пятнадцать дочерей. Отцом Али был весьма мягкосердечным. В последние годы жизни у халифа появилась маленькая дочь, чей лепет разгонял его неприятности; он всегда сажал ее на колени, испытывая к ней особую любовь.² Он был последним из четырех «праведных» халифов, и оказался первым из двенадцати имамов шиизма.

Терпеливость и великодушные Али.

В характере Али было немало положительных черт. Добрый и мягкосердечный, он обошелся с поверженной к его стопам Аль-Басрой с великодушной снисходительностью. В отношении фанатиков-хариджитов, испытывавших его терпение непрерывными интригами и бессмысленными восстаниями, он не проявлял ни малейшей мстительности. За исключением Муавии, именно того человека, которого ему ни в коем случае не стоило отталкивать, он придерживался политики примирения с врагами, порой доходя просто до чрезвычайно опасных крайностей. Разумеется, именно в его компромиссах и нерешительности и лежат причины провала правления Али. Обладай он большей решительностью, живостью и непреклонностью, возможно, Али и справился бы с расколом, который уже в то время подверг угрозе само существование ислама, и с тех пор никогда не прекращал ослаблять его.

Мудрый, но бездеятельный.

Али показал себя политическим деятелем, способным дать мудрый совет, и ему приписывается множество умных изречений и поговорок. Но, подобно Соломону, его мудрость скорее предназначалась для других людей, чем служила своему хозяину. Его карьеру можно считать неудачной. После избрания Абу Бекра, под влиянием Фатимы, чье требование своей доли в отцовском наследстве было отклонено, он на время отошел от

¹ Один из них умер в младенчестве; двое других — это Аль-Хасан и Аль-Хосейн.

² Мать этой малышки принадлежала племени Бени Килаб. Дитя шепелявило и, произнося «ль» как «шь», не могло выговорить «Килаб». Когда девочку спрашивали, из какого она племени, она подражала лаю собаки («килаб» — множественное число от «келб», что означает «собака»), что приводило Али и его придворных в умиление.

дел и замкнулся в своей частной жизни. С тех пор он принимал участие в совещаниях у Абу Бекра и его преемников, и даже исполнял функции верховного судьи. Однако он никогда не стремился занять главенствующее положение, чего от него, как от двоюродного брата и зятя Пророка, возможно, ожидали. Причем, у нас нет никаких оснований относить это на счет какой-нибудь иной причины, чем просто его спокойного и бездеятельного характера.

Оставив Османа, Али запятнал свое имя.

Одно несмываемое пятно лежит на репутации Али: его возмутительный отказ от исполнения долга по отношению к своему повелителю. Он присягал на верность Осману, то есть, дал обязательство служить ему даже в самой крайней нужде. Вместо этого Али постыдно остался в стороне, в то время как халиф пал жертвою кровавой измены. Не может служить извинением Али его заявление о том, что он сам находился под давлением. Если бы он действительно хотел помочь старику, то нашел бы верный способ сделать это. По существу, его позиция дает основания для обвинений даже в заговоре.¹ Притом Али следует признать ответственным не только за такое преступление, как нарушение от исполнения своего долга, но и за роковую ошибку, которая нанесла удар по стабильности халифата, как такового, за что и ему самому вскоре пришлось платить.

Место захоронения неизвестно.

Странно, но предание умалчивает, и нет точных сведений о том, где покоится тело Али. Некоторые считают, что он был похоронен в главной мечети Аль-Куфы, другие полагают, что в тамошнем дворце. Определенно, что его могила никогда не являлась в стародавние времена объектом какой-либо особой опеки или поклонения. То же безразличие к его памяти проявлялось на протяжении всей истории исламского царства, как проявлялось равнодушие к его персоне при жизни. И пока не сменилось его поколение, к мужу дочери Пророка и отцу единственного выжившего потомка Мухаммада не проявлялось никаких чувств почтения или особого интереса.

Имамат от Бога: выдумка, возникшая гораздо позднее.

В летописях того периода нет и намека на нелепые утверждения более поздних времен. Напротив, даже в Аль-Куфе, столице, которая должна была бы гордиться своим халифом, в те времена преобладающим настроением по отношению к нему и его семье было полное отсутствие воодушевления и лояльности, переходившее временами в неприязнь. Выдумка о божественном происхождении «имамства» была реакцией в поддержку наследников Али. Ее истоки — в будущей трагедии в Кербеле и жестокой судьбе потомства Пророка. Эта выдумка, пущенная в ход Алидами и Аббасидами, вскоре превратилась в мощный рычаг, которому предстояло быть ловко и бессовестно использованным для свержения династии Омейядов.

¹ См. выше, стр. 230 текста оригинала и ссылку.

ГЛАВА XLIV

АЛЬ-ХАСАН ВМЕСТО АЛИ. ОТРЕКАЕТСЯ В ПОЛЬЗУ МУАВИИ.

40-41 г. хиджры / 661 г. от р. Х.

Хасан становится преемником своего отца, 40 г. хиджры, 661 г. от р. Х.

КОГДА Али был предан земле (причем, мы так и не знаем, где он нашел свое последнее пристанище), Аль-Куфа при общем согласии отдала предпочтение Аль-Хасану, его старшему сыну. Но Аль-Хасан был робким созданием, более склонявшимся к разнообразным утехам своего вечно обновляющегося гарема, чем к делам общественной жизни. В целом, он не был достоин своего происхождения, как внук Пророка.

...но атакован Муавией и предан своей собственной армией.

У Муавии появилась прекрасная возможность утвердить свой титул для всей мусульманской империи. Он уже был признан халифом в Сирии и Египте. Аль-Хасан имел в своем распоряжении сорокатысячную армию, подготовленную его отцом, но у него не было ни малейшего желания вступать в драку. Отправив вперед навстречу врагу авангард из двенадцати тысяч воинов под командою смелого и верного Кейса, сам он двигался вслед нерешительно. С основной частью своей армии молодой халиф остановился в Аль-Медайне среди роскошных садов бывшего персидского двора. Своим постыдным промедлением он дождался того, что по Аль-Медайну поползли зловещие слухи: войско Кейса разбито, а сам он пал на поле боя. Вследствие этого, среди воинов Аль-Хасана начались волнения. Непокорные арабы восстали против нового халифа. Они ворвались в его роскошный шатер и разорили царские покои, растащив все вплоть до ковров. Их планом было захватить Аль-Хасана и, передав Муавии, добиться, таким образом, благоприятных для себя условий. Трусливый халиф, встревоженный мятежом, укрылся во дворце хосровов, более надежном убежище, чем военный лагерь; и, не доверяя больше своему непостоянному и неверному народу, стал слать Муавии письма о готовности покориться. Он соглашался отречься и удалиться в Медину

Хасан отрекается в пользу Муавии, 21 iii 41 г. хиджры, 26 июля 661 г. от р. Х.

при условии, что ему позволят оставить себе содержимое казны Аль-Куфы, пять миллионов монет, и вдобавок доходы от одного из районов Персии; а также, что проклятие с отца в публичных молитвах будет прекращено. Муавия согласился на первое требование; что же касается второго, то он предложил свой вариант: чтобы никакие молитвы, проклинающие Али, не произносились там, где бы их мог услышать его сын. В соответствии с этим и был заключен договор.

...и удаляется в Медину.

Итак, после краткого и бесславного правления, продлившегося пять или шесть месяцев, Аль-Хасан, взяв своих домочадцев и имущество, оставил Аль-Куфу и отправился в

Аравию. Народ плакал, провожая его. Но Аль-Хасан оставлял своих подданных без сожаления. Это были люди, говорил он, которым нельзя доверять, и которые не имели в своей жизни никаких стремлений: ни к худому, ни к доброму.

Кейс покоряется.

Кейс, чье умение и доблесть могли бы послужить лучше при более благоприятных обстоятельствах, еще какое-то время не убирал свой меч за пояс. Наконец, получив информацию об условиях для всех, кто сражался на стороне Али, и, видя, что уже не за кого больше сражаться, он сложил оружие и присягнул Муавии.

Дамаск — столица ислама.

Таким образом, Муавия, наконец, смог войти в Аль-Куфу триумфатором. Приняв клятву верности от восточных провинций, он возвратился в Сирию единственным и неоспоримым халифом ислама. Этот год был назван годом объединения («джамаа»). С этого времени Дамаск становится столицей арабской империи.

Проклятия в адрес Али продолжаются.

Оскорбления памяти Али, его дома и его наследников, все еще оставались частью публичных молитв; и так продолжалось на протяжении всего халифата Омейядов, за исключением времени правления Омара.

Хасан отравлен своей женой.

Недолго побывавший халифом юноша удалился в Медину, где, имея в своем распоряжении огромные средства для утоления своей основной страсти, жил тихо и спокойно, не доставляя дальнейших беспокойств Муавии. Он прожил восемь лет, и нашел смерть от яда, приняв его из рук одной из своих жен. Такой конец для «вечно разводящегося Аль-Хасана» нельзя считать непредвиденным. Предание Алидов, разумеется, стремится заставить нас поверить, что эта женщина была подкуплена, чтобы совершить преступление, и, таким образом, возводит обыкновенного распутника в сан «мученика». Но Муавия не имел причины избавляться от такого безобидного существа; и ревность среди участниц вечно меняющегося гарема Аль-Хасана была достаточной и более естественной причиной. На судьбе его брата Аль-Хосейна мы дальше остановимся подробнее.

ГЛАВА XLV

МУАВИЯ.

40-60 г. хиджры / 661-680 г. от р. Х.

Правление Муавии, 40-60 г. хиджры, 661-680 г. от р. Х.

ПОСЛЕ смерти Османа в тридцать пятом году хиджры Муавия стал независимым правителем запада; а после отречения Аль-Хасана и вплоть до своей смерти, на протяжении почти двадцати лет, он являлся неоспоримым халифом всего ислама. На всем протяжении его долгого правления, как правило, в империи арабов царили мир и процветание, прерываемые лишь периодическими волнениями фанатиков-хариджитов и интригами тех группировок, что продолжали держать сторону дома Али. Их поддерживали не желающие поступаться своим прошлым мусульмане, давшие Омейядам кличку «талака» («насиленно обращенные»). Обе группы были с легкостью подавлены, хотя и не без кровопролития, сильной рукою халифа и его способных заместителей. За пределами империи его руководство было таким же успешным, и Муавия расширил границы ислама во всех направлениях.

Амр. Его смерть, 43 г. хиджры.

Амр оказавшийся наместником Египта в течение последних лет своей долгой жизни, играл, разумеется, одну из самых важных ролей во всей этой истории. Ни один человек не оказал такого влияния на судьбу халифата, как он. Бывшему храбрым в бою, сообразительным на совещаниях, грубым и беспринципным в словах и поступках — это в основном ему обязан Муавия своим захватом власти после Али и окончательным упрочением династии Омейядов. Завоеватель Египта, и четырехлетний правитель этой провинции при Омаре, он вернулся к своему посту после правления Османа, который, отозвав Амра в недобрый час, сделался его врагом. Наконец, восстановленный Муавией наместником этой провинции после изгнания Мухаммада, он до своей смерти оставался ее правителем. Он умер в возрасте семидесяти трех лет, раскаиваясь, как говорят, во многих своих злодеяниях.

Карьера Аль-Могиры, хотя и не такая блестящая, была не менее выдающейся.

Могира правитель Аль-Куфы.

Уроженец Ат-Таифа, он был послан Пророком вместе с Абу-Суфьяном для разрушения покровительствовавшего этому городу идола.¹ На лицо он не был красавцем, кривой на один глаз, с рыжими волосами, крашенными в черный цвет. Ловкий и бесстыдный интриган, он пережил свое позорное падение в Аль-Басре, которое едва не стоило ему жизни, так же, как и репутации, и сумел в скором времени вновь восстановить свое влияние. В конце концов, назначенный Муавией на самый сложный пост — правителя

¹ В 9 г. хиджры, «Жизнь Мухаммада», стр. 451.

лишившейся всех своих привилегий Аль-Куфы — Могира удерживал под жестким контролем этот мятежный и беспокойный город, все еще оставшийся сценой частых выходов хариджитов и опасных заговоров в пользу дома Али, которые вскоре начали беспокоить династию Омейядов.

Зийяд примиряется с Муавией, 42 г. хиджры, 662 г. от р. Х.

Но, возможно, самой большой заслугой оказанной Аль-Могирой Муавии было его участие в примирении Зийяда с его новым властелином. Случай с Зийядом является одной из наиболее знаменательных историй того времени. Он считался сыном Абу Суфьяна, который жил с его матерью, в то время беглой невольницей, еще до своего обращения в Ат-Таифе. Благодаря преданному исполнению весьма важных поручений, Зийяд сумел преодолеть все ограничения, которые несло ему его рабское происхождение, дорос до очень высоких постов, и в итоге был назначен Али правителем Аль-Басры и Истахра. Могущественный, мудрый и красноречивый, он был самым выдающимся государственным деятелем своего времени. Преданный делу Али, он серьезно противостоял притязаниям Муавии, даже после отречения Аль-Хасана. На повеление Муавии заплатить дань, собранную казначейством Зийяда в Персии, он ответил отказом, и не явился ко двору даже под угрозой казни его сыновей в Аль-Басре. Со своей стороны, он причинял постоянное беспокойство Муавии, сидя занозой в его теле. В конце концов, в сорок втором году хиджры Аль-Могира, который не забыл о том случае, когда неполное свидетельство Зийяда¹ спасло ему жизнь, отправился в Истахр и упросил того подчиниться. Под охранной грамотой предстал он перед халифом в Дамаске, и в качестве королевского подарка вместе с причитающейся собранной данью преподнес эмиру ислама миллион монет. Он был отпущен в отставку с честью, и получил резиденцию в Аль-Куфе. Личность Муавии в летописях почти полностью затмевают его помощники Аль-Могира и Зийяд, подобно тому, как Абд Аль-Мелика затмил Аль-Хаджадж. Следует отметить, что все три были выходцами из племени Сакиф, что в Ат-Таифе; и мы еще встретимся с другими членами этого племени, ставшими знаменитыми. Связь между этим племенем и кланом Омейи берет истоки в глубокой древности.

Муавия признает Зийяда братом, 45 г. хиджры, 665 г. от р. Х.

Год или два спустя курьезный эпизод из жизни Муавии нарушил спокойствие мусульманского мира. По мере того, как личность Зийяда с каждым днем возрастала в глазах халифа, Муавия загорелся желанием удалить пятно с его происхождения, и, таким образом, доказать, что он не предполагаемый, а реальный и законнорожденный сын Абу Суфьяна, его собственного отца. Собранная для этой цели комиссия подтвердила сей факт; после чего Муавия публично признал Зийяда своим братом. Это заявление произвело скандал в мире ислама: во-первых, потому что оно подвергало сомнению право законнорожденности, а, во-вторых, что еще хуже, оно делало Ум Хабибу — также дочь Абу Суфьяна и одну из «матерей правоверных» — сестрой того, чье рождение (несмотря на вышеупомянутое решение) все считали за результат прелюбодеяния. И, кроме того, собственная родня Муавии, дом Омейи, оказался оскорблен таким оборотом событий,

¹ См. выше, страница оригинала 178.

бросавшим пятно на чистоту их крови. Однако все эти чувства вскоре улеглись, когда стало видно, какую могущественную опору приобрела себе династия Омейядов.¹

...и назначает правителем Аль-Басры, iv или v 45 г. хиджры, июль 665 г. от р. Х.

Вскоре Зийяд в дополнение к его обязанностям в Персии был назначен и правителем Аль-Басры. Волнения хариджитов в Аль-Куфе не угрожали безопасности граждан, в Аль-Басре же при слабом правлении Ибн Амира людям невозможно было не волноваться за свою жизнь и имущество. Твердая рука Зийяда тяжелым бременем легла на беспокойных жителей мятежного города, который теперь постоянно патрулировался вооруженным отрядом, состоящим из тысячи человек. Под угрозой смерти жителям запрещалось по ночам выходить из дому; и приказ исполнялся столь безжалостно, что любой незадачливый араб, случайно оказавшийся на улице, подвергался казни за это непреднамеренное нарушение. Лучшие друзья Зийяда оказались из рода Азд, особенно те, кто прибыл из Омана уже после него, и он не забыл их службы. Благодаря господству закона, совершенно неслыханной вещи для Аль-Басры, были подавлены все попытки поднять восстание, и решительно наведен порядок там, где прежде царили волнения и распри.

...и Аль-Куфы, 50 или 51 г. хиджры.

По смерти Аль-Могиры, Зийяд также был назначен правителем Аль-Куфы, и взял себе в привычку проводить по полгода там и в Аль-Басре. С его назначением наместником халифа в жизни арабов наступило царство террора. Когда представитель Зийяда впервые обратился к народу со вступительной речью в большой мечети Аль-Куфы, в него полетели камни. Сам Зийяд прибыл из Аль-Басры. Для того чтобы найти виновных, все присутствующие были приведены к присяге, а отказавшимся пятидесяти или около того отрубили руки. Группировка Алидов, оскорблявшая Османа, в большом количестве находилась в обоих городах, и для подавления заговора, несомненно, требовались суровые меры; но жестокость Зийяда и стремление проливать кровь явно оказались за границами необходимого.

Строгость его правления

Предания изобилуют историями о группах людей, отказывавшихся проклинать память Али — особенно об одной, возглавляемой внуком знаменитого Хатима из племени Тай²

¹ Когда Зийяд собирался совершить паломничество в Мекку, его брат (обиженный его предательством в случае с обвинением Аль-Могиры в прелюбодеянии (см. выше, стр. 178 оригинала), он с тех пор с ним не разговаривал) послал письмо, предостерегавшее его. «Если ты решишься на паломничество, — писал он, — то встретишься с Ум Хабибой. Если она встретит тебя, как своего брата, это будет расценено как неуважение к Пророку; в противном же случае это будет неуважением к тебе». Так что Зийяд отказался от своего намерения. Опять же, желая подтвердить признание законности его рождения Аишой, он направил ей послание, которое подписал: «**Зийяд, сын Абу Суфьяна**», на что она отвечала ни к чему ее не обязывающими словами: «Моему дорогому сыну Зийяду». Летописцы Аббасидов именуют его без какой-либо ссылки на происхождение: «Зийяд, **сын своего отца**». Также его называли и по *матери*: Зийяд Ибн Сумейя».

² «Жизнь Мухаммада», стр. 436.

— которых безжалостно обезглавливали; и тирания, ознаменовавшая правление Зийяда, оставила темное пятно на его памяти. Гравий в мечети он заменил плиткой и упразднил клановую систему в армии.

...и прекрасный двор.

Из Истахра Зийяд принес с собою всю гордость подлинно восточного двора. При выездах его сопровождала толпа с серебряными дубинками и ликторы, а у ворот эмирского дворца постоянно находилась охрана из пятисот всадников. Он был самым могущественным наместником, какого еще не видывал халифат. Ему подчинялся весь Восток. От Окса и Инда до Персидского залива власть Зийяда была безраздельна.¹ Сыновья его занимали важные посты в Хорасане и на границе; но самым прославленным из них, а точнее, человеком самой недоброй славы, был Обейдаллах, ставший правителем Аль-Басры. Один из сыновей Зийяда вывез с собою пятьдесят тысяч граждан Аль-Куфы, которых он своей мудрой политикой переселил в Хорасан вместе с их женами и домочадцами.

Его смерть, 53 г. хиджры, 673 г. от р. Х.

Зийяд недолго пользовался тем выдающимся положением, которого он достиг. Не удовлетворенный Востоком, бывшим в его власти, он жаждал также завладеть Хиджазом с его святыми городами. Жители в ужасе молили Господа, чтобы этого не произошло; и вот (как говорит наш летописец), его рука была поражена ужасным фурункулом, от которого он умер на пятьдесят третьем году хиджры (летом 673 г. от р. Х.) в возрасте пятидесяти восьми лет.

Наступление на востоке.

Большая активность была предпринята Муавией для расширения своего господства на восток. Покоренные народы и их вожди, недовольные данью и ограничениями ислама, постоянно нарушали свою верность метрополии; однако, с каждым годом мусульманское ярмо становилось все прочнее. В сорок первом году хиджры арабы напали на восставший Герат и штурмом взяли его. Через два года мусульмане осадили также Кабул, и захватили несколько месяцев спустя и этот город, предварительно пробив в стенах брешь катапультами. Подобные операции были предприняты и против Газны, Балха, Кандагара и других крепостей. В пятьдесят четвертом году хиджры один из сыновей Зийяда, перейдя на верблюдах Окс и перевалив через горный хребет, взял Бухару; а через два года сын Османа, отогнав прочь племена тюрков, захватил Самарканд и Термез. Если области далеко на севере и на востоке продолжали оставаться для арабов весьма ненадежным владением; то дальше к югу все земли до берегов Инда постепенно объединялись под властью магометан или же становились их вассалами.

Африка.

¹ Он разделил Персию на четыре части, Табл. ii. 79. Cp. стр. 395 оригинала; также Le Strange, *Lands of the Eastern Caliphate*, стр. 382.

Продвижение на северном побережье Африки ничем существенно не отличалось от наступления на восток; ибо берберы, как правило, вновь и вновь восставали вскоре после своего покорения. Разумеется, борьба здесь велась отчаянней, поскольку римская колонизация дала местному населению импульс для более решительного сопротивления. И, тем не менее, в итоге, и здесь поражение стало не менее очевидным, и великолепные центры цивилизации и христианской религии вскоре можно было распознать лишь по оставшимся от них руинам храмов, акведуков и городских построек. В сорок первом году хиджры Амр назначил Окбу для ведения войны с берберами, и в течение нескольких лет было опустошено все побережье до Барки и Ваддана.

Окба основывает Кайруан, 50 г. хиджры 670 г. от р. Х.

В пятидесятом году хиджры, усиленный Муавией десяти тысячной армией арабов, он основал на юге Туниса поселение Кайруан, в качестве столицы новой африканской провинции, и хорошо укрепил ее от нападений берберов. С тех пор этот город стал считаться одним из священных центров ислама.

Предание сообщает нам о свершившемся чуде: бегстве диких зверей и рептилий со своими детенышами из Кайруана после молитвы завоевателей; а также о том, что берберы, пораженные этим неслыханным дивом, тотчас приняли ислам и обосновались в этом месте.

Войско его разбито, сам убит.

Но несколько лет спустя Окба подвергся неожиданному нападению объединенной армии римлян и берберов, и обрел страшную погибель вместе со всем своим войском.¹ Мусульмане были отброшены назад к Барке.

Война с Грецией.

Военные действия, ведшиеся в направлении Армении и Византии, приостановленные на время из-за столкновений с Али, были возобновлены Муавией в его последние годы жизни, и мы читаем о серьезном поражении, понесенном греками в сорок втором году хиджры. Мусульманская армия вторглась в Армению, а война с Византией продолжалась как на суше, так и на море. На пятидесятом году хиджры огромная экспедиция была снаряжена против Константинополя.

Нападение на Константинополь.

Арабы страдали от недостатка провизии и от болезней; и Муавия послал своего любимого сына Язида, во многом против его воли, чтобы подбодрить армию большим подкреплением. Десант высадился неподалеку от Константинополя, легендарная неприступность которого некоторыми приписывается исключительно использованию греческого огня, открытого примерно в то время. Борьба за город была тяжелой, и потери магометанского войска оказались велики. Но несмотря на неудачи, мусульмане не

¹ См. стр. 341 оригинала.

оставляли своих попыток завладеть Царьградом. Мы читаем почти о ежегодных набегах, и в пятьдесят третьем году хиджры им удалось захватить остров Сизик близ Константинополя. Мусульманский гарнизон удерживал его в течение семи лет, но после смерти отца Язид решил оставить этот рубеж.

Смерть Абу Эйюба и других соратников Пророка; также Айиши и вдов Мухаммада.

В греческой кампании под стенами Константинополя был убит прославленный соратник Пророка Абу Эйюб, с тех давних пор его могилу посещают паломники и ухаживают за ней. Он был тем, кто принимал Пророка в своем доме в первые полгода после его прибытия в Медину.¹ Преданья старины глубокой вспоминаются и со смертью Аль-Аркама, чье жилище — которое с той поры зовут «домом ислама» — стало прибежищем для Мухаммада и его последователей, когда он впервые начал проповедовать свое учение в Мекке.² Примерно в это же время, читаем мы, почти в семидесятилетнем возрасте скончалась Айиша, а также четверо других «матерей правоверных», тоже уже в преклонных годах.³

Сын Халида отравлен.

Подозрение в убийстве Абд Ар-Рахмана, сына великого Халида, лежит на Муавии. Величие славы его отца и собственный успех Абд Ар-Рахмана в греческой кампании способствовали приобретению такого почета на всей Сирии, что возбудили страх и зависть Муавии, нанявшего, говорят, своего лекаря-христианина, чтобы отравить Абд Ар-Рахмана. Этот поступок озлобил Махзума, к чьему племени, пользовавшемуся прежде большим влиянием в Мекке, принадлежал Халид; ибо его члены уже начали враждовать с вытеснивших их Омейядами и поддерживали Аз-Зубейра. Подобное обвинение против Муавии было довольно редким случаем, поскольку он, хотя и не слишком охотно сдерживал жестокость своих наместников, сам имел в целом репутацию мягкого и справедливого правителя. Де Геж, как бы то ни было, всю эту историю отрицает.

Намерение перевезти кафедру Мухаммада в Дамаск.

На пятидесятом году хиджры Муавия предпринял попытку перевезти кафедру и посох Пророка из Медины в Дамаск, новую столицу исламской империи. Но эти нечестивые замыслы были остановлены вмешательством свыше. Ибо «при прикосновении к кафедре, она ужасно задрожала, погасло солнце, так что воссияли звезды, и люди ужаснулись этому чуду». Доверчивое предание указывает, что с тех пор зародилось суеверное отношение ко всему, связанному с личностью Пророка. По настоятельным просьбам арабов, основанным на доводах о том, что, дескать, где Пророк оставил свою кафедру и посох, там они и должны оставаться, Муавии пришлось отложить свои намерения. И таким образом они были оставлены в качестве реликвий в Большой мечети, недалеко от последнего пристанища Мухаммада.

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. 170 и далее.

² Там же, стр. 63, 91.

³ Сафия, Джувейрия, Ум Салама и Ум Хабиба.

Черты правления.

Сирия, разумеется, будучи главной жемчужиной империи Омейядов, одной из двух их изначальных провинций, как и Египет, держала первенство в культурной, общественной и политической жизни. Арабы северной ее части были по большей мере выходцами из рода Кейс, а южной части — из рода Келб (Килаб). Муавия по своему происхождению был больше связан с первыми, но, назначив своим наследником сына от жены из рода Келб, смог удержать связь с обоими кланами. Благодаря постоянным стычкам с греками, сирийцы к тому времени превосходили остальных арабов и в военном деле. В этой провинции завоеватели и покоренные народы довольно мирно сосуществовали, совместно пользуясь не только городами и селениями, но даже и храмами; в то время как в Аль-Ираке Аль-Куфа и Аль-Басра являлись двумя милитаризованными поселениями, находящимися посреди враждебного местного населения. Христианам в Сирии при Муавии жилось, по крайней мере, не хуже, чем при Ираклии. Один из его главных советников сам был христианином: он восстановил храм в Эдессе, разрушенный после землетрясения; и иаковиты и марониты обращались к нему за помощью, чтобы он уладил их споры.

ГЛАВА XLVI

ЯЗИД ПРОВОЗГЛАШЕН БЕССПОРНЫМ НАСЛЕДНИКОМ. НАСЛЕДОВАНИЕ СТАНОВИТСЯ ПРЕЦЕДЕНТОМ.

56 г. хиджры / 676 г. от р. Х.

Прецеденты выдвижения или избрания халифа.

КАЖДЫЕ новые выборы халифа приносили с собою очередные серьезные проблемы для покоя исламского государства. Предполагалось, что этот выбор остается привилегией жителей Медины, как «граждан», так и «беженцев» из Мекки; однако на практике случались всякие отступления, и это правило чаще нарушалось, чем соблюдалось. Сам Пророк не оставил себе преемника.¹ Абу Бекр, можно сказать, был избран без голосования, просто при всеобщем одобрении. И, в свою очередь, на своем смертном одре Абу Бекр называет в качестве преемника Омара, который, создавая еще один прецедент, отдает право назвать нового халифа в руки выборщиков. Верно, что в обоих этих последних случаях преемники прежних лидеров были с почетом утверждены в Медине; но это было всего лишь формальным признанием уже сделанного выбора. В четвертом случае, выборы Али, хотя и проводились под принуждением убийц предыдущего вождя, отчасти напоминали избрание самого первого халифа. Затем Последовавшее затем восстание под руководством Талхи и Аз-Зубейра проходило под предлогом, что обоих под очевидным давлением вынудили признать Али халифом. После этого разгорелась борьба за первенство между Муавией и Али, закончившаяся так называемым третейским судом в Думе и приведшая к двойному халифату. По смерти Али, отказавшегося назначить себе преемника, халифом был избран его сын Аль-Хасан, но не как прежде, гражданами Медины, но теперь уже жителями Аль-Куфы. И, наконец, в мусульманском мире произошел первый случай отречения, когда Аль-Хасан отказался от своих прав в пользу Муавии, оставив того единственным «халифом», или преемником, Мухаммада.

Невозможность дальнейших инициатив в Медине.

Какие бы права не имела изначально Медина, теперь обстоятельства существенно изменили возможности для их использования в этом городе. Переставшая быть центром государства, Медина практически лишилась своей привилегии избирать халифов, и даже хотя бы утверждать назначения, сделанные другими. Вступление в должность преемника, как в случае с Аль-Хасаном, неизбежно наступало сразу же после смерти правящего халифа, и у Медины не оставалось иного выбора, как неохотно соглашаться с тем, что уже произошло в каком-нибудь другом месте. Право выбора переходило, таким образом, по воле обстоятельств, к обитателям новой столицы империи, где бы она ни находилась на данный момент.

Опасность при каждых новых выборах.

¹ Мухаммад, как мы знаем, будучи уже на смертном ложе, назначил себе заместителя вести молитвы; однако он ничего не говорил о выдвижении нового лидера.

Опять же те проблемы, что последовали за избранием Али, могли вновь возникнуть в любой момент. Аз-Зубейр и Талха открыто подняли знамя восстания, сославшись на принуждение, тогда как между Али и Муавией последовала затяжная борьба под весьма сомнительными лозунгами. Эти междоусобные войны подвергали опасности само будущее исламского государства. Не только тем, что ряды правоверных серьезно в них редели, но и тем, что, возможно, они давали преимущество в борьбе внешним врагам. Как, например, случилось во время соперничества между Али и Муавией: последнему пришлось пойти на заключение перемирия с византийским двором, из-за того, что в тот момент сирийскому правителю угрожала гражданская война. Но если подобная возможность появится снова, враги арабского государства могут и не проявить подобной сдержанности, а нанести раздираемой внутренними противоречиями империи смертельный удар.

Намерение Муавии выдвинуть своего сына.

Под влиянием подобных соображений, а также, несомненно, из желания сохранить халифат для собственной семьи, Муавия предпринял определенные шаги, чтобы провозгласить своего сына Язида прямым наследником. Защищенный, таким образом, принесенной заранее клятвой всего мусульманского мира ему на верность, Язид смог бы предвидеть и предотвратить опасность оспариваемых выборов. Зийяд одобрил этот замысел, но предложил не навязывать народу решение, а осторожно разузнать о настроениях в различных провинциях. Он также посоветовал беззаботному в отношении государственных дел Язиду, проводившему весь свой досуг в охоте, начать готовиться ко вступлению на трон, изменить свою манеру поведения и показать всем людям более подходящий для такого высокого сана характер. Аль-Могира тоже благосклонно относился к этим замыслам. Но только после того, как оба этих советника сирийского владыки отошли в мир иной, у Муавии появились условия для воплощения своего плана в действие.

Язид объявлен наследником, 56 г. хиджры, 676 г. от р. Х.

Как только Муавия уверился, что он располагает достаточной поддержкой, и, главное, что Медина не будет противиться нарушению привилегии выбора, бывшей в прошлом у ее граждан,¹ в Дамаск были вызваны представители ото всех провинций и главных городов. Этим делегатам был оказан крайне почетный прием, произведший на них должное впечатление, что не могло не сказаться на их мнении относительно номинации; и соответственно, без дальнейших церемоний, клятва на верность Язиду как следующему преемнику была принесена всеми присутствующими. Сирия и Аль-Ирак и без того были дружелюбно настроены по отношению к Муавии, и он двинулся в Мекку со свитой в

¹ Когда Мерван, правитель Медины, изложил суть дела гражданам города, то получил поначалу яростный отпор. Среди прочих возмущенных, Абд Ар-Рахман, сын Абу Бекра, заявил: «Все это лишь обман и мошенничество! Вместо выбора, который по праву принадлежит этому городу, вы хотите нам навязать теперь наследников, как у каких-нибудь греков или римлян, где за одним Ираклием следует другой Ираклий». На это Мерван процитировал из Корана отрывок: «...Не говори им [родителям] — тьфу! и не кричи на них...» (Сура xvii. 24); символизировавший, по его мнению, что сама практика выдвижения, ныне отвергаемая, была введена еще самим Абу Бекром, назначившим Омара своим преемником. Абдалла, сын Омара, как говорят, был подкуплен подношением в тысячу золотых монет.

тысячу всадников, под предлогом совершения малого паломничества, но, на самом деле, для того, чтобы получить одобрение двух священных городов на избрание Язида в будущем.

Медину и Мекку вынуждают присягнуть.

Главными противниками этой идеи в Медине были Аль-Хосейн, сын Али, Абд Ар-Рахман, сын Абу Бекра, и два Абдаллы: сыновья Омара и Аз-Зубейра. Вступив в город, Муавия встретил этих несогласных довольно непочтительно, и во избежание дальнейших унижений, они тотчас удалились в Мекку. Все остальные видные граждане Медины согласились с предложением халифа, и, соответственно, принесли клятву на верность Язиду. Продолжив свое путешествие, халиф очень ласково обошелся с гражданами Мекки первые несколько дней, все часы которых уходили на совершение обрядов малого паломничества. Но, когда время его паломничества стало подходить к концу, он изложил им суть своей миссии, и хотя и подсластил свою речь уверениями, что права и привилегии священного города не будут нарушены, народ поначалу встретил его слова молчанием. Затем вперед выступил Абдалла, сын Аз-Зубейра, и заявил, что признание чьего-либо наследника напрямую должно неизбежно противоречить всем прецедентам в исламе. На это халиф ответил предостережением о постоянно грозящей исламу опасности выборов, которые могут быть опротестованы. Остальные арабы сказали вот что: «Мы согласимся на любой из следующих трех вариантов. На **первый**: поступать так, как поступал Пророк, и оставить выбор за гражданами Медины. Или на **второй**: следовать примеру Абу Бекра, и назначать преемника из среды корейшитов.¹ Или же на **третий**: подобно Омару, назначить выборщиков, которые должны определить из своего круга того, кто станет преемником. Только, следуя их примеру, ты должен исключить из числа кандидатов своих собственных сыновей и сыновей твоего отца». «Что касается первого варианта, — отвечал Муавия, — сегодня у нас нет человека, подобного Абу Бекру, чтобы народ мог избрать его. Что же до остальных, воистину, я боюсь, что нам не избежать раздоров и кровопролития, если преемник не будет объявлен заблаговременно». Затем, увидев, что его доводы не пользуются успехом, он призвал своих вооруженных телохранителей и под угрозою меча вынудил весь город принести Язиду присягу.

Решение Муавии становится в исламе общепринятым прецедентом.

Примеру Сирии, Аль-Ирака и двух священных городов без промедлений последовала вся арабская империя без исключения. И с тех пор этому прецеденту практически всегда отдавалось предпочтение. Право выбора, которым якобы были наделены все правоверные, видимость которого до сего дня более или менее соблюдалась, пускай и формально, теперь перестало быть реальностью, и всех несогласных без колебаний заставляли приносить клятву верности под угрозой меча. Правящий халиф, таким образом, провозглашал своим преемником наиболее подходящего из своих сыновей: либо

¹ То, что халиф должен быть из среды корейшитов, никем не подвергалось сомнению, кроме хариджитов, которые отрицали все привилегии. Более того, хариджиты выступали против любых халифов вообще, но только за государственный совет. Если они и соглашались с существованием халифов в прошлом, то их совершенно не интересовало, выходцами из какого племени они являлись.

рожденного от самой знатной из своих жен, либо пользующегося наибольшей благосклонностью по каким-то иным мотивам. Или же (при отсутствии подходящих наследников), просто наиболее способного человека из своей родни. Ему, как прямому наследнику, приносилась предварительная клятва на верность, вначале в столице, а затем и по всей империи, и прямое наследование пришло на смену прежнему праву выбора. Иногда делалась двойная номинация, предполагающая сразу двух преемников; но такие попытки предвосхитить отдаленное будущее слишком часто провоцировали новые вспышки гражданской войны, вместо того, чтобы предотвращать их. Практика, начатая таким образом Омейядами, была использована в той же мере и Аббасидами. Тем самым, прецедент получил продолжение даже и в более поздние времена.

Язид и его мать.

У Муавии были и другие сыновья, но мать Язида, Мейсун, происходила из очень благородного рода, и потому ее сыну было отдано предпочтение.¹ История этой женщины особенно привлекала раннеарабских стихотворцев. Среди изысканной роскоши Дамаска она тосковала по свободе пустыни и давала выход своей тоске в стихах, примером которых могут послужить следующие популярные и зачастую переводимые на другие языки строки:

«О, шатер, продуваемый ветром пустыни, чудеснейших башен дороже ты мне!
Веселей мне скакать на младом верблюжонке, чем на убранном в золото прекрасном коне.
Дикий вой над родною песчаной равниной слаще слуху, чем пение труб на заре,
Черствая корка в тени шатра бедуина подкрепляет не хуже всех яств при дворе.
Благородство араба одного со мной рода я ценю, а не тучных придворных толпу.
Ах! Вот дал бы Господь мне опять в пустыне, в родимом краю побывать!
Не сменяла бы я в другой раз свой шатер на обширных залах красоту».

Стихи этой женщины, дошедшие до слуха Муавии, расстроили халифа. Подобно Али, ставший от роскошной жизни чрезмерно тучным и дородным, властитель правоверных почувствовал в стихах жены горький упрек самому себе. Поэтому он отослал маленького Язида вместе с его матерью к шатрам ее племени, Бени Келб, где еще мальчиком тот приобрел подлинно бедуинский вкус к охоте и кочевой жизни.

¹ По магометанским законам сын невольницы обладал теми же правами, что и сын свободной женщины. Но чувства арабов в отношении благородного происхождения всегда брали верх; и продолжают одерживать верх даже по сей день, что мы можем постоянно наблюдать в таких небольших государствах как Афганистан.

ГЛАВА XLVII

СМЕРТЬ МУАВИИ. ЯЗИД — НАСЛЕДНИК. АЛЬ-ХОСЕЙН И ИБН АЗ-ЗУБЕЙР. ТРАГЕДИЯ В КЕРБЕЛЕ. СМЕРТЬ АЛЬ-ХОСЕЙНА.

60-61 г. хиджры / 680 г. от р. Х.

Смерть Муавии, vii. 60 г. хиджры, 680 г. от р. Х.

ПОСЛЕ долгого правления, принесшего исламскому государству немало процветания, Муавия скончался в возрасте около семидесяти пяти лет. Почувствовав приближение смерти, халиф попросил принести ларец, в котором заботливо хранились обрезки ногтей Пророка. Потребовав хорошенько их измельчить, он попросил, чтобы после смерти его глаза и рот засыпали полученным таким странным образом порошком, и похоронили, облачив в саван, который надлежало сшить из одежды, подаренной ему когда-то Мухаммадом. Судьба была благосклонна к его продолжительному правлению. С момента отречения Аль-Хасана по всей империи арабов надолго воцарился мир. Наделенный мудростью, смелостью¹ и терпением, Муавия умудрялся удерживать даже наиболее опасных смутьянов под контролем; он объединил и расширил и без того обширную территорию исламской империи; всячески способствовал развитию торговли и покровительствовал мирным искусствам, которые великолепно расцвели в его время. Секрет успеха его правления, возможно, заключался в том, что Муавия всегда предпочитал сам на всех нападать первым. На протяжении своего халифата он продолжал вести непрекращающуюся войну против византийского императора. Домашние дела он предоставлял вести своим наместникам. Впрочем, будущее ислама его безусловно тревожило.

Предсмертное предостережение Язиду.

Назначение Язида преемником халифа, несомненно, должно было после кончины его отца столкнуться с сопротивлением. Находясь на смертном одре, Муавия отправил послание своему возлюбленному сыну, находившемуся в тот момент на охоте, в котором предостерегал Язида от подводных камней, ожидавших того впереди.

Три человека, которых следовало остерегаться.

Он назвал трех человек, которых Язиду следовало остерегаться: Абдаллу, сына Омара, и Абдаллу, сына Аз-Зубейра, а также Аль-Хосейна, сына Али. Первого, как излишне

¹ Его смелость, однако, была скорее морального свойства, чем физического. Оба, и он, и Али, как уже замечалось, стали тучными (в Аль-Куфе у Али было прозвище «брюхо котлом»), и к старости уже очень редко получали удобный случай проявить свою физическую активность. Однако мы видели, что Али, уже в летах, даже в Сиффинской битве дрался с врагами с былым бесстрашием, в то время как Муавия уклонялся от личного участия в сражении. Али бесспорно был из этой парочки храбрее в личном плане; но Муавия, вне всяких сомнений, был более способным и решительным правителем. Муавия был скорее политиком, чем солдатом. Он предпочитал гораздо чаще добиваться своего деньгами, нежели силой. И он является прекрасным примером *l'homme qui sait attendre* («человека, который умеет ждать»).

увлеченного религией человека, полагал он, Язид сможет легко отодвинуть в сторону. «Что касается Аль-Хосейна, — продолжал Муавия, — неугомонные жители Аль-Ирака не дадут ему покоя до тех пор, пока он не попытается завладеть всей империей; и ты, когда одержишь победу, оставайся к нему почтителен, ибо истинно в его венах течет кровь Пророка. Абдаллу, сына Аз-Зубейра — вот кого нужно бояться больше всего. Он свиреп, как лев, и коварен, как лисица; уничтожь его, выкорчуй его корни и не оставляй от его древа ветвей!»

Хосейн и Абдалла Ибн Зубейр бегут в Мекку.

Первой заботой принявшего пост халифа Язида — это событие произошло 1 vii шестидесятого года хиджры или 7 апреля 680 года от р. Х. — стало приведение в Медине к присяге тех, кто прежде уклонился от клятвы верности; причем указ был написан на листе не больше мышиного уха. Двое из таких «уклонистов», сыновья Омара и Аль-Аббаса,¹ покорились требованию. Но сын Аз-Зубейра вместе с Аль-Хосейном, попросив время на размышление, бежали в Мекку.

Притворство Ибн Зубейра.

Со времени захвата Мекки Мухаммадом ни один враг не осмеливался подняться против Священного города; и заговорщики ощущали себя под его кровом столь же беззаботно, как голуби, порхавшие возле мусульманского святилища. Злоупотребляя предоставленной им полной безопасностью, они вынашивали свои преступные замыслы против государства. Как и предвидел Муавия, честолюбивый сын Аз-Зубейра Абдалла не смог воспротивиться искушению захватить власть в халифате; но, поскольку существовал еще и Аль-Хосейн, он притворялся, призывая всех склониться перед имеющим больше прав на трон внуком Пророка.

Граждане Куфы зовут Хосейна к себе.

Семейство Алидов в Аль-Куфе сохраняло еще до некоторой степени популярность. Аль-Хасан, действительно, не нашел там значительной поддержки во время своего короткого правления; но известные своею чувствительностью и непостоянством граждане этого города теперь весьма охотно обратились к Аль-Хосейну, его брату. Перед ним рассыпались в обещаниях о всяческой поддержке: если только он появится в Аль-Куфе и объявит там свои права на халифат! Его друзья в Мекке умоляли не доверять посланиям с обманчивыми посулами, приходившим из раздираемого междоусобицами города. Но сын Аз-Зубейра, в надежде избавиться от соперника, вынашивал свой собственный тайный план; и Аль-Хосейн, послушавшись его совета в недобрый свой час, поддался искушению,

¹ Имеется в виду сын Аббаса, дяди Пророка и основателя династии Аббасидов.

и принял приглашение куфинцев. Его двоюродный брат Муслим был отправлен вперед, чтобы подготовить почву для вступления Хосейна в Куфу.¹

Муслим, посланный вперед, убит в Куфе, хii 60 г. хиджры, сент. 680 г. от р. Х.

Как только о заговоре становится известно при дворе Язида, он переводит Обейдаллу, сына Зийяда, из Аль-Басры (чье управление тем городом было так же сурово, как и правление его отца), чтобы принять управление Аль-Куфой. По его прибытию был организован розыск смутьянов, и Муслима, скрывавшегося под защитой Хани, друга семейства Али, быстро обнаружили. Народ, неожиданно встав на сторону претендента-Алида, поднялся против Обейдаллы и осадил его замок. Удача едва не отвернулась от халифского эмиссара. Эта вспышка, однако, вскоре улеглась. Обейдалла восстановил порядок, а Муслим вместе со своим защитником, предоставившим ему укрытие, был предан смерти.

Хосейн отправляется в Куфу, 8 хii 60 г. хиджры, 10 сентября 680 г. от р. Х.

Тем временем, почти в самом конце шестидесятого года хиджры, в первый день паломничества — это был день, в который казнили Муслима — Аль-Хосейн, не обращая внимания на протест своих верных друзей, выехал из Мекки вместе со своими домочадцами и небольшим отрядом преданных сторонников. Он уже пересек аравийскую пустыню и подходил к Аль-Куфе, когда до него дошли вести о печальной судьбе Муслима. Он находился в шоке, ибо отважиться войти в этот ужасно изменчивый город со всеми своими женами и домочадцами теперь казалось совершенно безумной попыткой. У внука Пророка еще оставалась возможность повернуть назад. Однако собратья Муслима настаивали, чтобы он отомстил за его кровь; кроме того, на обманчивом горизонте политики все еще маячила призрачная надежда, что те, кто заманил сюда Аль-Хосейна своими лживыми обещаниями, не замедлят сплотиться вокруг него, как только он объявится в городе. Но новости, приносимые каждым последующим гонцом, становились все более неутешительными. Аль-Фараздак, стихотворец, случайно проезжавший по этой дороге из Аль-Куфы, мог сказать своему благородному другу лишь эти слова: «Сердце этого города с тобою, но меч его направлен против тебя». Бедуины, всегда бывшие не прочь подрасть, охотно присоединялись к Хосейну. За счет этого его небольшой отряд раздулся до внушительных размеров. Но теперь, увидев бесперспективность его предприятия, кочевники просто-напросто разбежались; и Аль-Хосейн, прошедший в пути уже две или три недели, остался с теми, кто сопровождал его с самого начала: примерно с тридцатью всадниками и сорока пешими.² Один из бедуинских вождей, кстати, предлагал ему изменить маршрут и направиться к возвышенностям Ажда и Селма. «Там, — говорил он, — в десятидневный срок вокруг тебя сплотятся двадцать тысяч острых пик из племени Бени Тай».

¹ Муслим был сыном брата Али, Акила. Действующими лицами в нашей печальной главе являются близкие родственники, — они заслужили от мусульман слова или нежной любви, или самой яркой ненависти, особенно со стороны шиитов.

² Эта цифра варьируется от предания к преданию; но никто не превышает количества в сорок всадников и сотню пеших. Семьдесят голов было привезено в Аль-Куфу, возможно, все это были сражавшиеся. Остальные, несомненно, были просто их спутниками и т.п.

Встречен Хорром близ Куфы, 1 мухаррама, 61 г. хиджры, 1 октября 680 г. от р. Х.

«Как я могу, — отвечал Аль-Хосейн, — будучи окружен, как ты и сам можешь увидеть, женщинами и детьми, повернуть с ними опять в сторону пустыни? Нет, я вынужден идти только вперед». И так он двинулся вперед, навстречу своей печальной судьбе. Их группа не проехала слишком далеко, как повстречалась с отрядом куфинских всадников под командою арабского вождя племени Темим по имени Аль-Хорр, который вежливо, но твердо отказал им в дальнейшем продвижении. «Мне приказано, — сказал он, — доставить тебя к наместнику; но если ты отказываешься, тогда можешь повернуть отсюда направо, или же поворачивай налево, как тебе угодно, только не возвращайся в Мекку, этого я тебе позволить не могу». Таким образом, небольшой отряд Хосейна, оставляя Аль-Куфу справа, был вынужден повернуть налево и двигаться день или два по краю пустыни вдоль западного притока Евфрата. Поступая так, Аль-Хосейн не имел, очевидно, никакой другой цели, кроме как избежать нападения из Аль-Куфы. Аль-Хорр держался поблизости, продолжая вести с внуком Мухаммада учтивые беседы.

Остановлен Омаром у Кербелы.

Но было опасно оставлять претендента кружащим вокруг города, уже и без того взбудораженного случаем с Муслимом. Поэтому Обейдалла отправил Омара, сына Саада, с четырьмя тысячами всадников и новым приказом.¹ Таким образом, задержанный Аль-Хосейн был вынужден разбить свой лагерь на поле Кербелы на берегу реки, в двадцати пяти милях выше Аль-Куфы. На повторных переговорах Аль-Хосейн отказался от каких-либо враждебных действий, которые, разумеется, с его немногочисленными сторонниками и потерянной к тому времени надеждою поднять город на своей стороне, утратили всякий смысл. Он согласился подчиниться, но только на определенных условиях. «Позвольте мне вернуться туда, откуда я пришел, — просил он, — если же нет, отвезите меня к халифу Язиду в Дамаск, и вложите мою руку в его руку, чтобы я мог говорить с ним лицом к лицу. Если же вас не устраивают эти два варианта, отправьте меня подальше на войну, чтобы я мог сражаться, как верный солдат халифа против врагов ислама». Но Обейдалла настаивал на безусловном подчинении; и чтобы добиться этого, не прибегая к оружию, он приказал Омару перекрыть доступ к воде, надеясь, что жажда принудит спутников Хосейна, таким образом, сдаться.

Шамир послан доставить Хосейна в Куфу, 8 мухаррама.

Однако Аль-Хосейн, боявшийся жестокого тирана Обейдаллу горше смерти, твердо стоял на своих условиях. Он даже убедил Омара обратиться с просьбою, чтобы его доставили непосредственно ко двору халифа. Для дома Омейядов бы было гораздо лучше, если бы его мольбу удовлетворили. Но, раздраженный задержкою, Обейдалла вместо этого послал

¹ Его отец Саад был героем Аль-Кадисии. Предание гласит, что Обейдалла пообещал сделать Омара правителем Ар-Рея при условии, что тот доставит ему Аль-Хосейна живым или мертвым. Омар колебался между долгом перед внуком Пророка и предложенным вознаграждением. Он, якобы, уступил искушению, продав мамоне свою душу. Но все это недостоверно, поскольку сегодня мы находим предания, где повествование идет прямо-таки в лихорадочном жару.

бессердечное создание по имени Шамир (это имя еще никогда не слетало с уст мусульман без отвращения) сказать Омару, чтобы тот больше не тратил времени на переговоры с Аль-Хосейном, но живым или мертвым доставил его в Аль-Куфу. Если же Омар будет колебаться, то Шамир должен принять у него командование.¹ Таким образом, Омар был вынужден немедленно окружить небольшой лагерь внука Пророка. Аль-Хосейн был полон решимости сражаться до самого конца. Последующая сцена все еще свежа в сердцах мусульман; и как только наступает тот роковой день, десятое число первого месяца, его встречают с безутешным плачем, а тысячи людей приходят в дикое неистовство. Полная душераздирающих подробностей, эта сцена не перестает нагнетать ужас и негодование до предельной черты. В своей любви ко внуку Пророка правоверные забывают, что Аль-Хосейн, возглавив свой мятежный отряд, нарушил свою клятву верности и уступил предательскому по сути, хотя и бесперспективному намерению овладеть тронem. Он совершил преступление, которое подвергло опасности все общество и потребовало немедленного противодействия. Эти люди не в состоянии увидеть ничего, кроме жестокой и беспощадной длани, которая покарала за немногим исключением всех тех, в чьих венах текла священная кровь их Пророка. И действительно, эта простая история не нуждается в дополнительном приукрашивании, чтобы тронуть сердца читателей.

Аль-Хосейн добился дневной отсрочки, чтобы отправить своих родных и близких прочь. Но ни один из них не захотел оставить его.

Приготовление Хосейна к защите, 9 мухаррама.

Шатры были грубо скреплены вместе и обнесены завалами из сучьев и тростника: слабая защита от столь превосходящего силою противника. Той ночью Зейнаб случайно услышала, как слуга ее брата чистил свой меч, напевая тем делом строчки воинственных стихов о грядущем сражении. Душа женщины прониклась такою печалью, что она, обернувшись накидкой, выбежала в ночной мрак к шатру ее брата, и, кинувшись к нему в безумном горе, бия себя в грудь и лицо, упала без чувств. Аль-Хосейн смочил ее виски остатками воды; но больше он ничего не мог сделать, чтобы утешить сестру. Али, маленький сын Аль-Хосейна, лежал больной, у него был жар, но они не могли найти больше ни капли воды, чтобы смочить его высохшие губы. Женщины и дети провели эту ночь в плаче, дрожа от ужаса.

¹ Шамир Ибн Зи'ль-Джавшан — это имя никогда не произносилось набожными мусульманами без сопутствующих проклятий. Обейдалла (так гласит предание) был поначалу склонен уступить просьбе Аль-Хосейна, как умолял Омар, и отправить его под охраной к халифу в Дамаск. Но тут вперед выступил Шамир и сказал, что Обейдалла, чтобы не потерять репутацию своего имени, должен настоять на том, чтобы претендент сдался на милость победителя. Таким образом, он заручился у Обейдаллы приказом к Омару, доставил ему письмо наместника и стал его шантажировать. Дескать, если тот откажется привезти Аль-Хосейна силою, то Шамир должен будет принять командование, а также получить место правителя Ар-Рея вместо него. Имя его произносится по-разному: то Шамир, то Шомар, то Шимр. Вся эта печальная история становится с этого момента столь преувеличенной, что невозможно поверить и в сотую долю того, что в состоянии разглядеть в ней разгоряченное воображение шиита. Абсолютно все действующие лица распределяются строго по ролям: или с хорошей стороны, или с крайне плохой (особенно у шиитов), и служат образцами набожности или же выступают в качестве настоящих демонов отступничества.

*Атакован, и вместе со всеми своими людьми убит,
10 мухаррама 61 г. хиджры, 10 октября 680 г. от р. Х.*

Утром того рокового дня, десятого мухаррама, Аль-Хосейн повел свой небольшой отряд в битву. Начались переговоры; он опять предлагал удалиться, или чтобы его доставили к халифу. Увидев тщетность переговоров, он слез со своего верблюда; и, окруженный своими родственниками, с твердостью вставшими на его защиту, решил продать свою жизнь подороже. На время наступила тишина. Наконец, кто-то со стороны куфинцев выпустил стрелу, и ее полет возвестил о начале неравной схватки, прошедшей под плач и крики женщин и детей. Летевшие плотной тучею стрелы делали свою кровавую работу. Аль-Касим, племянник Аль-Хосейна, десятилетний мальчик, суженый его дочери Фатимы, был сражен одним из первых, и испустил дыхание на руках своего дяди. Один за другим сыновья и братья, племянники и кузены Аль-Хосейна падали под стрелами врага. Некоторые искали убежища за лагерем. Тростник был подожжен, и огни пламени, охватившие шатры, добавили ужаса разыгравшейся трагедии. Долгое время никто не осмеливался атаковать Аль-Хосейна напрямую, и появилась надежда, что он сможет сдаться живым. Наконец, мучимый жаждою, он отбежал к берегу реки. Враг сомкнул ряды, и внук Пророка оказался отрезанным от своих людей. «Проклятый» Шамир возглавил роковую атаку. Аль-Хосейн, сраженный стрелою, пал на землю, и конница куфинцев растоптала его тело.

Никому из его отряда не удалось спастись. Храбро сражаясь, они оставили на поле боя больше поверженных врагов, чем насчитывалось их самих. Два сына Аль-Хосейна погибли еще ранним утром, а к вечеру они уже лежали среди убитых шести его братьев, сыновей Али; двоих сыновей его брата Аль-Хасана; и шестерых других потомков Абу Талиба, отца Али.

Их головы доставлены наместнику.

Лагерь был разграблен; но выжившие не подверглись никаким оскорблениям. Ими оказались в основном женщины и дети, которые и были доставлены вместе с мерзким грузом из семидесяти отрубленных голов во дворец Обейдаллы. Дрожь ужаса пробежала по толпе, когда окровавленная голова внука Пророка была брошена к ногам наместника. Жестокие сердца арабов при виде такого зрелища не могли не смягчиться. Когда Обейдалла грубо перевернул голову своим посохом (хотя мы должны с осторожностью подходить к подобным сказкам о беспредельно жестоких кощунствах, во множестве распространяемым шиитами), раздался голос пожилого человека: «Нежнее! Это же внук Пророка. О, Господи! Я видел, как эти самые губы сливались в поцелуе с благословенными устами Мухаммада!»

Семья Хосейна отправлена в Медину.

Сестра Аль-Хосейна, его маленький сын Али Аль-Асгар (младший) и две его дочери, оказались единственными из всей его семьи, кому удалось уцелеть. Обейдала обращался с ними с почтением, и отправил их вместе с головой претендента к Язиду в Дамаск. Искренне ли, из-за опасений ли ненависти, которая уже успела распространиться на

участников этой трагедии, халиф отрицал свою ответственность за убийство Аль-Хосейна, ругая за все Обейдаллу. Женщины и дети были с почетом встречены домочадцами халифа, и, в конце концов, с полным комфортом и вниманием отправлены к себе домой в Медину. Выбор этого места назначения, сделанный исключительно по доброте Язида, обернулся для дома Омейядов неприятностями. В Медине их возвращение спровоцировало совершенно дикий взрыв горя и причитаний. Ведь там все вокруг лишь усиливало ощущение произошедшей трагедии.

Реакция арабов в пользу семейства Али.

Опустевшие дома, занимаемые прежде семьей и родней Пророка, внезапно овдовевшие женщины и осиротевшие дети — все это добавляло пафоса рассказам об этом жестоком событии. Эта сказка, слушаемая ежегодно группами рыдающих паломников из уст женщин и детей, которые выжили, чтобы рассказать ее — и приукрасить, и неустанно повторять ее со все новыми и усиливающимися с каждым новым повествованием ужасами — распространилась по всей империи ислама. Трагическая сцена повторялась в каждом доме, и рассказы пробуждали жалость к семейству Али. Вскоре стало очевидно, что решительный удар Обейдаллы, стремившегося полностью подавить восстание, пришелся мимо цели. Претензии дома Али на господство, доселе неизвестные, или выслушиваемые только с безразличием, теперь глубоко затронули множество арабских сердец; и по всей стране стала подниматься волна негодования, которая жаждала свержения династии, учинившей такую кощунственную бойню. Трагедия в Кербеле решила не только судьбу самого халифата, но и тех магометанских царств, которым суждено было гораздо позднее появиться на свет, прийти в упадок и исчезнуть.

Плач по Хосейну.

Никогда еще на Востоке не видано было таких диких и необузданных выражений всеобщего горя, которые стали повторяться каждую годовщину! Мусульмане со всех концов земли проводят всю ночь напролет в бодрствовании, бьют себя в грудь, сопровождая каждый удар совершенно непереносимыми душераздирающими воплями, издаваемыми с четко размеренным ритмом:

Мухаррам.

«Хасан! Хосейн! Хасан! Хосейн!» И какой житель Востока не сможет понять по этим стенаниям, что династия Омейядов сама вложила страшный обоюдоострый меч, роковое оружие возмездия, в руки своих злейших врагов?¹ В лице Али, маленького сына Аль-

¹ В этом порыве имя Аль-Хасана добавляется к имени Аль-Хосейна не только потому, что шииты считают его имеющим право на трон халифа (хотя он и отрекся от него), но потому что он тоже причислен к мученикам, будучи отравленным своей женой по наущению, как они полагают, Муавии. Хотя (как мы имели случай убедиться) у такого предположения нет веских оснований. Трагедия ежегодно представляется, особенно шиитами, в качестве чисто религиозной церемонии. Это выглядит как «Страстное действо», в котором показываются в сверхъестественном переплетении картины из жизни ранних героев ислама. Заканчивается действие патетической историей о мучениках кербелской трагедии. В то же время, Абу Бекр, Омар, и Осман представлены в виде ненавистных узурпаторов, а на

Хосейна, начинает виться новая нить в клубке претендентов на первенство в исламе. Его мать была дочерью (как считается) Йездегерда, последнего из Сасанидов. Он располагал, поэтому, определенной поддержкою среди персов, и был признан всеми шиитами четвертым в ряду имамов, прозванным «Зайн Аль-Абидин», то есть «прославленное благочестие».

головы всех сторонников Омейядов, Обейдаллы, Аль-Хаджаджа и прочих, по ходу действия продолжают сыпаться проклятия.

ГЛАВА XLVIII

ОСТАТОК ПРАВЛЕНИЯ ЯЗИДА. ВОССТАНИЕ ИБН АЗ-ЗУБЕЙРА.

61-64 г. хиджры / 680-683 г. от р. Х.

Реакция Алидов содержит в себе опасность.

ЯЗИДУ пришлось в скором времени почувствовать пагубное влияние трагедии в Кербеле на трон Омейядов, и, как результат, оживление популярности дома Али. Аль-Куфа, со всем ее уже вошедшим в поговорку непостоянством, была готова теперь поддержать династию, которую она прежде раз за разом отвергала. Хариджитская ересь, вечно меняющая свои очертания, получила новый импульс, особенно в Аль-Басре. Ее последователи, раскаявшись в том, что покинули Али после Сиффинской битвы, и, сокрушаясь о печальной участи его семьи, пришли к соглашению мстить и никогда не прекращать войну против правительства. Однако самая непосредственная опасность подстерегала халифат совсем с другой стороны. И исходила она, как предвидел проницательный Муавия, от Абдаллы Ибн Аз-Зубейра.

Ибн Зубейр тревожит халифат, 61 г. хиджры, 680 г. от р. Х.

Он являлся тем самым человеком, кто, дабы избавиться от Аль-Хосейна, подтолкнул этого незадачливого наследника на его отчаянную авантюру. Как только весть о печальном конце внука Мухаммада достигла Аравии, Ибн Аз-Зубейр тут же поспешил занять первое место на сцене и обратился к гражданам Мекки с пламенной речью, гневно обличая правящую власть. Скрывая свои честолюбивые замыслы, он любил сравнивать себя с самым безобидным голубем среди голубей Священного дома. Но вскоре он показал свое истинное лицо, и еще до конца года начал вербовать себе сторонников, пускай сначала и тайно, как претендент на трон. Когда эта новость дошла до слуха Язида, тот поклялся, что мятежник будет приведен в Дамаск, привязанный за шею. Раскаявшись позднее в своей клятве, он решил предоставить Ибн Аз-Зубейру возможность избежать такого позора и послал в Мекку делегацию с серебряной цепочкой и почетным одеянием из шелка, чтобы эту цепочку скрыть. Вот в таком виде халиф и предложил смутьяну явиться ко двору, чтобы чисто формально исполнить данный им обет. Но Ибн Аз-Зубейр отверг это приглашение, а посланцев бросил в темницу. Главу же этого посольства, своего собственного брата по имени Амр, который был к нему враждебен, Ибн Аз-Зубейр предал ужасной казни.

Восстание в Медине, 62 г. хиджры 682 г. от р. Х.

Тем временем в Медине начались волнения. Коварный претендент, все еще притворяясь доброжелателем Язида, посоветовал ему назначить в священный город более мягкого правителя, что могло бы успокоить народ и поднять авторитет халифа. В соответствии с этим Язид отозвал оттуда прежнего наместника и заменил его молодым и неопытным Османом Ибн Мухаммадом, своим двоюродным братом, который не в добрый час решил отправить в Дамаск группу влиятельных граждан, надеясь, что халифу удастся завоевать

их доверие подарками и обещаниями. Они вернулись щедро вознагражденные. Однако, привычные к набожности и умеренному образу жизни дома Пророка, они были шокированы вульгарным поведением, вседозволенностью и излишествами сирийских арабов. Вернувшись домой, они поведали о роскоши и безбожности халифского двора — вине и музыке, поющих женщинах и мужчинах, петушиных боях и псовой охоте — так что халиф был тотчас осужден благочестивыми мединцами, а его сопернику присягнули на верность вместо него. А вскоре после того, как Язид еще раз неуклюже попытался добиться к себе расположения, ансары Медины, руководимые Абдаллой Ибн Ханзалой, публично отказались от данной ему присяге, каждый символически сбросив свою накидку или туфлю. Юный правитель города был вынужден бежать; партия Омейядов, насчитывавшая тысячу человек, была взята под стражу, и отпущена из города только после того, как ее участники дали клятву, что не будут помогать врагу.

*Город подвергается нападению и разграблению,
25 хii 63 г. хиджры, 26 августа 683 г. от р. Х.*

Чтобы наказать этих мятежных мединцев, а вслед за ними и Ибн Аз-Зубейра в Мекке, халиф направил в Аравию карательный отряд во главе с Муслимом Ибн Окба Аль-Мурри (преклонных лет корейшитом), который в кровавом сражении, получившем название битвы при Харре, разбил мединскую армию; и несчастный город на три дня был отдан в качестве награды на разграбление сирийским воинам. После принуждения граждан под угрозой меча вновь принести клятву на верность Язиду, его армия продолжила свой поход на Мекку уже под командою Аль-Хосейна Ибн Нумейра Ас-Сакуни, поскольку Муслим в пути преставился.

Осада Мекки, i 64 г. хиджры, сентябрь 683 г. от р. Х.

Ибн Аз-Зубейру нечего было противопоставить такой силе. У него была, конечно, поддержка мятежных беженцев из Медины и хариджитов со всех концов империи, искавших в Священной Каабе убежища. Народ едва ли мог поверить, что пускай даже самый кощунственный тиран, сможет решиться напасть на город, полный мусульманских святынь. «О, небеса! — восклицали жители Мекки, устремляя взоры ввысь, — вы же не падете на нас!»¹ И, пребывая в подобной уверенности, Ибн Аз-Зубейр, очевидно, не слишком тщательно подготовился к наступлению неприятеля. В начале шестьдесят четвертого года хиджры, выступив навстречу сирийской армии, он был с потерями отброшен назад.

Мекка под обстрелом, Кааба разрушена, 3 iii 64 г. хиджры, 31 октября 683 г. от р. Х.

¹ Это восклицание приписывается Абд Аль-Мелику, который вместе со своим отцом Мерваном был послан Язидом с делегацией к Ибн Аз-Зубейру, но оказался у него в заточении. «Однако же, — добавляет летописец, — этот самый Абд Аль-Мелик, когда сам стал халифом, отправил осаждать Священный город Аль-Хаджаджа, позволив тому наносить удары по Каабе и убить Ибн Аз-Зубейра».

В течение двух месяцев город находился в осаде, и снаряды из катапульт, бросаемые сирийцами, сыпались сверху буквально отовсюду. Кааба загорелась и сгорела дотла.¹ И вот так осада перешла уже на третий месяц, когда пришедшие вести о смерти Язида положили конец военным действиям. Перспективы Омейядов удержаться у власти, с учетом пришедшего на смену Язиду абсолютно безвольного сына, оказались на тот момент так слабы, что сирийский военачальник предложил присягнуть Ибн Аз-Зубейру на верность как халифу, если только тот позволит сопровождать его в Сирию, где лишь у него одного из всех кандидатов были шансы на успех. Но тот отказался, предпочитая остаться и заняться восстановлением мусульманской святыни. Интересно, что, будучи и сам воином, и сыном одного из самых прославленных героев из окружения Пророка, он больше не участвовал в сражениях. Несмотря на это, как мы увидим позже, в последовавшие тревожные годы Ибн Аз-Зубейру из своего спокойного места удавалось удерживать, как сопернику халифа, признанную власть над большей частью мусульманской империи.

Смерть Язида, 14 iii 64 г. хиджры, 11 ноября 683 г. от р. Х.

Язид умер в своем охотничьем замке в сорокалетнем возрасте, после трех с половиной лет правления. Вести о смерти Язида только через двадцать дней достигли Мекки. В своих предрасположенностях он во многом напоминает короля Англии Чарльза Второго. Язид описывается историками как распутный монарх. Несмотря на то, что он покровительствовал учениям, и сам был неплохим поэтом, его правление запомнилось лишь кощунственными нападениями на Священный город и на семейство Мухаммада.

«Он правил, — пишет Ибн Ат-Тиктака, — три года и шесть месяцев; и в первый год он убил Аль-Хосейна, сына Али (да будет мир им обоим!). На второй свой год он разорил Медину, на три дня отдав ее на разграбление. А на третий год он устроил набег на Каабу».

Границы ислама не расширились при его правлении.

Обвинения, выдвинутые против него, могут проистекать из враждебности Аббасидов; сам он отрицал, что пил вино. При его правлении не предпринималось никаких новых наступлений для расширения границ исламского господства; напротив, как мы видели, арабов постигли серьезные неудачи в северной Африке.

¹ Огонь, видимо, был разожжен осажденными, и даже, возможно, самим Ибн Аз-Зубейром.

ГЛАВА XLIX

ХАЛИФЫ: МУАВИЯ II, МЕРВАН И АБД АЛЬ-МЕЛИК. ВОССТАНИЕ ИБН АЗ-ЗУБЕЙРА И АЛЬ-МУХТАРА.

64-73 г. хиджры / 683-692 г. от р. Х.

Короткое правление Муавии II, iii 64 г. хиджры, ноябрь 683 г. от р. Х.

РАННЯЯ смерть Язида принесла в дом Омейядов несчастья. Ему наследовал его сын Муавия II, слабый и болезненный юноша, переживший своего отца всего лишь на три месяца. Он пользовался поддержкою почти всех сирийцев, за исключением Кейса, невзлюбившего парня за то, что его мать и бабушка происходили из рода Келб. Родной брат бабушки Муавии II по материнской линии, Ибн Бахдал, оказался де-факто правителем всего халифата, а другой ее брат стал наместником Киннастрина, провинции, обустроенной Кейсом. Таким образом, Кейс позавидовал тому, что, по его мнению, слишком многие представители рода Келб оказались во власти. Предвидя свою скорую кончину, Муавия объявил народу с кафедры, что он, подобно Абу Бекру, хотел бы назначить себе преемника, но он ни в ком не видит характера Омара. Он хотел бы, подобно Омару, назначить выборщиков, но, увы, он не видит никого, кто подходил бы и на эту роль. Поэтому халиф предоставляет самим людям выбрать себе повелителя. Краткое его правление лишь способствовало еще большему ослаблению скреплявших империю ислама связей.

Усиление влияния Ибн Зубейра, vii. 64 г. хиджры, март 684 г. от р. Х.

После его смерти Омейяды разделились во мнениях, и на трон объявилось сразу несколько претендентов. Ибн Аз-Зубейр, отныне признанный Меккою и Мединою халиф, в течение последующих нескольких месяцев добился в этом отношении успеха еще и в Египте и в большей части Сирии. Бени Темим в Аль-Басре также провозгласило его халифом, а Обейдалла, рассчитывавший на поддержку племен Азд и Бекр, был вынужден бежать. Аль-Куфа также пошла за Ибн Аз-Зубейром. Персия же находилась в руках у хариджитов. Сирия, впрочем, лишь часть ее, оставалась в подчинении у правительства Дамаска.

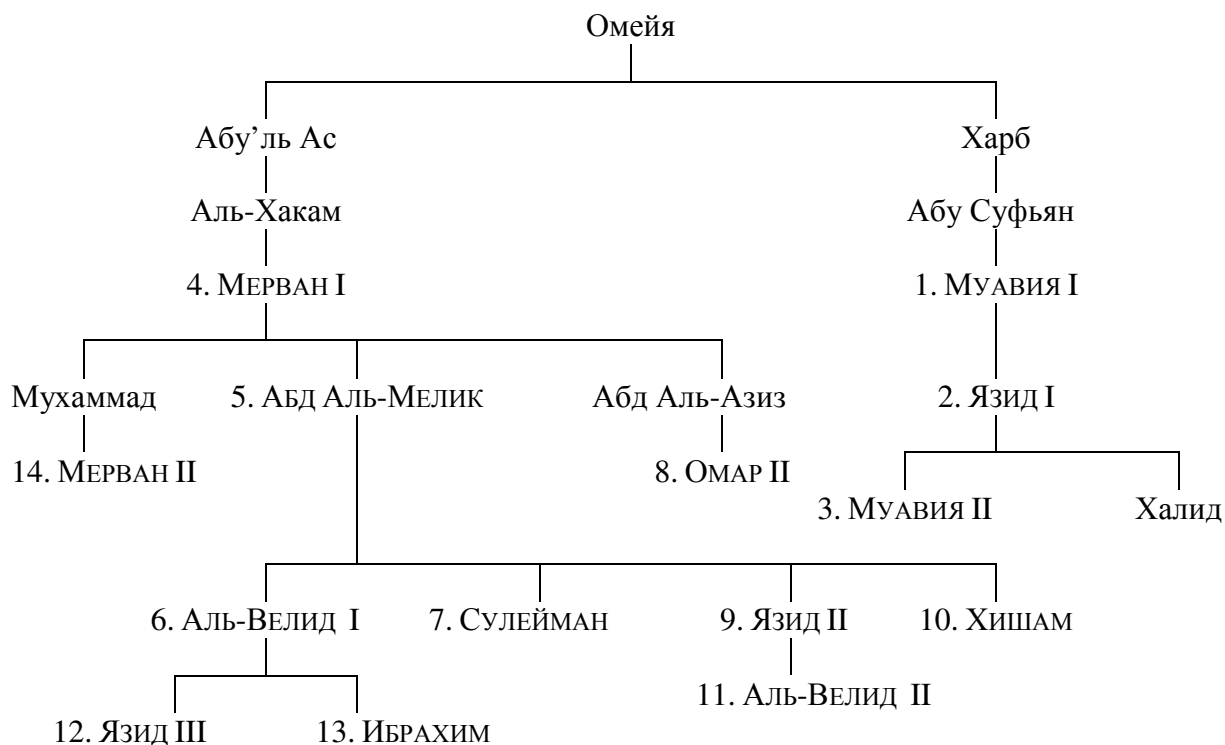
Не приходится сомневаться, что, если бы Ибн Аз-Зубейр выбрал местом своего пристанища Сирию, он добился бы полного успеха, и в его семействе появился бы первый халиф.

Халифом избран Мерван.

Даже в Дамаске существовала сильная группа его сторонников, и в большинстве твердынь Сирии и Междуречья арабы поддерживали его кандидатуру. Один лишь Ибн Бахдал с сирийским войском, возвратившимся из Аравии, придерживался интересов Омейядов. Кстати, эту армию усилили те из Омейядов, которых выжили из Медины. Ад-Даххак, правитель Дамаска, медлил. Молодой халиф не оставил после себя детей, но у него был

брат, младший сын Язида, по имени Халид. Он был любимцем всего семейства; но лидеры исламского двора чувствовали, что их империя нуждается в более сильной руке, и сделали свой выбор в пользу Мервана. Он также происходил из рода Омейядов, хотя и из иной ветви. Его отличала особая приверженность как лично к Осману, так и ко всей династии.

Прилагаемое семейное древо поможет разобраться в династии Омейядов:

Мервану противостоит партия Ибн Зубейра.

После долгих споров Мерван был назван новым халифом, и ему принесли присягу, но с условием, что он уступит свой пост Халиду, когда тот достигнет более зрелого возраста. Вот тут-то Ад-Даххак показал свое истинное нутро: выступив в поддержку Ибн Аз-Зубейра, он удалился со своими сподвижниками на луга Мердж Рахита, неподалеку от города. Мерван, с приверженцами из племен Келб из Иорданской провинции и Гассина, расположился лагерем под Аль-Джабийей. Между двумя бедуинскими ветвями арабов назревал серьезный конфликт. Йеменцы, или «южане», противостояли Бени Бекр и «северянам». Первые, в особенности Бени Келб, откуда халифы брали себе жен, оставались сторонниками дома Омейядов; а Бени Кейс и «северные» племена были настроены однозначно против них, почему и присоединились к Ад-Даххаку в поддержку Ибн Аз-Зубейра.

Битва при Мердж Рахите.

Вот так прошло несколько месяцев. Ближе к концу года Мерван атаковал своих врагов под Мердж Рахитом, и после нескольких недель боев полностью разгромил их. Ад-Даххак остался лежать мертвым на поле сражения. Вскоре вся Сирия присягнула на верность Мервану. Египет также удалось призвать к порядку, а армию под командой Мусааба, брата Ибн Аз-Зубейра, пытавшуюся отбить назад Сирию, воины Мервана обратили в бегство. Мерван был обязан своим успехом двум людям: Обейдалле, сыну Зийяда, сумевшему уговорить его побороться за халифат, когда и он сам, и все Омейяды уже разуверились в перспективах своего дела, и Ибн Бахдалу, который разогнал йеменские племена. На его стороне, помимо кланов Келб и Гассан, сражались арабы из племен Сакун, Сахсак, Танубх, Тадж и Кайн. Ад-Даххака поддерживали роды Сулейм, Амир (Хавазин) и Зубьян — все из племени Кейс. Эта битва положила начало кровной мести между племенами келбитов и кейситов, и отголоски этой затянувшейся на века борьбы остаются звучать даже в наши дни.

Конец 64 г. хиджры. Смерть Мервана, 27 ix. 65 г. хиджры, 7 мая 685 г. от р. Х.

3 xi 64 года хиджры (22 июня 684 г. от р. Х.) в Аль-Джабийе арабы присягнули на верность Мервану. После битвы клятва была дана еще раз — в Дамаске, два месяца спустя. Увы, на гребне волны своего успеха, нового халифа постигла преждевременная и весьма постыдная смерть. Опасаясь за стабильность своего положения, он отказался признать уже заключенное ранее соглашение, согласно которому ему должен был наследовать Халид, брат предыдущего халифа. Мерван вместо него объявил своим наследником собственного сына, Абд Аль-Мелика, чем надеялся упрочить свой трон. После этого, то ли для того, чтобы помириться с матерью Халида, то есть, со вдовой Язида, или же с целью ослабить претензии ее сына на трон, он взял ее себе в жены. К сыну ее он стал относиться плохо, постоянно подвергая его унижениям. Гордая женщина-бедуинка считала себя оскорбленной и отомстила ему по полной программе. Дождавшись, когда халиф уснет подле нее в постели, она задушила его подушкой. Так его и нашли наутро: окоченевшим на супружеском ложе. Рожденный на заре эры ислама, доживший до шестидесяти лет, он снискал себе в качестве абсолютно неразборчивого приверженца фракции Османа непререкаемый авторитет, несмотря на то, что враждебная партия, несомненно, старалась всячески преувеличить его недостатки. Правление его продлилось едва ли год.

Его сменяет Абд Аль-Мелик.

Сменил Мервана его сын, Абд Аль-Мелик, чью власть сразу же признали и в Сирии, и в Египте.

Будет неплохо на время отвлечься и посмотреть, что происходило в этот момент на Востоке. События там очень ярко иллюстрируют соперничество между северной и южной группой арабской расы, от которого зачастую страдало все их государство.

Вражда на Востоке между северными и южными арабами, 46-65 гг. хиджры.

Примерно к этому времени их вражда в Персии вылилась в жестокую междоусобную войну. В течение целого года Ибн Хазим из племени Сулейм, наместник Ибн Аз-Зубейра в Хорасане, сражался на стороне «модарской» (или «северной») ветви арабской нации против «бекрской» (то есть, «южной»). В битве под Гератом он одержал победу, перебив около восьми тысяч воинов неприятеля. Сын его погиб, сражаясь против группы из племени Темим, которой руководил Аль-Хорейш. Эта борьба велась около двух лет.

На следующий год Ибн Хазим, в жажде отомстить за пролитую кровь его сына, решил взять приступом крепость, за стенами которой нашли убежище примерно восемьдесят представителей Бени Бекр. О героических подвигах и доблести этой небольшой группы ходили легенды, но конец ее был печален: все осажденные умерли от голода. Рыцарский дух этих воинов был запечатлен в поэзии Аль-Хорейша, часть творений которого сохранилась до наших дней.

Арабам нравятся такие конфликты.

Подобные сцены арабы обожают смаковать, отражая их и в стихах, и в прозе. Нужно сказать, что их историки отдавали им зачастую слишком много внимания. Племенные распри и кровавые междоусобицы так долго занимали арабов, переполнивших долины Хорасана и Восточной Персии своими бандами, что нам становится абсолютно понятным, почему на целые столетия остановилось дальнейшее заселение этих земель. По этой же самой причине границы мусульманского государства не могли более расширяться ни на север, ни на восток.

Проблемы в Междуречье и Аравии.

Племя Кейс в то время еще сохраняло свои земли на Евфрате, и после восстановления мира в Сирии Мервану пришлось отрядить войска: одно, под командованием Обейдаллы, для оккупации Месопотамии от Мосула и ниже по течению двух рек. После этого его отряд должен был наступать на Аль-Куфу. Второе войско, которое должно было захватить Медину, наткнулось в пути на армию Ибн Аз-Зубейра и было разбито. В итоге, Ибн Аз-Зубейр сохранил главенство над всей Аравией, Аль-Ираком и на Востоке. Его брат Мусааб, храбрый воитель, продолжал править Аль-Басрою, хотя ему и приходилось нелегко из-за перешедших к враждебным действиям хариджитов. Эти фанатики сначала сплотились вокруг Ибн Аз-Зубейра с целью защитить Мекку от армии Язида. Но после того, как Ибн Аз-Зубейр стал сам претендовать на пост халифа, они потребовали от него, чтобы он разделил их убеждения, не только осуждая «убийц» Аль-Хосейна, но и оправдывая убийство Османа как «тирана». На это он пойти не мог, не скомпрометировав свою собственную идею; ибо, совместно со своим отцом Аз-Зубейром, он сам участвовал в войне против Али именно под надуманным предлогом отмщения за кровь несчастного старика. Сторонники теократии, оскорбленные его отказом, обратили свое оружие против Ибн Аз-Зубейра, и его брату Мусаабу пришлось много потрудиться, чтобы поставить этих фанатиков на место.

Ибн Зубейр изгоняет хариджитов.

Им вновь и вновь удавалось завладеть Аль-Басрою, но, в конце концов, их вышибли оттуда. Хариджитам пришлось ретироваться в Аль-Ахваз, откуда они разбежались по всей Персии. Они с завидным постоянством продолжали совершать различные вылазки, выступая то под одним, то под другим названием (ведь теократы разделились на множество сект). С большим трудом удавалось их усмирять Аль-Мухаллабу, смелому воину, еще до того показавшему себя в Хорасане, которому приказал возглавить карательные акции Мусааб.

Мухтар в Куфе. Его история.

А в это время на сцену в Аль-Куфе вышел авантюрист, хотя и несколько иного рода — Аль-Мухтар. Он приходился сыном Абу Обейду, сложившему голову в «битве на мосту», и принадлежал к известному племени Сакиф. Предприимчивый и беспринципный, Аль-Мухтар всегда стремился примкнуть к той стороне, которая могла дать ему лично наибольшую выгоду. Он был один из тех, кто преследовал Аль-Хасана, когда, будучи халифом, тот бежал из Аль-Куфы в Аль-Медайн. Но, с другой стороны, он поддерживал Муслима, когда того делегировал в Аль-Куфу Аль-Хосейн. В последнем случае его схватил Обейдалла, правивший в то время городом. Обейдалла нанес Аль-Мухтару удар в голову, и тот лишился одного глаза. Бежав от него в Аравию, Аль-Мухтар поклялся, что отомстит за нанесенное ему увечье, разрубив тело тирана на тысячу кусков. В Мекке он помогал Ибн Аз-Зубейру отразить нападение сирийцев на Святой город. Однако ему не слишком доверяли, в результате чего Аль-Мухтар покинул Мекку и решил позаботиться о себе сам.

Возвращается в Куфу, конец 64 г. хиджры, 684 г. от р. Х.

Ближе к концу шестьдесят четвертого года хиджры он вернулся в Аль-Куфу, причем теперь в качестве одного из помощников Ибн Аз-Зубейра. Ему удалось приобрести определенную известность, присоединившись к призыву об отмщении, поднятому партией Алидов. Призыв этот был направлен против всех, участвовавших в нападении на Аль-Хосейна. Но, попав под подозрение в вынашивании коварных замыслов, он по приказу наместника был схвачен и брошен в темницу.

Хариджиты восстают в Куфе, чтоб отомстить за гибель Хосейна, 64 г. хиджры.

Разразившаяся гражданская война на деле была восстанием персидских «мавали» против своих арабских поработителей, которому была придана религиозная окраска. Дело в том, что примерно в это самое время хариджиты из Аль-Куфы оказались охвачены диким фанатизмом, стремясь отомстить за гибель Аль-Хосейна. С самого дня трагедии при Кербеле эта группа более или менее твердо замышляла перебить всех, кто имел неосторожность присоединиться к врагам внука их Пророка. Теперь же это чувство дошло до крайности.

«Кающиеся».

В самом начале шестьдесят пятого года хиджры, большие группы «кающихся» («таувабин»), как они сами себя называли, пришли на могилу Аль-Хосейна в Кербеле. Там они собрались в «толпу, гораздо более многочисленную, чем толпы, собирающиеся вокруг Каабы», подняли жуткий крик. Они провели всю ночь в громких стенаниях, упрекая себя за то, что оставили сына Фатимы и Али в столь крайней опасности. Затем они решили двинуться на безбожных сирийцев.

Разбиты при Куркисии, iv 65 г. хиджры, ноябрь 684 г. от р. Х.

Столкнувшись под Куркисией с войсками халифа, фанатики бросились в бой с отчаянной решимостью, но были наголову разбиты. Их вожаки обрели там свою смерть, а уцелевшие хариджиты были отброшены назад в Аль-Куфу.¹

*Мухтар под видом эмиссара ханефитов завладевает Куфю,
iii 66 г. хиджры, октябрь 685 г. от р. Х.*

Аль-Мухтар из своего заточения послал разгромленным «кающимся» тошнотворный панегирик с выражением надежды на будущую победу. Обретя вновь свободу, он утвердился в качестве мнимого посланника Мухаммада Ибн Аль-Ханефии, притворяясь, что он послан для того, чтобы покарать всех врагов дома его отца. Посредством специально продуманных заявлений, подложных писем, и не без морального одобрения от самого Мухаммада, который находился тогда в Медине, Мухтару удалось взять верх над Ибрахимом Ибн Аль-Аштаром² и другими влиятельными людьми в Аль-Куфе. С их помощью он изгнал из Аль-Куфы поставленного Ибн Аз-Зубейром наместника, овладел всем городом, а затем сумел подчинить своей власти Аль-Ирак и даже некоторые части Персии и Аравии.

Мухтар шлет армию против Обейдаллы, 66 г. хиджры, 686 г. от р. Х.

Прежде всего, он решил разделаться со своим старым врагом, Обейдаллою, которому за предшествующий год удалось существенно подорвать власть Аз-Зубейра в Месопотамии, и теперь его войско угрожало Мосулу. С этой целью Аль-Мухтар отрядил Ибн Аль-Аштара со значительными силами; но едва его воины вышли за ворота Аль-Куфы, как горожане, многие из которых вовсе не симпатизировали движению Алидов, а наоборот, сами

Волнение в Куфе.

находились в числе «убийц» Аль-Хосейна, подняли мятеж против Аль-Мухтара. Ему пришлось спешно отзывать Ибн Аль-Аштара на защиту своей власти. На улицах Аль-

¹ Прекрасной иллюстрацией дикого фанатизма этих людей служит боевой клич, которым один из них подбадривал своих товарищей: «Кто желает жизни грядущей, в которой уже не бывает смерти, кто желает похода, после которого не бывает усталости, кто желает радости, после которой не бывает горя, пусть приблизится к Господу в этой битве и выдохнет свою душу прямо в рай!»

² Сын того самого Аль-Аштара, что сыграл столь выдающуюся роль на стороне Али в битве при Сиффине.

Куфы разгорелась жуткая свалка, племя дралось против другого племени, йеменцы против кейситов, одна группа против другой. Весь город содрогался от громогласных криков: «Долой убийц Аль-Хосейна!» — кричали одни. «Долой убийц Османа!» — отвечали им их противники. Наконец, после того, как полегло около восьми сотен человек, партия Аль-Мухтара одержала верх. Победители объявили амнистию, но она не распространялась на тех, кто принимал личное участие в борьбе с Аль-Хосейном.

Резня всех, причастных к нападению на Хосейна, конец 66 г. хиджры.

В их числе оказались — не считая Шамира, Омара и прочих ведущих лиц в разыгравшейся под Кербелой трагедии — двести восемьдесят четыре менее знатных жителя Аль-Куфы. Все они были безжалостно преданы смерти. Вот так Аль-Мухтар моментально достиг показной цели своей миссии, а также отомстил за свои обиды, обрушив на головы своих врагов страшные жестокости.¹ Головы Омара и его сына, зарезанных уже после того, как Аль-Мухтар объявил им о пощаде, были отосланы Мухаммаду Ибн Аль-Ханефии со следующим пояснением: «Я уничтожил всех людей, что оказались в моей власти, которые были причастны к нападению на Аль-Хосейна, твоего брата-мученика; а тех, кто еще остается, я, если будет на то воля Господа, тоже переберью». Лишь единицам удалось бежать в Аль-Басру.

Ибн Аль-Аштар громит Обейдаллу, тот погибает, i 67 г. хиджры, авг. 686 г. от р. Х.

Пока продолжалось это волнение и последующая резня, Обейдалла взял Мосул и продолжил наступление на Аль-Ирак. Аль-Мухтар, к тому времени избавившийся от врагов в своей собственной вотчине, поспешил вновь отправить армию под командой Ибн Аль-Аштара на бой со своим главным противником. Он сам намеревался сопроводить войско в дороге, где, с целью встряхнуть боевой дух жадных до крови воинов, разыгралась сцена, достойная этого беспринципного авантюриста. Группа его приспешников подошла к нему мула с выношенным сиденьем. «Сиденье Али! — воскликнул Аль-Мухтар, — **посланное небесами,**² оно направлено перебить тысячи за тысячами отступников; подобно ковчегу, что принес победу сынам Израиля!» «Нет!» — возразил набожный Ибн Аль-Аштар, в то время, как толпы арабов потрясали в воздухе оружием и кричали, окружая сиденье. «Называй его лучше золотым тельцом, что сбил израильтян с пути истинного». Этот неудавшийся трюк, задуманный Аль-Мухтаром, в итоге подорвал его репутацию в глазах всех мыслящих жителей Аль-Куфы. Между тем, Обейдалла, собравший все свои силы, двигался на куфинцев от Мосула, и им надлежало поспешить ему навстречу, прежде чем он займет весь Аль-Ирак.

Битва при Забе.

¹ «Некоторых забросали камнями, некоторых закололи, а некоторых расстреляли из луков, подобно тому, как был застрелен Аль-Хосейн». Одному из них Аль-Мухтар отрубил руки и ноги, и бросил несчастную жертву в таком виде умирать; другого, уже полумертвого, сожгли в костре. Массовый психоз овладел людьми до такой степени, что пренебрегались даже родственные узы. За тем человеком, что привез из Кербелы голову Аль-Хосейна, охотились вплоть до того момента, пока его собственная жена в каком-то фанатичном упоении не выдала беднягу. Он был тут же убит.

² Цитата из Корана, сура lxxvii 1. [Эта сура носит название «Аль-Мурсалат»: «посланные (небесами ветры)» прим. перев.].

Две противоборствующие армии сошлись лицом к лицу на берегах реки Заб в начале шестьдесят седьмого года хиджры. В стане сирийцев случилась измена. Воины из племени Бени Кейс не забыли о поле Мердж Рахита, и все левое крыло сирийского войска, состоящее из кейситов, внезапно перешло на сторону противника. Терпя вначале поражение на другом фланге, Ибн Аль-Аштар сумел выправить положение; и куфинцы с бешеной силой, подхлестывая себя яростным кличем: «Мечь тирану Обейдалле и убийцам Аль-Хосейна!», от которого у врага кровь стыла в жилах, обрушились на сирийскую армию. Те из сирийцев, кому удалось избежать смерти от меча, обрели ее в быстрых водах Заба.

Голова Обейдаллы отослана в Куфу.

Обейдалла и Хосейн Ибн Нумейр оказались в числе убитых. Голова Обейдаллы была доставлена Аль-Куфу и выставлена перед Аль-Мухтаром на том самом месте, где за шесть лет до этого он, будучи тогда наместником Аль-Куфы, столь небрежно принял в свои руки окровавленную главу внука Пророка.¹ Вот с какою быстротою трагедия Кербелы получила отмщение в крови ее главного виновника и практически всех, кто принимал в ней участие.

Размолвка Мухтара с Ибн Аз-Зубейром.

Эта победа Ибн Аль-Аштара пробудила надежды в сердцах арабов из племен группы Кейс; также она на время сделала Аль-Мухтар безоговорочным владыкою Месопотамии. Однако его удача была основана на зыбучем песке насквозь лживого мошенничества, и не могла улыбаться ему долго. Он пытался удержать на своей стороне благосклонность Ибн Аз-Зубейра; но Ибн Аз-Зубейр совершенно ему не верил. Чтобы проверить на деле преданность Мухтара, он призвал его к себе в Мекку. Тот, отказавшись, невольно проявил свое недружелюбие. Затем Аль-Мухтар послал отряд в поддержку Ибн Аль-Ханефии, чьей жизни Ибн Аз-Зубейр угрожал, пока тот не согласился ему подчиниться.² Кроме того, Мухтар отрядил войска в Медину под наигранным предлогом защитить город от возможного нападения сирийцев; но Ибн Аз-Зубейр, предугадав его амбициозные замыслы, послал свою армию навстречу куфинцам, которая разбила их наголову.

Мусааб побеждает Мухтара, 67 г. хиджры, 686 г. от р. Х.

Мусааб, брат Ибн Аз-Зубейра, все еще правил Аль-Басрой. К счастью для Абд Аль-Мелика, он полностью сосредоточился на делах своей провинции. Куфинцы, бежавшие в соседний город от тирании Аль-Мухтара, упрашивали Мусааба избавить их от лютого врага. Охотно согласившись, он отозвал из Фарса отчаянного Мухаллаба, где тот до сих пор сражался против хариджитов. С такой поддержкою, вскоре после битвы при Забе Мусааб смело выступил на Аль-Куфу. Он имел в своем распоряжении прекрасно

¹ О чувстве отвращения к Обейдалле красноречиво говорит предание, что из его головы выползла гадюка. Она продолжала проползать из его рта в нос, не останавливаясь.

² Впоследствии Ибн Аль-Ханефия выразил свою покорность Абд Аль-Мелику, и больше мы ничего о нем не слышим.

оснащенную армию. На пути ему повстречались войска Аль-Мухтара, которые были полностью разгромлены. Аль-Мухтар поднял на борьбу своих приверженцев в Аль-Куфе, и сам выступил во главе своей армии, которой пришлось встретиться с врагом непосредственно за городскими стенами. Воинов Мухтара отбросили назад, и ему пришлось укрываться в цитадели вместе с восемью тысячами своих единомышленников, по большей части персов. Они продержались там несколько месяцев, но жители города не испытывали к ним особых симпатий. Наконец, томимый голодом и жаждой, Аль-Мухтар призвал свой гарнизон на вылазку, чтобы одержать победу или пасть на поле битвы смертью героев.

Мухтар убит, ix 67 г. хиджры, март 687 г. от р. Х.

Самозванцу последовали лишь девятнадцать, разделившие его участь. Остальные сдались на милость победителя. Разгорелась дискуссия, не пощадить ли им жизнь, по крайней мере тем, в чьих жилах текла арабская кровь.¹ Но воины армии победителей были слишком ожесточены, а жители Аль-Куфы не испытывали никакого сострадания к пленным; так что Мусааб отдал приказ, и все семь или восемь тысяч человек были обезглавлены. Благодаря этому деянию, совершенному со сверхъестественной жестокостью, Мусааб приобрел весьма зловещую славу, а также благосклонность со стороны его брата Ибн Аз-Зубейра. Отсеченную руку самозванца приколотили гвоздями к стене мечети, где она провисела, пока ее не снял Аль-Хаджадж; а череда жестокостей была увенчана убийством одной из вдов Аль-Мухтара. Ее лишили жизни всего лишь за то, что она отказывалась говорить о своем муже что-либо, кроме хорошего.² Вот так закончился скоротечный триумф Аль-Мухтара, всего лишь спустя полтора года после того, как он захватил власть над городом. Дело, за которое он боролся — то есть, дело персов-«мавали» — на первый взгляд выглядело пропавшим, но тот огонь, который удалось погасить в крови в Аль-Куфе, где арабы представляли основную силу, разгорится с новой энергией спустя шестьдесят лет в Хорасане; и на этот раз повстанцы окажутся более удачливыми.

67-69 гг. хиджры, 687-688 гг. от р. Х. Мятеж хариджитов.

В последующие два года в отношениях, установившихся между разными провинциями, произошло мало изменений. Абд Аль-Мелик спокойно наблюдал, как Мусааб расправлялся с Аль-Мухтаром. Хариджиты держали весь Восток в постоянной тревоге. Они рыскали по всей стране, совершали жестокие налеты на беззащитное население,³ захватили Ар-Рей, долгие месяцы осаждали Исфahan, завладели Аль-Ахвазом и Керманом, и даже угрожали Аль-Куфе. Аль-Мухаллаб, единственный из военачальников, кто был в состоянии противодействовать этим озверевшим фанатикам, был неразумно снят с карательных операций и переведен наместником в Мосул. Теперь Мусаабу

¹ Очень поучительно, насколько выше в то время ценилась у мусульман жизнь арабов. Вполне хладнокровно предлагается освободить пленников-арабов, а остальных «клиентов» перерезать.

² В элегиях разных поэтов нашел отражение весь ужас этого зверства.

³ Эти религиозные фанатики, похоже, находили какое-то странное очарование в наиболее дикарских жестокостях, явно почитая их за, своего рода, служение Богу, в тех случаях, когда они совершались над людьми, определяемыми хариджитами как еретики. Они доходили до того, что вспарывали животы беременным женщинам.

пришлось вновь посылать его против хариджитских шаек. После восьми месяцев нескончаемых боев Аль-Мухаллабу удалось рассеять все банды фанатиков, пусть хотя бы на время.

Паломничество xii. 68 г. хиджры, июнь 688 г. от р. Х.

О том временном покое от жестоких проделок хариджитов, который ненадолго обрела империя ислама, говорит один интересный факт, получивший свое отражение в хрониках мусульманских преданий. Обычно торжествам в Мекке предводительствовал сам халиф, либо его заместитель. Но в шестьдесят восьмом году хиджры ежегодное паломничество без какого-либо ущерба для гармонии ислама возглавили сразу четверо, каждый со своими собственными приверженцами, а именно: Ибн Аз-Зубейр, Ибн Аль-Ханефия, лидер хариджитов Неджда, удерживавших в своей власти юг Аравии, и представитель Омейядов. И при этом никаких вспышек насилия не случилось.

Восстание Амра Ибн Саида, 70 г. хиджры, 639 г. от р. Х.

После того, как мятеж Аль-Мухтара и хариджитов был подавлен в пользу Абд Аль-Мелика, он какое-то время планировал ударить на Ибн Аз-Зубейра, и уже начал подготовку к кампании на севере Сирии, желая со временем очистить от своих врагов весь Аль-Ирак и всю Аравию. Однако случившийся сильный голод парализовал на время все его усилия. Наконец, летом шестьсот восемьдесят девятого года (69-70 гг. хиджры) он выступил против племени Кейс в Киркисия, но вынужден был отозвать свои войска из-за опасности, угрожавшей непосредственно его трону. Тут он совершил поступок, который оставил несмываемое пятно на его имени. При восхождении на трон Мервана было обусловлено, что следующим претендентом номер один должен оставаться молодой сын Язида. Арабы ожидали, что надлежащим соперником ему может стать сейчас или со временем Амр Ибн Саид, двоюродный брат халифа и правитель Дамаска. Но этим ожиданиям не суждено было сбыться из-за успеха Абд Аль-Мелика, а также из-за того, что Амр Ибн Саид повредился рассудком. Это произошло с ним в лагере халифа под Алеппо. Сойдя с ума, он тайком покинул лагерь, вернулся в Дамаск и объявил себя халифом. Абд Аль-Мелик тут же поспешил назад, где, после не слишком убедительных действий, предложил мятежникам амнистию. Борьба тут же прекратилась, и Амру было даровано прощение.

Предательски убит Абд Аль-Меликом.

Спустя несколько дней халиф, решившись лишить его жизни, позвал Амра к себе. Тот, вопреки совету своих друзей, решил пойти, надев на всякий случай кольчугу под платье. Его сопровождала большая свита, которой, впрочем, пришлось остаться за воротами дворца. Встретив Амра весьма дружелюбно, Абд Аль-Мелик предложил ему сесть с ним рядом. Последовала беседа на отвлеченную тему, после чего эмир заверил своего гостя, что хочет выполнить обет, данный им сразу же, как только он услышал о поднятом Амром восстании. А именно, что он должен связать его по рукам и ногам; но, свершив таким образом данную им клятву, после он сможет его освободить. Амр подчинился, однако, как только он был связан, халиф нанес ему сильный удар и, позвав своего брата Абд Аль-

Азиза, прикончил беспомощного конкурента. После этого Абд Аль-Мелик спокойно вышел к вечерней молитве. Вскоре, возвратившись в покои, он с удивлением обнаружил свою жертву живою. Попрекая своего брата в малодушии, дескать, что у того не хватило решимости сделать дело как следует, халиф самолично заколол Амра. Затем он в порыве своеобразной щедрости сбросил голову Амра толпе, стоявшей снаружи дворца. Спутникам Амра пришлось бежать; его сыновья и приверженцы, которым с трудом удалось сохранить свои жизни, были изгнаны прочь, и порядок был восстановлен. Халиф послал людей объявить вдове Амра свою амнистию. «В могиле, где уже лежит мой муж, — отвечала она, — он сможет привлечь тебя к ответу в присутствии своего Господа!» Во всех иных отношениях Абд Аль-Мелик не был жестоким или бессердечным человеком; но это деяние, будучи очевидным и безжалостным предательством, создало ему нехорошую славу повсюду и сработало в этот момент против него.¹

Халиф начинает кампанию против Мусааба, 71-72 г. хиджры, 691 г. от р. Х.

Чувствуя себя в Сирии абсолютно уверенно, Абд Аль-Мелик уже в третий раз вернулся к своим планам против Ибн Аз-Зубейра и Мусааба. В Аль-Басра сильная партия иракских арабов выступала в поддержку халифа; но попытка Абд Аль-Мелика посредством засланных к ним агентов поднять их на борьбу сорвалась, и пришлось самому халифу двинуться во главе своего войска в Месопотамию и Аль-Ирак. В это время византийцы, воспользовавшись

Война против Мусааба,

длительной междоусобицей в империи ислама, начали поднимать головы на сирийской границе; и Абд Аль-Мелику, чтобы развязать руки для своего предприятия, пришлось заключить с ними пакт о ненападении, по которому он обязался еженедельно выплачивать Византии по тысяче монет. Переступить границы Ирака Абд Аль-Мелику удалось только в семьдесят первом году хиджры. Широко посеяв семена недовольства в Аль-Куфе и Аль-Басре, посредством посланий, в которых местным арабам гарантировалось прощение наряду с обещаниями большого вознаграждения, он осадил Киркисию, где наместник Ибн Аз-Зубейра, недолго думая, принял предложенную ему амнистию и вместе с племенами группы Кейс присоединился к армии халифа. Мусааб, теперь уже не на шутку встревоженный, послал за помощью к Аль-Мухаллабу, но этот военачальник в тот момент оказался слишком занят хариджитами, которые уже было подошли к стенам самой Аль-Басры. Вот так, Мусаабу пришлось выступить к сирийской границе навстречу Абд Аль-Мелику с одним лишь Ибн Аль-Аштаром, который, несмотря на искушение обещанным ему халифом Аль-Ираком, оставался преданным Мусаабу. Впрочем, когда две армии сошлись лицом к лицу, стало очевидно, что подметные письма халифа все-таки возымели эффект, и в лагере Мусааба буйным цветом распустилась измена.

¹ Например, эти события встревожили Ибн Аль-Ханефию, и он предпочел воздержаться от поездки в Сирию. Халифа нам показывают как будто похваляющимся своим злодейством перед жителями Аль-Куфы: «Берегитесь, — заявил он, — ибо у меня с собою те узы, что я навязал на шею Амра Ибн Саида!» По некоторым источникам, восстание Амра произошло немного позже, в то время, когда халиф двинулся в Аль-Ирак против Мусааба; но общее описание его все то же самое: Амр настаивал на своей кандидатуре, и халиф, опасаясь за свою жизнь, решил, что кто-то из них двоих, или он, или Амр, должен умереть.

...который погибает в битве, iv or v 72 г. хиджры, сентябрь или октябрь 691 г. от р. Х.

Ибн Аль-Аштар, единственный из друзей, сохранивший верность Мусаабу, пал одним из первых; и его повелитель, лишившись армии, бросившей его, испил горькую чашу поражения. При виде гибели своего сына, поверженного наземь прямо у него на глазах, он отверг предложенную ему пощаду, и был убит одним из куфинцев, так и оставшись героем до последнего. Его голову, с предварительно отрезанным носом, Абд Аль-Мелик послал показать в Египет, а затем в Дамаск. Потом эту голову возили по городам Сирии, пока жена халифа, побуждаемая лучшими чувствами, не отмыла и не захоронила ее. Мусааб встретил смерть в возрасте тридцати шести лет. Он был красив лицом и выделялся храбростью; но память о нем омрачена его приказом перебить всех воинов Аль-Мухтара.

Халиф овладевает Куфою и Ираком.

После гибели Мусааба, армия куфинцев присягнула на верность Абд Аль-Мелику, как и племена арабов, жившие на границе с сирийской пустыней. Заняв Аль-Куфу, он располагался в ней лагерем в течение сорока дней. Там один из жителей устроил ему во дворце Хаварнак¹ богатый пир, открытый для всех желающих. Абд Аль-Мелик пришел в полный восторг. «Ах, если бы это могло тянуться вечно! — воскликнул он, — Увы, как пел один поэт (и он процитировал несколько строк), “все здесь преходяще”». Затем его провели по дворцу и рассказали о живших там в древности князьях Аль-Хиры. При этом Абд Аль-Мелик сочинил экспромтом одну строфу (ибо он и сам был поэтом),

Дворец Хаварнак.

в которой говорилось о том, что все в мире проходит, но лишь затем, чтобы повториться вновь.² Халиф был рад добиться преданности Аль-Мухаллаба, которого он сумел убедить в своем стремлении неуклонно преследовать хариджитов. Затем, решив некоторые кадровые проблемы, связанные с управлением Аль-Басры, и сделав несколько назначений в разных восточных провинциях, он возвратился в Дамаск.

Ибн Зубейр в Мекке.

Ибн Аз-Зубейр, хотя и отошел от активных дел, все еще продолжал претендовать на пост халифа. В прошлом фактический правитель большей части мусульманской империи, теперь в Мекке он пребывал подчеркнуто пассивным. Его основным занятием в Мекке оставалась перестройка Священного Дома, подвергшегося разрушению в шестьдесят четвертом году хиджры. Устранив верхние завалы, он наткнулся на остатки древних стен какого-то исмаилитского строения и решил увеличить двор в соответствии с ними.³ Как

¹ О дворце Хаварнак, смотрите «Жизнь Мухаммада», 1-е издание, том I, стр. clxxi.

² «Не досадуй на заботы, ибо ты и сам уйдешь,
Потому-то, человек, тем, чем можешь, наслаждайся!
То, что было, ты не встретишь и обратно не вернешь,
Если прошлое наступит, в будущем покайся!»

³ Предание цитирует слова Аиши о том, что Мухаммад говорил ей о своем желании восстановить Каабу в ее древних более пространных границах, но, поскольку народ лишь недавно отошел от идолопоклонства, он

гласит предание, когда Ибн Аз-Зубейр безрассудно решился нанести удар по основанию здания своей киркою, из священной скалы показалось пламя. Считается, что такой же священный страх обуял людей за шестьдесят лет до этого, когда, во дни юности Пророка, Кааба была разобрана и перестроена.¹ Если бы вместо того, чтобы сидеть пассивно дома, довольствуясь мелочными вопросами повседневной жизни Священного города, Ибн Аз-Зубейр двинулся на своих врагов во главе арабской армии, он мог бы обеспечить своей стране новую линию халифов. Но поражение его брата Мусааба свалилось на него как снег на голову, окончательно лишив сил бороться. Услышав об этом разгроме, он взошел на кафедру и обратился к жителям Мекки с речью, в которой обвинял арабов Аль-Ирака в предательстве, говоря, что сам готов умереть, защищая Каабу. Но никаких действенных шагов в ее защиту он не принял, вероятно, веря в естественную неприкосновенность этой святыни.

Если таковы были его действительные убеждения, то он глубоко заблуждался. Еще до того, как покинуть Аль-Куфу, Абд Аль-Мелик твердо решил положить конец притязаниям своего соперника. С этой целью он отрядил большую группу конных и пеших под командою Аль-Хаджаджа,

Нападение Хаджаджа на Мекку.

способного командира, которому надлежало войти в историю. Двинувшись из Аль-Куфы, Аль-Хаджадж достиг Ат-Таифа, лежащего в четырех днях пути к востоку от Мекки, в месяце шабана (январь 692 г. от р. Х.), не встретив по дороге какого-либо сопротивления. Оттуда он послал письма с предложением пощады Ибн Аз-Зубейру, в случае, если тот покорится. Но Ибн Аз-Зубейр отклонил это предложение. В долине Арафат произошло несколько стычек, в которых преимущество осталось за воинами Аль-Хаджаджа. Затем Аль-Хаджадж запросил у халифа разрешения осадить Мекку, а также подкреплений. Он получил и то, и другое. Люди еще помнили, какое потрясение испытал тот же самый Абд Аль-Мелик, когда, восемью годами ранее, Мекку штурмовали по приказу Язида, поэтому злые языки говорили, что халиф совершил явное отступление в своей религии. Но это обвинение вряд ли может быть справедливым по отношению к нему; ибо, пока Ибн Аз-Зубейр оставался для Абд Аль-Мелика соперником в борьбе за звание халифа, находясь в безопасности Мекки — магометанской святыни, империю мусульман нельзя было считать свободной от угрозы мятежа.

Осада города, xi 72 г. хиджры, апрель 692 г. от р. Х.

Уже близился месяц ежегодного паломничества, когда Аль-Хаджадж, усиленный подкреплениями из Медины, откуда только что был изгнан наместник Ибн Аз-Зубейра, обложил Мекку, расположив метательные орудия на окружающих город высотах. Предание заявляет, что небеса содрогнулись при первых же выстрелах из катапульта, прогремел гром, и дюжина воинов сирийской армии пала замертво, будучи поражена

опасался, что на людей такое действие может произвести обратное впечатление, пошатнув только что усвоенные священные доктрины. Позднее Аль-Хаджадж разобрал остатки храма и перестроил его, придав строению первоначальный вид.

¹ «Жизнь Мухаммада», стр.27 и далее.

ударами молний. Но на следующий день, когда гроза возобновилась, беспристрастные небеса послали гибель уже на головы жителей Мекки, и в этом инциденте Аль-Хаджадж увидел для себя счастливое предзнаменование. На несколько дней паломничества бомбардировка по настоянию сына Омара Абдаллы была прекращена. Благодаря этому удалось частично выполнить приличествующие празднику ежегодные торжества. Вскоре осада превратилась в жесткую блокаду всего города, и через несколько месяцев его жители, страдая от крайней нужды, начали большими группами перебежать к неприятелю. Даже двое из сыновей Ибн Аз-Зубейра, по его собственному совету, последовали их примеру. Однако третий сын предпочел остаться и разделить с отцом его участь. Осада тянулась уже седьмой месяц, когда Ибн Аз-Зубейр вконец упал духом. Он уже намеревался сдаться; но решил сперва посоветоваться со своею матерью, Асмою, дочерью Абу Бекра, которая уже достигла возраста ста лет. Между ними произошла весьма трогательная сцена. Не утратившая еще древнего духа истинно арабской матроны, Асма воодушевляла сына, коль скоро он убежден в своей правоте, сложить голову, как подобает настоящему герою. «Это то, — сказал он, склоняясь, чтобы поцеловать ее чело, — о чем я и сам думал; но я хотел подкрепить свое стремление твоим!» С этими словами, облачившись в свои доспехи, он схватил меч, ринулся в самую гущу сражения и пал в неравной борьбе.

Ибн Зубейр погибает в бою, vi 73 г. хиджры, октябрь 692 г. от р. Х.

Головы Ибн Аз-Зубейра и двух его вождей были выставлены на всеобщее обозрение в Медине, а затем отосланы в Дамаск. Аль-Хаджадж, рано проявив, таким образом, свой грубый и жестокий характер, повелел оставить тело претендента на трон халифа надетым на кол в предместье Святого города. Абд Аль-Мелик выбрал его за бесчеловечность и приказал отдать тело убитого престарелой Асме, чьими заботливыми руками оно и было омыто и предано земле.

Ибн Зубейр и его мать Асма.

Вот так закончилось правление Ибн Аз-Зубейра, человека благородного, но не обладавшего деятельным духом. В течение девяти лет он удерживал и титул, и власть, подобно настоящему халифу. Погиб он в возрасте семидесяти двух лет.

Мать его, Асма, была той самой женщиной, что во время хиджры, за семьдесят три года до этого, разорвала свой пояс на две половины, чтобы Пророк [или Абу Бекр — прим. перев.] смог одним куском завязать суму с деньгами, а другим привязать ее к упряжи верблюда. Это случилось во время бегства Мухаммада из пещеры в горе Саур. Так она стяжала себе место в истории ислама, под именем «Та, у которой обрывки».¹ Это одно из самых последних звеньев, связующих дни Пророка с тем временем, к которому мы теперь переходим. Какой же огромный мир, полный самых разных событий, прошел перед глазами этой женщины за время ее жизни!

Ибн Хазим остается верен Ибн Зубейру.

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. 140 (260) и далее.

Единственный из наместников Ибн Аз-Зубейра, кто оставался верным его памяти, оказался Ибн Хазим, сражавшийся с враждебными кланами в Хорасане. Абд Аль-Мелик пообещал оставить его правителем в Хорасане, если только тот присягнет ему на верность, но он с негодованием отверг такое предложение. «Я бы прикончил твоего посланника, — заявил Ибн Хазим, — кабы он не был из племени Кейс, одной крови со мною». Впрочем, он заставил гонца съесть послание халифа. В отместку Абд Аль-Мелик отправил ему голову Ибн Аз-Зубейра, чтобы у него не оставалось никаких иллюзий относительно того, что его ожидает. Ибн Хазим забальзамировал ценную для него реликвию и отослал семье погибшего. Вскоре после этого ему было суждено пасть в сражении от руки человека, чьего брата он ранее обрек на смерть, участвуя в межплеменных разборках.

ГЛАВА L

ОСТАТОК ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ АБД АЛЬ-МЕЛИКА. АЛЬ-ХАДЖАДЖ; АЛЬ-МУХАЛЛАБ; МЯТЕЖ АБД АР-РАХМАНА.

73-86 г. хиджры / 692-705 г. от р. Х.

Абд Аль-Мелик признан халифом повсюду, 73 г. хиджры, 692 г. от р. Х.

Со смертью Ибн Аз-Зубейра, который на протяжении тринадцати лет удерживал положение серьезного соперника, для любого, кому посчастливилось стать халифом, повсеместно была признана власть Омейядов. Она больше не оспаривалась нигде в царстве ислама, и Абд Аль-Мелика величали халифом на молитвах в каждой мечети с востока и до крайнего запада. При его правлении положение арабов как доминирующей нации достигло своей высшей точки. Да, они были правящей расой, чье абсолютное превосходство мусульмане всех остальных национальностей вынуждены были безоговорочно признавать. Абд Аль-Мелик наконец-то оказался в состоянии обратить свой меч на север, где мусульманам удалось одержать существенные победы над войсками византийцев в Малой Азии и также в Армении. Благодаря этому арабы смогли на время избавиться от чувства опасности со стороны своих северных соседей. Однако клановая распря между племенами Кейс и Келб не утихала. Из их междоусобицы зародилась новая вражда между христианским племенем Таглиб и родом Сулейм. В это соперничество оказалось втянуто и племя Фезара. Месопотамия оказалась ареной бесконечных актов кровной мести, причем эта междоусобная война велась с крайней жестокостью. Из Аль-Басры вражда между родами Рабиа и Азд с одной стороны, и племенами Темим и Кейс с другой, распространилась в колонию басрийцев в Хорасане. Но для Абд Аль-Мелика Хорасан оставался неким дальним уделом, мало его беспокоившим. Для него гораздо больше значило то, что в Сирии халифу удавалось удерживать от вражды племена Кейс и Келб. Ведь если для арабов вставал вопрос о родовой мести, все политические и религиозные связи немедленно обрывались, а слова принесенных клятв верности моментально улетали на ветер.

Правитель Аравии Хаджадж.

Ближе к концу правления этого халифа ведущей фигурой становится, без малейшего сомнения, Аль-Хаджадж, чья непомерная жестокость отметила его как наизлейшего из всех тиранов того периода. Некоторое время после захвата и разграбления Мекки он оставался наместником Аравии. Очистив подступы к Каабе от явно не почитаемых народом следов святотатственной осады, он восстановил святилище ислама в его прежних размерах, а затем отправился в Медину. Там он, совершенно не выбирая выражений, начал всячески поносить город, в котором был убит Осман, а некоторых из его жителей, известных своим недружелюбием по отношению к Омейядам, заклеил такими словами, которые раньше использовались лишь для расы отверженных.

Восстание азракитов в Ираке, 74 г. хиджры, 693 г. от р. Х.

На следующий год на персидской границе набралась наглости одна из ветвей хариджитов, которую арабы называли «азарика»,¹ причем угроза приобрела такой серьезный характер, что для подавления ее пришлось отзывать из Хорасана Аль-Мухаллаба. Для выполнения поставленной задачи ему было вверено многочисленное войско из Аль-Басры и Аль-Куфы. Однако, в связи с последовавшей вскоре смертью наместника Аль-Ирака, Бишра, совсем еще молодого брата халифа, воины из обоих городов начали покидать армию Аль-Мухаллаба, и, несмотря на его увещания, разбежаться по домам. Халиф убедился, что ничто не сможет удержать в узде распущенных мужчин Аль-Ирака, кроме действительно сильной руки. Поэтому, к радости Аль-Мухаллаба, новым наместником был утвержден Аль-Хаджадж.

Хаджадж назначен в Ирак, 75 г. хиджры, 695 г. от р. Х.

Он немедленно отправился из Медины с небольшим конным эскортом. Всадники форсированным аллюром пересекли пустыню и появились в Аль-Куфе на рассвете, никем не узнанными. Войдя в мечеть вместе с остальными мужчинами, собиравшимися на молитву, он воссел на кафедре, скрыв лицо в складках своего красного тюрбана. «К молитве, к молитве!» — громко крикнул он, а затем вновь сел, оставаясь с все таким же замотанным лицом. Некоторые из правоверных, приняв пришельца за какого-нибудь авантюриста хариджита, взялись за камни, чтобы прогнать его. Но камни выскользнули из их ладоней, когда они в ужасе распознали жестокие черты Аль-Хаджаджа, внезапно открывшего свое лицо. В дышащих угрозами и бешеной яростью словах он выбранил город за его измену «Берегитесь, — говорил он, — ибо я воистину вижу многие из смотрящих на меня голов уже окровавленными!» Затем он приказал зачитать рескрипт халифа. Обращение начиналось с обычного пожелания «мира», но ответом ему было молчание. «Стой! — сказал разгневанный Аль-Хаджадж читавшему, — Что, уже дошло до того, что вы не отвечаете на приветствие халифа?! Скоро я научу вас, как надо себя вести!» Перепуганное сборище тут же поспешило выразить свою преданность повелителю правоверных: «Мир и благословение да пребывают с халифом!» Когда чтение послания подошло к концу, Аль-Хаджадж заключил с угрозой: «Если вы не перемените своего поведения к лучшему, то очень скоро среди вас окажется в избытке вдов и сирот. Кто из мужчин в течение трех дней не успеет вступить в армию Аль-Мухаллаба, клянусь, каждого, кого найду оставшимся в городе, я прикончу».

Строгость его правления.

Дело его не расходилось со словами. Горожане день и ночь спешили по мосту за реку. Те, что не были достаточно расторопны и не успели выступить в им отведенный срок, были преданы смерти совершенно диким способом. Среди них оказался даже один совсем старый житель Аль-Куфы.² В Аль-Басре повторилась та же самая сцена, но там она была

¹ Названы так по имени своего вожака, Аль-Азрака, пользовавшегося известностью пятнадцать-двадцать лет до этого.

² Омейр Ибн Даби. Отчасти он пострадал за то, что его отец сыграл определенную роль в убийстве Османа.

разыграна еще с большей жестокостью. Всем арабам стало ясно, что наступает царство настоящего террора.¹

Хаджадж в опасности.

С целью воодушевить Аль-Мухаллаба в его изнурительной кампании, Аль-Хаджадж с отрядом из Аль-Басры расположился поодаль от его лагеря. Но здесь его войско взбунтовалось, требуя поднять размер вознаграждения и сделать его таким же, что было при Мусаабе. Какое-то время Аль-Хаджадж, отказавший своим воякам, находился чуть ли не в одиночестве, серьезно рискуя собственной жизнью. В конце концов, порядок был восстановлен, и недовольным бунтарям была обещана амнистия. Лишь немногие из них платились жизнью, но среди них оказался сын Анаса, некогда прислуживавшего самому Пророку, а ныне доживавшего свои дни в Аль-Басре.

Жестокое обращение с Анасом, слугою Пророка.

Не удовлетворившись казнью его сына, Аль-Хаджадж конфисковал у отца все его имущество, а на все увещания старика ответил грубой бранью. Оскорбленный таким отношением, Анас пожаловался халифу, который отчитал своего заместителя в таких унижительных выражениях, как разве одни лишь арабы и умеют. Он приказал Хаджаджу под угрозой быть выпоротым забрать свои слова обратно, и впредь обращаться с Анасом с уважением, какого, безусловно, должен заслуживать тот, кто некогда лично прислуживал Пророку. Аль-Хаджадж, сильно смутившись, постарался загладить свою вину, сделав все, что было в его силах. Анас принял его извинения, но произнес при этом слова, задевшие деспота гораздо сильнее, чем выговор, полученный от халифа: «Если бы назарянин, при всем его язычестве, повстречался с человеком, который послужил Сыну Марии хотя бы один день, истинно, он оказал бы ему ту честь, которую ты не оказал мне — тому, кто служил Пророку Господа полных десять лет». Эта запись является последней связью, что соединяет страницы предания с личностью Пророка.²

Несмотря на то, что Аль-Хаджадж сумел выйти невредимым из всех этих опасностей, его правление в течение последующих двух-трех лет оказывалось не раз под серьезной угрозой, которая исходила от разных мастей хариджитов.

Восстание хариджитов. Шебиб. 76-77 г. хиджры, 695-697 г. от р. Х.

Немало арабов испытывали неудовлетворение своим правительством, которое, по их понятиям, попирало основы ислама. Им хотелось бы вернуться к славным дням Омара, когда властителя правоверных выбирали (часть арабов считала, что выбирать халифа следовало по-прежнему из числа корейшитов, а другие — что допустимо

¹ Ибн Аль-Асир отмечает растущее варварство публичных казней. «При первых халифах с головы приговоренного просто снимали тюрбан, чтобы обнажить ее. Затем ему срубали голову кривым арабским мечом. Мусааб заставлял сбривать у жертв волосы и бороды, и жертвы выставлялись в таком виде народу на осмеяние. Лишь вслед затем их обезглавливали. Теперь же осужденного крепко привязывали, а зачастую и подвешивали на противовесах к стене, и, заставляя страдать от раздрающих руки гвоздей или крючьев, сносили ему голову».

² «Жизнь Мухаммада», стр. 202, 526.

представительство любого племени). Эти люди были убеждены, что решать судьбу халифата должны все мусульмане, выбирая халифа простым большинством голосов. Хариджиты, напротив, отрицали необходимость какого бы то ни было повелителя: их лозунгом, как и в прежние времена, служило: «никакого властелина, кроме Господа единого!» Но абсолютно все арабы были возмущены тиранией Аль-Хаджаджа, и тем молчаливым моральным одобрением, которое оказывал ему халиф. Причем хариджиты представляли собою наибольшую опасность. Они вовсе не задумывались об интересах мирской жизни. Руководствуясь во всем лишь диким религиозным фанатизмом, все вопросы религиозной борьбы они воспринимали как дело своей совести и с одинаковым отчаянием бросались в свалку, не собираясь просчитывать свои шансы на успех. В большинстве своем они принадлежали к одному и тому же племени: гордому Бени Шейбан из группы Бекр, которое переселилось со своих исконных земель вдоль правого берега Евфрата на новые пастбища в северной части Месопотамии. Их вожак, Шебиб Ибн Язид, умудрялся с несколькими сотнями храбрецов обращать в бегство тысячи карателей, отряжаемых Аль-Хаджажем. Своими быстрыми контрмаршами он вводил противника в заблуждение, и, обрушиваясь на него с отчаянной храбростью, вновь и вновь громил отряды, которые правительство с завидным постоянством высылало против него в течение двух лет. Несколько раз ходил он на приступ самой Аль-Куфы, причем, однажды стены ее не защитили, и ему удалось ворваться в город, где он наделал порядочно шума. Хариджиты бросились напрямик к мечети и перебили там множество куфинцев, собравшихся на служение. Всячески ругая в своих посланиях халифу жителей Аль-Куфы за их трусость и вероломство, Аль-Хаджадж добился того, что повелитель правоверных послал ему значительное подкрепление, состоявшее из проверенных сирийских бойцов.

Хариджиты рассеяны.

Вот с помощью этих-то профессионалов своего дела Хаджаджу в конце концов удалось рассеять банду Шебиба. Сам главарь хариджитов утонул в конце семьдесят седьмого года хиджры (весною 697 г. от р. Х.) под Аль-Ахвазом, когда его конь споткнулся при переправе через реку по мосту из лодок.¹

Земельный налог.

Во время правления Аль-Хаджаджа доходы от земельного налога, хараджа, начали снижаться. Дело было в том, что крестьяне стали перебираться в города. Наместник пошел на драконовские меры, запретив им переселяться, а тех, кто уже переехал, заставлял возвращаться назад в их селения. Доходило до того, что названиями их земельных наделов стали клеймить руки крестьян. Эти жестокости лишь порождали повсюду недовольство, которое достигло своего апогея, вылившись в восстание Ибн Аль-

¹ Существует рассказ о том, что его тело было доставлено Аль-Хаджаджу, который приказал вынуть из него сердце. Оно на ощупь было твердым как камень, а, упав на пол, подскочило вверх. Внутри сердца оказался отвердевший сгусток крови, подобно тому, из которого, как гласит Коран, появился на свет человек. Сура ххii. 5; хсvi. Ибн Халикан, i. 617. Матерью Шебиба была пленная гречанка.

Ашаса. При новом халифе, Омаре II, власти вынуждены были использовать уже иную политику.

Кампания Мухаллаба против азракитов, 76-78 г. хиджры 695-697 г. от р. Х.

Аль-Мухаллаб все еще был занят в Персии разборками с сектою Азраки. Когда он выжал противника из Фарса, они отошли к Керману, где еще полтора года им удавалось ускользать от прямого столкновения с войсками халифа. Их восстания, принявшие хронический характер, могли бы продолжаться вечно, если бы среди них самих не возникли распри. Разбившись на мелкие шайки, эта секта сама позволила карательным войскам успешно добить ее по кусочкам. Вот так было покончено с этими азракитами, практически два десятилетия державшими весь Аль-Ирак и Персию в постоянном страхе перед мятежами и налетами. В знак признания успеха Аль-Мухаллаба, Аль-Хаджадж принял своего военачальника в Аль-Басре с великой честью, пожаловав его саном правителя сперва Хорасана, а потом и Сиджистана, попавшего под юрисдикцию иракского эмира в семьдесят третьем году хиджры. Выйдя из Мерва, Аль-Мухаллаб переправился через Окс (Амударью), где вместе со своими сыновьями в течение двух лет вел затяжную войну против тюркских государств. Несмотря на то, что на этом направлении племенам тюрков удавалось оказывать арабам упорное сопротивление, кампания шла с переменным успехом, и часть их земель со временем все-таки попала в зависимость от мусульманского государства.

Его смерть, 82 г. хиджры, 701-702 г. от р. Х.

Аль-Мухаллаб умер на восемьдесят втором году хиджры, но сыновья смогли заменить своего отца во главе войска. Его заслуги перед исламом бесспорно велики; он вел долгую и упорную борьбу с хариджитами; помимо того, отметим, что этому человеку удалось войти в столь непростую историю арабского халифата с исключительно чистым и незапятнанным именем.

Ибн Аль-Ашас восстает против Хаджаджа, 80 г. хиджры, 699 г. от р. Х.

Аль-Хаджаджа однако же подстерегала еще одна опасность: владыка сильной державы, лежавшей за Сиджистаном, по имени Зунбиль, подвергшись нападению, загнал исламскую армию в труднопроходимые ущелья Афганистана, откуда мусульманам удалось выбраться живыми, только согласившись выплатить выкуп на унижительных условиях. Чтобы отплатить за нанесенное оскорбление, арабы сформировали новую армию, прозванную «павлиньим войском», с таким шиком были снаряжены ее воины за счет тяжелых налоговых обложений жителей Аль-Басры и Аль-Куфы. Командование было неразумно отдано в руки амбициозного внука Аль-Ашаса, который выступил против Зунбиля в восьмидесятом году хиджры, обратил его в бегство и покорил его страну. Памятуя, как бы то ни было, о недавнем провале его предшественников, Ибн Аль-Ашас (ибо именно так его обычно называли) решил дать своим воинам передышку и, прежде всего, обустроить захваченные земли. Однако Аль-Хаджадж, выбравив его за малодушие и нерешительность, в категоричных выражениях потребовал продолжать войну. В ответ на сетования, он стал угрожать Ибн Аль-Ашасу отстранением от командования. Армия,

будучи единодушно на стороне своего командира, с негодованием отвергла угрозы «Врага (как они его прозвали) Бога и человека». Объявив войну одновременно Аль-Хаджаджу и самому халифу, воины присягнули Ибн Аль-Ашасу, и тот, заключив выгодный для себя договор с Зунбилем, немедленно выступил на Аль-Ирак. Встревоженный этими событиями, халиф тут же послал подкрепления Аль-Хаджаджу, который выдвинул их ближе к границе. Но Ибн аль-Ашас разбил эти войска под Тостаром, перешел через Тигр и устремился к Аль-Басре.

Захватывает Басру, 81 г. хиджры, январь 701 г. от р. Х.

Мятежники, вступив в город, были приняты с распростертыми объятиями.¹ Аль-Хаджадж, чтобы избежать разгрома, отступил с небольшой группой, состоявшей из корейшитов и представителей племени Сакиф. Он дождался, пока его подкрепления из Сирии, под командою вождя келбита, не нанесли поражение противнику. Тот отошел в направлении Аль-Куфы, чьи жители уже успели отказаться от присяги халифу, будучи подстрекаемы неким вождем из Бени Темим.

Крушение надежд Ибн Аль-Ашаса, 82 г. хиджры, март, 701 г. от р. Х.,

Аль-Басра оказалась полностью во власти Аль-Хаджаджа, и он не замедлил перейти к первым «пробным» экзекуциям, предательски (как гласит предание) убив одиннадцать тысяч жителей города, которым сначала гарантировал пощаду. Толпы недовольных его режимом горожан устремились в лагерь Ибн Аль-Ашаса, и тот, собрав до ста тысяч человек под свои знамена, получил еще один шанс помериться силами с Аль-Хаджаджем. Войска сошлись на полпути между двумя городами. Теперь уже не на шутку встревожился сам халиф. Он предложил мятежникам удовлетворить ряд их требований. Переговоры было поручено вести лично сыну и брату халифа, заявившим, что Аль-Хаджадж будет смещен, пенсии арабов Ирака будут приравнены к сирийским, а для Ибн Аль-Ашаса найдут достойный пост. Аль-Хаджадж пытался возражать халифу, напомнив о печальной судьбе Османа, но тот проявил твердость. Ибн Аль-Ашас уже было приготовился согласиться со всеми условиями; но тут заупрямилась собранная им армия, мятежники подняли идею с предложением уступок на смех, и их главарь отважился на проведение решающего сражения.

...он разбит, vi 82 г. Хиджры.

¹ Причина такого неожиданно теплого приема, оказанного самозванцу, весьма примечательна, она проливает свет на истинную природу такой показательной для Аль-Ирака быстроты распространения ислама. Аль-Хаджадж обнаружил, что земледельцы из числа иудеев и христиан, желая избежать обложения джизьей или подушным налогом, начали массово переходить в ислам и переселяться в города. В итоге этот источник государственных доходов стал резко иссякать. Беспринципный эмир Ирака приказал своим градоправителям отсылать всех новообращенных из иудаизма и христианства обратно по их домам и наделам, и взимать с них налоги, как и прежде. Естественно, среди этих бывших селян развилось большое недовольство, они поднимали повсюду вопль, стеновая: «О, Мухаммад! О, Мухаммад!» Они не представляли, куда им теперь податься и что делать. Население городов было глубоко тронато их плачем. В особенности задеты оказались набожные «чтецы Корана», и, как гласят предания, именно эта история и послужила одной из главных причин, почему мятеж в Аль-Басре против Аль-Хаджаджа и халифской власти разгорелся с такой быстротой.

Несколько месяцев прошло в небольших стычках и поединках, в которых участвовали лишь единицы. Наконец, в середине восьмидесят второго года хиджры, состоялась большая битва, решившая исход дела. Главный заводица из группы чтецов Корана, являвшийся основным вдохновителем армии мятежников, был убит в самом начале схватки, его сотоварищи в смятении разбежались, и все войско союзников Ибн Аль-Ашаса, утратив боевой пыл, оказалось полностью разбито. Сам Ибн Аль-Ашас со своим отрядом быстро отступил в Аль-Басру, где к нему присоединилось множество последователей, которые, несмотря на предложенную им правительством амнистию, поклялись сражаться под знаменем самозванца насмерть. Преследуемый по пятам Аль-Хаджаджем, мятежник вновь потерпел тяжкое поражение: теперь уже на персидской границе, но сумел бежать. Ему удалось укрыться в Кермане.

Его смерть, 85 г. хиджры.

В конце концов, Ибн Аль-Ашас нашел пристанище у Зунбиля; но год или два спустя этот восточный царь послал Аль-Хаджаджу его голову. Считается, что он умер своей смертью, или же покончил жизнь самоубийством.

Язид, сын Мухаллаба, 83 г. хиджры,

При отступлении Ибн Аль-Ашаса за ним на Восток ушло около шестидесяти тысяч человек, бывших в составе его разбитого войска. То ли они слишком возненавидели Аль-Хаджаджа, то ли слишком увлеклись своей бунтарской затеей, но от амнистии эти люди отказались. Когда им не удалось уговорить Ибн Аль-Ашаса покинуть своего восточного друга-покровителя и вновь поднять знамя восстания, они решили попытать счастья без него. Во главе с новым лидером, Абд Ар-Рахманом Ибн Аль-Аббасом Аль-Хашими, они захватили Герат. Язид, сын Аль-Мухаллаба, наместник Мерва, приказал им выметаться оттуда и идти, куда пожелают. Мятежники отвергли его предложение, решив сражаться с оружием в руках, но потерпели поражение и были рассеяны. Многие были захвачены на поле боя, и наиболее важных пленников отослали Аль-Хаджаджу в Васит, состоявшему тогда всего лишь из нескольких строений. Жестокий эмир, не изменяя своему обыкновению, потешил свое отвердевшее сердце, пролив кровь пленников безжалостной рукою. Огорчило его лишь то, что несколько знатных пленников было пощажено по приказу Язида. Иракского садиста раздражало, что, как он подозревал, наместник Мерва пожалел тех, кто был йеменской крови, в то время как сам Аль-Хаджадж происходил из рода Кейс;

...заменен Котейбой.

и этот случай, как утверждается, послужил причиной того, что спустя короткое время Язид и его братья были смещены и заменены небезызвестным Котейбою.

Это восстание Ибн Аль-Ашаса по сути являлось выражением недовольства арабов Аль-Ирака их сирийскими властителями, а также служило своеобразным отголоском древней вражды между царьками из рода Гассан с их соперниками из Аль-Хиры. Сам Ибн Аль-Ашас был киндитом, представителем древнего царского рода Кинда, и воспринимал Аль-

Хаджаджа как плебея. Он располагал поддержкою арабских племен Хамдан, Темим, Бекр и некоторых других, также державших его сторону в конфликте. Сыграло свою роль и негодование иракцев занижением их пенсий, они требовали уравнивать их в этом отношении с арабами Сирии.

Основание Васита, 83г. хиджры, 702 г. от р. Х.

В том году мусульманами было основано военное поселение Васит, названное так потому, что находилось на полпути («васит» по-арабски) сразу и между Аль-Куфою и Аль-Басрой, и между Аль-Медайном и Аль-Ахвазом. Главной целью его создания послужила, безусловно, необходимость иметь отдельный военный лагерь, который позволял бы удерживать в повиновении беспокойных жителей этих городов. Как бы то ни было, официальным поводом, по заявлению Аль-Хаджаджа, было стремление удержать от распущенности сирийских солдат, расквартированных в Ираке. Удобно расположенный в хорошо орошаемой долине между Тигром и Евфратом, Васит превратился в главный военный центр магометанской империи, причем он оставался таковым на всем протяжении истории халифата. Однако из-за этой его специфики у воинов из сирийского контингента создавалось впечатление, что они оккупируют эти земли, и оно сильно поспособствовало еще большему углублению и без того серьезного разрыва между ними и местными арабами.

Вражда с Византией, 73-84 г. хиджры, 692-703 г. от р. Х.

Пока на востоке халифата разворачивались эти события, на западе у Абд Аль-Мелика после падения Ибн Аз-Зубейра оказались развязаны руки для разрыва унижительного для мусульман соглашения, заключенного с византийским императором. Начиная с семьдесят третьего года хиджры, военачальники халифа, некоторыми из которых являлись его собственные сыновья, с всенепременной смелостью, хотя и не всегда успешно, каждую весну отправлялись в походы в Малую Азию, Армению и на побережье Африки. До семьдесят шестого года хиджры отношения между дворами двух великих властителей оставались более-менее дружескими, но затем один случай разорвал мир, сохранявшийся на протяжении последних пятнадцати лет. Греки вывозили из Египта для себя папирус, а взамен поставляли арабам динары [т.е., ввозили свои монеты для обращения в халифате — прим. перев.]. До Абд Аль-Мелика на папирусе делались отметки с крестом и христианскими изречениями, но отныне в качестве водяных знаков стали использоваться слова из Корана: «Скажи, Он — Бог единый». Император пригрозил, что в случае повторения такого оскорбления, он прикажет выбивать на монетах такие слова о Мухаммаде, которые его последователям будет не очень приятно видеть. До этого момента арабы пользовались золотыми и медными византийскими монетами, а серебряные монеты позаимствовали у Сасанидов, добавляя по краю три буквы: «б», «с» и «м»: «Во имя (Божие)». Муавия, правда, учредил собственную монетную систему, но его деньги народом не признавались, поскольку на них не было креста. Из-за этого их пришлось изъять из обращения.

Монетный двор Дамаска.

Теперь же Абд Аль-Мелик решил создать деньги чисто мусульманской чеканки: золото, серебро и медь. Имена монет он сохранил византийские: динар («денариус аурэус»), дирхем («драхма») и фалс («фоллис»). Динар был размером примерно с полсоверена, дирхем получился меньше шестипенсовика; но названия означали просто монеты из золота и серебра, независимо от их действительного веса. Помимо оттиска монетного двора и даты на монетах выбивались изречения из Корана. Как правило, они были общего содержания: «Нет бога кроме Бога; нет у Него сотоварища», «Бог — един, Бог вечный; не родил и не был рожден», «Мухаммад — посланник Бога, послан с ведением и религией истины, чтобы сделать ее превыше всех других религий».¹ Вот так были грубо разорваны установившиеся ранее дружеские связи между двумя монетными дворами, и вскоре разгорелась война. Она шла с переменным успехом. В семьдесят девятом году хиджры, грекам удалось на какое-то время завладеть Антиохией; также мусульманам пришлось претерпеть ряд жестоких поражений при императоре Юстиниане. С другой стороны, они заняли немало крепостей в Малой Азии, а на севере их войска добрались даже до Эрзерума. Жители приграничных районов в Сирии и Армении тяжело страдали от этих хронических военных действий. В восемьдесят четвертом году хиджры было предано огню такое множество христианских церквей, что тот год вошел в летописи как «огненное лето».

Арабский — официальный язык.

Другим важным нововведением стало использование арабского языка во всех правительственных делах и отчетах: вместо греческого, который издавна служил для этих целей арабам в Сирии, или персидского, служившего им в Аль-Ираке. Эта инновация была осуществлена по предложению персидского муллы из Сиджистана, Салиха Ибд Ар-Рахмана.

Неудачи в Африке, 62-69 гг. хиджры, 681-688 гг. от р. Х.

С еще большей энергией, хотя и с меньшим расположением фортуны, действовали отряды мусульман в Африке. Окба гнал своих воинов из Кайруана к побережью Атлантического

¹ Вайль, движимый интересом к поискам мусульманских монет, ходивших в обращении до правления Абд Аль-Мелика, повествует об этой истории по-другому, не так, как арабские источники. «Нет никаких сомнений в том, что в старинных персидских монетных дворах мы находим серебряные монеты, вычеканенные арабами при Омаре. На них выбиты короткие надписи: «Слава Господу» и т.п. Этот выпуск монет продолжался, как можно определить, практически все время правления Муавии, который начал чеканить золотые монеты с изображением меча. Возможно также, что отдельные наместники выпускали свои собственные деньги до Абд Аль-Мелика. Но, невзирая на это, и греческие монеты, и старые персидские деньги ходили в обращении по всей империи ислама вплоть до его воцарения. Как нам ясно свидетельствуют арабские летописцы, до этого халифа мусульманская валюта не имела к себе доверия, ни по весу монет, ни по форме. Монетный двор Аль-Хаджаджа признавался за самый лучший даже халифами из рода Аббасидов; однако набожные люди возражали против его использования, поскольку символом для него служил стих из Корана. Как мы понимаем, они опасались, что монеты со стихом могут попасть в руки неверного или же мусульманина, нечистого в ритуальном отношении. Из-за малейшего дефекта вроде отпечатка волоска, каждый из сотни работников, занятых на монетном дворе при Абд Аль-Мелике, получал по сто плетей; иными словами, за каждый волосок раздавалось по десять тысяч ударов плетью». У Ибн Аль-Асира глава, посвященная этому предмету, содержит некоторые любопытные детали о начатой халифом чеканке монет: том iv, стр. 337.

океана.¹ В Танжере он услышал от графа Хулиана о том, какое искушение таят в себе земли, лежащие по другую сторону пролива. Однако время для попытки высадиться на испанский берег еще не пришло. С берберами арабы обращались как с людьми низшей расы. Кусейла, вождь одного из североафриканских племен, недавно принявший ислам, был крайне оскорблен, когда ему дали какую-то лакейскую должность.

Неудачи в Африке.

Прихватив с собою своих соотечественников и присоединившись к войску греков, этот мятежник с ошеломительной быстротою напал на Окбу. Мусульманский военачальник был убит, а все его войско разгромлено в месте, именуемом Тахуза, к юго-востоку от Бискры, что в Алжире. Там до сих пор можно лицезреть мечеть, в которой сохранилась гробница Окбы. Вслед за тем Кусейла занял Кайруан, где и расположился. Там он заключил соглашение с семьями мусульман (отныне его собратьев по вере), в котором обязался уважать их права. Большинство арабов бежало назад в Египет, и до шестьдесят девятого года хиджры никаких попыток дальнейшего продвижения на Запад не предпринималось. С наступлением этого года Абд Аль-Мелик послал армию под командою Зухейра, одного из испытанных бойцов Окбы, и тому в большом сражении удалось разбить и греков, и берберов. Кусейла пал в бою. Однако его воины, получив морем поддержку из Сицилии, вновь предприняли удачный налет, застали Зухейра врасплох и расколошматили все его войско на мелкие кусочки.

Завоевания в Западной Африке, 74 г. хиджры, 693 г. от р. Х.

Эти повторяющиеся неудачи воспринимались в Дамаске с очевидным неудовольствием; но прошло несколько лет, прежде чем были предприняты шаги по восстановлению престижа мусульманских армий. Наконец, в семьдесят четвертом году хиджры войско, «более многочисленное, чем какое-либо, вторгавшееся до того в пределы африканских стран», двинулось в поход под командою Хассана Ибн Ан-Номана Аль-Гассани. От Кайруана арабы прошли до Карфагена, где обратили в бегство собравшихся на его защиту греков и берберов, чья армия также насчитывала не одну тысячу воинов. Затем мусульмане взяли город приступом: причем лучшим выходом для населения оставалось бросать все и бежать морем в Сицилию и Испанию. Арабам достались огромные трофеи, и пленным не было числа. Завоеватели разрушили в Карфагене множество римских строений, разорили всю страну и возвратились в Кайруан. Однако счастливая звезда еще не полностью взошла над их приключениями в Африке. Некая «священница» (Кахина), обретшая славу чародейки, смогла заменить Кусейлу во главе местных племен. Ей удалось вдохновить берберов на возобновление борьбы. Хассану было нанесено чувствительное поражение, его войско оказалось отброшено к Барке, где и оставалось в течение последующих пяти лет в полном бездействии.² Лишь затем, получив подкрепление от халифа, он сумел одолеть «священницу», которая была убита в сражении. В итоге ее сыновья с двенадцатью тысячами воинов перешли на сторону мусульман, и тем вновь удалось захватить Кайруан. С этого момента ислам стал быстро

¹ Эта экспедиция оказалась, скорее всего, преждевременной.

² Он укрепил этот город, и благодаря этому «замки Хассана, — как пишет Ибн Аль-Асир, — до сих пор носят его имя».

распространяться на завоеванных территориях. Хассан оставался за главного в Северной Африке до восьмидесяти девятого года, когда его сменил Муса. Об этом воителе рассказ пойдет впереди.

Карьера Мусы Ибн Хазима в Хорасане.

Наступление власти ислама при Абд Аль-Мелике дальше на восток и за Амударью было на время приостановлено и даже парализовано из-за продолжительных распрей и недовольства среди мусульманских солдат, ведших кампании в этих землях. История Мусы, сына Ибн Хазима, характерна как для их настроений, так и для тех отношений, что складывались у двора властителя правоверных со вновь образующимися независимыми или частично зависимыми государствами за границами провинций халифата. Ибн Хазим, как нам следует помнить, умертвил многих представителей Бени Темим, в результате чего был оставлен своими последователями. Возвратившись в Нисабур, он послал своего сына Мусу спасти его имущество в Мерве и спрятать его в какой-нибудь крепости за Оксом (Амударьей). Мусе удалось это сделать при помощи небольшого отряда в одну или две сотни всадников. Князь Бухары и прочие вожди, к которым он обращался за помощью, отказались иметь с ним дело. Но Тархун, владыка Самарканда, согласился с ним подружиться. Правда, когда один из людей Мусы убил тюрка, самаркандского жителя, ему пришлось бежать в Термез. Там, найдя радушный прием у местного вождя, он воспользовался каким-то праздником, чтобы захватить его крепость. Обосновавшись в Термезе, Муса собрал вокруг себя арабов-кейситов, прежде служивших под началом у его отца. Помимо них, к нему начали стекаться уцелевшие воины из армии Ибн Аль-Ашаса, которых набралось тысяч восемь. С их помощью Муса разбил не только тюрков, но и отряды мусульман, посланные из Мерва, чтобы сместить его. После таких успехов сподвижники Мусы уговаривали его пересечь реку и завладеть Хорасаном. Но он был вполне доволен землями, лежавшими к северу от Окса, и тем, что сумел прогнать оттуда всех представителей власти, посланных из Мерва. Аль-Мухаллаб, а после него и его сыновья, посчитали за лучшее оставить Мусу в покое. Таким образом, ему удавалось в течение пятнадцати лет оставаться беспорным хозяином на великом пути с Запада на Восток.

Разбит и убит, 85 г. хиджры, 704 г. от р. Х.

В конце концов, один из сыновей Аль-Мухаллаба, думая о том, как бы угодить Аль-Хаджаджу, послал против Мусы армию, к которой присоединилось пятнадцать тысяч тюрков Тархуна. После долгой осады Муса потерпел от этих объединенных сил поражение и был убит. Это произошло в восьмидесяти пятом году хиджры. Но родовые пристрастия неисправимого Аль-Хаджаджа были настолько сильны (а он, как мы помним, был крайне раздражен на Язида лишь за то, что тот пощадил некоторых из приверженцев Ибн Аль-Ашаса якобы из-за их йеменской крови), что известие о смерти Мусы его мало порадовало. «Говорил же я Язиду, — сетовал он, — прикончить того йеменца, а он мне отвечал, что дарует ему пощадку; и вот теперь уже братец Язида спешит сообщить мне о гибели этого благородного кейсита: Мусы, сына Ибн Хазима! Как будто, вместо горя, такое известие может обрадовать мое сердце!» Вот как сильна среди арабской расы была клановая ревность и дух родового разделения.

Велид провозглашен наследником халифа, 85 г. хиджры, 704 г. от р. Х.

Абд Аль-Азиз, брат нынешнего халифа, долгое время бывший правителем Египта, обладал бесспорным преимуществом при наследовании властителю правоверных, поскольку именно он был назван как следующий халиф их отцом, Мерваном. Абд Аль-Мелик, однако, подумывал о том, как бы ему упрочить свою собственную ветвь. Он решил объявить своим наследником своего сына, Аль-Велида, и заручился в этом отношении поддержкою Аль-Хаджаджа. Но Абд Аль-Азиз вовсе не собирался отказываться от своих прав; более того, он не соглашался и на определение Аль-Велида в качестве хотя бы его преемника. «Разве мне не позволительно, — возражал он, — видеть в своем собственном сыне того, кого ты видишь в своем? Кроме того, мы не знаем, кто из нас может отдать Богу душу первым; так оставим это дело на усмотрение Господа». Получилось именно так, как он невольно предвидел: на следующий год Абд Аль-Азиз умер; и Аль-Велиду по всему государству ислама была принесена клятва как следующему повелителю. Единственным местом оппозиции оказалась Медина, где какой-то бунтарь отказался подчиниться власти. Он требовал возврата к старому порядку всенародных выборов, отказываясь даже под угрозой меча согласиться с установлением объявления бесспорного наследника халифа. Впрочем, халиф быстро удовлетворил свои оскорбленные чувства, повелев выпороть этого смутьяна.

Попытка сделать Иерусалим центром ислама.

Иерусалим является для иудеев и христиан святейшим местом на земле. Лишь по случайности он не служит таким и для мусульман, ведь одной из основных и постоянных целей первых халифов из династии Омейядов было переместить центр ислама из Хиджаза в Сирию.¹ Муавия даже было попытался перевезти кафедру Мухаммада в Дамаск, а когда его остановили, объяснил, что просто хотел удостовериться, что ее не источили черви. Он был провозглашен халифом в Иерусалиме, и в связи с этим вознес молитвы Богу на Голгофе, в Гефсиманском саду и на могиле Девы Марии. Говорят, что Абд Аль-Мелик запретил паломничество в Мекку под предлогом слишком больших опасностей и повелел совершать его в Иерусалиме. В семьдесят втором году хиджры (691-692 гг. от р. Х.) он возвел «Купол скалы» [Куббат ас-Сахра, куполообразная крыша святыни ал-Харам аш-Шариф в Иерусалиме — прим. перев.], сохранившийся до сих пор. На куполе по кругу вьется надпись: «Этот купол построил слуга Божий Абд{алла, имам Аль-Мамун, Э}мир правоверных, в семьдесят втором году. Да снизойдет на него благословение Божие». Слова в фигурных скобках — более поздняя вставка. Буквам приходится тесниться, поскольку места для них явно маловато. Ведь изначально надпись гласила: «...Аль-Мелик, Э...», что видно и по размеру букв, и из указанной даты. Уже после того, как Омейяды смогли обрести никем не оспариваемую власть, Аль-Велид предпринимал попытки с тою же целью, но они закончились неудачей.

Смерть Абд Аль-Мелика, 14 ix 86 г. хиджры, 8 сентября 705 г. от р. Х.

¹ Де Геж считает это невозможным, но вполне весомые доказательства свидетельствуют о полной реальности таких планов.

В следующем году Абд Аль-Мелика постигла кончина. Он умер в возрасте шестидесяти лет, простояв у руля власти двадцать один год. Впрочем, в первой части этого периода его правление оспаривалось Ибн Аз-Зубейром. Со своего смертного ложа Абд Аль-Мелик завещал сыновьям быть снисходительными к людям и стремиться хранить со всеми согласие. Он велел им особенно ценить Аль-Хаджаджа. «Поскольку, — объяснил халиф, — это благодаря ему наше имя возвещается на кафедрах всех мечетей по всей земле ислама, и это он сумел покорить нам всех наших врагов». Халиф был похоронен у Ворот Джабийя в Дамаске.

Его характер,

Об Абд Аль-Мелике арабский историк пишет: «Он был первым халифом, который решился прибегнуть к казни посредством вероломства, как произошло с Амром Ибн Саидом; первым, переведшим делопроизводство в казне на арабский вместо персидского; первым, запретившим людям разговаривать в присутствии халифа; первым, кто стал разыгрывать из себя скрягу; первым, кто провозгласил в связи со смертью Ибн Аз-Зубейра: “Пусть никто не смеет объявлять себя мне равным, или увещевать меня страхом Божиим, не то я снесу ему голову с плеч!”» Даже если допустить, что такие вещи говорились о нем в действительности, мы обязаны отнести их в значительной степени на счет лицепрятия аббасидских летописцев, а также к той неприязни, что была порождена его осадой Святого города и разрушением Каабы. Если не принимать во внимание случая с Амром Ибн Саидом, мы не можем назвать ничего, что не соответствовало бы поведению правителя мудрого, умеренного и справедливого. Впрочем, с другой стороны, Абд Аль-Мелик, оказывавший моральное покровительство Аль-Хаджаджу, должен нести ответственность за все те жестокости и несправедливости, в которых бесспорно повинен его подчиненный. Обвинение в скарденности также видится нам необоснованным; ибо, по крайней мере, в одном отношении, он был весьма расточителен. Будучи сам довольно неплохим сочинителем, он поощрял поэтов с поистине царским великодушием и щедростью. Многие записи гласят о литературных состязаниях, проводившихся на глазах халифа. В них принимали участие такие поэты и песнопевцы, как Джерир, Аль-Фараздак, Кусейир Азза и Аль-Ахталь, христианин. Во всех этих случаях участники осыпались щедрыми дарами. Нет никаких свидетельств о прижимистости халифа в делах административных. Умеренность же и набожность эмира арабов была вопросом политики.

...и успешное правление.

Подводя итоги его правлению, в целом, вердикт об Абд Аль-Мелике должен быть вынесен в его пользу. Жизнь его была довольно бурной. Еще мальчиком ему пришлось стать свидетелем страшных сцен в Медине, закончившихся жестоким убийством Османа — сцен, которые, как мы знаем из его обращений к жителям этого города, произвели на него сильнейшее впечатление. Ему рано пришлось оказаться вовлеченным в дела государства в Мекке, где он сопровождал своего отца Мервана на переговорах с Ибн Аз-Зубейром. На протяжении первого периода его правления трон Абд Аль-Мелика часто оказывался под угрозой, и вряд ли ему удалось устоять, если бы его противники согласились объединить свои усилия. Однако, за одним единственным исключением, мы не нигде не видим его,

опустившимся до мести или действующим из озлобленности. Напротив, прежде чем решиться на крайние меры, он постоянно предлагал противникам пощаду или примирение. Подобно Осману, большинство из его наместников приходились Абд Аль-Мелику родственниками, но все они обладали необходимыми для государственной службы способностями, и никто из его современников этому не возражал. Похоже, ему нравилось назначать в Медину правителями людей с репутацией жестоких чудовищ, вроде Хишама Ибн Исмаила. Под конец, одержав триумф над всеми своими соперниками, Абд Аль-Мелику удалось оставить своим сыновьям прекрасное наследство, а вместе с ним и вполне подходящие средства, уже готовые для дальнейшего расширения империи ислама во все стороны.¹

¹ У него было пятнадцать сыновей от восьми жен, не считая рабынь-наложниц. Четверо из его сыновей, как мы увидим, сами всходили впоследствии на трон халифа.

ГЛАВА LI

ХАЛИФАТ АЛЬ-ВЕЛИДА. ЗАВОЕВАНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ, СИНДЕ, МАЛОЙ АЗИИ, АФРИКЕ, ИСПАНИИ. СМЕРТЬ АЛЬ-ХАДЖАДЖА.

86-96 г. хиджры / 705-715 г. от р. Х.

Велид, 86 г. хиджры 705 г. от р. Х.

ЗАВЕРШИВ обряд погребения своего отца, Аль-Велид вернулся в Большую мечеть Дамаска, и, взойдя на кафедру, обратился к народу с речью, в которой безутешный сын оплакивал свою потерю и благословлял память ушедшего халифа.

Омар украшает Святые города.

Аль-Велид, облакая Аль-Хаджаджа тем же доверием, которое оказывал тому его отец, назначил его вице-халифом всего мусульманского Востока. Но Аравию он оставил для своего двоюродного брата, набожного Омара, сына Абд Аль-Азиза, при котором, в течение нескольких лет, Мекка и Медина смогли наслаждаться, в отличие от страшной тирании Хишама Ибн Исмаила, несуровым и благоприятным для людей правлением. С помощью совета из числа наиболее ученых горожан, ему удалось создать в Медине систему управления, снискавшую популярность в народе. Он украсил и расширил мечеть, включив в ее пределы двор и бывшие покои жен Пророка и другие строения, что раньше располагались вокруг нее. Ремесленников доставляли из Сирии; и халиф, прознав о благочестивом предприятии, послал в дар много золота, материалы для мозаики на сорока верблюдах, а также сотню каменщиков-византийцев.¹ Получив инструкции Аль-Велида, Омар заодно сумел улучшить дороги и проходы с целью облегчения путей паломникам. В пустыне на местах стоянок он выкопал колодцы, а в Мекке и Медине при нем весело заиграли настоящие фонтаны.² Все это для Омара было подлинным делом его призвания; и он сумел организовать и выполнить все эти работы с такою пользой и красотой, что сам халиф, спустя некоторое время посетивший во время паломничества Святые города, не переставал выражать свое восхищение перед увиденным и то и дело благодарил своего наместника.

¹ Император Византии подарил халифу сто тысяч мискалей золота. Довольно странно читать сразу же вслед за этим: «В том же году Маслама, брат халифа, вел войну с греками, взял три крепости, одна из них **Крепость Константина**, и поубивал тысячу арабов-полукровок, захватив при этом богатую добычу». Впрочем, мы там же читаем, что в девяностом году хиджры (705 г. от р. Х.) предводителя мусульманского флота греки взяли в плен, но отпустили обратно к халифу из милости.

² В Мекке возникла определенная необходимость в подобном снабжении водою, ибо туда стекались такие большие толпы пилигримов, что в сухое время года на всех ее уже не хватало. И в самом деле, в одно лето нужда в воде ощущалась настолько остро, что Омару пришлось принудить людей присоединиться к нему в молитве; вскоре после этого пролился такой обильный дождь, что весь город оказался затопленным. Подобные свидетельства о благочестии Омара были в большом ходу у составителей преданий. Наместнику, сменившему Омара, хватило вульгарности прославлять Аль-Велида, сравнивая его с Авраамом: дескать, первый снабдил столь сладкой на вкус водою всю Мекку, а Авраам дал людям всего лишь колодец Замзам с солоноватым привкусом.

Жестокость Хаджаджа.

Привлекательность благодетельного правления Омара способствовала появлению в Мекке большого количества уставших от тирании жителей Аль-Ирака, которые бежали к нему в Мекку из-под тяжелой руки Аль-Хаджаджа. Это все более и более раздражало жестокого правителя мусульманского Востока, и Омар почувствовал, что ему не мешает информировать халифа о том, что ожесточение Аль-Хаджаджа начинает переходить все границы. Аль-Хаджадж, со своей стороны, с сильным огорчением доносил халифу, что инакомыслящие из его Ирака находят себе убежище в Священных городах. В итоге Аль-Велид, склоняясь на сторону Аль-Хаджаджа, отозвал Омара. Назначенные на его место два разных градоправителя: один в Мекку, другой в Медину, безжалостно изгнали всех эмигрантов, причем пригрозили смертью любому из граждан их городов, кто отважится предоставить беженцам убежище. Один из таких гонимых, Ибн Джубейр, бывший некогда казначеем в армии Ибн Аль-Ашаса, после трогательного свидания со своей семьей был казнен с бессердечною жестокостью Аль-Хаджаджем. Это произошло за пару лет до его собственной смерти, когда воспоминание об этом событии сильно поразило Аль-Хаджаджа. Он пробудился в ночи из-за видения своей жертвы, уцепившейся руками за его постельное белье с возгласом: «О, враг Господа, за что ты погубил меня?» Оцепеневший от ужаса, потрясенный Аль-Хаджадж все время громко повторял: «Что же мне делать с тобою, ты, сын Джубейра?!»

Язид Ибн Мухаллаб спасается от него к Сулейману, 90 г. хиджры.

В обращении с Язидом и его братьями, сыновьями Аль-Мухаллаба, он проявил себя насколько жестоким, настолько же и злопамятным. Нам необходимо вспомнить, что у Аль-Хаджаджа на это семейство имелся большой зуб: ведь их род имел крепкие йеменские корни. После падения Ибн Аль-Ашаса они оказались единственным камнем преткновения на пути мщения Аль-Хаджаджа. Нечего удивляться, что все они моментально оказались за решеткой по стандартному обвинению, повсеместно выдвигавшемуся против отправленных в отставку государственных чиновников: в растрате, или присвоении чужого имущества.

Бегство Язида.

Вынужденный готовиться к кампании против курдов, Аль-Хаджадж забрал с собою содержавшихся под стражей Язида и его сыновей. За ними зорко следили сирийские охранники. К Язиду постоянно применялись пытки, которые он сносил стоически; лишь в одном только случае, когда орудие палача пронзило ему ногу, узник не смог сдержать громкого вскрика. Его сестра, одна из жен Аль-Хаджаджа, испуганная этим криком, громко завизжала сама, из-за чего тиран, не мешкая, объявил ей развод. Однако вскоре узникам посчастливилось бежать. Аль-Хаджадж, думая, что они рассчитывают укрыться в Хорасане, поспешил предупредить Котейбу об этой опасности. Но они направили своих коней в противоположном направлении и сумели добраться до Рамлеха в Палестине, где нашли убежище у Сулеймана, брата халифа. Аль-Хаджадж немедленно связался с халифом, требуя, чтобы Язида доставили к нему обратно. В связи с этим Сулейман отправил его в Дамаск вместе со своим собственным сыном, заковав обоих в цепи и

сопроводив письмом, в котором просил эмира правоверных о снисхождении. Аль-Велид, тронутый видом пары этих страдальцев, позволил им удалиться с миром, а Аль-Хаджаджу запретил вмешиваться. Язид продолжал жить у будущего преемника престола в качестве его ближайшего друга и, как мы убедимся из дальнейшего, любимого фаворита.¹ Кстати, из его племени, Азд, была родом и мать Сулеймана.

Смерть Хаджаджа, 95 г. хиджры, 714 г. от р. Х.

На протяжении остатка жизни Аль-Хаджаджа о нем слышно не очень много. Хорошо, что он успел скончаться до Аль-Велида, ибо Аль-Хаджадж успел сделаться смертельным врагом для Сулеймана, чье право наследования трона Аль-Велид хотел нарушить в пользу своего сына, и этот план вынашивал и всячески поощрял именно Аль-Хаджадж. Впрочем, невзирая на то, что самому Хаджаджу и удалось избежать гнева Сулеймана, он обрушился, как мы увидим, с ужасной жестокостью на головы членов его семьи и его приверженцев. Аль-Хаджадж занимает место в анналах исламской истории как живое воплощение человеческого зверства. Однако халифат многим ему обязан. Будучи абсолютным владыкою восточных земель в течение двадцати лет, в самый сложный и опасный период для страны, когда в колониях процветала анархия, а жизнь арабов у себя дома была отмечена порочностью, непостоянством, восстаниями и диким фанатизмом, Аль-Хаджадж, благодаря своей смелости и решительности, сумел найти необходимые силы и ресурсы и восстановить относительное благоденствие империи ислама в Аль-Ираке, Аравии и Хорасане. Жестокость при подавлении бунтовщиков, которыми кишмя кишели его земли, конечно же, была зачастую оправдана; но ничто не в состоянии извинить его тягу к чрезмерному кровопролитию и его бесчеловечность, из-за которой этот правитель снискал себе славу одного из самых жестоких тиранов в истории всего человечества.² Когда спустя два десятка лет непрерывной борьбы Аль-Хаджадж усмирил наконец свои провинции, то перевел свое внимание на развитие мирных искусств, занялся системой орошения, стал окультуривать почвы, и прилагал все усилия к тому, чтобы крестьяне прекратили покидать свои наделы и переселяться толпами в города. Он, наряду с Зийядом, является самым замечательным из государственных деятелей, несших службу при Омейядах. Без него их династия просто прекратила бы свое существование. Правда, в одном отношении, Зийяд все же превосходил Аль-Хаджаджа: он никогда не использовал силу, как это постоянно делал Аль-Хаджадж за счет присылаемых из Сирии контингентов, но умело настраивал одну партию против другой, и таким образом всегда добивался своего.

¹ Сулейман был настолько привязан к Язиду, что, когда получал в дар какую-нибудь редкость или красивую девушку-рабыню, то немедленно отсылал ее к своему другу.

² Предание доводит количество жертв, убитых Аль-Хаджажем (не считая тех, кто пал на полях сражений) до ста двадцати тысяч. Разумеется, это явное преувеличение. Ему нравилось создавать копии Корана, переписывая его своею собственной рукою, и заниматься таким достойным делом, как распространение этой священной книги. Однако он просто терпеть не мог вариант текста Ибн Масуда, и заявлял, что обезглавит всякого, кто рискнет им пользоваться. Ему приписывают много дикарских выражений. Та мрачная слава, что окружала имя Аль-Хаджаджа, несомненно, преувеличила его дурные черты, которые, однако, даже с учетом этого допустимого преувеличения, все равно выглядят крайне отвратительными.

Кампании Котейбы в Хорасане, 86-96 г. хиджры, 705-715 г. от р. Х.

Некоторые историки считают, что в тирании Аль-Хаджаджа оказались свои косвенные преимущества. Царство террора изгнало из домов множество арабов, которые решали поискать счастья с оружием в руках, вступая в ряды войска. Тем самым оказалось заложено основание для будущих завоеваний, которыми так прославился халифат Аль-Велида. Попробуем вкратце здесь о них упомянуть, начав с кампаний Котейбы Ибн Муслима в Средней Азии. Великий полководец, происходивший из ни к кому не примыкавшего племени Бахила, каждое лето возобновлял наступление на земли, лежащие за Амударьей. С наступлением осени его войска возвращались на зимовку в Мерв. Вплоть до того момента любая из мусульманских войн носила оттенок «газавата», или набега. Когда магометане захватывали новые земли, они ставили очередное государство в вассальную зависимость от халифата, либо заставляли его соглашаться быть принятым под их «покровительство». Либо просто-напросто заставляли побежденных платить дань. Тем не менее, они не превращали захваченную страну в полноценную колонию. Теперь же вопросы зависимости завоеванных стран начали приобретать более долговременный характер. Прежде всего, Котейба повел наступление на Балх, Тохаристан и Фергану. Среди захваченных в Балхе пленников оказалась жена известного целителя Бармека, которой предназначили разделить участь прочих рабынь-наложниц в гареме Абдаллы, брата Котейбы. Но вскоре между враждующими сторонами было заключено перемирие, и эту женщину, в качестве проявления доброй воли, отпустили обратно к ее мужу. Однако результатом ее краткосрочного пребывания в гареме Абдаллы оказалось появление на свет ребенка. Сын был признан Абдаллой, и в будущем стал известен под именем Халида-Бармеки.¹ Следующая кампания была развернута против Пейкунда (Байсуна?), бухарского торгового центра, находившегося за Амударьей. Согдианские тюрки и прочие среднеазиатские племена в таких количествах поднялись на защиту этого богатого города от Котейбы, окружив исламское войско, что его коммуникации оказались полностью отрезанными. На протяжении двух долгих месяцев Аль-Хаджадж не получал никаких вестей от своего военачальника, что побудило правителя отдать повеление возносить молитвы за Котейбу во всех мечетях мусульманского Востока.

Взятие бухарского торгового центра, 88 г. хиджры.

В конце концов, этот город пал. Все сражавшиеся в нем мужчины были преданы мечу, семьи их обращены в рабство. Арабы захватили огромные хранилища оружия и «добычу, какой не видано было доселе в Хорасане». В восемьдесят восьмом году хиджры было предпринято новое наступление на бухарское государство, во время которого арабы захватили немало примечательных мест. Им пришлось приложить немало сил, чтобы одолеть сильное согдианское племя и его союзников, живших с ним по соседству. Руководил этими воинами некий «племянник императора Китая». В результате тяжелого

¹ Вайль считает, что вся эта история была вымышлена для того, чтобы придать семейству Бармекидов статус, на который они не могли рассчитывать в арабском мире, поскольку были аборигенами Балха. Впрочем, этот случай вовсе не выглядит невероятным. Все здесь отвечало и закону, и установившимся среди арабов традициям. Правда, в этом случае женщине позволили возвратиться: такой поступок, пусть даже и связанный с потерей чести для нее, нужно считать за проявление особой милости со стороны мусульманских завоевателей.

сражения противник магометанской армии, несмотря на весьма решительное сопротивление, был обращен в бегство.

89 г. хиджры.

На следующий год Котейба вновь выступил через Согд и Киш против Вердана, князя Бухары. После двухдневной битвы тому пришлось бежать; но сам шахристан, город-крепость, отбил несколько арабских наскоков. Мусульмане отошли от его стен, так и не решившись на приступ. Аль-Хаджадж выбрал Котейбу за его неудачу и приказал возобновить наступление на Бухару, воспользовавшись планом города, предоставленным арабам одним из его защитников.

90 г. хиджры.

Котейба так и поступил, собрав сильную армию, которой удалось обратить противника вспять во многом благодаря доблести племени Бени Темим (а вот представители племени Азд вначале дрогнули, не выдержав отчаянного натиска тюрков).¹ Бухарский шахристан был взят, а окружавшие этот город земли полностью покорились арабам.

Мятеж в Тохаристане, 91 г. хиджры.

С наступлением зимы войска мусульман вынуждены были убраться восвояси. Воспользовавшись их отсутствием, Низак, один из главных вельмож тохаристанского князя, устроил заговор среди покоренных народов с целью сбросить ярмо иностранных завоевателей, которое возлежало на их шее со столь очевидною тяжестью. Чтобы его повелитель, которому подобные планы были не по душе, не смог помешать воплощению в жизнь этого заговора, он заковал его в цепи. Правда, не забыв отдать дань уважения его княжескому достоинству, Низак приказал сделать эти цепи из золота.

Восстание на Востоке.

Затем он повыгонял из домов всех жителей и сумел призвать подняться на борьбу с исламом всех соседних владык, чьи земли простирались от Мургаба до Амударьи.² Котейба выставил поближе к восточным границам Мерва отряд под командою своего брата, но помимо этого был не в состоянии предпринять что-либо против разгоравшегося восстания. Лишь в следующем году, получив значительные подкрепления из Персии, он смог нанести по мятежникам удар. Собрав в кулак все силы, он обнаружил Низака сильно укрепившимся в Хульме: в самом начале горного прохода, вход в который прикрывала крепость. Подкупив перебежчика, исламский военачальник сумел раздобыть информацию о скрытной тропе в обход перевала. За счет этого арабы обрушились на

¹ Женщины мусульман из их обоза с криками бросились на обратившийся в бегство отряд. Нанося удары по головам их коней, они заставили мужчин вновь вернуться в битву. Как видим, даже в таких наступательных и сопряженных с большим риском кампаниях мусульмане продолжали таскать своих женщин и домочадцев с собою.

² Вот земли, названные в качестве оказавших помощь этому восстанию и принявших в нем участие: Исфабад, Базан (Бадан), Мерв Ар-Руд, Таликан, Фариаб и Джузджан.

тылы противника как снег на голову, и мятежники еле смогли спастись, бежав через всю Ферганскую долину. Но там Низак оказался вновь зажатый с двух сторон, попав в клещи между отрядами Котейбы и его брата. Не имея пути ко спасению, его войско, находившееся в мешке уже несколько месяцев, начало испытывать нужду в провизии. Наступавшие холода вынуждали арабов уйти на зимние квартиры. Котейба, не желая оставлять Низака безнаказанным на воле, обманом заманил его себе в лагерь, пообещав полную безопасность. Захватив тохаристанца в плен, он послал гонца к Аль-Хаджаджу, прося у эмира Востока позволения умертвить Низака. После долгого промедления, это разрешение все-таки было получено. Вот так, Низак был убит, а с ним и семь сотен его последователей.¹ Голова предводителя мятежников была отослана Аль-Хаджаджу. Самого князя Тохаристана послали со всей его свитой в Дамаск, где он и содержался до самой смерти Аль-Велида. Вероломство Котейбы по отношению к Низаку было настолько грубым, что даже мусульманское общество, будучи в целом привычным к обману при проведении военных операций, оказалось шокировано. Все ругали Котейбу за его подлость. В то же самое время произошел еще один инцидент, также болезненный для сознания мусульман, хотя и воспринятый ими с большей терпимостью. После поражения Низака князь Джузаджана, один из участников антиарабской коалиции, стал просить о мире, на что получил согласие противника. Котейба пригласил этого вождя в свой лагерь, послав взамен одного парня из племени Хабиб в качестве заложника. Кроме того, и сами арабы получили от неприятеля заложников. Князь этот отчего-то помер, находясь в лагере у Котейбы. Само собой, его люди, заподозрив неладное, умертвили заложника-хабиба; за что Котейба отплатил сполна, перерезав находившихся в его руках заложников: всех до единого. Продолжив свой поход дальше в пределы Согдианы,² Котейба возвратился через Бухару в Мерв. Весь следующий год он провоевал в Сиджистане против Зунбиля, но в итоге смог развязать себе руки, заключив мир с этим восточным правителем.

Кампания против Самарканда, 93 г. хиджры.

На девяносто третьем году хиджры Котейба вновь переправился через Амударью и двинулся на Хорезм. Шах Хорезма предложил арабу десять тысяч голов крупного скота, если тот избавит его от его брата, поднявшего восстание. Мятежники были обращены в бегство, а четыре тысячи попавших в плен преданы смерти. Брата и его товарищей привели к шаху, который всех казнил, а их имущество объявил собственностью Котейбы. Но тут мусульманскому воителю пришлось спешно переключаться на Самарканд: он получил известия о начавшемся там волнении против исламских поработителей. Совершив стремительный переход к стенам этого города, Котейба обратился к своим воинам со следующей речью: «Несчастливые согдианцы, воистину, сами попались к нам в

¹ В некоторых преданиях это число доводится до двенадцати тысяч; но к таким упоминаниям следует относиться с известной долей скептицизма. Общественное мнение было возмущено предательским поступком Котейбы, и историки могли быть склонны к преувеличениям.

² Царь Шумана прогнал прочь размещенных у него мусульман, посчитав свою крепость неприступной. Арабы подвергли его цитадель обстрелу из катапульта, что должно было дать прекрасные результаты, поскольку их снаряды влетали даже в царские покои. Были захвачены и Киш, и Насаф; Фариаб долго сопротивлялся, но был в итоге разграблен и предан огню. За что его и прозвали «сожженной землей». Всех мужчин обрекли на смерть, а женщин обратили в рабство.

руки. Как вы знаете, они нарушили с нами договор; и истинно, Господь предаст нам и Хорезм, и Согдиану, как ранее Он предал Бени Корейза и НаDIR в руки Пророка».¹ Самаркандский шахристан держался долго, пришлось подвозить специальные стенобитные орудия, чтобы одолеть сопротивление его защитников. Страхась приступа, князь Самарканда предложил начать переговоры. Котейба не возражал оставить город в покое, но лишь обложив его тяжелой данью и обязав правителя ограничить количество всадников в самаркандской войске. Помимо того, арабов должны были впустить в город, позволить построить им там мечеть и провести религиозную службу. Только на таких условиях Котейба соглашался покинуть пределы их государства. Его впустили. Храмы поклонения огню были тут же разрушены арабами, все идолы сожжены, а сам город, невзирая на обещанное, хотя и был оставлен нетронутым, так никогда и не возвратился в прежнее состояние.² Уже ставшее привычным вероломство Котейбы осуждалось всеми мусульманами; ходили слухи, похожие на вполне достоверные, что какой-то сириец Дамаску надлежит подвергнуться разорению этими дикими тюрками. Между тем, рука завоевателей легла на жителей Самарканда тяжким бременем. Там поселилось множество мусульманских семей, переехавших из Хорасана. Храм идолопоклонников и святилища с изображениями идолов были уничтожены. Все местные жители были разоружены, ни одному [приезжему] язычнику не позволялось оставаться в пределах города на ночь. Бухара и Хорезм были колонизированы подобным образом; и трем этим городам было суждено приобрести большую известность в последующей истории ислама.

Последняя кампания Котейбы на границах с Китаем, 94-96 г. хиджры.

На протяжении последовавших двух или трех лет, усилив свои войска большими контингентами конных воинов из только что покоренных арабами племен (на Востоке считалось совсем обычным делом использовать дружины из подчинившихся народов для укрепления их же собственных оков),³ Котейба продолжал свои завоевания. Он взял Ходжент, Шаш (Ош?) и другие города Ферганской долины, пока не дошел до Кашгара и границ Китая. Любопытная история гласит о встрече с «царем Китая» — вероятно, с каким-то пограничным мандарином — который, чтобы освободить Котейбу от принесенного тем обета «завладеть землею Китая», послал ему ящик с китайскою почвой «для поправки ногами», суму с китайскою монетою в виде дани и четырех юношей царской крови, на которых поставил свою печать. Котейба же на этом достиг пределов своих завоеваний. Будучи еще в походе, он получил известие о смерти халифа: и вот, все для него внезапно изменилось, и будущее полководца, как мы увидим далее, с этого самого момента резко омрачилось.

Поход Ибн Касима в Индию, 89-96 г. хиджры 708-715 г. от р. Х.

¹ Два иудейских племени, высланных из Медины, «Жизнь Мухаммада», стр. 281 и далее, стр. 318.

² Один из местных идолов считался настолько священным, что ожидалось, что любой человек, коснувшийся его, должен немедленно погибнуть. Котейба схватил факел и с громким возгласом текбира запалил этот истукан. Найденные в нем гвозди, отлитые из золота, потянули на пятьдесят тысяч мискалей. Внучка Йездегерда, оказавшаяся в числе пленниц, взятых в Самарканде, была послана в Дамаск, где попала в халифский гарем. У нее впоследствии родилась дочь от Аль-Велида.

³ В девяносто пятом году хиджры, как считается, в войско Котейбы входило до двадцати тысяч рекрутов из местного населения: из Бухары, Киша, Насала и Хорезма.

Подобно Котейбе в Средней Азии, Мухаммад Ибн Аль-Касим из племени Сакиф, двоюродный брат Аль-Хаджаджа и наместник Макрана, стал первым большим завоевателем, ведшим свои кампании на границах Индии. С хорошо снаряженным войском численностью в шесть тысяч человек, он двинулся на Синд и осадил его столицу, Дейбул.¹ Катапульта под названием «Невеста», прислуга которой состояла из пятисот человек, наносила страшные опустошения в городе. Камень, выпущенный из этого орудия, напрочь снес верхушку знаменитого храма Аль-Будд (Будды), вместе с которым был сбит и огромный красный флаг. Это дурное предзнаменование посеяло страх в рядах противника мусульман; их царь бежал, и Ибн Аль-Касим, оставив в городе гарнизон из своих арабов, бросился в преследование, переправился через Михран (Инд). В последовавшей вскоре жестокой схватке, окруженный своими слонами, индийский царь встретил преждевременную кончину. Его жена и девушки-прислужницы, не желая стать обесчещенными, решили предать свой дворец огню, где и погибли вместе со всеми сокровищами. После этого арабский завоеватель взял штурмом Брахманабад,² и, заключив договор с Рором, пересек Бай и приступил к Аль-Мултану, который после продолжительной осады вынужден был сдаться на милость победителя, когда у защитников города кончились запасы воды.

Мултан взят.

Сражавшихся мужчин арабы предали мечу, а их семьи, наравне с толпой посетителей местного храма Будды, оказались в рабстве. Аль-Мултан служил в те времена центром паломничества, народ стекался туда со всех концов, чтобы поклониться статуе знаменитого идола. Этот город считался «Вратами Индии и Домом из золота». Добыча была неслыханная, она вдвое превзошла всю стоимость прекрасно снаряженной экспедиции, которую Аль-Хаджадж расценивал в шесть миллионов монет. Пока Ибн Аль-Касим отдыхал в захваченном городе, наслаждаясь чудными плодами своих завоеваний, застигшие его в Аль-Мултане вести о смерти Аль-Велида сделали дальнейшее продвижение арабского отряда на восток невозможным. Военачальник был немедленно отозван в Аль-Ирак, где, наряду с некоторыми другими приверженцами Аль-Хаджаджа, он был подвергнут пыткам, и умер.

Наступление в сторону Индии, 100-125 г. хиджры, 718-742 г. от р. Х.

Вместе с Ибн Аль-Асиром, мы уже предвкушаем, как через несколько лет Индия покорится магометанам. Хабиб, один из членов семейства Аль-Мухаллаба (отныне этот род будет освещен лучами халифской благосклонности), был назначен наместником Синда. Он утвердил своею резиденцией Рор, и позволил возвратиться по домам князьям, которых ранее изгнал Ибн Аль-Касим. Хабиб гарантировал им возможность и дальше управлять своими землями. Набожный Омар II призвал их принять ислам, и те после

¹ «Синд», это всего лишь староперсидское название Хинда. Дейбул в те времена являлся индийским портом в самом устье Инда, о котором арабы были прекрасно осведомлены. Сегодня он лежит намного дальше от моря, в сорока пяти милях к востоку-северо-востоку от Карачи. (Le Strange, p. 331).

² Два парасанга от прежней Аль-Мансуры-«Победоносной». Судя по описанию, эта холмистая местность должна была быть Белуджистаном.

обращения получили новые имена, звучавшие по-арабски. Немного позже, уже во дни Хишама, Джунейду удалось раздвинуть границы исламского государства еще дальше на восток. Однако престижу новой религии было суждено на какое-то время потерпеть ущерб. Большинство из индийских князей вернулись к практике язычества. Чтобы привести своих новых вассалов в чувство, мусульманами был создан сильно укрепленный военный лагерь Аль-Махфуза, «Защищенный». Оттуда арабам было удобно высылать карательные экспедиции, как по суше, так и по морю. «Дела, однако, — говорит наш историк, — шли в Индии не очень хорошо, основание для ее колонизации так и оставалось слабым и весьма шатким вплоть до восшествия на престол благословенных Аббасидов».

Терпимость мусульман к язычеству и идолопоклонству в Индии.

Особо следует отметить, что в землях Индии у арабов стало складываться совершенно новое отношение к покоренным народам. Отныне мусульмане начинают относиться к язычеству с явной терпимостью. Храмы индусов остаются стоять нетронутыми, и местному населению позволяется отправлять в них свои службы. По законам Мухаммада, иудеи и христиане могли продолжать исповедовать свои религии и при господстве мусульман; несколько расширенная трактовка Корана позволяла арабам включать в число [«людей Книги»] даже персов,¹ как приверженцев «Книги» Заратустры. Однако же идолопоклонников надлежало преследовать вплоть до полного уничтожения, язычество должно было быть совершенно искоренено. Именно в таком виде и воспринималось учение Корана, которое было в этом вопросе абсолютно ясным. И таковою и оставалась давно устоявшаяся политика арабов, как мы видели на примере Средней Азии. Именно в Индии оказалась перевернутою новая страница в истории ислама. Как отмечает Вайль: «Та война долее не оставалась священной — в смысле, скажем так, обращения в ислам язычников. Об этой цели все отныне позабыли. Совершенно наравне с поклонением Аллаху теперь позволялось поклоняться идолам, лишь бы покоренные не уклонялись от выплаты наложенной на них дани». И таким образом, даже при владычестве магометан, Индия оставалась в основном языческой страной.

Продвижение в Армении и Малой Азии.

Во время правления Аль-Велида армии мусульман, возглавлявшиеся в основном полководцами, приходившимися роднею этому халифу, каждый год пробивались в Армению и Малую Азию; которые грекам, из-за их проблем ближе к дому, становилось все труднее удерживать под своею властью. На восемьдесят девятом году хиджры была предпринята кампания против тюркских земель близ Каспийского моря, причем прошла она с явным успехом. Но все другие завоевания этого периода бледнеют перед покорением Испании. То была победа, на которой, хотя она и заслуживает совершенно отдельной главы, мы должны здесь хотя бы коротко остановиться.

Кампания Мусы в Западной Африке, 89 г. хиджры, 708 г. от р. Х.

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. 456 и далее.

Муса Ибн Нусайр, йеменец, был в восемьдесят девятом году хиджры назначен наместником средиземноморского побережья к западу от Египта по приказу Абд Аль-Азиза, дяди халифа, в чьей власти было курировать всю «Африку».¹ Предшественнику Мусы уже удалось исправить последствия тех неудач, что постигли мусульманское войско под Кайруаном; и Муса, укрепив сперва свою власть в старых колониях, теперь, при помощи двух своих сыновей, с вожделием набросился на Дальний Запад. В успешных сражениях под Сузами и Тлемсеном он полностью разгромил войска берберов, забрал огромное множество пленников,² и наконец-то обратил под свою власть все местные племена, вплоть до границ Морокко. Их сопротивлению пришел конец, и Муса отрядил повсюду «чтецов Корана» для наставления новообращенных в вере.³ Также были предприняты морские экспедиции, и арабскому флоту вполне удалось высадки на берега Майорки и Сардинии.⁴ Муса поставил наместником в Танжере Тарика, своего вольноотпущенника, а сам после этого возвратился в Кайруан, откуда и намеревался править сильно разросшейся провинцией.

Планы Мусы относительно Испании, 90 г. хиджры, 709 г. от р. Х.

Королевством Испании в тот период управлял узурпатор Родерик (Родриго), к которому граф Хулиан (Хулио), владыка побережья, лежавшего на противоположном берегу от Танжера, находился в жесткой оппозиции.⁵ Сеута, город на африканской стороне, являлась частью владений Хулиана. Этому графу вдруг взбрело в голову, что с помощью пришедших с Востока захватчиков он сумеет прогнать узурпатора с испанского трона.

90 г. хиджры.

Таким образом, завязав дружбу с Мусой, испанец объяснил арабу в одной из бесед, насколько легко может быть преодолен пролив. Муса же, понимая, что он ничего не теряет, уже трепетал в предвкушении войны в Испании, рисовавшей ему весьма радужные перспективы. Халиф, боявшийся морских операций, поначалу колебался; но когда ему объяснили, насколько близок противоположный берег, дал Мусе свое согласие.

¹ «Африкою» назывались все земли, завоеванные мусульманами, что простирались к западу от Египта вплоть до Атлантического океана. Более точно словом «Ифрикия» обозначалась древняя римская провинция Африка, или Тунис.

² Пятая часть всех пленников, предназначенная в счет государственной доли, насчитывала шестьдесят тысяч человек — таким образом, всего должно было быть захвачено триста тысяч человек — самое большое количество пленников, известное за все время, как добавляет наш историк. Однако все предания относительно деяний Мусы несут на себе явный налет романтики.

³ На страницах арабского труда, повествующих о событиях, случившихся несколько лет спустя, мы читаем, что к сотому году хиджры «все берберы целиком были обращены в ислам».

⁴ Довольно большое место отводится захвату гавани на Сардинии, в девяносто втором году хиджры; а также находке казны и драгоценностей, брошенных в море или спрятанных под крышею большой церкви; и о большом количестве трофеев. Упоминаются и другие высадки: в 135 и 323 годах хиджры, и, наконец, в четырехсотом году, когда мусульманский флот из ста двадцати кораблей был разгромлен. После этого арабы больше не решались нападать на этот остров.

⁵ Дочерей испанской аристократии обычно отсылали ко двору для получения образования; и Родерик, как нам сообщает арабская рукопись, использовал эту возможность для того, чтобы обесчестить дочь Хулиана, что и послужило причиной графского озлобления. Гиббон отвергает эту историю, Хэллам также склонен отрицать ее достоверность; но для нашего повествования этот вопрос не является существенным.

Высадка Тарифа, х 91 г. хиджры, июль 710 г. от р. Х.

На следующий год, решив высадить сначала пробный десант, Муса послал несколько сотен отчаянных головорезов на четырех кораблях под командою Тарифа, одного из своих собственных рабов-берберов. Мусульмане с легкостью высадились на находившемся недалеко от Африки берегу, у мыса, до сих пор носящего имя Тарифа. Они возвратились из своего набега со столь богатою добычей, что вся армия ислама с того момента с нетерпением ожидала возможности его повторения, только в большем масштабе.

... и Тарика, vii 92 г. хиджры, апрель 711 г. от р. Х.

Муса, воодушевленный первым успехом, предоставил в распоряжение Тарика войско в семь тысяч человек, состоявшее в основном из групп берберов и вольноотпущенников, усиленных арабскими воинами. Этот десант пересек пролив и захватил на испанском берегу крепость, прозванную Тариком Джибралтар (Гибралтар).¹ Пока его набеги оттуда подвергали разграблению соседние земли Альхесираса,² Родерик, получив известия о высадке неприятеля, поспешил отразить нашествие. Тарик, которого предупредили люди Хулиана, графа-изменника, запросил у Мусы подкреплений, и тот немедленно послал ему пять тысяч арабов. Получив помощь, Тарик с двенадцатью тысячами воинов оказался способен противостоять большому войску Родерика. Две враждебные армии сошлись на берегах Гуадалете, к северу от Медины-Сидонии. Целую неделю исход противоборства оставался неясен. Но все решило предательство в лагере испанцев. Многочисленная группа недовольных Родериком наивно понадеялась, что арабы, насытившись своими трофеями, не замедлят воротиться назад за море. Тогда освободившийся трон перейдет в руки своего законного владельца. Эти изменники сражались с неохотой, а под конец вообще бросились бежать. Вслед за ними и все войско испанцев было обращено в бегство, во время которого Родерик утонул.

Победы Тарика, конец ix 92 г. хиджры.

Но добытые в бою трофеи не оказали на захватчиков желаемого для предателей эффекта. Вместо того чтобы убраться восвояси, арабы воодушевились своей победою. Они отважились на штурм Эсихи; и их армия ежедневно разрасталась за счет свежих контингентов. Ноздри воинов ислама жадно раздувались, издавывая запах желанной добычи. Арабы быстро затопили весь юг Испании. Были захвачены Малага и Гранада, вместе со всеми их землями. Местное население повсюду спешило укрыться на холмах и в крепостях, наивно считавшихся неприступными. Людей подгоняли страшные слухи, распространяемые самими завоевателями, что пищею мусульманам служит человеческая плоть. Оставив Кордову, осажденную одним из своих полководцев, Тарик, которому по-прежнему помогал Хулиан, устремился к Толедо, столице тогдашнего королевства. К своему восторгу, он обнаружил город, брошенный всем населением, за исключением евреев.

¹ Джебель-Тарик, «холм Тарика».

² Аль-Джезира, по-арабски, «полуостров».

Взятие Толедо.

Иудеи, освободившиеся таким образом от христианского рабства, решили связать свою судьбу с завоевателями (какое разительное отличие от времен Мухаммада!). Их ставили управлять теми городками, которые мусульмане находили слишком маленькими для того, чтобы их оккупировать. Местные жители в ужасе перед магометанами бежали, некоторые даже в Галисию. Бесспорно, однако, одно: создание из страны пустыни было именно арабской политикой. Постепенно народом овладевало искушение возвратиться по своим домам: ведь арабы обещали им безопасность, терпимость к их религии, если только ее не будут особо выставлять напоказ, а также установление христианских судов.

Скрижаль Соломона, 93 г. хиджры.

В одном из городов за холмами, видимо, доставленное туда в целях лучшей сохранности, в руки Тарика попало воистину бесценное сокровище, знаменитая «скрижаль Соломона», богато изукрашенная жемчугами, рубинами и всякого рода драгоценными камнями. В длину она достигала трехсот шестидесяти футов.¹ С этой бесценной редкостью Тарик вернулся в Толедо. В течение всего лишь двух лет ему удалось покорить исламу большую часть Испании, и все враги, осмелившиеся противостоять ему в открытом бою, были вынуждены бежать с поля битвы.²

Высадка Мусы, ix 93 г. хиджры, июнь 712 г. от р. Х.

Поразительные достижения его подчиненного пробудили зависть у самого Мусы. Ревность к успехам Тарика заставила эмира Африки собрать большое войско, в которое оказалось включено немало известных ратников ислама, и высадиться в Испании. Это произошло в девяносто третьем году хиджры. Придерживаясь советов Хулиана, благодаря которым, согласно заверениям испанца, Муса должен был затмить славу Тарика, мусульманский полководец открыл новую череду побед штурмом Сидонии, Кармоны и древней столицы — Севильи.

Мерида, 94 г. хиджры.

Мерида была обложена со всех сторон, и этому городу пришлось испытать на себе мощь мусульманских стенобитных орудий. Долгие месяцы Мерида сопротивлялась, защитники ее дрались с отчаянной храбростью. Как пишет наш арабский историк, до его дней в Мериде еще сохранялись остатки стены, называемые «бастионом мучеников». Отряд мусульман был изрублен в этом месте на куски после смелой вылазки испанцев, внезапно выскочивших через дыру под крепостной стеною. В конце концов, город пал, и Муса, двинувшись на Толедо, по пути встретился с Тариком под Талаверой. Он был не в духе, принимая своего заместителя: хлестнул его плетью по голове и потребовал отчета во

¹ Табл. ii. 1254.

² Касательно завоеваний мусульман в Европе, см. S. P. Scott, *History of the Moorish Empire in Europe*.

взятых трофеях. Но вскоре между ними восстановились хорошие отношения, и бесценная скрижаль была передана Мусе.¹

Сарагоса.

Затем полководцы разделились: Тарик направился под Сарагосу, а Муса пошел на Саламанку и Асторгу. Защитники Сарагосы держались долго, город пал лишь тогда, когда к войску Тарика присоединились основные силы Мусы. Перед приступом объединенной мусульманской армии испанцы не устояли. Муса продлил свой победоносный поход, дойдя до северо-восточных пределов Испании. Он захватил Таррагону и Барселону, двинулся дальше берегом моря и добрался даже до Жероны, на самой границе с Францией. В этом месте, как гласит предание, он наткнулся на изображение идола, надпись на котором гласила: «Сыны Исмаила, досюда — и не дальше! Возвращайтесь!» И Муса повернул назад.² Тарик, который повел свое войско южнее, покорил все побережье, подчинил исламскому мечу Тортосу и Эбро, Валенсию и все прочие важные города на своем пути.

В это время вести о нехорошем обращении Мусы с Тариком достигли ушей халифа. Тому это не понравилось. Более того, ревнивому халифу, по всей видимости, было не по душе и излишне независимое поведение своего удачливого наместника, и он послал к Мусе гонца с приказанием отбыть в Дамаск.

Муса отозван, 95 г. хиджры, 713 г. от р. Х.

Это повеление застало Мусу во время новой кампании, которую он вел на западе Испании. Приказав посланнику оставаться в обозе его армии, Муса продолжал свой победоносный поход, сея повсюду смерть и разрушение, пока не дошел до Галисии. Впереди его взору уже открывались голубые воды моря, омывающего Испанию с севера.³ Второй гонец от халифа застал наместника в Луго. На сей раз, приказ жестко требовал его немедленного убытия в Дамаск. Властный завоеватель выпроводил гонца вон из своего лагеря, чувствуя, однако, что настала пора повиниться воле халифа, не испытывая дальше его терпение. Забрав с собою и Тарика с его войском, Муса повернул армии ислама лицом на юг: вот так, проходя по небывало успешному в истории театру военных действий, оба завоевателя завершили свой обратный путь к Гибралтарскому проливу. Прежде чем покинуть Испанию, Муса поставил своего сына Абд Аль-Азиза главою администрации всей недавно захваченной колонии. Два других его сына были также наделены властью: одному было поручено командование в Кайруане, а другому в

¹ Одной из частей длиною в фут не доставало, она была заменена специальной вставкой, изготовленной из чистого золота. *Подробнее смотрите в сноске ниже.*

² Это предание слишком уж подозрительно предвосхищает события, лишний раз показывая, что басни становятся историей. В предании приводятся следующие слова: «Сыны Исмаила! Вот ваш предел. Возвращайтесь! Если вы спросите, зачем, я скажу вам, что иначе вы вернетесь к междоусобицам и начнете убивать и обезглавливать друг друга».

³ «Возя [первого] гонца повсюду с собою, он завоевывал все новые земли, убивая людей и захватывая вездe пленников, уничтожая церкви и разбивая их колокола, пока не достиг горной страны, смотрящей на зеленый океан. Когда второй посланец появился в городе Луго, он [Муса] схватил поводья его мула, и вывел его прочь из лагеря...» и так далее.

Западной Африке. Возможно, ни одна семья никогда не наслаждалась столь широкой славой и не пользовалась столь бесконтрольной властью, как семейство Мусы в тот момент.

Падение Мусы, 96 г. хиджры, 714 г. от р. Х.

Блестящие достижения Мусы — которым немного найдется параллелей в истории — могли оказать вполне достаточное впечатление, чтобы вывести любого человека из равновесия. Но этим вряд ли можно извинить ту непредусмотрительность, с какою отозванный завоеватель проделал свой обратный путь через Африку. Муса решил устроить себе поистине царский триумф на этом пути, что только усилило и оправдало те подозрения, с которыми к нему, несомненно, относились при халифском дворе. Мусу там считали источником потенциальной угрозы. Он вез с собою бесчисленное количество сундуков с редкостными и дорогими вещами. Все это находилось в повозках или было нагружено на верблюдов: караваны личной добычи Мусы тянулись бесконечными вереницами. Он сделал довольно долгую остановку в Каире, раздавая богатые подарки своим друзьям, в особенности семье своего покровителя Абд Аль-Азиза, прежнего наместника Египта, кому Муса был обязан своим собственным возвышением. Его путешествие настолько затянулось, что он сумел достичь Дамаска лишь после смерти Аль-Велида. Новый халиф, Сулейман, оказал ему холодный прием, сместил Мусу со всех постов, и вдобавок бросил его в темницу. Сулейман предъявил бывшему эмиру Запада такие тяжкие иски, что тот оказался доведенным до настоящего нищенства. Когда его наконец-то освободили из тюрьмы, он был вынужден просить у своих друзей на пропитание.

Убийство сына Мусы, 97 г. хиджры, 715 г. от р. Х.

Вдобавок ко всем его несчастьям, сын Мусы, Абд Аль-Азиз, которого он оставил замещать себя в Испании, пал от рук наемных убийц. Полагают, хотя и без каких-либо доказательств, что это произошло не без секретного приказа из Дамаска. Арабский историк справедливо упоминает о бессердечии Сулеймана, пославшего голову убитого его отцу с оскорбительной запиской: «печальная ошибка со стороны халифа». Тарику также пришлось выйти в отставку и удалиться от дел: больше мы о нем ничего не слышим. Порою высказывается мнение, что Аль-Велид склонялся на сторону племени Кейс, а Сулейман поддерживал йеменцев. Однако их отношение к Мусе и его сыну, которые происходили из йеменского рода, свидетельствует о не очень сильных родоплеменных привязанностях этих двух халифов. Судьба Мусы и его сына напоминает судьбу Халида — неблагоприятное завершение карьеры трех величайших завоевателей того времени.¹

¹ Вот другая, более романтическая, хотя и менее вероятная, история:

Муса успел добраться до Дамаска, когда Аль-Велид был еще жив (что, если мы будем смотреть лишь на даты, могло быть вполне вероятным). Он начал похвастаться при дворе, называя себя одного покорителем Испании и принижая Тарика. Среди трофеев, подаренных халифу, находилась «скрижаль Соломона», которую Муса якобы сам захватил. Тарик же на это заявил, что она была его добычей, но Муса продолжал все отрицать. «Так спросите же его, — сказал Тарик, — что случилось с потерянной частью?» (см. примечание выше). Муса на это ничего не смог ответить, и тогда Тарик (который припрятал недостающую часть как

Эпоха Аль-Велида оказалась славной для арабского халифата как дома, так и за его пределами. Не было другого такого халифа, даже с учетом самого Омара, при котором исламское государство сумело бы так раздвинуть свои пределы, сохранив при этом целостность внутри.

Величие правления Велида.

Мы можем спокойно принять заключение абсолютно беспристрастного Вайля, который говорит: «Хотя мусульманские историки и называют Аль-Велида тираном из-за того, что он поддерживал Аль-Хаджаджа, в наших глазах он является одним из самых величайших правителей, и во всех отношениях он — наиболее властный и блестящий властитель среди всех повелителей правоверных». От границ Китая и берегов Инда до самой Атлантики слово его служило законом. Во время его правления начался настоящий расцвет культуры и искусств. Он увеличил размеры мечети Дамаска, забрав у христиан ту часть здания, что служила церковью Святого Иоанна. С церкви в Баальбеке он забрал позолоченный медный купол и установил его над скалою в мечети Абд Аль-Мелика в Иерусалиме. Он перестроил и расширил мечеть в Медине и мечеть Акса в Иерусалиме.¹ Он обустроивал школы и больницы, заботился о престарелых, слепых и хромых. Он часто посещал рынки; поощряя, таким образом, производство и торговлю мануфактурой. Благодаря ему люди начали украшать ткани, и стали всячески развивать их изготовление. Дороги, снабженные колодцами в удобных для привалов местах, пересекали всю империю ислама; об удобствах путешественников, в особенности паломников ко святым местам, начали повсеместно заботиться. Возможно, гораздо лучше любого другого халифа, он умел поддерживать баланс в межплеменном соперничестве арабов; правил он повсюду воистину властною рукою. Если Аль-Хаджадж и являлся в этом отношении неприятным исключением, Аль-Велид, по крайней мере, держал его в гораздо более жесткой узде, чем его предшественник. Глядя на всю историю арабского халифата от начала и до конца, мы не находим в ее анналах более славного периода, чем правление Аль-Велида.

Мягкость и снисходительность Велида.

раз на такой случай) предъявил отсутствующий кусок. Вот так Аль-Велид смог убедиться, что Муса и в самом деле плохо обращался с Тариком.

Также интересная история приводится в случае с гибелью Абд Аль-Азиза, сына Мусы. Будучи сам по себе замечательным человеком, он попал под влияние вдовы Родерика, которая заставила его перенять королевские обычаи завоеванной страны. Однако его соратники оказались медлительными и неуклюжими, делая поклоны (напоминавшие им поклоны при молитвах), и женщина повелела сделать небольшой порожек, на котором они все должны были падать лицом ниц, подходя к ее трону. К тому же она вынудила его носить украшенную драгоценными камнями корону Родерика. Не выдержав этого, его товарищи решили убить Абд Аль-Азиза как отступника, что и сделали на девяносто седьмом году хиджры. Другие же считают, что Сулейман, по всей видимости опасаясь, что Абд Аль-Азиз может завладеть независимой властью как король, послал приказ убить его как раз в то время, когда его отец попал в беду при дворе халифа. Враги напали на Абд Аль-Азиза в тот момент, когда он молился в своем покое, держа Коран перед собою. «Когда голову отослали его отцу с жестоким вопросом халифа, “Узнаешь ли ты это?”, он воскликнул: “Приветствую тебя среди мучеников, сын мой! ибо воистину они умертвили тебя, когда ты был благочестив и праведен!” И этот поступок был засчитан в числе самых подлых деяний Сулеймана».

¹ См. Le Strange, *Palestine under the British Muslims*, стр. 557 и далее; *Greek Papyri in the British Museum*, vol. iv., by H. I. Bell, No.1403.

Подтверждением его мягкости и снисходительности к людям может служить происшедший на девяносто первом году хиджры случай. Во время паломничества Аль-Велид посетил Медину с целью раздать ее жителям богатые дары. Для того чтобы халиф вместе с Омаром могли лучше обозреть сделанные в мечети изменения, и им никто не мешал, ее двор решили быстро очистить от молящихся. Лишь один старик не спешил ни подняться на ноги, ни отдать приветствие властителю правоверных. Омар попытался отвлечь внимание своего двоюродного брата от непочтительного мусульманина; но Аль-Велид заметил старика и мгновенно узнал его. «Как поживаешь, Саид?» — крикнул старику халиф. Без единого движения, даже не подумав жестом ответить на приветствие, пожилой человек ответил: «Очень хорошо, я благодарен Господу, что могу еще так говорить, а как поживает повелитель правоверных?» «Это последний из славного племени!» — воскликнул Аль-Велид, восхищаясь непритязательностью и простотою старого человека, которые исчезали из привычек мусульман с такой быстротою, что некоторые уже спешили осуждать подобное поведение, принимая его за грубость и невоспитанность.

Смерть Велида, vi 96 г. хиджры, февраль 715 г. от р. Х.

Как мы уже говорили, Аль-Велид хотел устранить своего брата Сулеймана из числа наследников, чтобы сделать таковым своего собственного сына. Халиф умер до того, как успел свершить задуманное; но ему все-таки удалось кое-чего достигнуть. В итоге, он внушил Сулейману чувство стойкого отвращения, особенно по отношению к Котейбе и приспешникам Аль-Хаджаджа, ведь эти двое особенно поощряли Аль-Велида в этом деле. Аль-Велид был примерно сорока лет, когда его настигла смерть. Правил же он около десяти лет.

Дела на море.

К тому времени управление военно-морским флотом халифата было уже вполне прилично организовано. Весь арабский флот подразделялся на пять флотилий. Это были: Сирийская, базировавшаяся в Лаодикии, Африканская (то есть, Тунисская), Египетская (с местом дислокации в Александрии), Нильская (располагавшаяся в Вавилоне на Ниле), и еще особая эскадра, охранявшая устье Нила от возможного десанта в случае нападения со стороны византийского побережья. Основные арсеналы и корабельные доки для Египетской флотилии были расположены в Вавилоне и Клизме. На исходе первого столетия хиджры все надсмотрщики и руководители по корабельному делу в Александрии, Розетте и Дамiette еще оставались из числа христиан. Экипажи кораблей разделялись на моряков и морскую пехоту. Все они были мусульманами. Причем моряки, то есть гребцы и рулевые, в основном были персы-«мавали» или же местные жители, обратившиеся в ислам: как копты, так и греки. А в морскую пехоту брали арабов-переселенцев, осевших в Египте, в основном, корейшитов или же ансаров. И тех и других набирали на флот принудительно, но если морские пехотинцы точно получали пенсию из общественных доходов, то про моряков с полной уверенностью этого сказать нельзя. Важно отметить, что все морские набеги совершались в зимнее время.

Власть арабов в Египте.

Похоже на то, что арабское правление в Египет в целом принесло этой стране облегчение. Нет спора о том, что арабы обложили местное население тяжкими налогами, но налоги эти, скорее всего, были меньше, чем при власти Византии, а плодородные земли Египта предоставляли людям возможности даже для очень больших налоговых выплат. Более того, когда какого-либо из арабских наместников обвиняют в тирании и склонности к «грабительству», зачастую это происходит, как мы читаем в рукописях, из-за того, что он пытался содействовать соблюдению прав бедняков за счет притеснения сильно разбогатевших жителей. Особенно ярким примером может послужить происшедшее с Куррой Ибн Шариком, бывшим наместником примерно в тот самый период. Да и сами арабские историки, жившие и создававшие свои труды при власти Аббасидов, были склонны изображать Омейядов в более мрачных тонах. Восстание коптов в 725-726 годах (на сто седьмом году хиджры) явилось следствием скорее общих недостатков в самой системе управления, чем какой-то особенной жестокости правителей. Ведь все дело было в том, что по мере перехода коптов один за другим в ислам, они совершенно законно начинали избегать налогообложения. Получилось, что число налогоплательщиков неуклонно сокращалось, а суммы требуемых с наместников налогов, наоборот, постепенно увеличивались. О терпимости арабов говорит тот факт, что все указы и предписания наместника Египта до сих пор выходили на греческом (равно как и на арабском), а ответы принимались на коптском. Многие из флотских пагархов оставались христианами, как и большое число их подчиненных. От правительственных секретарей не требовалось использовать мусульманские формулы в своих письмах, и до сих пор магометанами допускался символ креста. В самом деле, о том, насколько мало беспокоила арабов буква их закона, можно судить по тому факту, что на печати Амра сохранялось изображение руля.¹ Никакого преследования по религиозным соображениям при арабах не существовало; прекратились столь частые прежде набеги внешних врагов; а скупка пшеницы по спекулятивным ценам отныне стала просто невозможной.²

¹ Это весьма неудобный факт для критиков Ветхого Завета. Арабские наместники, бесспорно, использовали печати своих византийских предшественников. Обычно на такой печати было изображение волка, повернувшего голову вправо, со звездой перед ним или над головой. Смотрите «Греческие рукописи в Британском Музее» Х.Белла (*Greek Papyri in the British Museum*, by H. I. Bell), том iv, стр. 432; Karabacek, *Papyrus Erzherzog Rainer: Führer durch die Ausstellung*, стр. 148.

² Смотрите «Греческие рукописи в Британском Музее» Х.Белла, том iv, стр. xxxii и далее.

ГЛАВА ЛII

СУЛЕЙМАН.

96-99 г. хиджры / 715-717 г. от р. Х.

Сулейман 96 г. хиджры, 715 г. от р. Х.

СУЛЕЙМАН поспешил сразу же занять трон. Как говорили в Дамаске, если Аль-Велид больше интересовался искусствами, то Сулейман находил себе утешение в гареме и богатой жизни, а Омар (следующий за ним халиф) — в набожности и благочестии. Манеры двора при каждом из этих халифов менялись соответственно. При первом большинство бесед велось о культуре; при втором — о наложницах-рабынях, браках и разводах; а при третьем много времени отводилось строгому воздержанию и декламациям Корана по ночам. Слава империи начала угасать при Сулеймане. Да, действительно, этого халифа современники прозвали «Ключом к благословениям», но лишь потому, что он назначил своим преемником Омара.

Упадок в Испании и на Востоке.

Сулейман ослабил власть мусульман над Испанией, явно потворствуя убийству Абд Аль-Азиза, способного последователя своего отца Мусы. (Если, разумеется, не он сам и отдал приказ его убить). Христиане, воспользовавшись преимуществами того, что новые правители стали смотреть на все дела сквозь пальцы, восстали против своих завоевателей в Астурии, горном регионе на севере полуострова. Мухаммад Ибн Аль-Касим, успешный покоритель Индии, был отозван как сторонник ненавидимого всеми Аль-Хаджаджа, и спустя недолго времени встретил свой печальный конец. Под властью одного из сыновей Аль-Мухаллаба из рода Азд (в то время их семейство пользовалось немалой популярностью), который сменил Ибн Аль-Касима, продвижение мусульман далее на Восток застопорилось, и общий престиж ислама пошел на убыль.

Восстание и смерть Котейбы, 97 г. хиджры.

Уход из жизни Аль-Велида привел Котейбу в неопикуемый ужас. Получивший назначение из рук Аль-Хаджаджа, он хорошо знал, что Сулейман давно уже ожесточился по отношению ко всем сторонникам этого тирана, и понимал опасность, которой они теперь подвергались, автоматически попав в стан врагов Язида, фаворита, который при новом халифе оказался на самом гребне волны. Не в добрый час Котейба решился восстать против государства, призвав армию присоединиться к нему. Явно переоценив свое влияние, он не рассчитал свои силы и совершил тем самым роковую ошибку. Абсолютно все представители племени Азд уже давно воспринимали его враждебно, к тому же глубокую обиду затаило на Котейбу и Бени Темим. Оставшись, таким образом, только с немногими сторонниками, он вскоре был убит в сражении, и его голову вместе с одиннадцатью головами его соучастников преподнесли халифу в качестве желанного подарка. Вот таким образом завоеватель Бухары, Самарканда и Кашгара встретил свой безвременный и позорный конец. Как сказал о нем один из представителей тюркских

племен: «Котейба, даже находясь где-нибудь на краю земли, представлял для нас гораздо более значительную опасность, чем Язид у самых дверей». Он мог бы стать одним из величайших героев ислама, если бы его имя не оказалось запятнано изменой и кровопролитием, и если бы он сам не оборвал свою карьеру, столь неосторожно решившись поднять мятеж, практически не имея последователей.

Язид преуспевает в Аль-Ираке, 96 г. хиджры;

Язид, сын Аль-Мухаллаба, любимец халифа, получил сначала назначение в Аль-Ирак, но, не желая снискать себе непопулярность в народе в случае продолжения жесточайших поборов Аль-Хаджаджа, благодаря только которым и удавалось теперь удовлетворять ставшие непомерными расходы Дамаска, он сумел добиться для исполнения этой неблагодарной задачи назначения специального чиновника. Этим казначеем стал Салих Ибн Абд Ар-Рахман, тот самый ученый перс из Сиджистана, который добился смены языка в государственных учреждениях. Почувствовав, однако, что казначейство, в результате последовавшей реорганизации, слишком близко подбирается к нему самому, угрожая его собственным излишествами, Язид постарался убедить халифа, тщеславно бахвалясь, что его завоевания смогут затмить успехи самого Котейбы, отдать ему в управление Хорасан.

...и Хорасане, 98 г. хиджры.

При нем люди из племени Азд опять стали входить в число фаворитов, а вслед за ними вновь начали цениться и арабы из Бени Темим. Также он надумал ввести в Хорасан правительственные войска из Сирии: то, чего не делал Аль-Хаджадж. Оказавшись в Мерве почти через год после восстания Котейбы, Язид чувствовал себя связанным данными им халифу чрезмерно хвастливыми обещаниями, и, оставив в стороне свою любовь к роскоши, решился-таки встать во главе огромной армии, набранной в основном из жителей Сирии и Аль-Ирака. Его усилия были направлены на Горган, местность вдоль берега залива на юго-востоке каспийского моря, которая, как мы помним, была захвачена Саидом Ибн Аль-Асом еще во времена правления Османа. Но, хотя и будучи номинально зависимыми, местные вожди, уверенные в своих силах, постоянно уклонялись от выплаты наложенной на них дани, и никто из арабских чиновников не осмеливался лично посетить эти труднодоступные и весьма беспокойные места. Этот район образовывал своеобразную преграду на пути сообщений между Аль-Ираком и Мервом, и, следовательно, воинам и путешественникам, направлявшимся в Среднюю Азию, приходилось огибать его, делая большой крюк по южным дорогам. Поэтому для Язида было весьма важно покорить эти землю, разделяющие его провинцию. Выступив со своим войском из Мерва, Язид первым делом напал на Горган, и его защитники были оттеснены назад в свои ущелья, где после многих лишений, согласились на предложенные им арабами условия.

Кампании Язида в Горгане и Табаристане, 98 г. хиджры, 716 г. от р. Х.

Тут Язиду представилась первая возможность посоревноваться со славою Котейбы как в жестокости, так и в масштабах покоренных земель. Несмотря на то, что всем, кто принял условия мусульман, была обещана пощада, вся область была разорена, огромное количество невольников взято в плен, а множество людей хладнокровно убито.¹ Оставив для усмирения Горгана четыре тысячи карателей, Язид оттуда направился на юго-запад, в Табаристан, где местный князь, невзирая на помощь из Джилана и Дейлема, был разбит, и войско его отброшено в горы. Однако преследовавшие врага мусульмане были заманены в опасные ущелья, откуда, с серьезными потерями, оказались вытеснены обратно на равнину. Эта неудача исламской армии воодушевила жителей Горгана, которые, нарушив условия заключенного с ними перемирия, напали на оставленный в их землях гарнизон и перебили всех воинов Язида до единого. Встревоженный беспорядками у себя в тылу, будучи, таким образом, отрезанным от Мерва, Язид поспешил заключить мир с Табаристаном. Наместник халифа вновь вернулся в Горган, поклявшись великой клятвой (подобно той, что приносил в свое время Халид), что он не опустит своего меча до тех пор, пока не вкусит хлеба из зерна, смолотого жерновами, которые будут приводиться в движение потоком крови его врагов. Город, представлявший собою прочное укрепление на возвышенности, продержался семь месяцев, после чего попал в руки этого бесчеловечного завоевателя,

Его зверства в Горгане.

который, перерезав горло тысячам своих жертв в расположенной по соседству долине, направил кровавый поток на мельницу, находившуюся поодаль того ужасающего места. Вот так он сумел исполнить свою жуткую клятву. Он также на мили «украсил» подходы к городу, установив по обеим сторонам дороги, по правую и по левую руку, насаженные на кол тела.² Воротившись в Мерв, Язид доложил о своих успехах халифу, и, со свойственным ему безмерным тщеславием, раздул добычу до таких невероятных размеров, что халифская пятина от этих сказочных трофеев должна была бы составить четыре миллиона дирхем.³

Неудачное нападение на Константинополь, 96-98 гг. хиджры, 714-716 гг. от р. Х.

В противоположность победам исламских войск в Средней Азии, на западном направлении Сулеймана ожидало полное разочарование. Выяснилось, что все те колоссальные приготовления, что были проделаны для штурма Константинополя, оказались бесполезными. Незадолго до своей смерти Аль-Велид подготовил флот, чтобы атаковать византийскую столицу с моря, в то время как отряды из Армении и Малой Азии должны были соединиться для нападения на Константинополь посуху. Все, казалось, благоприятствовало успеху этих замыслов. Внутреннее восстание парализовало греческие власти, между тем как предательство Льва Исаврийского, переметнувшегося со своими

¹ Предание говорит о числе жертв в четырнадцать тысяч человек, чему верится с очень большим трудом.

² Записи не совпадают относительно числа убитых, оно варьируется от двенадцати до сорока тысяч; но, опять же, и эти цифры кажутся невероятными.

³ Другой источник говорит о шести миллионах дирхем. Секретарь Язида предупреждал своего патрона об опасности называть столь непомерную сумму. И это предостережение, как мы увидим позже, было небезосновательным.

войсками на сторону военачальника мусульман Масламы, брата халифа, открывало прекрасные перспективы для общего наступления. Неожиданно этого Льва самого возвели на трон, что вынудило его немедленно расторгнуть свой неестественный союз с магометанами.

98 г. хиджры.

Мусульманские войска по обеим сторонам Босфора были разгромлены и подверглись таким сильным лишениям от голода, холода и чумы, что после годичного дрейфа у Константинополя их флот был вынужден удалиться. Вот так эта попытка вторжения в самое сердце соседней державы пришла к своему катастрофическому и бесславному концу. Довольно существенную роль в поражении мусульманской армии сыграл так называемый «греческий огонь».

Смерть Сулеймана, ii. 99 г. хиджры, сент. 717 г. от р. Х.

Сулейман как халиф имел свою резиденцию в Рамлехе, в Палестине, но постоянно выезжал в Дабик, где находилась и его ставка командующего, и основная база сирийской армии. Оттуда он руководил операциями против Константинополя, там он и умер в самом начале девяносто девятого года хиджры. Сыну, назначенному им его преемником, суждено было умереть раньше самого Сулеймана. Халиф на своем смертном одре хотел было объявить наследником другого сына, младшего; но знаменитый своею праведностью Раджит Ибн Хайя, чье влияние еще будет ощущаться на протяжении двух последующих халифатов, уговорил Сулеймана назначить вместо него Омара. Этот Омар был сыном дяди Сулеймана Абд Аль-Азиза, столь долгое время прослужившего наместником Египта. Также было решено, что после Омара место халифа достанется брату Сулеймана Язиду. Вот за назначение Омара наследником память Сулеймана и чтится в мире ислама, хотя сам по себе он не заслужил никаких особых похвал.¹

¹ Следующий инцидент иллюстрирует как его бессердечную жестокость, так и то, как манеры этого халифа моментально перенимались его придворными. Совершая паломничество в Мекку, Сулейман задержался в Медине, где в его лагерь были приведены под конвоем четыре сотни византийских невольников. Осужденные на смерть, они были выстроены перед монаршим собранием из придворных и поэтов из свиты халифа, которые из спортивного интереса решили испробовать на них свое оружие. Выбор пал на Аль-Фараздака, стихотворца, снабженного мечом самого худшего качества. Снова и снова он наносил удары, не в состоянии справиться со своей задачей, сопровождаемый язвительными колкостями халифа и его свиты. Утомившись от попреков в своей неловкости, Аль-Фараздак отбрасывает свой меч и экспромтом выдает двустушья, которые направляют смех совсем в другую сторону. Его стихи служат несомненным свидетельством того, что этот жестокий рассказ основан на реальных фактах. Дело в том, что немного схожая неудача постигла в свое время и вождя племени Абс. Те, кто, присоединившись к халифу, подвергали Аль-Фараздака едким насмешкам, были родственники халифа по материнской линии; так что поэт ловко направил насмешки против них самих, высмеяв в своих язвительных стихах неудачу их собственного вождя.

Первый из пленников, знатный патриций, которого надлежало убить, в знак оказания большой чести был отдан праправнуку Али, и тот его обезглавил. Стихотворец Джарир также был «удостоен чести» прикончить весьма благородного невольника. Кажется невероятным, что такое бессердечное презрение могло быть проявлено к человеческой жизни. Но именно так мы читаем у арабского историка, и даже без единого комментария или намека на изумление.

Жестокость и распутство Сулеймана.

Сулейман был не только жестоким, но также исключительно ревнивым и распутным; по этой причине у него вошло в привычку использовать для охраны своего гарема евнухов. Он был приятной наружности, с правильными чертами лица. Существует предание, как однажды в Дабике, облачившись в зеленый халат и тюрбан, он воскликнул при взгляде в зеркало: «Э, какой царственный юноша!» Стоявшая рядом невольница взирала на него с восхищением. «О чем ты думаешь?» — спросил ее халиф. «Вот о чем я думаю», — отвечала она, пропев халифу полные печали стихи:

«Ты — лучшая из всех услад, ты всех милей,
О, если можно было б век тобою наслаждаться!
Увы, не вечны мы, предел положен жизни сей,
Ты без изъяна весь, но тем походишь на людей,
Что суждено тебе подобно им скончаться».

И в течение одной недели Сулейман умер, пробыв халифом два с половиной года.

ГЛАВА ЛШ

ОМАР II.

99-101 гг. хиджры / 717-720 гг. от р. Х.

Омар II, ii 99 г. хиджры, сентябрь 717 г. от р. Х.

ЕСЛИ Сулейман был непохож на Аль-Велида, то Омар отличался несравнимо больше, и не только от этих двух, но и от всех прочих халифов, которые были как до, так и после него. Искреннее благочестие, хотя и с несомненным оттенком фанатизма, послужило источником его честности, умеренности и простоты жизни, а также наложило отпечаток на его правление, которое отличалось чрезвычайной справедливостью и миролюбием. При вступлении на трон халифа, придворные конюхи вывели ему из стойла дворцовых конюшен прекрасных арабских скакунов. Жеребцов пустили на коновязи горделиво прогарцевать по двору, чтобы Омар выбрал себе из них каких понравятся; однако он предпочел свой собственный скромный выезд. Он попросил свою жену сдать в казну дорогие украшения, подаренные ей ее отцом, Абд Аль-Меликом, а иначе, заявил Омар благородной арабке, он больше не сможет с нею жить; и та повиновалась. После смерти Омара, ее брат Язид, унаследовавший престол, предложил ей вернуть эти драгоценности обратно, но она, почитая волю своего покойного супруга, отказалась. Призвав своих остальных жен и рабынь-наложниц, Омар сказал им, что поскольку теперь ему надлежит нести бремя заботы обо всей империи ислама, они не должны ожидать от него того же внимания и благосклонности, как прежде, но, что они вольны оставить его. Женщины зарыдали в голос, но никто из них не пожелал оставить своего мужа. В своей вступительной речи новый халиф пригласил присоединиться к его близкому кругу только тех, кто будет поддерживать его в управлении страной праведно и справедливо. Стихотворцы, ораторы, и тому подобная братия, вскоре поняли, что при его дворе для них места больше нет. В то же время там развелось множество благочестивых святош и набожных богословов. Религиозные чувства порой побуждали Омара совершать поступки, целесообразность которых была сомнительной. Земельные участки в Фадаке, оставленные Пророком для общественной благотворительности,¹ но некоторое время назад неправомерно захваченные Мерваном с целью покрытия расходов двора, были теперь, в нарушение постановления Абу Бекра, переданы дому Али; а их мекканские владения были в свою очередь возвращены семейству Талхи. Эти и подобные им переделы собственности стали причиной порождения неприятных чувств в самом доме халифа.

Набожный и фанатичный, но справедливый.

Его ревностная приверженность исламу создавала предвзятое отношение против того, чтобы нанимать на службу иудеев и христиан; и в адресованном своим заместителям рескрипте он повелевал им прославлять истинную веру, уничтожая все прочие, и назначать на важные посты только мусульман — цитируя стихи из Корана, подкреплявшие это

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. 503, 536.

требование.¹ Персы-«мавали», новообращенные из Хорасана, принимавшие участие в войнах, были приравнены к «мукатила», то есть к сражавшимся арабам, это означало, что они освобождались от налогов и получали право на пособие. Он также восстановил пособие для детей «мукатила», которые были ранее сперва урезаны Муавией, а потом вообще отменены Абд Аль-Меликом. Все десятины, собираемые в провинции Оман, были возвращены назад в эту провинцию для распределения среди проживающих там бедняков. Халиф оказался также тверд и безжалостен в наложении на немусульман тяжелейшего бремени, какое только позволял наложить закон. Но, несмотря на нетерпимость и даже фанатизм, отличавшие его правление, и на его склонность к прозелитизму и чрезмерное стремление к увеличению количества обращений в ислам, мы должны признать, что в области установления правосудия, которое действительно руководствовалось бы законом, никто из халифов за всю историю исламского государства не смог превзойти Омара. Когда христиане Дамаска попросили его вернуть им собор Святого Иоанна, превращенный Аль-Велидом в главную городскую мечеть, Омар, хотя и не смог удовлетворить их просьбу, тем не менее, позволил им использовать для своих нужд храм Святого Фомы, на который у них не было ни малейших прав. Численность населения Неджрана, который по причине вероотступничества был переселен Омаром I на земли, расположенные недалеко от Аль-Куфы, и который Мухаммад обложил данью в размере двух тысяч кусков сукна (80 000 дирхем), сильно уменьшилась за счет войн и обращений людей в ислам. Осман сделал им послабление, уменьшив размеры подати на двести кусков, а затем и Муавия со своей стороны уменьшил это бремя еще на двести кусков. Обе эти уступки были отменены Аль-Хаджаджем. К началу правления Омара II, численность этого народа снизилась с сорока тысяч до четырех. Поэтому Омар II уменьшил им размер подати с двух тысяч кусков сукна до двухсот.

Али прекращают проклинать.

Вплоть до недавних пор на территории всей империи ислама во время публичных пятничных молитв имя Али так и продолжало осыпаться проклятиями. Новейшие историки утверждают, что при Омаре эта практика прекратилась. Возможно, совершая этот поступок, он руководствовался чувством долга, находя оправдание в словах Корана, повелевающих оказывать родственникам справедливость и благодеяния.² Будучи еще юношей-учеником в Медине, он столкнулся с осуждением установившейся практики проклятий от святого человека. Омар воспринял сердцем его учение, и никогда от него не отступал. В бытность свою наместником Египта Омар попросил своего отца отменить ритуал проклятий; но тот отвечал, что эта отмена, какой бы она ни была правильной и справедливой, может повредить господству Омейядов, и позволит перейти халифату к дому Али. Проклятия на голову Али были возобновлены после смерти Омара. Их временное прекращение, хотя и способствовало частичному удовлетворению уязвленного самолюбия приверженцев дома Али и перемене их чувств в отношении самого Омара, несомненно, стимулировало движение, принявшее уже при его жизни форму протеста против правящей династии.

¹ Суры iii. 114 и v. 54.

² Сура xvi. 92.

Хариджиты.

Многое может сказать о правлении Омара тот факт, что на протяжении его халифата хариджиты вообще не обнажали мечей. Он приглашал к себе их вождей, чтобы обсудить с ними все их обиды и оспорить нелояльные по отношению ко власти убеждения, терпеливо выслушивал их жалобы и отвечал на них по мере сил. Больше всего халифа беспокоил вопрос, затронутый этими фанатиками: почему, несмотря на то, что сам Омар был тверд в вере и праведен, его преемником должен был стать нечестивый Язид? На это Омар мог ответить только то, что он не может вмешиваться в вопросы наследования трона, ибо они регулируются теми же самыми основаниями, благодаря которым и сам он получил этот титул. Уступки Омара предрассудкам хариджитов только стимулировали рост их численности; и подобная позиция Омара в равной степени обеспокоила весь дом Омейядов, ибо она представляла явную опасность их династии.¹

Попытки обращения в ислам населения Африки и Испании.

Летописцы не оставили нам достаточного количества свидетельств ни о военных операциях, ни о делах государственных времени правления Омара. Его первой заботой стало вернуть в сохранности то вооружение и припасы, что остались от кампании, так бессмысленно развязанной против Константинополя его предшественниками. Отправив Масламе изрядное количество продовольствия и повозок, он обеспечил благополучное возвращение мусульманских войск в Сирию. Говоря глобально, в первую очередь усилия Омара были направлены на то, чтобы обращать другие народы в ислам. Наиболее успешной эта практика оказалась среди берберов в северной Африке. Однако в Испании справиться с этой задачей было не так то просто; для того, чтобы уменьшить влияние христиан, их земли были поделены между арабскими завоевателями. Также во время правления Омара, в Сарагосе была основана мечеть, находившаяся под особым покровительством халифа. С целью дальнейшего продвижения мусульманской веры на Восток, Омар разослал монархам Синда обращения, приглашая их принять ислам, с обещанием, что, приняв религию арабов, они смогут воспользоваться всеми привилегиями и иммунитетом правящей нации. Так те и поступили. Они получили арабские имена, однако в последующее правление Хишама вновь стали отступниками.

Назначая своих наместников, Омар II руководствовался не принадлежностью их к определенному племени или роду, но их честностью и тем, насколько они заслуживали доверия. Его правители в Аль-Басре, Ади Ибн Артат, и в Месопотамии, Омар Ибн Хубейра — оба из племени Фезара — принадлежали к общему роду Кейс; в то время как наместником в Испании оказался йеменец: Самх Ибн Малик, а в Индии — брат Котейбы. Омар считал кадия (казия), или судью, более важным должностным лицом, чем наместника или градоправителя. Его кадием в Аль-Басре был знаменитый Аль-Хасан. В отличие от своих предшественников, Омар не предоставлял своим наместникам полной

¹ Бытует даже такое мнение, что Омейяды подослали халифу своего человека, чтобы подбросить яд в его питье, и от этого Омар якобы и умер. Однако эта версия не подтверждается другими источниками, и, похоже, она была придумана врагами правящей династии из лагеря Аббасидов.

свободы, даже в том случае, когда налоги из их провинций поступали регулярно, но, наоборот, постоянно считал себя ответственным за их деятельность.

Падение Язида, 99 г. хиджры

Одним из примеров его справедливости можно считать осуждение Язида, сына Аль-Мухаллаба. Даже Сулейман, говорят, под конец стал недоволен своим любимцем; и Омар, посчитав, что со временем тот превратился в полного тирана, вызвал его к себе, под предлогом подробного отчета о своей деятельности на посту наместника в Хорасане. Не успел наивный Язид ступить на землю Аль-Ирака, как оказался закован в цепи, и в таком виде экс-фаворит был препровожден в Дамаск. Омар предъявил ему его же послание, в котором говорилось о победах Язида и несметной добыче, захваченной им в Средней Азии. Напрасно возражал Язид, что все это было написано им лишь с целью приукрасить свои достижения в глазах людей, и что он никогда и не предполагал, что ему придется отвечать за ту именно сумму, которую он указал. Омар оставался непреклонен, не принимая никаких отговорок: Язид должен произвести полный расчет, и исполнить свой долг по закону. В конце концов, он был отправлен одетым в грубую тюремную робу в ссылку на остров в Красном море. Но, предупрежденный относительно опасности вынашиваемых бывшим наместником планов, пускай даже и в таком изолированном месте, халиф позднее переместил Язида в Алеппо, где он содержался в более строгом заточении. Его сын, занявший после отъезда Язида место своего отца в Мерве, приехал походатайствовать за него, но все его мольбы были тщетны. Вскоре после приезда в Сирию сын Язида скончался, и, устраивая для него погребальную службу, халиф отметил, что сын был лучше своего отца. Язид, поначалу считавший Омара лишь ханжею и лицемером; слишком поздно понял, насколько тот в действительности опасен; однако у него были веские причины бояться его преемника еще больше. Услышав о том, что Омар нездоров, Язид подкупил охрану и бежал в Аль-Басру, где поднял весьма серьезное восстание, как мы увидим позже.

Религиозная политика в Хорасане.

Политика, проводимая Омаром в Хорасане и Средней Азии после смещения Язида, является еще одним свидетельством того, что халиф больше был заинтересован в распространении мусульманской религии, чем в преходящих завоеваниях. До халифа дошли жалобы новообращенных жителей Хорасана на грубое обращение и поборы. Он послал в Хорасан своего представителя, предложившего местным мусульманам направить к халифу делегацию. Омар выслушал претензии, изложенные ему персидскими депутатами, и нашел их обоснованными. Вследствие этого благочестивый халиф снял с должности своего наместника на Востоке Аль-Джарраха и потребовал, чтобы все исповедующие ислам и посещающие религиозные службы, были освобождены от налогов и заняли бы такое же положение в обществе, как и арабы. Для упрочения своей власти он поддерживал армию ислама постоянно готовой выдвинуться против внешних врагов, и особо заботился об укреплении гарнизонов и тех отрядов, что находились в регионах, где обитали язычники. На территориях всех подвластных халифату областей, народ, увидев выгоды и преимущества ислама, стал во множестве обращаться в магометанскую религию. Поначалу их старались подвергать «испытаниям», пытаясь, насколько они

готовы на совершение обряда обрезания; но Омар, услышав об этом, запретил подобные «проверки», не оговоренные нигде в Коране. «Ибо Мухаммад, — говорил он, — был послан призывать людей к вере, а не обрезать их». На предостережения одного должностного лица из Египта о том, что увеличение новообращенных серьезно влияет на доходы государства, халиф отвечал, что «Бог послал Своего Пророка как миссионера, но не как сборщика налогов». Однако же, в это самое время подати, взимаемые с немусульманского населения, были повсеместно установлены самые предельные. Впрочем, халиф одновременно требовал соблюдать справедливость по отношению к неверующим. Никакие церкви, синагоги или храмы поклонения огню не разрешалось разрушать; хотя возводить новые строго возбранялось. Политика Омара, таким образом, заключалась в том, чтобы заполнить Хорасан и прилегающие к нему регионы верующими, удовлетворенными исламом; объединить людей по всему государству посредством религии, не прибегая к помощи оружия. И в этой политике, насколько позволило Омару его непродолжительное, даже, можно сказать, мимолетное, правление, он оказался вполне успешен.

Доходы.

Несмотря на свой ответ тому египетскому государственному чиновнику, Омар пытался приостановить стремительное снижение доходов от земельного налога, возникшее из-за миграции земледельцев в города. Меры, к которым прибегал Омар, были более разумны и не столь открыто насильственны, чем те, что применял Аль-Хаджадж. После обсуждения этого вопроса со знатоками законов из Медины, халиф, по всей видимости, запретил продажу налогооблагаемой земли не мусульманами мусульманам (которые налогом не облагались) после 100 года хиджры. Это правило неукоснительно соблюдалось лишь при двух последующих халифах, но затем сохранялось лишь на бумаге, а в более поздний период был принят новый вариант, который находит себе повсеместное применение и по сей день. Была наконец определена разница между «хараджем» и «джизьей». Первый, как определило теперь новое толкование законов, взимался как земельная подать — с участка земли — и потому его должны были платить в равной мере как не мусульмане, так и мусульмане; а джизья являлась податью подушной, которую платили только не мусульмане взамен за защиту, предоставляемую им мусульманами. Таким образом, отныне и мусульмане оказывались обязанными вносить свой вклад в казну, и государство более не терпело убытка.

Смерть набожного сына Омара.

Семнадцатилетнему сыну Омара суждено было уйти из жизни раньше отца. Несколько трогательных строк посвящены арабским историком беседе Омара с этим юношей, который имел схожие с ним убеждения и столь же сильные религиозные чувства. Он убеждал своего отца продолжать следовать по пути реформ и вернуть общество к старинным обычаям изначальной практики определения того, что является праведным. Омар отвечал, что делает все возможное: все, чего он может добиться мягкими средствами, но для того, чтобы преобразовать мусульманские обычаи в той мере, в какой желает его сын, необходимо применять силу. «А это нехорошее дело, — продолжал он, — если реформа может быть проведена только с помощью оружия».

Привлекательный характер.

Правление Омара, хотя и было лишено волнующих событий, можно назвать довольно привлекательным и благоприятным для населения халифата. Какое облегчение среди кровопролитий, интриг и предательств, найти халифа, который был бы привержен тому, что, как он верил, было высшим благом и для него, и для его народа. Сего праведника можно считать болезненным, чересчур щепетильным и фанатичным; но едва ли на протяжении всей истории арабского государства можно встретить таких особ, если вообще можно, чья жизнь бы оставила в памяти читателя более благоприятное впечатление, чем жизненный путь Омара II.

Смерть Омара II, раджаб 101 г. хиджры, февраль 720 от р. Х.

В середине сто первого года хиджры, после двух с половиной лет правления, Омар серьезно заболел. Через несколько недель в возрасте тридцати девяти лет он скончался, и прах его был захоронен в Дайр Симане, что в провинции Гимс.¹ Преемником набожного халифа стал, согласно последней воле его брата Сулеймана, двоюродный брат Омара Язид, сын Абд Аль-Мелика и Аттики, дочери Язида I.

¹ ¹ Его гробница не была осквернена Аббасидами, подобно другим Омейядским халифам. Mas'udi, стих 416. — Le Strange, *Palestine under the Moslems*, стр. 432 и далее, стр. 497.

ГЛАВА LIV

ЯЗИД II

101-105 г. хиджры / 720-724 г. от р. Х.

Язид II, 101 г. хиджры 720 г. от р. Х.

ПЕРВЫМ событием, которым ознаменовалось правление Язида II, стало серьезное восстание в Аль-Ираке, которое возглавил его тезка, Язид, сын Аль-Мухаллаба. Воцарение нового правителя возродило старую племенную вражду; поскольку его жена приходилась племянницей Аль-Хаджаджу; и, таким образом, отстранив йеменский клан, Язид II встал на сторону родственников и последователей Аль-Хаджаджа — всех тех, кого, как мы видели, столь беспощадно преследовал Сулейман. Язид, сын Аль-Мухаллаба, будучи фаворитом Сулеймана, выполнял приказы своего покровителя с особой тщательностью. Теперь эта услужливость оборачивалось для него несчастьем. В свое время, не вняв мольбам жены нынешнего халифа, он конфисковал огромное состояние, которое та унаследовала от своего отца; за это ее супруг пригрозил разорвать обидчика на тысячу кусков, если ему доведется когда-нибудь прийти к власти.

Восстание Язида, сына Мухаллаба.

Вот потому то, едва прослышав о смертельной болезни Омара, и понимая, что преемником халифа должен стать его заклятый враг, Язид решил бежать из заключения. Обретя свободу, беглец направил свои стопы в Аль-Басру. Там ему удалось сплотить вокруг себя своих многочисленных друзей, так как, несмотря на все свои недостатки, Язид был человеком щедрым, и привык вести себя непринужденно. Таким образом, напав на дворец, он убил местного правителя, захватил казну, и, прельстив народ щедрыми посулами, собрал весьма серьезные силы для борьбы. Мятежника поддержала йеменская партия, и особенно представители его собственного племени Азд, которое здесь, как и в Хорасане, находилось в союзе с Бени Рабиа; в то время как Бени Кейс и Бени Темим заняли враждебную сторону. Его главным противником, однако, был человек религиозный, друг Омара II — Аль-Хасан Аль-Басри. Халиф, по-видимому, уже не на шутку обеспокоенный, послал к нему парламентаря с предложением безусловного прощения; но Язид сам по себе слишком сильно увяз в этом деле и вынужден был теперь сражаться до конца: победить или погибнуть. Руководимое им восстание привлекло к себе такое большое количество народа, что Язид смог отрядить своих собственных наместников в Аль-Ахваз, Фарс и Керман, хотя и не в свою прежнюю провинцию Хорасан, ибо там Бени Азд находилось под контролем племени Темим. В Аль-Басре все сторонники Аль-Хаджаджа, попавшие в его руки, были убиты. Все городские вожди, даже и те, что пользовались благосклонностью Язида, из опасения поставить под угрозу свое положение при дворе, предпочли бежать от него в Аль-Куфу. Сам Язид осел в Аль-Басре, не предпринимая никаких действий, пока вести о восьмидесятитысячной армии, вышедшей из Сирии под командою Масламы, военачальника, прославившегося в сражениях на полях Малой Азии и Армении, не вынудили его начать подготовку к военным действиям. Его братья советовали ему оставить Аль-Ирак и взамен захватить

Хорасан, или же крепости в горах неподалеку от Ирака, где недовольные могли бы пополнять его войско. Действуя таким образом, мятежник мог бы взять измором, постепенно измотать сирийскую армию; но он отказался быть «птичкой, перепархивающей с холмика на холмик», и, двинувшись вперед, занял Васит. Маслама вошел в Аль-Куфу, где у власти оставалась сильная группа сторонников Язида; он низложил градоначальника, и, хоть и не без трудностей, усмирил мятежные умы. Затем, перейдя Евфрат, он продолжил свой путь по левому берегу реки. Язид, оставив одного из своих братьев с сильным резервом в Васите, двинулся навстречу карательным войскам. Много прославленных воинов-куфанцев, как из Бени Темим, так и из Бени Келб, выступало под его знаменами. В мелких стычках и отдельных поединках прошла неделя. Затем Язид решил было атаковать армию халифа под покровом ночи, но был удержан от этого шага сопровождавшими его парой религиозных фанатиков. На следующий день после этого он выступил перед своей армией, ругая Омейядов, как сборище нечестивцев-безбожников, сражаться против которых, якобы, являлось священной обязанностью правоверных — даже более значительной, чем борьба с тюркскими племенами. Призывы к битве за возрождение чистоты обычаев святой веры, слетавшие с уст такого беспринципного человека, всецело поглощенного исключительно земными заботами, должны были звучать по меньшей мере странно. Помимо такой духовной накачки, чтобы добавить решимости своим бойцам и сделать их отступление невозможным, Маслама решил поджечь мост, находившийся позади его войска.

Его поражение и смерть, ii 102 г. хиджры, август 720 г. от р. Х.

Все равно, армия мятежников, неспособная противостоять натиску сирийцев, дрогнула, причем племя Темим первым подало пример. Язид же, узнав о гибели своего любимого брата, воскликнул, что после этого не стоит дорожить жизнью, бросился на вражеские ряды, и был сам убит. После этого, его оставшиеся в живых братья, не в силах удерживать свои позиции в Васите, оставили город, обезглавив перед этим всех находившихся у них в руках пленников, и бежали. Они вместе с градоправителем, всего около тридцати человек, взяв с собою своих жен и детей, сели на корабль и поплыли вдоль берега Персидского залива в Керман, надеясь, что тамошний наместник, который получил свой пост из рук Язида, не откажет в приюте его родным и близким. Но они ошиблись; все братья мятежника были убиты, а женщины и дети, в нарушение всех исламских законов, были выставлены на продажу в Аль-Басре. Правда, верный сторонник Омейядов, Аль-Джаррах Ибн Абдалла Аль-Хаками, исполнил свой долг чести, заплатив за них выкуп. Но вся их собственность была, разумеется, конфискована.

Уничтожение семейства Мухаллаба.

Такая же печальная участь постигла плененных мятежников и в Аль-Куфе, где по приказу халифа были казнены триста человек. Их выводили группами по двадцать-тридцать человек, с некоторых полностью срывали одежду, и хладнокровно обезглавливали. Вот таким образом новый халиф удовлетворял свою ярость по отношению к тем людям, что являлись противниками Аль-Хаджаджа. Так был вырезан весь дом Аль-Мухаллаба, и ни один из его потомков уже не признавался законным наследником этого великого человека. Жестокая бойня и презрение к человеческой жизни, о которых мы так часто читаем у

арабских летописцев, стали болезненными приметами того времени. Безжалостная картина, однако, послужила лишь соответствующим концом карьеры человека, заставившего мельничные жернов в Джурджане вращаться при помощи крови своих жертв.

Восстание в Хорасане, 102-104 г. хиджры

Заслуги Масламы в подавлении этого опасного для халифата восстания, а также в кампании против Византии, были вознаграждены в виде наместничества над всем Аль-Ираком и Хорасаном. Своим заместителем в Мерве Маслама назначил своего зятя Саида, человека слабохарактерного, прозванного в насмешку «Хозейна»: из-за того, что его одежды была похожа на наряды персиянок. Сделанный Масламою выбор оказался далеко не самым удачным. Общее возмущение населявших Ходжент и Фергану племен вскоре из-за бездеятельности мусульманского правителя приобрело весьма серьезный характер. Население Согдианы, бывшее данниками мусульман, из страха перед этими ордами, попросило защиты у наместника, находившегося в Мерве. Однако, поскольку помощь от мусульман не спешила, согдианцы вынуждены были обратиться к тюркам, и попали в тяжкую зависимость, платя дань и тем, и другим. Когда мусульманские войска, наконец, изволили явиться, жители Согдианы сразу же вернулись в свое прежнее подданство. Как бы то ни было, когда до командующего отрядом мусульман дошли сведения об убийстве какого-то араба (а ведь на этих землях начали селиться многие арабы и персы), он просто послал за обвиняемым и убил его в своем шатре. Жители Согдианы ответили на это убийством всех находившихся в их руках пленников-мусульман. В отместку магометанский военачальник напал на местное население, которое к тому времени не имело никакого оружия, и для своей защиты могло использовать лишь палки. Все жители, всего около трех тысяч человек, были перебиты.¹ Войны в этих отдаленных провинциях более или менее непрерывно велись на протяжении всего халифата, но они не давали никаких особо заметных результатов.

Ирак, Малая Азия и Армения, 102-104 г. хиджры.

Маслама, опрометчиво не пославший излишки доходов от своих провинций в Дамаск, был отстранен от службы. На его место в награду за проявленную на войне доблесть был назначен Омар Ибн Хубейра, честолюбивый потомок племени Фезара. Он отличился и в кампании против хариджитов, и в более поздних сражениях на северных границах Месопотамии. Это был кейсит из кейситов, и соответственно йеменцам и представителям

¹ Другой источник говорит о семи тысячах, что даже при самом большом допуске кажется неправдоподобным. Купцам Согдианы было разрешено уехать до начала резни. Известна одна романтическая легенда о крепости Бахила, которая была занята согдийским кланом, сохранявшим лояльность исламу. Один из тюркских военачальников захотел взять в жены какую-то женщину, проживавшую в этой крепости; в ответ на ее отказ он решил осадить ее твердыню. Мусульманский карательный отряд появился как раз во время, чтобы спасти осажденных: те уже были готовы сдаться, поскольку сильно страдали от жажды. Тюрки были внезапно атакованы и обращены в бегство. Пока они не успели возвратиться на поле боя, мусульманские воины освободили всех мужчин, женщин и детей и отвели их в безопасное место. Вернувшиеся тюрки, обнаружив крепость пустою, нигде не видно ни души, заявили, что это джинны совершили такое чудо.

племени Азд пришлось при нем несладко, особенно в Хорасане. Наследство, оставленное Аль-Хаджаджем, стало приносить свои плоды. Язид II решил последовать примеру Сулеймана, и за пределами Сирии любое правительство при этом халифе было представлено людьми только одной крови — кейситами. Политика уничтожения под корень рода Аль-Мухаллаба, новое отклонение в исламе, означало войну с Йеменом. В Малой Азии владения мусульман оставались спокойными. Однако на северо-восточном направлении велись тяжелые и не всегда удачные бои против хазар, кипчаков и других народов, населявших горную область, расположенную между Черным и Каспийским морями.

104 г. хиджры.

Первая армия, посланная в этот высокогорный регион, понесла тяжелое поражение, и, оставив весь свой обоз в лагере, оказалась выметена прочь из страны. Второе войско под командою Аль-Джарраха, возобновив военные действия, заняло Баланджар и другие важные города; но, неосторожно продвинувшись слишком далеко, было застигнуто зимой врасплох. Оно застряло в горах, окруженное и полностью отрезанное от своих тюркскими племенами. Халиф пообещал послать свежие силы на выручку, но вскоре умер, переложив эту задачу на плечи своего преемника.

Африка.

В Африке события развивались хуже некуда. Халиф назначил туда эмиром человека, бывшего любимым секретарем Аль-Хаджаджа; и тот, используя против новообращенных берберов грубые методы, которым научился от своего бывшего господина, спровоцировал их поднять восстание, закончившееся его смертью. В результате этого в африканских колониях ислама были ослаблены и узы послушания, и приверженность берберов арабскому двору.

Испания.

Испания, будучи сама зависимой от Африки, оказалась в еще менее удовлетворительных отношениях с халифатом. Авторитет Дамаска в этой провинции был весьма опосредованным и нестойким. Власть наместника, сильная в других колониях, оказывалась в этой огромной стране непостоянной и зачастую слишком слабой; в то время как вожди арабов, пускай и отважные в сражениях, искали в гражданской службе часто лишь удовлетворения своих собственных интересов. Пиренеи уже были однажды пересечены Амиром Аль-Хорром, возможно, при Сулеймане,

Вторжение во Францию, 100 г. хиджры, 718 г. от р. Х.

и в сотом году хиджры мусульманские войска, воспользовавшись слабостью Франции, которая в тот момент была раздираема внутренними противоречиями и страдала от ненависти ее аборигенов к своим пришлым с севера господам, вновь вторглись в ее южные провинции. Разорив эту страну до самого Нима, они вернулись в Испанию с большой добычей.

Новый поход через Пиренеи, xi. 102 г. хиджры, май 721 г. от р. Х.

Прельщенные этим успехом, два или три года спустя, магометане вновь пересекли Пиренеи, захватили Нарбонн и разместили в этой крепости гарнизон, сделав ее главным центром своих военных операций. Под командою Самха Ибн Малика, правителя Испании при Омаре, они осадили Тулузу, но были вынуждены снять осаду при приближении вражеской армии под командою графа Эудо, обратившей их в паническое бегство. Разрозненные остатки исламского войска собрались под знамена знаменитого Абд Ар-Рахмана Ибн Абдаллы¹ и сумели возвратиться в Нарбонн, где нашли себе надежное убежище. Но отступление, слухи о котором разнеслись по всем окрестным землям, ободрило северных испанцев, уже свергших в Астурии арабское иго, и подвигло их на новую борьбу с захватчиками. Примерно в это же самое время воодушевленные астурийцами испанские повстанцы нанесли магометанам серьезное поражение. Горный регион стал для повстанческой армии источником постоянного пополнения; и именно там были посеяны семена новой силы, которой будет суждено «при наступлении полноты времен» привести мусульманское господство в Испании к полному краху.²

Неудивительно, что при таком слабом и непопулярном правлении, по всему Востоку стали плестись интриги как среди Алидов, так отныне еще и среди потомков Аль-Аббаса (чьи претензии на трон именно тогда были обнародованы впервые).

Интриги Алидов и Аббасидов.

Делегация из Аль-Ирака, которая под видом торговцев возмущала народ Хорасана против правящей династии, была схвачена и приведена к «Хозейне». Однако тот, поверив выдуманной истории и поручительству их друзей, позволил заговорщикам уйти. И, таким образом, только зародившаяся коварная интрига получила возможность своего дальнейшего распространения.

Последний из «соратников».

Год за годом все предыдущие летописи сообщали об уходе в мир иной престарелых мужей, составлявших окружение Мухаммада, которые заслужили славное прозвание «соратников». Отныне эти записи прекращаются по вполне естественной причине: время соратников Пророка подошло к концу. На восемьдесят девятом году хиджры скончались самые последние из тех, что проживали в Сирии: два старца. Один из них дотянул до почтенного возраста в сто лет, а другого величали не иначе, как «соратником, который застал две киблы».³ Другие, поселившиеся в Аль-Ираке, пережили их еще на один-два года. Ну а самый последний из всех людей, лично видевших и знавших Пророка, умер в

¹ Или, как его называют европейские авторы, Абдерам.

² Мусульмане потеряли Нарбонн и были окончательно вытеснены из Франции в 759 г. от р. Х. См. «Вторжения сарацинов» г-на Рено, Reinaud, *Invasions des Sarrazins*, Paris 1856.

³ То есть помнил времена, когда Мухаммад молился, повернувшись лицом к Иерусалиму, используя его как свою киблу, до того, как он решил изменить это направление на Мекку. См. «Жизнь Мухаммада», стр. 183-189.

Мекке в сто первом году хиджры.¹ «Соратники» всегда занимали высокое и во всех отношениях отличительное положение в мусульманском сообществе. Они пользовались особым почетом, невзирая ни на какие обстоятельства. С ними всегда обращались с учетом того, что этим людям посчастливилось воочию лицезреть самого Мухаммада и беседовать с ним. Но со временем их словам начали придавать совершенно новую значимость. ценность. Коран, изначально служивший единственным руководством в решении различных вопросов, социальных, правовых и духовных, постепенно перестал удовлетворять новым потребностям все расширяющегося исламского мира.

Собиратели предания или сунны.

У арабов постепенно возникла потребность дополнить текст Корана изречениями и примерами («сунною») из жизни Пророка. Повсюду расплодилось множество собирателей преданий, по всем концам земли искавших «соратников» Пророка. Они проводили свое время, записывая их воспоминания о событиях, имевших хоть какое-нибудь отношение к жизни Мухаммада. Ни одно происшествие, каким бы оно ни казалось тривиальным, не упускалось; ибо каждое слово, и каждый поступок Пророка мог стать прецедентом для будущих социальных или правовых предписаний. Это занятие стало, таким образом, одним из самых уважаемых в исламском государстве. Были записаны сотни тысяч преданий, имеющие хоть тень надежды на достоверность, на которых в значительной степени и были выстроены законы и обычаи ислама, и которые, кстати, также дают нам ясное и в основном верное представление о непосредственной жизни Пророка.

Назначение преемником Хишама.

В самом начале правления Язид, поддавшись уговорам, объявил преемником своего брата Хишама, и лишь после него — своего собственного сына Аль-Велида, в то время лишь одиннадцатилетнего подростка. Клятва на верность им обоим была принесена соответственным образом по всему халифату. Несколько лет спустя, Язид стал сожалеть, что не назначил непосредственным преемником своего сына; но так и не нашел в себе решимости произвести необходимое изменение.

Любовь Язида к наложнице-рабыне.

Язид пылал еще большей страстью к своему гарему, чем все его предшественники, но его привязанности, в отличие от других халифов, имели более постоянный характер и выделялись продолжительностью. Летописи повествуют нам о Хаббабе и певице Салламе, чье влияние было при дворе Язида наиболее значимым. Даже Ибн Хубейра,

¹ Его звали Амир Абу'т-Тофейл. Другие упомянутые в летописи умершие в том году были рождены при жизни Мухаммада, но самого его не видели. Один из них скончался в девяносто восьмом году хиджры в возрасте более ста лет. Он еще мальчиком отправился в Медину, чтобы засвидетельствовать свою веру перед Мухаммадом, однако прибыл туда только после его смерти, и соответственно так и не увидел Пророка живым. Другой из упоминаемых историком старцев дожил до сто девятого года хиджры, должно быть, ему было также более ста лет.

говорят, добился своего высокого положения благодаря этим женщинам. Привязанность халифа к первой из них была так велика, что он ненадолго пережил ее смерть. Отдыхая с Хаббабой в своем тенистом саду в Палестине, Язид шутливо бросил ей в рот виноградную косточку, женщина поперхнулась и тут же умерла. Три дня он омывал слезами тело своей возлюбленной. Лишь с большим трудом придворным удалось уговорить халифа позволить им предать ее прах земле. Погребальной службой руководил его брат Маслама, сильно опасавшийся скандала, если бы народ увидел халифа в его горе, выражение которого явно выходило за общепринятые у арабов рамки. Язид так и не оправился от этой утраты, не смог совладать со своими чувствами и умер в течение недели. Вопли Салламы, ухаживавшей за лишенным рассудка халифом до самых последних мгновений, послужили первым сигналом о случившемся семье и свите властителя правоверных.¹

Смерть Язида II, viii 105 г. хиджры, январь 724 г. от р. Х.

Язид II скончался в возрасте сорока лет, пробыв халифом чуть больше четырех лет. Его бесславное правление не смогло остановить, если фактически не ускорило, упадок династии Омейядов. Ибн Ат-Тиктака даже называет его «блудным сыном» Омейядов. Преемником умершего халифа стал его брат Хишам, еще один сын Абд Аль-Мелика.

¹ Романтическая история Хаббабы проливает интересный свет на халифский гарем и на обстоятельства его семейной жизни. За несколько лет до своего восшествия на престол, во время паломничества в Мекку, Язид купил эту невольницу за четыре тысячи золотых монет; однако его брат Сулейман, в то время бывший халифом, был недоволен этой покупкой. Поэтому Язид возвратил девушку купцу, продавшему ее впоследствии какому-то египтянину. «Когда Язид унаследовал трон халифа, его жена, внучка Османа, как-то сказала ему: “Разве осталось хоть что-нибудь в этом мире, любовь моя, чего бы ты до сих пор желал?” “О, да! — отвечал халиф, — и это Хаббаба”. Тогда она послала гонца в Египет, чтобы тот выкупил предмет страсти ее возлюбленного. Затем, облачив привезенную женщину в наряд невесты, она посадила ее на кушетку во внутренних покоях за занавеской, и позвала мужа. Беседуя с ним, она вновь спросила его: “Остается ли хоть что-нибудь в этом мире, чего бы ты мог сильно желать?” “Да, и ты сама знаешь, что это”, — повторил свой прежний ответ ее супруг. Тогда она откинула занавеску и сказала: “Да, я знаю, что это. Вот сидит Хаббаба и ждет тебя”. С этими словами она поднялась и удалилась, оставив их наедине друг с другом. За это Язид полюбил свою жену еще больше».

ГЛАВА LV

ХАЛИФАТ ХИШАМА. ДАЛЬНЕЙШИЙ УПАДОК ДИНАСТИИ ОМЕЙЯДОВ.

105-125 г. хиджры / 724-743 г. от р. Х.

Хишам, 105 г. хиджры, 724 г. от р. Х.

ХИШАМУ, восшедшему на халифский престол, суждено было править долго и спокойно. Его мать принадлежала к роду Махзум, некогда игравшему ведущую роль в клане корейшитов, и Хишам проявлял благосклонность к ее собратьям. Стараясь во всем выказывать себя образцом истинно верующего человека, подобно Омару II, он изгнал из своего двора все вещи, несовместимые с исповедованием ислама. Его мягкое и, в основном, справедливое правление могло бы привести к процветанию империи, если бы не злой гений его предшественников, который все еще продолжал раскачивать его трон. Кроме того, имелось и множество других причин, способствовавших дальнейшему упадку империи. Хишаму не всегда удавалось удачно подобрать себе заместителей, и они, играя на двух его пороках, подозрительности и алчности, порой толкали халифа на неосторожные и жестокие поступки, ведущие к потере хороших отношений с людьми и утрате популярности в народе, чего можно было бы избежать, прояви он своевременное великодушие. Военные операции не принесли ему успехов ни на одном из выбранных направлений, и, разумеется, его войскам довелось неоднократно потерпеть весьма чувствительные поражения. С самого начала Хишам сблизился с йеменской группировкой, что привело к отдалению от его трона фракции, в которую входили арабы-северяне.

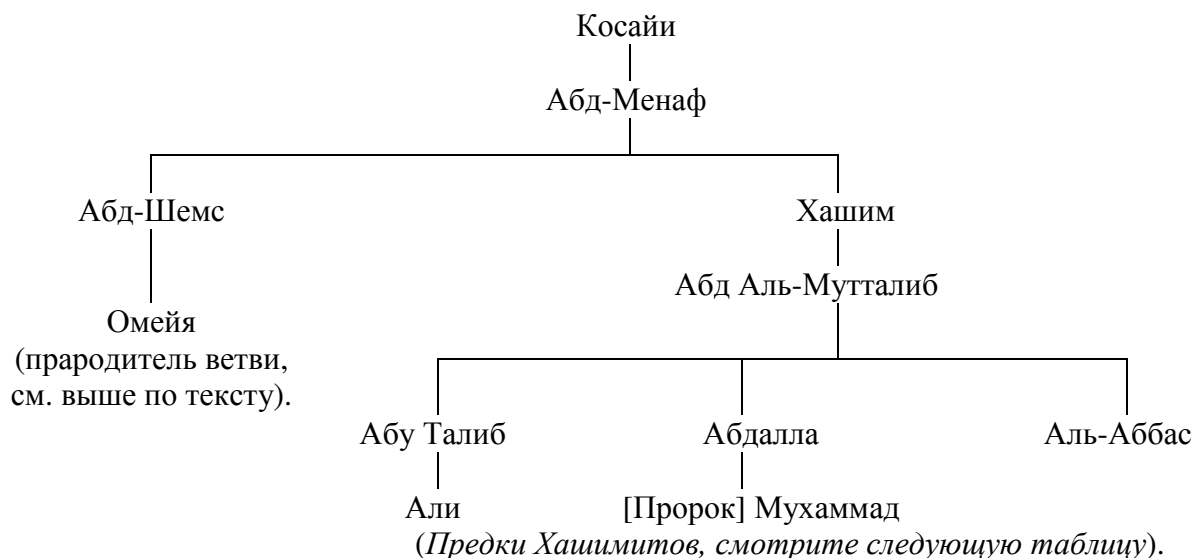
Антагонизм между домами Хашима и Омейи.

С незапамятных времен, еще задолго до рождения Мухаммада, существовало соперничество между двумя главными ответвлениями рода корейшитов, а именно, между потомками Хашима и Омейи.¹

Сопутствующая таблица показывает связь между двумя этими ветвями, Хашимитской и Омейядской:

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. сх и далее по тексту. См. таблицу в нашем тексте.

Абуль-Аббас (Саффах) и Абу Джафар оказались двумя первыми Аббасидскими халифами. Али, отец Мухаммада, нанес оскорбление халифу Абд Аль-Мелику, взяв в жены женщину, с которой тот развелся, и будучи по этой причине плохо принят при дворе, удалился в Аль-Хомейму, поселение на границе Аравии. Считается, что там и произошла предполагаемая передача претензий Ибн Аль-Ханефии.

Пророк, бывший потомком Хашима, вынужден был терпеть серьезное противодействие со стороны Омейядов, как на поле битвы, так и в частых публичных спорах. Это противостояние продолжалось до тех пор, пока завоевание Мекки не повлияло на принятие ислама абсолютно всем родом корейшитов, и не привело всех — и врагов, и друзей — внутрь единой общей религии.

Первый энтузиазм принятой религии стирал в арабском сознании все племенные различия. Но постепенно старые ценности возвращались в их повседневную жизнь, и прорывались на поверхность с новой силой. Еще свирепей, чем прежде, они проявились в убийстве Османа и в последовавшей за ним борьбе между Али и Муавиею; в то время как хариджиты, которые постоянно будоражили мир ислама своими восстаниями, не признавали авторитета ни одного из домов, но требовали чисто теократического управления. Старые чувства поутихли на время, и все успокоилось в период продолжительного правления Муавии. Но трагическая гибель Аль-Хосейна и его семьи в Кербеле послужила причиной сильной положительной реакции в защиту дома Али; и таким образом возникло религиозное течение, называвшееся вначале «партия («аш-Шиа») Али», или «приверженцы (шииты) Али», а затем просто «шииты», выступавшее в поддержку права на власть, якобы дарованного Богом только [мужскому потомству Пророка] по линии Али. Эта доктрина, утверждавшая право наследования свыше по линии Али, и только по ней, начала энергично, хотя и тайно распространяться. Ее носителями оказались широко рассеянные по всему халифату нелояльные по отношению к существующему правительству элементы.

Заявление Мухаммада о том, что он является наследником Аббаса.

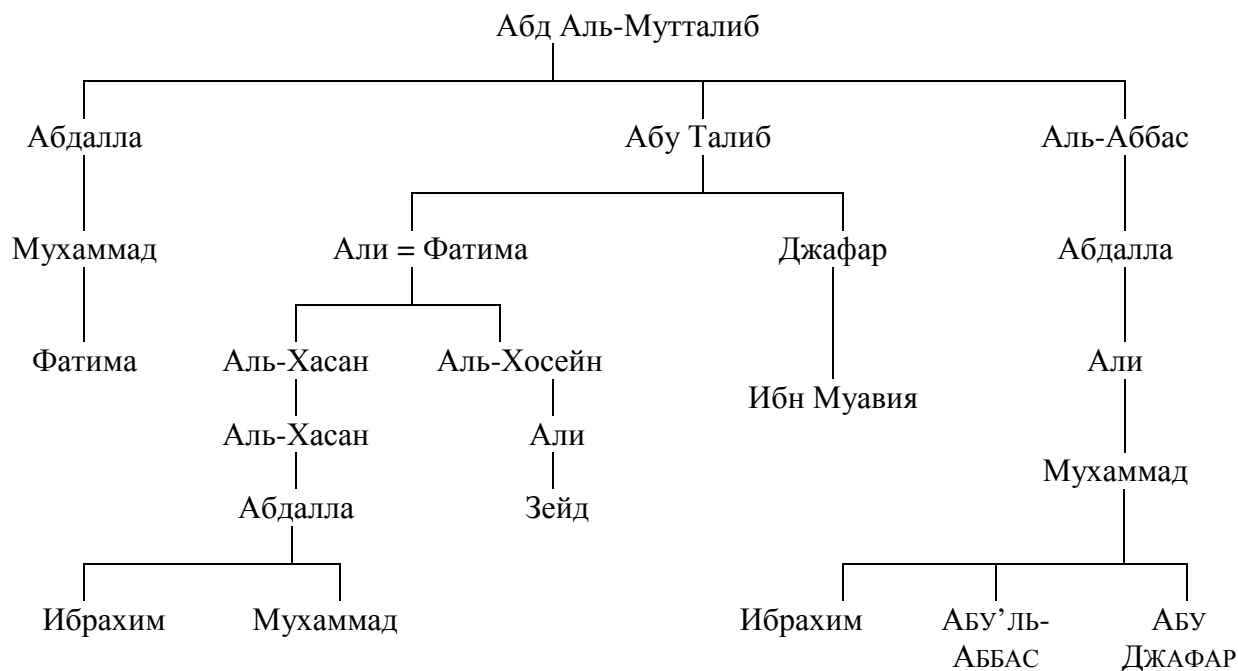
И тут на сцене появился другой, более опасный претендент. Им оказался Мухаммад, правнук Аль-Аббаса, дяди Пророка. До сих пор представители этой ветви, отошедшей от

древнего рода Хашима, не претендовали на верховную власть. Идея об их праве на господство возникла совсем недавно, и только при нынешнем халифате обрела она определенную форму о превосходстве дома Али. Сторонники Аббасидов снискали себе доверие в среде шиитов, распространив слух, что Абу Хашим, сын «ханифа» («благочестивого человека») Мухаммада, сына Али, на своем смертном одре завещал свои права Мухаммаду. Правдой ли это было или вымыслом, доводы и той, и другой партии основывались на общем неоспоримом превосходстве перед Омейядами, имевшемся у ветви, из которой происходил сам Пророк. Омейяды же теперь непрестанно поносились и Алидами, и Хашимидами, как отпрыски врагов Мухаммада, мучители его потомков, порочная и распутная раса тиранов, пренебрегающая предписаниями ислама и попустительствующая пьянству, собачьим боям, музыке, пению, разгулу, и всякого рода сквернословиям — обвинения, для которых, разумеется, правящая династия часто давала очень веские основания.

Интриги Аббасидов.

Шпионы этого Мухаммада, нашедшего себе приют в южной Палестине, под видом купцов постоянно ездили в Хорасан. Они старались плести свои интриги скрытно, и хотя нередко мнимые торговцы оказывались обнаруженными, что неизбежно влекло за собою жестокую казнь, их дело упорно продолжали новые лазутчики. Эти тайные эмиссары орудовали в бойких пригородах больших городов по всему Востоку; и вскоре дело Аббасидов стало приобретать себе известность; у него находились сторонники по всему Аль-Ираку и Персии, равно как и в Хорасане.

Связь «Шиитов», или партии, поддерживающей род Алидов, с семейством Аббасидов, как потомков соответственно Абу Талиба и Аль-Аббаса, приходившихся дядьями Пророку, видна из следующего генеалогического древа:

Халид — правитель Куфы, 105 г. хиджры, март 724 г. от р. Х.

Одним из первых назначений нового халифа стала замена кейсита Омара Ибн Хубейры, наместника Аль-Ирака, на Халида Ибн Абдаллу, протеже Аль-Хаджаджа, который происходил из нейтрального клана Баджила, пускай и принадлежавшего к группе племен из Йемена.

Доля Ибн Хубейры оказалась весьма обычной для того времени участием смещенного правителя. Его бросили в темницу, где подвергли пыткам за утаение доходов. Заключение удалось бежать, однако он был настигнут стражей и убит. Халиф собирался было казнить его убийцу; но удовлетворился личным выражением недовольства Халиду, бывшему, очевидно, инициатором этого убийства. Управлять Хорасаном Халид поставил своего брата Асада, а сам продержался на посту наместника Аль-Ирака в течение пятнадцати лет.

Восстания хариджитов в Ираке, 118-119 г. хиджры.

Окончание этого периода ознаменовалось цепочкой довольно серьезных восстаний хариджитов. Одно из них, возглавляемое неким колдуном, хотя и было поддержано всего несколькими последователями, получило известность благодаря своим необычным

доктринам, например, о божественности Али, от исповедования которых мятежники не отступили даже во время их варварской казни. Страдальцев сожгли, привязав к столбам и обложив пропитанными нефтью фашинами хвороста. Другое более опасное восстание было поднято гражданином Васита, выступавшим против употребления вина. Он также обвинял Халида как «сына христианки (его мать действительно была христианкой), за попустительство разрушению мечетей, в то время как сам строил церкви и синагоги, предоставлял должностные места для служителей культа Заратустры и разрешал иудеям и христианам брать в жены мусульманских женщин». Его идеи обрели в народе популярность. Огромное количество сторонников собралось под его черные знамена, и сражались эти люди с беспрецедентным отчаянием. Дважды они наносили поражение посланным против них карательным отрядам, и только армии, собранной по этому поводу из Сирии, Аль-Куфы и Мосула, удалось подавить восстание и уничтожить его предводителя. Посланные халифом силы сумели подавить еще несколько мятежей, развязанных другими не менее фанатичными повстанцами. Лидер одного из них, совершив множество злодеяний, был захвачен раненым вместе с группой своих последователей. Изумленный его учением и знанием Корана, Халид просил пощадить бунтовщика. Однако халифа возмутило настойчивое заступничество своего наместника; и мятежник, не переставая декламировать стихи из Корана, был предан огню вместе со всеми своими товарищами. Он умер со следующими словами на устах: «Скажи: “Огонь геенны более зноен”, — если бы они разумели!»¹ Таково было необузданное рвение этих фанатиков.

Падение Халида, 120 г. хиджры 737 г. от р. Х.

Не говоря уже о череде всех этих восстаний, которые сами по себе причиняли немало беспокойств, Халид после долгих лет верной службы, в конце концов, потерял благосклонность своего господина, то ли заподозрившего растрату, то ли просто возревновавшего, возможно, и не без причины, что его наместник недостаточно предан дому Хашима.² Как бы то ни было, он назначил на его место Юсуфа Ибн Омара, из племени Сакиф — родственника Аль-Хаджаджа, правителя Йемена. Без предупреждения, как это часто делалось, приведя Халида в полное смятение, Юсуф появился в Аль-Куфе и передал повеление халифа взыскать по всей строгости закона все долги до последней копейки с «сына Назарянина» и его заместителей. Юсуф с удовольствием исполнил свою миссию; поскольку он искренне ненавидел Халида, как гонителя своего сородича Омара Ибн Хубейры. Теперь настал черед чиновников Халида почувствовать, что значит предвзятое обращение с человеком. Да и для него самого, в общем, требуемая сумма оказалось такой высокой, что не в его власти было ее оплатить. Халида подвергли страшным пыткам (в качестве возмездия за жестокое обращение со своим предшественником) и бросили в темницу. Через полтора года халиф приказал освободить его и разрешил, несмотря на все протесты Юсуфа, присоединиться к армии, воюющей в то

¹ Сура ix. 82.

² Возможно, так и было на самом деле, хотя виду он старался не показывать. Когда Халида обвинили в сочувствии дому Али и в том, что он ссужал Алидов деньгами, тот отвечал, что этого не могло случиться, учитывая, что он каждый день проклинал Али на своих публичных молитвах; просто люди оклеветали его для того, чтобы снискать себе популярность.

время против Византии. Впрочем, во время правления следующего халифа, как мы еще убедимся, его все равно настигнет неутолимая ненависть Юсуфа.

Юсуф назначен на его место, в 120 г. хиджры, май 738 г. от р. Х.

Смещение Халида вызвало большое недовольство, особенно среди представителей йеменского клана в Аль-Ираке. Его преемник Юсуф, небольшого роста с длинной бородой, помимо своего модарского происхождения, уже успел отличиться своим деспотичным стилем управления в южной Аравии. Его заслугой, разумеется, было возрождение престижа ислама и принижение христианства и иудаизма. Но, невзирая на свою набожность и длинные молитвы, сладкоречивость и искусство в стихосложении, Юсуф отличался свирепым, и даже варварским нравом.¹ В ходе своего расследования он обнаружил, что Халид ссужал огромными денежными суммами Зейда Ибн Али, внука Аль-Хосейна, подозреваемого в притязаниях на халифат.

Зейд, внук Хосейна, претендует на халифский трон.

Халиф вызвал его к себе, и, не удовлетворенный его отношением к делу, отправил для дальнейшего разбирательства Юсуфу. Зейду, однако, удалось выйти на свободу безнаказанным. Ему посчастливилось снискать себе расположение арабских племен в Аль-Ираке, будоража своими рассуждениями то одно из них, то другое. Он переезжал с места на место, не печалась о вынужденном отстранении от активных действий. Более того, ему явно удалось вознаградить себя в ином, благодаря частым бракам с девушками из йеменских кланов.² И вскоре ему поклялись в верности как законному халифу тысячи сторонников в Аль-Куфе и ее окрестностях, принеся обещание сражаться под его знаменами. Так продолжалось в течение нескольких месяцев. Наконец, его последователи убедили своего лидера «теперь, когда настало время свергнуть династию Омейядов», не откладывать больше дело в долгий ящик. Существенный момент в еще не определившихся взаимоотношениях между двумя ветвями ствола родового дерева Хашимидов — потомков Али и потомков Аль-Аббаса — заключается в том, что Дауд Ибн

¹ Например, Юсуф был чрезвычайно капризен в отношении своей одежды, и наказывал портного, если тому не удавалось угодить его вкусам. Он мог провести своим ногтем по ткани, и если тот на что-то натыкался, ткача избивали, или могли даже отрубить ему руку. Однажды его секретарь, трудившийся с меньшим, чем обычно, усердием, пожаловался на зубную боль, объяснив этим свою неготовность к работе. В ответ на это варвар тут же вырвал больной зуб, а также — в качестве наказания — и стоявший рядом с ним здоровый. Следующей из таких историй вообще верится с трудом. Готовясь к какой-то поездке, Юсуф спросил одну из девушек-наложниц, не желает ли она сопровождать его; получив утвердительный ответ, он велел обезглавить несчастную, обвинив ее в том, что та не думает ни о чем, кроме любви. Другую же наложницу, что, наоборот, предпочла остаться со своим ребенком, постигла такая же участь. Третья, ответившая в ужасе, что не знает, что и сказать, чтобы ее ответ не обидел господина, тоже была казнена: за то, что осмелилась с ним спорить. Распространение подобных историй, даже если в действительности этого и не происходило, дает определенное представление о том, с каким тираном людям приходилось иметь дело, а также проливает мрачный свет на нравы и мораль того времени.

² Приводятся имена двоих из них. Одна очаровательная госпожа, хотя уже в зрелых годах, пришла оказать ему почтение, как ревностная шиитка; и Зейд, несмотря на ее возраст, попросил эту женщину стать его женою. Сославшись на то, что она уже не так молода, женщина предположила, что ее дочь, будучи гораздо привлекательнее и элегантнее, чем она сама, окажется более подходящей кандидатурой. Зейд рассмеялся и с радостью согласился на эту замену.

Али, один из последних, отговаривал Зейда от такого поспешного шага. Он убеждал его не полагаться ни на двадцать, ни даже на сорок тысяч своих сторонников.¹ «Ты только вспомни, — увещевал он, — сколько из того множества куфанцев-перебежчиков, поклявшихся сражаться за Аль-Хосейна; из восьмидесяти тысяч! осталось с ним в трудную минуту?» Совет был весьма разумен, но Зейд оставил его без внимания. С одной стороны, фанатичные сторонники теократии были недовольны Зейдом, поскольку он вслед за Аз-Зубейром отказывался признавать, что Абу-Бекр и Омар являлись узурпаторами власти над исламским сообществом. С другой стороны, не говоря уже о подобных мелочах, беззаботные и любящие развлечения куфанцы едва ли были готовы на серьезное восстание.

Его восстание в Аль-Куфе, 122 г. хиджры, январь 740 г. от р. Х.

Да, они были не прочь принести ему присягу, но им не хватало духа на ее исполнение. Наконец, Зейд назначил день. Эта секретная информация дошла до ушей Юсуфа, который находился в то время в своем дворце близ Аль-Хиры. Прямо оттуда градоначальник отдал приказ всем горожанам, как в целях безопасности, так и для того, чтобы исключить возможность волнений в среде народа, собраться во дворе Большой мечети. Всю ночь шииты ходили по улицам города под знаменем Зейда, выкрикивая старый боевой клич арабов: «Йа, Мансур!» Ранним утром Зейд двинулся вперед, рассчитывая встретить на своем пути толпы народа, с готовностью приветствующего его. Увы, вместо огромной толпы на улице его ожидало лишь двести восемнадцать человек. Как бы то ни было, он продолжил свое шествие по городу, отогнав пред собою городскую стражу и воинов наместника. Зейд проходил квартал за кварталом, однако, почти без какого-либо успеха. Юсуф вместе с вождями Аль-Куфы наблюдал за его шествием издали. «Где же мои люди, — воскликнул Зейд, — все те сорок тысяч человек, что принесли мне клятву на верность?!» Но никто не откликнулся на его призыв к оружию. Один из самых оптимистичных сторонников Зейда предложил: «Они заперты внутри мечети; давайте пойдем туда и освободим их!» Подойдя к мечети, они подняли свои знамена высоко над ее воротами, призывая: «Эй, вы, выходите из позора к славе; выходите ради мира сего и ради мира грядущего; вам ведь ни в том, ни в другом, нет пока ни доли, ни жребия!» Но ответом им послужил лишь град камней. Сумерки сгущались, и Зейд удалился к большой городской сокровищнице, где и провел ночь вместе со своим небольшим отрядом. На следующее утро их атаковала группа сирийских карателей. Мятежники храбро встретили врагов, и, уложив на месте семьдесят воинов халифа, начали оттеснять их все дальше, от одного места к другому.

Разгром и смерть Зейда.

Так прошел целый день; но когда уже начало темнеть, вражеская стрела поразила Зейда в висок. Его отнесли в дом одного из сторонников; но, как только стрела была вынута,

¹ Количество их в разных источниках варьируется от пятнадцати до сорока тысяч. Они все клялись «восстановить господство Корана, Святой книги, поддерживать благочестивую дисциплину, следовать за потомками Пророка и сражаться против их врагов, как тайно, так и на людях». После чего приносивший обет должен был вложить свою руку в руку Зийяда, и на этом обряд считался завершенным.

несостоявшийся халиф испустил свой последний вздох. Похоронили его тайно; но Юсуф, узнав о месте захоронения, раскопал останки и отправил отрезанную голову Зейда Хишаму, а тело вместе с телами других бунтовщиков было распято в церкви. Какое-то время голова Зейда «украшала» ворота Дамаска, затем была отправлена в Медину для подобного же обозрения. Обезглавленное тело его оставалось выставленным в Аль-Куфе вплоть до воцарения Аль-Велида II, когда тот повелел снять и сжечь останки незадачливого бунтовщика.

Путь для Аббасидов расчищен.

Это восстание, хотя, очевидно, само по себе и не слишком значимое, послужило поворотным моментом в судьбе дома Али. Несмотря на то, что, к большому сожалению для халифа, юному Яхье, сыну Зейда, удалось бежать, дело Алидов на тот момент оказалось безнадежно проваленным. Этому Яхье суждено будет пасть на поле брани уже во время царствования Аль-Велида II, но к тому времени надежды Аббасидов, как потомков **дяди** Пророка, совсем поблекнут в свете притязаний Алидов, в чьих венах текла кровь **самого** Пророка. Интересы хашимитов в предстоявшем им заговоре оказались теперь тесно связанными с Аббасидами, и они были готовы плести интриги с возрожденной надеждой и удвоенным рвением. Пожалуй, Омейяды не могли сделать своим противникам большей уступки: ведь они избавили их, таким образом, от опасных конкурентов в борьбе за трон.¹ Аль-Куфа являлась центром хашимитской пропаганды, и сначала все главные заговорщики были не арабами, а мавали — из среды персидских купцов и торговцев. Разложение Хорасана управлялось главной организацией из Аль-Куфы. Большинство хашимитских агентов составили странствующие купцы-мавали, но первыми представителями заговорщиков послужили арабы. Одним из них был вождь из племени Хоза'а, поселения которого находились в Мерве. Оно было связано родством с племенем Азд и с семьей Мухаммада. Движение коммунистического толка «Хуррамия», напоминавшее подобное движение в Маздаке более раннего периода, развивалось там параллельно, и Аббасиды, привыкшие ловить рыбку в любой воде, сумели и здесь добиться своей выгоды. Деньги тоже играли не последнюю роль в их успехе.

Войны в Хорасане.

На протяжении двадцати лет царствования Хишама мусульманская армия понесла множество поражений за Амударьей, где положение, в итоге, оказалось значительно серьезнее, чем это казалось сначала.

Асад, брат Халида, 105-109 г. хиджры.

¹ В действительности существовала и другая ветвь потомков Али, происходившая непосредственно от Аль-Хасана, брата Аль-Хосейна. Однако подобно самому Аль-Хасану, отрекшемуся от своего халифата в пользу Муавии, у них практически не было никаких честолюбивых притязаний. Сохранилось забавное, пускай и не очень поучительное предание о споре, представленном на суд Халида (который предположительно сочувствовал шиитам), между Зейдом, как потомком Аль-Хосейна и главою дома Аль-Хасана. Оба спорщика докатились до того, что в грубой арабской манере стали оскорблять матерей друг друга. Впрочем, не похоже, чтобы потомки Аль-Хасана когда-нибудь предпринимали практические шаги, как претенденты на трон.

Асад, прежде назначенный своим братом Халидом наместником в тех далеких краях, проявил себя в качестве тирана, и, подвергнув наказанию некоторых уважаемых всеми мужей, вызвавших его неудовольствие, был отозван. В течение всего этого времени тюркский каган со своими ордами держал центральные районы Средней Азии в постоянном беспокойстве; и, наконец, после очередного серьезного поражения, мусульманская армия оказалась на много дней в полном окружении, из которого ей удалось выбраться лишь с большими трудностями. Также причиной для основательного беспокойства правительства стал раздор, вспыхнувший на Востоке

Ашрас, 109-111 г. хиджры.

между йеменскими и модарскими племенами, и закончившийся не без кровопролития победой последних. Аль-Ашрас, новый правитель, вверг в волнения всю страну от Бухары до Согдиады, нарушив свое слово. Он сначала пообещал отменить подушную подать для всех, принявших ислам, а затем нарушил данное им обещание. Мятежники, поддержанные тюркским каганом, одержали верх над мусульманами, которым пришлось от них очень несладко.¹

Джунейд становится преемником.

В сто одиннадцатом году хиджры для улучшения положения из Синда был вызван Аль-Джунейд Аль-Мурри.² Он, хотя и был способным военачальником, однако оказался еще менее удачливым, чем его предшественник. На пути к Бухаре, где он намеревался присоединиться к основным силам мусульманской армии, он едва не попал в плен к кагану.

Каган нападает на Самарканд, 112 г. хиджры.

На следующий год, двинувшись на Тохаристан, Аль-Джунейд получил тревожное известие от Саурака, правителя Самарканда, о том, что каган обложил этот город. Самарканд находился на таком большом удалении от сферы влияния Аль-Джунейда, что он никак не мог защитить его. Невзирая на все его проблемы, Аль-Джунейд должен был немедленно отправиться на выручку осажденным в Самарканде. Пусть оказать им помощь непосредственно было и не в его власти, но предпринять хоть что-нибудь против тюрков являлось для мусульман жизненной необходимостью. Аль-Джунейд решил выступить на помощь самаркандцам, но подчиненные ему войска оказались так разбросаны по всем направлениям, что в его распоряжении оставался лишь небольшой

¹ Так, например, Камарджа, «один из величайших городов Хорасана, в котором было полно мусульман», в течение пятидесяти восьми дней был осаждаем каганом с его несметными ордами, собранными им из Ферганы, Насафа и окрестностей Бухары. Когда один из каганских вождей был пронзен стрелой, пущенной с крепостной стены, тюрки перебили сотню мусульманских пленников и перебросили их головы через стены крепости. В ответ на это мусульмане убили двести заложников, находившихся в их руках. Наконец, из-за недостатка воды, осада была прекращена, а мусульманам позволено безопасно удалиться из города.

² Аль-Джунейд получил это назначение (простой путь продвигаться!), подарив жене Хишаму редкое и дорогое индийское ювелирное украшение. Оно так понравилось Хишаму, что Аль-Джунейд подарил еще и другое, подобное этому, уже самому халифу.

отряд, с которым, несмотря на предостережения его чиновников, он немедленно двинулся в поход. Когда он прошел половину пути, его отряд окружили каганские орды, и завязался бой, вылившийся в жуткую резню. Доблестные воины-мусульмане, как в старые времена, долго удерживали противника на почтительном расстоянии. Наконец, Аль-Джунейд отступил к горному проходу, и, возведя там временные укрепления, собрал военный совет. «Или ты должен погибнуть, — сказали его помощники, — или Саурак». Тогда он отправил к Саураку гонцов, с приказанием выступить из Самарканда, чтобы, таким образом, отвлечь врага.

Джунейд жертвует Саураком и самаркандским гарнизоном.

Саурак был против такой безумной идеи; но после угрозы разъяренного Аль-Джунейда сместить его и назначить правителем его злейшего врага, Саурак с двенадцатитысячной армией выступил из города. После продолжительного перехода, когда его отряд находился уже почти рядом с войском Аль-Джунейда, каган решил обрушить все силы на Саурака, и завязалась кровавая битва. День стоял жаркий, и тюрки подожгли сухую траву за собою. Саурак решил пробиться сквозь вражеские ряды, надеясь таким образом добраться до лагеря Аль-Джунейда, до которого было уже рукой подать. Каган, освобождая путь, завлек Саурака в самое пекло горящих зарослей, скрытых за тучами пыли, поднятой копытами коней его всадников. В итоге мусульмане потеряли десять или одиннадцать тысяч человек, часть из которых сгорела в пламени, часть приняла смерть от меча противника. Оставшиеся бежали к дружелюбно настроенному, как они предполагали, вождю, который, однако, выдал их кагану. Все они, за исключением семнадцати человек, были жестоко убиты; и в итоге только троим из двенадцати тысяч удалось спастись из тюркской мясорубки. Принеся, таким образом, в жертву отряд Саурака, Аль-Джунейд поспешил воспользоваться представившейся ему возможностью покинуть свое укрытие. Но, столкнувшись с пылавшими зарослями, его войско было вынуждено отступить в свой лагерь, находившийся у входа в ущелье; где вскоре оно было атаковано армией кагана.

Джунейд пробивается к Самарканду, ix. 112 г. хиджры.

Оказавшись в столь затруднительном положении, Аль-Джунейд пообещал даровать свободу всем персидским невольникам, бывшим в его лагере, если они согласятся сражаться за него. И они кинулись в битву с такой отчаянной храбростью, что с их помощью войску Аль-Джунейда удалось пробиться к Самарканду. Однако не долго он там пробыл; поскольку пришли вести, что каган теперь угрожает Бухаре. Итак, оставив в Самарканде небольшой гарнизон, ему пришлось пробиваться в обратном направлении. При этом он взял с собою членов семей погибших воинов полностью уничтоженной армии Саурака, которых удалось безопасно переправить в Мерв. Хишам был глубоко потрясен гибелью Саурака и его армии; халиф выслал на помощь Аль-Джунейду двадцатипяти тысячную армию из Аль-Ирака,¹ которую тот немедленно направил в Самарканд.

¹ Кампанию Аль-Джунейда историки описывают с большим жаром: в небе над ущельем во время битвы видели чудеса, шатер на небесах, запах мускуса на поле, где лежали тела убитых, и т.п. Аль-Джунейд,

Трансоксиана — земли за Оксом, 113-115 г. хиджры.

В течение последующих двух лет Аль-Джунейд, по всей видимости, был занят восстановлением порядка на землях, лежавших за Оксом.¹ Но ему так и не удалось полностью его установить: сказалось непостоянство, свойственное многим правителям в те времена. Аль-Джунейд был с позором смещен лишь за то, что отважился жениться на дочери мятежника Язида, сына Аль-Мухаллаба; и на его место был назначен Асим Ибн Абдалла, происходивший, как и Джунейд, из племени Кейс, однако являвшийся его врагом.

Падение Аль-Джунейда, 116 г. хиджры.

Сам Аль-Джунейд в тот момент был уже при смерти от водянки; но Хишам был так разгневан браком, в который тот осмелился вступить, что, зная о состоянии больного, приказал Асиму: если застанет Джунейда еще дышащим, предать умирающего пыткам. По счастью смерть послужила избавлением для Аль-Джунейда от рук нового правителя. Прибывший на новое место Асим выместил свою злость, по обычаю тех дней, на тех, кто получил свою должность при его неудачном предшественнике.

Восстание Хариса.

Одним из результатов такого постоянно жестокого обращения с людьми явилось восстание, знамя которого решил поднять вождь из племени Темим по имени Аль-Харис Ибн Сурейдж. Оно зародилось под старым хариджитским лозунгом: «За Книгу Божию, за традиции и за волю народа!» На самом деле главарь повстанцев был мурджитом, ставившим политику выше, чем теологию. Этому Харису удалось захватить Балх и все прилегающие к нему окрестности. Оттуда в сопровождении шестидесяти тысяч арабов, в основном из племен Азд, Бекр и Темим, он неблагоприятно двинулся на Мерв, где, оставленный большинством своих сторонников, потерпел поражение, и с остатком своего воинства был вынужден переправиться обратно через Окс. Несмотря на это, несколько тысяч арабов все еще оставались под его знаменами, и провинции Средней Азии вследствие бездействия Асима долгое время находились в состоянии открытого бунта.

Возвращение в Хорасан Асада, 117 г. хиджры, 735 г. от р. Х.

сообщая о своем поражении Хишаму, обвинял во всем Саурака, поскольку тот не остановился, как ему якобы было приказано — у ручья, лежащего между ними. Впрочем, это обвинение выглядит явно несправедливым.

¹ Превыше всего прочего Аль-Джунейд славился своим умением выбирать себе людей; все его военачальники, каждый на определенном месте, приобрели известность как асы своего дела. Арабский эквивалент понятия «Трансоксиана» буквально звучит «Мавераннахр» («Мавара Ан-Нахр»): «То, что лежит за рекою», т.е., за Оксом.

Потеряв год при явно неудовлетворительном стиле управления, в сплошных провалах, Асим дождался своего смещения, и править Хорасаном был вновь возвращен Асад.¹ Последствия не замедлили сказаться: вскоре после его назначения волнения в регионе были подавлены, а Аль-Харис и прочие главари мятежников разгромлены. Сторонников Аль-Хариса постигла печальная участь. Часть его родственников и их домочадцев была взята в плен воинами Асада в одной из крепостей; все знатные арабы вместе с остальными пленниками были проданы в качестве невольников после торгов на базаре в Балхе. В другой крепости четыреста пятьдесят осажденных, умиравших от жажды, вынуждены были сдаться карателям. Зачинщики, всего пятьдесят человек, были немедленно обезглавлены. Остальные по приказу Асада были по жребию разделены на три группы: вся первая группа была умерщвлена; попавшим во вторую отрубили руки и ноги; людям из третьей же — только руки. Вот каким варваром был этот Асад! Самому Аль-Харису удалось бежать; после чего (вещь доселе неслыханная в анналах ислама) он примкнул к тюркам-язычникам.

Балх становится столицей Средней Азии, 118 г. хиджры, 736 г. от р. Х.

Балх, сильно пострадавший во время восстания, был теперь отстроен вновь и изукрашен, и Асад сделал его своей резиденцией.² Строительные работы велись под наблюдением Бармека (отца «Бармеков»)³. В этой новой столице провинции было устроено казначейство с помещениями для гражданских и военных служб; итак, Средняя Азия обрела, наконец, относительный порядок. Асад в то время собирался в поход на Хоттал. Прослышав об этом, каган, взяв в свой караван Аль-Хариса, двинулся на Балх. Он неожиданно атаковал передовой отряд Асада, захватив лагерь с большой добычей и всеми женщинами. Асад успел подойти как раз вовремя, чтобы спасти воинов своего авангарда, пока они не были изрублены на куски, и начались переговоры. Каган через переводчика, одного из последователей Аль-Хариса, обвинил Асада в том, что тот, гонимый жаждой завоеваний, посягнул на Хоттал, который принадлежал его народу уже множество поколений. «Умерь свои аппетиты, — сказал он, — и довольствуйся тем, что расположено к югу за рекою, ибо только эта земля — твоя». Переговоры не привели ни к какому результату; и к зиме Асад, не совсем готовый к решающему сражению, удалился в Балх, а каган возвратился в Тохаристан.

Асад бьет кагана и Хариса, 199 г. хиджры.

Следующей весной Асад возвратился с сильной армией и полностью разбил кагана, освободив из плена всех невольников-магометан, как мужчин, так и женщин. Тюркам пришлось бежать обратно в Тохаристан. Оттуда каган, поддерживаемый Аль-Харисом, собирался напасть на Самарканд, но был подстережен и убит одним из своих военачальников, с которым он пребывал в ссоре. Радость в Дамаске по этому поводу была

¹ Назначение наместником явилось подарком от его брата Халида, правителя Аль-Ирака. Хорасан немедленно оказался в зависимости от Аль-Ирака, хотя порой управление им велось непосредственно из Дамаска.

² Войска вначале были расквартированы в Аль-Барукане, находившемся на расстоянии в два парасанга от города.

³ «Бармек», говорят, был титул, который присваивался священнику храма огня. — Browne, *Lit. Hist. of Persia*, i. 257.

безгранична. Хишам сперва отказывался верить таким хорошим новостям, пока не получил подтверждение со вторым нарочным; и затем вознес хвалу Господу в благодаренье за эту весть.

Смерть Асада.

На следующий год Асад умер, к счастью для него, как раз перед самым падением его брата Халида: в противном случае ему пришлось бы разделить злую участь своего брата.¹ Его преемник, престарелый Наср Ибн Сейяр, происходивший из племени Кинана, не был связан ни с одной из больших группировок внутри своей провинции. Он оказался мудрым и способным правителем.

Наср устанавливает мир в Трансоксиане, 120 г. хиджры.

Наср Ибн Сейяр перенес столицу провинции обратно в Мерв. Кроме прежних четырех столичных городов — Нишапура, Мерва, Мерва Ар-Руда и Герата — правительство находилось также в Балхе, Хорезме и Самарканде. Он двинул свое войско в Фергану. Задача у мусульман была относительно легкой; поскольку тюркские орды, распавшиеся на части после конца кагана, не могли оказать достойного сопротивления. Провозглашением всеобщей амнистии согдианцы были возвращены к своему прежнему подданству. Арабов удалось примирить с мавали на том условии, что подушная подать стала взиматься только с немусульман. Главный раввин собирал подати с иудеев, епископ — с христиан, а с магов — их «марзубан». Мусульмане, с другой стороны, подлежали обложению поземельным налогом: как арабы, так и мавали. Таким образом, Наср ввел в Хорасане разделение на джизью (подушную подать) и харадж (поземельный налог), которые изначально были тождественны, и ни один из них не взимался с мусульман. Итак, после долгих лет войн и грабежей провинции Средней Азии, наконец, получили передышку. Этот мир сохранялся до самого начала мятежа в Сирии и последовавшей за ним гражданской войны.

Синд и Индия, 107 г. хиджры, 725 г. от р. Х.

О каких-либо успехах в Синде и Западной Индии на протяжении царствования Хишама писать почти нечего. Аль-Джунейд, тамошний правитель, впоследствии перемещенный в Мерв, предпринял ряд успешных набегов на Восток; но он запятнал свою репутацию мусульманина, враждуя с индийским князем Джейшабой, который, несмотря на принятие им ислама, был взят в плен во время морского сражения и предан смерти.² Брат убитого князя отправился в Аль-Куфу, чтобы пожаловаться на эту несправедливое нападение, но по пути попал в западную, устроенную тираном, и был убит. В результате такого обращения, уже при его преемнике, среди индийцев вспыхнуло всеобщее восстание против ненавистного им режима; поэтому у магометан возникла необходимость разместить на земле, расположенной вдоль Инда, два укрепленных гарнизона, Аль-

¹ Непосредственной причиной его смерти была невоздержанность в грушах, доставленных как редкий дар из Герата и, очевидно, впервые увиденных мусульманами.

² Ибн Аль-Асир, в начале сто седьмого года после хиджры. У Табари об этом инциденте ничего не упоминается.

Махфузу и Аль-Мансуру.¹ Благодаря этим мерам стало возможным на долгое время удерживать под контролем близлежащие территории, а затем продвинуться дальше к богатым провинциям Деккана.

Хишам решил возобновить военные действия против византийцев, которые

Малая Азия.

были временно заморожены с момента воцарения Омара II. Возглавляли походы на греков в основном его сыновья, Муавия и Сулейман, но подлинным героем этих кампаний стал Аль-Баттал («боец»). Муавия погиб в сто восемнадцатом или сто девятнадцатом году хиджры (736 или 737 г. от р. Х.), упав с коня. Византийская империя была в то время ослаблена противостоянием правительству энергичного иконоборца Льва, и мусульмане в целом были на этом направлении наиболее успешны, чем где-либо еще. Но фортуна переменчива; и однажды целая колонна из тысячи магометан была изрублена греками в куски.

Баттал, прославленный военачальник, убит в 123 г. хиджры.

Аль-Батталом был взят в плен один из наследников византийского престола. Знатного пленника отправили в Иерусалим, откуда, потешив тамошних арабов в качестве необычного зрелища, он сумел уйти за границу.² После блистательной карьеры, в продолжение которой Аль-Баттал вселял в души жителей всей Малой Азии такой ужас, что матери пугали своих плачущих детей его именем, этот военачальник был убит, потерпев серьезное поражение на сто двадцать втором году хиджры (740 г. от р. Х.).

Армения и побережье Каспия.

В Армении мусульмане встретились с жестким противостоянием со стороны аланов и хазар. Земли уже завоеванные им пришлось удерживать с большим трудом и не без серьезных потерь.

Джаррах и разгром его армии, 112 г. хиджры 730 г. от р. Х.

¹ Что означает «Защищенная» и «Победоносная».

² Зрелище, однако, не столь уж необычное, поскольку туда стекались с Запада паломники. Впрочем, облаченные, безусловно, в одеяния пилигримов, они, тем самым, не имели видимых различий ни по знатности, ни по национальным признакам. Того греческого князя, что стал впоследствии императором, звали Константином; но, поскольку византийские авторы умалчивают об этом его приключении, должно быть, в плену побывала куда менее знатная персона.

Об этом Аль-Баттале рассказывают чудесные истории. Когда он свалился с ног больным во время какого-то похода, его бесчувственное тело отнесли в женский монастырь, где воина выходила некая монахиня. Живший по соседству патриций, разгневавшись из-за ее заботы о мусульманине, набросился на Аль-Баттала, который один обратил в бегство всю его свиту, самого патриция убил, а его голову забросил в монастырь. Всех инокинь он отвел на поругание солдатам своей армии, но ту монашку, что ухаживала за ним, взял себе в жены. Впоследствии эту женщину еще долго вспоминали как «мать детей Аль-Баттала».

Мир был восстановлен, и жители прибрежных районов Каспийского моря стали платить халифу дань, когда вновь разразилась война, и Аль-Джаррах, военачальник (который был перемещен туда из Хорасана), был атакован местными племенами и вместе со всей своей армией разгромлен. Немедленно были посланы свежие силы, к которым по пути присоединились чтецы Корана. Власть ислама, в конце концов, была восстановлена; после неоднократных стычек хазары были отеснены назад, и домочадцы Аль-Джарраха вместе с другими мусульманскими женщинами, что оказались ранее захвачены в плен, освобождены.

Маслама.

Маслама, посланный своим братом принять командование, разорил все прикаспийские земли к северу до самого Дербента, но он тоже попал в окружение к тюркам, и, обратившись в постыдное бегство, потерял свою жизнь. Граница Месопотамии вследствие этого поражения оказалась в такой опасности, что Мерван,¹ который оказался во главе разгромленной тюрками армии, бросил ее, чтобы лично сообщить своему кузену Хишаму о катастрофе. Огромное войско в сто двадцать тысяч воинов было собрано со всех концов магометанской империи, с которым Мерван, назначенный командующим, сумел-таки разбить противника и вернуть под власть халифата земли до самого Каспийского моря.

Победы Мервана, 118-122 г. хиджры.

Вождю хазаров в итоге пришлось сдаться на условиях, предложенных Мерваном. Эти условия помимо всего прочего включали дань в тысячу быков, пятьсот рабов и пятьсот темноволосых невольниц — первых из тех прекрасных черкешенок, которые впоследствии стали в таком изобилии украшать гаремы Востока. В сто восемнадцатом, а затем вновь в сто двадцать втором году хиджры Мерван предпринял наступление мусульманских войск против орд к югу от Каспийского моря, вплоть до Табаристана, что сделало возможным соединить северо-западные владения халифата с Хорасаном. Но помимо успешных набегов и осад городов, сопровождающихся неизменным убийством множества мужчин и пленением всех женщин, попадавших в руки завоевателям, рассказывать нам особо нечего.

Поражения в Африке, 116-124 г. хиджры.

Наиболее серьезным для халифа было положение в Африке и Испании, где мусульманские армии не только постоянно терпели поражения, но, что гораздо хуже, и общее подчинение Дамаску становилось там с каждым днем все слабее. В сто шестнадцатом году хиджры на северном побережье Африки вспыхнуло повсеместное восстание берберов. Одной из его причин явился возврат обложения данью новообращенных мусульман, как будто бы они оставались язычниками. Частью же оно

¹ Внук Мервана I и племянник Абд Аль-Мелика; впоследствии Мерван II и последний халиф из династии Омейядов.

было спровоцировано мятежом среди новых ответвлений хариджитов.¹ Сохранявшие верность халифу войска снова и снова терпели поражения, и решающая победа была одержана с огромным трудом. Знаменитое сражение, известное как «Битва идолов», было дано против трехсот тысяч берберов в нескольких милях от Кайруана на сто семнадцатом году хиджры. Победа в том бою, результат которого оставался под сомнением на протяжении всего дня, оказалась, в конце концов, на стороне арабов, которые бросались вперед, воодушевляемые «чтецами Корана» и воплями женщин, не скрывавших ужаса перед возможно ожидавшей их участью.² В западных провинциях Африки волнения продолжались до сто двадцать четвертого года хиджры, когда сам правитель Египта был послан для подавления восстаний, и, наконец, мир был восстановлен. В течение этого периода военно-морские силы халифата не бездействовали. В сто одиннадцатом году хиджры арабский десант высадился на Сицилию, и богатые трофеи были привезены домой; однако три года спустя исламский флот был потоплен, а адмирал за то, что он решился вывести корабли в открытое море во время зимнего шторма, был брошен в темницу и публично бит на улицах Кайруана. В сто семнадцатом году хиджры подверглась разорению Сардиния; а на сто двадцать втором году мусульмане вновь вторглись на Сицилию, и Сиракузы были обложены данью. Но план дальнейшего продвижения вперед с целью покорения этого острова был оставлен вследствие беспокойного положения в Африке.

Испания.

На Испании, в силу ее зависимости от Африки, очень отражались африканские волнения и постоянная смена местных правителей. К тому же сказывалась и нелояльность к халифу берберского населения, переправлявшегося в Испанию через узкий пролив, и значительно превосходившего по численности арабов, чья нация, как и повсюду, была раздираема на части хронической межплеменной враждой. Как неизбежный результат этого естественного ослабления, в Испании стали поднимать голову распространявшиеся по всему исламскому государству смутьяны, уже наловчившиеся повсюду сеять волнения и мятежи.

Кампания во Франции, 108 г. хиджры 726 г. от р. Х.

Анбаса, назначенный правителем иберийского полуострова, на заре своего правления был занят восстановлением порядка в его пределах. Утвердив свою власть в Испании, он отважился переправиться через Пиренеи с намерением восстановить престиж мусульманской армии на полях Франции. Сперва нападению магометан подвергся

¹ Там возникло новое ответвление, получившее название от своего основателя Софрии. См. произведение Шахрастани, *Book of Sects*, ed. Cureton, Part II., стр. 102. Эта и другие секты, которые расплодились по всему побережью, не признавали ни Хашимидов, ни какую другую ветвь халифата, а были чистыми теократами, или, возможно, социалистами.

² «Сто восемьдесят тысяч воинов вышло на поле боя; такой битвы, как «битва идолов» не было со времен Бедра». Другое сражение получило название «битвы знати» из-за огромного количества арабских вождей, сложивших там головы. Не имеет смысла более подробно останавливаться на этих кампаниях с их утомительными, а порой и просто невероятными деталями.

Каркассонн; следом в руках мусульман оказался Ним; юг Франции был разорен; церкви и монастыри разграблены. Но вскоре после своего вторжения Анбаса был убит; и на какое-то время нестабильное состояние Испании послужило препятствием для дальнейших активности на французском направлении.

Абд Ар-Рахман, 113 г. хиджры.

Примерно шесть лет спустя назначенный командующим Абд Ар-Рахман, возобновив наступательные операции, сумел покарать Османа Ибн Абу Нес'а, вождя берберов, присоединившегося к графу Эудо.¹ Дело в том, что берберы, как мусульмане и воины, требовали равных прав с арабами. В следующем году Абд Ар-Рахман с огромной армией выступил на север, и захватил земли франков до самого Пуатье. Тогда в ответ на мольбы о помощи графа Эудо на юг поспешил Карл Мартелл. Он стремился остановить волны мусульман, накатывавшиеся на франкское королевство.

Две армии сошлись между Туром и Пуатье; схватка была горячей, но, в конце концов, захватчики были оттеснены назад и в смятении бежали, оставив Абд Ар-Рахмана умирать на поле боя.

Побежден Карлом Мартеллом, ix 114 г. хиджры, окт. 732 г. от р. Х.

На следующее утро победитель, готовый возобновить сражение, не сумел обнаружить в поле своего зрения ни одного вояки: противник словно испарился.² Судьба Франции, а возможно и всего христианства, висела в тот день на волоске. И, благодаря промыслу Божию, христианский мир был спасен.

Дальнейшие кампании во Франции, 116-119 г. хиджры, 734-737 г. от р. Х.

Через два года Окба, сын Аль-Хаджаджа,³ которого вновь поставили во главе исламского войска, возобновил активные действия. Удачно объединившись с враждебной Эудо армией франкской знати, он снова вторгся в пределы Франции. Арль, Авиньон и другие города сдались мусульманам, Валенсия и Лион были осаждены, земли Бургундии и Дофинэ вдоль Роны полностью разграблены. Однако Карл Мартелл, освободившись к тому времени от Саксонской войны, снова смог прийти на помощь. Он освободил Авиньон и отогнал арабов назад до самого Нарбонна. Он взял в заложники нелояльных вождей южной Франции, обязав их поклясться не иметь больше никаких общих дел с врагом.

Беспорядки в Испании.

¹ Имя «Абу-Нес'а» было изменено европейскими авторами на «Мунуза».

² В месяце рамадане сто четырнадцатого года хиджры, или в октябре 732 г. от р. Х. Считается, что франки одержали победу, сумев пробиться ко вражескому лагерю. Тогда захватчики, опасаясь потерять свои трофеи, поспешили назад, чтобы их спасти.

³ Его имя было латинизировано в испанских летописях из «Окба» в «Аукупа».

Вскоре Окба умер — в самый разгар царившей в Испании анархии. Один командующий сменял другого, самовольно захватывая власть. Между тем, берберы, подстрекаемые хариджитскими лазутчиками, восстали от Марокко до Туниса, и от Окбы требовали переправиться со всем его войском на африканский берег, чтобы оказать там помощь арабам. На сто двадцать третьем году хиджры (741 г. от р. Х.), в Марокко прибыли войска из Сирии, но они были разбиты полуголыми берберскими всадниками у реки Ноам, потеряв своего командующего и две трети воинов. Это поражение оказалось более сокрушительным, чем при Туре. К тому же, сами арабы после этой неудачи рассорились между собою. Порядок был восстановлен только после смерти Хишама. Тем временем христиане в горных районах севера Испании, воспользовавшись повсеместными беспорядками, сумели сохранить свою независимость от магометан.¹

Справедливое правление Хишама.

Таково было продолжительное и насыщенное разными событиями правление Хишама; правление, при всех его недостатках — если мы не будем слишком придираться к случавшимся порою вспышкам жестокой тирании — оказавшееся одним из самых образцовых халифатов, как прошлых, так и будущих. Это не его вина, что империя ислама, уже достаточно расшатанная, продолжала разрушаться. Агенты Аббасидов с одной стороны, и теократы-хариджиты с другой, тайно продолжали плести свои интриги, готовые не оставить и камня на камне в своем желании ниспровергнуть правящую династию. Они поливали ее грязнейшими, и зачастую совершенно незаслуженными оскорблениями. Достоинства Хишама не смогли остановить упадок исламского государства. Интересно, что государственные архивы во время его царствования хранились с невиданной доселе тщательностью. Он не был расточительным, и оставил имперскую казну наполненной. Разумеется, в этом отразились как нежелание халифа проявить щедрость, так и его бережливость, оборачивавшаяся подчас скупостью. Эта черта характера, превратившаяся в дурную привычку, сильно вредила популярности и влиянию Хишама.²

Характер Аль-Велида, наследника халифа.

Примером его справедливости может служить то, что он не позволил наказать христианина за порку слуги-мусульманина, и упрекал своего сына за то, что тот настаивал на наказании. Шокированный беспутным характером своего племянника Аль-Велида, его наследника, который даже во время паломничества в Мекку предавался пьянству и устраивал собачьи бои — мерзость для истинного мусульманина³ — Хишам подумывал о

¹ Касательно вторжения во Францию, арабские летописцы очень немногословны. В основном я опирался на материалы Вайля и Рено.

² Примером его скарденности может служить такой случай. Один человек, говорят, принес ему в подарок двух редкостных и очень красивых птиц, ожидая получить что-нибудь взамен. «Чем я могу отблагодарить тебя?» — спросил халиф. «Чем тебе будет угодно», — ответил тот. «Ну, оставь одну из этих птиц себе», — предложил халиф. И даритель выбрал более красивую. «Так ты предлагаешь мне худшую из двух! — сказал халиф, — тогда я оставлю себе обеих». И он велел вознаградить этого человека за его приношение незначительную платой в несколько серебряных монет.

³ Это произошло за девять лет до смерти Хишама. Бесшабашный юноша собирался устроить со своими веселыми приятелями пирушку, раскинув для этого шатер близ Каабы, но его отговорили от такой безумной

том, чтобы сменить его на своего собственного сына, пока не обнаружил, что тот был не намного лучше. Аль-Велид не только проявлял несдержанность в своей частной жизни, но выказывал нетерпение к любого рода власти над собою и даже бывал дерзок по отношению к своему дяде. В конце концов, оставив халифский двор, он нашел себе пристанище где-то в глухой палестинской провинции. Хишам удалил от племянника дурных советчиков и заточил его секретаря, наказав предварительно плетьюми. Аль-Велид, сильно обидевшись на такое явное неуважение, адресовал халифу сатиру, дышавшую ненавистью и презрением. Он так и оставался жить в добровольном палестинском изгнании на протяжении всего остатка правления своего дяди.

Во время паломничества на следующий год после своего воцарения Хишам запретил ставшее уже привычным провозглашение проклятий имени давно усопшего Али на публичных службах.

Хишам удерживается от поношений Али.

Один из потомков Османа убеждал его возобновить эти проклятия. «Это место свято, — уговаривал он Хишама, — и на таком месте властителю правоверных надлежит чтить память убитого халифа». Задетый его словами Хишам отвечал: «Я пришел сюда не для того, чтобы кого-нибудь осуждать или проклинать; но чтобы совершить должным образом все обряды паломничества!» В другом случае, необдуманно оскорбив одного из своих придворных, он очень расстроился и смиренно попросил прощения.

Случайные проявления жестокости.

Хотя в целом он отличался мягким характером, и его следовало бы признать человеком честным, читатель может вспомнить некоторые моменты, когда он проявлял жестокость и беспощадность, не сказать несправедливость, по отношению к тем из своих наместников, кто удосуживался попасть к нему в немилость. Будучи мусульманином старого толка, он всячески противостоял приобретающей все большую известность школе Кадарийя, представители которой высказывались в поддержку доктрины о свободной воле и потворствовали различным философским измышлениям по религиозным вопросам. Халиф добился смертной казни для одного из таких еретиков, который упорствовал в отрицании нерукотворности Корана. Другого подобного мыслителя, отрицавшего постулат о Божовдохновенности Корана, по приказу халифа посадили на кол, предварительно отрубив страдальцу руки и ноги. Не приходится сильно сомневаться в достоверности таких рассказов, ибо, хотя они и переданы рукою недружелюбных к нему аббасидских летописцев, большинство правоверных не посчитало бы их хоть в чем-либо порочащим семейство Омейядов. Напротив, в глазах набожного мусульманина эти поступки должны были заслуживать уважение, и могли свидетельствовать лишь о большой религиозности халифа.

затеи. Случай почти невероятный, и возможно он был придуман или приукрашен аббасидскими историками, всегда готовыми очернить династию их противников. Но, не подлежит сомнению, что Аль-Велид был достаточно дурным человеком.

Смерть Хишама, iv. 125 г. хиджры, февраль 743 г. от р. Х.

Дамаск постоянно подвергался нашествию моровой язвы, и халифы с их семьями, дабы избежать заражения во время эпидемий, приобрели привычку выезжать на свежий воздух в пустыню. Одним из излюбленных мест их отдыха являлась Ар-Русафа, городок, украшенный римскими строениями, лежавший в четырех днях пути к югу от Ар-Ракки. Хишам проводил там значительную часть своего времени; там же он и скончался, получив флегмону от ангины. Это произошло на двадцатом году его правления, когда ему было пятьдесят шесть лет. Он не был недружелюбен к своим подданным-христианам. Одним из его друзей был христианский монах, Стефан, для которого халиф добился должности патриарха Антиохии. Другим его приятелем был собиратель мусульманских преданий Аз-Зухри. Халиф не любил подолгу бывать на людях, и потому вел большинство своих дел через своего доверенного человека, келбита Аль-Абраша. Впрочем, он привык контролировать все свои дела лично, и его министерство финансов являлось предметом восхищения Аббасида Мансура. Главной заботой Хишама было довести размеры налогообложения до максимально возможных пределов, а доходы государства он тратил на проведение оросительных каналов, возведение крепостей и разбивку прекрасных парков для отдохновения и всяческих удовольствий. Подобно Халиду, его интересовало сельское хозяйство, но более всего в этой сфере он был заинтересован в цене, по которой можно было бы сбывать его зерно. В итоге, его повсюду невзлюбили; аббасидская пропаганда быстро распространялась по всему халифату; и Хишам оставил после себя государство в гораздо худшем состоянии, чем оно было, когда он только приступал к правлению.¹

¹ Веллгаузен: Wellhausen, *Das arabische Reich*, стр. 116 и далее по тексту.

ГЛАВА LVI

АЛЬ-ВЕЛИД II И ЯЗИД III.

125-126 г. хиджры / 743-744 г. от р. Х.

ДВА последующих правления не принесли ничего, кроме несчастий как династии Омейядов, так и всей империи в целом.

Восшествие на престол Велида II.

Вести о смерти дяди были встречены Аль-Велидом с прямо-таки неприличной радостью. Несмотря на свою общеизвестную распущенность и несостоятельность, этот человек взошел на трон халифа, не встретив никакого сопротивления. Он поспешил выслать, прибрав к рукам их имущество, родственников и приближенных прежнего халифа, особенно тех, что принадлежали племени Махзум и были сородичами Хишама по материнской линии. Сын Хишама Сулейман был избит, обрит наголо, изгнан прочь от халифского двора, а затем брошен в тюрьму; все прежние чиновники были заменены на кейситов. Бывшая полной при Хишама казна быстро опустела, благодаря щедрости нового халифа к своим придворным и значительному увеличению солдатского жалованья. Такая расточительность наравне с большими пособиями для слепых и немощных до определенной степени подняли популярность Аль-Велида.

Распущенный и нечестивый.

Однако его невоздержанный и распутный образ жизни послужил поводом для огромного скандала, получившего огласку по всему государству. Помимо таких ставших стандартными для арабского двора скверн, как вино, музыка и собачьи бои, аморальные привычки нового халифа вскоре лишили его симпатий всех лучших слоев общества. Аль-Велида обвиняли не только в осквернении гарема своего предшественника, но и в еще более темных пороках; и слухи о похождениях этого развратника стали доходить даже за границу. Положение усугублялось еще и тем, что он назначил своими преемниками двух малолетних сыновей, и все, отказавшиеся принести им присягу, были брошены в темницу. Недовольство достигло такого накала, что сами Омейяды восстали против него, и даже подговорили Язида, еще одного внука Абд Аль-Мелика, попытаться свергнуть Аль-Велида.

Халид Аль-Касри, бывший правитель Аль-Куфы, что бежал некогда от тирании Юсуфа, жил теперь в Дамаске. Сохраняя верность престолу, он отказался участвовать в заговоре; и, опасаясь, что на халифа могут устроить засаду по пути в Мекку, куда тот намеревался совершить паломничество, стал отговаривать его от этой затеи. В благодарность халиф, разгневанный тем, что Халид не поведал ему подробностей предполагаемого заговора за границей, а также, поскольку тот ранее отказался присягнуть его сыновьям, приказал избить его и бросить в темницу. Впоследствии Аль-Велид возобновил против Халида обвинение в расхищении куфанской казны, на которое Хишам решил посмотреть сквозь пальцы.

Халид замучен до смерти Юсуфом.

Юсуф все еще жаждал погубить этого Халида, и, почувствовав, что теперь ему представилась такая возможность, с большими дарами поспешил в Дамаск. Он «выкупил» свою жертву у Аль-Велида, заплатив ему сумму недостачи, которая составляла пятьдесят миллионов монет. Несчастный Халид оказался тут же препровожден в Аль-Куфу, где, подвергшись варварскому обращению со стороны Юсуфа, был в конце концов обещен и сожжен.¹ (Ноябрь семьсот сорок третьего года от р. Х., i 126 г. хиджры). Немного раньше был казнен и Яхья, сын Зейда Ибн Али.

*Язид, сын Велида I, восстает против Велида II,
vi. 126 г. хиджры, апрель 744 г. от р. Х.*

Участь Халида воспламенила недовольство йеменских кланов, к роду которых относилась пролитая несчастным страдальцем кровь. Особенно разгневанными выглядели келбиты, среди которых у Халида было множество друзей в Дамаске. Однако первыми против халифа выступили арабы из Бени Абс, даже несмотря на кейситскую принадлежность своего племени. Стихи, жестоко упрекающие келбитов в трусости и молчании при виде страданий их родственника и его мучительной смерти, свободно распространялись повсюду, пробуждая в сердцах арабов ярое негодование поступками халифа. Аль-Велид провозгласил наследниками двух своих сыновей, рожденных от невольницы; но его двоюродный брат Язид, сын Аль-Велида I, к тому времени успел приобрести себе множество сторонников. Брат Язида Аль-Аббас и Мерван, наместник в Армении, пытались вдвоем отговорить его от этого предательского замысла, который, как они предвидели, мог лишь ускорить падение их собственной династии. Однако Язид упорствовал. Поддержанный йеменскими мятежниками, стекавшимися к нему отовсюду и признававшими его халифом, он решительно поднял знамя восстания и двинулся на Дамаск. В тот момент двор и чиновники в большинстве своем покинули столицу, чтобы не дышать ее тлетворным воздухом, и поэтому Язид без особого труда завладел сокровищницей. Затем, воспользовавшись ее содержимым, он подкупил солдат, и направил войска против Аль-Велида. Незадачливому халифу удалось на время скрыться на юге Сирии и с немногими сторонниками, взявшими на себя его охрану, найти убежище в находившейся там крепости.

Велид II убит.

Аль-Аббас отправился было на выручку халифа, но по пути был перехвачен мятежниками и силою принужден встать под знамена своего брата. Аль-Велид пытался сначала начать переговоры со своими врагами, но те не хотели его слушать, упрекая в нечестивой жизни. Тогда халиф выступил вперед и смело ринулся в бой, однако превосходящая по численности армия противника заставила его отряд отступить обратно в крепость. Там

¹ Смотрите выше, стр. 387 текста оригинала. В соответствии с некоторыми источниками, у страдальца оказались сломанными ноги, а спереди через грудь его притянули на дыбу, затем отпустив ее, отчего он и умер. Его мать была пленной гречанкой, которая так и не приняла ислам. Халид выстроил для нее церковь или монастырь, что подорвало его популярность среди строгих приверженцев ислама.

он взял в руки Коран и начал читать его страницы. Когда Аль-Велид дошел до места: «Вот и настал этот день, так было и во времена Османа», его убили. Голова его доставлена была Язиду, которую тот лично с торжеством пронес по улицам Дамаска. Все правление Язида продлилось чуть больше одного года.

Язид III, vi. 126 г. хиджры, апрель 744 г. от р. Х.

Вот таким образом Язид III, обогрив свои руки в крови халифа, сам занял его место. Начиная он со множеством добрых намерений. Но с первых дней своего царствования Язид столкнулся с серьезными проблемами. Одержав свою победу благодаря йеменцам, и в особенности кельбитам, он, естественно, настроил против себя модарцев, из числа которых к тому же происходила мать убитого халифа. Кейситы тоже были не в восторге от нового халифа, поскольку все посты он роздал кельбитам, которым был обязан своим положением. Хотя Язид и не был нечестивцем, подобно своему предшественнику, он не придерживался традиционных для мусульман взглядов, отрицая учение о предопределении. Народ, в большинстве своем привыкший считать личность халифа неприкосновенной, был шокирован убийством и страданиями Аль-Велида. Кроме того, и армия роптала на уменьшение жалования, раздутого настолько, что стало бы совсем разорительным для казны, если бы оно продолжало выплачиваться в прежнем размере; за это сокращение халиф получил от солдат прозвище «Накис», то есть «уменьшитель». Тем временем, обитатели Гимса, пришедшие в возбуждение от причитаниями проживавших там домочадцев прежнего халифа, разграбили дом Аль-Аббаса, брата Язида, и осквернили его гарем.

Борьба в столице и в Палестине.

Сумев привлечь на свою сторону войска, они вознамерились напасть на Дамаск под началом правнука Муавии I, происходившем из Суфьянидов, противоборствующей Мерванидам ветви Омейядов. В ответ на их мятеж Язид отправил навстречу две сильные группы, которые соответственно повели его брат Масрур и сын Хишама Сулейман, освободившийся из своего заточения и решивший присоединиться к новому халифу. Они встретились с мятежниками в нескольких милях от столицы и после кровопролитного сражения обратили их в бегство; после чего и в Гимсе, и в Дамаске народ принес Язиду клятву на верность. Вскоре после этого еще более серьезное восстание вспыхнуло в Палестине; для его подавления потребовалось собрать восьмидесятитысячную армию и пообещать должности и щедрые дары всем основным зачинщикам этого мятежа. Вот какой ослабленной была в то время империя, и вот какие беспокойства в ней тогда случались.

Беспорядки в Аль-Куфе.

В Аль-Ираке положение было не намного лучше. Аль-Куфа была рада избавиться от тирана Юсуфа, который, спасая свою шкуру, бежал в Сирию. Он был схвачен там, переодетым в женщину, и с позором брошен в темницу. Его преемника, келбита Мансура Ибн Джумхура, народ возненавидел, как человека безрассудного и нечестивого, разделявшего еретические взгляды халифа. Язид был вынужден сместить этого Мансура

и поставить на его место Абдаллу Ибн Омара, сына благочестивого халифа. При этом Язид заявил, что рассчитывает на благожелательность к новому наместнику куфяцев в знак почтения к памяти его отца.

Хорасан: интриги Аббасидов.

В то время как дома власть правительства оставалась, таким образом, ослабленной, отдаленные провинции управлялись по большей части по своему собственному разумению. Особенно беспокойным являлся Хорасан, где повсюду можно было натолкнуться на странные предчувствия о грядущих переменах. Мухаммад, претендент на трон от партии Аббасидов, умер годом раньше в возрасте семидесяти трех лет;¹ и теперь его сын Ибрахим, ставший преемником в качестве «имама», отправил делегацию с вестями о смерти своего отца всем его сторонникам, из которых в Мерве сформировалась весьма сильная группировка. Она постоянно увеличивалась в размере. Приверженцы Аббасидов поцеловали завещание Мухаммада, в котором Ибрахим был назван его преемником, и отправили тому щедрые подношения, которые они собрали специально для его дома. Как бы то ни было, пока еще все свои интриги сторонники Аббасидов решили сохранять в тайне.

Наср сохраняет свой пост в Хорасане.

Наср все еще оставался там формальным наместником. Аль-Велид утвердил его на эту должность, но, послушавшись Юсуфа, вызвал Насра к своему двору, приказав привезти с собою богатый ассортимент золотых и серебряных сосудов, соколов, верховых лошадей, дичи, различных видов музыкальных инструментов, а также прекрасных невольниц. Наср согласился, но, предчувствуя надвигающиеся беспорядки, двигался неспешно. Поэтому, еще не добравшись до Аль-Ирака, он получил вести о восстании Язида и решил вернуться в Мерв. Новый правитель Аль-Куфы пытался заменить его на своего собственного протеже; но Наср не собирался никому уступать и, таким образом, сохранил за собою пост вице-короля Востока. Чтобы облегчить свою казну — опасное искушение для окружавших его мятежников — он роздал огромное количество собранных для Аль-Велида драгоценностей и девушек-невольниц среди своих собственных родственников и вассалов, а также в счет жалования солдатам. Впрочем, это мало чему помогло, поскольку застарелая вражда между йеменцами и модарцами постоянно нарушала спокойствие восточных провинций.

Наср на Востоке.

Во главе йеменцев стоял тогда вождь племени Азд, прозванный (по названию места своего рождения) Аль-Кермани; и между двумя основными кланами все время происходила борьба и междоусобицы. Наср, принадлежащий к партии Модар, испытывал сильное давление от представителей противоположной стороны. На время межплеменной конфликт затих; но по-настоящему тяжелые времена для Насра были еще впереди.

¹ Смотрите таблицу на стр. 385 текста оригинала. Его отец Али умер семью годами раньше.

Харис возвращается к своим братьям.

Тем временем, на стороне Насра оказался возвратившийся из-за Амударьи Аль-Харис, перебежавший ранее в стан кагана и сражавшийся под тюркскими знаменами против своих собратьев. Окруженный со всех сторон врагами, Наср, опасаясь одновременной войны с Аль-Харисом и тюрками, упросил халифа простить изменника. И вот, после двенадцати лет борьбы на стороне противника, Аль-Харису было даровано прощение и позволение вернуться назад и занять место среди своих соотечественников: кажется, это был единственный случай прощения подобного отступника. Мы еще услышим об этом человеке впоследствии.¹

Мерван нападает на Язида III.

В довершение всего, над Язидом нависла опасность встречи с врагом куда более грозным, чем ему приходилось встречаться до этого. Им оказался Мерван, внук (пускай и незаконнорожденный) Мервана I и покоритель Кавказа — тот самый, который тщетно пытался отговорить его от измены Аль-Велиду. Возвращаясь из летнего похода в Малую Азию, сын этого Мервана нашел Месопотамию в полном смятении, занял Харран, и сообщил об этом своему отцу, убеждая его поспешать, чтобы отомстить за пролитую кровь Аль-Велида. Мерван, которому было в то время около пятидесяти-шестидесяти лет, выступил в поход в сторону Армении, но, достигнув Харрана, оттуда двинул свою армию на Дамаск.

Компромисс между двумя противниками.

Получив сообщения о нависшей над ним опасности, не на шутку встревоженный халиф поспешил передать представителям Мервана свои условия. Он предложил грозному полководцу считать себя халифским заместителем во всех провинциях, которые были заняты им и его отцом, включая Месопотамию, Армению, Мосул и Азербайджан. Мерван почел за лучшее принять это предложение и принес присягу на верность Язиду.

К концу того же года Язид захворал и, в предчувствии близкой кончины, позволил своим друзьям-вольнодумцам убедить себя назначить преемником своего брата Ибрахима, также сторонника доктрины о свободе человеческой воли.

Смерть Язида III, хii 126 г. хиджры, сентябрь 744 г. от р. Х.

¹ Я не припомню ни одного другого случая, чтобы мусульманин перешел на сторону язычников. По возвращению Аль-Харис выразил свое раскаяние, сказав, что за последние двенадцать лет у него не было ни минуты покоя до тех пор, пока он снова не вернулся в лоно ислама.

Вскоре после этого Язид умер в Дамаске в возрасте сорока шести лет, пробыв халифом всего лишь шесть месяцев. Его матерью была внучка Йездегерда, привезенная в качестве пленницы из Хорасана.¹

¹ Ее прабабушка была дочерью византийского императора, породнившегося с Хосровами, и, помимо этого, вела свое происхождение от дочери одного из каганов. Таким образом, в жилах матери Язида текла кровь сразу трех монархов. Не удивительно, что Язид любил напевать следующие строки:
«Вот я — дитя Хосровов! отец мой был Мерван,
Предком был мне кесарь, а также и каган!»
Сравните сноску на стр. 352 текста оригинала.

ГЛАВА LVII

ИБРАХИМ И МЕРВАН II, ПОСЛЕДНИЕ ИЗ ОМЕЙЯДОВ.

126-130 г. хиджры / 744-748 г. от р. Х.

Частичный успех Ибрахима, 126 г. хиджры, 744 г. от р. Х.

ЕДВА ли можно считать Ибрахима полноправным преемником своего брата Язида на халифском троне. Разумеется, он принял бразды правления в Дамаске и удерживал их в течение трех или четырех месяцев. Однако одни люди обращались к нему как к халифу, другие же только как к эмиру. Ему не была принесена повсеместно клятва верности. Было такое ощущение, что нигде, за исключением южной части Сирии, его не воспринимали полноправным халифом, что вскоре и было подтверждено дальнейшими событиями.

Продвижение армии Мервана к Дамаску.

Как только Мерван узнал о кончине Язида, он отправился из своего дома в Харране, из самого центра территории кейситов, во главе внушительной армии напрямик в Сирию. У Киннастрина к его знамени присоединился отряд партии модарцев. Усилившись таким образом за счет своих новых сторонников, Мерван двинулся на Гимс, который, отказавшись признать халифом Ибрахима, был обложен войсками этого то ли «халифа», то ли «эмира». Ликвидировав эту осаду, с армией, насчитывающей к тому моменту уже восемьдесят тысяч человек, Мерван продолжил свое наступление на столицу. Оттуда, в ожидании его подхода, уже выступила навстречу армия халифа. Во главе ее стоял сын Хишама Сулейман, и состояла она в основном из йеменцев и других сторонников прежнего халифа, общим числом около ста двадцати тысяч воинов. В рядах дружины Мервана, однако, было множество ветеранов, уже привыкших к запаху крови. Два войска сошлись в долине между Баальбеком и Дамаском. Мерван коварно потребовал от своих противников присягнуть двум сыновьям Аль-Велида, находившимся в тот момент в заточении в Дамаске. Они были во вражеских руках, и он понимал, что их участь предreshена в любом случае. В этой присяге ему было отказано, после чего обе армии сошлись в битве.

Поражение армии Ибрахима.

Сражались они весь день, но к вечеру Мерван сумел применить военную хитрость. Он отправил одну колонну в обход, которая, напав на противника с тыла, обратила его в бегство, закончившееся для армии Ибрахима полнейшей катастрофой. Семнадцать тысяч верных халифу воинов полегло на поле убитыми, и еще большее количество было взято в плен. В результате Дамаск оказался совсем беззащитным. Ибрахим и Сулейман бежали в Тадмор, центр Бени Келб. Правда, перед этим они успели полностью опустошить государственную казну и предать смерти двух сыновей Аль-Велида, а также бывшего тирана Аль-Куфы Юсуфа Ибн Омара. Не успели они еще покинуть пределы столицы, как сторонники Аль-Велида бросились с оружием в руках на родственников поверженного

правителя. Дело вылилось в привычную для арабов поножовщину и буйство. Вытащив из могилы тело Язида III, мятежники насадили его останки на кол у городских ворот Джабиа. Войдя в Дамаск, Мерван с почестями похоронил тела сыновей Аль-Велида, а также и Юсуфа.

Мерван II провозглашен халифом, ii 127 г. хиджры, декабрь, 744 г. от р. Х.

И тогда, за не имением каких-либо более серьезных конкурентов, Мерван был провозглашен халифом, после чего он возвратился в свой дворец в Харране. Мерван придерживался политики примирения и милосердия. Сабит Ибн Нозйм, возмущавший против него народ на Кавказе, был избран с согласия Мервана «вали» или правителем Филастина (Палестины). Ибрахим, проживший после этого лишь год или два, был амнистирован. Также, по всей видимости, Мерван примирился и с Сулейманом, о чем свидетельствует тот факт, что сын Мервана взял себе в жены сестру Сулеймана — явно в знак примирения. Его воцарение явилось настоящим ударом для племен Келб и Кода'а, поскольку интересы нового халифа были связаны с кейситами. Также он противостоял кадариитам, придерживавшимся учения о свободной воле, которому столь явно благоволил его предшественник.

Проблемы окружают Мервана со всех сторон.

Несмотря на его успех, вокруг Мервана то и дело вспыхивали тлеющие угольки недовольства. Поддержка, полученная им от клана Модар (северных арабов) и нанесенное им жестокое поражение терзало грудь представителям йеменских (или южных) племен. Во всех уголках исламской империи плели свои интриги хариджиты; с пугающей скоростью распространялся заговор хашимитов (или сторонников Аббасидов), особенно на Востоке. Практически все государство оказалось захлестнуто недовольством. Со всей своей силой и воинским мастерством Мерван едва ли был способен остановить надвигавшуюся волну. Даже келбиты, до сей поры «самые преданные из преданнейших», стали выражать свое недовольство. Начала роптать даже сирийская военщина. Царствование Мервана превратилось в какую-то одну нескончаемую борьбу, которая, несмотря на все трудности, несомненно, завершилась бы подавлением восстания, если бы только сирийская армия оставалась единой и лояльной халифу группировкой. Однако из-за преобладавшей межплеменной вражды этого не произошло, и конечный итог оказался гибельным для династии Омейядов.

Харран, родина Мервана, место, где жил его отец, и где он вырос, был превращен новым халифом в столицу империи вместо Дамаска. Это возбудило ревность сирийцев и привело к консолидации их прежде противоборствовавших друг с другом партий в единый фронт против халифа.

Восстания в разных местах.

Первая искра восстания вспыхнула в Гимсе. Когда к стенам города приблизился Мерван, мятежники покорились, сдав ему тысячу всадников из племени Келб, прибывших из Тадмора им на выручку. Их жизни были, кажется, пощажены. Но одновременно с этим

событием, келбиты, обитавшие в Дамаске и его окрестностях, напали на главный город Сирии. Они были разбиты отрядом, подошедшим из Гимса, а их поселения в живописной долине Барада оказались в назидание другим преданы огню. Все дома келбитов сгорели дотла. Вскоре после этого серьезное восстание вспыхнуло в Палестине, угрожая Тиверии; главный зачинщик мятежа, Сабит Ибн Ноэйм, был захвачен карателями в плен вместе с тремя его сыновьями и казнен. Тадмор, центральный город келбитов также восстал против халифа, но по прибытии Мервана быстро утихомирился. Двое сыновей Мервана были объявлены его наследниками, и, чтобы примириться с другими ветвями династии Омейядов, взяли себе в жены дочерей Хишама. Но не долго Мерван оставался в покое, и новые неприятности не заставили себя ждать.

Восстание Ибн Муавии, потомка Джафара, 126 г. хиджры, 744 г. от р. Х.

Свидетельством смятения чувств мусульман того времени является факт, что помимо претензий на трон со стороны представителей рода Аль-Аббаса, дяди Пророка, и Али, двоюродного брата и зятя Мухаммада, теперь в Аль-Куфе появился претендент из другой ветви, о котором прежде не было ничего слышно. То был Ибн Муавия, правнук родного брата Али Джафара, который был убит в битве при Муте.¹ Этому человеку в связи с его столь знатным происхождением были оказаны соответствующие почести Ибн Омаром, наместником Аль-Хиры. Более того, наместник даже позаботился о полном его обеспечении. Кандидатуру Ибн Муавии горячо поддержали граждане Аль-Хиры, особенно бывшие приспешники Зейда Ибн Али. Когда же Ибн Муавия решил пойти дальше и заявил о претензии на трон благодаря якобы имеющимся у него на это правам, за ним двинулись целые толпы сторонников, так что вся равнина от Аль-Куфы до Аль-Хиры побелела от их светлых одежд.

Его изгнание из Аль-Куфы, 127 г. хиджры, 744 г. от р. Х.

Но против опасного претендента немедленно были отряжены войска, и его brave товарищи, не изменив дурной славе знаменитого своим непостоянством города, разбежались прочь. Одни только бывшие сторонники Зейда не отступили, пока это было возможным, и вместе с прочими последователями Ибн Муавии отправились за Тигр в Аль-Медайн. Там многие стеклись под его знамена, включая толпы персидских рабов и мавали из Аль-Куфы.

Успех в Персии, 128 г. хиджры, 746 г. от р. Х.

С их помощью этому инсургенту удалось захватить Холван и холмистые районы к востоку от Тигра. В последующие два года, поддержанный хариджитами, он играл необыкновенную роль в Персии, основав свой двор в Истахре, и оказавшись признанным в Исфахане, Ар-Рейе, Кумисе и других значительных городах Востока. В сто двадцать девятом году хиджры, однако, восстания хариджитов были подавлены войсками Ибн

¹ «Жизнь Мухаммада», стр. 395. Этот Джафар приходился сыном Абу Талибу; см. таблицу выше, стр. 385 текста оригинала. Он был убит за два года до смерти Мухаммада.

Хубейры, сторонники Ибн Муавии разбиты сирийскими отрядами, а ему самому пришлось бежать далеко на Восток.¹

Разбит Ибн Хубейрой.

К тому времени Абу Муслим (о котором мы вскоре услышим более подробно) привлек к себе внимание хашимитов (Аббасидов) в Мерве, и Ибн Муавия, узнав, что тот всегда радел за дом Хашима, посетил правителя Герата с требованием признать его права на основании того, что он был прямым потомком из «царственного» колена. «Представь нам свою родословную, — сказал правитель, — чтобы мы могли знать, кто ты такой». «Я — сын Муавии, который приходился сыном Абдалле, а тот был сыном Джафара»², — отвечал его гость. Но само слово «Муавия», как читатель и сам сможет понять, служило для любого хашимита дурным предзнаменованием. Поэтому ответ наместника Герата был таким: «Абдаллу мы знаем, и Джафара мы знаем; а что касается **Муавии**, то такого имени мы вообще не знаем!» «Мой дедушка, — объяснял беглец, — был при дворе Муавии, когда родился мой отец, и халиф упросил его назвать младенца его именем, за что мой дед получил в дар сто тысяч дирхем». «Поистине, дурное имя, да еще и за ничтожную цену! — прозвучал ответ, — Мы не признаем тебя».

Предан смерти Абу Муслимом.

Когда об этом вопросе доложили Абу Муслиму, тот распорядился освободить всех спутников Ибн Муавии. Но сам их лидер, как прямой потомок Абу Талиба, был слишком опасным конкурентом, чтобы его можно было оставить в живых, и поэтому по приказу Аббасидского наместника беглец был задушен накинутым на него матрасом и похоронен в Герате, где, по словам историков, его могила впоследствии стала местом паломничества. Впрочем, самому Абу Муслиму в будущем еще придется пожалеть о своем жестоком поступке.

Восстание Сулеймана, 127 г. хиджры, 745 г. от р. Х.

Едва Ибн Муавия оставил Аль-Куфу, как в Аль-Ираке вспыхнуло серьезное восстание под руководством вождя по имени Ад-Даххак — одного из хариджитов, который отказался быть просто членом религиозной группировки, но пожелал ради спасения душ человеческих объединить все усилия в открытой борьбе во имя всемирной мусульманской империи. Для подавления этого восстания Мерван начал собирать в Киркисии армию под началом Язида Ибн Хубейры.³ Но пока халиф стягивал свои силы в мощный кулак, десять тысяч йеменцев из Сирии, проходя Ар-Русафу, убедили воинственного, но неблагодарного Сулеймана стать во главе их отряда. Толпы недовольных начали стекаться под его знамена в Киннасрин, и Мерван вынужден был отозвать Ибн Хубейру от

¹ Число его приверженцев, должно быть, было велико, ибо, говорят, что только в плену оказалось сорок тысяч человек, но они были отпущены Ибн Хубейрой.

² См. таблицу на стр. 385 текста оригинала.

³ Это был Язид, сын Омара Ибн Хубейры, убитого Халидом (стр. 386 текста оригинала); но его, как и его отца, обычно называли просто Ибн Хубейрой.

подавления мятежа Ад-Даххака, чтобы противостоять этой армии, насчитывавшей уже семьдесят тысяч человек, ведомых новоявленным и опасным противником.

Разбит; присоединятся к Даххаку.

После тяжелого сражения с войском карателей Сулейман был окончательно разбит, потеряв в бою своих сыновей и тридцать тысяч убитыми; ибо Мерван приказал не давать пощады и не брать пленников. Сам Сулейман бежал в Гимс, а оттуда, оставив на защиту города своего брата Саида, в Аль-Куфу. Но Мерван долго не решался атаковать восставших хариджитов, укrywшихся в Гимсе.

Гимс осажден.

Хотя и окруженный восемью десятками мощных катапульта, которые день и ночь обстреливали его стены, Гимс продержался почти пять месяцев. Но, в конце концов, защитники города капитулировали. Его стены были разрушены, также как и стены Баальбека, Дамаска, Иерусалима и других городов, что свидетельствует о том, насколько широко распространились волны этого восстания. Впрочем, Мерван позднее решил воспользоваться глиной, оставшейся в основаниях прежних стен, чтобы возвести на их месте новые.

Восстание Даххака, 127 г. хиджры, 745 г. от р. Х.

Между тем Аль-Ирак тоже оказался охвачен серьезными волнениями. Причем начались они в северных районах, на землях Раби'а, а не среди кейситов на юге провинции. Арабы из Раби'а имели давний зуб на модарцев за то, что те изгнали их со своих территорий. Особенно невзлюбили они передовой клан Модара Шейбан, обитавший в районе Мосула, еще со времен Шабиба занимавший ведущее положение среди хариджитских кланов. После смерти Велида II представители Бени Раби'а избрали своего собственного халифа. Когда тот умер, его преемником стал Ад-Даххак, происходивший из того же рода, что и Шабиб. После изгнания Ибн Муавии, в Аль-Куфе с удвоенным неистовством разгорелась и без того никогда не прекращавшаяся вражда между модарцами, занявшими, естественно, сторону правителя, назначенного туда Мерваном, и йеменцами, во главе со своим лидером, уволенным его предшественником, сыном Омара, занявшим Аль-Хиру. Вот так, уже четыре месяца тянулась гражданская война между Аль-Куфой и ее пригородом. Тем временем Ад-Даххак с огромным войском хариджитов, Софрией и другими сепаратистами, пользуясь в своих интересах наставшими тяжелыми временами, разорял Месопотамию. Теперь же, узнав о положении в Аль-Куфе, он не упустил возможности захватить ее; и хотя обе стороны успели объединиться, чтобы противостоять общему противнику, они потерпели поражение, и хариджиты овладели их городом. Ибн Омар сначала бежал в Васит, но через три месяца сдался и присоединился к Даххаку, в чьих рядах он нашел также и Сулеймана. Ад-Даххак уже больше полутора лет удерживал власть на большей части Аль-Ирака, и теперь возвратился к себе домой в Гимс, чтобы изгнать оттуда посланные правительством карательные войска. Мерван, все еще находясь под Гимсом, отправил своего сына Абдаллу с восьмитысячным отрядом, чтобы попытаться как-нибудь сдержать мятежника. Но как только Абдалла увидел огромное

войско повстанцев, то поспешил укрыться в Нисибине, где и был осажден сотысячной армией Ад-Даххака.

Разбит Мерваном II, конец 128 г. хиджры, сентябрь 746 г. от р. Х.

После падения Гимса для Мервана наступил критический момент. Халифу надлежало вступить в решающий бой, и он решительно вышел на сцену театра военных действий со всеми имевшимися в его распоряжении силами. Обе армии сошлись у Кефертусы, между Харраном и Нисбином. Битва бушевала целый день, и уже сгустились сумерки, когда разведчикам удалось отыскать на покрытом трупами поле тело Ад-Даххака с двадцатью сквозными колотыми ранами. Вместе со своим вождем пали и шесть тысяч его приверженцев, намеренно спешившихся и поклявшихся защищать его до самой смерти. На следующий день битва возобновилась, вождь хариджитов, предприняв неистовую атаку на центр имперских войск, подверг Мервана такой опасности, что халифу пришлось проскакать несколько миль прочь от эпицентра баталии. Впрочем, воротившись, он увидел свои фланги твердо стоявшими, а вражескую армию полностью обращенной вспять.¹ А главарь повстанцев, сумевший прорваться внутрь лагеря карателей, поплатился за это жизнью. Он пал под ударами дубинок рабов халифа.

Вновь захватывает Мосул, 129 г. хиджры, 747 г. от р. Х.

Отправив голову мятежника на обозрение по всей Месопотамии, Мерван пустился в преследование хариджитов, которые под началом нового вождя из племени Бекр все еще представляли собою внушительную силу в сорок тысяч человек. Халиф гнал повстанцев до Мосула, потом отбросил еще дальше за Тигр, откуда они рассеялись по всему мусульманскому Востоку. Сулейман сбежал, но лишь для того, чтобы принять свою смерть от рук грядущей династии.² Остаться где-нибудь на Тигре было для него крайне рискованным, учитывая то, что весь Аль-Ирак контролировался людьми кейсита Ибн Хубейры.

Прочие волнения хариджитов.

Несмотря на то, что порядок, в конце концов, был восстановлен в близлежащих районах империи, хариджитам удалось полностью овладеть Азербайджаном, откуда они полностью изгнали имперские войска. Но и на территории Аравии они тоже пользовались определенным успехом. Абу Хамза, их лидер, достиг такой популярности, что одно время ему удалось овладеть обоими Святыми городами. Дошло до того, что

¹ Считается, что после этого сражения перестала использоваться старая арабская манера «битвы в линию» («суфуф»), и борьба стала вестись отдельными группами («карадис»). Это было одним из изменений, введенных Мерваном.

² Здесь мы в состоянии проследить дальнейшую судьбу Сулеймана до самого его конца. Он бежал со своими домашними и оставшимися сторонниками в Синд, где, по-видимому, представил себя врагом Омейядов перед хашимитским халифом, который поначалу принял его радушно. Увидев это, один из его придворных продекларировал стихи, предостерегавшие халифа от сантиментов, и говорившие об опасности пощадить хоть одного из Омейядов. После этого халиф удалился и вскоре отдал приказ, чтобы Сулеймана, как и всех остальных, принадлежащих к его группе, предали смерти.

халиф вынужден был посылать большие силы для того, чтобы восстановить свою власть и навести порядок на Аравийском полуострове. Сам же Абу Хамза заявился на ежегодное паломничество с семьями своих приверженцев, где намеренно оделся во все черное и развернул черные знамена — цвет Аббасидов — чтобы подчеркнуть свое неприятие Омейядов. Хотя, несмотря на этот антураж, аравийский лидер хариджитов

Хариджиты.

в равной степени противостоял и кандидату от хашимитов: ведь он не показывал никакой склонности, ни уважения, ни партии Омейядов, ни Аббасидам. Скорее всего, своими черными одеяниями Абу Хамза просто хотел почтить память Абу Бекра и Омара. Таким образом, создается впечатление, что эти верные первым заветам пуритане ислама если и не пользовались по временам доминирующим влиянием в мусульманской империи, то, по крайней мере, обладали достаточной властью, чтобы смутить, а зачастую и полностью парализовать халифское правительство.

Африка.

На западных землях халифата, как и повсюду в тот период, администрация была очень слабой. Власть ускользала у арабов из рук, и наместники повелителя правоверных в Африке вынуждены были постоянно бороться не только с берберами, но и с набиравшим силу движением хариджитов.

Испания постепенно ускользает от контроля с Востока.

В Испании влияние хариджитов было слабым, а о хашимитах там вообще никто и не слыхивал; но во всех остальных аспектах на иберийском полуострове повторялась ситуация, складывавшаяся в Сирии. Арабам, переселявшимся на земли Испании в огромных количествах, следовало бы навсегда забыть о своих родных местах, но они с готовностью воспроизводили их на Западе, бережно неся с собою память о странах Востока. Испания воистину стала для них вторым домом. Ее ландшафты вызвали в живом бедуинском воображении пейзажи Сирии и Палестины. Бывшим кочевникам так хотелось разместиться в новых гнездышках, чтобы они напоминали им картины детства. «Таким образом (читаем мы у историков), арабы распространились по всей земле Испании; люди из Дамаска осели в Альбире (Эльвире), поскольку она напоминала им их родные долины, и переименовали ее в “Дамаск”; точно таким же образом поступили и переселенцы, прибывшие из Тадмора, Гимса, Киннастрина и прочих городов магометанского Востока».¹

Однако вместе с насаждаемым повсюду сходством с их прежними землями, арабы принесли в Испанию и свою застарелую межплеменную вражду. Представители

¹ Там упоминаются и следующие места, например: «Мужи из Гимса осели в Ишбилии (Севилье) и прозвали ее “Гимс”; из Киннастрина поселились в Хаэне (Джаэне), назвав его “Киннастрин”; из Иордана — в Рейе, назвав ее “Иордан”; из Палестины — в Шазуне, назвав ее Палестиною; из Египта — в Тодмире, из-за сходства этой местности назвав ее Египтом», и так далее. Смотрите Al-Ya'kubi, *Descriptio Al-Magribi*, издание Де Гежа (De Goeje), стр. 14 и далее по тексту.

йеменских кланов во всем соперничали с модарцами, а выходцы из Модара не прекращали враждовать с йеменцами. Арабы целиком погрузились в эти распри, ведя их даже с большей жестокостью, чем было то отношение, с каким завоеватели обходились с неверными. В конце концов, арабы согласились выбрать себе нейтрального вождя из среды корейшитов. Но даже и эта мера не помогла, и на несколько месяцев Испания вообще оказалась без эмира. Анархия властвовала повсюду. Тогда арабам взбрело в голову поставить себе на один год эмира из какого-нибудь модарского клана, а на следующий год — уже из йеменского племени. Но под конец своего первого срока правитель-модарец заупрямился и отказался добровольно сдать сложить свои полномочия. Вот каковы были дела в этой раздираемой противоречиями провинции. Дело кончилось тем, что Испания, как мы в дальнейшем убедимся, вообще вышла из-под власти восточного халифата.

Растущие трудности.

Несколько раз в разные годы византийцы, пользуясь теми преимуществами, что предоставляла им гражданская война в землях халифата, совершали набеги на приграничные районы в Малой Азии и Сирии. Мерван, у которого руки были связаны из-за неприятностей в своей собственной стране, не имел возможности противостоять их вторжениям. По той же самой причине он был вынужден хранить молчание в ответ на призывы о помощи, которые слал халифу Наср из Хорасана. В конце концов, события в Хорасане повлекли за собою стремительное падение династии Омейядов. Но об этом речь пойдет в следующей главе.

Мерван удаляется в Харран, 130 г. хиджры, 748 г. от р. Х.

Восстановив порядок в Месопотамии и Аль-Ираке, Мерван вернулся в Харран, свою любимую резиденцию в пустыне, и оставался там долгое время. Он совершенно напрасно устранился от дел, поскольку угроза его правлению росла обратно пропорционально популярности халифа в народе. Увы, выберется он оттуда слишком поздно: когда будет вынужден возглавить свою армию в роковой кампании на Большом Забе.

ГЛАВА LVIII

МЕЖПЛЕМЕННЫЕ РАСПРИ АРАБОВ В ХОРАСАНЕ.

64-130 гг. хиджры / 684-747 гг. от р. Х.

Племена-соперники.

СВЕРЖЕНИЕ династии Омейядов было во многом предопределено восстанием персидских шиитов в Хорасане, области, в которую переселилось множество арабов из Аль-Басры. В Аль-Куфе народ разделялся на партии, в основном, не по племенной принадлежности, но по политическим или религиозным мотивам. Напротив, в Аль-Басре межплеменное соперничество продолжало цвести буйным цветом чуть ли не с доисламских времен, с той лишь разницей, что теперь племена противоборствовали друг с другом не по отдельности, но объединяясь в группы. Наиболее весомую силу представлял союз Бени Темим и Рибаб (это сыновья Абд-Мената и Даббы), чьего покровительства искали и находили многие персы и индийцы. В оппозиции к Бени Темим находилось племя Раби'а. В Аль-Басре представители Абд Эль-Кейс объединялись с племенем Бекр. Племена из Йемена были представлены Бени Азд в Аль-Басре, а в Аль-Куфе — племенами Мазхидж, Хамдан и Кинда. Род Азд появился на сцене позднее прочих, но сумел пробиться в первые ряды благодаря деятельности Аль-Мухаллаба и его сыновей. Арабы из Бени Азд группировались с Раби'а, в то время как Бени Темим объединялось с кейситами.

Сила рода Азд.

Зийяд, градоправитель Муавии в Аль-Басре, основную поддержку своей политике находил среди Бени Азд, и, соответственно, всегда питал к этому семейству добрые чувства. По смерти Язида I, власть Ибн Аз-Зубейра провозгласили уже темимиты, и Обейдала, сын Зийяда, к тому времени ставший правителем Аль-Ирака, предпочел бы всецело отдать себя в руки Бени Азд, но посчитал, что самым мудрым решением будет уйти в отставку. В его отсутствие волнение среди арабов нарастало. Бени Бекр возобновило свой союз с Азд против Темим и захватило городскую мечеть. Правда, оттуда их быстро прогнали темимиты, а лидер аздитов поплатился за это необдуманное выступление жизнью. (х 64 г. хиджры, май 684 г. от р. Х).

Положение в Басре.

С этого момента представленные в Аль-Басре арабские племена разделились на две враждебные группировки: с одной стороны Азд с Раби'а (Бекр и Абд Эль-Кейс), а с другой — Темим с Рибабом и Ханзалой. Благодаря благородному поведению темимитов басрийцам удалось избежать кровопролития, и враждующим племенам удалось совместно избрать себе эмира, пока Ибн Аз-Зубейр не пришлет им нового правителя. Халиф сделал это три месяца спустя. Распря на время притихла, но взаимная неприязнь никуда не делась; и представители Бени Темим негодовали, оказавшись отодвинутыми на второй

план после аздитов при Аль-Мухаллабе. Временному спокойствию, несомненно, помог и общий страх горожан перед хариджитами.

Ситуация в Хорасане.

В Хорасане же арабам противостояли тюрки и персы, но это отнюдь не мешало соотечественникам Пророка враждовать друг с другом. Покоренная страна во многом напоминала им их старый дом, причем древних арабских традиций особенно старались придерживаться темимиты.

Хорасан был завоеван при Османе арабами из Аль-Басры, и он во многом оставался колонией именно этого города. Как правило, наместник Аль-Басры рассматривал правителя Хорасана в качестве своего заместителя.¹ Западная часть этой провинции оказалась оккупирована кейситами, а восточная — представителями племен Бекр и Темим. Столицей западной части стал Нишапур (Нисабур), а восточной — Мерв. Наместники обоих городов подчинялись Аль-Басре, и Зийяд со своими сыновьями правил ими уже долгое время. Сиджистан же к югу от Хорасана имел самостоятельное управление, и именно там началась междоусобица между кланами Раби'а (Бекр) и Модар (Темим), поводом для которой послужили выборы эмира. Она быстро распространилась на Хорасан, где за правителя все еще оставался Аль-Мухаллаб. Как бы то ни было, его племя, Азд, не обладало достаточной силой в Хорасане, и прочие вожди один за другим начали освобождать свои части провинции из-под его власти. Люди из Бени Темим поддерживали кандидатуру Абдаллы Ибн Хазима, который был не из их племени, но из Бени Сулейм, другого племени группы Модар, противостоявшего Бени Бекр. Ибн Хазим изгнал племя Бекр из Хорасана в Сиджистан. Это произошло в 684 году от р. Х. (64-65 гг. хиджры), когда на западе одновременно вспыхнула война между семействами Келб и Кейс. Ибн Хазим попытался предостеречь Бени Темим от расселения в Герате, и это племя объявило ему партизанскую войну не на жизнь, а на смерть. Но различные кланы Бени Темим тут же начали воевать друг с другом, пока арабы Хорасана, предвидя, что эти нескончаемые распри когда-нибудь полностью их уничтожат, взмолились Абд Аль-Мелику послать к ним наместника, который смог бы устоять над межплеменной враждой. Халиф послал к ним корейшита из дома Омейя, «общительного и щедрого человека», но отнюдь не воина. И эти междоусобицы не утихали вплоть до семисотого года от р. Х. (81 г. хиджры), но и тогда еще Муса, сын Ибн Хазима, оставался вполне независимым от халифата в своих владениях за Оксом.

Итоги междоусобиц.

В итоге этих межплеменных войн для халифата оказались потеряны все земли за Оксом (Амударьей). Более того, племена тюрков стали совершать набеги на Хорасан, доходя вплоть до Нишапура. Наместник-корейшит, присланный Абд Аль-Меликом, попытался организовать наступление на тюрков, но результат оказался столь катастрофичен, что ему

¹ Веллгаузен отмечает, что наряду с кампаниями, проводившимися отрядами, где были полностью представлены разные племена, отдельные племена совершали множество самостоятельных набегов. Это напоминает нам о завоевании Ханаана, как о том повествует Книга Иисуса Навина, и также говорится в Книге Судей.

пришлось отказаться от своего поста (78 г. хиджры, 697 г. от р. Х.). Вместо него теперь уже Аль-Хаджадж поставил Аль-Мухаллаба, столь храбро сражавшегося против хариджитов. Этот ничего нового предпринимать не стал, зато привел с собою в Хорасан свое племя, Азд. На новом месте аздиты быстро сгруппировались с Раби'а (Бекр) против Модара (Темим и Кейс), как это было прежде в самой Аль-Басре. Аль-Мухаллаба сменил на месте правителя его сын Язид, которому не по душе было оставаться под властью кейсита Аль-Хаджаджа, и он быстро нашел общий язык с отверженными из йеменских племен, некогда участвовавшими в восстании Аль-Ашаса. Он был заменен его же сводным братом, Аль-Муфаддалем, поскольку Аль-Хаджадж не осмелился назначить на это место кейсита: ведь его соплеменник, кейсит Муса, в то время проводил свою независимую политику за Оксом. Увы, забыв о том, что ворон ворону глаз не выклюет, Аль-Муфаддаль по своей собственной глупости «отпиллил ветвь, на которой сам же сидел». Как только благодаря его активности был убран с дороги Муса, Аль-Муфаддаль с братом сами лишились занимаемых ими постов, а племена Азд и Бекр — своего преимущества. Сменивший Аль-Муфаддаля Котейба происходил из нейтрального и весьма незначительного племени. Он всецело зависел от воли правительства и принял сторону кейситов. Люди из племени Азд возненавидели его за жестокое обращение с сыновьями Аль-Мухаллаба. Когда пришел черед Котейбы, аздиты совместно с Раби'а тайно замыслили сбросить его. Если бы они решились действовать открыто, Бени Темим поднялось бы на защиту наместника. Впрочем, Котейба отвратил от себя и Бени Темим, из-за дурного обхождения с вождями кланов этой группы. Кончилось тем, что их лидер сам возглавил восстание. Персы мавали, из которых в мусульманской армии был сформирован отдельный корпус, занимали сторону законного наместника, но их сумели настроить против него. В итоге Котейба пал от руки какого-то аздита.

Под властью последних Омейядов.

Судьба Котейбы, равно как и Обейдаллы, ярко свидетельствует о том, что у арабов человек в отрыве от его племени ничего не значит. Персы придерживались противоположной точки зрения, и в этом случае они были абсолютно правы: ведь падение Котейбы означало крушение арабского владычества в тех землях, которые он покорил для халифата. С появлением в Хорасане на девяносто восьмом году хиджры Язида, сына Аль-Мухаллаба, племя Азд сумело восстановить там свою гегемонию; но после его смещения Омаром II, вновь наступило шаткое равновесие между противоборствующими племенами. Затем, когда при Язиде II доминированию потомков Мухаллаба пришел окончательный конец, все чиновники, происходившие из кланов Азд, лишились своих мест, а вождей этого племени стали всячески поносить. Бахила (Баджила), клан Котейбы, получил возможность отомстить за свое унижение. К власти вернулась группа племен Модар во главе с темимитами. Как бы то ни было, градоправителями повсюду, как правило, оставались кейситы. И даже у них между собою возникали распри, в основном, из-за финансовых вопросов. Весною сто пятого года хиджры (724 г. от р. Х.) наместник Хорасана послал карательный отряд против Ферганы; но арабы из племен Азд и Раби'а сами взбунтовались, и мятеж возглавил брат Котейбы Амр. Хишам отстранил от дел губернатора Аль-Ирака, кейсита Ибн Хубейру, и расчистил дорогу для представителя племени Баджила: Халида Ибн Абдаллу. Его племя обладало тесными связями с семейством Азд. Асад, младший брат Халида, стал правителем Хорасана. Впрочем,

племя Баджила старалось сохранять нейтралитет. На сто девятом году хиджры Асада заменили на кейсита. Несправедливое обращение с жителями Согдианы негативно отразилось и на сопредельных территориях. Аль-Харис Ибн Сурейдж поднял вопрос о правах персидских мавали в отношении освобождения от налогообложения и получения пособий, чего еще до него пытался добиться Абу'с-Саида. Под черным знаменем Аль-Хариса объединилось немалое количество представителей племен Азд и Темим. Когда в сто семьдесят седьмом году хиджры (735 г. от р. Х.) в Хорасан возвратился Асад, он первым делом освободил арестованных чиновников Аль-Джунейда, невзирая на противодействие ему кейситов, и далее старался занимать независимое от племенных симпатий положение. Падение Халида ускорило и общее крушение династии Омейядов. Сменивший его на посту наместника Аль-Ирака Юсуф был кейсит плоть от плоти, кость от кости. Происходил он из семейства Аль-Хаджаджа, и, конечно, не преминул бы назначить правителем Хорасана человека, подобного себе, если бы халиф Хишам сам не поставил туда кинанита Насра — одного из тех немногих старцев, кому было позволено сыграть хоть какую-то роль в те трудные времена. Подобно Котейбе у него не было мощной поддержки какого-нибудь клана за спиной, и старику приходилось во всем зависеть от халифа. Чиновники же его, в основном, представляли Бени Темим, с которым племя Кинана сохраняло тесные родственные связи.

Аль-Велид II правил в интересах группы Кейс. Наср отказался признать власть его убийцы — Язида III, ставшего очередным халифом — но попросил считать себя эмиром Хорасана вплоть до окончания гражданской войны. На это согласились даже гордые племена Азд и Раби'а. Однако Наср продолжал лавировать между двумя противоборствующими сторонами. С учетом того, что Язид III был возведен на трон йеменской группировкой, Бени Азд и Раби'а не долго пришлось ждать повода для поднятия мятежа. Сделав своим вожаком Аль-Кирмани, они подняли клич об отмщении Омейядам за их преследование семейства Аль-Мухаллаба. Насру не хватило благоразумия удержаться от приглашения Аль-Хариса Ибн Сурейджа, который был рад вернуться из своей тюркской ссылки. Появившись в Мерве в июле семьсот сорок пятого года (ix 127 г. хиджры), он был тут же окружен тысячами своих единоплеменников из Бени Темим. Насра заставили убраться в Нишапур, главный город семейства Кейс, предоставив Мерв Аль-Харису и Аль-Кирмани. Само собой, между победителями произошла ссора, и люди племени Азд в апреле 746 г. от р. Х. (vii 128 г. хиджры) сильно побили темимитов. Аль-Харис был убит. Он послужил своего рода предтечей Абу Муслима, и сделал больше кого-либо другого, чтобы сбросить иго как Омейядов, так и арабов вообще. В последующем году Наср, достигший уже возраста восьмидесяти лет, попытался собрать все свои силы, чтобы отобрать Мерв у Аль-Кирмани. Абу Муслим и его шиитские приспешники, поддерживавшие партию Аббасидов, в основном персы, расположились лагерем неподалеку от города. Страх пред общим врагом наконец-то заставил арабов сплотиться. Бени Азд и Бени Темим, йеменцы и модарцы вышли биться в едином строю; и на исходе сто двадцать девятого года хиджры (в августе 747 г. от р. Х.) Насру удалось войти в Мерв. Абу Муслим оказался в критическом положении, но ему удалось переманить аздитов на свою сторону. В итоге, в декабре 747 г. от р. Х. (iv 130 г. хиджры) Мерв вновь перешел в руки мятежников. Насру пришлось бежать в Нишапур. Дело Омейядов в Хорасане было окончательно проиграно.

ГЛАВА LIX

ОСТАТОК ДНЕЙ ПРАВЛЕНИЯ МЕРВАНА. АББАСИДСКОЕ ВОССТАНИЕ НА ВОСТОКЕ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ АБУ МУСЛИМА И КАХТАБЫ. ПРИЗНАНИЕ ХАЛИФОМ АББАСИДА. БИТВА ПРИ ЗАБЕ. ПОРАЖЕНИЕ И ГИБЕЛЬ МЕРВАНА.

130-132 гг. хиджры / 748-750 гг. от р. Х.

Рост влияния Аббасидов на Востоке.

ПРОГРЕСС недавних событий на Востоке требует к себе более пристального внимания. Причины, ведущие к развалу власти, там, как и по всему халифату, были одинаковы: восстания хариджитов и межплеменные распри. Однако помимо этого у восточных провинций была и своя специфика. Авторитет халифского двора в Хорасане был гораздо ниже, чем где бы то ни было. Собственно, он вообще быстро сходил на нет. Заговор хашимитов, очень долго тайно сплетавших свои разрушительные интриги, получил возможность вырваться наружу. Мощные группы, выступавшие в поддержку Аббасидов, начали повсеместно и без малейшего страха поднимать головы. Правительственная машина буквально разваливалась на куски. Представители дома Пророка выступали под весьма привлекательным предлогом изгнания нечестивых Омейядов: ими был полностью расчищен путь для тех великих перемен, предчувствие которых уже так явно ощущались практически всеми.

Критическое положение Омейядов в Хорасане, 126-128 гг. хиджры, 743-745 гг. от р. Х.

Положение Насра, вице-халифа в Хорасане, день ото дня становилось все более критическим. Как мы уже упоминали, Аль-Кирмани удалось привлечь под свои знамена йеменскую фракцию: то есть, изначально враждебную Насру, склонившемуся на сторону кейситов. Аль-Кирмани, как опасного подстрекателя и возмутителя спокойствия, бросили в темницу, откуда ему удалось бежать и быстро сколотить вооруженную группировку, выступившую против правительства. Во умножение беспорядков Аль-Харис, для которого Насру удалось добиться у халифа амнистии, обратился против своего благодетеля. Будучи выходцем из язычников-тюрков, он вошел в преступный сговор с прочими мятежниками и возомнил, что ему поручена свыше почетная миссия борьбы за чистоту религии. Подняв черное знамя, Аль-Харис стал требовать у властей реформ в соответствии с «Книгой Господа». После долгих переговоров, окончательно зашедших в тупик, Наср предложил ему всяческое содействие, если он удалится и направит свою деятельность по другую сторону Окса, но тот предпочел оставаться в Персии и мутить воду дальше. Теперь он то сражался на стороне Аль-Кирмани, то поднимал оружие против него.

События в Хорасане.

[Как отмечалось в конце предыдущей главы,] в одном из столкновений с шайками Аль-Кирмани Аль-Харис был убит. Его оппонент решил заняться Насром, удалившимся в

Нишапур. Нескончаемая вражда между Модаром и Йеменом возбуждала одних арабов поднимать оружие против других. Причем, эти междоусобицы не приносили никаких результатов, помимо того, что весь Хорасан по-прежнему оставался без какой-либо видимости централизованного управления.

Арабы в Хорасане больше походили на персов, чем на арабов. Их отцы брали замуж персиянок, и сыновья гораздо лучше говорили на фарси, чем на арабском, пили вино, носили широкие штаны и привыкли отмечать исконно персидские праздники. Сами персы, с другой стороны, по всей видимости, чувствовали себя лучше, чем когда-либо ранее после покорения их арабами. К язычеству теперь относились терпимо, и когда персы решались перейти в ислам, то делали это чисто по социальным, но не религиозным мотивам. Персы становились частью арабских кланов, принимали арабские имена, и со временем оказывались более искренними верующими, чем сами арабы. Последние, впрочем, всегда относились к первым с определенной долей сомнения. В армии, вступление в ряды которой автоматически открывало путь в ислам, мавали сражались в пешем строю, а арабы конными. Персам позволяли участвовать в дележе добычи, но им не выплачивали пособий, и от них до сих пор требовали выплаты унижительного подушного налога. Однако само учение ислама говорило об их равенстве во всех отношениях с их завоевателями. Это признавалось хариджитами, мурджиитами, но более всех — шиитами. Шииты разделялись на две группы. Одна была чисто политической, которая требовала сохранения господства прямой линии Мухаммада, а другая — теософской. Эта группа религиозных фанатиков считала, что в Ибн Аль-Ханефии, его сыне Абу Хашиме и прочих «святых» воплотился Сам Бог.

Абу Муслим, агент Аббасидов,

В это время, ближе к концу сто двадцать девятого года хиджры, над Хорасаном широко развернулось большое черное знамя Аббасидов. Поднял его Абу Муслим.¹ История происхождения этого знаменитого человека, который, несмотря на свой еще молодой возраст, уже успел стать героем новой династии халифов, неясна. Ясно только, что он не был арабом. Разбираясь во множестве сомнительной информации, мы можем сделать предположение, что он появился на свет, будучи рабом. В сто двадцать пятом году хиджры (743 г. от р. Х.) Мухаммад, глава дома Аббасидов, с группой своих сторонников, посетил Мекку. Предчувствуя свой скорый уход из жизни (он заболел и умер в том же году), он потребовал от своих приверженцев, чтобы те в случае его смерти стали воспринимать его наследником во всех делах его сына Ибрахима. В то же самое время он приобрел Абу Муслима, которому тогда не было еще и двадцати лет, чтобы использовать его в качестве тайного агента на службе своего семейства. Таким образом, Абу Муслиму выпала участь нести обязанности доверенного лица Мухаммада. Выполняя свою работу, он постоянно курсировал между Хорасаном и Аль-Хомеймой (селением на юге Палестины, где проживала семья Мухаммада). Он привык отчитываться во всех своих делах. В конце концов, на сто двадцать девятом году хиджры, судя по отзывам его

¹ Черный цвет мог быть выбран потому, что служил цветом знамени Мухаммада, или же потому, что именно такого цвета было знамя Аль-Хариса Ибн Сурейджа, что могло импонировать персам мавали. Возможно, и потому, что черный цвет считался цветом отмщения. По контрасту, знамена Омейядов и Алидов были белыми; а хариджитов — красными.

сторонников, перспективы захвата власти Омейядами в Хорасане стали выглядеть настолько многообещающими, а беспорядки там достигли таких размеров, что Ибрахим велел Абу Муслиму не откладывать дела в долгий ящик, а немедленно поднимать знамя новой династии.

поднимает черное знамя на Востоке, ix 129 г. хиджры, май 747 г. от р. Х.

Точно в месяце поста рамадане, Абу Муслим отправился на самые восточные рубежи Хорасана и разослал оттуда своих эмиссаров по всем направлениям, снабдив их инструкциями когда и каким образом следует начинать восстание. Не успел еще закончиться этот месяц, как к нему со всех уголков провинции стали стекаться группы вооруженных людей. Как-то под вечер в его лагерь пришло не менее шестидесяти человек, причем все они были с разных концов Хорасана. Первую религиозную службу повстанцы провели в пятницу, IX 129 г. хиджры (15 июня 747 г. от р. Х.), как раз в конце великого поста. Имамом у них был Сулейман Ибн Кесир из Хоза'а, являвшийся номинальным вождем всего движения. Гарнизоны Омейядов были изгнаны из Герата и прочих городов дальнего Востока. Повсюду люди Абу Муслима старались завладеть умами модарцев, ругая йеменские племена; а йеменцев — наоборот, понося Модар. Абу Муслим лично прибыл в Мерв и добился отторжения Бени Азд от союза с другими арабскими племенами, но сделал это так хитро, чтобы ни в чем не обидеть модарцев. Он не поленился вступить в тайные сношения даже с Насром и Аль-Кирмани, но последний был убит сыном Аль-Хариса Ибн Сурейджа. Тогда Абу Муслим, убедив народ, что это Наср инициировал подлое убийство, сумел склонить на свою сторону даже сына престарелого наместника,¹ и вскоре при помощи последовавших за ними аздитов изгнал Насра из Мерва,

Захватывает Мерв.

и захватил городскую цитадель (Арк). Однако его успех заставил, наконец, сирийских арабов из различных партий объединиться против повстанцев хашимитов; и если бы только халиф в этот момент сумел поддержать Насра свежими войсками, дело могло бы принять совсем другой оборот.

Наср умоляет о помощи.

Незадачливый вице-халиф стал молить повелителя правоверных о помощи, горько жалуясь на то, что его оставили совсем одного. Приводя цитаты из Корана, он надеялся создать впечатление, что находится на вулкане, готовом в любую минуту взорваться. В своем послании он привел роковые слова: «**Проснулся ли дом Омейядов, иль все еще дремотой он объят?**» Получив это дышащее отчаянием письмо, Мерван приказал Ибн Хубейре поспешить с отправкой подкреплений на Восток. Но неприятности на Западе не

¹ Как бы то ни было, Абу Муслим посчитал двоих сыновей Аль-Кирмани бесперспективными в качестве союзников, возможно, из-за их сирийских связей. Коварно обманув обоих, он предал их смерти вместе с их товарищами. Абу Муслим был весьма неразборчив в своих методах, и не останавливался от убийства любыми подручными средствами, если считал, что кто-то стоит на его пути.

позволяли военачальнику халифа оказать Насру сколько-нибудь существенную помощь. Примерно в это же самое время халиф перехватил послание от Ибрахима, его конкурента из Аббасидов, сына Мухаммада, к Абу Муслиму, где претендент на престол делал выговор своему агенту за недостаточно быстрый прогресс в Хорасане. Также он предупреждал Абу Муслима, что арабы и сирийцы начинают относиться к нему с враждебностью, и начинающееся дело находится под угрозой.

Арест и смерть Ибрахима.

Не на шутку встревоженный этими тайными махинациями, Мерван повелел губернатору в Белке схватить Ибрахима. Его тут же взяли в его же доме в Аль-Хомейме и отправили в Харран, где он вскоре после ареста скончался. Насильственной ли смертью, или от естественных причин — неясно.¹ С арестом Ибрахима, его братья Абуль-Аббас и Абу Джафар вместе со всем оставшимся семейством немедленно бежали в Аль-Куфу, где в дальнейшем и пребывали в надежном укрытии.

Разумное управление Абу Муслима.

А тем временем Абу Муслим продолжал развивать свой успех на Востоке. Открытость этого человека, его непритязательные привычки, отказ от телохранителей и придворных церемоний, привлекали к нему народ. Все повседневные заботы он поручил Совету из двенадцати человек, который были избран из тех, кто встал на сторону нового движения одними из первых.

Абу Муслим на Востоке.

У него вполне хватило благоразумия сделать своим паролем фразу «Дом Хашима», ведь Хашим являлся общим предком и для Алидов, и для Аббасидов² — Абу Муслим мудро не называл по имени ни своего хозяина, ни его семейство, за интересы которого сражался. Многие из мусульман все еще придерживались стороны Абу Талиба, желая видеть на троне одного из его потомков скорее, нежели Аббасида. Таким образом, девиз Абу Муслима прекрасно удовлетворял запросам обеих этих ветвей, включая и поклонников Али. В какой-то период Абу Муслим даже установил дружеские отношения с Насром, который, не видя никакой помощи из Сирии, подумывал уже, не разделить ли свою судьбу с удачливым повстанцем. Однако же, опасаясь измены, старик все-таки решил дать мятежникам бой, и, собрав все силы, еще хранящие верность Омейядам, двинулся на юг к Сараху, откуда проследовал к Нишапуру.

Наср бежит на юг; он разбит Кахтабою, конец 130 г. хиджры.

¹ Некоторые считают, что он умер от чумы; другие убеждены, что ему поднесли яд в чаше с молоком; бытует даже мнение, будто Мерван подстроил так, что на узника рухнули стены темницы. Однако, насильственная смерть наименее вероятна. Его дело было унаследовано Абуль-Аббасом.

² Движение «Хашимия» сегодня означает крайних шиитов, но это название происходит от имени Абу Хашима, сына Ибн Аль-Ханефии.

Там его настиг Кахтаба из племени Тай, знаменитый полководец Абу Муслима. Войско Насра потерпело сокрушительное поражение, а сам наместник лишился в этом бою сына. Пожилому эмиру пришлось бежать оттуда вместе с прочими арабами, решившими покинуть негостеприимный Хорасан. Среди его спутников оказались люди из племен Темим, Бекр и Кейс. Беженцы добрались до Джурджана, где находился сильный гарнизон, состоявший из верных халифу сирийцев. Но фортуна явно изменила сторонникам Мервана, и Кахтаба вновь добился впечатляющей победы, оставив лежать на поле боя тысячи солдат противника. Наср, продолжая тщетно умолять халифа о помощи, вынужден был продолжить свое бегство на запад, в сторону Ар-Рея.

Смерть Насра, iii 131 г. хиджры, ноябрь 748 г. от р. Х.

Там он почувствовал себя совсем плохо. Спутники пытались доставить его в Хамадан, но по пути старик скончался. Ему было уже восемьдесят пять лет, и его долгая и добросовестная служба на посту вице-халифа Хорасана заслуживала лучшего конца. Он являлся поистине единственным преданным халифу человеком в то время.

Кахтаба наступает на Куфу, 131 г. хиджры, 749 г. от р. Х.,

Теперь Кахтаба стремительно продвигался на запад. В числе лучших командиров под его крылом проходили службу Абу Аун из Бени Азд, Хазим из Бени Темим и перс Халид Ибн Бармек. Заняв Рей, Кахтаба быстро навел там порядок, в то время, пока его сын, Ибн Кахтаба с остальными командирами подчинил себе всю округу. Перед их отрядами в страхе бежали как сторонники Омейядов, так и хариджиты, чье восстание было недавно жестоко подавлено. Ибн Кахтаба со всех сторон обложил Нехавенд. На выручку осажденному городу поспешила со стороны Кермана халифская армия, которая освободилась после разгрома и бегства Ибн Муавии. Несмотря на то, что правительственное войско насчитывало сто тысяч человек, Кахтаба, всего с двадцатью тысячами воинов после жестокой битвы обратил вспять своего противника и захватил вражеский лагерь, который представлял из себя подобие небольшого города, наполненного всевозможными богатствами Востока. После трехмесячной осады Нехавенд пал, после чего Кахтаба, перебравшись окольным путем с севера на другую сторону Евфрата, чтобы избежать столкновения с Ибн Хубейроу, сирийским командующим в Джалуле, пошел напрямую на Аль-Куфу. А там горожане-хашимиты, возбужденным слухами о его громких победах, уже с нетерпением ожидали прихода повстанческой армии.

*...разбивает Ибн Хубейру, отбросив его к Васиту,
8 i 132 г. хиджры, 27 августа 749 г. от р. Х.*

Было самое начало сто тридцать второго года хиджры, когда Кахтаба переправился через Евфрат примерно в тридцати-сорока милях выше по течению от Аль-Куфы. Однако перед ним оказался Ибн Хубейра. Две армии сошлись где-то неподалеку от Кербелы. И на этот раз сирийцы потерпели жестокое поражение, но и хашимитам пришлось несладко, поскольку их лидер Кахтаба пал на поле боя. Его сын, Аль-Хасан Ибн Кахтаба, принял на

себя командование и, сумев не посрамить славы своего отца, заставил Ибн Хубейру, бросив в лагере обоз и все припасы, отступить в Васит.

*Куфа взята; Абуль-Аббас выходит из укрытия,
14 і 132 г. хиджры, 2 сентября 749 г. от р. Х.*

Вот так Аль-Куфа осталась без прикрытия. Войско хашимитов двинулось вперед и после слабого сопротивления — сирийцы, едва вступив в бой, поспешили бросить своего вожда-Омейяда — вступило в город. Вскоре после этого Абуль-Аббас со всем своим семейством и остальными родственниками вышел из своего укрытия. В предвкушении установления нового порядка (о котором речь пойдет в следующей главе), Абу Салама, бывший одним из самых деятельных агентов хашимитов в Хорасане, был заранее признан всеми «везиром дома Мухаммада», а Мухаммад, сын Халида (бывший правитель Аль-Куфы) — «эмиром».¹ Йеменские племена, в большинстве своем (совместно с Раби'а), поддержали эту революцию. В то же время, в отличие от них Бени Модар выступало за сохранение арабского превосходства, и на какой-то период представителям клана Модар удалось одержать верх в Аль-Басре.

*Абу Аун разбивает войско сына Мервана на Малом Забе,
20 хіі 131 г. хиджры, авг. 749 г. от р. Х.*

А в это время в Верхней Месопотамии также происходили волнующие события. Кахтаба, стремясь всячески развить свои блестящие успехи на Западе, отрядил еще из Нехавенда одного из самых способных командиров, Абу Ауна, чтобы тот двигался в направлении Междуречья. Дойдя к концу сто тридцать первого года хиджры до Шахразора, находившегося у восточного берега Малого Заба, он разгромил войска Абдаллы, сына Мервана. Предав смерти множество воинов халифа, Абу Аун оккупировал весь регион к востоку от Мосула.

Мерван II наконец-то беретя за оружие.

Сам же халиф оставался бездействующим в Харране еще со времени своей кампании против хариджитов. Но ныне, увидев врага у самых дверей своего дома, он оказался вынужден лично взяться за оружие. Как знать, решишь он на это чуть раньше, глядишь, и дела могли бы пойти совсем иначе. Но теперь он был со всех сторон окружен разгоревшимся восстанием. Отовсюду приходили вести о поражениях, а народ был явно разочарован его нерешительностью. Почва буквально ускользала из-под ног халифа. Переправившись через Тигр, его войско, насчитывавшее сто двадцать тысяч человек, подошло к Большому Забу. Количественно его армия намного превосходила врага, но состояла она в значительной степени из безразличных к Мервану йеменских племен и хариджитов. В то же время Ибн Хубейра приходил в себя от поражения, оставаясь в

¹ «Эмир» слово арабское, причем древнее, оно означает «начальник», «командир». Назначение везира (зачастую пишется «визирь») или министра, послужило отличительной чертой Аббасидов по контрасту с династией Омейядов. Обычно происхождение этого слова связывают с арабским корнем «вазара», «нести ношу», но, скорее всего, это понятие пришло из языка пахлави, где означало «решать». Древнееврейское «гезар», Darmesteter, *Études iraniennes*, i. 58; *Al-Fakhri*, стр. 205.

Васите. Воспользовавшись удачным моментом, Абуль-Аббас, претендент на халифский трон — клятва ему на верность была принесена в Аль-Куфе в пятницу, 28 ноября 749 года (12 iv 132 г. хиджры) — не замедлил выслать из Куфы большое подкрепление для войска Абу Ауна.

Битва на Забе, II vi 132 г. хиджры, 25 января 750 г. от р. Х.

Чтобы придать своей армии вид законного войска империи ислама, он послал возглавить отряд Абу Ауна своего дядю, Абдаллу: соответственно, Абу Аун предложил ему занять самый высокий шатер, всегда служивший признаком верховного командующего. Абдалла нашел Мервана расположившимся в лагере на правом берегу Большого Заба. Двадцатитысячное войско Абу Ауна находилось на левом берегу. Небольшой отряд повстанцев пересек реку, но после стычки вернулся обратно. На следующий день Мерван, вопреки данному ему совету, навел через реку наплавной мост из лодок и поспешил вступить в сражение. Его сыну вначале удалось опрокинуть вражескую колонну; и Абу Аун, дабы не позволить слухам о неудаче расхолодить его воинов, немедленно решил на общую атаку по всему фронту. Арабские историки заявляют, что Мерван не предпринял абсолютно ничего, чтобы одержать верх в тот день; но настоящая причина его поражения кроется в том, что сирийские воины совершенно утратили как чувство верности халифу, так и боевой дух. Перед решительной атакой Абу Аун заставил своих людей спешиться и укрепить свои копыя в земле, в то время как Абдалла призывал их, славных героев Хорасана, отмстить за смерть своего племянника Ибрахима. Он кричал: «Йа, Мухаммад! Йа, Мансур!», и этот воинственный клич был подхвачен далеко вокруг. Мерван же, со своей стороны, пытался взывать к арабским племенам, называя каждое по имени. Он гнал их в бой, но никто не спешил откликнуться на зов халифа. Хуже того, в недобрый час он, пожелав поднять дух своего войска, пообещал щедро вознаградить своих воинов за храбрость богатствами, которые остались в его обозе. Прослышав о богатствах, некоторые из солдат халифа просто-напросто устремились обратно в лагерь, понадеявшись найти там легкую добычу.

Разгром и отступление войска Мервана II.

Чтобы предотвратить это разграбление, Мервану пришлось направить на защиту обоза своего сына. Лишь только тот, желая спасти богатства своего отца, вывел из боя свою охрану, как все соседние отряды, завидев его знамя, движущееся назад, к лагерю, обратились вспять. Сирийцы дрогнули и с криками, «Разгром! Разгром!», бросились бежать. Мерван, пытаясь остановить их бегство, приказал перерубить веревки, связывавшие лодки: плавучий мост медленно двинулся вниз по течению. Из-за этого в тот злополучный день гораздо больше сирийских солдат потонуло, чем пало от меча.¹ Эта битва, подведшая итог всему периоду правления Омейядов, произошла на сто тридцать втором году хиджры, или в 750 г. от р. Х. Абдалла оставался с неделю стоять на поле сражения, послав сообщение об одержанной победе Абуль-Аббасу, который, в восторге от

¹ Говорят, что, завидев внука Абд Аль-Мелика, пытавшегося бороться с волнами, Абдалла, брат (дядя?) свежеиспеченного халифа, закричал: «Не трогайте его!» Он привел из Корана отрывок, повествующий о гибели египтян: «И (помните) вот, Мы разделили при вас море и спасли вас и потопили род Фирауна, а вы смотрели». Сура ii, 49 (47).

такого доброго известия, приказал, чтобы каждому участнику этой знаменательной битвы выдали по пятисот золотых монет. Кроме того, он пообещал увеличить всем воинам жалованье.

Его бегство.

Мерван бежал. Под Мосулом его спутники закричали: «Это халиф, позвольте ему переправиться на ваш берег!» «Вранье! — последовал ответ с противоположной стороны, — Халиф не убегает!» Вот так жители Мосула выразили свое презрение падшему монарху и приветствовали одержавший победу «Дом Пророка». Ценою больших усилий Мервану удалось добраться до Харрана, где он провел несколько недель, тщетно пытаясь собрать новую армию. Но Абдалла преследовал его по пятам, поэтому Мервану пришлось перебраться в Гимс. А оттуда, так и не получив никакой поддержки, злополучный халиф направился в Дамаск. Но находиться даже там ему казалось небезопасным. К тому же, и наместник Дамаска, зять Мервана, разделял его тревоги. Все еще надеясь сколотить новую армию, халиф оставался привязанным к Палестине. В конце концов, ему удалось найти там убежище: у арабского вождя в Абу Футрисе (Антипатриде).

Взятие Дамаска Абдаллою, братом Абуль-Аббаса,

Между тем, Абдалла, получивший соответствующие указания из Аль-Куфы, двинулся от Большого Заба к Мосулу, где местные жители, переодевшись в черные цвета новой династии, сами бросились к нему с распростертыми объятиями, спеша приветствовать победителей. Губернатор Харрана, племянник Мервана, вышел из города навстречу войску повстанцев в простой одежде, в знак своего повиновения. Абдалла, уступив обуревавшим его чувствам, не удержался от возможности «отомстить» за убийство своего племянника. Он демонстративно приказал своим людям разрушить тот дом, что послужил темницею его погибшему родственнику.¹ Проходя маршем по Сирии, Абдалла принимал делегации от всех крупных городов, которые торопились выразить покорность новой власти. В Дамаске к его войску присоединились подкрепления, подошедшие из Аль-Куфы. Командовал куфинским отрядом, насчитывавшим до восьмидесяти тысяч человек, его брат Салих. Город сначала закрыл ворота перед повстанцами, но после непродолжительного сопротивления был взят решительным штурмом. Правитель Дамаска был убит.

26 апреля 750 г. от р. Х.

Вот так черный штандарт Аббасидов триумфально взвился над цитаделью Дамаска, четырнадцатого рамадана сто тридцать второго года хиджры: спустя восемь месяцев после входа хашимитов в Аль-Куфу, и спустя всего три месяца после сражения на Большом Забе.

Мерван II загнан в Египет, xi. 132 г. хиджры, июнь 759 г. от р. Х.,

¹ Это делалось явно для того, чтобы подчеркнуть, что Ибрахим не умер насильственной смертью.

Дав своему войску небольшую передышку, Абдалла двинулся в Палестину, преследуя Мервана. Как вскоре выяснилось, тот успел бежать в Египет. Получив указания от нового халифа, Абдалла отрядил часть своей армии под командованием его брата Салиха и Абу Ауна вдогонку беглецу. В Ас-Саиде преследователи обнаружили, что сторонники Мервана, стремясь затруднить их миссию, пожгли все запасы фуража в окрестностях: траву и корм. Придя в Фустат, Салих послал оттуда вперед Абу Ауна, которому удалось захватить в плен большую группу всадников, все еще сохранявших верность потерявшему трон халифу.

...и убит, 26 хii, 132 г. хиджры, 5 августа 750 г. от р. Х.

Часть пленников хашимиты поубивали, но остальным удалось выкупить свою жизнь ценой предательства. Малодушные вояки выдали место, где скрывался их повелитель. Он прятался в здании церкви в Бусире, куда сразу же был послан небольшой отряд преследователей. Сумев подобраться незамеченными, они застали Мервана врасплох и убили его. Это произошло в самом конце сто тридцать второго года хиджры (в августе 750 г. от р. Х.).

Его голова отослана Абуль-Аббасу.

Отрезанную голову Мервана II послали Салиху, который вырезал язык бывшего халифа и пренебрежительно бросил его кошке. В таком обезображенном виде голова была доставлена в Аль-Куфу. При виде этого «подарка», Абуль-Аббас от восторга не смог сдержать низкий поклон. Затем, подняв голову к небесам, он восславил Господа, даровавшего ему победу и отмщение над племенем нечестивцев. Помимо этого, он продекламировал вслух двестише, свидетельствующее о том пламени мщения, что все еще пылало у него в груди:

«Всю залпом выпьют кровь мою — не утолить им жажды ею!
Но и свой гнев я не залью, хоть их крови не пожалею!»

В порыве чувств, Абуль-Аббас назвал себя (пророчески, как будет видно из дальнейшего) «Ас-Саффах», «жаждущий крови», и именно под этим прозвищем ему суждено было войти в историю.

Сыновья и дочери Мервана II.

Двое из сыновей Мервана бежали в Абиссинию, где один из них был убит, отражая нападение местного племени. Второму удалось избежать смерти, и он прожил достаточно долго, скрываясь в Палестине. Много лет спустя его отправят оттуда ко двору Аль-Мехди. Все женщины из семейства Мервана были укрыты в целях безопасности в церкви, откуда их вытащили и привели к Салиху.¹ Оказавшись перед военачальником хашимитов, старшая дочь убитого халифа взмолилась о пощаде. Ответом ей послужили упреки в

¹ Говорят, что слуга, которому было поручено присматривать за ними, получил от Мервана указания перебить всех женщин в том случае, если сам халиф погибнет.

жестоком обращении ее родни с семейством Хашима. «Как это! — воскликнул дядя нового халифа, — Разве я могу пощадить кого-либо из этого развращенного племени?» Она вновь принялась умолять жестокого воина о пощаде. «Ну, уж нет! — отвечал тот, — Однако, если пожелаешь, ты можешь выйти замуж за моего сына и спасти себя». «Какое же у меня должно быть сейчас сердце для этого? — сказала женщина, — Отошли нас лучше назад в Харран». Когда они вернулись туда и увидели свой старый дом и дворец Мервана, то не смогли сдержать слез и запричитали все в один голос.

Его характер.

Смерть настигла Мервана в возрасте свыше шестидесяти лет, а правление его продолжалось около шести лет. Матерью его была наложница-рабыня из курдов, и от нее он унаследовал красивую внешность. У него были голубые глаза и румяные щеки. Его называли «Ослон Месопотамии», но скорее не в насмешку, а просто от желания подчеркнуть его огромную силу и физическую выносливость. Другие же считают, что этим прозвищем он обязан пристрастию к пионам, которые так любят есть ослы. Еще один вариант: его прозвище в действительности было «Аль-Фарас» («Конь»), а уже хорасанцы переделали его в «Осла». Мерван был одним из самых храбрых и лучших представителей дома Омейядов, и он заслуживал участи получше.¹

Конец династии Омейядов.

Вот так закончилась династия Омейядов. Опорой ей служила только временная военная мощь; религиозной эта власть выглядела лишь со стороны. Ее представители, если и были в чем-либо религиозны, так это в принятии Единобожия, за что их только и можно называть мусульманами. Когда дело заходило об употреблении вина и прочих подобных вопросах, они не ставили ислам ни во что. Этот факт настолько естественно воспринимался теологами того времени, что при Омейядах зародилась целая школа, учившая людей, что ни один из мусульман не будет призван к ответу за свои грехи вплоть до воскресения, и что ни один из них, каким бы «омейядом» он ни был, не может утратить своего спасения. Этих хитроумных философов называли мурджиитами, от слова «мурджийа» — «откладывающие» («ирджа» — «откладывание», «отсрочивание»).

Сирийцы бросили Мервана погибать, ведь все они его ненавидели. Слишком поздно они обнаружили, что его конец означал также и их собственный. Резиденция правительства была переведена из Дамаска в Аль-Куфу. Аль-Ирак вновь обрел ту гегемонию в исламском мире, которой он обладал, хотя и не бесспорно, при Али. Но не только сирийцы, а вообще все арабы перестали быть главенствующей расой в мусульманском государстве. Отныне не было различия, араб ты, или нет. Мавали обрели свое собственное достоинство. Больше всех выиграли от перемен люди из Хорасана. Они

¹ Также его называли «Аль-Джади», из-за того, что он разделял еретические взгляды Аль-Джада, теолога, придерживавшегося учения о свободном волеизъявлении, и отрицавшего постулаты о вечности и нерукотворности Корана. Но все это может быть клеветой, столь распространенной при Аббасидах, старавшихся всячески очернить дом Омейядов. Матерью его была Ум Велед, принадлежавшая Ибрахиму Ибн Аль-Аштару. Отец Мервана взял ее себе в тот день, когда ее хозяин был убит.

сформировали своего рода военную аристократию. Чуть позже центром их влияния суждено будет стать Багдаду.

ГЛАВА LX

ДИНАСТИЯ АББАСИДОВ. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ.

132-656 г. хиджры / 750-1258 г. от р. Х.

ПЕРЕХОД халифского трона от Омейядов к Аббасидам во многих отношениях предопределил новые начинания в жизни мусульманского государства. В данном случае будет совершенно оправданным сделать небольшое отступление, чтобы в нескольких словах объяснить сущность произошедших перемен.

Новые черты халифата при Аббасидах.

Прежде всего, следует сказать о том, что прежде государственная власть при Омейядах — с первого до последнего представителя этой династии — ассоциировалась с исламом, ограничиваясь всеми его законами и традициями. При Аббасидах все сложилось по-другому.

Халифат больше не ассоциируется с исламом.

Авторитет новой династии никогда не признавался на землях Испании; да и в Северной Африке, за исключением Египта, ее власть признавалась не всегда и большую часть времени лишь номинально. На Востоке же, по мере нарастания изменений, появлялись вообще новые династии независимых правителей. Таким образом, единое панно исламской империи разделилось на множество мозаичных фрагментов, причем вовсе не обязательно зависимых от халифата. У каждого нового кусочка, отколовшегося от империи, появлялась своя собственная история. Но, даже с учетом всего этого сепаратизма, Аббасиды оставались единственной династией, подлинно представлявшей настоящий халифат. Монархи, правившие в Кордове, могли признаваться «халифами» лишь постольку, поскольку, как и любые другие верховные исламские правители, удерживавали в своих руках как духовную, так и светскую власть. В этом смысле такой правитель мог считать себя «халифом» или «преемником» Пророка. Но только одни Аббасиды были в состоянии сохранять хотя бы видимость того, что их претензии на звание халифов имеют отношение к соблюдению законности.¹

Дальнейшая часть этого труда.

Таким образом, поскольку моей главной задачей остается проследить историю собственно халифата, той его части, что продолжала так называться, до его конца, то и оставшаяся часть этой книги будет ограничиваться повествованием о династии Аббасидов: о том, как она достигнет расцвета своей славы, а затем постепенно увянет, расшатанная султанами и великими визирями. В конце концов, халифат превратится в сущий фантом, в некий

¹ Испанская правящая династия, хотя и происходила из ветви халифов Омейядов, сначала не решалась использовать этот громкий титул. Абд Ар-Рахман III (Абдерам, 300-350 г. хиджры) оказался первым, отважившимся на этот шаг.

бродящий в тумане призрак, которому будет суждено совсем исчезнуть при мамелюкских правителях Египта.

Ограничение халифатом Аббасидов.

Все события, происходившие за пределами собственно халифата, будут упоминаться только в той связи, в какой они затрагивали непосредственно историю династии Аббасидов.¹ В противном случае оставшуюся часть этой книги было бы просто невозможно сохранить в разумных пределах.

Арабская нация утрачивает воинственный пыл,

Еще одной существенной отличительной чертой той эры, которую мы собрались затронуть, было изменение в отношениях к арабскому народу и во взглядах представителей новой правящей династии на арабов. Именно выносливости арабов, простоте их жизни и их воинственному пылу был обязан ислам своим столь широким распространением. В том же были и истоки материального благополучия раннего халифата. Увы, со временем арабская нация во многом утратила и доблесть, и выносливость. Усиленные богатством, награбленным у покоренных народов, искушения в гордыне и роскоши потихоньку источили свойственные арабам качества прирожденных воителей. Они постепенно либо превращались в тихих обывателей, утопающих в великолепии и спокойно заканчивающих свою жизнь в переполненных гаремах; либо, если и сохраняли тягу к разного рода приключениям, оказывались совершенно негодны к военной службе из-за своей раздражительности, постоянного соперничества и неповиновения. Свои личные интересы, как и интересы своего семейства, или племени, они ставили неизмеримо выше интересов ислама. Былой пыл религиозного энтузиазма в значительной мере улетучился, и самовосхваление постепенно заняло место первоначального стремления арабов принести славу своей нации и расширить пределы распространения мусульманской веры. Сарацины уже не являлись более покорителями всего света.

...его остатки изгнаны Аббасидами,

В добавление к вышеизложенному, и сами Аббасиды уже при первом восхождении на трон халифата утратили всякое доверие к своему собственному арабскому народу. Собственно говоря, это случилось с ними еще за несколько лет до прихода к власти. Их возвели на трон и им оказали поддержку вовсе не арабы, а рекруты-добровольцы из Персии и Хорасана. В то же самое время, для Омейядов последней надеждою оставались жители Сирии, и арабские племена, неважно, модарцы или йеменцы, входили в их число. Ибрахим настолько хорошо это прочувствовал, что в своем злополучном письме, перехваченном Мерваном, там, где выговаривал Абу Муслиму за его промедление в борьбе с Насром и Аль-Кирмани,² не мог удержаться от сердитого замечания: «Гляди, чтобы в Хорасане не оставалось ни одного человека, чей язык был бы языком араба — всех их убивай нещадно!» Не удивительно, что как раз среди арабов Сирии и

¹ Сами Аббасиды говорили о себе как о «Династии» («Даула»), или о «Новой Эпохе».

² См. выше, стр. 425 текста оригинала.

Месопотамии стали возникать опасные волнения, направленные против новой династии, представители которой продолжали взирать на эту нацию с подозрением.

...которые предают себя в руки тюрков и персов.

Халифы еще задолго до этого стали набирать своих телохранителей полностью из числа тюрков, живших за Амударью. Эта варварская раса, вдыхающая ароматы разнообразных южных прелестей, недолго пребывала в своей первозданной дремоте. Уже давно тюрки стали затмевать своих арабских военачальников; благодаря чему мы видим офицерство вооруженных сил империи ислама практически целиком состоящее из тюрков — вольноотпущенников или вообще рабов — людей странного происхождения и со странно звучащими именами. В конце концов, халифы стали превращаться в беспомощные инструменты в руках своих грубоватых охранников; в то время, как арабы, если и не утрачивали полностью свои национальные качества из-за городской жизни, возвращались к скитаниям в безлюдных песках пустынь.

При Аббасидах прежняя аристократия уступила свое место новому классу правительственных чиновников. Во главе этой группы стоял вазир (везир, визирь). Он являлся полноправным представителем халифа, который вмешивался в государственные дела только по особым случаям. Рядом с визирем находился исполнитель: чиновник, о котором народ и не слыхивал при Омейядах. Этот человек в своем лице осуществлял все сношения монархов с их подданными, как было раньше заведено в Персии. Персидское влияние отразилось и в заведении при дворе специального астролога, чье слово отныне являлось законом даже для осуществления военных набегов. Чиновники ниже рангом были по большей части или христиане, или иудеи. Возможно, наибольшее влияние на жизнь империи оказало учреждение специальной курьерской или почтовой службы, пронизавшей весь халифат Аббасидов. Эта система была позаимствована у персов, а те, в свою очередь, переняли ее у древних вавилонян. Отныне халиф был постоянно в курсе всего, что происходило даже в самых отдаленных уголках его государства, причем известия обо всех событиях он получал в минимально возможные сроки. Эти курьеры или почтовые чиновники являлись, собственно говоря, особо доверенными соглядатаями, которые зорко следили даже за губернаторами провинций.

Влияние персов.

С увеличением персидского влияния, как бы то ни было, смягчилась и грубость жизни, изначально свойственная арабам. В халифате наступил настоящий расцвет культуры, открылась эпоха веротерпимости и научных исследований. Практика устной традиции начинает уступать место упорядоченным записям. Все значимые события и исторические повествования отныне находят свое отражение на бумаге: эти изменения явно подхлестываются теми научными тенденциями, что издавна получили распространение в странах Востока.

Той же самой причине можно приписать и увеличившуюся до высшей степени распушенность манер, а также падение морали придворных халифа. Некоторым из членов семейства Али начинают приписываться качества духовных лидеров (идея

Божественного Имамата — предназначения Алидов от Бога). При дворе распространяются взгляды на сверхъестественные способности Алидов, но одновременно со всей этой мистикой в государстве очень быстро происходит и рост свободомыслия.

Все эти вопросы будут рассмотрены нами подробнее по мере дальнейшего продвижения. Я просто подумал, что весьма важно было бы обратить внимание на то упрочение связи между правителями халифата с Персией и Хорасаном, причиной чего послужило восшествие на трон Аббасидов.

ГЛАВА LXI

АБУЛЬ-АББАС «АС-САФФАХ».

132-136 г. хиджры / 749-754 г. от р. Х.

ПРЕЖДЕ всего, нам не помешает вспомнить, при каких обстоятельствах в Аль-Куфе был основан новый халифат.

«Саффах», 132 г. хиджры, 750 г. от р. Х.

В предыдущей главе мы говорили о том, что в то время как сам Мерван прочно увяз в Харране, Ибн Хубейра, полководец Омейядов, был разгромлен неподалеку от Аль-Куфы армией Кахтабы. Поражение вынудило его искать укрытия в Васите. Абу Салама, являвшийся ранее одним из основных агентов хашимитов в Хорасане, весьма активный их сторонник, в начале сто тридцать второго года хиджры подошел со своим хорасанским войском к Аль-Куфе и расположился лагерем поодаль. Практически не встретив сопротивления, повстанцы захватили город, управление которым на время взял в свои руки Абу Салама, принявший для этого титул «везира дома Мухаммада».

Семейство Аббасидов перебирается в Куфу, ii 132 г. хиджры, окт. 749 г. от р. Х.

С арестом Ибрахима, случившимся за два или три года до этого, оба его брата со всеми оставшимися родственниками из дома Хашима бежали из Аль-Хомеймы в Аль-Куфу, где и пребывали с тех пор в надежном укрытии. Теперь их всех взял под стражу Абу Салама, и в течение нескольких недель держал в полнейшей изоляции. Когда его пытались заставить провозгласить восхождение на трон халифа новой династии, он отвечал, что подобный шаг в настоящий момент может оказаться поспешным, учитывая, что в Васите до сих пор находится со своим войском недобитый Ибн Хубейра. Кое-кто уже начал подозревать, что Абу Салама поддерживает другую ветвь из рода хашимитов — то есть потомков Али — но никто из них не обладал ни смелостью, ни достаточными амбициями, чтобы заявить о себе во всеуслышание. Как бы то ни было, партии Аббасидов надоело ждать. Сгорая от нетерпения из-за промедления Абу Саламы, им удалось докопаться до факта, что Ибрахим, будучи последним главою дома хашимитов, провозгласил своего младшего брата Абуль-Аббаса (сына женщины из знатного рода, в то время как другой его брат, Абу Джафар, был сыном простой наложницы-рабыни) своим наследником. Они тут же открыто захватили его, а, найдя вместе с ним и других родственников умершего Ибрахима, забрали и их вместе с собою и поспешили показать всех этих благородных беженцев жителям Куфы.

Народ присягает Абуль-Аббасу, 12 iii, 132 г. хиджры, 29 окт. 749 г. от р. Х.

И вот, примерно после трех месяцев с начала оккупации Аль-Куфы войсками хашимитов, вероятно, не без согласия Абу Саламы, повстанцы усадили Абуль-Аббаса на пегого коня, ввели его во дворец наместника и далее провели прямо в Большую мечеть. Там новый халиф занял место за кафедрой и обратился к собравшимся правоверным со своей первой

речью. Он намеренно преувеличил добродетели потомков Пророка, равно как и их претензии на верховную власть, и осудил Омейядов как узурпаторов этой власти и законченных преступников. Досталось и их сирийским приспешникам. Напротив, куфинцев Абуль-Аббас всячески хвалил за их приверженность его семейству, за что обещал отблагодарить их, увеличив размеры пособий. Закончил халиф эту речь заявлением, что видит своей целью искоренение любого рода оппозиции, ибо, как он сказал: «Я — Великий Отмститель, и имя мое — “Ас-Саффах”, “Проливающий Кровь”».¹ Вслед за ним слово взял его дядя Дауд, использовавший еще более крепкие выражения. Он охарактеризовал Мервана «врагом Господа и халифом дьявола», и заявил, что подлинными наследниками Пророка можно считать лишь двоих: Али, его зятя, который некогда стоял на этой самой кафедре, и еще одного, который стоит за нею прямо сейчас — вот он, Абуль-Аббас, настоящий повелитель правоверных! «Так не откладывайте же, — взывал Дауд, — с принесением клятвы на верность! Власть в наших руках, и в наших руках она и останется, вплоть до того дня, когда мы передадим ее Иисусу, Сыну Марии!» Вот так, ясно выразив все свои мысли, они оба сошли с кафедры и прошли во дворец. Народ же толпился вокруг до глубокой ночи, принося обет на верность новому халифу. После этого Ас-Саффах возвратился в лагерь войска Абу Саламы, где он уже несколько месяцев разделял с ним один и тот же шатер.²

Однако постепенно Ас-Саффах начал отдаляться от Абу Саламы, то ли из-за какого-то серьезно обоснованного подозрения в недружелюбных замыслах,

Халиф переезжает в «Хашимию».

то ли из-за склонности того к Алидам, или из-за чего другого, сказать сложно. Какой бы ни была причина, но новый халиф решил оставить свой дом в Аль-Куфе и перебраться в Аль-Анбар, находившийся неподалеку от города. Там он и основал резиденцию для своего двора, которую назвал в честь своего рода: «Аль-Хашимия». Именно оттуда он разослал своих дядьев и прочих родственников во все части империи, снабдив указаниями заместить всех прежних наместников, представлявших предыдущую династию. Причем, мало кто из этих новых выдвинутцев обладал для этого необходимыми способностями. Действуя согласно его поручениям, родня нового халифа вскоре своими поступками добилась для Ас-Саффаха подтверждения того кровавого прозвища, которое он сам себе избрал.

Омейяды преследуются до полного уничтожения.

Первой заботой Ас-Саффаха было смести с лица земли весь род Омейядов. Под предлогом различных преступлений, в которых когда-либо обвинялись представители предшествующей династии, повсюду стали устраиваться настоящие боины.

¹ «Саффах» означает мясника, того, кто забивает много скотины для гостей, иными словами, человека очень гостеприимного, или, как правило, дружелюбного, либерального. Вряд ли это прозвище должно было говорить о кровожадности.

² «То же самое жилище», как нам сказано, разделенное простым занавесом между двумя обитателями. Не похоже, чтобы у Абуль-Аббаса были какие-то подозрения, по крайней мере, в то время, в отношении Абу Саламы из-за симпатий того к Алидам, или какой-либо иной нелояльности.

Кровавая резня в Палестине, 133 г. хиджры, 751 г. от р. Х.

Самая жестокая из них была предпринята дядей халифа в Палестине. Многочисленным ответвлениям рода Омейядов, проживавшим там, была объявлена амнистия. Для того чтобы подтвердить ее принятие, всех их пригласили на пир. Некоторые семьи насчитывали в своем составе до девяноста человек. Внезапно во время застолья поднялся глашатай, который стал перечислять в стихах все злодеяния Омейядов. По условному сигналу прислуга набросилась на ничего не подозревавших гостей, умертвив всех до одного. Чтобы скрыть следы ужасной сцены, слугами был тут же раскинут новый ковер, и тиран возобновил свое пиршество, восседая над все еще трепещущими в агонии телами умирающих гостей. Все, в чьих жилах текла кровь омейядских принцев, безжалостно преследовались. Уцелеть удалось лишь тем, кто был тогда младенцем,¹ либо сумел вовремя ускользнуть из рук халифских приспешников. В Аль-Басре вскоре после этого разыгралась подобная сцена. Несчастные жертвы были преданы смерти без малейшего милосердия, а их останки брошены прямо на улицах, став добычей бродячих псов. Те, кому удалось избежать страшной участи, в ужасе метались от дома к дому, тщетно пытаясь найти хоть какое-нибудь убежище. Один из этих несчастных, потомок Абу Суфьяна, придя в отчаяние от невозможности сохранить свою жизнь, бросился к ногам дяди халифа. Тот, тронутый жалостью, добился у Абуль-Аббаса специального указа, даровавшего жизнь не только этому человеку, но и всем, кому посчастливилось к тому времени уцелеть. Несмотря на это, в следующем году другой дядя Ас-Саффаха, не отличавшийся подобным состраданием, инициировал новую резню тех, кто нашел убежище в священных городах, Мекке и Медине.

Надругательства над мертвыми.

Новая власть не удовлетворялась тем, что ее ненависть и гнев обрушивались на живых — в этом случае возможным объяснением мог бы послужить страх перед теми интригами, сеть которых теоретически могли сплести Омейяды. Дошло до того, что начали разрывать гробницы прежних халифов. Пощадили захоронения Омара, и, что довольно странно, Муавии. От Муавии и прочих халифов-Омейядов в Дамаске, Дабике, Ар-Русафе, Киннаsrине и повсюду не осталось к тому времени никаких следов, разве что прах. Исключение составляла гробница Хишама, где сохранился целиком скелет усопшего. Его исхлестали плетью, потом повесили на какое-то время, а затем сожгли, развеяв пепел по ветру. Это безобразие повлекло за собою целую волну мерзостных надругательств по всей Сирии и Междуречью. Слуги и домашние Омейядов также подвергались оскорблениям и унижениям со стороны ставленников новой правящей династии. Один из прежних омейядских фаворитов, пойманный при попытке провезти под видом раба-прислужника из гарема прославленного воителя Масламу, был убит правителем Киннаsrина, что позднее привело к восстанию.

Восстание в Сирии и Месопотамии.

Вся Сирия, как кейситы, так и представители Бени Келб, оказалась объята пламенем этого восстания, причем жители Дамаска были зачинщиками. Дядя халифа Абдалла, занятый в

¹ Историк использует здесь слово «сосунки».

тот момент подавлением беспорядков в Хауране, быстро заключил с отступниками перемирие и поспешил на север. Там его карательный отряд ждала встреча с вышедшей из повиновения армией численностью в сорок тысяч человек. После продолжительной борьбы, успех в которой склонялся то на одну, то на другую сторону, ему удалось одолеть своего врага и восстановить порядок. Но тут же правление хашимитов в Междуречье оказалось под угрозой по причине еще более опасного мятежа. Шестидесятитысячная армия сирийцев поднявшихся на борьбу с Аббасидами осадила Харран. Понимая, что промедление смерти подобно, Ас-Саффах немедленно отрядил карательную экспедицию во главе со своим братом Абу Джафаром, отдав ему под начало часть той армии, что все еще осаждала Ибн Хубейру в Васите. Это войско быстро прошло к северному берегу Евфрата и рассеяло инсургентов, хотя и не без осложнений, поскольку отбить обратно Сумейсат Абу Джафару удалось лишь после семимесячной осады. Также и Аль-Басра оказала упорное сопротивление всем попыткам этого полководца хашимитов завладеть ею, несмотря на то, что ему в помощь подошел отряд из Хорасана. Защитники этого злосчастного города, помимо внешнего натиска Аббасидов, оказались сбиты с толку благодаря измене в их рядах. Партия Модар, занявшая после жестокой междоусобной борьбы доминирующее положение, сумела свергнуть власть своих противников; в результате чего город — всегда страдавший независимо от того, какая партия одерживала верх — был на три дня отдан на разграбление насильникам и мародерам из войска Аббасидов. Правда, лидеры из числа сторонников Омейядов сумели продержаться в Аль-Басре до того, пока не пал Васит.

Если бы этими действиями руководил какой-нибудь одаренный лидер, и если бы он сумел сплотить людей общими интересами, а также хорошо скоординировать действия всех своих сторонников, весь ход событий вполне мог бы получить другое течение. При таком раскладе династия Омейядов, упустившая власть из своих рук, могла бы рассчитывать на ее возвращение, ведь в Сирии у нее до сих пор оставалась весьма сильная поддержка. Поражение ее приверженцев во многом предопределил роковой шаг Ибн Хубейры, который, как мы помним, вместо того, чтобы поспешить на север, в ответ на призыв Мервана о помощи, отступил назад к Васиту. Тем самым он сам перекрыл себе все возможности для подхода войск, приверженных Омейядам.

Ибн Хубейра капитулирует в Васите.

Говорят, что он сам опасался Мервана, поскольку в свое время он отказался послать войска на выручку Насру в Хорасан; но, какой бы ни была причина, промедление Ибн Хубейры оказалось фатальным для его повелителя. Гораздо более следовало опасаться поражения в Сирии, чем потери Васита: последствия сирийской катастрофы были просто несравнимы с возможной утратой опорного пункта. К его осаде смело приступил Ибн Кахтаба. Сильный гарнизон практически ничего не предпринимал против его отряда. Отчасти в этом были повинны удручающие известия о падении династии Омейядов, а отчасти — межплеменные распри, все еще парализующие арабское войско. Йеменцы постоянно ссорились с низарцами (кланами Модар и Раби'а). Осадные действия вяло продолжались в течение одиннадцати месяцев, в то время как Омейядам было нанесено решающее поражение, и их дело в самой Сирии оказалось проигранным. И тут же новый халиф, отозвав с севера на помощь своего брата Абу Джафара, приказал ему принять на

себя общее командование под Васитом. Между тем, слуха Ибн Хубейры достигли вести о гибели Мервана, и защитники города вынуждены были предложить обсудить условия своей капитуляции.¹

Он и его сторонники предательски обрекаются на смерть.

Полная амнистия, предложенная Абу Джафаром, была ратифицирована самим халифом, подкрепившим ее торжественной клятвой. Абу Джафар, принявший Ибн Хубейру весьма благосклонно, намеревался соблюсти все ее условия. Однако халиф, продолжая советоваться с Абу Муслимом, все еще пребывавшим в Мерве, получил от того письмо, в котором ему предлагалось убрать Ибн Хубейру, «как камень преткновения со своего пути». В этом послании Абу Муслим настойчиво рекомендовал предать его смерти. В конце концов, Ас-Саффах послал двух своих подручных лично свершить грязное дело, в том случае, если Абу Джафар будет продолжать от него уклоняться. Абу Джафару пришлось уступить. Все военачальники, принадлежавшие к группе племен Низар, были приглашены принять участие в переговорах. Входить для беседы им следовало попарно. Убийцы, скрытые в соседнем помещении, связывали входящих и, невзирая на их призывы вспомнить о торжественном обещании халифа, быстро обезглавливали. Пощадили лишь тех командиров, в чьих жилах текла йеменская кровь.

Ибн Хубейра убит.

Здесь же был лишен жизни и Ибн Хубейра, вкуче со своим сыном. Это сделали те двое, которых специально прислал халиф. После этого они отправились прямо домой к убитому, под предлогом охраны его добра. Арабский историк добавляет особого пафоса в свой жестокий рассказ об этом вероломном поступке. Он говорит нам, что Ибн Хубейра, не подозревая о предательстве, в критический момент держал на коленях своего маленького сына. Убийцам пришлось вырывать из его рук ребенка, когда он, упав на колени, молил их о пощаде.²

Резня в Мосуле.

Несмотря на то, что силы под знаменем хашимитов повсюду одержали верх, во многих частях империи еще продолжалась безжалостная резня. В Мосуле была предпринята совершенно жуткая бойня. Тамошние жители отказались повиноваться новому градоправителю, посчитав его за инородца слишком низкого происхождения. Они изгнали его прочь из города. Узнав об этом, халиф послал туда своего брата Яхью,

¹ Считается, что когда он получил известие о поражении и смерти Мервана, то послал письмо Мухаммаду Ибн Абдалле, правнуку Аль-Хасана, сына Али, предлагая ему поддержать его претензии на халифский трон. Однако, так и не дождавшись ответа, решил капитулировать, поскольку эмиссары Ас-Саффаха начали будоражить йеменскую партию в его войске. Об этом Ибн Абдалле мы вновь услышим, но уже во время правления следующего халифа.

² Клятва халифа об амнистии была облечена в наиболее торжественные и строгие выражения. Согласно ее условиям, на того, кто решился бы ее преступить, навлекалась кара «Того, Кто исследует сердца». Наш арабский историк добавляет (хотя вряд ли из желания оправдать преступление), что Ибн Хубейра как-то раз обратился к Абу Джафару, «О, человек!»; но сразу же вслед за этим извинился: дескать, «сорвалось с языка».

сумевшего в очередной раз подтвердить, что властитель правоверных не зря носит прозвище «Проливающего кровь». Горожан заставили собраться во дворе мосульской мечети, пообещав им полную безопасность. Однако не успели за ними затвориться ворота, как всех до одного пришедших мужчин тут же повырезали.¹ Город, лишившийся своих защитников, был на трое суток предан насилию и грабежу. Кроме обычных воинов халифа, с его карательным войском в Мосул пришли четыре тысячи темнокожих, которые принялись бесстыдно насиловать женщин, пока одна из них, будучи смелее прочих, не обратилась к Яхье. Она схватила коня военачальника за поводья и закричала, неужели последователи Пророка отныне предаются в руки рабов. Согласившись с ее мольбой, Яхья повелел предать мечу всех темнокожих. Говорят, что халиф отстранил своего брата от командования за жестокости, превосходившие его собственные. Впрочем, несмотря на это, он дал ему в управление другую провинцию.

Борьба повсюду.

До самого конца правления Ас-Саффаха халифат продолжало лихорадить. Вицехалиф Синда и Индии отказался признать власть хашимитов; после тяжелой борьбы правительственные войска смогли нанести ему поражение, он пытался бежать от преследования через пустыню, но скончался там от жажды. Аль-Басру удалось, в конце концов, усмирить при помощи ветеранов из Хорасана. Сторонники прежней династии бежали в Оман, где к ним присоединилась многочисленная группа хариджитов. Все-таки и там их настигли карательные войска халифа, разбили и поубивали огромное число людей. Многие мятежники были сожжены заживо. И в самом Хорасане происходили подобные вспышки, причем карались они беспощадно, даже с еще более масштабной резней. К восставшим из Бухары, Согдианы и Ферганы присоединился «царь Китая», но всех их обратил в бегство Зийяд, правитель Самарканда. Он так же устроил там ужасную резню.²

Абу Салама вероломно предан смерти, 747-750 г. от р. Х.

Как мы помним, во время своего прихода к власти новый халиф находился в очень близких отношениях с Абу Саламою, даже разделял с ним одно жилище. Однако со временем он стал отдаляться от этого человека, бывшего одним из главных сторонников дела хашимитов в Хорасане и ставшего их везиром («визирем») в Аль-Куфе. Итак, халиф перенес свою резиденцию в Аль-Анбар. Абу Салама надеялся, подобно всем другим мусульманам, что новым халифом решится стать Мехди из дома Али. Халиф обратился за советом к Абу Муслиму, послав ему письмо в Мерв. Тот отвечал, что Абу Салама должен быть предан смерти. Однако отдать прямой приказ о казни визиря халиф не

¹ Приводится цифра в десять тысяч убитых, но, вероятно, с обычным преувеличением, сопутствующим всем бойням, происходившим во времена Ас-Саффаха.

² Называется число в пятьдесят тысяч человек, убитых за Оксом, а еще двадцать тысяч было обращено в рабство. В Омани девятьсот хариджитов полегло на поле боя, а девяносто были заживо сожжены. После этого каратели набросились на город, все дома в котором были выстроены из дерева, облили все строения нефтью и предали их огню. Затем они обратили меч против пришедших в ужас местных жителей, и убили десять тысяч человек: «Все были пересчитаны, и их головы отосланы в Аль-Басру». Конечно, можно надеяться, что размеры этих зверств сильно преувеличены; но в любом случае они указывают на весьма плачевное неуважение к человеческой жизни, бытовавшее в халифате в то время.

решился: ему не рекомендовал этого делать его дядя, опасавшийся мести со стороны влиятельных хорасанских приверженцев Абу Саламы. Он посоветовал халифу попросить Абу Муслима прислать убийцу специально для этой цели. Тот так и поступил. Затем Ас-Саффах приказал глашатаю возвестить повсюду, что Абу Салама является «человеком, которого халиф счастлив одарить особой честью». Визиря пригласили к халифу, облачили в почетные одежды, а затем сам Ас-Саффах стал развлекать его, пока не наступила глубокая ночь. Когда гость в кромешной темноте в одиночку отправился домой, он попал по пути в засаду и был убит. Халиф позаботился о том, чтобы среди народа были распущены слухи, что это злодеяние было совершено какими-то хариджитами. Впрочем, все отлично знали, какова на самом деле причина этого убийства.¹

Абу Муслим в Хорасане.

Вскоре после этого в Мерв был направлен Абу Джафар. Его задачей было проследить за самим Абу Муслимом, вызнать, каковы у него мысли и чувства, а также попытаться зародить среди тамошнего населения враждебность к нему. Будучи вицехалифом всего Хорасана, Абу Муслим пользовался неограниченной, и, как считал Абу Джафар, весьма опасной для халифа властью. Например, за одно необдуманное слово и по подозрению в несерьезном и очень спорном деле, эмир Хорасана обрек на смерть Ибн Кесири, одного из самых первых и наиболее ценных приверженцев миссии хашимитов в тех землях.² Это было сделано в открытую еще до появления Абу Джафара, который, как мы убедимся в будущем, не забыл об этом преступлении. По возвращении в Аль-Ирак Абу Джафар заявил своему брату, что тот не может считать себя халифом, пока не найдет способа избавиться от своенравного хорасанского автократа. Халифу его слова запали на сердце, но он обязал своего брата хранить пока все дело в секрете. Спустя год или два Зийяд, правитель Самарканда, сильно укрепив стены своего города, заявил о полной независимости от халифата. Абу Муслиму пришлось выступить против него с карательным отрядом.

Попытка его убить, 135 г. хиджры.

На пути к Самарканду он обнаружил, что эмиссар халифа (которого обвинили в том, что он спровоцировал это восстание с целью ослабить власть излишне сильного вице-короля) находится в лагере Зийяда. Представитель халифа вступил с Зийядом в союз, и, как узнал

¹ Это самая общепринятая из версий. В другом изложении говорится, что халиф, напуганный тем, что Абу Муслим начал склоняться к мысли о поддержке Алидов, в которой подозревался Абу Салама, послал Абу Джафара выслушать Абу Муслима и предупредить его; а уже тот, в подтверждение своей преданности, и подослал убийцу, свершившего свое дело, как описывалось выше.

Абу Муслим в то же самое время разослал своих людей, чтобы убить всех наместников, назначенных Абу Саламою, когда тот еще правил в Фарсе.

² Абу Муслим ревновал к влиянию этого человека; он надолго затаил к нему ненависть. Дело в том, что когда Ибрахим впервые избрал Абу Муслима полноправным представителем хашимитов в Хорасане, Ибн Кесир пытался отговорить его от этого по причине крайней молодости Абу Муслима. Тот никогда не забывал об этом и воспользовался случаем расправиться с Ибн Кесиром, предав его смерти за неосторожные слова.

Абу Муслим, перед ним была поставлена задача убить владыку Хорасана. Халифский заговор оказался раскрыт, он закончился полным провалом. Зийяда отстранили от власти и убили его же собственные подданные, а неудавшемуся убийце Абу Муслима отрубили голову.

Паломничество Абу Муслима с Абу Джафаром, 136 г. хиджры.

В следующем году Абу Муслим, которого не смогли запугать махинации халифского двора против него, попросил у халифа позволения навестить его в Аль-Анбаре, а затем совершить паломничество в Мекку. Разрешение было дано, но свита эмира была ограничена до тысячи человек. Абу Муслим отправился в путешествие с восемью тысячами, оставив затем семь тысяч в Ар-Рее. Халиф принял его, оказав все знаки уважения и почета, и позволил проследовать далее в Мекку. Однако он предупредил, что руководить паломничеством будет поручено, скорее всего, его брату Абу Джафару: а ведь этой чести Абу Муслим, по всей видимости, ожидал для себя. Абу Джафар, к тому времени прочно обосновавшийся при дворе, ненавидел и боялся вице-короля подобно всем остальным придворным халифа. Он уговорил своего брата отдать приказ о казни Абу Муслима: согласно их замыслу, того должны были зарубить, напав сзади, во время его разговора с властителем правоверных. Однако в последнюю минуту халиф изменил свое решение. Опасаясь мести со стороны хорасанского войска, в случае если он обречет их любимца на смерть, он отменил свой приказ. Таким образом, запланированное паломничество было проведено совместно Абу Джафаром и Абу Муслимом. Несмотря на то, что последний возглавлял всю церемонию, его полностью затмил блеск выезда Абу Муслима и его царственное добродушие. Паломничество было уже завершено, когда известие о смерти халифа достигло возвращающегося каравана. Теперь Абу Муслим оказался всецело во власти Абу Джафара, однако тому пришлось на некоторое время затаить свою ненависть. Почему — об этом будет рассказано в следующей главе.

Абуль-Аббас умирает, 13 хii 136 г. хиджры, 9 июня 754 г. от р. Х.

Ас-Саффах умер от оспы в своем дворце в Аль-Анбаре, спустя лишь несколько дней после того, как завершилось ежегодное паломничество. О его возрасте мнения расходятся: ему дают от двадцати восьми до тридцати пяти лет. После него осталась единственная дочка,¹ которая впоследствии вышла замуж за своего двоюродного брата, халифа Аль-Мехди. Ас-Саффах производил впечатление человека пустого и самолюбивого, историки мало что говорят о его смерти, кроме описания разнообразных одежд, оставшихся после умершего. Также о нем рассказывается, как однажды он воскликнул, глядя на себя в зеркало: «Э, не скажу, подобно Сулейману, “Вот какой царственный юноша”,² но скажу, “Господи, дай мне долгую жизнь и здоровье, чтоб наслаждаться ею!”» Еще не смолкли его слова, как он случайно услышал слугу, говорившего другому о каком-то уговоре между собою: «Сроком между нами будут два месяца и пять дней». Халиф посчитал это дурным

¹ Только одна дочь, как нам сообщают историки. Правда, упоминается его сын, который находился вместе с Исою в его походе против Алидов, в сто сорок пятом году хиджры; но больше о нем нигде ничего не говорится. Вероятнее всего, он был незнатного происхождения.

² Выше по тексту оригинала, стр.368.

предзнаменованием; он вскоре заболел, и смерть забрала его как раз, когда истек этот срок.

Дворец Хашимия и общественные работы.

Вот так закончилось кровавое правление Ас-Саффаха, которое продлилось немногим менее пяти лет. Последние два из них халиф провел в своем дворце в Аль-Анбаре, полностью к тому времени законченном. Про его деятельность на благо общества нам говорится только о башнях, возведенных для защиты паломников на удобном расстоянии по всему пути из Аль-Куфы до Мекки, да еще о путевых вехах — камнях, расставленных по дороге. Халид, сын Бармека («Бармекид»), о котором уже упоминалось ранее, земляк Кахтабы — выходец откуда-то из Балха — оказался человеком таких выдающихся способностей, что был выдвинут халифом на должность главного казначея. Вместе со всей своею роднею этот Халид занимал высокое положение при дворе.¹ В последний год своего правления

Иса объявлен наследником халифа после Абу Джафара.

Ас-Саффах успел назначить своего племянника Ису наследником, который должен был взойти на трон после халифского брата Абу Джафара. Этот указ, выведенный вязью на куске шелка и скрепленный печатями халифа и прочих глав правящего семейства, был доверен на хранение самому Исе, который к тому моменту являлся градоправителем Аль-Куфы.

Саффах — «жаждущий крови».

Прозвище, под которым этот халиф был более всего известен, «Ас-Саффах», «Жаждающий крови» или «Проливающий кровь», было выбрано им как нельзя кстати. Именно это его качество выделяет этого человека из всей последующей династии, которая не отличалась особой глубиной уважения к человеческой жизни. Но он к тому же усугублял свои зверства и преступления (если их только можно было усугубить!) особым вероломством, с которым он преступал свои торжественные клятвы. Также Ас-Саффаха отличала черная неблагодарность, ибо среди жертв этого халифа оказалось очень мало таких, кто в свое время не боролся за то, чтобы возвести его на трон, не щадя при этом своей жизни. Я нахожу очень странным, что среди исследователей предпринимались определенные попытки приуменьшить злодеяния этого халифа, и считаю нужным привести здесь мнение беспристрастного Вайля, с чьим суждением я полностью согласен:

«Можно только гадать, — говорит он, — почему многие из европейцев стараются защитить этого халифа, который был хуже, чем кто-либо из Омейядов: как будто бы он не заслуживал имени “Проливающего кровь”, которое, кстати, он сам себе присвоил. Да, возможно он не своими собственными руками душил свои жертвы,

¹ Аббасидов отличало то, что они начали передавать ведение всех государственных дел в руки «вузара» (множественное число от «вазир»), или премьер-министров — пост, которого при Омейядах не существовало. Халида Ибн Бармека можно считать самым первым из таких премьеров, по крайней мере, чисто юридически.

но ведь именно по его ясным указаниям были вероломно убиты Омейяды в Сирии. А Сулейман вообще был коварно убит на его глазах. Это явно по его приказу Абу Муслим нанял убийцу, чтобы устранить Абу Саламу, которому Аббасиды были столь многим обязаны. Это по его повторному требованию Абу Джафар, подло нарушая торжественно принесенную клятву, перебил Ибн Хубейру и его сторонников. И уж точно не благодаря невинности халифа несчастная участь Абу Саламы не постигла еще и Абу Муслима во время его правления. Абуль-Аббас был не просто варварским тираном; он был клятвopреступником и неблагодарным предателем».

Именно таким и был, без преувеличений, характер самого первого из Аббасидов: Абуль-Аббаса, Ас-Саффаха, «Проливающего кровь».

ГЛАВА LXII

АБУ ДЖАФАР АЛЬ-МАНСУР.

136-158 г. хиджры / 754-775 г. от р. Х.

Абу Джафар Зуль-Хидджа, 136 г. хиджры, июнь 754 г. от р. Х.

КОГДА смерть настигла Ас-Саффаха, Абу Джафар, как мы помним, совершал паломничество в Мекку. Его двоюродный брат (племянник?), Иса, которого умерший халиф успел назначить вторым в ряду своих наследников, заставил всех в Аль-Куфе без промедления провозгласить новым халифом Абу Джафара, и тому была незамедлительно принесена клятва на верность. Получив сообщение о смерти брата, Абу Джафар поспешил воротиться в Аль-Куфу. Свое восхождение на трон он отметил вознесением молитв и обычным обращением к верующим с кафедры Большой мечети, а потом перебрался в халифский дворец в Аль-Анбаре. Он принял новое имя, Аль-Мансур, «Побеждающий». Он был старше, чем Ас-Саффах, но по рождению происходил от берберской женщины-рабыни, а мать его брата была родом из могущественного йеменского клана: Аль-Харис Ибн Кааб.

Восстание Абдаллы, дяди халифа,

Абу Муслим, как уже упоминалось, находился в этом паломничестве вместе с ним. Аль-Мансур сразу же по получению известия о смерти своего брата, находясь в дороге из Мекки домой, велел послать за ним. Он сказал Абу Муслиму, что боится, как к нему отнесется его дядя Абдалла. Абу Муслим посоветовал ему не тревожиться понапрасну, пообещав, что в случае, если Абдалла рискнет поднять восстание, он безотлагательно с ним разберется. Но повод для опасений был весьма серьезный. Под началом у Абдаллы на границе Малой Азии находились большие силы. Недавно скончавшийся халиф, его племянник, как-то пообещал ему сделать его своим наследником — в награду за его успешную кампанию против Мервана. Поэтому, заставив армию присягнуть себе на верность как халифу, Абдалла, недолго думая, осадил Харран. Аль-Мансур больше всего опасался за способность Абу Муслима сохранить ему верность, ведь в противостоящей ему армии дяди халифа находилось семнадцать тысяч воинов из Хорасана, весьма приверженных своему прежнему лидеру. Абу Муслим быстро выступил против Абдаллы, которому,

...подавлено Абу Муслимом, vi 137 г. хиджры, ноябрь 754 г. от р. Х.

в связи с его приближением, пришлось оставить осаду Харрана и двинуться к востоку, на Нисибин, где он расположился в сильно укрепленном лагере, окружив себя рвом и валом со всех сторон. Однако, по пути туда, из боязни перед только что упомянутыми хорасанцами, он безжалостно предал их всех мечу.¹ Для того, чтобы выкурить его из

¹ О неслыханной бойне семнадцати тысяч солдат сообщается без каких-либо комментариев. Жестокость и вероломство являются очень характерными свойствами для всей династии Аббасидов. В двух случаях во время этого марша Абдалла посылал вождей, которых он почему-либо опасался, к своим особо доверенным

укрепления, Абу Муслим притворился, что решил повернуть свои войска на Сирию. Армия повстанцев, состоявшая в основном из сирийцев, узнав об этом, обеспокоилась за судьбы своих семей, принудила своего командира выступить в том же направлении. Абу Муслим тут же повернул обратно и захватил оставленные противником укрепления. Борьба продолжалась в течение пяти месяцев с переменным успехом, но, в конце концов, благодаря хитрой тактике Абу Муслима, сирийская армия была полностью разбита. Абдалла бежал, но был в итоге задержан и оставлен под надзором его брата Сулеймана, губернатора Аль-Басры.

Падение и гибель Абу Муслима, 137 г. хиджры 755 г. от р. Х.

Однако неблагодарный халиф, вместо того, чтобы вознаградить человека, которому он был обязан сначала своим тронном, а потом и его спасением, решил добиться его смерти. Он обращался с ним как с инструментом, который, послужив ему однажды, выполнил свое предназначение, и теперь оказался более не нужен. Халиф боялся Абу Муслима и ненавидел его. Все еще находясь на поле битвы, великий полководец прекрасно предчувствовал все побуждения своего повелителя, который, замыслив умертвить его, прислал своего человека, чтобы сосчитать захваченную добычу. Абу Муслим стал подумывать о возвращении в Хорасан, дабы избежать несчастья. Однако именно этого и опасался халиф; поэтому он, расточая в своих посланиях сплошные любезности по адресу Абу Муслима, постарался убедить прославленного воителя в том, что больше всего желает видеть его подле себя. Халиф предложил ему, находясь при дворе, стать наместником Сирии и Египта. Абу Муслим отвечал в письме, что считает неразумным для властителя правоверных иметь при дворе столь властного подчиненного, зато вдали от столицы ему будет легче оставаться верным слугою халифа. В противном случае, у него не будет другой альтернативы, как только разорвать обет верности. Переписка между ними приняла раздраженный характер, и Абу Муслим начал свой поход в Хорасан. Находясь в Холване, он получил категорический приказ направиться в Аль-Медайн, где его должен был ожидать халиф. Будучи сбит с толку всевозможными советами — его друзья, некогда хранившие ему верность, теперь сами попались на уловки халифа и советовали Абу Муслиму покориться — он решился поверить пустым обещаниям и отправился ко двору. Не успел он добраться до Аль-Медайна, как Абу Эйюб, визирь, опасавшийся, как бы чего не случилось, если известный полководец прибудет к халифу со своими друзьями в разгневанном состоянии, подкупил одного из его товарищей, и тот убедил Абу Муслима, что халиф весьма к нему расположен и желает ему лишь добра. Все дурные предчувствия Абу Муслима окончательно улетучились, он прибыл ко двору в хорошем расположении, и был принят там с радушием. Он поцеловал руку халифа, и тот предложил уставшему воителю отдохнуть с дороги и освежиться, приняв ванну. На следующий день он был вновь приглашен ко двору. Перво-наперво, халиф обратился к Абу Муслиму со следующей вкрадчивой речью: «Расскажи-ка мне о той паре клинков, что были у Абдаллы». «Вот, — отвечал гость, — один из них», — и он протянул его халифу, который тут же положил меч под свою подушку. Затем халиф

подручным, снабжая ничего не подозревавших людей посланиями, в которых приказывалось немедленно умертвить курьера. Одному из этих обреченных на смерть посчастливилось вскрыть депешу и таким образом избежать гибели.

продолжил все с тою же притворной теплотою в голосе: «А его девушка, которую ты взял себе?» «Не совсем так, — пояснил Абу Муслим, — просто я за нее боялся, вот и отвел к себе в шатер, где и оставил под охраною, в полной безопасности». Продолжая в том же духе, но с все более нарастающим жаром, Аль-Мансур стал возводить одно за другим обвинения на злополучного вояку. Почему он проявлял к нему неуважение во время паломничества? Почему направился в Хорасан, вопреки его указаниям? Почему, будучи неблагородного происхождения, выдавал себя за одного из знатных Аббасидов, и даже искал руки халифской тетки? И — хуже всего! — за что он лишил жизни Ибн Кесира, который задолго до него самого уже служил нашей династии верой и правдой?¹ По мере того, как голос халифа становился с каждым новым обвинением все жестче, Абу Муслиму приходилось лишь уповать на свои заслуги перед троном, и он мог лишь продолжать целовать руку Аль-Мансура и умолять его сменить гнев на милость. Увы, все было тщетно. Аль-Мансур хлопнул в ладоши, и по его сигналу из-за занавеса выскочило пятеро вооруженных телохранителей. Невзирая на громкие крики их жертвы о пощаде, приспешники халифа изрубили Абу Муслима на куски. Сам халиф продолжал ругаться, осыпая проклятиями умирающего. Для того чтобы успокоить тех, кто оставался снаружи, люди халифа, вышедшие к толпе, заявили, что «халиф тайно совещается со своим эмиром». Поверив, что все так и обстоит на самом деле, Иса, объявленный наследником престола, решился войти внутрь и спросить, где находится Абу Муслим. «Э, да только что был здесь», — отвечал халиф. «А-а! — отреагировал Иса, — Я знал, что он останется верен тебе, и обязательно повинуется твоему зову». «Ну и дурень же ты! — закричал Аль-Мансур; — У тебя во всем мире не было злейшего врага, чем он! Вот, гляди!» Он откинул ковер, и взору Исы предстало искромсанное тело Абу Муслима. В ужасе от увиденного, Иса поспешил удалиться.

Вскоре после этого к халифу был позван Абу Исхак, один из приближенных Абу Муслима. «Ну, рассказывай, что ты знаешь о своем хозяине, — потребовал халиф, — и о его намерении перебраться в Хорасан!» Напуганный, тот сначала посмотрел направо, а затем налево, как бы от страха, нет ли где поблизости Абу Муслима: а вдруг тот подслушивает? «Тебе нет нужды страшиться!» — прикрикнул на него халиф, и скрывавший жуткую картину занавес, был вновь отдернут. «Да пребудет вовеки хвала Господу!» — воскликнул Абу Исхак, низко поклонившись и распростершись, как на молитве. Глядя на труп, он продолжил: «Как же я благодарен, что избавился от тебя, о, тиран!» Затем хитрец повернулся к халифу: «Клянусь, ни одного дня не проходило, чтобы я мог почувствовать себя в спокойствии, из-за страха перед ним я уж и вовсе не считал свою жизнь своею, и каждый раз, когда он меня вызывал, я всегда готовился к смерти». С этими словами он откинул в сторону полу своей одежды, и под нею показался специально изогнутый щит. Халиф испытал жалость к Абу Исхаку, решив пощадить его и избавить от участи, которая вполне могла бы ожидать того, как явного приверженца своего только что убитого покровителя.

¹ См. выше по тексту оригинала, стр. 443. Обвинение в том, что он выдавал себя за Аббасида, не было безосновательным. Когда человек находится в зените своей славы, вокруг него не бывает недостатка в подхалимах, всегда готовых придумать какую-нибудь легенду, чтобы скрыть неблагородное происхождение своего покровителя. Результат этого низкопоклонства оказался роковым для Абу Муслима, подлив масла в огонь халифской ревности.

Характер Абу Муслима.

Насладившись поздравлениями, которые поспешили принести ему придворные — они желали радости халифу, «наконец-то ставшему настоящим царем!» — Аль-Мансур вышел к народу и ошарашил собравшуюся толпу невероятной новостью. «Этот урок, — сказал он, — следует каждому хорошенько запомнить. Человек начал хорошо, но кончил плохо, и вот теперь, из-за своей гордыни и бунтарства, лишился жизни». Арабские историки отдают много места описанию этой сцены, и они совершенно правы. Ибо Абу Муслим бесспорно являлся величайшей фигурой своего времени. Людей, равных ему по значимости, не было. Не достигнув еще и тридцати пяти лет, он, за счет своей редкой мудрости, целеустремленности и полководческого таланта всецело изменил весь облик ислама, и поднял дом Аль-Аббаса над руинами разрушенного дома Омейи. Нет сомнения, что он сам заслужил свою судьбу, ведь на его главу пала кровь многих жертв. Но не от руки Аль-Мансура он должен был погибнуть — ведь тот стольким был ему обязан. Ревность к влиянию, которым пользовался Абу Муслим, породила ненависть к нему халифа. Следует признать, что в оценке характера Абу Муслима прав оказался вовсе не Аль-Мансур, а Иса, поскольку в поступках или отношении Абу Муслима к халифу не было ничего такого, что можно было бы истолковать как нелояльность к династии, которая самим своим существованием была обязана этому человеку.¹

История Абу Насра.

Заслуживает отдельного упоминания и история Абу Насра, которого Абу Муслим оставил во главе своих войск в лагере под Холваном. Аль-Мансур, желавший привлечь на свою сторону этого способного командира, послал тому приказ, исходивший якобы от Абу Муслима: немедленно явиться ко двору со всем своим добром. Халиф запечатал послание печатью убитого Абу Муслима. Однако тот заранее предупредил всех своих друзей не доверять ни единому письму от него, если оно не будет скреплено лишь половиною его печати. Таким образом, заподозрив неладное, Абу Наср бежал в Хамадан. Чтобы развеять его подозрения, халиф послал ему особый указ, в котором назначал Абу Насра правителем Шахразора. Однако в то же самое время халиф решил предупредить губернатора Хамадана, чтобы тот убил Абу Насра, когда тот соберется в дорогу. Но первое послание добралось до Абу Насра скорее, чем предупреждение наместнику Хамадана, и Абу Наср, не замедлив с отъездом, сумел избежать предназначавшейся ему горькой участи. В конце концов, отчаявшись найти безопасное место, он решился предстать пред лицом халифа. Признавшись, что это он советовал своему бывшему владыке искать убежища в Хорасане, Абу Наср всецело предал себя в руки своего верховного суверена, обещая отныне быть ему верным слугою. Аль-Мансур позволил ему

¹ «Шесть сотен тысяч, — нам говорится, — нашли свою гибель от рук хладнокровных убийц, подручных этого человека, помимо тех, что полегли на поле брани». Грубая оценка, без сомнения, но весьма значимая для понимания того, как презирал Абу Муслим человеческую жизнь. Если не задумываться над этим, то надлежит отметить его популярность, позволившую ему занять место верховного командующего над своими людьми. Щедрый и гостеприимный, он держал у себя в Хорасане великолепный двор. Будучи прост в отношении своего гарема, он, однако, терзался странного рода ревностью. Мул, на котором к нему доставили его невесту, был умерщвлен по его приказу, а седло сожжено, чтобы никто не смог больше на нем ездить.

свободно удалиться, и эта снисходительность халифа, как мы сами еще убедимся, со временем принесет свои плоды.

В Персии и Месопотамии восстановлен мир, 138 г. хиджры, 756 г. от р. Х.

Но полностью мир в Месопотамии или в Персии был восстановлен лишь пару лет спустя. В Персии мусульманской империи серьезно угрожало восстание под руководством довольно примечательного вождя, «волхва» Сунбаза. Он выступил против халифа под предлогом отмщения за убийство Абу Муслима и, сумев привлечь на свою сторону большое число сторонников, завладел страной от Ар-Рея до Нишапура.¹ Схожее восстание последовало и в Месопотамии, где карательные войска халифа терпели одно поражение за другим. Как бы то ни было, на следующий год действия армии властелина правоверных увенчались успехом, и мир утвердился как в Междуречье, так и на землях Персии.

Почувствовав облегчение после того, как миновали все эти угрожавшие ему опасности, халиф мог бы оставить своего дядю Абдаллу в покое в Аль-Басре; но, прослышав, что тот, не доверяя своему племяннику, попытался скрыться в каком-то укромном месте, послал за ним пару его дядьев: Сулеймана и Али, повелевая им доставить строптивца ко двору. Положившись на торжественное обещание Аль-Мансура даровать Абдалле полное прощение, они разыскали его и привели с собою, а сами предстали перед халифом. Тот принял их

Халиф бросает в темницу своего дядю Абдаллу, конец 139 г. хиджры, 757 г. от р. Х.

весьма милостиво и занял беседу. Но в то же самое время халифского дядю Абдаллу, оставленного снаружи, схватили стражники и отвели в замок, где и заточили в темницу. Спустя некоторое время халиф велел своим гостям «пойти и присоединиться к Абдалле». Увидев себя так жестоко обманутыми, они рассердились и бросились обратно, протестуя, но им было отказано в повторном приеме. Их товарищи, придя в бешенство от такого гнусного вероломства, уже склонялись к тому, чтобы оказать сопротивление, но были разоружены. Несколько человек убили сразу, а остальных отправили в Хорасан, где их постигла та же участь. Остается лишь поражаться тому, что у подданных еще оставалось хоть какое-то доверие к этому вероломному и жестокому монарху, настолько склонному к измене. Объяснением тому может послужить лишь предположение, что он практиковал столь бесстыдное вероломство лишь в тех случаях, когда опасность угрожала ему лично или всей правящей династии. За исключением подобных моментов в целом правление Аль-Мансура можно считать мудрым и справедливым.

Борьба в Малой Азии, 138-139 г. хиджры.

¹ Считал ли этот «маг» Абу Муслима одним из своих приверженцев, сказать трудно. Конечно же, им должно было руководить нечто большее, чем просто желание почтить память погибшего лидера. Восстание было очень серьезным, поскольку множество женщин в ходе его лишилось жизни. В итоге, по сообщениям исламских историков, около шестидесяти тысяч приверженцев «мага» были убиты, не считая обращенных в рабство. Сражения длились два с половиною месяца.

В течение сто тридцать восьмого года хиджры Константинополь вел войну против сирийской армии халифа. Византийцы взяли Малацию и разрушили ее укрепления. На следующий год эта крепость была отбита мусульманами, стены вновь возведены, гарнизон усилен. Эта кампания примечательна тем, что в ней приняли участие две женщины благородной крови — тетки халифа. Они присоединились к армии из-за данного несколько лет тому назад обета: если Мерван будет побежден, то они примут участие в священной войне против неверных. Халиф согласился обменяться военнопленными с императором Византии. Противники заключили перемирие сроком на семь лет; Аль-Мансур был вынужден пойти на такую меру, поскольку беспорядки в пределах своей собственной страны отнимали все силы и средства, имевшиеся в его распоряжении.

Паломничество, 140 г. хиджры 758 г. от р. Х.

На сто сороковом году хиджры халиф после выполнения ежегодного паломничества посетил Иерусалим, а затем проехал через Сирию и Месопотамию. По возвращении домой странное выступление подвергло его жизнь непосредственной опасности. Персидская секта, именуемая «Равендийя» (названная так по названию их города), разделявшая такие взгляды, как имманентность (неизменность) божества и переселение душ, решила посетить двор халифа. Начальник телохранителей, как посчитали прибывшие гости, был наделен душой Адама, в другого из приближенных халифа переселилась душа Гавриила, и так далее. А тело же самого халифа, по их туманным намекам, являлось вместилищем Самого Бога.

Волнение Равендийя в Хашимии, 141 г. хиджры

Окружив дворец, они принялись кричать: «Это дом нашего Господа, Того, Кто дает нам пищу для еды и воду для питья!» Халиф приказал арестовать пару сотен из числа их лидеров, но это привело остальную толпу в такую ярость, что они, бесчинствуя по всей округе, кинулись на штурм тюрьмы. Аль-Мансур отважился выступить вперед без эскорта, намереваясь утихомирить возбужденных персов. Однако одичавшие сектанты, не считаясь долее с тем, что божество сделало тело халифа своею обителью, накинулись на него. Если бы не Абу Наср (о котором говорилось выше) и не один из приверженцев Омейядов — заслуживший таким образом благосклонность двора — отважно бросившиеся между бушующими мятежниками и халифом, тому пришлось бы очень туго.¹ К счастью, в эту минуту подоспели солдаты, и члены Равендийя, от которых местные жители благоразумно закрыли ворота своего города, были истреблены. Этот инцидент важен для нас тем, что он показывает правительство Аббасидов вовсе не связанным с крайним крылом шиитов.

Войны Мехди в Хорасане, 141 г. хиджры,

¹ Халиф никак не мог найти себе коня, пока не оседлал первого попавшегося на своем пути. С того дня оседланный и взнузданный конь всегда должен был находиться при воротах его дворца.

Вскоре вслед за этим наместник Хорасана взбунтовался против власти халифа, и тому пришлось отсылать для подавления этого мятежа Ибн Хозейму, уже прославившегося военачальника. Вместе с карательными войсками Аль-Мансур послал и собственного сына и наследника, Аль-Мехди, которому к тому времени было около двадцати лет. С приближением карателей на мятежника набросились его собственные люди, которые, посадив его задом наперед на осла, отослали в таком виде к халифу. И с ним, и с его последователями обращались с ужасающей жестокостью. Их пытали до тех пор, пока они не отдали всего, чем владели. Мятежному губернатору отрубили руки и ноги; а затем он был обезглавлен. Его сына сослали пожизненно на остров, расположенный в Красном море.

...и Табаристане, 141-143 г. хиджры, 758-760 г. от р. Х.

После этого мусульманские войска были выдвинуты против Табаристана, правитель которого, Испахенд, вышел из своей покорности исламу. Эта кампания оказалась успешной. Как бы то ни было, на следующий год этот князь опять взбунтовался, а его неприступная крепость отбила натиск магометанских карателей. Тогда один из мусульман, притворившись дезертиром, сумел снискать милость Испахенда и вошел к нему в доверие. Ему удалось открыть ворота своим товарищам. Таким образом, крепость была взята, и все сражавшиеся с оружием в руках мужчины преданы смерти, а их семьи обращены в рабство. Аль-Мехди выбрал пару девушек для себя, а дочь Испахенда завладел его дядя.¹ Затем армия повернула на Дейлем; но там восстание приняло столь широкие формы, что пришлось затребовать новый набор рекрутов из Аль-Ирака и Мосула. Это пополнение оказалось готовым вступить в бой лишь к следующему году. Между тем, Аль-Мехди возвратился ко двору. Ему было к тому времени двадцать три года. Он взял замуж Риту, единственного ребенка своего дяди, предыдущего халифа, а затем отправился назад в Хорасан, где и оставался довольно долгое время. Сам же халиф и в этом году, как он уже на раз делал, решил лично предводительствовать паломничеством в Мекку.

*Возвращение Мехди, 144 г. хиджры, 761 г. от р. Х.,
Наследники мятежного Хасана: Мухаммад и Ибрахим, 144 г. хиджры.*

Но его династии уже грозила новая опасность. Исходила она со стороны внука Али, потомка его сына Аль-Хасана, [которого также звали Аль-Хасаном]. Главою семейства в этом ответвлении рода Алидов считался правнук Али Абдалла, чьи два сына, Мухаммад и Ибрахим, уже долгое время вынашивали весьма амбициозные планы.² У Аль-Мансура зародились подозрения в отношении этой парочки еще со времени его первого паломничества, когда они открыто манкировали своим участием. Как обычно, халиф решил прибегнуть к хитрости. Его доверенный человек, подделав письма из Хорасана,

¹ Подобные женщины-рабыни упоминаются всегда лишь в связи с рождением ребенка от их владельца. Во всех остальных случаях завоеватели могли просто забирать их к себе в гарем, теша свою похоть, и исламские историки, не видя в этом ничего удивительного, не обмолвятся об этом ни единым словом.

² Смотрите таблицу на стр. 385 оригинала. Этот Мухаммад был тем самым человеком, с которым пытался связаться Ибн Хубейра, когда оказался осажден в Васите. Выше по тексту, стр. 440 оригинального издания, сноски.

где всегда можно было найти сильную партию готовых сторонников для любого отпрыска из дома Али, вошел в доверие к их отцу Абдалле. Он настолько удачно завлек его в свои сети, что спровоцированный бедолага вскоре оказался в темнице вместе со всей своей семьей. Однако обоим сыновьям удалось бежать: одному в Аден, другому в Синд. Но затем они тайком возвратились в Аль-Ирак, а потом скрывались — то в Медине, то среди бедуинских племен — и везде их преследовали эмиссары халифа. Аль-Мансур летом сто сорок четвертого года, совершая ежегодное паломничество, потребовал от их отца и прочих родственников, по-прежнему находившихся в тюрьме, чтобы оба скрывавшихся от него вышли из своего укрытия. Семье не удалось этого добиться, и всех узников в наказание отправили в Аль-Куфу, где с ними обращались с беспримерным варварством. Сыну Ибрахима, совсем еще ребенку, мальчику нежного возраста, жестокий Аль-Мансур заявил, что он будет умерщвлен такою страшною казнью, о какой еще никто не слышал. Тиран сдержал свое слово, приказав вмуровать несчастное дитя живым в тюремную стену.¹ Остальную родню Мухаммада и Ибрахима кого поубивали, кого отравили; и лишь несколько человек было пощажено. Голову одного из убитых послали показать по городам Хорасана, выдавая ее за голову старшего брата Мухаммада, чтобы сломить волю сторонников Алидов в тамошних местах.

Восстания в Медине и Басре, 145 г. хиджры, 762 г. от р. Х.

Зверства бессердечного халифа, за которыми последовали прочие жесткие меры, имевшие целью раскрыть местонахождение Мухаммада, скрывавшегося тогда в Медине, спровоцировали его на выступление в этом городе. В то же время его брат Ибрахим поддержал его в Аль-Басре. В Медине, где против халифа поднялся весь город, губернатор был брошен в тюрьму, и власть была передана в руки Мухаммада. Вокруг него сплотилось большое число горожан, хотя многие все же предпочли держаться в сторонке, в страхе перед неминуемой яростью халифа. Когда весть о мятеже достигла халифского двора,² Аль-Мансура это сильно взволновало. Дело было в том, что хотя до сих пор все волнения происходили со стороны наследников Аль-Хосейна, однако положение и возможные претензии на трон со стороны дома Аль-Хасана (старшего сына Али) были, по крайней мере, не менее серьезными.

Переписка между халифом и Мухаммадом.

Халиф немедленно отправил Мухаммаду депешу, в которой, после всевозможных угроз в его адрес, предлагал ему прощение, а также достойное обращение со всем его семейством. Но претендент на трон отвечал ему с негодованием: уж скорее это он, писал Мухаммад, мог бы предложить пощаду Аль-Мансуру, узурпировавшему права потомков Али и Фатимы, дочери Пророка. Это благодаря ее добродетелям хашимиты получили хоть какие-то основания претендовать на власть. Но, даже и в этом случае, каково может быть доверие словам того, кто столь вопиющим образом нарушил свою клятву, данную Ибн

¹ Привожу эту историю в таком виде, как нашел ее у мусульманского рассказчика, хотя вряд ли она достоверна.

² Гонец провел девять дней в дороге и получил от халифа девять тысяч дирхемов, то есть, по тысяче за каждый день в пути.

Хубейре, Абу Муслиму и своему собственному дяде? Халиф ответил очень пространным и утомительным для чтения посланием, в котором, основывая свои доводы на неполноценности женщин, он высмеивал претензии по наследованию, как со стороны Фатимы, так и со стороны всех женщин вообще. В противоположность Фатиме, он всячески превозносил Аббасидов-мужчин, считая именно мужское потомство дома Пророка подлинными его наследниками: они должны были править именно потому, что являлись мужчинами.¹

Ничего не добившись в этом споре, Аль-Мансур решил прибегнуть к силе меча. Больше всего его беспокоило ставшее расхожим в Аль-Куфе присловье: «Хорасан идет за Аббасидами, Аль-Ирак — за Алидами, а Сирия — за неверными, которые всегда пойдут за любым мятежником!» На самом же деле, посланники Мухаммада не нашли никакой поддержки в Сирии, где народ, после стольких перенесенных им несчастий, посчитал за благо оставаться в стороне. Поэтому основными точками восстания так и остались Мекка, Медина и Аль-Басра.

Иса наносит поражение Мухаммаду в Медине, 145 г. хиджры, 762 г. от р. Х.

Против Медины, являвшейся в тот момент центром восстания, халиф отрядил своего племянника Ису, дав ему в подчинение сирийскую армию. Для его природной склонности к предательству является очень характерным то, что Аль-Мансур поведал одному из своих наперсников: его могла в равной степени порадовать неудача любого из этих двух лидеров. Для халифа было неважно, кто из них мог оказаться проигравшим, **Мухаммад** или **Иса**. Последнего халиф замышлял устранить из числа наследников в пользу своего сына Аль-Мехди. Однако если не считаться с сентиментальными чувствами, что он поднял оружие на одного из наследников Пророка Мухаммада, перед Исою стояла не слишком сложная задача. Мухаммад, последовав примеру самого Пророка, выкопал ров вокруг всего города; но с подходом карательного отряда Исы все жители бросились бежать целыми толпами, и Мухаммад оказался брошен мединцами. Теперь вождя окружала лишь незначительная кучка особо верных ему людей.

14 ix 145 г. хиджры.

Отказавшись принять пощаду, он повязал себе на пояс меч Пророка, «Зуль-Факар»,² и вступил в бой, но вскоре пал, пронзенный стрелой. Его голову, отосланную халифу, выставили на всеобщее обозрение в Аль-Куфе, а затем и в прочих городах. Ему суждено было войти в историю под чисто пуританским прозвищем «Чистая душа». В Медине тела убитых мятежников оставались развешенными вдоль ведущей в Сирию дороги в течение трех дней, после чего их просто бросили на земле иудейского кладбища. Лишь по

¹ Это очень длинный и интересный документ, в нем тщательно обзревается вся история этого дома. Например, рассказывается, что Фатима не унаследовала имущества своего отца, Али не стал халифом прежде, чем ими побывали трое других людей. Подчеркивается, что семейство Али сыграло незначительную роль в становлении ислама, и т.д. Очень маловероятно, что этот документ был написан именно при тех обстоятельствах, скорее всего, это результат рабской услужливости, нацеленной на ублажение Аббасидов.

² «Жизнь Мухаммада», стр. 229.

ходатайству сестры Мухаммада его останки позволили захоронить на древнем кладбище рода Баки.¹

Восстание рабов.

Медина тяжело пострадала от последствий этого восстания. Присутствие сирийских войск оказалось для населения таким тяжким бременем, что на борьбу с угнетателями поднялись все рабы; градоправитель вынужден был бежать; и призвать его обратно отступников мединцев заставил лишь страх перед тем, что Аль-Мансур может вообще стереть их город с лица земли. Зачинщикам поотрубили руки, и порядок в городе был восстановлен. Для того чтобы подчеркнуть свое неудовольствие Мединой, халиф велел прекратить ее снабжение морем, от которого город почти полностью зависел.²

Ибрахим продолжает восстание в Басре.

Но еще большая опасность угрожала со стороны Аль-Басры. В этом городе Ибрахим, сначала в полной тайне подготовив свое выступление, решился, наконец, поднять знамя мятежа, начертав на нем имя своего брата. Жители Аль-Басры, всегда склонные поддержать любое противостояние властям, с энтузиазмом восприняли подкинутую им новую идею; причем ее быстро воспринимали весьма образованные люди, например, знаменитый ученый-правовед Малик Ибн Анас.³ Число подобных приверженцев стремительно росло. Находившийся в Аль-Басре карательный правительственный отряд был разгромлен, восставшие под руководством Ибрахима взяли штурмом дворец наместника и разделили между собою захваченные там сокровища. Фарс, Аль-Ахваз и Васит оказались захваченными мятежниками, наряду со многими другими городами, где также полыхал огонь восстания. По получению вестей о гибели своего брата, Ибрахим решил сражаться дальше сам по себе и двинулся на Аль-Куфу, где, как ему сообщали, народ был уже готов подобно басрийцам подняться на борьбу с халифом. Хотя общее число сторонников Ибрахима достигало ста тысяч, в походе на Аль-Куфу ему последовало лишь тысяч десять воинов.

Куфа также поднимается.

Однако же, наступивший кризис был достаточно серьезен, чтобы не на шутку встревожить халифа. В тот момент он был занят разбивкой плана своей новой столицы, Багдада; но, с получением сообщения о наступлении войск Ибрахима, Аль-Мансур немедленно вернулся в Аль-Куфу, население которой уже собиралось разжечь пламя мятежа и присоединиться к наследнику «их собственного халифа Али». Верные правительству войска были разбросаны далеко по городам Персии, Африки и Аравии, и в распоряжении халифа оставался лишь небольшой гарнизон, расквартированный в центре халифата. Отовсюду продолжали приходить известия о новых волнениях, в то время как в

¹ Там же, стр. 199.

² Эти поставки осуществлялись из Египта еще со времени правления Омара. См. выше по тексту оригинала, стр. 164.

³ Основатель одной из четырех главных школ мусульманского правоведения («мазхаба»): маликитской.

самой Аль-Куфе «стотысячная толпа куфинского сброда была готова кинуться против халифа со своими мечами».

Мансур встревожен.

Находясь в состоянии крайней тревоги, Аль-Мансур поклялся, что если ему дано будет преодолеть этот кризис, он никогда не выступит из своей столицы, не имея под рукою менее чем тридцать тысяч воинов. В течение семи недель он прятлся за занавесом в своем гардеробном помещении, спал на своем молитвенном коврике и не сменял одежду, кроме редких переоблачений в черное, специально для публичной молитвы. В подарок халифу были присланы две девицы. «Они непременно обидятся, — сказал повелителю его помощник, — если ты откажешься к ним войти». «Этого я не сделаю, — отвечал халиф, — сейчас не время для женщин! Я не собираюсь входить ни к какой девушке, пока не увижу у своих ног головы Ибрахима — или пока мою голову не бросят к его ногам!» В конце концов ситуация стала меняться. Аль-Мехди выслал карательные отряды из Ар-Рея, которым удалось подавить мятежи в Фарсе и Аль-Ахвазе. В то же время, Иса поспешил из Медины, чтобы предупредить наступление Ибрахима на Аль-Куфу. Две армии сошлись лицом к лицу примерно в шестнадцати лигах от города. Сперва мятежникам удалось опрокинуть авангард войска Исы, за которым была увлечена и часть основных его сил. На какой-то момент казалось, что знамени Алидов будет сопутствовать удача;

Мятежники разбиты, Ибрахим убит, 24 хі. 145 г. хиджры.

но вскоре вслед за этим Ибрахим был убит стрелой, и его армия обратилась в бегство. Ему суждено было войти в историю под прозвищем «Убиенный под Бахамрою» (таково было название местности, где происходила эта битва). Вот так, продержав в страхе всю империю ислама в течение трех месяцев, восстание Алидов пришло к своему логическому концу.

Радость Мансура от полученного сообщения о победе.

С получением первых известий о том, что войско Исы обращено вспять мятежниками, Аль-Мансур, совсем было, упал духом. Халиф уже собирался бежать к своему сыну в Ар-Рей. Можно себе представить, какой безграничной оказалась его радость, когда к ногам халифа была брошена отсеченная голова Ибрахима. «Восторг мой подобен радости, — сказал властитель правоверных, цитируя арабского поэта, — изнуренного жаждою путника, вышедшего на брег живительного потока!» Однако перед глазами посторонних он свою радость намеренно скрыл: выйдя к народу, Аль-Мансур взял в свои руки окровавленную голову повстанца, прослезился и сказал добрые слова об убиенном. Впрочем, гнев халифа не замедлил с ужасной силою обрушиться на город, осмелившийся поддержать притязания его соперника на трон. Дома многих жителей были конфискованы и подвергнуты разрушению. Более того, вокруг всей Медины были повырублены финиковые рощи, что явилось для людей гораздо худшим несчастьем, имевшим тяжкие последствия.

Закладка основания Багдада, 145 г. хиджры, 762 г. от р. Х.

Когда тучи на горизонте мусульманского государства рассеялись, Аль-Мансур возвратился на место постройки своей новой столицы, Багдада, чье основание было заложено в предшествующем году. Искать более безопасное место для собственной резиденции его заставила угроза, исходившая от движения Равендийя. Мнение халифа о необходимости нового места для своего двора со временем лишь укрепилось. Оставить резиденцию правительства в Хашимии означало бы находиться в опасной близости к ненадежной и вечно беспокойной Куфе. Недостаточно лояльные партии в Аль-Куфе и Аль-Басре могли разлагающе влиять на собственных телохранителей халифа. Просмотрев все подходящие места вплоть до Мосула, халиф остановил свой выбор на возвышенности, находившейся на правом берегу Тигра, примерно в пятнадцати милях выше по течению от Аль-Медайна. При описании войн Аль-Мусанны об этом месте упоминается как о «старом Багдаде».¹ Рядом с этим местом оказался христианский монастырь, и его патриарх и монахи хорошо отзывались о климате, воде и окружении. Вот там, в конце концов, Аль-Мансур и решил основать новую столицу ислама. Были намечены рвы вдоль линии будущих крепостных стен, отмечены места для важнейших строений,² заготовлены строительные материалы в огромных количествах, обожжены кирпичи из глины и со всех концов империи созваны различные умельцы. Самый первый кирпич был заложен собственной рукою халифа со следующими словами: «Во Имя Господа! Вся слава принадлежит Ему, и вся земля принадлежит Ему: Он побуждает Своих рабов приносить Ему славу и землю, и Ему приятно принимать эту славу от них. Успех сопутствует благочестивым! Ну, теперь, с благословения Господня, приступайте к строительству!» Строители успели возвести городские стены лишь на несколько футов в высоту, когда весть о восстании Ибрахима вынудила халифа поспешить обратно в Аль-Куфу. Оставленный главным на стройке надзиратель за работами, испугавшись, что огромные запасы могут попасть в руки мятежников, велел предать все склады огню, что привело к весьма большому недовольству его повелителя.

146 г. хиджры, 763 г. от р. Х.

Аль-Мансур смог вернуться к строительным работам лишь после того, как было разгромлено войско Ибрахима. Теперь во главе предприятия был поставлен Халид Бармеки, который возражал против разрушения Аль-Медайна: города, в котором было множество античных памятников Селевкии и Ктесофона, но для строительства новой столицы требовалось большое количество материалов. «“Большой Иван” хосровов, — возражал он халифу, — одно из чудес света, к тому же, сам Али останавливался там на молитву». «Э-э-э! — протянул халиф, которого ничуть не убедили речи Халида, — да в тебе заговорила старая любовь к персам!» Но как бы то ни было благородная арка, затвердевшая как железо, устояла под ударами кирок разрушителей. «Ну вот, — сказал

¹ стр. 89 текста оригинала.

² Для того чтобы разметка для городских строений сохранялась как можно дольше, сожженное хлопковое тряпье смешивалось песком и вкапывалось в основания будущих зданий. Это обычная практика на Востоке: ведь дождь, растворяя хлопковый пепел, пропитывает им всю землю вокруг, и на ней остаются практически несмываемые пятна.

Халид, — я же тебя отговаривал! Но теперь, раз уж ты решился, то лучше продолжай, иначе люди начнут смеяться над тобою, говоря, что халиф начал, но так и не смог разрушить того, что построил до него другой!» Итак, работы по разрушению продолжились, но все было без толку. Так и остался стоять на левом берегу реки прекрасный в своем величии монумент, который окаймляет опустевшая песчаная равнина. Для нужд новой столицы пришлось пожертвовать своими железными воротами не только Аль-Куфе и Васиту, но даже и Дамаску. Стены Багдада были нарочно возведены по кругу, чтобы дома никого из придворных не оказались бы в слишком большом удалении от дворца, который вкупе с Большой мечетью занял место точно посередине города. Городские рынки, наоборот, решено было вынести за пределы столицы.¹

Стратегическое положение Багдада.

Расположившийся на западном берегу Тигра, с глубокими каналами, защищавшими подступы к городу с другой стороны, с легким доступом к Персидскому заливу, равно как и с удобными путями в Аравию, Сирию, Армению и на Восток — Багдад оказался в самом сердце исламской империи. Помимо всего прочего, из него можно было прекрасно контролировать спокойствие в Аль-Куфе, Васите и Аль-Басре. На восточном берегу Тигра, наиболее уязвимом для внезапного нападения, было решено создать все необходимые условия для размещения большого гарнизона, который, таким образом, был бы отрезан рекою от разлагающего влияния из Аль-Куфы и Аль-Басры. Кроме того, для воинов из разных кланов, йеменского и модарского, были предусмотрены различные поселения, так же как и для рекрутов из Хорасана. Намеренная поддержка различий в интересах этих трех групп могла гарантировать определенную безопасность, однако в вопросах сохранности своей собственной жизни Аль-Мансур был склонен доверять лишь хорасанцам. Помимо этого, халиф стремился использовать воинов из Хорасана в качестве своеобразного противовеса растущим претензиям арабской солдатни: ведь арабы до сих пор пытались выставлять себя перед другими нациями в качестве цвета ислама, этакой его аристократии. Однако же Аббасидам удалось использовать этот просчет халифа и весьма преуспеть. Как мы сможем убедиться, его план разделения своих войск послужил им только на руку.

Русафа, 151 г. хиджры, 769 г. от р. Х.

Спустя несколько лет был построен дворец и специально для Аль-Мехди. Его возвели на восточном берегу Тигра и назвали «Ар-Русафа». Именно туда, после возвращения из Хорасана, Аль-Мехди любил приглашать своих друзей и родственников, которые гостили у него подолгу.

Рафика и прочие твердыни.

¹ В Васите все железные ворота были отлиты при Аль-Хаджадже, а в Аль-Куфе — благодаря Халиду Ибн Абдалле. Византийский посол, которого проводили вокруг Багдада, заметил: «Город прекрасен; но твои враги могут встретиться с тобою на рынках». После этого халиф и приказал вынести все базарные площади за стены города, по направлению к Карху, заявив, что они искушают людей на грабеж, а также служат хорошим укрытием для шпионов. Изначально стоимость строительных работ оценивалась в двести тысяч фунтов стерлингов. Надсмотрщик за работами (урад) получал карат серебра ежедневно, а простой рабочий — два пенса (хаббас).

Очень сомнительно, что Аль-Мансур изначально рассчитывал превратить свою новую столицу в огромный и густо населенный торговый центр, каким в скором времени и стал Багдад. Скорее всего, он планировал основать его исключительно для размещения своего двора, в качестве надежной твердыни в чисто военном отношении. Он предупреждал своего сына не допускать разрастания пригородов, в особенности на левом берегу Тигра. По тем же самым стратегическим соображениям халиф надумал основать у верхних притоков Евфрата сильную крепость неподалеку от Ар-Ракки, которую он назвал «Рафика» («Сотоварищ» или «Спутник»). Ее гарнизон составляли исключительно хорасанцы. Считалось, что Аль-Мансур приписывал (и не без причины) внезапное падение Мервана тому, что тот не располагал подобною крепостью, куда бы он мог укрыться после своего поражения на Большом Забе. Именно поэтому Аль-Мансур так много усилий прилагал укреплению своих рубежей в том направлении. Также немало сил и средств было затрачено на то, чтобы усилить укрепления, защищавшие Аль-Куфу и Аль-Басру.¹

Мехди назначен престолонаследником, 147 г. хиджры, 764 г. от р. Х.

На одиннадцатом году своего правления Аль-Мансур решился, наконец, претворить в жизнь свой план и объявить престолонаследником халифата вместо Исы своего сына Аль-Мехди, которому к тому времени исполнилось двадцать пять лет. Однако получив отказ от своего племянника, Аль-Мансур оказался очень сильно раздосадован. Он лишил Ису почетного права занимать место по правую руку от халифа и с этого момента стал обращаться с ним крайне заносчиво. Оказавшись обманутым в своих ожиданиях, он заявил Исе, что тому следует знать: это ради сына Исы, Мусы, халиф желает освободить первоочередную вакансию наследника престола. В подтверждение этого один из придворных набросился на Мусу, притворяясь, что хочет удавить того. Иса, встревоженный криками своего сына, в конце концов, согласился на то, чтобы Аль-Мехди был объявлен наследующим титул халифа перед ним.²

Но после этого Аль-Мансур возненавидел Ису еще больше,

Замыслы халифа против Исы и Абдаллы, 147 г. хиджры, 764 г. от р. Х.

¹ Для того чтобы оплатить эти расходы, жители обеих городов были обложены специальным подушным налогом. Чтобы претворить свой план в действие, Аль-Мансур изобрел особую хитрость. Сначала он объявил о том, что каждый, явившийся к правителю, получит пожертвование от халифа в пять дирхемов. Затем, получив точное число жителей в обоих городах, он обложил каждого из них налогом в сорок дирхемов. После чего у каждого на устах оказалась следующая шутка:

«Отметим халифа, друзья, благодать:

Дает нам пятерку, чтоб сорок отнять!»

Эта уловка использовалась не один раз.

² Говорят, что халиф, якобы, велел дать Исе отравленное питье, выпив которое, однако, тот сумел излечиться, хотя на время, и вынужден был возвратиться к месту своего правления в Аль-Куфу. В другой истории говорится, что халиф велел Халиду Бармеки подкупить свидетелей, которые поклялись, что Иса сам отказался от своего права престолонаследия. Подобные предания о всяком вероломстве и изменах, достоверные они или нет, показывают самим фактом своего поникновения за границы исламского государства, насколько извращенным был по своему характеру Аль-Мансур, с готовностью шедший на любого рода обман.

и задумал против него настоящий заговор — более жестокий и коварный, чем можно было бы себе вообразить. Он решил избавиться одним ударом и от Исы, и от своего дяди Абдаллы, который все еще был заключен в темницу. Он отослал Абдаллу под надзор Исы, сопроводив заключенного секретным приказом предать его смерти, в то время как сам халиф направится с паломничеством в Мекку. Находясь в поездке, он писал Исе, интересуясь, выполнено ли его указание, в ответ на это получил уверения, дескать, все сделано как надо. Но Иса сообщил Аль-Мансуру неправду: он не решился лишить жизни дядю халифа. По совету своего помощника, заподозрившего какой-то коварный подвох, он лишь убрал узника в надежное место, подальше с глаз. Так все и оказалось: помощник был прав. После возвращения халифа из паломничества к нему пришли друзья Абдаллы, умоляя помиловать его. Халиф даровал тому прощение и велел Исе отпустить Абдаллу на руки просителям. «Разве ты не велел мне предать его смерти? — удивился Иса, — Я сделал то, что ты мне приказал». «Ты лжешь!» — отвечал халиф, заявляя, что отдает Ису родне Абдаллы, чтобы те могли свершить свою месть над убийцей. Но, не успели те выволочь Ису из покоев халифа, как он закричал, укоряя властителя правоверных: «Ты приказал мне предать его смерти, чтобы избавиться от нас обоих; но вот он — живой и здоровый!» И тотчас же слуги Исы ввели Абдаллу, к великому разочарованию халифа. Впрочем, узнику вновь не поздоровилось: его бросили в камеру с мокрым потолком и смертельно просоленным полом, и свое восстание против Аль-Мансура он вскоре искупил смертью, мало чем отличающейся от насильственной.

Иса смещен.

Ису с бесчестьем отстранили от управления Аль-Куфою, городом, руководить которым ему довелось весьма успешно в течение тринадцати лет.

Испания.

Обратимся на время к колониям исламской империи. Отметим, что на протяжении правления Аль-Мансура Испания оказалась окончательно отделенной от восточной части халифата. Она во многом стала самостоятельной еще при предыдущей династии. Долгая междоусобная борьба закончилась в Испании полным триумфом клана Модара над йеменской фракцией, и властителем страны был провозглашен модарский ставленник Юсуф.

Абд Ар-Рахман бежит из Сирии,

Но все-таки на испанском троне оказался наследник из рода Омейядов. Это был Абд Ар-Рахман, внук Хишама. Ему удалось сохранить жизнь во время резни его родни в Палестине. О его бегстве и последующих скитаниях мы узнаем из весьма трогательной истории. Когда его семья скрывалась в небольшом селении на Евфрате, сынишка Абд Ар-Рахмана бросился к отцу с леденящим душу криком: «Черные флаги! Черные флаги движутся на нас!» Абд Ар-Рахман вместе со своим тринадцатилетним двоюродным братом отважно бросился в воды Евфрата и переплыл реку. Плывший рядом паренек, будучи не в силах преодолеть течение на стремнине, повернул обратно и взмолился о пощаде. Но нет, озверевшие солдаты прикончили его на месте. Скрываясь при свете дня

в перелесках, Абд Ар-Рахман пускался в путь лишь по ночам. Так, проделав долгий путь в постоянном страхе, он, наконец, достиг Африки, где к беглецу присоединилась его сестра и верный слуга Бедр, сумевший сохранить семейные драгоценности. Абд Ар-Рахману с большим трудом удалось избежать погони, снаряженной правителем Африки, отцом Юсуфа. Достигнув западного побережья, беглец послал Бедра, которому посчастливилось пересечь море и сообщить испанским приверженцам Омейядов о местонахождении их нового кумира.

...и высаживается в Испании, iii. 138 г. хиджры, сент. 755 г. от р. Х.

Они быстро снарядили за Абд Ар-Рахманом корабль, и в начале сто тридцать восьмого года хиджры многострадальный скиталец высадился на оказавшейся для него гостеприимной земле Испании. С помощью йеменцев, которые с огромным энтузиазмом сплотились вокруг долгожданного вождя, он с триумфом вошел во дворец Кордовы. Весь полуостров был настроен против Аббасидов. Ведь почти все арабы там были из Сирии, и они с готовностью приветствовали представителя Омейядов. Хариджиты, составлявшие многочисленную партию в Испании, предпочитали кандидата из рода Али вместо аббасидской ветви дома Хашима, и не стали ни в чем противодействовать Абд Ар-Рахману.

Омейядский халифат в Испании.

Что же касается собственно испанского населения, уставшего от постоянных междоусобиц, после нескольких бесплодных восстаний, оно вынуждено было склониться под безоговорочную власть Абд Ар-Рахмана. Конечно же, багдадский халиф долго не отказывался от попыток обрести почву для своих посланников, но все его ухищрения так и не привели ни к каким результатам. После очередного провала он направил посланников к испанскому королю Пепину. Тот, прожив несколько лет в изгнании при галльском дворе, рискнул возвратиться на родину вместе с посольством франков. Франки возвратились назад, изрядно отягощенные богатыми восточными дарами. Однако их переговоры с «маврами» ни к чему не привели, если только не считать некоторым успехом то, что опасение нападения со стороны христианского монарха в определенной степени удержало Абд Ар-Рахмана от враждебных действий против багдадского халифата. Аббасидам пришлось скрепя сердце согласиться на то, чтобы оставить Омейядов в покое. Таким образом, дальнейшие события в Испании полностью исчезают из поля нашего зрения.

Африка.

Африка, даже и на короткое время, в отличие от Испании, не была самостоятельной: ни формально, ни фактически. Тем не менее, вся эта обширная провинция практически на всем протяжении правления Аль-Мансура находилась в полнейшем неповиновении. Как берберы, так и арабы, впадшие в хариджитскую ересь, не желали признавать переход власти к Аббасидам. Вновь и вновь приходилось отряжать против повстанцев карательные отряды, но толку от этих экспедиций было мало. Одной из них руководил Аглаб, отец основателя династии, носящей это имя. Он был убит неподалеку от Туниса, и его могилу

в окрестностях этого города чтят, как могилу мученика. Кайруан же попеременно переходил из рук в руки.

155 г. хиджры.

Восстания продолжались почти до самого конца правления Аль-Мансура, пока, наконец, халиф, избавившись от основных своих противников, не оказался в состоянии собрать огромную карательную армию, сумевшую на какое-то время утвердить власть Аббасидов практически по всей стране. Конечно, по временам у него еще возникали проблемы то тут, то там, но по своему чисто локальному характеру они уже не могли угрожать существованию всей империи ислама.

Армения, 145 г. хиджры.

В горах Армении племена диких хазар, вышедшие из своих ущелий, наделали большой переполох. Им посчастливилось захватить в плен и увести с собою множество мужчин и женщин. Отряд карателей, посланный с ними разобраться, был разбит наголову; хазарами был взят Тифлис, и вся Армения оказалась надолго охваченной пламенем мятежа.

Восстание в Герате, 150 г. хиджры,

На Востоке серьезное восстание было возглавлено властелином Герата, Устад Шишем, выдававшим себя за пророка. За ним последовало большое войско, и Шиш (Сис) сумел завладеть большею частью Хорасана и Сиджистана. Разбив правительственную армию, он гнал ее перед собою пока не пал жертвою хитрой тактики Ибн Хозеймы. Страшное побоище закончилось победой карателей, и Ибн Хозейма наслаждался резнею пленников: мечу было предано четырнадцать тысяч человек.¹ Главарь мятежников обратился в бегство, но впоследствии решил сдаться на милость победителей, и ему, как и остаткам его войска, была сохранена жизнь. Говорится, что дочери этого вождя суждено было стать матерью халифа Аль-Мамуна.²

...и Мосуле, 148 г. хиджры.

Вскоре, примерно в середине царствования Аль-Мансура, произошло еще одно народное волнение. На этот раз — на землях, окружавших Мосул. Оно весьма серьезно обеспокоило халифа, поскольку в Хамадане получили сильное распространение взгляды в поддержку Алидов, а именно оттуда брал начало этот мятеж. Повстанцев поддерживали курды, волнение быстро перекинулось на Персию, а оттуда даже на Синд. В конце концов, этот мятеж удалось подавить, но Аль-Мансур настолько озлобился против Мосула, что хотел было вовсе его разрушить. Лишь благодаря усилиям великого ученого-

¹ Вне всякого сомнения, все эти цифры преувеличены. Армию повстанцев арабский летописец оценил в триста тысяч человек, из которых, якобы, семьдесят тысяч полегло на поле боя, не считая перебитых потом пленников.

² Ибн Аль-Асир, стих 452; но Табари ни о чем подобном не упоминает.

правоведа Абу Ханифы удалось отговорить халифа от этого шага. Абу Ханифа аргументировал свои возражения тем, что замыслы халифа вступают в противоречие с исламскими законами.¹

Халид Бармеки назначен губернатором Мосула.

Результатом восстания в Мосуле стало выдвижение на пост губернатора этого города Халида Бармеки. С его назначением связан один курьезный эпизод. Из-за какой-то провинности халиф наложил на него штраф в три миллиона, требуя незамедлительной выплаты в течение трех дней (так гласит предание); иначе Халид мог поплатиться жизнью. Его сын Яхья бросился умолять всех друзей в округе, но к исходу третьего дня все еще недоставало около одной десятой части требуемой суммы. Но тут, к счастью, прискакал гонец с тревожными вестями из Мосула, что и заставило халифа назначить туда Халида градоправителем. Сам халиф немедленно выступил вместе с ним. Сперва они двинулись к Ар-Ракке, якобы собираясь совершить паломничество в Иерусалим, но затем внезапно повернули на север, благодаря чему появились под стенами Мосула совершенно неожиданно. Застав местного губернатора врасплох, халиф сместил его, и тут же назначил на этот пост Халида. Стиль руководства Халида Бармеки строгий, но смягченный подлинной добротой, снискал себе отзывчивость жителей Мосула, и он оставался править этой провинцией вплоть до самой смерти Аль-Мансура. В то же самое время его сын, Яхья, получил назначение в Азербайджан. В Ар-Рее у Яхьи родился сын, названный Аль-Фадлем. Одновременно на свет появился и сын Аль-Мехди: Харун, и эти мальчишки стали молочными братьями.²

Сын Абу Джафара в Мосуле.

Романтическая история, рассказывающая о раннем периоде жизни Аль-Мансура, когда он еще был беженцем в Мосуле, служит прекрасной иллюстрацией, как его характера, так и нравов того века. Скрываясь в этом городе, он взял замуж женщину-арабку. Оставив ее одну с родившимся от него ребенком на руках, Аль-Мансур снабдил женщину документом, в котором приглашал ее явиться к халифскому двору, когда бы его семейство ни пришло ко власти. В свое время сын этой женщины, по имени Джафар, отправился в Багдад и поступил там на службу секретарем к Абу Эйюбу, халифскому визирю. В этой должности ему довелось послужить и самому халифу, выполняя работу писца. Тому молодой человек понравился; халиф расспросил его о происхождении и, в конце концов, увидел документ, который он сам же оставил у его матери. В итоге, халиф отправил юношу в Мосул, велел ему привезти обратно с собою в Багдад свою мать. Но Абу Эйюб, возревновав к новому фавориту, послал своих людей прикончить его по дороге. Дни

¹ Его мнение не имело достаточно наставительного вида. Он ссылаясь на то, что женщина, сбившаяся с верного пути, не должна становиться из-за этого объектом для ненависти: так же и Мосул. Абу Ханифа скончался спустя два года.

² Требование у своего преданного помощника три миллиона под страхом смерти звучит практически невероятно; но это событие находит свое отражение в летописи без каких-либо добавочных эмоций. Историк не удивляется этому, но и не делает какого-либо намека на хищение либо растрату. Интересно, что Ибн Аль-Асир повторяет свой рассказ об этом происшествии, описывая сто пятьдесят восьмой год хиджры, как раз перед кончиною халифа; однако, несомненно, верной является более ранняя датировка.

проходили за днями, но никаких вестей от юноши не поступало. Встревоженный халиф поднял на ноги своих телохранителей, отправив их на поиски Джафара.

За его убийство визирь поплатился жизнью, 153-154 г. хиджры.

Злодеяние вскоре раскрылось; и следы преступления привели напрямик в дом визиря. Однако в наказание, не только сам визирь был лишен жизни, чего он, бесспорно, заслуживал, но подобная же участь постигла его брата и племянников, причем все они были казнены с поистине варварской жестокостью.¹

Малая Азия, 158 г. хиджры.

Последние годы царствования Аль-Мансура не принесли ему никаких особых беспокойств, ни дома, ни за границами его владений. Набег мусульман на Лаодикию принес им шесть тысяч женщин и детей, взятых пленными. Вскоре вслед за этим император Византии запросил у халифа мира и согласился выплачивать магометанам ежегодную дань.

Болезнь и паломничество халифа, 158 г. хиджры.

Ближе к концу сто пятьдесят восьмого года хиджры Аль-Мансур, уже несколько раз совершавший ежегодное паломничество в Мекку, стал готовиться к участию в очередной церемонии. По дороге в Аль-Куфу он почувствовал себя нехорошо, сильно занемог и вынужден был остановиться на отдых в замке, расположенном у него на пути. Его сопровождал сын, Аль-Мехди, которому, предчувствуя свой близкий конец, халиф и поручил ведение дальнейших дел. Халиф дал сыну общий совет касательно тех обязанностей, что вскоре неизбежно должны были лечь на его плечи. Аль-Мансур предупредил сына, чтобы тот не позволял Багдаду разрастаться на восточном берегу Тигра; а также попросил его возвратить законным владельцам ту собственность, которой халиф их когда-то несправедливо лишил. «Тогда тебя полюбит народ, — объяснил отец, — и руки твои станут сильнее. Постарайся также, — добавил он, — побольше продвигать людей из Хорасана; ибо они воистину не пожалели ни своей жизни, ни средств, сражаясь за наше дело». Спустя несколько дней халиф, будучи на пороге своей кончины, распрощался со своим сыном, оставив того горевать в замке, и приказал двигаться дальше. Болезнь усугубилась в дороге, и Аль-Мансур оказался принужден поторопить своих слуг: «Поспешайте-ка со своим господином, который уже совсем готов улететь прочь от своих грехов в благословенные земли своего Господа!»

Его смерть; конец 158 г. хиджры, октябрь 775 г. от р. Х.

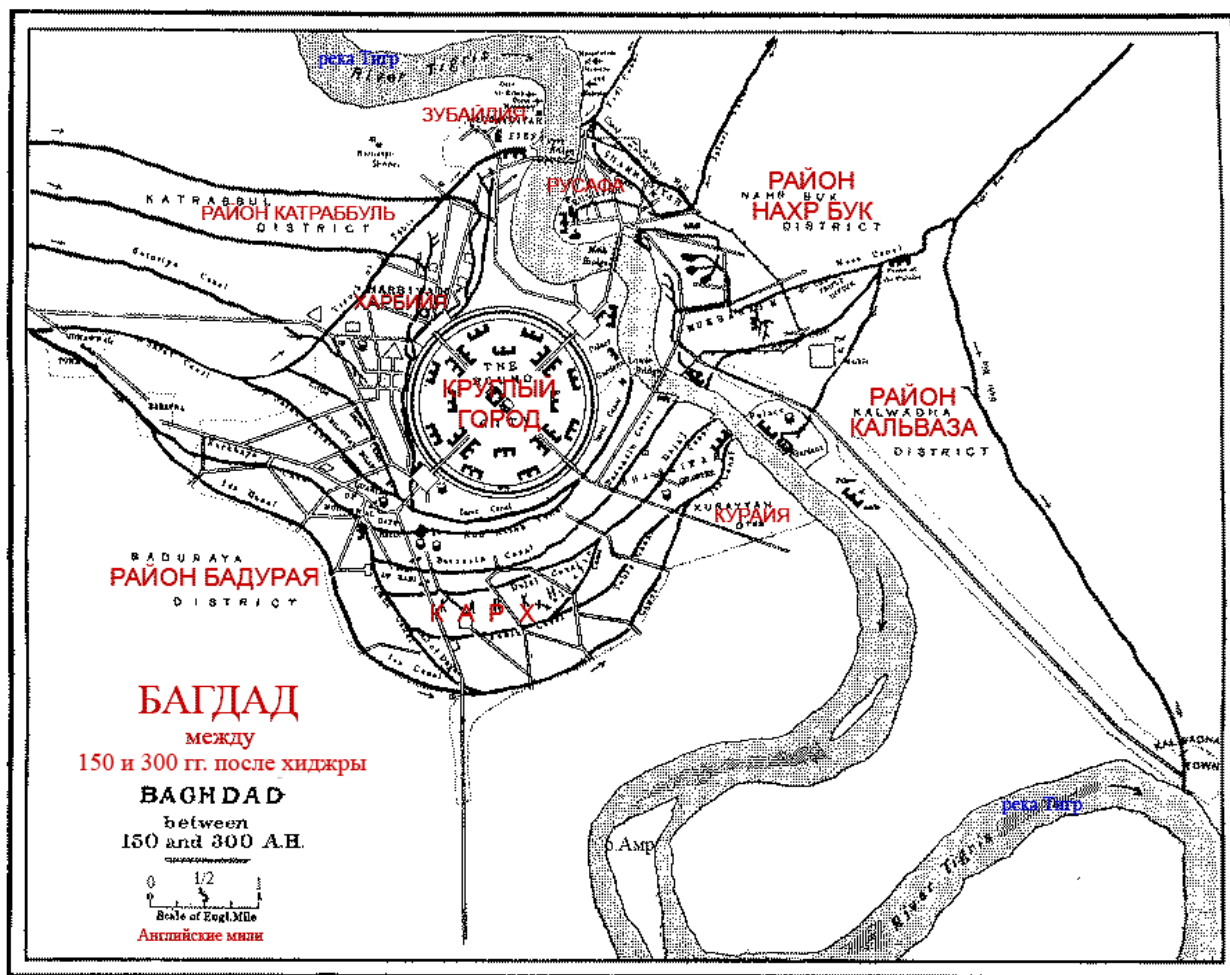
¹ Жертвам, в телах которых еще теплилась жизнь, отрубили руки и ноги. Не исключено, хотя об этом ничего не говорится, что они были каким-то образом причастны к совершенному визирем преступлению.

Не добравшись всего лишь трех миль до Мекки, халиф умер в своем походном лагере, и был похоронен в Священном городе.¹ Правление его составило почти двадцать два года, а скончался он в возрасте около шестидесяти пяти лет. Аль-Мансур оставил после себя потомство от трех жен, а также от трех наложниц, из которых одна была курдка, а еще одна — гречанка.

Характер Мансура.

Если бы только было возможно забыть о присущем этому халифу вероломстве, с которым он добивался смерти тех людей, кого боялся и ненавидел, то наша оценка деятельности Аль-Мансура получилась бы совсем другой. Если рассматривать его как мусульманина, то следует признать его жизнь благочестивой и во многом примерной. При его дворе никогда не наблюдалось ничего вульгарного или недостойного. В делах государственных он был весьма аккуратен, и постоянно посвящал им первую половину своего дня: время после полудня он привык проводить со своею семьей. Но после вечерней молитвы он опять возвращался к делам, ознакомлялся с новостями дня и советовался со своими министрами. Спать он ложился поздно, а поднимался рано утром, никогда не опаздывая на молитву. Армия при нем была прекрасно оснащена самым лучшим оружием и снаряжением; а министр, занятый вопросами вооружения, говорил, что халиф заставлял его слишком много работать, несмотря на то, что тот привык

¹ В окрестностях города было вырыто около сотни могил, но он был похоронен в потайном склепе, чтобы никто из его врагов не смог найти и осквернить место погребения.

к менее активным, но скорее умственным занятиям при других правителях. И все это, в основном, являлось следствием того, что он продвигал людей из Хорасана и Персии, равно как и в определенной степени, к более либеральным отношениям к византийской империи, которые начали утверждаться именно при правлении Аль-Мансура.¹

¹ О халифате Аль-Мансура см. Nöldeke, *Sketches of Eastern History*, стр. 107 и далее.

ГЛАВА LXIII

АЛЬ-МЕХДИ, СЫН АЛЬ-МАНСУРА.

158-169 г. хиджры / 775-785 г. хиджры

Мехди, 158 г. хиджры, 775 г. от р. Х.

ДЕСЯТИЛЕТНЕЕ правление Аль-Мехди, который восшел на престол немедленно по смерти его отца Аль-Мансура, в основном принято считать за переходный период между грубым и жестоким царствованием самого первого из Аббасидов и наступившими в последствии годами процветания. По своему характеру Аль-Мехди, правление которого как бы подготовило халифат к последовавшему расцвету, был мягким и великодушным. Свое восшествие на трон халифа он отпраздновал, открыв двери темниц и выпустив на волю всех, за исключением лишь самых закоренелых преступников, представлявших наибольшую опасность для общества.

Благоприятное правление.

Богатства, накопленные его отцом, давали новому халифу широкие возможности для проявления присущего Аль-Мехди великодушия. Он расширил и украсил мечети в двух Священных городах, а также и во всех основных городах халифата.¹ Караван-сарай для паломников и путешественников были благоустроены, они сделались просторнее. В них были оборудованы фонтаны и хозяйственные пристройки, да и располагаться на ночлег в их стенах теперь стало гораздо безопаснее. Повсюду развивалась система почтовых услуг, для доставки почты широко использовались мулы и верблюды. Правительственные агенты,² находившиеся в каждом из административных центров провинций, постоянно информировали халифа о том, с каким успехом продвигаются общественные дела. Причем по всей империи управление этими делами велось, в целом, справедливо и без особых эксцессов. Городам обеспечивалась надежная защита; в особенности сильно была укреплена Ар-Русафа, пригород Багдада на восточном берегу Тигра. Уже к этому времени столица халифата превращается в крупный центр торговли, и туда начинают съезжаться купцы со всех концов света.

Рост распущенности.

Музыка, поэзия, литература и философия оживили то время; однако дурной пример халифского двора в увлечении вином и прекрасным полом не мог не привести к росту распущенности и общему падению нравов.

Паломничества.

¹ Ибн Аль-Асир (630 г. хиджры) говорит нам, что видел во дворе мечети в Мосуле большую плиту, надпись на которой гласила о том, что эта мечеть была увеличена благодаря Аль-Мехди.

² Таких чиновников называли «аминами».

Аль-Мехди несколько раз совершал роскошные выезды в Иерусалим и Святые города, причем кавалькаду всадников по всему пути до Мекки обеспечивали свежим льдом, специально доставляемым с горных вершин. В Мекке халиф дарил одежду беднякам и раздавал практически баснословные суммы в качестве благотворительности для жителей города. Каждый год из резиденций прежних халифов отсылались богато изукрашенные покрытия для Каабы. Эти покрывала просто накладывались одно поверх другого, и, в конце концов, тяжелые слои ткани стали угрожать своим весом всему сооружению. Все их пришлось снять; вместо этого Каабу стали покрывать одним слоем ткани, ежегодно заново присылаемым Аль-Мехди — этого примера стали придерживаться и последующие халифы. Также Аль-Мехди обновил все путевые камни и указатели, постоянные дворы и колодцы, находившиеся на дорогах у паломников.

Охранники из Медины.

Отныне пять сотен «ансаров», то есть, жителей Медины, составили постоянное сопровождение халифа в качестве своего рода императорской гвардии. Они выехали вместе с ним в Багдад, где им за их поддержку были обещаны земли. Это было мудрое решение, которое, если бы халиф оказался последовательным, могло бы предупредить излишнее высокомерие и рост опасных претензий со стороны тюркских военных при дворе. К сожалению, потом от этой практики отказались, ибо больше мы ничего об этих охранниках из Медины не слышим.

Однако существовала и другая сторона правления Аль-Мехди, отмеченная вспышками обычно хорошо скрываемой им жестокости.¹

Жестокое обращение с мятежником, 160 г. хиджры,

В самом начале царствования Аль-Мехди в Хорасане произошло серьезное восстание под руководством некоего Юсуфа. Карателям удалось взять его в плен и отправить к халифу вместе с его товарищами. Везли его в Багдад на верблюде, посадив задом наперед. В таком виде его доставили в Ар-Русафу. Встретивший прибывших в этой крепости халиф велел отрубить мятежнику руки и ноги, а потом обезглавить его вместе с остальными плененными повстанцами.

...с халифским визирем,

Такой же хорошей иллюстрацией жизни при дворе служит происшествие с Якубом, визирем халифа. Он прежде считался одним из приверженцев дома Али, что Аль-Мансур и решил ему припомнить. Он бросил Якуба в темницу, но Аль-Мехди освободил его и превратил в своего фаворита. Он оказался для халифа приятным компаньоном в ночных

¹ Вайль пытается найти оправдание этому варварству, приписывая подобные выходки общему презрению к человеческой жизни, широко распространенному среди магометан того времени, и, соответственно, необходимости сопровождать «простое» лишение жизни пытками и дополнительной болью. Также он ссылается на Коран, требующий наказывать преступников отсечением их членов. Но это оправдание вовсе не выглядит адекватным. [Подобная практика запрещена согласно записанным в преданиях высказываниям Пророка].

пирушках, помощником во всех делах, и скоро приобрел неограниченную власть по всей империи ислама. Но такое процветание в итоге способствовало появлению у Якуба новых врагов, которые принялись нашептывать в ухо халифу, сумев уверить того, что визирь до сих пор остается верным партии Алидов. Чтобы проверить лояльность своего помощника, Аль-Мехди придумал хитрую уловку. Якуб получил приглашение провести вечер в прекрасном саду, где он обнаружил халифа в компании с прекрасной девушкой-рабыней. Она выглядела поистине неотразимо. Халифский министр был полностью очарован сценой, представшей его глазам. «Ага! — сказал халиф, — вот уж воистину райское наслаждение! Я отдам все, что ты видишь здесь, тебе, включая и эту девицу, если ты поможешь мне избавиться от одного Алида», — тут он назвал имя одного из обреченных им на смерть. Якуб с готовностью принял это предложение, немедленно оказавшись в роли счастливого хозяина всей сказочной сцены. Тут же послали за Алидом, и несчастный отправился навстречу своей судьбе. Однако он так трогательно изложил всю свою историю, что сердце Якуба смягчилось, и он посоветовал приговоренному немедленно бежать из этого места. Скрытая за ковром неподалеку девушка смогла полностью подслушать этот разговор; и немедленно донесла обо всем халифу. Таким образом, когда попавшийся в расставленные сети визирь стал уверять своего господина, что он выполнил его волю, правда вышла на свет. Якуб незамедлительно оказался брошен в крошечную тьму тюремной камеры. Он оставался там так долго, что в итоге потерял зрение.¹

...и с сыном министра.

Другой из халифских министров, который верой и правдой служил Аль-Мехди в течение всех войн в Хорасане, навлек на свою голову неприязнь со стороны придворного по имени Ар-Раби, который, чтобы избежать неприятностей, не нашел ничего лучше, как обвинить сына своего соперника в причастности к манихейской ереси. Халиф призвал к себе сына своего министра и, исследовав его взгляды с помощью текста Корана, обнаружил, что тот очень плохо знаком с содержанием Священной книги. Таким образом, Аль-Мехди посчитал обвинение доказанным, приказав обезглавить молодого человека. Отца его сместили с должности, и Ар-Раби занял его место.

Преследование манихейцев.

Вообще, наиболее характерной чертой Аль-Мехди, окрасившей и краткий период правления его сына Аль-Хади, была ненависть к «Занадика», или сектантам-манихейцам (маздакитам — прим. перев.), и их жесточайшее преследование. За время своего пребывания в Хорасане Аль-Мехди успел проникнуться резким отвращением к их догматам, которые не только противоречили исламу, но сильно ослабляли узы общественной и домашней морали. Зачастую было достаточно лишь одного подозрения,

¹ Говорят, что Якуб провел так много лет в полной темноте, что потерял счет годам. Когда его призвали к халифу, он, пожелав отдать тому дань уважения. Но на вопрос халифа, «Ты знаешь, кто я?», Якуб отвечал: «Конечно же, ты — Аль-Мехди!» «Э-э, — протянул новый халиф, — уж много лет, как он скончался!» «Так, может, Аль-Хади?» «Он тоже мертв». «Тогда, Аль-Харун!» «Да, это я», — ответил халиф, освободил Якуба и позволил ему удалиться в Мекку.

дошедшего до халифского слуха, чтобы человека настиг конец без какого-либо дополнительного расследования. Вот так один слепой поэт, доживший до девяноста лет, был оклеветан своими врагами, которых нервировали его резкие сатиры. Обвиненный в манихейской ереси, старик был предан смерти, несмотря на то, что в его поэмах не было ни единого намека на философию маздакитов. В Алеппо, на своем пути в Сирию, Аль-Мехди устроил настоящую облаву на манихейцев по всем окрестностям города. Все пойманные были обезглавлены, а тела их разрублены на куски.

«Инквизиция», 167 г. хиджры.

Впоследствии халиф утвердил особый отдел в своем правительстве, управлял которым министр («сахиб аз-Занадика»), задачей которого было искоренение этой ереси. Это оказалась своего рода инквизицией. Не удивительно, что в летописи за следующий год мы читаем о «великом множестве» людей, признанных еретиками и осужденных на смертную казнь.

Претензии Моканны на власть, Средняя Азия, 158-161 г. хиджры.

За Амударьей людские умы смущала другая весьма странная, но вместе с тем и быстро преходящая ересь. Возглавлялось новое движение фанатиком, которого, за привычку скрывать свое обезображенное лицо, прозвали «Аль-Моканной», «Покрывающимся». Он появился из Хорасана и проповедовал мавританскую (марокканскую) философию «Лалла Рух». Он учил об имманентности Бога в Адаме, проявившейся затем в Абу Муслиме, и, наконец, в нем самом. Большие толпы тюрков, равно как и мусульман, следовали за ним и поклонялись ему, как божеству. В течение четырех лет в районе Бухары и окружающих ее провинций мятежникам удавалось побеждать одну за другою карательные армии халифа. Но в итоге фортуна отвернулась от самозванца, который, оказавшись оставленным большинством своих приверженцев, нашел укрытие в крепости вместе с парой тысяч оставшихся ему верными людей. В довершение всего, приведенный в отчаяние из-за переносимых лишений, он то ли отравил себя вместе со всей своей семьей, то ли поджег дворец и, призвав своих женщин и всех, кто желает попасть на небеса, последовать его примеру, бросился в огонь и тем окончил свой земной путь. Слухи об этой сцене лишь подбросили свежего хвороста в костер, разожженный его сектой, и ее верования еще долго практиковались последователями Аль-Моканны, пусть и в тайне, прежде чем окончательно не умерли на Востоке.

Война в Малой Азии, 159-162 г. хиджры, 775-778 г. от р. Х.

В течение большей части царствования Аль-Мехди мусульмане продолжали вести войну с Византией. Набеги вглубь территории Малой Азии, при которых отряды магометан добирались до самой Анкиры (Анкары), породили ответные действия греческого лидера Михаила,¹ который решил перейти сирийскую границу и нанес серьезное поражение

¹ Михаил-«Лахондракон». Характерным для халифа служит его выступление в качестве верховного судьи: после того, как один из мусульманских военачальников отступил перед превосходящими силами Михаила (164 г. хиджры), Аль-Мехди собирался предать его смерти. Однако, вняв заступничеству друзей обвиняемого, вместо казни ограничился тюремным заключением.

мусульманским войскам. Чтобы отомстить за нанесенную ему обиду, Аль-Мехди лично возглавил армию в сто тысяч человек, перешел с этим войском Евфрат и двинулся к Алеппо.

Войско Харуна доходит до Босфора, 156 г. хиджры.

Оттуда он послал вперед войско под командою своего сына Харуна, которому к тому моменту еще не было и двадцати лет; отрядив его под надежную опекой Халида Бармеки. При помощи способных военачальников Харуну удалось пройти победоносным маршем вдоль малоазийского побережья до самого Босфора. После этого регентше Византии, царице Ирине, пришлось заключить с мусульманами мир, давшийся ей лишь ценою выплаты значительной дани. Более того, ей пришлось обеспечить войску Харуна все необходимое для безопасного возвращения в Сирию. В противном случае магометане рисковали совсем запутаться в горных походах. Их добыча была колоссальной, а число убитых византийцев оказалось и вовсе неслыханным.¹

Испания, 161-163 г. хиджры.

Здесь было бы нелишним упомянуть, что в начале правления Аль-Мехди из Африки была предпринята попытка высадки войск на побережье Испании, с целью вернуть эту ставшую независимой провинцию под власть Багдадского халифата. Десант закончился полнейшей катастрофой. Со своей стороны и «правитель» Испании² вынашивал замыслы послать экспедицию в Сирию против Аббасидов, от которых, однако, ему пришлось впоследствии отказаться по причине внутренних неурядиц.

Индия, 160 г. хиджры

В другие места также предпринимались отдельные походы, но ни один из них не заслуживает быть отмеченным. Исключение составляет, может быть, экспедиция в Индию, во время которой мусульманское войско отважилось на штурм город Барбада. Исламские воины сожгли там образ Будды вкупе с людьми, ему поклонявшимися. Но окончился этот поход полной неудачей: отряд магометан потерял тысячу человек из-за «болезни рта», а все корабли халифского флота были разбиты штормом, случившимся у берегов Персии.

Мехди берет замуж Хейзуран, 159 г. хиджры.

Вскоре после своего воцарения на халифском троне Аль-Мехди даровал свободу Хейзуран, матери его сыновей Мусы и Харуна, а затем и женился на ней. Ее влияние на халифа, не исключая и дел государственных, было огромным. Неудачник Иса, которого Аль-Мансур заставил отказаться от претензий на трон в пользу своего сына Аль-Мехди, вынужден был еще на какое-то время отложить свои надежды на получение титула

¹ Пятьдесят четыре тысячи греков было убито; пять тысяч взято в плен, из которых две тысячи девяносто человек было «хладнокровно казнено»; угнано двадцать тысяч голов крупного рогатого скота, а сто тысяч — забито.

² Он просто назывался омейядским «сахибом» (правителем) Испании.

повелителя правоверных. Он уже двадцать третий год проводил в ожидании, когда наступит его очередь; но халиф объявил своего сына Мусу, которого отныне стали называть «Аль-Хади» («Вождем»),

*Хади назначен престолонаследником, 160 г. хиджры,
следующий за ним — Харун, 166 г. хиджры.*

новым престолонаследником. Младшим же своим сыном, Харуном, Аль-Мехди оказался настолько доволен после удачного похода исламского войска на Босфор, что поставил его, невзирая на юный возраст, наместником всех западных провинций, включая Азербайджан. Через пару лет после оглашения Аль-Хади, халиф и Харуна объявил наследником верховной власти: следующим после своего старшего сына. При этом Харуну был присвоен титул «Рашид» («Праведный»¹). Однако Харун был так любим своею матерью, да и отцу нравился настолько, что тот пошел еще дальше, и год или два спустя он призвал Аль-Хади отказаться от своего права наследования титула халифа в пользу младшего брата. Аль-Хади, руководивший в тот момент войском в походе против Джурджана, само собой, воспротивился такому требованию, и жестоко обошелся с повторным гонцом, доставившим ему приказание вернуться в Багдад. После чего Аль-Мехди, взяв с собою Харуна, выступил с целой армией, чтобы смирить строптивного сына, но умер в пути, съев отравленную грушу. Ядовитый плод ему поднесла одна из девушек-рабынь, пожелавшая отомстить за то, что он предпочел ей другую девицу, ее соперницу.²

Смерть Мехди, 22 і. 169 г. хиджры, 4 августа 785 г. от р. Х.

Халифа похоронили на том же месте, где его настигла смерть. Это случилось в начале сто шестьдесят девятого года хиджры. Аль-Мехди исполнилось сорок три года. Погребальным обрядом пришлось руководить Харуну.

Характер Мехди.

О характере Аль-Мехди мало чего можно добавить. В целом его усилия в области управления были направлены на то, чтобы увеличить благосостояние нации и способствовать наступлению той прекрасной эры, что последовала за его царствованием. Однако жизнь его отмечена многочисленными деяниями тирании и жестокости, которые, пожалуй, и самый суровый магометанин не отважится оправдывать даже в беседе с глазу на глаз.

Его привязанность к Хейзуран и к любимой дочери.

¹ Или «ведомый праведным/правильным путем», если произнести полностью: «Харун ар-Рашид».

² В другом рассказе говорится о том, что на охоте халиф погнал свою лошадь за сворою собак, но был внезапно застигнут дождем. Его скрутила лихорадка, быстро приведшая к смертельному исходу. (Или же он умер, будучи поражен молнией — прим. перев.). Но все это плохо состыковывается с той тайной, которая явно окружала его смерть: ведь сопровождавшее халифа войско узнало о ней лишь по возвращении в Багдад.

Мягкий и дружелюбный от природы, Аль-Мехди до самого своего конца смог сохранить глубокую привязанность к Хейзуран. Также о нем рассказывают, что халиф настолько души не чаял в своей маленькой дочке Якуте («Рубинчике»), что не выпускал ее со своих глаз, даже находясь на людях. Ей удавалось скрыться у него из виду, только переодевшись в мужской наряд и вскочив на лошадь. Горе Аль-Мехди было безутешно, когда она умерла за год до его смерти. Лишь соблезнования и утешения друзей халифа смогли вернуть его к обычной жизни.

ГЛАВА LXIV

АЛЬ-ХАДИ И ХАРУН АР-РАШИД

169-193 г. хиджры / 785-809 г. от р. Х.

Хади, 169 г. хиджры 785 г. от р. Х.

ХАРУН мудро решил не оспаривать восшествие на халифский трон его брата Аль-Хади, и сразу же отправил к нему в Джурджан имперскую печать и скипетр, символы исламской власти. Войско, участвовавшее в походах их отца, было распущено в Багдаде. Среди бывших солдат сразу же вспыхнули волнения, бунтовщики кинулись на штурм везирской резиденции и стали требовать увеличения пособий. Хейзуран позвала к себе везира и Яхью, сына Халида Бармеки; но последний, зная о неприязни Аль-Хади к своей матери, не дожидаясь о ее решении, сам отважился удовлетворить недовольных военных выдачей им жалованья в двухгодичном размере. Везир же, рискнувший прислушаться к зову Хейзуран и отправиться к ней на совет, едва не поплатился за это жизнью. Только богатое подношение новому халифу смогло вернуть везиру монаршую благосклонность.

Восстание Алидов в Медине.

За то короткое время, что довелось царствовать Аль-Хади, за пределами его столицы произошло лишь несколько по-настоящему интересных событий. Таковым можно считать восстание хариджитов в Месопотамии; да, пожалуй, мятеж алидской группировки в Мекке и Медине. Как это ни покажется странным, но к последнему привела невоздержанность некоторых из членов самого же дома Али, почитаемого хариджитами за «святого». За свое излишнее пристрастие к вину их заставили прошесть по улицам Святых городов, надев каждому узду на шею. Семейство не выдержало такого поношения и подняло бунт, для подавления которого властям пришлось прибегнуть к силе. Порядок в Мекке и Медине был восстановлен не без кровопролития.

Идрис бежит в Африку.

Среди тех, кому удалось бежать от преследования закона, оказался Идрис, брат «Чистой души» и «Убиенного под Бахамрою». При помощи почтовых перекладных ему удалось скрыться с поля битвы в Факхе под Меккою и добраться через Египет до самого Танжера, где его радушно приняли местные берберы. Там ему было суждено заложить основание династии Идрисидов. За оказанное ему потворство при побеге начальник почтовой службы Египта был обезглавлен.¹

Хади отвергает вмешательство Хейзуран.

¹ Некоторые исследователи обвиняют в его казни Харуна, в том числе и Вайль, склонный считать этот поступок за одно из жестоких злодеяний именно этого халифа.

Хотя по своему характеру Аль-Хади во многих отношениях имел явное сходство со своим отцом, в одном он от него, безусловно, отличался: он не позволял Хейзуран каким бы то ни было образом вмешиваться в государственные дела. Когда эта женщина, привыкшая постоянно находиться в окружении толпы просителей, надеявшихся повлиять через нее на ее мужа, попыталась посоветовать что-то своему сыну, тот велел ей заниматься своими делами. Он лишил Хейзуран ее свиты и запретил придворным стоять у ее покоев, дожидаясь ее выхода.¹ Гордая женщина смогла преодолеть горечь от нанесенного ей оскорбления, сообразив, что разумнее будет молча дождаться подходящего случая для мести.

Его жестокое обращение с инакомыслящими.

Если говорить о его обращении с манихейцами, Аль-Хади просто буквально воспринял как совет, так и пример своего отца. Самое интересное, что среди еретиков находилось несколько человек Хашимидского происхождения. И Аль-Мехди, торжественно поклявшийся дому Хашимидов, что никогда не отнимет жизнь ни одного из арабов, принадлежащих к его собственному роду, оставил своему сыну в наследство строгий приказ перебить их всех. Каким образом это заразное вероучение находило себе приверженцев среди правоверных Аравии и Аль-Ирака, понять трудно, нам остается лишь надеяться, что в том множестве грехов, которые были вменены этим людям в вину, их обвинили ложно.² Незадолго до своей смерти Аль-Мехди заявил, что он полностью повыведет весь род занадикитов: и корни, и ветви. Говорят, что он повелел воздвигнуть тысячу пальмовых колов, предназначенных для того, чтобы казнить на них именно такое количество еретиков. Правда это или нет, но само существование подобного рассказа вполне может свидетельствовать о том, с какой силой недавно умерший халиф ненавидел эту секту.

Хади планирует обойти Харуна.

Будучи подражателем своего отца еще в одном аспекте, Аль-Хади замыслил полностью отодвинуть в сторону своего брата и решил было уже объявить следующим престолонаследником своего маленького сына. Это решение поддерживал весь халифский двор, за исключением Яхьи Бармеки, которому долгое время удавалось-таки отговаривать халифа от столь стремительного и необдуманного шага. Харуну же, обращаться с которым стали без какого-либо почтения, оставалось только удалиться к частной жизни. В конце концов, преодолев свое нерешительное состояние, в котором он пребывал немалое время, Аль-Хади склонился к советам подстрекавших его льстецов, с нетерпением ожидавших, когда они смогут порадовать халифа, принеся его сыночку клятву на верность. Повелитель правоверных объявил малолетнего сына следующим

¹ Говорят, что он даже пытался отравить ее, но подобного рода обвинение звучит сомнительно. Вайль считает, что оно было сфабриковано, чтобы оправдать ненормальное отношение царицы-матери к ее сыну Аль-Хади.

² Например, считается, что дочь одного из этих осужденных хашимитов якобы призналась, что забеременела и родила ребенка от своего же собственного отца, а когда ее доставили к халифу на допрос, умерла от испуга.

наследником трона, а Яхью велел бросить в тюрьму. Халиф находился в своей загородной резиденции под Мосулом,

Его смерть.

когда в одночасье заболел и умер. Кончина его окутана сплошным мраком. Общее мнение склоняется к тому, что, когда он почувствовал себя худо, его мать подговорила одну из его девушек-рабынь удушить больного. Далее нам рассказывается, что у Хейзуран уже были гонцы наготове, которых она сразу же разослала к разным наместникам, чтобы те признали восшествие на трон Харуна. Этот факт может свидетельствовать о какой-либо ее причастности к смерти Аль-Хади. Больше о ней почти ничего не говорится. Умерла Хейзуран вскоре после кончины Аль-Хади.

Персидское влияние в исламском государстве достигло своего апогея при царствовании Аль-Хади и двух следующих за ним халифов. Мусульмане стали отмечать Новый Год и прочие праздники согласно персидским обычаям; именно в правление Аль-Хади появилась мода на персидские одеяния и головные уборы, надолго закрепившаяся в последующие периоды. Тенденция выделять и выдвигать людей неарабского происхождения в ущерб чистокровным арабам обрела вполне официальную форму в движении «Шуубийя», иными словами, национализме. Целью возникшего движения было всяческое восхваление представителей покоренных арабами народов, и, в первую очередь, персов. Члены этой националистической организации заявляли, что вполне возможно, что персы или греки превосходят арабов во всех отношениях. Причем, не только в искусствах или в разного рода науках, но даже и в тех сферах, которые арабы испокон веков считали своей прерогативой: в изучении родословных и в практике добродетелей, усвоенных благодаря обитанию в пустыне.¹

Воцарение Харуна, 170 г. хиджры 786 г. от р. Х.

После смерти своего брата, Харун, достигший к тому времени возраста примерно в двадцать пять лет, сразу же поспешил прибыть ко двору. Он совершил погребальный обряд, и после выполнения всех формальностей придворные без какого-либо недовольства или противодействия приветствовали его новым халифом. Маленького сына Аль-Хади без проблем удалось уговорить отказаться от своих претензий на трон; но произошедший в связи с этим инцидент показывает нам, что даже в этот ранний период своего царствования Харун, хотя и прозванный «Рашидом» («Праведным»), уже склонялся к неоправданной жестокости и был исключительно злопамятным. В этом плане он ничем не отличался от своих предшественников, будучи в такой же степени подвержен чувству ненависти и зависти.

Жестокость по капризу.

За какое-то время до своего воцарения, Харуну потребовалось пересечь Тигр. Придворный, сопровождавший сына Аль-Хади, закричал с противоположной стороны

¹ Goldziher, *Muhammedanische Studien*, i., стр. 147 и далее.

моста, предупреждая: «Всею стоять, пока наследник халифа не пройдет по мосту!» На что Харун сердито ответил: «Пребываю смиренным слугою эмира!» Это происшествие глубоко запало ему в душу, и, оказавшись на вершине власти, Харун жестоко отплатил неудачливому царедворцу, предав его смерти.

Находит свое кольцо в Тигре.

В день его восшествия на трон халифа у Харуна родился сын, Аль-Мамун. Некоторое время спустя на свет появился и другой сын, Аль-Амин, причем последний, будучи дитяю от Зубейды, внучки самого Аль-Мансура, получил предпочтение перед первым, чья мать была всего лишь рабыней-персиянкой. Когда свежеепеченный халиф возвращался по мосту в Багдад, он решил потратить какое-то время, чтобы заставить ныряльщиков обыскать небольшой участок дна реки. Предметом поисков оказалась драгоценная «Гора» — знаменитый перстень, стоимостью в сто тысяч золотых монет. Это был подарок Харуну от его отца. Когда Аль-Хади стал требовать от него эту реликвию, Харун выбросил его в волны Тигра. Поразительно, что после того, как Харун указал точное место, где он бросил в воду перстень, ныряльщики сумели, к великой радости халифа, разыскать пропажу!

Бармекиты.

Времена переменялись. Яхья Бармеки, которого Аль-Хади посадил в тюрьму и угрожал предать смерти, был доставлен ко двору халифа и утвержден в должности везира. Двое его сыновей, Аль-Фади и Джафар, также получили доступ к неограниченной власти: первый из них, молочный брат самого халифа, был поставлен управлять государственными делами, где с ним не мог соперничать никто;¹ а второму суждено было стать признанным фаворитом Харуна и любимейшим его сотоварищем во всех увеселениях. Вот каковы были трое лидеров из дома Бармеки, падение которого, спустя семнадцать лет, оставит несмываемое пятно на репутации халифа.

Религиозная жизнь Харуна.

Харун приобрел особую известность благодаря своей привычке к тщательному соблюдению всех ритуалов ислама: в течение одного дня он выполнял по сто поклонов, а на благотворительность раздавал по тысяче динаров. На первом году своего царствования он совершил паломничество в Мекку, после чего выполнял его еще примерно в девяти случаях.

Великолепие двора.

При каждом удобном случае Харун Ар-Рашид раздавал необыкновенно щедрые пожертвования среди народа, и при любом выезде халифа сопровождали целые толпы нищих и оказавшихся в какой-либо нужде людей. Повсюду окружала его блестящая

¹ См. выше по тексту оригинала, стр. 463. Обе матери кормили молоком детей друг друга. На Востоке отношения с кормилицей ценятся очень высоко.

свита, как во время паломничеств, так и в любых иных поездках. Ученые, правоведы, поэты и философы также устремлялись за халифом, спеша не отстать от придворных. И именно этим роскошным выездам царствование Харуна Ар-Рашида во многом обязано своим особенным блеском, благодаря которому оно вошло в историю

Мудрый и, в целом, справедливый.

Не исключено, что Харун оказался самым способным правителем из всей династии Аббасидов. Он во многом походил на Аль-Мансура, но только не в свойственной тому бережливости. Если мы на секунду забудем про некоторые вопиющие случаи его тиранической жестокости, то его правление следует признать мудрым и справедливым; и, без всякого сомнения, этот период для страны оказался временем величия и процветания. Будучи по своему характеру смелым и решительным, халиф последовательно продолжал свои прежде начатые кампании против Византии, вновь и вновь лично возглавляя мусульманские армии.

Возвращение в Ракку из нелюбимого Багдада.

Спустя восемь или девять лет после своего воцарения, Харун оставил Багдад и перевел свой двор в Ар-Ракку, на север Сирии. Сделал он это под тем предлогом, чтобы удобнее было держать в своем поле зрения нелояльную Сирию, несмотря на то (если верить его словам), что любил Багдад больше, чем какое-либо другое место на свете. Но больше походит на правду, что халиф со временем приобрел к Багдаду отвращение, поскольку он так никогда и не переехал в этот город обратно. Да и просто посещал его Харун с тех пор очень редко.

Мятеж в Мосуле, 171 г. хиджры.

На втором году правления Харуна серьезное волнение, возглавил которое лидер из числа хариджитов, потрясло всю провинцию Мосула, ввернув ее в пучину восстания. Абу Хурейра, наместник Месопотамии, потерпел поражение от повстанцев, сумевших захватить Мосул.

Смерть Абу Хурейры.

С подходом отряженных халифом свежих карательных войск порядок был восстановлен. Но неудача Абу Хурейры настолько раздосадовала Харуна Ар-Рашида, что, в конце концов, он велел доставить бывшего наместника в Багдад, где его и предали смерти.

Малая Азия.

Одной из самых первостепенных забот Харуна была безопасность сирийских границ, как со стороны Армении, где мусульманскому государству угрожали вторжением хазарские орды, так и со стороны византийских владений в Малой Азии.

Создание отдельного правительства, 170 г. хиджры.

Первым делом Харун Ар-Рашид решил создать новый защитный рубеж на западе халифата. Командование им было поручено способному военачальнику, тюрку по происхождению,¹ а в качестве главного опорного пункта был выбран сильно укрепленный город Тарс. Практически каждый год магометане вели войны против Византии, причем Харун снова и снова либо сам возглавлял свои войска, либо наблюдал за их наступлением, выезжая на границу. В этом отношении сделанный халифом выбор Ар-Раки в качестве своей новой резиденции следует считать очень удачным.

Морские операции, 175 г. хиджры.

Также к мусульманам начинают приходить успехи и на море. Они совершают нападения на Крит и Кипр, во время которых к ним в плен попадает византийский флотоводец.² В набегах через границу исламскому войску достается множество пленных и громадные трофеи. Впрочем, случались и серьезные неудачи. Так, один из походов закончился большими потерями: войско магометан сильно пострадало от холода, застряв в горном ущелье.

Харун возглавляет армию, 181 г. хиджры.

В сто восемьдесят первом году хиджры Харун Ар-Рашид лично возглавил большое войско. Благодаря тому, что внимание Константинополя было отвлечено на решение внутренних проблем, магометанам удалось одержать важные победы над греками, дойдя до Эфеса и Анкары.

Ирина становится данницей, 186 г. хиджры.

После этого стороны обменялись пленниками; четыре тысячи мусульман смогли вернуться к своим семьям, встреченные своими соотечественниками с превеликой радостью. Императрица Ирина, согласившись выплатить дань, получила взамен перемирие на четыре года. Грекам удалось остановить наступление, которое предпринял Аль-Касим, третий сын халифа, отдав магометанам несколько сотен пленников. Вместе с тем, исламскому войску лишь с большим трудом удалось отбить внезапное нападение хазар, вторгшихся в земли Армении.

Вскоре вслед за этими событиями на трон Византии взошел Никифор. Как гласят мусульманские летописи, он послал халифу следующее письмо оскорбительного содержания:

«От Никифора, царя греков — Харуну, царю арабов.

¹ Это первое упоминание о полководце-тюрке, которому было доверено командование мусульманскими войсками. Мы увидим вскоре, что тюрки начинают выходить в первые ряды во всех учреждениях, но особенно — в армии ислама.

² Эта информация исходит из греческих источников, где говорится, что после отказа принять ислам, византийский адмирал был обезглавлен по приказу Харуна. Мусульманские летописцы ничего об этом человеке не сообщают.

Оскорбительное послание Никифора, 187 г. хиджры 803 г. от р. Х.

Ирина отъединилась от ладьи и довольствовалась пешкою. Она выплатила тебе деньги, двойную сумму которых ты должен был бы выплатить ей. Считай это всего лишь за женскую слабость. А потому, отдай назад то, что ты взял, а если нет — между нами рассудит меч!»

Харун Ар-Рашид, прочтя это письмо, пришел в ярость, и, потребовав подать ему чернила и перо, тут же написал на обратной стороне императорского послания:

Ответ Харуна.

«От Харуна, Повелителя Правоверных — Никифору, псу греческому. Я прочел твое письмо, сын неверующей матери. Ответ ты увидишь своими глазами, [это не болтовня] не придется слушать ушами».

И дела Харуна не разошлись с его словами: он моментально собрал войско и разорил земли византийцев вплоть до Гераклеи, прежде чем император, увязший в борьбе со своими собственными повстанцами, смог что-либо предпринять. Результатом его глупого бахвальства оказался позорный мир и возобновление обязательства выплачивать дань мусульманскому государству.

Неудачи Никифора, 190 г. хиджры, 806 г. от р. Х.

Но вновь и вновь, как только Харун оказывался отвлеченным какими-либо делами, Никифор нарушал заключенный с мусульманами договор; и снова и снова его войска в итоге терпели поражения. В конце концов, халиф, уже на исходе своего царствования, выступил против Византии с войском в сто тридцать пять тысяч человек. Он занял Гераклею и Тиану, и, помимо обычной дани, унизил Никифора до того, что вынудил его дать согласие выплачивать еще и личную подать. Этой данью оказались обложены лично император Византии и каждый из членов царствующего дома. Магометанам вновь удалось завладеть и Кипром. В Сирию было приведено десять тысяч пленников, захваченных на этом острове; и только за одного епископа Кипра пришлось заплатить выкуп в две тысячи золотых монет.

191 г. хиджры.

Однако на следующий год византийцы решились на новое наступление. Им удалось нанести своему противнику серьезные поражения под Марашем и Тарсом, который Харун не смог отбить обратно, поскольку у него в тот момент были связаны руки другими проблемами. В результате всех этих событий — печальный конец всех подобных войн — сильно разгорелась религиозная ненависть. Халиф повелел снести до основания все христианские церкви, находившиеся в приграничных землях. Их населению же, исповедовавшему христианство, пришлось примириться с унижительными отличиями в одежде и при езде в повозках, которые были еще более усилены, а к их соблюдению стали подходить еще жестче.

Африка: противодействие местных племен, 171-181 г. хиджры.

Африка продолжала все больше и больше ускользать из-под контроля Аббасидов. После длительного периода, когда победы чередовались с поражениями, в эту провинцию был отряжен даровитый военачальник Харсама с большой армией. Ему удалось разгромить силы оппозиции; но даже сравнительно небольшого опыта ему вполне хватило, чтобы понять, что враждебность к правительству Аббасидов среди местного населения укоренилась слишком глубоко. Это давало мало надежды на конечный успех. Рассчитывая перебраться в более привлекательные земли на Востоке, Харсама подал в отставку.

Отставка Харсамы.

Дело закончилось тем, что укрепившаяся на севере Африки династия Аглабидов, будучи номинально в подчинении у Багдада, со временем оказалась в своем Кайруане полностью независимой от власти Аббасидов; точно так же, как и Идрисиды на Дальнем Западе у себя в Танжере.

Сирия: межплеменная борьба, 176-177 г. хиджры.

На сто семьдесят шестом году после хиджры уже давно ставшее традиционным соперничество между двумя ветвями переселившихся в Сирию арабов: северной и южной, вылилось в открытую войну, и Дамаск оказался полностью вовлеченным в эти волнения в течение двух лет. Как бы то ни было, халифа мало волновало подобное состояние дел, поскольку оно само собою вело к подрыву власти нелояльных к нему сирийцев. Через десять лет эти партии вновь начали враждовать друг с другом, но на сей раз Харун предпочел вмешаться, чтобы уладить их разногласия.

Мосул, 178-180 г. хиджры.

Некоторое время спустя в арену восстания оказался превращен Мосул. Мятеж продлился два года, пока Харун не решил лично с ним разобраться. Он взял город, сровнял с землей его стены, и, как уже случалось прежде, халифа с трудом удалось уговорить, чтобы он не разрушил весь Мосул до основания.

Восстание хариджитов в Армении и Холване, 177 г. хиджры.

Гораздо более тревожный мятеж произошел в Нисибине под руководством одного из хариджитов, Аль-Велида Ибн Тарифа. После того, как он разорил Армению и Азербайджан, этот Аль-Велид обрушился на Месопотамию, переправился через Тигр и устремился к Холвану. Вся провинция дрожала в страхе перед ним. В конце концов, карателям удалось одолеть его банду, а сам он был убит. Эта кампания вошла в историю благодаря прекрасной элегии о Лейле, оплакивающей гибель своего брата — участника восстания. Чтобы отомстить за погибшего брата, Лейла облачается в доспехи воина и скачет на поле битвы. Но, будучи узнанная одним из военачальников армии халифа, девушка в смущении возвращается обратно. Харуна так обеспокоила близость этого

мятежа к его резиденции, что в благодарность за победу над повстанцами он посвятил этому событию выполнение и малого, и большого паломничества. Халиф, идя пешком, посетил несколько священных мест ислама.¹

Вероломное обращение с князем Хасанидов из Дейлема, 176 г. хиджры.

Говоря о различных возмущениях, происходивших на окраинах исламской империи, следует упомянуть об одном из них, произошедшем на севере государства. Этот случай может послужить яркой характеристикой халифского вероломства. Яхья, еще один брат «Чистого Душой» и «Убиенного под Бахамрою», получил в свои руки земли Дейлема, и обрел там со временем такую власть, что расширил пределы своего царства до границ Каспийского моря. Этот Яхья оказался обладателем блестящего двора, привлекая в свое окружение людей со всех концов света. Харун Ар-Рашид, сразу же почувствовав ревность к его возросшему влиянию, а также и к его особенному происхождению, послал Аль-Фадля Бармеки, бывшего в то время правителем Персии и Джурджана, с большой армией, чтобы противостоять Яхье. Яхья дал себя втянуть в беседу с Аль-Фадлем, безусловно, носившую дружеский характер. В результате переговоров он согласился послать халифу обращение от своего имени. В письме говорилось, что он просит разрешения халифа на личное посещение Багдада на условиях почетного с ним обращения, причем договор о его безопасности должен быть удостоверен не только учеными правоведами, но и представителями дома Хашимидов. Харун Ар-Рашид страшно обрадовался от перспективы избавиться от подобного соперника. Он утвердил соглашение своею собственной рукою, а в надлежащее время принял у себя Яхью с особым почетом, осыпав его поистине царскими дарами. Но вскоре халиф позволил своей зависти взять верх в борьбе с собственной совестью. Верховный казий (кади) оказался достаточно угодлив, чтобы усмотреть в документе какое-то упущение. Правда, другой, в равной степени уважаемый знаток закона заявил, что договор, заключенный на поле, когда за сторонами была безусловная поддержка воинского оружия, является непреложным условием, обязательным для выполнения. Несмотря на это, Харун, опираясь на мнение своего казиза, бросил Яхью в темницу; а когда его сторонники стали взывать к халифу, ссылаясь на торжественно утвержденный обеими сторонами документ, он просто порвал договор на части.

Престолонаследник Амин, 175 г. хиджры,

Сын Харуна от Зубейды, которого халиф предпочел другому сыну постарше из-за благородного происхождения его матери, был объявлен престолонаследником, когда ему исполнилось только лишь пять лет. Ему был присвоен титул «Аль-Амин». Через некоторое время, и другой его сын, Абдалла, тот, что был несколькими месяцами старше, был объявлен следующим после Аль-Амина наследником. Обоим сыновьям Харуна Ар-Рашида исполнилось на тот момент по двенадцати лет.

...и Мамун, 182 г. хиджры.

¹ У Ибн Аль-Асира под сто семьдесят восьмым годом всего лишь упоминается восстание Аль-Велида, iii. 631, 638.

Мальчик постарше, прозванный «Аль-Мамуном»,¹ был отдан под надзор Джафара Бармеки. Уже в юном возрасте Аль-Мамун оказался назначен наместником Хорасана и всех земель от Хамадана и далее на восток.

Харун готовится к паломничеству, 186 г. хиджры 802 г. от р. Х.

Во время своего блестящего паломничества в Мекку халиф сделал каждому из этих своих сыновей, назначенных наследниками престола, подарки, переходящие все границы щедрости, вручив им по миллиону золотых монет. Помимо этого они получили от него документы, засвидетельствованные главными министрами двора. По повелению халифа эти бумаги в ходе торжественной церемонии были вывешены в Каабе. В одной из них говорилось об Аль-Амине, другая же вославляла Аль-Мамуна. самому младшему из своих сыновей, Аль-Касиму, Харун Ар-Рашид отводил всю Месопотамию и пограничные с Византией области власти. Как бы то ни было, вопрос о степени его самостоятельности в управлении этими территориями в будущем халиф предусмотрительно оставил на усмотрение Аль-Мамуна.

189 г. хиджры.

В дополнение ко всему, несколькими годами позднее, во время своего путешествия на Восток Харун Ар-Рашид пожелал (в качестве исключительного условия), чтобы армия, со всеми ее финансовыми ресурсами и со всем вооружением и военным оснащением, оставалась бы в ведении Аль-Мамуна. Он заставил всех принести присягу на верность трем его сыновьям заново: как в Багдаде, так и по всей империи ислама, в соответствии со сделанными им оговорками. Народ удивлялся, как такой мудрый правитель мог забыть уроки прошлого так скоро. Люди повсюду обсуждали дурные предзнаменования, которые, по их мнению, должны были неминуемо нести с собою столь странные меры предосторожности, предпринимаемые халифом на будущее.

Сыновья Харуна.

Не слишком часто наши арабские летописцы пускаются в подобного рода рассуждения, но относительно Харуна Ар-Рашида вполне уместной будет поговорка: «Излишнее самомнение делает человека и слепым, и глухим».

Падение Бармекитов.

Вот мы и подошли к ошеломляющей истории о падении Бармекитов. Генеалогия этого выдающегося семейства прослеживается с момента появления Бармеки в Балхе, и мы встречаемся с представителями этого рода на протяжении нескольких поколений. В конце концов, им суждено было выдвинуться на самые высшие посты в мусульманском государстве. Бармекиты добились наивысшей чести и влияния. Яхья, сын Халида, к этому времени достиг уже весьма преклонного возраста и оставил свой пост, поручив ведение всех дел своим сыновьям, Аль-Фадлю и Джафару. Первый из них добился

¹ Тот, на кого можно положиться, «Доверенный». Аль-Амин же означает «Верный»: прекрасные эпитеты, если бы только они соответствовали действительности.

практически неограниченной власти и заслуженно пользовался любовью и уважением народа. Он по сути дела являлся настоящим повелителем всей исламской империи. Второй, более склонный потакать своим желаниям, служил постоянным спутником Харуна Ар-Рашида во всех его утехах и похождениях в поисках приключений. Однако он в той же мере, что и брат, перенял все способности, столь выделявшие представителей их рода. Ведь именно Джафару было доверено опекать юного Аль-Мамуна, под властью которого оказался весь мусульманский Восток. Достигнув возраста всего лишь в тридцать семь лет, Джафар удостоился поста великого везира, и занимал его в течение семнадцатилетнего периода. Поэты никогда не уставали восхвалять достоинства Бармекитов, а летописцы — восхищаться их добродетелями, щедростью и силой. И вот, неожиданно Джафар предается смерти, и весь род Бармекитов исчезает со сцены. Объяснение этому было дано следующее:

Джафар обещен,

Джафар, как уже говорилось ранее, был верным товарищем халифа во всех его утехах. Харуну Ар-Рашиду всегда доставляло удовольствие видеть свою сестру Аббасу участницею всех своих забав — и на отдыхе, и в веселье. Однако мусульманский этикет не позволял ей открыто присутствовать в его компании. Чтобы обойти возникшее препятствие, сестра Харуна Ар-Рашида была выдана замуж за Джафара: по замыслу халифа, церемония была чистой формальностью, и брак Джафара должен был считаться фиктивным. Но наложенное табу оказалось для Аббасы слишком слабым. Ей удалось тайком выносить ребенка и отослать родившееся дитя в Мекку. Но служанка, повздорившая со своею госпожою, раскрыла ее тайну, и получился громкий скандал. Харун Ар-Рашид, находившийся в тот момент в паломничестве, посчитал слух о своей сестре правдивым.

...и убит, 187 г. хиджры,

Вскоре после этого халиф вернулся в Ар-Ракку и послал евнуха с приказом убить Джафара. Тело убитого переправили в Багдад, где, разрубленное на две половины, оно было насажено на колья по обеим сторонам моста через Тигр. В таком виде обе части трупа и провисели около трех лет, когда Харун, проезжавший через Багдад после своего путешествия на Восток, не велел, наконец, снять и сжечь эти жуткие останки. После убийства Джафара, обоих, его отца и брата, бросили в темницу Ар-Ракки, а по всему магометанскому государству были разосланы приказы о конфискации собственности любого из членов их семейства, где бы она ни находилась.

...конец всего семейства Бармеки.

И Яхья, человек давно уже в годах, сердце которого было разбито горем, и Аль-Фадль, хотя еще и молодой, но совершенно парализованный происшедшим в его жизни шоком, умерли в заключение незадолго до смерти самого Харуна Ар-Рашида. Народ оплакивал их кончину; поэты слагали песни, прославляя Аль-Фадля, а летописцы испещряли страницы своих трудов рассказами о его поистине царской щедрости. Память младшего из Бармеки восхвалялась, подобно памяти одного из наиболее выдающегося

представителя всего человечества. Величие, могущество и популярность их семейства в народе, равно как и та верная служба, которую они сослужили правящей династии, не только в ведении дел государственных, но и в воспитании подраставших наследников престола, лишь усиливали общее впечатление от случившейся трагедии. Скандал разрастался, становясь предметом обсуждения среди все больших слоев населения. Хотя в этом деле были задействованы и иные силы, сам факт насильственной смерти Джафара практически не оставляет никаких оснований для того, чтобы усомниться в правдивости вышеприведенной истории. Сам же Харун Ар-Рашид хранил загадочное молчание. Считается, что, будучи спрошенным об этом деле своей сестрой Олейей, не просто девушкой с неотразимой внешностью, но и получившей прекрасное образование, он ограничил свой ответ лишь следующими словами: «О, жизнь души моей! Если хотя бы и самое сокровенное, нижнее мое белье узнало об этом, я изорвал бы его в куски!»¹

Еще одно убийство.

Но за этим печальным эпизодом последовало еще одно убийство. На сей раз жертвой халифа оказался Ибрахим, верный друг Джафара, который тяжело горевал над его судьбой, позволяя себе, пусть и не на людях, резкие слова относительно постигшей того участи. Халиф, прослышав о его полных горечи упреках, пригласил Ибрахима одного на праздничный прием. Напоив своего гостя, Харун Ар-Рашид притворился, что и сам оплакивает потерю Джафара. Халиф заявил, что охотно пожертвовал бы половиною своего царства, если бы это могло вернуть к жизни его друга. Ибрахим, бывший изрядно навеселе, попался на этот обман и начал изливать душу перед вроде бы раскаявшимся монархом. Ибрахим хвалил Джафара и открыто горевал о его смерти. Кончилось все дело тем, что Харун Ар-Рашид прогнал его прочь, назвав изменником, и вскоре вслед за этим предал Ибрахима смерти.

Персия и Хорасан 180 г. хиджры.

Теперь мы можем с облегчением оборотиться от этих событий к тому, что происходило в то время на окраинах империи ислама. Весь мусульманский Восток быстро

¹ Вайль очень далеко углубился в этот вопрос, и его исследования не оставляют почвы для сомнений в истинности того, что произошло. Весь рассказ просто блестяще подходит для того, чтобы произвести впечатление на людей с восточным складом ума. Например, Ибн Халликан, в присущей ему сплетнической манере, говорит нам, что Аббаса, стремясь скрыть свое неконтролируемое влечение к мужу, уговорила его мать (у которой вошло в привычку отсылать девушку-рабыню каждую пятницу для увеселения своего сына), послать вместо обычной наложницы ее. В итоге, ее тайком подослали к мужу, а Джафар, находившийся под воздействием вина («набиз»), обнаружил обман слишком поздно. Его охватил ужас перед возможными плодами своего деяния. Возможно, это и выдумка, но даже, если и так, она отвечает общепринятым представлениям о случившемся, а все сопутствующие источники, что в стихах, что в прозе, всецело ей соответствуют. Некоторые из летописцев обходят этот вопрос молчанием, либо (как Ибн Халдун) приписывают ненависть халифа иным причинам: мести за бегство его врага-Алида, которому молчаливо потворствовал Джафар; или дошедшей до крайних пределов зависти Харуна к роскошному дворцу Джафара. Другие возможные причины: вход Яхьи в присутствие халифа без его разрешения; приверженность семейства Бармеки к Алидам и т.д. В любом случае, все эти поводы выглядят неадекватными для того, чтобы казнить Джафара и уничтожить весь род Бармекидов. Говорят, что Аббасу с ее ребенком после этого отослали прочь от халифского двора, но все это выглядит сомнительным.

консолидировался, следуя за крепкой тюркской партией, сформировавшейся при дворе Харуна Ар-Рашида. Правда, именно в этот момент на Востоке вспыхнуло серьезное восстание под предводительством хариджитского вождя, разорившего всю Персию и даже такую далекую провинцию, как Герат. Но в конце концов наместнику Али Ибн Исе удалось справиться с повстанцами.

Поездка Харуна в Рей, 189 г. хиджры.

Спустя несколько лет, Харун Ар-Рашид, получивший нехорошие известия о тирании и злоупотреблениях своего восточного наместника, направился вместе с Аль-Мамуном в Ар-Рей. В Ар-Рее он призвал к себе Али, требуя у него ответа на предъявленные обвинения. Впрочем, умному наместнику, благодаря прекрасным дарам, принесенным как самому халифу, так и его двору, удалось сохранить свой пост за собою. Харун Ар-Рашид оставался в Ар-Рее на протяжении четырех месяцев: он с детства любил этот город, бывший местом его рождения. Там халиф лично принимал дань от приезжавших к нему с севера вождей. Они до сих пор сохраняли остатки своей власти, хотя формально и зависели от халифата. Харуну Ар-Рашиду удалось уладить проблемы Табаристана, Дейлема и прочих провинций, лежавших в том направлении. Затем он возвратился в Багдад, к своему двору в Ар-Ракке.

Восстание Рафии в Самарканде, 190 г. хиджры.

Но прошло совсем немного времени, и на Востоке вновь разгорелось опасное восстание. Началось оно странным образом. Одна богатая женщина из Самарканда, оставленная мужем, который уже довольно долго находился в Багдаде, стала подумывать о новом избраннике. Кто-то посоветовал ей избрать наиболее легкий путь для решения проблемы. Желая разрубить сложный узел одним ударом, она согласилась отречься от ислама. Получив свободу, она вышла замуж за своего поклонника, некоего Рафи Ибн Лейса, внука Насра Ибн Сейяра. Прежний ее муж подал на это жалобу халифу, который, посчитав случившееся прямым оскорблением мусульманской религии, не просто приказал Рафи развестись с той женщиной, но велел посадить его на осла и с позором свергнуть в темницу. Как бы то ни было, тому удалось бежать из тюрьмы, и после долгих скитаний по стране он возвратился в Самарканд. Убив наместника, Рафи Ибн Лейс поднял восстание против халифской власти. Али Ибн Иса, получив предупреждение, что этот Рафи может решиться на бросок в сторону Мерва, поспешил покинуть Балх и выступить навстречу восставшим. В ответ, Рафи Ибн Лейс быстро завладел всей страной, лежавшей за Оксом. Но тем временем до ушей халифа вновь дошли слухи о тирании и ненасытности Али. В итоге Харун Ар-Рашид послал на восток Харсаму с двойною целью: заменить Али и усмирить восставших. Харсама только что возвратился из Африки, где руководил войсками от имени халифа. Под рукой у него находились значительные силы. О своем приказе Харсаме возглавить управление на Востоке халиф предпочитал особо не распространяться, держа его в секрете.

Харсама сменяет Али Ибн Ису, 192 г. хиджры.

Появившись в Мерве, Харсама сначала принял Али довольно ласково. Но уже вскоре, предъявив тому свой патент на верховное командование, конфисковал у тирана его огромную собственность, нагрузил все богатство Али на полторы тысячи верблюдов и отослал его алчному халифу. Самого же Али, усадив на верблюда задом наперед, отправили с позором в Ар-Ракку: такова была общая судьба, постигшая в те суровые времена немало правителей.

Война Харсамы против Рафи, 192-195 г. хиджры.

Харсама не стал терять времени даром, и, атаковав банду Рафии, сумел одержать над ней победу. После этого он осадил повстанцев в Самарканде; но окончательно восстание было подавлено лишь спустя несколько лет. А тем временем хариджиты, воспользовавшись волнениями за Оксом, сумели поднять на борьбу с халифом народ на землях, расположенных к югу от этой реки, и стали угрожать восточным провинциям Персии.

На сцену выходит сам Харун, 192 г. хиджры, 808 г. от р. Х.;

Дела приняли настолько угрожающий оборот, что Харун Ар-Рашид решил сам заняться восточной проблемой, и ближе к концу сто девяносто второго года хиджры покинул с этой целью свою резиденцию в Ар-Ракке. Для контроля над Сирией и западными провинциями халифата он оставил Аль-Касима. Сначала халиф направился в Багдад, управление которым доверил Аль-Амину. Он оставил бы дома и Аль-Мамуна; но Аль-Мамун, опасавшийся, что его отец, уже ослабевший от болезни, может умереть в пути, посчитал, что при таком раскладе Аль-Амин сможет при помощи своей матери-царицы запросто отстранить его от управления Востоком. Поэтому Аль-Мамун попросил у Харуна разрешения присоединиться к его армии на марше. После некоторого колебания Харун Ар-Рашид дал свое согласие. Процессия медленно двинулась в путь по холмам и горам Персии. При переходе через горную гряду Харун Ар-Рашид потребовал к себе своего врача. Заботясь о том, чтобы их не увидел кто из посторонних, халиф отозвал доктора под сень большого дерева и развязал большой шелковый платок, опоясывавший его чресла. Взору врача предстали все признаки смертельного заболевания. «Ты уж постарайся, — предупредил его халиф, — держать это дело в секрете; ибо мои сыновья (тут он назвал и их, и их телохранителей) ждут, не дождутся рокового для меня часа. Ты же видишь, на какую клячу вместо доброго коня они меня, больного, посадили — лишь бы ускорить мою кончину». В этих простых словах Харуна Ар-Рашида присутствует определенное очарование. Он, бывший некогда великим монархом, оказался теперь совсем одиноким на всем белом свете, лишенным поддержки даже тех, кто, казалось, был просто обязан сплотиться вокруг близкого человека в трудную минуту его слабости.

...но заболевает в пути, ii 193 г. хиджры, конец 803 г. от р. Х.,

В самом начале следующего года Харуну Ар-Рашиду удалось достичь Джурджана, где ему стало совсем плохо. Халифу пришлось послать с частью своего войска в Мерв Аль-Мамуна. Сам же он, двигаясь очень медленно, добрался до Туса, где, отчаявшись обрести

облегчение, повелел выкопать себе могилу неподалеку от места, где остановился. Перед самой кончиной халифа в плен был захвачен брат Рафии.

...и умирает, vi, 193 г. хиджры, март 809 г. от р. Х.

«Если у меня больше не хватит сил дышать, — заявил Харун Ар-Рашид, — то последними моими словами будут, **прикончите его!**» Несчастливого пленника разорвали на части и прикончили на глазах у умиравшего монарха. Вскоре он и сам испустил дух, и один из его младших сыновей прочитал молитву над телом усопшего.

Харун Ар-Рашид достиг возраста в сорок семь лет, а править ему довелось двадцать три года. Еще в девятнадцатилетнем возрасте он взял себе в жены Зубейду, девушку королевских кровей, которой удалось пережить его более чем на три десятилетия. Всего у Харуна было семь жен, но лишь четверым из них удалось дожить до его кончины. Помимо Аль-Амина, его сына от Зубейды, у халифа было десять сыновей и четырнадцать дочерей, но все они происходили от рабынь-наложниц.

Послы к Харуну от Карла Великого.

Хотя исламские летописи и хранят об этом молчание, Харуну Ар-Рашиду довелось принять у себя посольство от Карла Великого: двух христиан и одного иудея. Послы надеялись облегчить жителям Западной Европы совершение паломничества в Святую Землю, а также постарались добиться благоприятствования торговле. Возвратились они домой, отягощенные богатыми дарами: слонами, редкими украшениями и даже водяными часами, но, увы, без каких-либо существенных результатов. В то же время, самим Харуном Ар-Рашидом было отправлено посольство к китайскому императору, без сомнения, для установления дружеских отношений с наместниками императорских провинций на границах Трансоксианы. Но и об этом посольстве мусульманские источники хранят молчание.¹

Блестящее правление.

Харун Ар-Рашид и его сын Аль-Мамун стоят особняком во всей истории халифата как самые яркие из монархов-Аббасидов. Конечно же, Харуна вполне можно было сравнивать и с самыми лучшими представителями династии Омейядов, если бы не те темные пятна, что неизбежно связывают его имя с вероломной жестокостью. И пятна эти остаются видны на протяжении всего его правления.² Представая перед нами во всем блеске своего двора, халиф, хотя и был щедр поистине по-царски, сумел скопить просто-таки несметные богатства: в его хранилище после смерти обнаружилось девятьсот миллионов. Эти деньги были собраны, в основном, насильственным путем, причем Харун

¹ Китайские летописцы называют халифа «галун».

² Отношение Вайля к Харуну Ар-Рашиду откровенно негативное. Это единственное подобного рода исключение для обычно спокойного и беспристрастного в своих оценках исследователя. Вайль представляет Харуна величайшим тираном во всей истории халифата, хотя тот в действительности был не хуже, чем многие другие, как до него, так и после. Это трагедия, произошедшая с Бармекидами, выдвигает Харуна Ар-Рашида в столь незавидно исключительное положение во всей истории Востока.

Ар-Рашид зачастую не был особенно разборчив в своих средствах. За исключением этих сторон, время его правления было отмечено справедливостью и общим процветанием. Приученный с юности к военным тяготам, Харун Ар-Рашид часто присоединялся к своим войскам в походах. Его многочисленные победы, особенно над византийцами, добавили немало славы правлению Харуна. Ни один из властителей правоверных, ни до него, ни после, не проявлял столько энергии и активности в столь различных сферах деятельности: будь то паломничество, вопросы государственного управления или военные действия. Но, что делает его царствование воистину блестящим временем, это открытие Харуном Ар-Рашидом эры литературы. Его двор стал центром литературного творчества, со всех концов собирался к Харуну Ар-Рашиду весь ученый и искусный люд Востока. И именно при его дворе риторика, поэзия, история и законоведение, равно как и науки, медицина, музыка и искусства, получали самый радушный прием. И все они принесли свои богатые плоды в царствование последующих халифов.¹

Даже если лишить его присущего блеска.

Подобно тому отношению, с каким люди воспринимали библейского царя Соломона, особое очарование восточной романтики, которым отмечены сказки «Тысячи и одной ночи», наделяет всю жизнь Харуна ар-Рашида притягательным светом приключений; но даже если этот свет и тускнеет перед прозаической реальностью истории, в этой личности остается достаточно такого, чем мы можем восхищаться и за что мы можем искренне уважать халифа, чье царствование было неразрывно связано с блеском и великолепием.

¹ Специалисты всех мастей находили себе приют при халифском дворе, но особым расположением Харуна Ар-Рашида пользовались поэты. Например, Мерван Ибн Аби Хафса представил на суд халифа сонет, написанный в его честь, и тут же удостоился награды в пять тысяч золотых монет, почетного одеяния, десятка девушек-гречанок в наложницы, а также одного из личных верховых жеребцов Харуна.

ГЛАВА LXV

АЛЬ-АМИН В БАГДАДЕ; АЛЬ-МАМУН В МЕРВЕ.

193-198 г. хиджры / 808-813 г. от р. Х.

Разрыв Амина с Мамуном, 193 г. хиджры, 809 г. от р. Х.

НЕПРОДУМАННО решив в свое время разделить царство между двумя сыновьями, Харун Ар-Рашид одновременно создал опасный прецедент, не замедливший принести горькие плоды после кончины халифа. У Аль-Амина, которому был оставлен в управление Багдад — самое сердце империи ислама — оказалось определенное преимущество перед Аль-Мамуном. В предвкушении смерти своего отца, он отрядил надежного человека в лагерь под Тус, снабдив его письмами, которые следовало хранить нескрытыми вплоть до смерти Харуна Ар-Рашида. Сразу же после смерти халифа они были пущены в ход. В одном из них Аль-Мамуну, находившемуся в тот момент в Мерве, обещалось, что присяга на верность будет принесена сразу обоим братьям, в соответствии с волей их умершего отца. Но во втором письме, смысл которого был прямо противоположным это воле, мусульманской армии повелевалось немедленно со всем своим вооружением и оснащением вернуться в Багдад. Узнав об этом, Аль-Мамун немедленно послал гонцов из Мерва, протестуя против такого насильственного нарушения определенных ранее условий, на соблюдение которых дали свое согласие все правоверные, принеся торжественную клятву. Но войско ислама уже оказалось на марше: солдаты поспешили откликнуться на призыв Аль-Амина, искренне радуясь, что у них появляется возможность так быстро возвратиться домой. По возвращению армии в Багдад, Аль-Амин ознаменовал свое восхождение на трон правителя, раздав воинам деньги, составлявшие их годовое жалованье. Этот поступок также противоречил воле его отца, поскольку тот объявил все военные вопросы прерогативой Аль-Мамуна.

Мамун правит на Востоке.

Таким образом, отношения между братьями оказались крайне напряженными с самого начала. Аль-Мамун, склоняясь к советам своего мудрого наставника, обращенного в ислам из зороастрийцев, Аль-Фадля Ибн Сахля, постарался выиграть время. Этот его советник, перс по происхождению, лишь недавно перешедший в магометанство, будучи выдвиженцем Бармекидов, как нельзя лучше подходил для того, чтобы обеспечить правлению Аль-Мамуна стабильность и популярность по всему Востоку. Ведь теперь Аль-Мамун был полноправным сувереном восточной части халифата. Он сумел стать вождем, при котором сплотились все классы общества: вокруг Мерва начали расселяться как арабы, сохранявшие при этом верность своим межплеменным различиям, так и тюрки, которым размеры взимаемой дани были уменьшены на четверть.

*Мамун — халиф Востока, его премьер-министр — Ибн Сахль,
196 г. хиджры, 812 г. от р. Х.*

Мать Аль-Мамуна была по происхождению персиянкой, и это кровное родство оказалось для него весьма счастливым, гарантировав популярность среди народов Ирана. «Сын нашей сестры, — говорили персы, — он — один из нас; да к тому же еще и Аббасид». По мере того, как разрыв Аль-Мамуна с братом увеличивался, он принял титул халифа, и сделал Аль-Фадля своим премьер-министром, как по военным делам, так и по общегражданским. Власть Аль-Фадля распространялась от Хамадана до Тибета, и от Каспия до берегов Персидского залива.¹ Между тем, по всему Хорасану был утвержден покой и порядок. Харсаве после долгой осады удалось взять Самарканд, а Рафи, прослышав о благодатном и немстительном характере правления Аль-Мамуна, сдался на милость победителя и получил прощение.

Натянутые отношения Амина и Мамуна.

Аль-Амин же, с другой стороны, оказался слабым сластолюбцем, которым с легкостью управляли его приближенные. Его везиром также стал человек по имени Аль-Фадль: Аль-Фадль Ибн Ар-Раби, который, поскольку служил главным министром у Харуна Ар-Рашида в Тусе, был отчасти виновен в том, что произошло после его смерти. Он втайне очень боялся отмщения Аль-Мамуна, в случае, если тот пришел бы к власти, и поэтому всячески убеждал Аль-Амина объявить престолонаследником своего сына. Он настаивал, чтобы имя сына Аль-Амина звучало в публичных молитвах прежде имени Аль-Мамуна. Аль-Мамун не замедлил ответить тем, что какое-либо упоминание Аль-Амина вообще исчезло из еженедельных богослужений. Более того, он повелел закрыть все дороги, ведущие по направлению к Багдаду.

Амин лишает Мамуна права наследования, 194-195 г. хиджры, 810 г. от р. Х.

В конце концов, Аль-Амин решился сделать роковой шаг, заявив, что отказывает своему брату в наследовании престола, и объявил престолонаследником своего сына. В качестве подтверждения этого своеволия, он послал в Каабу за двумя документами, что его отец торжественно вывесил на стенах святыни, и разорвал их на куски.

Расточительность Амина.

Окруженный толпой евнухов и женщин, он проводил свой досуг в пирушках и мотовстве. Певицы и рабыни-наложницы, прекрасные девушки, собранные со всех концов мусульманской империи и разряженные в драгоценные уборы, составляли основную компанию и самому Аль-Амину, и лихим сотоварищам халифа в его увеселениях. Для своих забав он специально держал на Тигре пять гондол, сделанных в виде льва, слона, орла, змея и коня. Помимо закрытых попоек частного характера, где пьянство халифа не оставалось ни для кого секретом, все его празднования отличались особой пышностью. Для одного из торжеств он приказал украсить парадный зал роскошными коврами, кушетками и разного рода украшениями. Сотня очаровательных певиц сначала пела в унисон с самим халифом, а затем разбивалась на группы по десять девушек, которые, размахивая пальмовыми ветвями, теперь уже попеременно улаждали своим пением

¹ Его прозвали «Зур-Ри'асатейн», «министр двух департаментов (отделов)», то есть, как военного, так и гражданского.

властителя правоверных. Однако во время этого пения непредсказуемая фантазия халифа побудила его посчитать песни девушек за дурное предзнаменование, и Аль-Амин приказал все декорации ободрать, а сам зал разрушить. Подобного рода кутежи, с музыкой, танцами и лившимся рекою вином, являлись особенно оскорбительными для мусульманских чувств; и наш рассказчик (который нечасто позволяет себе такие комментарии) не удерживается от замечания: «Нам не найти ничего доброго, что можно было бы сказать о нем». Тем не менее, Аль-Амин пользовался определенной популярностью в Багдаде — городе, где общие моральные устои были подорваны уже задолго до него из-за укоренившейся среди населения привычки предаваться чувственным наслаждениям. Любили же его частью из-за денежных подачек, которыми Аль-Амин щедро осыпал и войска, и городских жителей, а частью потому, что, если Аль-Мамун опасались за его склонность ко всему персидскому, то Аль-Амин, напротив, являлся представителем «прозападной» ориентации, превалировавшей в столице исламского государства.

*Тахир побеждает военачальников Амина, напав на Ирак,
195 г. хиджры, 811 г. от р. Х.*

Когда Аль-Амин обнаружил, что в Мерве просто-напросто проигнорировали его нечестную игру, он решил привести Аль-Мамун к покорности силой оружия. Но Аль-Амина от начала и до конца преследовало фатальное невезение с выбором военачальников. Первым на место командующего он назначил Али Ибн Ису, которого на Востоке ненавидели за склонность к тирании. Как мы помним, именно по этой причине он был с позором смещен со своего поста Харуном Ар-Рашидом. Аль-Мамун отдал в его распоряжение пятьдесят тысяч воинов, и с этим войском Али Ибн Иса смог дойти до Ар-Рея, не встретив никакого сопротивления. Там его поджидал немногочисленный отряд Тахира, которому Аль-Мамун доверил стеречь западные границы своих владений. Пренебрегая идеей подождать до подхода подкреплений, Тахир сразу же бросил все свои силы в бой. Али был убит в поединке, не сумев отразить удар Тахира, который тот нанес ему левой рукой: Тахир блестяще владел оружием обеими руками. Армия халифа обратилась в бегство.¹ Этого самого Тахира, храброго воина персидского происхождения, мудрого и решительного основателя будущей династии Тахиридов, Аль-Мамун благоразумно решил поставить во главе своих войск, которым было поручено наступать на Багдад. Во время продвижения Тахира к Холвану Аль-Амин последовательно посылал против него все новые армии, но тот разбивал их одну за другой. Харсама, подошедший ему на помощь со значительными подкреплениями из Мерва, был оставлен Тахиром управлять Холваном, а сам Тахир двинулся на Аль-Ахваз и Сузы, чтобы оттуда угрожать самой столице исламской империи.

¹ Его прозвали «Двудесничный». У Тахира недоставало одного глаза, о чем мы поговорим далее. То, что руководство войсками было доверено такому человеку, как Тахир, подчеркивает те изменения, что стремительно происходили в исламском обществе в положении арабских племен относительно ранее покоренных ими народов. Он был правнуком рабыни-персиянки, принадлежавшей одному из вождей-арабов из клана Хоза'а. Став вольноотпущенником, Тахир оставался в зависимости от этого клана. Положение горделивых арабов на социальной лестнице, составлявших прежде доминирующую касту в магометанском обществе, теперь существенно понизилось. Потомок рабыни, находившийся «на постое» у арабского клана, отныне мог возвыситься над самими арабами.

Пагубное поведение Амина.

Аль-Фадль Ибн Ар-Раби пытался пробудить в Аль-Амине здравый смысл, чтобы заставить его трезво взглянуть на кризис, но развращенный монарх, утопавший в разного рода наслаждениях, всегда с готовностью и с большей охотой прислушивался к благоприятным предсказаниям, лившимся из уст окружавших его льстецов. Наиболее сильное впечатление на него производили предзнаменования, нежно доставляемые халифу со стороны наложниц и евнухов. Пребывая в раздражении из-за нескончаемой вереницы поражений, халиф конфисковал имущество Аль-Мамуна, включая и тот миллион монет, что был оставлен его брату их отцом. Кое-кто из придворных даже советовал халифу предать смерти двух сыновей Аль-Мамуна, оставшихся в Багдаде, но у Аль-Амина еще сохранились какие-то остатки совести, чтобы отложить выполнение этой затеи на неопределенный срок.

Восстание в Сирии, конец 195 г. хиджры.

Между тем, новая угроза для Аль-Амина появилась со стороны Сирии. Дамаском и его окрестностями завладел новый претендент на трон халифа. Самозванец заявлял, что ведет свое происхождение сразу от двух домов: и от Али, и от Муавии. Он утверждал, что проливал кровь за халифат, сражаясь на поле под Сиффином. Ему удалось достичь таких успехов, что было уже впору основывать свою собственную правящую династию на землях мусульманского Запада, если бы против него не обратилась стародавняя вражда между племенами Йемена и Модара. На подавление этого восстания были отряжены карательные войска, но поскольку в самой столице продолжалось очевидное безвластие, никакого результата эта экспедиция не имела. Таким образом, на два или три года вся Сирия оказалась погруженной в анархию. Одним из военачальников находившейся в сирийских землях карательной армии халифа был Аль-Хосейн, сын Али Ибн Исы, убитого Тахиром: человек весьма дурного характера, присоединившийся к сирийскому войску из-за своих разногласий с выходцами из Хорасана. Вот этот-то командир и возвратился внезапно со всем своим войском в Багдад.

*Хосейн, командир сирийских войск, смещает Амина,
196 г. хиджры, 812 г. от р. Х.,*

Не успел он появиться в городе, как его призвал к себе Аль-Амин. Поскольку это случилось около полуночи, Аль-Хосейн, на вопрос, что ответить халифу, вызывающе заявил, что он не шут и не музыкант, а потому не имеет обыкновения приходить по ночам, но появится у Аль-Амина утром. Подлинной целью его, как бы то ни было, оставалось низвержение Аль-Амина. С наступлением дня он взбудоражил всех находившихся в городе оппозиционеров, чья единственная надежда на спасение возлагалась на окончательную победу Аль-Мамуна, и все они жили ее предвкушением. После этого Аль-Хосейн пересек реку, разогнал халифских охранников, взял под стражу самого халифа и его мать¹ и поместил их в одном из дворцов. После этого он провозгласил халифом Аль-

¹ Зубейда, покинувшая Ар-Ракку после смерти Аль-Джафара, была встречена Аль-Амином и его ближайшими придворными в Аль-Анбаре, а затем с почетом препровождена в Багдад. Это произошло в сто девяносто третьем году хиджры

Мамуна. Но жители Багдада в глубине души продолжали ненавидеть хорасанцев. Хуже того, у Аль-Хосейна не было достаточно денег, чтобы стяжать себе приверженность толпы, или хотя бы своих солдат. При этом все городские вожди уже предвкушали вступление в Багдад Аль-Мамуна.

...но сам попадает в плен,

Вот так и получилось, что несколько дней спустя жители города ополчились против Аль-Хосейна, захватили его и привели к Аль-Амину. А самого Аль-Амина освободители восстановили на халифском троне. Слабый духом монарх не только даровал Аль-Хосейну прощение, но и назначил его главнокомандующим, велел наступить на Холван против войск Аль-Мамуна. Но не успел Аль-Хосейн перебраться через мост, как сопровождавшая его толпа набросилась на неудачника с улюлюканьем, и он вынужден был бежать.

...и лишается жизни.

В итоге, халиф отдал приказ преследовать беглеца. Его настигли неподалеку от города, схватили и убили. Ибн Ар-Раби, везир халифа, содействовавший Аль-Хосейну во время его мятежа, почел за благо уйти в отставку. Пospешив удалиться от халифского двора, он укрылся в надежном убежище.

Наступление Тахира, 196 г. хиджры, 812 г. от р. Х.

А Тахир между тем упорно продолжал свое наступление. Аль-Амин посылал против него отряд за отрядом; но остановить катившуюся на него с Востока волну нашествия он был не в силах. Провинции, находившиеся к востоку от Тигра, уже поспешили выразить свою покорность Тахиру, послав к нему в Аль-Ахваз своих представителей. Теперь уже вся Аравия, включая оба Святых города, стремилась принести клятву на верность Аль-Мамуну. Правитель Мекки, сам являвшийся представителем семейства Али, принародно осудил беззаконие и святотатство Аль-Амина, разорвавшего освященные его отцом документы, хранившиеся в Каабе. После этого он направился в Мерв, где был благосклонно принят Аль-Мамуном, который всегда оставался приверженцем дома Али. Наместник Мекки возвратился к себе домой от Аль-Мамуна, будучи щедро осыпан подарками. В конце концов, войска Тахира перешли через Тигр под Аль-Медайном и оказались практически в пределах видимости из Багдада. Другой его отряд захватил Васит. Аль-Куфа, не видя иной альтернативы, признала власть Аль-Мамуна; ее примеру последовала вся Месопотамия от Аль-Басры до Мосула. Лишь одна несчастная столица оставалась в руках у Аль-Амина. Он пытался поднять своих приверженцев на борьбу, посулив им щедрые награды. Кроме того, щедро соря деньгами, Аль-Амин надеялся соблазнить своих врагов дезертировать из войска Аль-Мамуна.

Тахир и Харсама у стен Багдад, xii. 196 г. хиджры, август 812 г. от р. Х.

Но все его усилия были напрасны. Еще до окончания года Тахир расположился станом у багдадских ворот Анбар, с явным намерением пустить в ход против непокорного города

метательные орудия. Одновременно с основными силами Тахира, с востока к Багдаду подошла армия Харсамы и обложила ту часть города, что находилась вдоль левого берега реки.

Осада Багдада и страдания его жителей, 197 г. хиджры, 812-813 г. от р. Х.

Эта осада затянулась на целый год, во время которого жителям Багдада пришлось испытать поистине неопишуемые мучения. Борьба длилась так долго не только из-за того, что обороне столицы способствовало ее расположение по обоим берегам Тигра, и обе части города располагали всеми средствами для сообщения друг с другом. Для защиты Багдада оказались крайне полезны и каналы, разрезавшие город на части и служившие дополнительной преградой для осаждавших. Из-за того, что стены тюрем были разбиты, преступники оказались на свободе, и в городе день и ночь продолжались бесчинства. Снаряды из катапульта, расположенных повсюду вдоль опоясывавших Багдад стен, несли в город смерть и разрушение. Но и осаждающим приходилось несладко: потоки греческого огня, извергавшиеся со стен на головы врага, уносили немало жизней и уничтожали осадные орудия. Потери осаждавших были велики. Во время приступов каждая из улиц Багдада надолго превращалась в арену рукопашных схваток. Жители, стойко защищавшие свое жилье, метали в наступавших камни и дротики. Для того, чтобы обеспечить свою собственную безопасность, Тахиру пришлось сравнять с землей целые кварталы непокорного Багдада. Положение осажденных становилось все хуже и хуже, их страшила перспектива остаться совсем без пищи, запасы которой подходили к концу. Их сердца разрывались при виде страданий женщин и детей: по словам поэтов-современников, при виде этих бедствий из глаз защитников города «сочились кровавые слезы». Дворцы, на возведение которых ушли миллионы, лежали в прахе и пепле. Прекрасный город, в который на протяжении пятидесяти лет собирались богатства со всего света, превращался в сплошные руины.

Багдад в бедственном положении.

Город постепенно, квартал за кварталом, переходил в руки Тахира, и командиры Аль-Амина начали перебегать в лагерь противника. Напрасно Аль-Амин опустошал свою казну! Когда она иссякла, халифу пришлось разбивать на куски золотые и серебряные сосуды, чтобы удержать в строю своих защитников. Население Багдада держалось за своего лидера, но те, кому оставалось еще, чем дорожить, потихоньку перебирались на сторону захватчиков. Вот так прошел весь сто девяносто седьмой год хиджры, и к началу следующего года по мусульманскому календарю жители измученной столицы дошли уже до последней черты в своих страданиях и упадке душевных сил. К этому времени Тахир, усиливший свое войско за счет большинства из бывших военачальников Аль-Амина, решился на генеральное наступление.

Штурм города, i. 198 г. хиджры, сентябрь 813 г. от р. Х.

В согласии с его планом, учитывая, что Харсама, находившийся в поле видимости Тахира, слишком долго оставался пассивным на левом берегу Тигра, осаждающие перехватили мосты, соединявшие две части города и перерезали сообщение между ними.

Разъединенные таким образом защитники обеих частей Багдада лишились возможности помогать друг другу и оказались в итоге по отдельности преданы мечу.

Амин укрывается в цитадели.

Аль-Амин, увидев, что его собственный дворец непригоден для обороны, и он не в силах в нем защищаться, поспешил укрыться вместе с матерью и своими детьми в крепкой цитадели, которую Аль-Мансур некогда выстроил для себя на обрывистом берегу Тигра. В то же время, обитатели халифского гарема, толпы евнухов и девушек-служанок, метались тут и там, разбегаясь кто куда в ужасе перед ожидавшею их участью. Цитадель защищали немногочисленные сторонники халифа, оставшиеся верными ему до конца. Все атаки солдат Аль-Мамуна были отбиты благодаря расположенным у ворот оборонительным приспособлениям. Таким образом, в этой крепости, под прикрытием мощных бастioned, Аль-Амину удалось продлить агонию ускользавшей от него жизни на два или три дня.

Вечером на берегу реки.

Дядя Аль-Амина Ибрахим, один из немногих знатных людей, оставшихся еще в окружении халифа, рассказывал потом, что утомленный зноем осенних вечеров Аль-Амин приобрел привычку покидать свой дворец и спускаться к самому берегу реки. Выйдя раз на берег Тигра, Аль-Амин послал за Ибрахимом, прося его прийти. «Я пошел к нему, и, сидя на балконе, наблюдая за быстрым течением реки, Аль-Амин сказал: “Какой бальзам мне на душу этот речной воздух! Как тихи и чисты лунные блики, играющие в воде!”¹ Затем он спросил меня: “Нет ли у тебя чего-нибудь выпить?” Когда нам принесли вина, мы оба выпили; а после я спел ему пару песен из тех, что он особенно любил. Когда я закончил петь, он призвал свою главную певицу и велел, чтобы она спела для него. Она начала с хорошо известной оды, в которой говорилось о своре гончих псов. Пораженный словами песни, он приказал ей петь что-нибудь другое. Тогда она перешла к слезливому сонету о двух влюбленных, пребывающих в разлуке. “Прочь, с глаз моих долой! — вскричал Аль-Амин, — ужели у тебя нет другой песни?” “Но раньше тебе очень нравилась эта песенка!” — возразила ему девушка и начала третью песнь, рассказывавшей о судьбе царств и династий. “Убирайся вон! — закричал халиф, кляня певицу, — И не показывайся мне больше на глаза!” Вконец опешившая девица, спеша убратсья прочь и раствориться в неверном свете луны, споткнулась о бесценный хрустальный кубок, стоявший перед Аль-Амином, и тот разлетелся на куски. “Вот видишь! — вновь воскликнул халиф, — все против меня, и конец мой близок. Но, чу! Ты слышишь этот голос, как будто кто прочел стих из Корана; оттуда, с того берега реки?” Мы прислушались, но то было лишь воображение халифа, нервы которого были напряжены до предела. Все было тихо кругом, и мы возвратились в крепость».

Амин пытается бежать.

¹ То была третья неделя первого месяца сто девяносто восьмого года хиджры, и, как говорит нам Ибрахим, луна по вечерам светила ярко.

Отныне перед Аль-Амином оставались открытыми лишь два пути: или сдаваться, или, воспользовавшись покровом ночной темноты, попытаться пробиться в сторону Сирии. Он склонялся ко второму варианту; поскольку в конюшне халифа еще оставалось достаточно резвых коней, и в распоряжении у него были еще преданные люди, способные послужить Аль-Амину телохранителями.

Амин сдается.

Однако Тахир, прознав о замысле халифа, предупредил тех вождей, что еще склонялись на сторону Аль-Амина, что если те не принудят его сдаться, им самим не избежать заслуженного наказания. Неуверенного в своих силах монарха удалось с легкостью уговорить не рисковать, пытаясь бежать из Багдада, но согласиться на безбедную жизнь в ссылке, сулившую легкость и наслаждения. Впрочем, он решительно отказался предать себя в руки Тахира, которого Аль-Амин жутко боялся из-за его персидского происхождения. Лишь Харсама, пообещавшему быть другом Аль-Амину, рискнул он вернуть свою жизнь. Тахир стал возражать, поскольку такой акт мог означать, что Харсама, а не Тахир является покорителем Багдада. Наконец, договорились, что Аль-Амин сдастся на милость Харсама, но халифский скипетр, печать и почетные одежды перейдут в руки Тахира. После этого Харсама подготовился уже препроводить павшего монарха в свой лагерь, находившийся за рекою. Однако Тахир, опасавшийся что достигнутому компромиссу могут внезапно встретиться какие-нибудь препятствия, расставил своих людей вдоль всей стены городской цитадели. Прослышав об этом, Харсама велел Аль-Амину подождать со своим выходом до следующего дня, чтобы он мог получше обеспечить защиту сдавшемуся халифу. Но злосчастный монарх не мог уж долее оставаться в своем дворце, оказавшись в полном уединении. Брошенный всеми своими приверженцами, халиф не имел даже воды под рукою, дабы утолить наступающую жажду. И он решился немедленно оставить свое прибежище. Прижав к груди двух своих сыновей и отирая быстро наворачивающиеся на глаза слезы рукавом одежды, Аль-Амин направил своего коня вниз, к берегу реки. Там поджидал его Харсама, держа наготове челн для скорейшей переправы. Едва халиф переступил борт лодки, как Харсама бросился ему навстречу, обнимая и целуя руки. Отдав своим людям команду отчаливать побыстрее, Харсама, тем не менее, не сумел опередить дозорных Тахира. Лодка с Аль-Амином не отошла и метра от берега, как ее атаковали воины Тахира, осыпая градом стрел и камней. Утлый челнок моментально пошел ко дну, и Харсаму едва удалось спасти: гребцы успели ухватить тонущего военачальника за волосы.

Его смерть, 24 і. 198 г. хиджры, сентябрь 813 г. от р. Х.

Аль-Амин поплыл, сбросив свои одежды, и сумел выбраться на берег. Нагого, дрожащего от холода, халифа привели в какой-то дом, где на следующую ночь он был убит группой солдат-персов. Впоследствии Тахир повелел выставить его голову на всеобщее обозрение на стене цитадели, а спустя некоторое время отослал вместе со всеми регалиями халифской власти Аль-Мамуну.

Победа, одержанная Аль-Мамуном над его братом, была подобна победе Аббасидов над их противниками-Омейядами: это была победа персов над арабами. Она ознаменовала

собой новый виток в развитии исламского государства, новую волну в том приливе, который начался примерно за два столетия до этого события. И воинам, и жителям Багдада вскоре пришлось горько раскаяться в том, что они недостаточно храбро сражались за дело Аль-Амина: но причина их сетований, по словам нашего историка, заключалась лишь в том канувшем в лету богатстве, которым прежний халиф привык щедро осыпать их головы.

Конец его бесславного правления.

Да, конечно, мало чего хорошего можно сказать об этом человеке. Его во всех отношениях неприглядное и омраченное проблемами царствование продлилось четыре года и восемь месяцев.

ГЛАВА LXVI

АЛЬ-МАМУН

198-218 г. хиджры / 813-833 г. от р. Х.

Фадль убеждает Мамуна оставаться в Мерве, 198 г. хиджры, 813 г. от р. Х.

АЛЬ-МАМУН не имел никакого сходства в моральном отношении со своим распутным братом. Мы нигде не находим упоминаний о его участии в пирушках, подобных тем, что устраивались Аль-Амином. Также Аль-Мамун не был склонен потакать и каким-либо свободным толкованиям в исламском учении. Напротив, он вел жизнь, достойную одобрения, и характер его царствования, за исключением нескольких случаев вопиющей жестокости, можно было бы признать в равной степени не только блестящим, но и справедливым. Его отмечала особая склонность поддаваться чужому влиянию, из-за чего Аль-Мамун, которому больше нравился Восток, невзлюбил Запад и совершил роковую ошибку, оставшись править империей в своем Мерве. Находясь там, он слепо придерживался советов Аль-Фадля, своего искусного везира, и скоро оказался в полной его власти. Аль-Мамун полностью воспринял догмы, насаждавшиеся партией Алидов — те самые догмы, которые не только были ненавистны всем в столице империи ислама, но и таили в себе непосредственную угрозу стабильности собственной власти Аль-Мамуна. Именно отсюда и берут начало все его будущие проблемы, как в отношении Багдада, так и всей магометанской империи.

Тахира вытесняет Хасан, брат Фадля.

Вскоре после того, как Багдад был взят войсками Тахира, против него поднялись воины местного гарнизона вкупе с остальным населением города. Причиной волнений послужило убийство любимого всеми горожанами халифа, а также изгнание Зубейды с двумя ее внуками в Мосул. Но несколько дней спустя возмущение народа, успокоенного щедрыми дарами, утихло, и в городе установился порядок. Тахир оставался во главе всех дел до тех пор, пока Аль-Мамун не прислал в Багдад ему на замену Аль-Хасана Ибн Сахля. Этот человек был назначен в Багдад наместником по настоятельным просьбам его брата, Аль-Фадля. Как оказалось, халиф совершил двойную ошибку: его неудачей следует признать и то, что он оттолкнул от себя Тахира, и то, что такое назначение возбудило неприязнь во всех старейших провинциях халифата, где арабские массы в целом опасались новой волны назначенцев, которые будут преследовать персидские интересы.

Восстание Насра в Малой Азии.

Первым в этом регионе на борьбу поднялся Наср Ибн Шабас, арабский вождь, оставшийся верным памяти предыдущего халифа. Он взял в руки оружие с целью отомстить за падение своего любимца, и его призыву последовали толпы местных арабов. Вскоре повстанцам удалось овладеть территорией от Алеппо до Сумейсата. Покарать бунтовщиков отрядили Тахира, однако тому не по душе пришелся тот оборот, который

начали принимать события. Тахир не спешил выкладываться в боях с восставшими, и после серии неудачных сражений сложил с себя командование. В результате чего, Наср долгие годы властвовал в приграничных землях Малой Азии, а окончательно упавший духом Тахир, в ведении которого оставались Сирия и Месопотамия, проводил свои дни в Ар-Ракке в полнейшей бездеятельности.

Восстание Абу Сарайи в Куфе и Басре, 199 г. хиджры, 814 г. от р. Х.

На следующий год произошло более серьезное восстание, которое возглавил Абу'с-Сарайя. Этот небезызвестный авантюрист, начинавший когда-то свою карьеру простым разбойником, сумел собрать вокруг себя массу последователей, что позволило ему захватить Аль-Куфу, где он провозгласил себя правителем города и наследником Али. Всегда отличавшиеся неблагонадежностью жители этого города, готовые в любой момент выступить в поддержку дома Али, были, подобно прочим арабам, весьма недовольны тем, что халиф столь явно подпал под персидское влияние. Население Аль-Куфы всецело поддержало Абу'с-Сарайю, которому вскоре посчастливилось занять и Аль-Басру, вкуче со значительной частью Аль-Ирака. Карательные отряды, посылавшиеся против него из Багдада, он громил один за другим. Дошло до того, что мятежник начал чеканить свои собственные монеты с именем своего протеже Алида и рассылать представителей этого знатного рода послами и в разные места Аравии, и повсюду.

Он разбит Харсамою и убит, 200 г. хиджры, 815 г. от р. Х.

В конце концов, речь зашла уже о безопасности самого Багдада. Встревоженный наместник велел послать за Харсамою, который, будучи подобно Тахиру недоволен ходом дел в государстве, проводил свою жизнь в уединении. Впрочем, вскоре Харсама оставив свои отшельнические привычки, вновь взял в руки меч и, прогнав Абу'с-Сарайю обратно в Аль-Куфу, осадил его там. Куфанцы, уже изрядно уставшие от беспокойного претендента на халифскую власть, как и от его приверженцев мародеров, лишили его своей моральной поддержки. В итоге Абу'с-Сарайе с восьмьюстами конных приверженцев едва удалось бежать из осажденного города. Харсама преследовал беглеца, и погоня настигла его за Тигром. Взятый в плен мятежник был приведен к вице-халифу Аль-Хасану. Тот велел отправить голову Абу'с-Сарайи Аль-Мамуну, а прочие останки насадить на колья на Багдадском мосту. Вот так внезапно оборвалась головокружительная карьера этого самозванца; но прошло еще немало времени, прежде чем Аль-Басра и вся Аравия успокоились. Поставленные Абу'с-Сарайей правители из рода Алидов натворили много ужасных дел в разных частях полуострова: дошло до того, что один из них получил прозвище «Мясник» («Живодер»), а другой — «Сжигатель» или «Поджигатель».

Паломничество, Зуль-Хиджа, 199 г. хиджры.

В самой Мекке ставленник Абу'с-Сарайи попытался было возглавить паломничество, и вся церемония закончилась полнейшими беспорядками. Золоченые ткани, укрывавшие Каабу, были содраны, все драгоценные драпировки безжалостно ободраны со святыни и

разделены между мятежниками.¹ Более того, в городе утвердился самозванный халиф и правил там некоторое время. Впрочем, он успел вовремя покориться Аль-Мамуну, и ему было даровано прощение.

Харсама направляется в Мерв, 200 г. хиджры,

После подавления этого восстания Харсама возвратился в Нахраван, даже не посетив багдадского вице-халифа. В Нахваране ему пришло повеление халифа принять правление Сирией и всей Аравией. Но военачальник решил сначала направиться в Мерв, чтобы раскрыть повелителю правоверных глаза на критическое положение дел, всячески скрываемое от Аль-Мамуна халифским везиром. Прежде чем вернуться в Багдад, Харсама намеревался предупредить халифа о том, что Запад стремительно ускользает из-под его влияния. Однако же Аль-Фадль, предвосхитивший намерения Харсамы, успел настроить халифа против его верного слуги. Харсама достиг Мерва практически в самом конце года и, опасаясь, что хитрый везир уже начал плести против него интриги, нарочно вступил в город под громкие звуки военной музыки.

*...где его принимает недовольный Мамун,
xi. 200 г. хиджры, июнь 816 г. от р. Х.*

Услышав таким вот образом о его прибытии, оскорбленный халиф приказал незадачливому военачальнику немедленно явиться к нему во дворец. Там на него посыпались обвинения в том, что он недостаточно быстро и эффективно разобрался с восстанием Абу'с-Сарайи. Не успел ошарашенный Харсама открыть рот, чтобы объяснить и предупредить халифа о грозящей опасности, как на него набросились халифские телохранители и, покрывая лицо и все тело прославленного воина жестокими ударами, поволокли его в темницу. Там он вскоре то ли скончался от побоев, то ли (как верили многие) был умерщвлен Аль-Фадлем.

Смерть Харсамы.

Вот так погиб, оказавшись жертвою чудовищной неблагодарности, этот великий воитель, сражавшийся за интересы империи ислама от Африки до Хорасана. А ведь это именно ему Аль-Мамун по большей части был обязан успехом в борьбе со своим вероломным братом.

Волнение в Багдаде, 200 г. хиджры.

Злая участь Харсамы, бывшего популярным на Западе, привела к очередному возмущению народа в Багдаде. Войска поднялись против Аль-Хасана, обвинив его в том, что он служит орудием своему брату Аль-Фадлю, «колдуну-магу и сыну колдуна». После трехдневной борьбы, Аль-Хасан, изгнанный из города, вынужден был искать себе укрытие в Аль-Медаине, откуда он впоследствии удалился в Васит. Отдельные стычки

¹ Аль-Кинди, христианский апологет того периода, говорит нам, что текст Корана самого Османа, хранившийся в Каабе, сгорел в пламени большого пожара, случившегося в то время. — *Apology*, S.P.C.K., стр. 75.

между враждующими сторонами продолжались еще долгие месяцы, но без каких-либо существенных результатов.

Хасан бежит в Васит, начало 201 г. хиджры.

В то же время в самом Багдаде продолжалось безвластие; и несчастный город на какое-то время целиком погрузился во власть разбойничьих шаек. В городе не прекращались грабежи и вспышки всякого рода жестокостей.

В Багдаде восстановлен порядок, х. 201 г. хиджры.

Но, в конце концов, наиболее порядочные представители городского населения смогли объединиться и дать отпор сброду мятежников. Горожане превзошли бандитов числом и сумели отныне удерживать их в узде, выбрав в то же время из своего числа двоих вождей, наиболее уважаемых за свойственную им мудрость и неподкупность для ведения всех неотложных дел. Аль-Мансуру, сыну халифа Аль-Мехди, предложили трон властителя правоверных. Он отказался от такой чести, но согласился править городом от имени Аль-Мамуна. Ближе к исходу того года, вконец утомленные борьбой, багдадские вожди сумели прийти к соглашению с Аль-Хасаном, вице-халифом. Наместник Аль-Мамуна провозгласил всеобщую амнистию, пообещал солдатам выплатить отступные в размере полугодового жалованья, а народу — все денежные пособия, согласно данным, внесенным в государственный реестр. Дела уже начали было налаживаться на этих основаниях, когда город вновь оказался потрясен очередным актом непостижимого безрассудства со стороны Аль-Мамуна.

*Мамун объявляет Али Ар-Риду престолонаследником,
ix. 201 г. хиджры, 817 г. от р. Х.*

Причиной этого возмущения послужило усыновление халифом Али, прозванного «Ар-Ридою» («Особо угодным»¹), восьмого имама шиитов, или партии сторонников Али. Его призвали в Мерв, где Аль-Мамун провозгласил Ар-Риду престолонаследником, несмотря на то, что тот был на двадцать два года старше самого халифа. Нет никаких сомнений, что хитроумный везир убедил своего податливого властелина, что подобное деяние должно будет положить конец отступничеству Алидов на Западе. На более раннем этапе коалиция между домами Али и Аль-Аббаса, вероятно, могла бы привести к общему успеху. Но теперь эта идея превратилась в бесполезное мечтание; к тому моменту обе фракции оказались вовлечены в непримиримую борьбу, и поступок халифа был ничем иным, как самоубийственного рода глупостью. Как бы то ни было, эдикт повелителя был разослан по всей империи магометан, и от всех правоверных потребовали принесения клятвы на верность Али Ар-Риде, как человеку, к которому мог отойти в будущем халифский трон. Для того чтобы привлечь особое внимание публики к состоявшимся переменам, традиционному национальному платью сменили окраску: с черного аббасидского на зеленый шиитский. Ближе к концу того же года Аль-Хасан получил от своего брата повеление огласить халифский указ и выполнить его. Указ прозвучал для жителей Багдада подобно внезапному раскату грома. Жители столицы боялись и

¹ То есть, «выбранный в качестве такового из числа наследников Пророка» — *Ибн Аль-Асир*.

ненавидели шиитов, а оставшиеся при дворе халифа Аббасиды почувствовали себя так, как будто удар был направлен точно в сердце их династии, само существование которой теперь было поставлено на карту.

Багдад бунтует.

Все население города поднялось на борьбу, чтобы сместить ненавистного Аль-Мамуна и избрать вместо него халифом кого-нибудь другого. На сей раз Аль-Мансур не стал противиться поступившему от народа предложению. В итоге, в последнюю пятницу мусульманского года, вместо вознесения обычной молитвы за Аль-Мамуна, как за находящегося у власти самодержца, жители Багдада приветствовали халифом Ибрахима, брата Аль-Мансура. А вскоре ему была принесена клятва на верность.

Ибрахим провозглашен халифом, 1 i. 202 г. хиджры, 20 июля 20, 817 г. от р. Х.

Это был тот самый Ибрахим, что принимал участие в памятной нам сцене на залитом лунным светом берегу Тигра. Он приходился сыном Аль-Мехди от рабыни-африканки; будучи очень способным к музыке, любивший пение и поэзию, он в то же время не обладал достаточной силой воли для той сложной ситуации, в какой теперь очутился. Ему с большим трудом удавалось удерживаться у власти в течение двух лет.

Багдад и весь Ирак в пламени восстания, 202-203 г. хиджры.

Таким образом, Аль-Хасану, вице-халифу Аль-Мамуна, опять пришлось убираться в ставший уже привычным убежищем Васит. Между имперскими войсками и армией очередного узурпатора с новой силой разгорелась борьба. Аль-Хасан, рассчитывавший завладеть Аль-Куфю, жители которой были склонны поддерживать шиитов, назначил туда губернатором брата Али Ар-Риды. Для донельзя капризного характера жителей этого города весьма примечателен тот факт, что они, хотя и с готовностью приветствовавшие его в качестве чисто алидского вождя, не захотели и слышать ничего о том, что он является персидским представителем Аль-Мамуна. В итоге, в Аль-Куфе, как и повсюду, разгорелась борьба. Пока Запад пребывал в этом постоянном смятении, в Мерве произошли очередные перемены, оказавшиеся полной неожиданностью для всех правоверных.

У Мамуна раскрываются глаза, 202 г. хиджры, 817-818 г. от р. Х.

У Аль-Мамуна наконец-то открылись глаза на истинное положение вещей. Первым, кто раскрыл ему правду, как это ни странно, оказался ни кто иной, как сам Али Ар-Рида. С тех пор, как он был усыновлен халифом год тому назад, дела шли все хуже и хуже. В конце концов, он отважился предупредить халифа, что его везир скрывает от него истину; весь народ Аль-Ирака держит Аль-Мамуна то ли за полудурка, то ли за околдованного; и вся империя ислама ускользает из его рук, разрываемая между Ибрахимом и Алидами. Он рассказал, что Аль-Хасан, брат везира, делает все для того, чтобы подорвать власть халифа на Западе, в то время как Тахир — единственный, кто мог бы править кораблем во время шторма твердою рукою — коротает свои дни в сирийском изгнании. Призванная к

Аль-Мамуну группа высших сановников признала обоснованным негодование Ибрахима относительно политики везира, подтвердила приведенные им факты и посоветовала халифу немедленно возвратиться в Багдад, ради спасения и безопасности всей империи ислама. Они добавили, что именно таковым было намерение Харсамы, если бы только повелитель правоверных соблаговолил выслушать своего верного слугу два года тому назад.

Он собирается в Багдад, viii. 202 г. хиджры, февраль 818 г. от р. Х.

Аль-Мамун, убедившийся теперь, что все мятежи являются следствием его собственного слепого следования советам Аль-Фадля, убежденного сторонника учения шиитов, отдал приказ своему двору выступать в направлении столицы. Не успел Аль-Фадль, пылавший гневом на осмелевших доносчиков, появиться в Сарахсе, как его нашли умерщвленным в собственной бане. За поимку убийц была обещана награда; но те заявили, что сотворили свое черное дело по прямому приказу халифа. Как бы то ни было, всех их казнили, а головы отослали Аль-Хасану вместе с письмом, полным соболезнований по поводу гибели его брата. В послании ему было обещано место везира, оказавшееся отныне вакантным. Аль-Мамун и в дальнейшем выказал свою благосклонность к Аль-Хасану, объявив о браке с его дочерью Буран: девочке в то время шел всего десятый год. Впрочем, брачная церемония состоялась лишь через восемь лет. Примерно в это же самое время Аль-Мамун выдал одну из своих собственных дочерей замуж за Ар-Риду, которому исполнилось уже пятьдесят четыре года, а вторую дочь — за сына Али Ар-Риды, чем дал всем ясно понять, что халифский союз с Ар-Ридою весьма прочен. А брату Али Ар-Риды была отведена очень почетная среди мусульман роль предводителя во время ежегодного паломничества.

Смерть Али Ар-Риды, ii. 203 г. хиджры, август 818 г. от р. Х.

Некоторое время спустя произошло еще одно неожиданное событие. Двигаясь потихоньку на запад, Аль-Мамун решил переждать осеннее ненастье в Тусе. Там Али Ар-Рида внезапно заболел, объевшись виноградом, и Аль-Мамуну в итоге пришлось похоронить его рядом с могилой своего отца. Магометанское общество было ошарашено вестью о смерти этого человека, последовавшей столь вскоре вслед за убийством Аль-Фадля. По всей империи поползли слухи, что виноград был специально отравлен Аль-Мамуном. Наш арабский историк (возможно, пытаясь сохранить приличия) говорит, что он не верит этим слухам; и, в общем-то, почести, отданные покойному вкупе с только что упоминавшимися браками, говорят против подобных предположений. С другой стороны, этот Али, как и Аль-Фадль, оставались двумя непреодолимыми препятствиями на пути Аль-Мамуна: с их исчезновением со сцены гордиев узел оказался разрубленным. Также, если в письме к Аль-Хасану халиф лил слезы по причине смерти Али, в то же самое время он писал жителям Багдада, что Али Ар-Рида, против которого они были столь серьезно настроены, умер, и теперь ничто не мешает им вновь стать покорными их законному повелителю. Несмотря на то, что на свое предложение Аль-Мамун получил от граждан Багдада бесцеремонный отказ, все же его дело начало приобретать определенный успех в столице. В то же самое время Ибрахим, по причине своей слабой власти, раздражавшей народ, умудрился оттолкнуть от себя даже немногих оставшихся у него друзей. Его

войска не решились выступить против армии халифа; и Аль-Медайн, где Ибрахим расположил свой двор, попал в руки Аль-Мамуна. В течение последовавших зимних месяцев положение Ибрахима сделалось хуже некуда. Когда командиры Аль-Мамуна приблизились со своими отрядами к стенам столицы, верные Ибрахиму вожди начали один за другим перебегать на сторону халифа, бросая своего покровителя. В конце концов, ближе к концу года, армия Аль-Мамуна овладела Багдадом.

Бегство Ибрахима, xii. 203 г. хиджры, июнь 819 г. от р. Х.

После двух лет, бесславно проведенных на троне правителя, Ибрахим вынужден был скрываться от преследования. В течение целых восьми лет мы не встретим о нем никакого упоминания у мусульманских историографов, но, в конце концов, он попадет в руки стражников, попытавшись бежать за границу. Ему не поможет даже переодевание в женское платье и ночное время, специально выбранное для бегства. Он попытается подкупить стражу, предложив в качестве взятки драгоценный перстень, но тем самым лишь выдаст свое благородное происхождение. Далее мы читаем, как подозрительного мужчину, переодетого в женское платье, доставили ко двору халифа. «Превосходно! — рассмеялся Аль-Мамун, — Ты ли это, Ибрахим?» Задержанный взмолился о пощаде, и она была ему дарована, поскольку в тот момент мысли халифа были заняты предстоящей церемонией заключения брака с Буран, а та не преминула заступиться за Ибрахима. Ибрахим поспешил восславить милосердие халифа в поэме, которая прихлалась властителю правоверных по душе. Когда она была в первый раз зачитана пред ним, Аль-Мамун оказался настолько доволен ее содержанием, что повторил слова Иосифа, сказанные им некогда своим братьям: «Не будет вам упрека сегодня; Бог прощает вас: Он — самый милостивый из милостивых!»¹

Мамун вступает в Багдад, ii. 203 г. хиджры, август 819 г. от р. Х.

Итак, жителей столицы вновь призвали заявить о своей верности халифу, который, тем временем, медленно продвигался вперед. На своем пути к Багдаду Аль-Мамун делал частые остановки, явно желая добиться полного наведения порядка еще до того, как вступить в город. В Джурджане он пробыл целый месяц, в Нахраване простоял неделю, в то время как члены семьи повелителя, военачальники и высокопоставленные чиновники спешили выразить ему свое почтение. В их числе оказался и Тахир, получивший приглашение в Ар-Ракке. Вот так, шаг за шагом продвигаясь вперед, в начале двести четвертого года хиджры Аль-Мамун вступил, наконец, в Багдад. Поскольку халифский указ требовал отдавать предпочтение зеленому цвету, народ поначалу соблюдал это условие его при выборе платья. Аль-Мамун, однако, пригласив к себе всех придворных, заявил, что хотел бы выслушать их пожелания. Услышав от Тахира, что тому хотелось бы восстановить прежнее уважение к черному, халиф милостиво разрешил вернуть былые почести этому цвету. Аль-Мамун установил для своего двора черную одежду в качестве особо почетной. Безусловно, приход к власти Аль-Мамуна после столь продолжительного восстания был в первую очередь отмечен полнейшим отсутствием какого-либо воздаяния. Аль-Фадль Ибн Ар-Раби, скрывавшийся еще со времени смерти Аль-Амина, также как и Иса, везир Ибрахима, пытавшиеся когда-то использовать все

¹ Сура xii. 92.

свое влияние для борьбы с Аль-Мамуном, теперь получили возможность наслаждаться благосклонностью халифа. Общее поведение Аль-Мамуна в этом случае следует признать благородным, его действия были отмечены печатью щедрости и всепрощения.

Тахир становится наместником Востока, 205 г. хиджры, 820 г. от р. Х.

Тахир был назначен градоправителем Багдада, а его сыну Абдалле, высоко отмеченному наряду с самим Тахиром, было поручено заменить отца в Ар-Ракке. Однако, то ли из-за подозрительности к амбициозным планам Тахира, то ли из-за того, что, как говорят, его присутствие напоминало халифу о трагической гибели его брата, Аль-Мамун со временем стал относиться к нему хуже. Тахир, будучи осведомлен об этом, уговорил везира предложить его в качестве халифского наместника на Востоке, где требовалась твердая рука. Однако если допустить мысль о подозрениях халифа к лояльности Тахира, как же мог Аль-Мамун согласиться назначить его на столь важный пост? Это плохо увязывается. Мы читаем, что в пути Тахира сопровождал особый евнух, доверенное лицо Аль-Мамуна, с тайным приказом применить яд, если наместник Востока попытается нарушить данную халифу на верность клятву. После двух лет успешного правления, Тахир, как и опасались при дворе, стал выказывать признаки неподчинения. Во время еженедельной службы он пропустил упоминание халифа, которое следовало делать в привычном для всех правоверных месте общей молитвы. Вместо этого, Тахир вознес к Богу длинное обращение с просьбой о даровании ведения.

Его смерть, 207 г. хиджры, 822 г. от р. Х.

Начальник почты (которому вменялось в обязанность доносить обо всех событиях) немедленно отправил ко двору сообщение о тревожном происшествии. Но уже на следующий день Аль-Мамун, не без волнения ожидавший дальнейшего развития событий, получил сообщение, которое, судя по всему, он вполне предвидел: Тахира обнаружили на его ложе бездыханным. Обстоятельства его наместничества весьма примечательны и таят в себе много неясного, а его столь своевременная для халифа смерть оправдывает подозрения в нечестной игре. Еще более примечателен тот факт, что имя Тахира продолжало оставаться в такой большой чести, что, несмотря на возлагавшееся на него обвинение в нелояльности, пост восточного наместника продолжали занимать люди из числа наследников умершего.

Характер Тахира.

Тахир стяжал себе славу не только в качестве воина и правителя, но и как щедрый покровитель наук и поэзии. Его письмо, адресованное сыну по поводу назначения в Месопотамию, в котором Тахир дает поучения по всем аспектам жизни, как общественным, так и политическим, справедливо почитается за образец, причем не только в эпистолярном жанре, но относительно как общей культуры, так и искусства наставления. Халифу оно очень нравилось как таковое, он даже повелел размножить его текст и разослать копии по всему государству. Тахир, как мы уже упоминали, получил из-за своей способности одинаково хорошо владеть оружием обеими руками прозвище «Зу'ль Йаминейн», «Тот, у кого две десницы». Помимо этого, у него не хватало одного

глаза, из-за чего некий поэт, относившийся к Тахиру враждебно, сказал о нем: «О ты, Двудесничный, глаз у тебя маловато, а вот рук — в избытке». Этот поэт своими стихами намекал на то, что Тахир являлся всего лишь разбойником, которому следовало бы отсечь одну руку.¹

Хорасан под властью семейства Тахиридов.

Поскольку старший из его сыновей, Абдалла, уже был задействован на западных рубежах халифата, Аль-Мамун назначил на смену Тахиру брата Абдаллы Талху. В то же самое время, он отрядил своего везира проследить, чтобы организуемое заново управление оказалось бы эффективным и во всех делах преданным халифу. Получив такое задание, везир переправился через Амударью, после чего с успехом провел ряд боевых операций в Средней Азии. Пред отъездом обратно к халифу сам везир получил от Талхи кошелек с тремя миллионами монет, а его секретарь — с пятьюстами тысяч. Подобного рода расточительность была в моде в то время.

Наср, выходец из рода Алидов, к тому времени все еще бунтовал против Аль-Мамуна на западной границе. Тахир, когда еще находился в Сирии, умышленно не спешил с ним расправляться и действовал против него очень вяло.

Конец восстания Насра, 210 г. хиджры.

Но Абдалла, придя на смену своему отцу, атаковал мятежника с удвоенной энергией, сумев оттеснить его к самым пределам Малой Азии. Там Наср укрылся в неприступной крепости, откуда, спустя пять лет, которые прошли для него в непрерывной осаде, он вышел на волю, согласившись, в конце концов, покориться халифу. Его возвращение в Багдад в качестве лояльного подданного было отмечено большим празднованием. Однако группа злоумышленников, продолжавшая скрываться вместе с Ибрахимом после того, как его сместили, задумала использовать представившуюся возможность для диверсии против Аль-Мамуна. Они расцепили лодки, образовавшие мост, по которому должна была проследовать торжественная процессия с Насром.

Жестокое обращение с восставшими.

Всех их во главе с Ибн Аишою, приходившимся родней правящей династии, схватили и доставили к Аль-Мамуну. Халиф обращался с арестованными с особой жестокостью. Вождя этой группы недовольных он повелел оставить во дворе халифского дворца на три дня на палящем солнце. Затем несчастного били плетью и предали смерти вместе с несколькими из его сотоварищей. Его останки прилюдно насадили на кол, и это был первый случай подобного обращения с членом царской семьи. У халифа могли быть какие-то особые причины для казни этих заговорщиков; но случаи подобной бесчеловечности в целом были для него редки. Примерно в это же самое время и сам Ибрахим был арестован, но, как уже упоминалось, ему было даровано прощение.

¹ Таково наказание, предписанное в Коране за грабеж. Ибн Аль-Асир приводит письмо Тахира с большими подробностями: его изложение занимает одиннадцать страниц в напечатанном издании его труда, vi., стр. 257 и далее.

Брак Мамуна с Буран, ix. 210 г. хиджры, январь 826 г. от р. Х.

В том же самом году хиджры состоялось бракосочетание Буран, достигшей возраста восемнадцати лет, с Аль-Мамуном. Это событие было отпраздновано ее отцом Аль-Хасаном с поистине восточным великолепием. Свадебные торжества проходили в резиденции тестя близ Васита. Все дороги в этом направлении были забиты придворными, одетыми с особой роскошью. Зубейда, как и бабушка невесты, в брачную ночь осыпавший жениха целой грудой прекрасных жемчужин, которых было собрано по его приказу до тысячи штук, завалили Буран подарками. Когда невесту спросили о каком-нибудь особенном желании, она попросила даровать пощаду Ибрахиму, и ее просьба была удовлетворена. Ибрахиму разрешили отправиться в паломничество с Зубейдою. Брачный чертог был освещен свечами из драгоценной амбры, а Зубейда убрала невесту в тогу, изукрашенную бесценными жемчугами. Аль-Мамун провел две недели в этом блестящем окружении, и Аль-Хасан, чтобы подчеркнуть свою благодарность за внимание, оказываемое ему халифом, расточал огромные суммы, осыпая всех подарками.¹ В толпу народа швыряли мускусные шарики, и люди кидались к месту падения, чтобы первыми завладеть ими. В каждом из шаров было спрятано название имения, имя девушки-рабыни, арабского скакуна или какой-нибудь иной приз. Он доставался в руки тому, кому посчастливилось ухватить шарик. Наконец, всем присутствующим были розданы почетные одежды, и таким образом это празднество, сопоставимых которому по великолепию трудно сыскать во всей истории, подошло к концу. Чтобы возместить тестю понесенные им затраты, халиф на целый год предоставил в распоряжение Хасана доходы от нескольких провинций. Вот какие огромные возможности в те дни предоставлялись людям, находившимся во власти. Что же касается Буран, то ей суждено было пережить своего мужа более чем на пятьдесят лет.

Мятеж в Египте, 200-210 г. хиджры,

Египет уже долгое время пребывал сценою волнений, принявших хроническую форму. Ситуация там осложнялась вторжением разного рода авантюристов, прибывавших из Испании. Эти люди быстро нашли общий язык с местными мятежниками, завладели Александрией и в течение нескольких лет удерживали ее. Абдалла, в ведении которого находилась эта провинция, будучи занят в карательных походах против Насра на севере, был не в состоянии отрядить свои войска в этом направлении.

...подавлен, 212 г. хиджры.

Но теперь он атаковал мятежников со всеми своими силами и сумел подавить восстание. Беспокойные любители приключений бежали из Александрии на корабле на Крит, который еще ранее (в двести десятом году хиджры) попал в руки мусульман. Примерно в это же время Сицилия оказалась захваченной войском Аглабидов (хотя окончательное завоевание острова окажется задачей для жизни еще двух поколений). Вслед за тем Аглабиды начнут разорять юг Италии, превращаясь в грозную морскую силу, которой еще долго будет суждено наводить страх на жителей по всем берегам Средиземного моря.

¹ Предание говорит о деньгах, общая сумма которых достигает миллиона стерлингов.

Впрочем, под стенами самого Рима они появятся лишь в августе восьмьсот сорок шестого года от рождества Христова (231-232 г. хиджры). Но над этими западными землями халифат уже не имел практически никакой власти.

Восстание Бабека, 201 г. хиджры, 816 г. от р. Х.

Абдалла, сумев усмирить Египет, теперь решил заняться знаменитым разбойником Бабеком. Этот злодей, слава о котором гремела еще с начала девятого века, на протяжении двадцати лет оставался грозой для всех северных провинций халифата. Он исповедовал странные вероучения, как-то, переселение душ, браки между ближайшими родственниками,¹ и прочие догматы восточной мистики. За ним следовали целые толпы мятежников, что позволяло Бабеку удерживать в своей власти труднодоступные земли в районе Азербайджана. Один за другим он громил посылаемые против него карательные отряды, порою истребляя их полностью в горных ущельях, в которые они неразумно втягивались, пытаясь использовать их для преследования мятежников.

Неудачное нападение, 214 г. хиджры.

Абдалла, кому теперь было поручено разгромить восставших, практически не имел возможности скрестить мечи в Бабеком. Дело в том, что как раз в тот момент случился мятеж в Нисабуре, и Абдаллу спешно отозвали в Хорасан, где впоследствии он и остался в качестве вице-халифа. А поскольку внушительная часть войска мусульман была задействована еще и в борьбе с Византией, Бабек на какое-то время вновь оказался предоставленным самому себе.

«Временное» перемирие между Византийской империей и халифатом сохранялось уже на протяжении шестнадцати лет. Даже восстание под руководством Фомы, противника Михаила-аморейца, оказалось не в состоянии подвигнуть мусульман на вторжение в Малую Азию.

Малая Азия, i. 215 г. хиджры, март 830 г. от р. Х.

Однако, вне всякого сомнения, причиной тому было помазание Фомы на трон, произведенное патриархом сирийской Антиохии: случись Фоме стать новым императором Византии, и он оказался бы вассалом Аль-Мамуна. Причиной же, побудившей Аль-Мамуна, уже в поздние годы своего правления, самолично возглавить мусульманскую армию (чего он никогда ранее не делал) и возобновить войну против византийцев, скорее всего, послужило соглашение греков с Бабеком относительно границ Армении. В общем, какой бы ни был к тому повод, но в начале двести пятнадцатого года хиджры Аль-Мамун выступил из Гарса и начал успешную кампанию против императора Феофила. По пути на театр военных действий к халифу явился Мухаммад, сын Али-Ар-Риды. Аль-Мамун отдал за него замуж свою дочь, с которой тот был обручен еще за тринадцать лет до этого. После свадьбы халиф благодушно разрешил новобрачным удалиться в Медину и поселиться там.

¹ Отсюда их прозвание из персидского языка: «Хуррабийя», или «сластолюбцы». О Бабеке Аль-Кинди говорит, как о биче для всего государства. — *Apology*, стр. 46.

Прочие кампании в Малой Азии, 216-217 г. хиджры.

Вслед за этим прошли еще два года, во время которых мусульмане с успехом дважды совершали свои вторжения на земли Малой Азии. Помимо этого им удалась и экспедиция в Египет, который в очередной раз находился в волнении. Во всех трех кампаниях магометанскими войсками лично руководил Аль-Мамун.

Повеление Мамуна заложить крепость Тьяну.

Уже пребывая на склоне своих лет, Аль-Мамун, который по-прежнему предпочитал не удаляться далеко от Тарса, возвратился в те места из своего последнего похода против Византии. Чтобы лучше контролировать беспокойных соседей, халиф приказал заложить основание для большого военного поселения в Тьяне. Это место, расположенное в семидесяти милях к северу от Тарса, уже послужило лагерем для войска Харуна в восьмьсот шестом году от рождества Христова, но позднее было заброшено. План строительства поселения был разработан лично Аль-Мамуном. Линия крепостных стен, общей протяженностью в три лиги, прерывалась четырьмя воротами, прикрывать каждые из которых должны были мощные бастиионы. Со всех концов империи ислама были созваны искусные строители. Халиф по своему возвращению поставил главным надсмотрщиком над работами своего сына Аль-Аббаса. Этот воинственный пыл, превзошедший даже пыл самого Харуна Ар-Рашида, проявился у Аль-Мамуна сам по себе на склоне лет его жизни, которую, в общем-то, следует признать весьма тихой. Пыл этот служит очень примечательной чертой в отношении тех перемен, что произошли с характером Аль-Мамуна.

Сабии.

Во время прохождения войска Аль-Мамуна через древний город Харран при его третьей и последней кампании против Византии, халиф обратил свое внимание на людей с длинными волосами и в узких одеждах. Это оказались не кто иные, как сирийские язычники, продолжавшие следовать религии своих предков, которой не помешало ни установление христианства, ни появление ислама, пришедшего в те места примерно в восьмьсот тридцатом году от рождества Христова. Теперь им было предложено выбирать между обращением в ислам или смертью от меча; однако эти люди сумели избежать столь сурового выбора, сославшись на то, что они являются сабиями: сектою, признанною в тексте Корана. Вот так, защищенные своим упомянутым в Коране названием, многие из них продолжали следовать привычным для них языческим ритуалам.

Мамун посещает Дамаск.

Во время своих военных походов халиф несколько раз посещал Дамаск, по-царски осыпая своими дарами семейства проживавшей там знати, равно как и сирийских поэтов, не перестававших воспевать ему хвалу. Действительно, щедрость его не знала никаких границ. Однако же, он недолюбливал жителей Сирии: когда Аль-Мамуна попросили относиться к ним с тою же благосклонностью, с какой он относился к персам, халиф не заставил себя ждать с ответными упреками, перечислив все грехи и случаи нелояльности

сирийцев по отношению к его династии. В Большой мечети Дамаска ему показали рескрипт от самого Пророка с его печатью. В знак почтения Аль-Мамун прижал документ к своим глазам и прослезился.

Склонность Мамуна ко всему персидскому, 211 г. хиджры, 826 г. от р. Х.

Собственно говоря, Аль-Мамун никогда не оставлял своего предвзято благожелательного отношения к Персии, родине его матери и супруги. То же верно и касательно его предпочтения, отдававшегося Алидам. Уже под конец его царствования эти черты его характера послужили основанием для проявления весьма оригинального (хотя, бесспорно, очень редкого) смешения свободомыслия и нетерпимости. Безусловно, в определенных ситуациях либеральность Аль-Мамуна оказывалась исключительно широкой. Например, несколько лет тому назад, он отменил запрет, наложенный его предшественниками на почетное упоминание в молитвах имен Муавии или каких-либо «соратников» Пророка из числа Омейядов. Более того, Аль-Мамун провозгласил для христиан свободу обсуждения параллельных заявлений в Евангелии и исламе.¹ Однако то предпочтение, которое халифом постоянно отдавалось всему персидскому, в конце концов, довело его до излишней ревности в отстаивании доктрин либерально ориентированных свободомыслящих мутазилитов.² В то же самое время, халиф окружил себя теологами и богословами, представлявшими самые различные школы и направления. Эти люди в его присутствии вели дискуссии на такие абстрактные темы, как отношение человека к божеству или природа божественности.

Неортодоксальные взгляды на Коран, свобода волеизъявления и т.д., 212 г. хиджры.

В конце концов, Аль-Мамун открыто заявил о своей приверженности некоторым догматам, противоречившим ортодоксальному исламу. Среди постулатов признанного им вероучения оказался принцип свободы воли в отличие от предопределения; далее, Коран, хотя и считался Боговдохновенным, признавался «сотворенным», вместо не оспаривавшегося прежде догмата о его «несотворенности и вечности». Помимо этого, Аль-Мамун объявил, что верит в сверхчеловечность Али, возвышающегося над прочими смертными сразу вслед за Пророком. На этом принципе получила свое обоснование и доктрина «имамата от Бога», то есть, духовного лидерства, которое время от времени возлагается на некоторых представителей семейства Али. Отсюда же проистекает и учение, что «помимо Корана и предания могут быть и иные столь же непогрешимые

¹ Например, возникновение «Апологии» Аль-Кинди могло случиться лишь при мутазилитском дворе, подобном двору Аль-Мамуна.

² То есть, раскольников. Их основными доктринами были следующие: (1) Свободное волеизъявление, в противовес ортодоксальному детерминизму (предопределенности) — добрые дела от Бога, злые дела от людей. Так же, это течение называли «кадарийя», в противоположность «джабрийя». (2) Коран не является несотворенным, иначе существовал бы некий священный Вечный. (3) В День Воскресения Бог не предстанет видимым для глаз смертных. *Сравните* ересь, которую исповедовал Папа Иоанн XXII. (4) Мусульмане, виновные в смертельных грехах, не будут считаться ни мусульманами, ни немусульманами, но в качестве людей, находящихся в переходном состоянии. Похоже, эта религиозная школа выросла внутри ислама спонтанно, а возможно, возникла в результате изучения мусульманами греческой философии либо учения Иоанна Дамаскина.

источники Божественного ведения». Сам по себе Коран истолковывался аллегорически, благодаря чему удавалось с легкостью обходить те трудности, что так донимали более ортодоксальных верующих: например, что следует считать поводом для оскорбления, и что сдерживает рост общества.¹ В последующие годы убеждение Аль-Мамуна в отношении того, что Коран развивался с течением времени, породило у халифа излишнюю решительность, и он стал навязывать свою точку зрения своим подданным весьма болезненным образом, используя для этого разного рода наказания.²

*Нетерпимость и жестокость Мамуна усиливаются,
218 г. хиджры, 833 г. от р. Х.*

Во время своего последнего боевого похода на земли Малой Азии Аль-Мамун послал правителю Багдада указ созвать всех ведущих магометанских богословов и, проверив их взгляды на столь важном для него учении, доложить халифу их ответы. Подобного рода расследование повторялось несколько раз, многие ученые упали духом и признали свои заблуждения. Но некоторые продолжали упорствовать, среди которых оказался и Ахмед Ибн Ханбал (основатель школы Ханбали), которого по приказу халифа доставили в цепях к нему в лагерь. Нам сообщается об угрозах в адрес некоторых ученых, а двое вроде бы даже заплатились жизнью за свое упорство. Два десятка других, также отказавшихся признаться в заблуждениях, были посланы под охрану в Тарс, дожидаться возвращения Аль-Мамуна с войны. К счастью для них, на пути были получены известия о кончине властителя правоверных. Столь жестокая нетерпимость в вопросах веры, присущая этому халифу в последние годы жизни, неизбежно бросает тень на славное, в общем-то, имя Аль-Мамуна.³

Развитие науки и литературы.

Однако его правление, вне всякого сомнения, было славным. Именно в годы царствования Аль-Мамуна наступил расцвет литературы, науки, философии. Сам халиф выказывал явную склонность к поэзии, и однажды просто потряс одного поэта: когда тот

¹ Таким образом, оказывалось нетрудным оправдать, к примеру, употребление вина или «временные браки» («мута»). Что касается второго случая, когда брачный контракт может заключаться на какой-то ограниченный период, этот обычай до сих пор сохраняется среди шиитов. Ортодоксальные же мусульмане его справедливо отвергают. Ну, а в отношении вина, хотя мы нигде не читаем о том, чтобы Аль-Мамун особо пропагандировал его употребление, вино точно разносили в золотых кубках гостям во время бракосочетания халифа с Буран. Вайль упоминает и другие подобные случаи.

² Одним из его аргументов был следующий силлогизм: Бог сотворил всякую вещь; Коран является вещью, творением; следовательно, Коран является сотворенным. Помимо того, существуют отрывки подобные Суре хii. 2 и хi. 2: «Мы ниспослали (или поручили) тебе Коран на арабском языке» и т.д. «Да, — может согласиться противник этой теории, — Коран мог быть ниспослан или поручен людям, но он не был сотворен».

³ Довольно интересно, что в своем тексте, относящемся к более поздним годам царствования ортодоксального мусульманина Мутаваккиля, Ибн Аль-Асир прослеживает в исламских преданиях связь доктрин мутазилитов с иудеем Лабидом, который в свое время сумел сильно повлиять на Мухаммада, убеждая его, что Ветхий Завет является сотворенным. От него распространилось вероучение зиндикитов. Но, скорее всего, учение мутазилитов являлось побочной ветвью буддистских и зороастрийских доктрин, популярных в Индии и Средней Азии, либо же мусульманской разновидностью христианского учения о «Логосе».

взялся продекламировать свое произведение длиною в сотню строф, Аль-Мамун сумел с очевидной легкостью продолжить каждую из произносимых тем строчек. При дворе Аль-Мамуна всячески поощрялись люди науки и культуры, литераторы, поэты, врачи и мыслители. Помимо филологов и грамматистов, век этого халифа оказался благоприятным и для сборщиков преданий, как-то великий Бухари, и для историков, вроде Аль-Вакиди,¹ которому мы обязаны наиболее достоверными трудами по биографии Пророка; и для ученых-правоведов, подобно Эш-Шафии и Ибн Ханбалу.² Более того, иудеи и христиане приветствовались при дворе Аль-Мамуна не только за знание своей собственной культуры, но и за их образованность: как в арабском языке, так и в языке и литературе Греции. Мусульмане тщательно обыскивали монастыри Сирии, Малой Азии и Леванта в поисках греческих рукописей — особый интерес вызывали труды по философии, истории и геометрии. Найденные манускрипты переводились на арабский язык, причем халифские переводчики отличались кропотливостью в работе и прекрасной эрудицией. Таким образом, миру ислама открылся доступ к изучению культуры Запада и накопленных там знаний. Усилия арабов не ограничивались лишь воспроизведением трудов древности; в некоторых направлениях ими велись оригинальные исследования. На равнине Тадмора была воздвигнута обсерватория, обеспечившая мусульманских ученых богатыми материалами для успешного развития астрономии и геометрии. Если говорить о литературе, следует упомянуть книги о путешествиях и истории, но, прежде всего, труды по медицине. Правда, наибольшее внимание уделялось не имеющим практического применения, но весьма популярным в то время отраслям: астрологии и алхимии. Это благодаря трудам ученых людей ислама народы Европы, погруженные в те времена во мрак Средневековья, вновь получили доступ к своему собственному, но давно забытому родовому наследию: греческой науке и философии.

Правление Мамуна: блестящее и справедливое;

Аль-Мамун вне всякого сомнения в целом являлся правителем мягким и справедливым. Его повторяющиеся перемены во взглядах и чувствах, как в политике, так и в религии, частично объясняются его приверженностью ко всему персидскому, ведь он вырос в иранской культуре. А частично они находят себе объяснение в его склонности к

¹ Мухаммад Ибн Омар умер в двести седьмом году хиджры, и его секретарь, создавший со слов своего хозяина его знаменитое жизнеописание, оказался одним из тех, кто, как упоминалось выше, вынужден был предстать перед исламской «инквизицией» с целью ответа на вопросы относительно Корана. [Биография Ибн Исхака была написана раньше, чем жизнеописание Аль-Вакиди, и, согласно всеобщему убеждению, является более достоверной].

² Это основатели двух из четырех основных школ правоведения. Двумя другими были Абу Ханифа (умер в 150 г. хиджры) и Малик (умер в 178 г.). Школа Абу Ханифы оказалась наиболее популярной в Турецкой империи, а маликитская — в Северной Африке, за исключением Нижнего Египта; в то время, как учение Ибн Ханбалы сохранилось в Центральной Аравии среди ваххабитов. Школа Эш-Шафии преобладает в Египте, Южной Индии и в прочих странах ислама. Пятое направление в мусульманском правоведении, школа ибадитов, принятая на практике в Омани и в районе Мзаб в Сахаре, является самым старейшим из всех. Ну а персы, разумеется, остаются шиитами. Существенных различий между четырьмя основными школами не существует, скорее, у них чисто ритуальные расхождения. Например, ханифиты учат людей произносить «аминь» мягко и запрещают поднимать руки к ушам в знак восхищения. Также они запрещают возносить молитвы с раздвинутыми ногами и скреживая или складывая руки на груди. Наши подданные в Индии весьма изощрены в этих практических моментах. Смотрите заседание Тайного Совета, отраженное в «Таймс» от 23 февраля 1891 года. (*The Times*, February 23, 1891).

избеганию всякого рода борьбы, из-за чего он становился слишком зависимым от чьего-либо личного влияния, как это произошло в случае с Аль-Фадлем. Аль-Мамуна нельзя оправдать за его насильственные действия по причине капризного настроения, ведь некоторые из его поступков были столь же жестоки, как и злодеяния, весьма омрачившие память его предшественников. Я никак не могу пройти мимо одного из таких случаев поистине исключительной бесчеловечности. Абу Дулаф, храбрый и благородный араб, занимал главенствующее положение в провинции Хамадан, где его семейство пользовалось заслуженным уважением. Встав на сторону Аль-Амина, Абу Дулаф после его падения отказался склонить свою голову пред Аль-Мамуном и предпочел удалиться в свое персидское имение.

...невзирая на определенные его капризы и жестокость.

Некий слепой поэт написал прекрасный, хотя и несколько экстравагантный панегирик, в котором восхвалял своего друга как первого среди арабов. Стихотворение настолько разозлило Аль-Мамуна, который ошибочно посчитал его осуждением для него самого, что он повелел предать несчастного поэта жестокой казни. Вскоре после этого Абу Дулаф сдался на милость халифа, и был принят с подобающими ему почестями, что, однако, не может в наших глазах служить оправданием бессердечной расправе Аль-Мамуна над слепым поэтом.¹ В остальном, даже если сбросить со счетов весьма темные дела, связанные со смертью Аль-Фадля или Али Ар-Риды, нам никуда не деться от жестокого обращения с Ибн Аишою, так же, как не закрыть глаза на печальную судьбу Харсамы и Тахира, а ведь обоим этим людям Аль-Мамун был многим обязан. И, наконец, нужно помнить о его злобной нетерпимости к жертвам варварской инквизиции. Однако если учитывать долготу его правления и его подлинно милосердное отношение к мятежникам Багдада, общий баланс добрых и злых деяний склоняется в пользу вердикта об Аль-Мамуне, как о халифе, в целом снисходительном и придерживающемся умеренных взглядов. И, безусловно, его царствование было одним из наиболее блестящих за всю историю ислама.

Смерть Мамуна, vii. 218 г. хиджры, август, 833 г. от р. Х.

¹ Со слов внучатого племянника халифа, передающего нам эту историю, особенно обидела Аль-Мамуна в этом стихотворении строка о том, что «каждый араб, чье имя занесено на скрижали славы, должно быть, позаимствовал свою благородство от Абу Дулафа». Именно эти слова Аль-Мамун воспринял как личное оскорбление. Слепой поэт попытался извиниться за обидно прозвучавшую строчку, говоря, что, конечно же, он ставит халифа выше каких-либо сравнений. На что Аль-Мамун ответил, что он велит казнить его не за эту строку, но за другую, в которой тот приписывает смертному человеку то, что присуще лишь Самому Создателю. В итоге, поэту вырезали язык, и он умер ужасною смертью. Рассказчиком является сын Аль-Мутаваккиля, бывшего противником политики Аль-Мамуна. Вайль придерживается мнения, что вся эта история является хорошо основанным «историческим фактом», но в анналах того времени она не получила никакого отражения. Любой читатель вправе посчитать ее, по крайней мере, весьма сильно преувеличенной.

Также я обязан упомянуть, что в записях арабского историка, относящихся к двухсотому году хиджры, то есть, когда Аль-Мамун еще находился у себя в Мерве, я прочел следующее: «В этом году Аль-Мамун умертвил Яхью, из-за того, что тот назвал его, “О ты, халиф неверующих!”» Больше никаких пояснений не дается.

Аль-Мамун достиг возраста сорока восьми лет, когда внезапная смерть настигла его близ Тарса. В жаркий осенний день он сидел со своим братом Абу Исхаком на берегу горного потока. Оба они опустили свои ноги в прохладу чистой воды, бегущей с киликийских вершин. «Пойдем, — предложил халиф другому своему спутнику, который передает нам эту историю, — посмотрим, насколько освежат наши члены эти прозрачные волны! Все, что нам нужно сейчас для полного счастья, так это блюдо фиников». Внезапно им послышался звук идущего мула, тяжело нагруженного этими плодами. Они тут же приобрели две полные корзины отборных фиников, только что собранных с дерева. Спеша наестся свежими плодами до отвала, люди запивали финики чудесной на вкус ледяной водой из потока. Лишь только они поднялись на ноги, как все трое почувствовали внезапно наступивший жар. Эта лихорадка оказалась для Аль-Мамуна смертельной. Жар рос стремительно; чувствуя, что конец его близок, халиф повелел подготовить указ для всех провинций, в котором провозгласил престолонаследником своего брата Абу Исхака, даровав ему титул «Аль-Мутасим».¹ Вслед за этим Аль-Мамун отдал распоряжения относительно своих собственных похорон и погребения, особо предупредив, чтобы никто не посмел оплакивать его во время траурной церемонии. Позвав своего брата, он дал ему последние наставления, специально подчеркивая значение набожной жизни и справедливого управления. Он просил Абу Исхака уделить особое внимание укреплению того правильного учения относительно происхождения Корана и прочих доктрин ислама, которого придерживался сам Аль-Мамун. Приказав ему не задерживаться с возвращением в Аль-Ирак, Аль-Мамун оставил брату плохое наследие по причине своей приверженности к охране, набранной исключительно из числа тюрков. Вот так окончил свои дни Аль-Мамун. Он был похоронен в Тарсе, после царствования на халифском троне в продолжение двадцати лет. Добавим к ним еще пять, в течение которых он являлся правителем исламского Востока.

¹ «Тот, кто находит себе убежище во Всемогущем».

ГЛАВА LXVII

АЛЬ-МУТАСИМ И АЛЬ-ВАСИК.

218-232 г. хиджры / 833-847 г. от р. Х.

Мутасим, 218 г. хиджры, 833 г. от р. Х.

ВОИНЫ поначалу отказывались давать присягу Аль-Мутасиму, предпочитая скорее — вследствие своей все возрастающей наглости — видеть во главе империи Аль-Аббаса, сына прежнего халифа; но тот, вызванный из Тианы (Тьяны), без промедления поклялся на верность своему дяде, и армии пришлось последовать его примеру. Лагерь в Тиане был оставлен, возводимые при Аль-Мамуне стены разрушены, и все, что нельзя было унести, предано огню. После этого Аль-Мутасим возвратился в Багдад.

Рьяный приверженец ереси Мамуна.

Годы правления Аль-Мутасима, вслед за царствованием его брата, даже, пожалуй, еще в большей степени, были отмечены двумя следующими слабостями халифа: нетерпимостью к выделявшимся своим умом людям и предпочтением воинам тюркского происхождения. Свобода выражения своего мнения, в таких масштабах, о коих до Аль-Мамуна и мечтать не приходилось, была сохранена и при Аль-Мутасиме, за исключением всего, что касалось новых догм среди придворных. Наука и философия процветали благодаря таким выдающимся ученым, как Аль-Кинди, «мыслитель арабов», чьи идеи, как оригинальные, так и заимствованные у греков, завоевали признательность в Европе. Однако не допускались никакие расхождения с принципами веры мутазилитов: им беспрекословно должен был следовать каждый из правоверных. Две догмы были особенно дороги халифу, а именно, что Коран не является вечным, и то, что даже освобожденным от телесной оболочки оком в грядущей жизни нельзя будет увидеть Божество. Самым тяжелым наказанием и мучением, вплоть до смерти, подвергались те, кто осмеливался не соглашаться с убеждениями Аль-Мутасима. Жители Багдада были сильно встревожены столь неукоснительным стремлением халифа и его богословов искоренить всякое инакомыслие в вопросах веры. Знаменитый Ибн Ханбал вновь подвергся тюремному заточению. Оказавшись стойким в своих убеждениях, исламский законник подвергся безжалостному бичеванию, после чего его обезображенное шрамами бесчувственное тело было обратно брошено в темницу.

Но еще большая опасность угрожала городу со стороны солдат тюркского происхождения, толпы которых, увеличивающиеся с каждым днем, размещались в Багдаде и его окрестностях.

Возрастающая бесцеремонность тюркской солдатни в Багдаде,

Изначально замысел в использовании солдат-тюрков состоял в том, чтобы за их счет несколько уравновесить влияние воинов из Хорасана, благодаря которым Аббасидам

удалось завладеть халифатом. Тысячи «мамлюков»¹ ежегодно доставлялись в район Багдада с северо-востока. Некоторые из них становились телохранителями, остальные пополняли армию; поскольку многие из тюрков обладали воинскими талантами и внушительным видом, они быстро завоевывали благосклонность халифа и стремительно продвигались на командные посты. Таким образом, арабские воины, как командиры, так и рядовой состав, были с течением времени вытеснены из армии. Возвращаясь в свои пустыни, вместо того, чтобы служить, как прежде, опорой халифата, они превращались в постоянных возбудителей всяческих беспорядков и мятежей. Обратная сторона этой новой системы — зло, достигшее своего апогея впоследствии в династии мамлюков, проклятии Египта — ограничивалось до настоящего момента столицей и загородными лагерями, окружавшими Багдад. Одичалые лошади тюркских воинов беспрепятственно носились по улицам города. Тюрки их не взнуздывали, подвергая постоянной опасности женщин и детей; в результате чего возникали многочисленные потасовки и убийства. Однажды, когда халиф со своей свитой совершал верховую прогулку по городу, один из шейхов осмелился обратиться к нему по простой арабской привычке: «О, Абу Исхак!» Охранники набросились на человека, показавшегося им всего лишь нежеланным препятствием, но Аль-Мутасим остановил своих слуг и дал тому высказаться. «Орды иноземцев, — пожаловался шейх, — понаехали сюда, поселившись среди нас, и от их наглости и грабежей нам нет никакого спасения». С тех пор Аль-Мутасим больше не совершал верховых прогулок по Багдаду.

...приводит к основанию Самарры.

Этот инцидент послужил основанием для строительства в восьмьсот тридцать шестом году Самарры, со всеми ее дворцами и имперскими казармами, примерно в шестидесяти милях выше по Тигру. Туда халиф удалился со своими тюркскими войсками, и Самарра почти на полстолетия и на время царствования семи последующих халифов превратилась в столицу империи ислама (836-894 г. от р. Х.). Жители Багдада вздохнули с облегчением, но сам халиф более чем когда-либо подпал под власть своих иноземных рекрутов.²

Мир с императором Византии, 218 г. хиджры, 833 г. от р. Х.

Мусульманские армии были задействованы во многих районах, и вскоре после своего воцарения Аль-Мутасим заключил мир с греками и произвел обмен пленниками.³

Вторжение Зоттских мятежников, 219-220 г. хиджры.

¹ Пассивное причастие от глагола «малака», «владеть»: это слово означало купленных рабов, в основном из Туркестана.

² Аль-Мутасим изменил арамейское название «Самара» на «Сурра-манра'а», означающее «Кто бы ни увидел ее, возрадуется», или «Очарование очей» — из-за живописных окрестностей. Однако любители пошутить переименовали название по-своему: «Кто бы ни увидел ее с тюрками, живущими здесь, возрадуется в Багдаде, что он от них избавлен». Харун начал строить это поселение, когда впервые покинул Багдад. Но когда он удалился оттуда в Ар-Ракку и обосновался на новом месте, старое оказалось в запустении, пока Аль-Мутасим не начал отстраивать его заново.

³ Посольство, направленное в Багдад, упоминается византийскими авторами, во главе с Иоанном Грамматиком; однако арабские летописцы об этом событии умалчивают. Смотрите Bury, *Eastern Roman Empire*, стр. 256 и далее по тексту.

Наряду с этими весьма серьезными угрозами, существовала еще одна опасность, происходившая от довольно странного племени индийцев, называвшегося «Зотт», которое заняло болота нижней Месопотамии, обложило пошлиной все проходящие суда, и, в конце концов, вообще перерезало пути снабжения Багдада.

Эти мятежники были разбиты и обращены в бегство арабским военачальником Оджейфом, который доставил несколько тысяч из них на лодках в Багдад, откуда они были высланы в Малую Азию. Бытует такое мнение, что впоследствии их потомки распространились по Европе как цыгане.¹ Претендент на халифский трон от Алидов также доставлял правительству некоторое беспокойство в Хорасане, но это волнение было подавлено Абдаллою Ибн Тахиром, являвшимся в то время практически независимым правителем тех земель.

Поражение и бегство Бабека, 218 г. хиджры.

Еще одним продолжавшим доставлять наибольшее беспокойство Багдаду мятежником был знаменитый Бабек, который долгое время удерживал власть в Азербайджане, и пользовался там поддержкой из Армении и Греции. Теперь он двинул орды своих разбойников на юг, и ужас объял жителей той страны вплоть до Хамадана. Громадные толпы народа в северной Персии, признавая веру этого злодея, становились под его знамена. В конце концов, отряды Бабека были атакованы карателями, понесли большие потери, после чего преследователи заставили их спастись на византийской территории. Против самого главаря этих разбойников, нашедшего себе пристанище в неприступных укрытиях, расположенных в горных отрогах по направлению к Каспийскому морю, халиф послал Афшина, одного из талантливейших тюркских военачальников, с большой и хорошо оснащенной армией. Все твердыни Бабека были взяты одна за другой, но произошло это лишь спустя два года упорной борьбы за Ардебилем. И здесь не обошлось без измен, случаи которых становились слишком частыми среди полководцев тюркского происхождения.

Взят в плен, 222 г. хиджры, 837 г. от р. Х.,

Самому Бабеку удалось бежать в Армению, где он был взят в плен и передан Афшину армянским князем, у которого искал убежища. Тысячи пленников-мусульман, женщин и детей, были освобождены и возвращены в лоно своих семей. Афшин овладел несметными сокровищами, накопленными Бабеком за все эти годы, и щедро вознаградил своих военачальников. Затем он отправился в Самарру, прихватив с собою знаменитого разбойника и его брата. Так завершилась продолжительная карьера этого бандитского царька, который к тому моменту уже на протяжении двух десятилетий безраздельно правил Азербайджаном. Нескончаемый список содеянных Бабеком беззаконий, разбитых армий и побежденных магометанских полководцев вселял ужас в сердца целого поколения людей.² Его поимка послужила поводом для монарших рукоплесканий

¹ Их история неясна. De Goeje: Mémoires sur les migrations des Ziganes a travers l'Asie.

² Говорят, что Бабек разгромил за эти двадцать лет шесть прославленных военачальников, убил двести пятьдесят пять тысяч человек, взял в плен три тысячи триста мужчин и семь тысяч шестьсот женщин. Сравнивая это с опустошениями, причиненными войсками

доблестному походу Афшина. По мере его приближения к Самарре халиф ежедневно посылал ему новое почетное платье с роскошными подарками; и когда кортеж подошел ко дворцу, Аль-Мутассим торжественно вышел навстречу Афшину вместе со своим сыном и всем царственным семейством, оказав победителю все возможные почести. Бабек содержался под стражею, и Аль-Мутассим лично в сопровождении главного кади посетил его. Халиф пришел в темницу инкогнито, специально полюбоваться на «шайтана из Хорасана», как мусульмане называли знаменитого бандита, который затем был проведен по всему городу для всенародного обозрения.

...и подвергнут жестокой казни.

Вернувшись к себе во дворец, халиф в окружении своих военачальников приказал собственному палачу Бабека наброситься на своего бывшего хозяина, отсечь его конечности, а затем вонзить клинок в еще агонизирующее тело. Голову отослали напоказ народу Хорасана, дабы провезти по всем тамошним городам, тело же насадили на кол вблизи халифского дворца. Брата Бабека постигла та же участь, только его останкам предстояло занимать взоры горожан Багдада, и его тело было повешено там на берегу реки.

Война с императором Византии, iv. 223 г. хиджры, март 838 г. от р. Х.

Император Феофил, используя в своих интересах то, что мусульманская армия оставалась связанною борьбой с Бабеком, цели которого отвечали греческим замыслам, разорял тем временем юг Малой Азии, неся огонь и меч, сея смерть и разрушение даже в глубине сирийских земель. Горький упрек одной из знатных пленниц-хашимиток: «**Позор Аль-Мутасиму!**» дошел до слуха халифа. «Я готов!» — воскликнул он, задетый за живое, как будто слыша ее голос; и тотчас велел начать приготовления к войне в самом грандиозном масштабе. И вот, весной двести тридцать третьего года хиджры, войско халифа двинулось на Сирию. Дойдя до Тарса, Аль-Мутасим привел свою армию в боевой порядок, разделив ее на три части. Командирами у него были, в основном, воины из числа тюрков. Халиф решительно выступил против императора, определив главной целью своего наступления город Аммурию (Аморион) — место зарождения имперской династии, который находился в самом сердце Малой Азии.

Осада Амориона.

Проиграв решающее сражение, Феофил оставил город на произвол судьбы. После пятидесяти пяти дней осады, перебежчик показал незащищенное место, против которого магометанами были расположены катапульты. Уже должен был начаться решающий штурм городских стен, когда греческий военачальник по имени Венду¹ выехал из

Мухаммада, Аль-Кинди спрашивает защитника Пророка: «Так скажите же мне, в чем разница между Пророком и Бабеком Хуррами, чье восстание причинило столько горя нашему господину-властителю правоверных и человечеству в целом?» — *Apology*, стр. 46.

¹ Арабы считают, что его имя означало «бык». Правильность написания или произношения сомнительна, табл. iii. 1251. Описание этой кампании вы можете найти у Bury, *Eastern Roman Empire*, стр. 263 и далее по тексту.

крепости и сообщил о своей согласии сдаться, если мусульманами будут предложены приемлемые условия. Он был принят с благосклонностью, и гарнизон, полагаясь на переговоры, удерживался от каких-либо действий. Но пока шла беседа, вероломный халиф дал сигнал к началу нового приступа. Венду, спокойно ехавший на коне бок о бок с халифом, увидел в отчаянии, что его перехитрили. Увы, было уже слишком поздно. Город был, таким образом, без труда захвачен, а его населению пришлось испытать на себе самые крайние жестокости военного времени.

Город сожжен и разрушен.

Множество людей, нашедших убежище в кафедральном соборе, оказалось охвачено пламенем, поскольку мусульмане подожгли здание. В итоге, все, запертые в этом строении, погибли в огне. Знатные семейства были отделены особо для богатого выкупа со всем их имуществом, которое имело ценность и могло быть взято с собою; все прочие жители города были распроданы с аукциона. Все, что осталось, было предано огню, и на месте Амориона возникла абсолютная пустошь. Некоторые из наиболее благородных пленников, которые не пожелали отречься от своей веры, были казнены. Это было последним великим мученичеством византийской церкви. Феофил попытался наносить мусульманам ответные удары с моря, но в восьмьсот сорок первом году было заключено перемирие. Халиф начал было подумывать о восстановлении исламского флота, который находился во времена Аббасидов в небрежении, но его армаде суждено было потерпеть крушение.

Заговор против халифа.

Радость Аль-Мутасима, однако, была омрачена покушением, которое едва не привело его царствование к преждевременному концу. Оджейф, арабский вождь, отличившийся в кампании против племени Зотт, и стоявший теперь во главе основного отряда мусульманских войск, воюющих с императором Византии, воспылал ревностью к почестям, расточаемым халифом на командиров тюркского происхождения. Его очень задевало их заносчивость и пренебрежительное отношение к нему и его товарищам-арабам. Придя в раздражение из-за такого положения вещей, он стал плести заговор против Аль-Мутасима. Ему удалось убедить Аль-Аббаса вспомнить о своих претензиях на трон, от которого тот поначалу отказывался. Выступление, идею которого поддержали другие арабские лидеры, и даже некоторые тюрки, было отложено до того момента, когда должен будет пасть Аморион. Заговорщики условились, что раздел трофеев станет сигналом к убийству халифа и двух его тюркских фаворитов, Афшина и Ашнаса. Но попытка захватить добычу и в суматохе осуществить свой предательский план была предотвращена Аль-Мутасимом, который смело бросился на грабителей с мечом в руке и разогнал их. Замыслы заговорщиков преждевременно вышли наружу благодаря подслушанной беседе нескольких сообщников, напившихся вина. Халиф не верил в существование такого обширного заговора до тех пор, пока сам Аль-Аббас, находясь в сильном подпитии, не признался ему во всем.

Барварская расправа с заговорщиками.

Аль-Аббас был предан в руки Афшина, который, не давая ему воды, таким образом, уморил своего узника жаждою. Такая же злая участь постигла и Оджейфа. Для еще одного из заговорщиков, доставленного в Сирию, был вырыт колодец, в который и был сброшен арестованный. Яма была постепенно заполнена водой, в то время как страдалец еще оставался живым. Вот так, подвергнутые изощренным мучениям и пыткам, все заговорщики были преданы смерти.

Тюрки приходят на смену военачальникам-арабам.

Заговор имел еще одно пагубное последствие, в результате которого халиф оказался полностью в руках своих тюркских военачальников, постепенно сместив со всех верховных постов полководцев арабской или персидской крови. Сами тюрки не слишком то много выказывали любви и лояльности по отношению к халифу; присущие им зависть и ненависть, жадность и жажда власти давно превратили Восток в арену для интриг, предательств и насилия, там ни во что не ставились ни жизнь, ни закон, к которому они не имели изначального уважения. И больше всего от этого страдали сами халифы, которые во все время, пока двор оставался в Самарре, были жалкими марионетками в руках своих тюркских командиров или становились беспомощными жертвами произвола озверелой военщины. Примерно в то же самое время тюрки начали переходить на службу к императору Византии.

Злодеяния Афшина, 224 г. от р. Х.

Но и сам Афшин был близок к своему падению. Мазьяр, будучи наследственным повелителем Табаристана, отказывался платить дань мусульманам. Он разорил юго-восточное побережье Каспийского моря и восстал против Абдаллы Ибн Тахира, в те времена общепризнанного всеми правителя Хорасана. Афшин возненавидел Абдаллу за то, что тот уличил его в присвоенной им добыче, доставшейся от Бабека. Он и сам был не прочь занять место Абдаллы Ибн Тахира в хорасанских землях. Поэтому он тайно подстрекал Мазьяра, в надежде, что его самого с большой армией отправят для подавления восстания, и таким образом он сможет сместить Абдаллу. Но Абдалла сумел и без посторонней помощи разбить войско Мазьяра. Тот был взят в плен и доставлен в Самарру; где, встретившись лицом к лицу с Афшином, обвинил его в подстрекательстве и соучастии в восстании.

Его падение, 225 г. хиджры.

Помимо этого, против Афшина были выдвинуты обвинения в совершенных растратах. Отношение халифа к Афшину теперь совсем переменялось. Не на шутку переполошившись, он предпринял попытку бежать на Каспийское побережье, но неудачно, беглец был схвачен и заточен в темницу. Суд состоял из главного кади, визиря и других придворных. Однако, странное дело, Афшину не вменили в вину ни предательства, ни растраты. Подсудимого обвинили в волховских верованиях и тайной враждебности исламу.

Суд над Афшином, обвиненным в магии и враждебности исламу.

Князя из Согдианы были призваны на разбирательство в качестве свидетелей. Двое мужчин в отрепьях и с исполосованными плетьюми спинами были выведены вперед. «Знакомы ли тебе эти лица?» — спросил ведший судебное разбирательство визирь. «Да, — отвечал Афшин, — это управляющие мечетью в Согде. Они построили ее на месте храма, который они сровняли с землей, выбросив из него идола. По существующему в то время договору, каждый имел право придерживаться своей собственной религии; и поскольку они нарушили этот договор, я приказал наказать их плетьюми». «А как ты объяснишь вот эту твою изукрашенную драгоценностями золотую книгу, в которой содержатся оскорбления в адрес Всевышнего?» — продолжался допрос. «Эта книга, — отвечал Афшин, — досталась мне по наследству от моего отца, в ней заключена мудрость жителей Востока: добрая мораль, а также ересь; первую я использовал, последнюю же оставлял без внимания». Все другие обвинения, предъявленные Афшину, обвиняемый решительно отверг, обосновывая свой протест тем, что они базировались на показаниях магов. Под конец Мазьяр заявил, что брат Афшина написал письмо, в котором он оскорбительно отзывался обо всей мусульманской расе и религии ислама, и убеждал всех вернуться к прежней вере магов. «Я не несу ответственности за то, что писал мой брат, — возразил Афшин, — но, несомненно, это было написано из соображений выгоды, чтобы благодаря этой уловке продвигать завоевания халифата; поскольку даже Абдалла не гнушается такими методами в отдаленных регионах». Главный кади, сомневаясь относительно представленных на суде свидетельств, не решился вынести заключение о виновности Афшина в ереси, однако велел отправить его обратно в тюрьму, заковав в кандалы,

Его смерть, 226 г. хиджры.

где он вскоре и умер, отведав посланное ему халифом блюдо с фруктами.¹ Его тело было вывешено для публичного осмеяния, а затем сожжено. Странные слухи распространялись повсюду относительно идолов, изукрашенных фигурок и волховских книг, найденных в его доме; но возбужденное воображение мусульман было готово в те дни принять на веру любую сказку относительно магов. Мазьяр был бит плетьюми с такою жестокостью, что не сумел пережить перенесенных мучений. Суд над Афшином проливает интересный свет на халифа и его двор, а также свидетельствует о том, что и поклонения, и сами верования волхов и магов еще долго сохранялись, и в отдаленных землях Востока к ним проявлялась терпимость. Большое количество людей в Персии, хотя и были мусульманами на словах, все еще продолжали держаться за свою прежнюю веру, и если бы представилась возможность, они, несомненно, бросили бы ислам и вернулись к древним религиям Ирана.

Причины, приведшие к восстаниям под предводительством мага Сунбазы, Пророка в Покрывале и Бабека, также как и характер религиозного поклонения Абу Муслима, могут быть объяснены именно таким образом.

Смерть Мутасима, iii. 227 г. хиджры, янв. 842 г. от р. Х.,

¹ Афшин признал, что не был обрезан, и изложил личные мотивы, заставившие его отказаться от исполнения этого обряда. Изукрашенная драгоценностями книга была, по всей видимости, магической, или, возможно, буддистской.

Аль-Мутасим умер вскоре после этого, в том же самом месяце, что и его старый противник Феофил. Его царствование продлилось почти девять лет. Обладая своевольным, но в целом добрым характером, он ничего не сделал для того, чтобы остановить упадок халифата. В последние годы он горько жаловался на своих военачальников тюркского происхождения, в которых видел свою опору.¹ Если бы он обратился за поддержкой к арабским вождям, еще оставалась бы надежда возродить политическую мощь империи. Однако он всецело опирался на тюрков, и поощрял приток во власть представителей варварских народов. Это роковое ярмо, наложенное им на исламское государство, так и не смогут сбросить его преемники.

...и его характер.

В подтверждение его доброты приводят случай, когда он помог выбраться из трясины какому-то бедному землепашцу, завязшему там со своею верховой лошадей. Халиф помог ему вытащить лошадь вместе со всей поклажей. Однако противопоставляя этому примеру разрушение Амориона, Гиббон рассуждает следующим образом: «Ради своей минутной славы Мутасим пожертвовал процветающим городом, жизнями двухсот тысяч его жителей и имуществом, стоимостью в миллионы. Тот же самый халиф, спешившись со своего коня, отваживается испачкать роскошные одежды, чтобы помочь дряхлому старику, который со своим груженным ослом застрял в канаве. Так о каком же из двух этих поступков он будет вспоминать с большим удовольствием, когда его призовет к себе ангел смерти?»

Васик наследует трон, 227 г. хиджры.

Преемником Аль-Мутасима стал его сын Аль-Васик, который, хотя и был рожден греческой невольницей, унаследовал отцовское отношение к персам и даже превзошел его в своей нетерпимости.

Его жадность.

Правителем Аль-Мутасим был слабым и деспотичным. История Бармекитов имеет к нему определенное отношение. Говорят, что Ар-Рашид, наловчившись извлекать огромные доходы из их владений, часто восклицал: «Какой замечательный пример оставил мне мой дедушка!» Аль-Мутасим незамедлительно возобновил практику привлечения к суду своих министров и секретарей, и, кого-то подвергая побоям, а кого-то просто запугивая, взыскивал с них огромные суммы денег: от сотни тысяч до миллиона динаров с каждого. Какое яркое представление дает нам эта краткая словесная характеристика о коррумпированности фаворитов халифского двора и о капризах их господина!

Волнения.

¹ В свои последние дни, сравнивая способных придворных своего двора с придворными Аль-Мамуна, он говорил: «Посмотрите, до чего дошел Афшин! Ашнас — несчастная тварь; Итах и Васиф — ничтожества!» Однако это были мужи, на которых он опирался.

На всем протяжении царствования Аль-Мутасима практически всю территорию исламской империи время от времени охватывали разного рода волнения: в районах Мосула были беспокойны хариджиты; в Персии поднимали голову курды; но самыми проблемными зонами оставались Сирия и Аравия.

Палестина: самозванец в покрывале, 227 г. хиджры, 842 г. от р. Х.

Незадолго до смерти Аль-Мутасима серьезное восстание разгорелось в Палестине. Муж одной женщины, пострадавшей от грубости какого-то солдата, попытавшегося высадить дверь ее жилища, решил пойти против власти и выступил как лидер Омейядской династии. Впоследствии он приобрел известность под именем «Аль-Мубарки», поскольку лицо его всегда было закрыто покрывалом. Ему удалось взбудоражить всю страну к западу от Иордана. Военачальник, посланный халифом подавить это восстание, все еще был занят борьбой с этим самозванцем, когда еще более опасный мятеж в Сирии, заставил его перенаправить туда свои усилия. Решающая битва произошла за пределами Дамаска, и после того, как больше тысячи человек пало на поле боя, порядок, наконец, был восстановлен. Подавив этот мятеж, карательные войска возвратились в Палестину, где ряды мятежников сильно сократились из-за необходимости собирать поспевший урожай. Каратели одержали легкую победу, причем для восставших их временная свобода обошлась дорогой ценою: они потеряли до двадцати тысяч человек убитыми. Аль-Мубарка был захвачен в плен и доставлен в Самарру.

Беспорядки в Аравии, 230-232 г. хиджры.

Год или два спустя в тревожном положении оказалась уже Аравия. Арабы из Бени Сулейм и других бедуинских племен, за неимением на тот момент другого применения своим мародерским наклонностям, совершили налет на священные города, разоряя рынки и повсеместно сея хаос. Они были разбиты тюркским военачальником Бога, который вселил ужас в бедуинов, бросив в Медине за решетку полторы тысячи из числа этих искателей приключений. Когда же он оказался вновь отвлечен новыми беспорядками на сирийской границе, большая масса пленников, попытавшихся бежать, была окружена местными жителями и перебита их темнокожими рабами. Пали все беглецы до единого. Восстановив порядок на севере, Бога вернулся назад и ввязался в продолжительную и порою не очень успешную кампанию против мятежных племен в центре и на юге аравийского полуострова.

Фанатичная ересь Васику, 231 г. хиджры.

Но основная опасность, которая угрожала Аль-Васику, таилась у самого дома, и возникла она благодаря той суровости, с которой он насаждал свои еретические взгляды. Жители Багдада, ужасно рассерженные, устроили против ставшего им ненавистным правительства заговор. Среди прочих его возглавлял мусульманский святой Ахмед Ибн Наср, чья привычка во всем безмерно осуждать нетерпимого халифа привлекла к нему большое число сторонников. Уже был назначен день для угрожающей демонстрации с флагами и барабанами, когда два заговорщика, сильно перепившись, поспешили выступить, опередив события на одну ночь.

Ахмед обвинен в ереси.

Таким образом, этот заговор оказался преждевременно раскрыт. Самого Ахмеда доставили в Самарру, где халиф предал его суду, предъявив обвинение, однако, не в государственной измене или мятеже, но в ереси. «Что ты можешь сказать о Коране?» — начал его допрос халиф. «Это слово Божие», — ответил Ахмед, объятый священным энтузиазмом, ибо он жаждал мучений, и уже успел помазать свое тело для погребения. «Да нет, был ли он сотворен?» — перебил разгневанный халиф. «Это слово Божие», — спокойно повторил Ахмед. «А что ты думаешь про видение райского блаженства?» — продолжал халиф. «Вот что Пророк говорил нам об этом: **“Вы увидите Господа в Судный день, так же ясно, как вы видите полную луну”**». «Да, он говорил об этом, но в переносном смысле», — отвечал Аль-Васик и начал оспаривать это утверждение. «Так ты приказываешь мне?» — спросил Ахмед. «Да, конечно», — подтвердил халиф. «В таком случае, я не могу отклониться от ясного учения Пророка», — таков был ответ. «Вы сами слышали его слова, — обратился Аль-Васик к судебному собранию, — и что вы об этом думаете?» Кади западной части воскликнул: «Клянусь священным именем Вашего Величества! Поистине его кровь будет пролита законно!» «О, утоли нашу жажду в ней!» — стали выкрикивать остальные — все кроме Ибн Аби Дауда, вождя, который сказал: «Дайте ему время раскаяться, как знать, возможно, он не в себе». «Нет, нет! — вскричал халиф, — предоставьте это мне, я желаю омыть его кровью свои грехи».

Ахмед становится мучеником.

И повелев принести «Самсаму» (знаменитый меч Амра Ибн Мадикериба¹), нанес обвиняемому смертельный удар по шее. После чего и остальные вонзили в него свои мечи, и он упал. Труп его был обезображен. Тело было вывешено в Самарре, рядом с останками Бабека, а голова отправлена в Багдад под охраной и там выставлена для обозрения со следующей надписью: **«Голова Ахмеда, язычника и проклятого многобожника»**.

Обмен греческих пленников, 231 г. хиджры, 846 г. от р. Х.

Ближе к концу царствования Васика был произведен обмен пленников между халифом и императором. Два лагеря обосновались по обеим сторонам реки за Тарсом. В результате обмена должны были быть освобождены свыше пяти тысяч мусульман, мужчин и женщин; но и здесь Аль-Васик проявил свой беспримерный фанатизм, ибо с нетерпимостью, почти невообразимой, ни один пленник не был выкуплен без предшествующего признания им обеих религиозных догм, столь любимых при халифском дворе.

Смерть Васика, 232 г. хиджры, 847 г. от р. Х.

¹ Смотрите выше стр. 36 и дальше по тексту оригинала. Этот меч, которого он лишился во время войны с отступниками, был воспет в знаменитой арабской песне, как клинок изумительной закалки и чрезвычайной древности.

В следующем году Аль-Васик стал страдать от невыносимой жажды, явившейся результатом его невоздержанного образа жизни. В качестве лекарства ему были предписаны прогревания в специальной печи, которая, перегревшись, и послужила причиной смерти халифа. Единственным достоинством его недолгого шестилетнего правления была щедрость и пожертвования, которым особенно радовались бедняки Мекки и Медины. Требуется, однако, какое-нибудь более существенное достижение, чем это, чтобы противопоставить его фанатизму и жестокой тирании, многочисленные примеры проявления которых были упомянуты выше.

ГЛАВА LXVIII

АЛЬ-МУТАВАККИЛЬ.

232-247 г. хиджры / 847-861 г. от р. Х.

Мутаваккиль, 232 г. хиджры, 847 г. от р. Х.

«С МУТАСИМОМ, — пишет Гиббон, — восьмым из Аббасидов, слава его семейства и всей нации угасла». Слава самой «нации» — арабской — померкла еще до того, как началось процветание тюрков, соперников арабов; слава же его «семейства» быстро клонилась к закату под натиском жестокости и по причине произвола тех самых варваров, которых сами же арабы призывали с Востока в «Город Мира». Представители халифского дома оказывались в равной степени прилежными учениками тюрков, постепенно превращаясь в их презренных рабов. Проходя тюркскую школу тирании и вымогательства, вероломства и кровопролития, Аббасиды быстро сравнивались в порочности со своими учителями. И вот так халифат быстро клонился к своему закату и концу. Борьба, вспыхивавшая то тут, то там, была не в силах остановить его неизбежный упадок.

Его жестокость и жадность.

Вообще-то, по смерти Аль-Васика придворные должны были поклясться в верности его сыну. Но тот был совсем еще ребенком, и халифский тюрбан и скипетр оказались слишком велики для его крохотного тела; из-за чего высшие сановники предпочли ему Аль-Мутаваккиля, брата Аль-Васика.¹ Новый халиф не замедлил показать свой жестокий и мстительный характер. Не прошло и двух месяцев с его воцарения, как визирь, который относился к нему пренебрежительно еще при царствовании Аль-Васика, был брошен в тюрьму, а его собственность на всей территории магометанского государства конфискована. Месяцами несчастный мужчина подвергался изощренной пытке, его непрерывно держали в бодрствующем состоянии, в то время как ему до смерти хотелось спать. Наконец, его оставили в покое, и он проспал целые сутки. Таким образом, дав ему набраться сил для последующих мучений, его затем поместили в поистине дикарский пресс (инструмент для пытки, изобретенный им самим): столь узкий, что страдальца пришлось с трудом втискивать в него, да еще и утыканный шипами, которые не давали возможности пошевелиться. Так в агонии он пролежал несколько дней, пока не умер. Этого примера должно быть вполне достаточно. Множество других государственных чиновников стали жертвами неумной жадности халифа; в особенности главнокомандующий, который также считался непроявившим должного уважения. Он

¹ Аббасидские халифы, как правило, были известны не под своими собственными именами, но по их царским титулам, которые призваны были свидетельствовать об определенных чертах их носителей, например, как в данном случае, о вере во Всемогущего. Так, прозвище «Аль-Мутаваккиль» буквально означает «Тот, кто полагается (на Господа)». Точно так же было и со всеми прозваниями последующих халифов.

разделил бы судьбу визиря, если бы не выкупил себе прощения одиннадцатью миллионами монет.

Крах Итаха, 234 г. хиджры.

Другая весьма темная картина добавляет мрачного света двору и всему образу жизни халифа. Итах, военачальник, отличившийся в войне за Аморион и в кампании против Бабека, снискавший расположение предыдущего халифа, к тому времени занимал пост начальника охраны и был хорошим приятелем Аль-Мутаваккиля. Однажды ночью, поссорившись во время дружеской попойки, Итах так перепился вином и настолько забылся, что набросился на халифа и стал угрожать его жизни. Придя в себя на следующее утро, он умолял, чтобы это происшествие было забыто, и на первый взгляд казалось, получил-таки прощение. Послушавшись халифского совета, он согласился отправиться в Мекку, причем его поставили во главе эскорта паломников, облачив в роскошные одежды, и приказав правителям всех городов, которые паломники будут проезжать, слушаться его.

Его смерть из-за предательства, 235 г. хиджры.

Однако это была лишь уловка для того, чтобы Итах отпустил своих телохранителей. Когда он возвращался через Багдад, тамошний градоначальник вышел ему навстречу с царским одеянием и дарами, и под предлогом, что хочет представить его перед Хашимитским собранием, закрыл дверь под носом у его эскорта после того, как сам Итах вошел в здание. «Если бы это было любое другое место, только не Багдад! — воскликнула несчастная жертва, — он не посмел бы сделать это!» Дело в том, что в Багдаде все ненавидели тюрок, а все друзья Итаха остались в Самарре, при дворе халифа. Итаха бросили в темницу и промучили там несколько месяцев, держа закованным в тяжелые цепи. Под конец узнику перестали давать воду, и он умер от жажды. Его помощник и сыновья также удерживались в заточении, вплоть до смерти халифа. Правление Аль-Мутаваккиля было ознаменовано возвращением уважения к старым традициям. Все еретические нововведения Аль-Мамуна были отвергнуты; и пришла очередь уже ученым-мутазилитам пострадать от гонений. Предвечность Корана была вновь подтверждена (двести тридцать четвертый год хиджры), и по всей империи ислама было запрещено даже обсуждать вопрос о его сотворенности. Тело Ахмеда Ибн Насра,

*Возвращение Мутаваккиля к старым традициям
и преследование сторонников «свободы воли», 237 г. хиджры, 851 г. от р. Х.*

мученика, было доставлено обратно в Багдад с должными почестями, и там, соединенное с головою, приготовлено для погребения. С этого времени бесчисленные толпы людей стали стекаться к месту хранения останков, в надежде, что им удастся прикоснуться к мощам святого. Среди прочих, пострадавших за отвергнутые теперь доктрины Аль-Мамуна, оказался благородный ученый Ибн Аби Дуад, занимавший пост главного кади на протяжении времени правления трех предшествующих халифов. Он был смещен и вместе со своими домочадцами брошен в темницу, а богатства и земли, которыми он владел, были конфискованы. Один из его сыновей выкупил свободу за немислимую сумму в

шестнадцать миллионов монет. Тем не менее, несколько лет спустя отец его умер, так и оставшись узником.

...и Алидов.

Еще более ожесточенными оказались гонения на потомков Али, которые в последнее время находились в таком явном фаворе. Аль-Мутаваккиль ненавидел их вместе с распространявшимся из-за них учением. Будучи навеселе, в компании своих приятелей, он привык бесчестить память Али, зятя Пророка, осыпая его непристойными оскорблениями. Шут с обритой головой и туго набитой пером подушкой, изображавшей большой живот, безбоязненно плясал перед халифом, в то время как собутыльники распевали вокруг него: «Поглядите на этого толстопузого и лысого! И это — халиф ислама!»¹ Сам Аль-Мутаваккиль, довольный этой сценой, со смехом присоединялся к остальным. Такие грубые и нечестивые насмешки над тем, кто был наиболее дорог и свят для мусульманского сердца, охлаждали к нему большую часть его сторонников и были встречены осуждением со стороны его сына.² Озлобленность Аль-Мутаваккиля зашла так далеко, что он приказал сравнять с землей могилу Аль-Хосейна, сына Али, распахать там почву и засеять ее зерном; более того любому паломнику, осмеливавшемуся посетить святыню Кербелы, грозило заточение. С другой стороны, он почитал первых трех халифов и относился с уважением даже к династии Омейядов. Мы располагаем сведениями, что один человек был избит до смерти за то, что он непочтительно отзывался об Абу Бекре, Омаре и Аише. Он был, таким образом, истинным сирийцем, и любил арабскую расу.

С возвращением к старым традициям налоговые законы против иудеев и христиан, долгое время не действовавшие при веротерпимом прежнем правительстве, были теперь введены вновь с предельною строгостью и дополнены новыми деталями, служившими еще большему притеснению иноверцев.

Суровые законы против иудеев и христиан, 235-239 г. хиджры.

Христиане и иудеи обязаны были нашивать цветные полоски ткани на свою одежду и одежду своих рабов, не могли носить ниспадающие пояса; их женщины должны были носить повсюду желтые покрывала; им разрешалось ездить верхом только на ослах и мулах, с деревянными стременами в дополнение к седлам; на косяках их домов должно было быть изображение сатаны, на которое, кроме того, налагался особый налог; их могилы нельзя было делать выше уровня земли; они были смещены со всех государственных постов; их детям было запрещено посещать мусульманские школы или учиться у мусульманских мастеров; недавно построенные церкви были разрушены; к тому

¹ Смотрите выше, стр. 304 текста оригинала.

² Эта непристойная буффонада, должно быть, произвела большую сенсацию, поскольку летописец добавляет: «То была одна из причин, оправдывающая Аль-Мунтасира в убийстве своего отца». Но, несомненно, сама попытка оправдания придумана задним числом.

же запрещалось устраивать шествия с крестом и воздвигать кресты вне дома. Вот к чему привела нетерпимость халифа наряду со стремлением возродить старые традиции.¹

Разделение империи ислама, 235 г. хиджры.

В самом начале своего правления Аль-Мутаваккиль разделил все магометанские провинции между своих сыновей, отдав западные Аль-Мунтасиру, старшему сыну, в то время как восточные предназначались младшему, Аль-Мутаззу. Но со временем его любимцем стал младший из сыновей. Именно ему Аль-Мутаваккиль отдал монетный двор и сокровищницу; и имя младшего сына стало чеканиться на монетах, как свидетельство того, что он является преемником действующего халифа.

Восстание Саффаридов.

С таким правителем и столь деморализованным двором не удивительно, что узы порядка оказались повсеместно ослаблены. За пределами исконно исламских территорий, входивших в состав халифата, равно как и дома, постоянно вспыхивали разного рода восстания. В Сиджистане авантюристы из рода Саффаридов стали вытеснять находившееся у власти семейство Тахаридов. Начались волнения в Азербайджане, но там они, хоть и с трудом, были подавлены. Нижний Египет подвергся нападению флота византийцев, которым даже удалось захватить и некоторое время удерживать Александрию.

Мятеж в Верхнем Египте, 241 г. хиджры.

В то же самое время Верхний Египет оказался занят языческими племенами, провинция отказалась платить причитающуюся дань с золотых рудников, и террор распространился по всей земле. Чтобы прекратить эти беспорядки войска были посланы в южные районы, которые (как и в наши дни) снабжались морем с суэцкого побережья. Восстание было подавлено с большим кровопролитием. Лидер мятежников Али Баба, сдавшись в плен на предложенных ему условиях, был доставлен в Самарру, где был принят халифом с особым почетом и назначен ответственным за сохранность дороги, по которой передвигались паломники из Египта в Мекку. Его племя все еще придерживалось древней веры в разного рода фетиши, и Али Баба шокировал жителей Самарры, захватив с собою каменного идола, предмет своего ежедневного поклонения. Странно читать о таком терпимом отношении к язычнику, удостоенному столь существенного доверия, в то время как христианские пленники, отказываясь принять ислам, безжалостно предавались смерти.

Успех Бога в Армении, 237-238 г. хиджры.

С Арменией во время войны с Бабеком магометанскому государству удавалось сохранять мир благодаря договору. Но деспотичное поведение одного из мусульманских

¹ Один христианский аптекар, принявший ислам, но через несколько лет вернувшийся к своей прежней вере, не захотел вновь отречься от нее. За это он был предан смерти и сожжен (242 г. хиджры). Впрочем, как бы то ни было, это было совершено мусульманами в соответствии с их законом.

полководцев, вероломно отославшего некоторых представителей тамошней знати в Самарру, спровоцировало серьезный мятеж, в котором ненавистный местному населению командующий был убит, а его войска разбиты. Часть магометан полегла на поле боя, остальные рассеялись в горах, чтобы принять смерть от холода. Серьезная кампания под началом «старшего» Бога привела к существенному реваншу: тридцать тысяч восставших пали убитыми, и огромное количество было продано в рабство. После этого Бога продвинулся до Тифлиса, где некий князь, выходец из династии Омейядов, утвердился в качестве независимого правителя. Древний город, построенный из дерева, был залит потоками горячей нефти, и пятьдесят тысяч жителей погибли в ужасающем «греческом огне». Затем исламский воитель направил свои стопы к побережьям Каспийского и Черного морей. Некоторые из князей Армении были отосланы оттуда к халифскому двору, и те из них, кто отказался принять ислам, приняли мученическую смерть за свою веру.¹

Малая Азия, 241 г. хиджры.

Что касается Малой Азии, то сперва пограничные с Византией районы подвергались набегам со стороны мусульманских войск, а затем уже — их противников. Греки захватили такое большое количество пленников, что, говорят, тысячи были казнены императрицей Феодорой, и жизнь была сохранена только тем из них, кто принял христианскую веру. Только около девятисот мужчин и женщин были оставлены для получения выкупа.² В последующие несколько лет греки снова продвинулись по направлению к Сирии и осадили Сумейсат. Тогда мусульмане, при поддержке павликиан, врагов императора, нанесли ответный удар, захватив огромную добычу в виде стад скота и овечьих отар и заняв город Лулуа. Все это было возвращено грекам взамен тысячи пленников, но помимо этого, а также больших сумм денег, заплаченных в качестве выкупа, ни одна из сторон не получила от войны никакой существенной выгоды.

Восстание в Гимсе, 240-241 г. хиджры.

Дома, в северных районах Сирии, стало беспокойно. В Гимсе жителями был изгнан законный правитель, и какое-то время в этом городе не утихали беспорядки. В конце концов, войскам из Дамаска и Рамлеха удалось восстановить там порядок, после чего оттуда в Самарру было отправлено множество пленников. Но больше всего в Гимсе, как и повсюду, пострадали христиане. За то, что они поддерживали мятежников, их выгнали из города. Все церкви их были разрушены, а одна из них, примыкавшая к Большой мечети, была полностью включена в ее пределы.

Попытка халифа перенести свой двор в Дамаск, 244 г. хиджры.

¹ Об этих случаях, описанных византийскими историками, наш летописец не упоминает; см. у Вайля: Weil, ii. 362.

² Приводится количество казненных императрицей: двенадцать тысяч человек. Бар Эбреус говорит о двадцати тысячах взятых в плен, из которых восьми тысячам была сохранена жизнь, а двенадцать тысяч обречены на смерть. Смеем надеяться, что в этих утверждениях есть большая доля преувеличения.

После того, как халифский двор двенадцать лет просуществовал в Самарре, Аль-Мутаваккиль решил перенести его в Дамаск. Интересы этого человека всегда были ориентированы на запад; и в столице Омейядов, восстановив дружбу с сирийцами, халиф мог бы освободиться от тирании тюркской военщины. Однако, прожив там всего два месяца, он нашел климат Дамаска слишком суровым, и возвратился в Самарру.¹

Основание Джафарии.

В ее окрестностях он провел свои последние годы, тратя несметные суммы на создание на берегу реки своей новой резиденции, названной в честь него «Аль-Джафария». Там халиф возвел прекрасный дворец «Жемчужину», а также «Зал восторга», окруженные множеством парков, ручьев и садов. Эти увеселительные места всегда были полны всевозможных развлечений, музыки, пения и различных представлений. Огромные сокровища были потрачены на ветер, ибо после его смерти это чудесное место пришло в полное запустение.

Своенравие и жестокость.

Для того чтобы изыскивать средства для таких огромных трат, использовались всякого рода вымогательства. Государственные чиновники были вынуждены требовать самых высоких выплат на покрытие этих расходов. Случай с Наджахом Ибн Селамою, главным казначеем, может служить тому показательным примером. Наджах потребовал от двух чиновников возместить недостачу сбора налогов в сумме четырех миллионов монет. Обейдалла, тюрк, к чьей помощи прибегли должники, как к визирю Аль-Мутаваккилю, попросил их дать ему записку, подтверждающую недостачу размером в два миллиона. В то же самое время он убедил Наджаха сказать халифу, что заявление о недостаче было сделано им по ошибке, под влиянием выпитого вина, и что теперь он полностью снимает свои претензии. После этого визирь пошел к своему господину и показал ему записку, в которой должники собственноручно признавали правомерность взыскания половины требуемой суммы. Обрадовавшись возможности получить хотя бы такие деньги, халиф в равной мере оказался разгневан столь явным обманом и злоупотреблением своего казначея, который соответственно был предан в руки двух этих должников, чтобы они наказали его по своему усмотрению. Мучители подвергли Наджаха крайне жестокой пытке, в результате которой несчастный скончался; к тому же они конфисковали все имущество, принадлежащее его семейству, что позволило им полностью покрыть долг, который им предстояло выплатить.² Свою жаркую ненависть к дому Али халиф сохранил до последних дней. Знаменитый грамматист Ибн Ас-Сиккит, домашний учитель в доме Тахира, занимавшийся тем же ремеслом у самого Аль-Мутаваккиля, однажды вошел к халифу, когда у него находились молодые наследники. Халиф спросил его: «Кому бы ты отдал предпочтение, Ибн Ас-Сиккит, этим двум моим сыновьям или же Аль-Хасану и

¹ Говорят, что он находился в Дамаске в месяцах сафаре и первом раби, то есть в мае-июле, где начал строительство зданий для различных государственных учреждений, однако был вынужден оставить этот город из-за ненастной погоды, холода и снега — довольно странное явление для середины лета.

² Пытка, которой подвергли Наджаха, была слишком непристойного характера, чтобы ее здесь описывать. — Ибн Халликан, iii. 61.

Аль-Хосейну?» Ибн Ас-Сиккит, не кривя душой, ответил, что предпочел бы сыновей Али, на что Аль-Мутаваккиль приказал своему телохранителю-тюрку растоптать его тело, после чего учителя отнесли домой умирать.

Убит своим сыном, х. 247 г. хиджры, декабрь 861 г. от р. Х.

Халиф, постепенно охладевший к своему первенцу Аль-Мунтасиру, все больше, как мы уже видели, отдавал предпочтение своему второму сыну, Аль-Мутаазу. Это предпочтение год от года становилось все более заметным. Аль-Мунтасиру не только приходилось подвергаться унижениям всякий раз, когда он появлялся при дворе, но Аль-Мутаваккиль, в тех случаях, когда был не в состоянии руководить публичной молитвой, посылал его брата, одетого в пышное убранство, занимать место предводителя службой. Положение старшего сына становилось все хуже и хуже. Наконец, однажды ночью после очередной пирушки халиф, перебрав вина, оскорбил Аль-Мунтасира так глубоко, что терпение молодого человека лопнуло, и он решил убить своего отца. Это было несложно сделать, поскольку Аль-Мутаваккиль неразумно настроил против себя Васифа и других тюркских военачальников, конфисковав у них собственность и передав ее своим новым фаворитам. И вот, глубокой ночью, когда халиф, изрядно напившись, отправился ко сну, и ворота были закрыты заранее завербованными Аль-Мунтасиром охранниками, Бога-«младший», по прозвищу «Пьяница», Муса (действующий за своего отца, Богу-старшего, который командовал войсками в Сумейсате) и другие носившие столь же дикарские клички заговорщики, набросились на бесчувственного монарха, и закололи его своими клинками. Вместе с ним был убит и один из его приближенных тюрков, никогда не покидавший своего господина. Заговорщиками были распространены слухи, что Аль-Мутаваккиль пал жертвою этого самого фаворита, который за свое преступление тут же поплатился жизнью; но их выдумке, разумеется, мало кто поверил.

Верный традициям, но жестокий, фанатичный и беспутный.

Пятнадцатилетнее царствование этого халифа снискало похвалу летописцев за возвращение к исламским традициям и щедрое покровительство поэтам и ученым. Тем не менее, Аль-Мутаваккиль заслужил порицание за проявления жестокой тирании, фанатизма и потакание собственным желанием.

ГЛАВА LXIX

АЛЬ-МУНТАСИР И ТРИ ПОСЛЕДУЮЩИХ ХАЛИФА.

247-256 гг. хиджры / 861-870 гг. от р. Х.

Мунтасир, 247 г. хиджры, 861 г. от р. Х.

ПОДДЕРЖАННЫЙ тюркской фракцией, Аль-Мунтасир сумел воцариться на халифском троне без особых трудностей. Но дарованный ему благочестивый титул — «Тот, кто торжествует в Господе» — не продлил его царствования более чем на полгода и не спас его от возмездия за отцеубийство. Несмотря на свое преступление, Аль-Мунтасир был почитаем в народе, потому что в отличие от своего отца он почитал дом Али и отменил запрет на паломничество к могилам Аль-Хасана и Аль-Хосейна. Тюркская партия, опасаясь мести его братьев за соучастие в убийстве их отца, добилась, чтобы Аль-Мунтасир отстранил их от наследования и вместо них объявил будущим преемником трона своего сына. Визирь, также снедаемый ревностью к успехам Васифа, убедил нового халифа отправить его в поход против византийцев.

Его кончина, 248 г. хиджры, 862 г. от р. Х.

В начале следующего года халиф умер, но умер ли он своею смертью, или же был отравлен, неясно.¹

Тюрки избирают Мустаина.

По смерти Аль-Мунтасира тюркские вожди собрались на тайный совет, чтобы выбрать его преемника; они не желали видеть халифом ни Аль-Мутаза, ни его братьев по причинам уже упомянутым; поэтому они избрали вместо них другого внука Аль-Мутасима, и провозгласили его под титулом «Аль-Мустаин».

¹ Он первый из династии Аббасидов, чья могила известна. Гробница была сооружена его матерью, наложницей-гречанкой. Все более ранние халифы желали, чтобы места их захоронения оставались в тайне, опасаясь, чтобы их не осквернили.

Из нижеприведенной таблицы будет ясно их родство:

Беспорядки в Багдаде и Самарре.

Неожиданно арабы и солдаты из Багдада, набранные в западных провинциях, не согласные с таким выбором, напали на городское собрание, взломали тюрьму и разграбили оружейный склад. Против них были брошены тюркские и берберские отряды, и после кровопролитной борьбы, в которой многие сложили головы, мятежники были разбиты. Багдаду суждено было, наконец, узнать, что халифат больше не зависит от выбора арабов, но судьба его перешла в руки другой расы. Мухаммад, внук Тахира, правителя Багдада, убедил жителей подчиниться сделанному выбору, после чего новый преемник был довольно мирно признан по всей исламской империи. Аль-Мутааз и его брат Аль-Муэйяд, уступив угрозам военных, были вынуждены отказаться от своих прав на халифат, и затем из соображений их же собственной безопасности они были заключены под стражу. Когда вспыхнул еще один мятеж в поддержку заключенных, тюрки хотели казнить их обоих, но вмешательство визиря спасло им жизнь; за этот милосердный поступок заступник поплатился своим имуществом, которое было захвачено тюркскими солдатами. Сам же он после этого был выслан на остров Крит. Реальный контроль над управлением всей империей осуществлялся Атамишем, тюрком, который по своему усмотрению распределял должности правителей провинций и назначал своих людей на другие важные посты. В связи с этим, все высшие чиновничьи места, как правило, были заняты его приятелями. Фактически власть в халифате, как дома, так и в колониях, оказалась в руках тюрков.

Поражения в Малой Азии и Армении, 249 г. хиджры, 863 г. от р. Х.

Хотя в течение последних пятнадцати лет баланс военных успехов в целом был не на стороне Византийской империи, однако кампания, предпринятая мусульманами против христиан на следующий год, оказалась особенно неудачной. Сразу два отряда: в Армении

и Малой Азии, численностью тысячи в три человек вместе со своими командирами были полностью изрублены на куски. Эти вести привели багдадских жителей в бешенство. Древний призыв к священной войне вновь зазвучал на городских улицах. Горожане винили во всем безбожных тюрок, которые обернулись настоящим бедствием для мусульманской веры, убивали их халифов, и ставили на их место других, по своему усмотрению.

Призыв к священной войне; восстание в Багдаде.

После таких призывов в городе быстро вспыхнуло восстание; ворота были разрушены и мосты запылали. Однако Багдад больше был не в силах диктовать волю своим правителям; все, что он мог, только подняться на мятеж. Как бы то ни было, воинственный дух у горожан был достаточно силен, чтобы привлечь на свою сторону значительные силы из прилегающих провинций: отовсюду в город стекались добровольцы для борьбы с неверными. Но тюрок мало волновали эти события, также как и самого халифа. Они были заняты совсем другими делами. Лидеры уже успели сами перессориться между собою. Еще одно восстание, в котором также были разрушены ворота и разорен город, вспыхнуло в Самарре. После его подавления Бога и Васиф устроили заговор против Атамиша, обвинив его в том, что он якобы тратил государственные доходы на содержание матери халифа и своих собственных слуг и вассалов.

Тюрки творят произвол.

Дворец Атамиша был атакован, хозяин тщетно пытался бежать или просить защиты у халифа; после двух дней осады он был схвачен и лишен жизни. Тем временем придворным тирана из Самары удавалось удерживать Аль-Мустаина в своей власти, поскольку в их распоряжении в качестве запасного кандидата на трон находился его двоюродный брат Аль-Мутааз.

Волнения по всему халифату, 250 г. хиджры, 864 г. от р. Х.

Между тем положение по всей империи ислама оставалось беспокойным. Аль-Куфа предалась в руки Яхьи, потомка Пророка, который отбил атаку карательных войск халифа, но, в конце концов, сам пал в бою. Его голова была выставлена на всеобщее обозрение в Самарре, а затем отправлена с той же целью в Багдад. Однако так многочисленны были переполнявшие площадь толпы багдадцев, и так сильно их волнение, когда они кричали: "Что сказал бы Пророк, увидев такое издевательство над его собственной плотью и кровью!", что голову пришлось убрать, и, поместив в ящик, отнести под охраной на склад оружия. На востоке династия Тахиридов, номинально все еще подвластная халифату и до сих пор являвшаяся его реальной опорой, быстро теряла власть под давлением своих врагов Саффаридов со стороны Сиджистана и Алидских конкурентов из Табаристана.¹

¹ Упомянуты два слона, посланные в Багдад тахиридским князем наряду с несколькими идолами, взятыми в Кабуле, где все еще преобладало идолопоклонство, или, возможно, получил определенное развитие буддизм.

Последние, к тому времени основавшие свою собственную шиитскую династию, которая просуществовала в течение полувека, напали на Аль-Ирак, и для защиты этой провинции понадобилось вмешательство халифской армии.

Беспорядки в Аравии.

На юге другой претендент от Алидов сколотил банду разбойников-пиратов и подверг разорению Аравию. Он разграбил Каабу и потребовал с жителей Святых городов большой выкуп, поубивав свыше тысячи паломников. И лишь после того, как в течение года (двести пятьдесят первый год хиджры) они продержали весь полуостров в ужасе и просто-таки бедственном положении, эти бандиты удалились в окрестности Джидды. В Мосуле и Палестине, в Гимсе и Исфахане, фактически в каждой части халифата свирепствовала анархия, и постоянно вспыхивали восстания.

Мустаин возвращается в Багдад. Начало 251 г. хиджры, 865 г. от р. Х.

К тому времени для самого Аль-Мустаина дни были уже сочтены; а жителей Багдада ожидали ужасы новой осады. Бога-«младший» и Васиф, два основных тюркских вожда, повздорили с еще одним тюрком, Багиром, из-за имущества, полученного в качестве вознаграждения за убийство Аль-Мутаваккиля. Ссора, как обычно, переросла в мятеж и подвергла опасности халифа, который, услышав о том, что партия Багира желает его смерти, быстро пришел к соглашению с двумя другими противниками. Они решили схватить Багира и заточить в темницу, чтобы, в конце концов, предать его смерти. Узнав об этом, тюркские воины пришли в ярость и подняли мятеж. Чтобы избежать надвигающейся опасности и укрыться от своих недругов, злосчастный халиф взошел на борт лодки вместе с Богою, Васифом и прочими сторонниками и перебрался в Восточный Багдад. Тюрки послали за Аль-Мустаином делегацию из числа своих предводителей, чтобы убедить его вернуться в Самарру. Однако халиф не пожелал возвращаться. В пылу спора, когда обе стороны не особо стеснялись в выражениях, один из тюркских депутатов получил удар.

Тюрки избирают халифом Аль-Мутаза; поход на Багдад,

Не стерпев такой обиды, по возвращении в Самарру посланники взбудоражили всю массу тюркских войск и, освободив Аль-Мутаза из его заключения, тут же провозгласили его халифом. Не прошло и нескольких недель, как его брат Абу Ахмед с пятьюдесятью тысячами тюрков и хорасанцев и двумя тысячами берберов устремился на Багдад, население которого тем временем сумело подготовиться к обороне наилучшим образом, укрепив стены, сделав запасы нефти и установив у ворот катапульты и разные орудия для защиты от приступа.

...и осада города в течение всего 251 г. хиджры, 865 г. от р. Х.

Это была страшная страница в истории халифата, причем в ужасные события того года — осаду и столкновения неприятелей — оказалась впутана вся страна, страдавшая вместе со своей столицей. Чаша весов богини победы склонялась то на одну сторону, то на другую.

Персия и провинции были главным образом на стороне Аль-Мустаина; но все были так дезорганизованы, что не смогли оказать осажденным реальной помощи; поскольку посылаемые оттуда продовольствие и дань по большей части перехватывались по дороге. По правде говоря, арабы, в лице которых Аль-Мустаин обрел свою основную поддержку, уже не могли противостоять тюркским ордам. Колонна, посланная для обороны Багдада из Ар-Ракки, потерпела позорное поражение. Победенный градоправитель воскликнул с горечью: «**Что пользы ныне от арабов без Пророка и помощи от ангелов с небес?**» В этом упреке была доля правды. Арабская нация больше не сражалась за веру — веру, которая вела ее к победам в былые дни. Не имеет смысла следовать за утомительными отчетами, из месяца в месяц описывающими борьбу в столице и вокруг нее. Тюрки постепенно овладевали территорией, а вожди, поддерживавшие прежде Аль-Мустаина, один за другим покидали неудачливого халифа.

Конец 251 г. хиджры.

Жители Багдада, в конце концов, начали подозревать своего правителя, происходившего из Тахиридов, который до сих пор являлся вполне лояльным сторонником халифа, в сочувствии мятежникам;

Отречение Аль-Мустаина. Начало 252 г. хиджры, 866 г. от р. Х.

и тот, доведенный до крайности повсеместными заговорами и изменами, сумел склонить Аль-Мустаина, чередуя угрозами с обещаниями, отказаться от трона в пользу Аль-Мутаза. После отречения экс-халиф должен был поселиться в Медине со всем необходимым имуществом; Богу и Васифу, сохранившими ему верность, отходили важные провинции; казна должна была быть поделена между гарнизоном Багдада и тюрками, причем последним предназначалась двойная доля. Договор был подписан, градоправитель принял министров и придворных Аль-Мустаина и, убедив их, что сделал то, что должен был сделать для блага империи и прекращения дальнейшего кровопролития, отправил их Самарру, чтобы принести присягу новому халифу. Тот в свою очередь подписал договор и в первых числах двести пятьдесят второго года хиджры вступил в пределы Багдада. Он также отправил к Аль-Мустаину его мать и прочих домочадцев из Самары — правда, после того, как лишил их всего, чем они владели.

Воцарение Аль-Мутаза.

Аль-Мутааз, который был вот таким образом возведен на трон, зарекомендовал себя всего лишь способным учеником своих тюркских хозяев. Его окружало множество различных партий, ненавидевших друг с друга. В Самарре тюрки враждовали с «западниками» (берберами и маврами); в то время как арабы и персы в Багдаде, поддерживавшие Аль-Мустаина, относились и к тем, и к другим с равной ненавистью. Аль-Мутааз оказался в окружении стаи голодных хищников, готовых на измену и заговор друг против друга или против него: жалкое оправдание, однако, для того курса сплошных предательств и кровопролитий, которому сам он был привержен не в меньшей степени, чем они.

Мутааз приказывает убить Аль-Мустаина,

А начал он со свергнутого халифа. Договор, торжественно гарантирующий Аль-Мустаину безопасность, был брошен на ветер. Вместо того чтобы, как было обещано, предоставить ему убежище в Медине, Аль-Мустаина продолжали держать в Васите. Оттуда он вместе с женою был вероломно доставлен Ахмедом Ибн Тулуном в дом наемного убийцы, который и расправился с ними обоими. Принеся голову Аль-Мустаина халифу, палач воскликнул: «Вот, полюбуйся на голову своего двоюродного брата!» «Положи ее в сторонке, — отвечал бессердечный Аль-Мутааз, увлеченный игрою в шахматы, — пока я не закончу эту партию». И затем, удостоверившись, что это была действительно голова Аль-Мустаина, он приказал выдать убийце пятьсот монет в качестве вознаграждения.¹

...и одного из своих собственных братьев.

Его родной брат Аль-Муэйд, который официально являлся следующим наследником трона, также был жестоко убит. Тюркские военные, повздорив с «западниками», встали на сторону этого брата, и ревнивый халиф приказал схватить его, а заодно и другого своего брата Абу Ахмеда, бесстрашно руководившего армией в последней кампании, и заточить обоих в темницу. Вслед за этим тюрки постарались было освободить Аль-Муэйяда, но их попытка еще больше встревожила Аль-Мутаазу, и он решил избавиться от своего брата насовсем. Тот был задушен пуховою накидкою (или, как говорят другие, был заморожен в ледяной «постели»); после чего его тело было выставлено перед придворными и кадиями, и, поскольку на нем не было видно следов насилия, было представлено, как будто он умер естественной смертью. Впрочем, все дело было шито белыми нитками.

Бога и Васит, вместо обещанных продвижений, были полностью отстранены от государственной службы; распоряжения об их убийстве также уже были отданы; однако в результате заступничества одной принцессы во время совещания, где решалась их судьба, оба были помилованы. Вместе со своими семьями они возвратились в Самарру; и Бога, по странной превратности судьбы, вскоре превратился

Беспорядки в Багдаде и Самарре, 252 г. хиджры.

в главного фаворита халифа. Тем временем, как в Самарре, так и в Багдаде один бунт следовал за другим. Государственные доходы тратились на нужды придворных с такой расточительностью, что очень немногое оставалось на оплату армии. Однажды столичные городские стражники окружили Багдадский дворец, требуя выплатить им жалование. Градоправитель обратился за разрешением выплатить им аванс к Аль-Мутаазу; однако тот, наученный тюрками, отвечал, что «если охрана нужна тебе, то сам ей и плати; если же она требуется халифу, то это не твоего ума дело!» После этого восстание разгорелось с новой силой; толпа препятствовала, чтобы имя халифа произносилось в мечети, и в итоге по пятницам вообще перестали проводиться публичные молитвы. До того как восстание было подавлено, правителю пришлось сжечь один из мостов, а также

¹ Так об этом свидетельствует Ибн Аль-Асир. Другие источники не столь единодушны относительно участия в этом деле Ахмеда, основателя династии Тулунидов. — Вайль, Weil, ii. 398.

один из прилегающих базаров, чтобы не подпускать мятежников близко к городу. Волнения, происходившие в Самаре, были не менее угрожающими. Тюрки, повздоровшие с «западниками», не прекращали борьбу, пока не пришли к соглашению, что каждая из враждующих партий должна иметь своих представителей во всех основных государственных организациях. В следующем году все они, и тюрки, и африканцы, и персы, объединились вместе, чтобы пойти на штурм дворца с целью добиться денежных выплат.

Штурм дворца, 253 г. хиджры.

Васиф и Бога, к тому моменту уже главные советники халифа, попытались утихомирить восставших. «Вот, возьмите это, — воскликнул первый, бросив им горсть песка, — это все, что у нас есть».

Васиф и Бога убиты, 254 г. хиджры.

Второй пообещал представить все дело на рассмотрение халифу, но пока он ходил с их петицией к повелителю, толпа разъяренных солдат набросилась на Васифа и, изрубив беднягу на части, насадила его голову на дымоход. Должности, занимаемые прежде покойным, достались Боге, который на какой-то момент оказался на самой вершине власти. Увы, и его черед настал очень вскоре. На следующий год Бога попытался уговорить Аль-Мутаза перенести свою резиденцию в Багдад, где халиф мог бы стать менее зависимым от иноземцев. Его завистливые соперники представили этот поступок как предательство, и Боге пришлось бежать, но лишь для того, чтобы быть схваченным и убитым. Его голова была выставлена в Самарре и затем в Багдаде, где «западники», выплеснув всю свою ненависть к Боге, сожгли ее, превратив в пепел.

Ахмед Ибн Тулун назначен представителем наместника в Египет.

Бабкийяль (или Байкибал) стал преемником Боги. Этот человек получил должность правителя Египта, которым решил управлять, подобно другим тюркам, продвинувшимся при дворе, через заместителя. На этот пост он назначил своим представителем Ахмеда Ибн Тулуна, одного из виновников в гибели Аль-Мустаина, и основателя династии Тулунидов.

Династия Тулунидов.

История Ахмеда — обычное явление для тех времен — может служить иллюстрацией как стремительного продвижения бывших рабов по службе, так и общей для местных правителей тенденции становиться независимыми от центральной власти. Отец Ахмеда, мамлюк, взятый в плен в Фергане, был подарен Аль-Мамуну и обучался военной специальности при дворе среди прочих рабов-тюрков. Ахмед, прошедший, таким образом, хорошую закалку в школе Самарры, заслужил благосклонность халифа, сумев показать ему отличные результаты, как в воинском искусстве, так и в грамоте и прочих мирных науках. Аль-Мустаин отвел ему достойную должность и дал молодую невольницу в жены, которой впоследствии суждено будет стать матерью Тулунидских

принцев. Бабкийяль, как мы уже видели, пошлет его затем в качестве своего представителя в Египет, где, постепенно упрочив свою власть, Ахмед, наконец, отбросит в сторону затруднявшее ярмо дряхлеющего халифата и станет независимым правителем Египта.

Неудачная внешняя политика.

Внешняя политика Аль-Мутаза была такой же скверной, как и внутренняя. Династия Тахиридов, находясь в упадке, терпела жестокие притеснения со стороны Якуба, сына Лейса-«Саффара» («жестянщика») из Сиджистана, который намеревался присоединить к своей провинции Керман, и чтобы легализовать эти притязания, добивался их одобрения при багдадском дворе. Али, правитель Фарса, который также стремился к независимости, обратился к халифу с подобной же просьбой. Аль-Мутазз, даровав титул одновременно тому и другому, понадеялся, что последующее соперничество неизбежно ослабит их обоих; но, в конце концов, Саффарида одержали верх. Нигде военным операциям Аль-Мутаза не сопутствовала удача. Мосул с окрестными территориями был захвачен Мусавиром, хариджитом, который много лет будоражил тот мятежный регион. В Малой Азии мусульманские войска были разбиты византийцами, один из исламских военачальников был взят в плен. И даже близлежащие к Багдаду провинции отказывались платить дань.

Бунт военных в связи с неуплатой жалованья.

Лишь немного нам остается сказать об Аль-Мутаза. Сокращающиеся доходы государства ускорили его конец. Военные так и не дождались причитающегося им жалованья. В связи с этим Салих, сын Васифа, вставший на защиту армии, захватил личных секретарей Аль-Мутаза и его брата вместе с государственными министрами, потребовав от них денег, которые те, должно быть, присвоили или сокрыли. Не получив на свое требование никакого ответа кроме того, что казна совсем опустела, заложников заковали в кандалы. Халиф просил мятежников отпустить одного из его личных секретарей, но те оказались глухи к его мольбам. Несмотря на то, что все бумаги несчастных министров удалось у них захватить, ни тем, ни другим путем от узников ничего нельзя было добиться. Вернувшись к халифу, главари недовольных согласились удовлетвориться на настоящий момент, если тот выплатит им аванс в сумме пятидесяти тысяч монет. Оказавшись в таком безвыходном положении, Аль-Мутазз обратился к своей матери, прозванной «Кабиха» («безобразная») — этим издевательским прозвищем она была награждена Аль-Мутаваккилем за свою красоту. Ее хитрость и влияние помогли этой женщине нажить несметные богатства, которые она прятала в различных тайниках. Но бессердечная женщина, не желая расставаться со своими сокровищами, добытыми нечестным путем, отвечала, что у нее ничего не осталось.

Аль-Мутазз схвачен и предан смерти.

Салих и Муса, сын Боги, доведенные к тому моменту до предела, сговорились вместе с Бабкийялем свергнуть Аль-Мутаза; и привели свой замысел в исполнение с совершенно бесчеловечной жестокостью. В сопровождении толпы возмущенных солдат они подошли

к дворцовым воротам и попросили халифа выйти к ним. Халиф, только что принявший какое-то снадобье от болезни, послал извиниться, что не может к ним выйти; и, не подозревая измены, пригласил их внутрь. Войдя в покои, заговорщики начали избивать Аль-Мутазза дубинками и топтать ногами; затем выволокли его за обрывки измочаленной одежды на улицу и оставили там под палящим полуденным солнцем, а была самая середина лета. После этого несчастного халифа заперли одного в комнате без пищи и воды; так что через три дня затворник скончался, несмотря на то, что был всего двадцати четырех лет от роду.

Мухтади становится преемником, vii. 255 г. хиджры, июнь 869 г. от р. Х.

Теперь выбор тюрков пал на его двоюродного брата: Аль-Мухтади, сына Васи́ка от византийской невольницы. Замкнутого и скромного, они посчитали этого человека наиболее подходящим для использования в своих интересах. Но они жестоко просчитались в своем выборе. Твердый и, в сравнении со своими предшественниками, добродетельный, Мухтади использовал власть в своих собственных интересах. Если бы это произошло раньше, то при поддержке арабской нации он сумел бы восстановить к жизни весь халифат. Но теперь, как в количественном отношении, так и в отношении сплоченности, иноземцы на всех ключевых позициях одерживали над арабами верх. Аль-Мухтади появился на сцене слишком поздно. «Весь обширный мир, — пишет наш летописец, — перевернулся вверх тормашками». Сначала Аль-Мухтади отклонил предложенное ему место халифа, посчитав, что это будет несправедливо по отношению к Аль-Мутаззу. Но приведенный к нему свергнутый халиф сам передал в его руки бремя своей власти, оказавшееся ему больше не под силу; и, таким образом, вся Самарра присягнула на верность Аль-Мухтади. В Багдаде поднялись волнения, там посчитали, что преемником должен был стать младший брат прежнего халифа и всеобщий любимец Абу Ахмед. Но деньги, посланные из Самарры — панацея того времени — успокоили народ; волнения прекратились, и присяга Аль-Мухтади была принесена.

Его добродетели.

Вскоре при халифском дворе произошли перемены, которых столь долгое время никто не желал: из дворца были изгнаны музыканты и девушки-певицы; все животные в зверинцах перебиты, гончие собаки выпущены на свободу; правосудие стало вершиться ежедневно в открытом суде; употребление вина и азартные игры были запрещены; и установился курс на бережливое хозяйствование. Фактически, новый халиф взял себе за образец для подражания набожного Омара, сына Абд Аль-Азиза.

Жестокие вымогательства Салиха.

После падения Аль-Мутазза, Салих, сын Васи́фа, решил не терять времени даром, обчищая тех из придворных, что успели сколотить себе немалые капиталы при прежнем халифе. Заточенные в темницу секретари и бывшие помощники халифа под ударами плетей вынуждены были расставаться со своими незаконно нажитыми богатствами. Двое из них скончались, не выдержав побоев. Кабихе удалось бежать и укрыться в пещере за пределами Самарры вместе со своими сокровищами. Но она была выслежена, после чего

ей пришлось признаться, что у нее припрятано в Багдаде больше миллиона золотых монет. Все эти деньги были конфискованы вместе с огромным запасом драгоценных камней — изумрудов, жемчугов и рубинов несказанной красоты и размеров; в то время как сама женщина была изгнана в Мекку. Когда она уезжала, Салих укорял ее за то, что, имея в своем распоряжении все эти несметные сокровища, она пожалела каких-то жалких пятьдесят тысяч, чтобы спасти своего сына; но в ответ она проклинала его в самых отвратительных выражениях — вот такое душераздирающее зрелище из жизни придворной Самарры. Тирания Салиха и тяжкая участь оказавшихся замученными чиновников сильно задела Аль-Мухтади. «Что касается меня, — сказал он, относительно Кабиhi, — то у меня нет матери,¹ на чьих невольниц и служанок нужно было бы тратить сотни тысяч; все мои нужды, это я сам, да мои братья, а на это нужно всего ничего».

Беспорядки и волнения в Багдаде, 255 г. хиджры.

Несколько месяцев спустя в Багдаде вспыхнуло очередное восстание. Персидские наместники, особенно те из династии Тахиридов, что были назначены на свои посты совсем недавно, сопровождались целыми эскортами выходцев с Востока, чьи имена не вносились в реестр государственных служащих. Им платили из отдельного фонда, и деньги на это отпускались непосредственно из казны Мерва. Сулейман, глава рода Тахиридов, доведенный до крайности своими врагами и вынужденный бежать из Хорасана, получил теперь должность правителя Багдада; а поскольку его предшественник полностью опустошил восточный фонд, ему пришлось оплачивать свою свиту из средств, предназначавшихся местному гарнизону. Возмутившись этим незаконным присвоением денег, гарнизон, объединившись с горожанами, поднялся против пришельцев с Востока, которые не замедлили ответить на это волною грабежей и насилия. Опасность усугубилась по вине персидского военачальника, сопровождавшего Сулеймана с большим количеством солдат и всякого рода авантюристов, которые, рассеявшись теперь по всей Месопотамии, призывали любителей легкой наживы напасть на Багдад. Вскоре несчастный город оказался окружен тысячами охотников за чужим добром. После продолжительной борьбы они были вынуждены удалиться, но, возвращаясь обратно в Нахраван, разорили всю страну на своем пути. Таким образом, со всех сторон в Междуречье стекались банды чужеродных наемников — будь то тюрков, хорасанцев, темнокожих африканцев или берберов — подобно стервятникам, стремящимся к своей добыче, они несли с собою в злосчастный «Город Мира» страдания и несчастья.

Муса нападает на Мухтади, 255 г. хиджры.

Муса, сын Боги, еще при прежнем правителе был отправлен на войну против утвердившихся в Дейлеме повстанцев из династии Алидов, поскольку положение в тамошних местах стало крайне критическим. Когда в войсках начал назревать заговор против Аль-Мутазза, Кабиha уговорила Мусу вернуться и спасти ее сына; но вскоре известия о смерти халифа достигли его лагеря, так что Муса решил остаться со своей армией для защиты Ар-Рея. Затем пришли новости о злоупотреблениях и

¹ По смерти Васи́ка Аль-Мустаин взял мать Аль-Мустади себе в жены, а после убийства Аль-Мустаина она была заточена Аль-Мутаззом в Багдаде, где и умерла. Такова была печальная участь этих Аббасидских принцесс.

вымогательствах Салиха; и помощники Мусы, жаждавшие своей доли в богатой добыче, понудили его вопреки повелению Аль-Мухтади вернуться с ними в Самарру. Там он пошел прямо к халифу, который находился в суде, верша правосудие. Последовала обычная ссора, после чего Мусе пришлось выпроваживать халифа из суда на лошади одного из служителей, как Аль-Мухтади этому не противился. Эту перебранку дополнила картина привычного уже солдатского бунта и мародерства. Урезоненные Аль-Мухтади, осознав, что их скандальная выходка оскорбляет, безусловно, верховного правителя, Муса и его сторонники с готовностью заверили халифа в своей лояльности, получив от него обратные уверения, что все преступления Салиха будут наказаны, и правосудие восторжествует.

Преследование Салиха, i. 256 г. хиджры, декабрь 869 г. от р. Х.,

Салих, отныне брошенный всеми своими друзьями, бежал в какое-то потайное место. Оттуда через неизвестное лицо он послал халифу письмо, в котором добивался рассмотрения своего дела в суде и возмещения понесенных им убытков. Аль-Мухтади был настроен положительно, и тюрки предположили, что он знает его тайное убежище и потворствует беглецу. Они уже совсем решились свергнуть нового халифа; Но Аль-Мухтади смело встретил их с мечом в руке, готовый зарубить первого, кто осмелится к нему приблизиться. Он отрицал свою осведомленность о пристанище Салиха и пообещал им принять участие в открытом судебном разбирательстве наутро после молитвы. Между тем, жители Багдада, уже привыкшие к вероломству тюркского судопроизводства, были так тронуты опасностью, в которой оказался их монарх, которого они уже научились уважать и любить, что разбросали по всем улицам и переулкам своего города воззвания. В них содержался призыв к молитве и просьба о заступничестве Господа, дабы спасти их благочестивого халифа и разрушить планы мятежных тюрков. Отряд иноземных наемников, оказавшись под влиянием этого воззвания, сплотился вокруг Аль-Мухтади, пообещавшего им наилучшим образом преобразовать правительство, обеспечить должную оплату, отдать Салиха под суд, а также разобраться с Мусой. Поиски Салиха долгое время продолжались безрезультатно и представляли опасность для халифа. Но, наконец, он был обнаружен, за ним погналась толпа народа, и вскоре слуги Мусы доставили его к своему хозяину,

... и его убийство, ii. 256 г. хиджры, янв. 870 г. от р. Х.

который убил его и выставил голову беглеца с такою надписью (необычная сентиментальность для тюрков): «Такова участь того, кто убивает своего Господина».

Мухтади снова в беде.

Так прошло несколько месяцев, пока вновь не разрослось недовольство солдат тюркского гарнизона Багдада из-за невыплаты им жалованья. Халиф заявил им, что казна пуста, поскольку братья Мусы, — сыновья «старшего» Боги, партия, в настоящий момент находившаяся в оппозиции к Аль-Мухтади — присвоили все доходы. Тогда они решили бежать к Мусе, который вместе с Бабкийялем был в то время занят в Мосуле подавлением восстания Мусавира. Доведенный до полного отчаяния, сам Аль-Мухтади опустился до

вероломного поступка. Он то ли сам отправил гонца братьям Мусы, то ли заставил мятежных солдат послать туда своего представителя, гарантируя братьям безопасность; но когда те прибыли к нему, не только потребовал от них покрытия огромных сумм налоговых сборов, но и сделал так, что один из них был убит и сброшен в колодец. Затем он написал Мусе оставить армию на Бабкийяля, а самому возвращаться в Самарру; в то же время он написал Бабкийялю организовать убийство Мусы. Но Бабкийяль, на чью лояльность и дружбу Аль-Мухтади наивно полагался, встал на сторону Мусы. Когда он показал тому письмо, оба тут же решили вместе вернуться в Самарру, чтобы одним ударом положить конец издевательствам халифа. По их прибытию, однако, Аль-Мухтади, разгадав их замыслы, приказал схватить Бабкийяля. Халиф решился бесстрашно сражаться за свои права, пускай даже его ждет погибель. Шесть тысяч солдат сплотились вокруг него, в основном то были арабы и «западники»; но среди них была также одна тысяча тюрок, поддерживавших ранее Салиха. Армия мятежников, вдвое превышающая имперские силы, пошла в атаку на сторонников Аль-Мухтади; в ответ на это халиф отдал приказ убить Бабкийяля,

Его войско разгромлено мятежниками.

и бросить его голову в ряды бунтовщиков. Но время было уже упущено. Вероломные тюрки начали перебегать на сторону противника, а оставшихся бойцов покинуло мужество. Напрасно Аль-Мухтади взывал: «Здесь сам властитель правоверных; спешите на выручку халифата!» Никто ему не ответил. Проходя мимо темницы, халиф бросился отпирать ее ворота, в надежде, что заключенные ему помогут; но и это было тщетно. В итоге, ему пришлось бежать и искать убежища в доме начальника своей охраны. Оттуда, посаженным верхом на мула, халиф был доставлен во дворец к тюркскому военачальнику, где его стали принуждать отречься от престола. Халиф отказался и приготовился встретить свою смерть. Тогда, дабы придать видимость правосудия своим действиям, заговорщики представили на суд бумагу, в которой Аль-Мухтади обещал Мусе и остальным не прибегать против них к предательству. Там говорилось, что если халиф нарушит свое слово, они могут считать себя освобожденными от принесенной ими клятвы верности.

Убит, vii. 256 г. хиджры, июнь 870 г. от р. Х.

Таким образом, запасшись для своего спокойствия данным документом, оправдывавшим их деяние, мятежники яростно обрушились на своего монарха с кулаками и пинками, затем бросили несчастного в темницу, где, промучившись несколько дней, он скончался. Очевидцы заявляли, что на его теле, захороненном рядом с останками его предшественников, не было видно следов насилия. Аль-Мухтади умер в возрасте тридцати восьми лет, его правление продлилось менее одного года. Летописцы хвалят его за справедливость и благочестие; и если бы он смог устоять до конца и не ответить вероломством на вероломство, возможно, этот халиф занял бы почетное место среди наиболее замечательных людей своей нации.

Тюркские похороны.

Мухаммад, один из сыновей Боги, был найден мертвым. Очевидно, он пал на поле боя. Целая тысяча мечей была разбита вдребезги над его могилой согласно грубому тюркскому обычаю.

ГЛАВА LXX

АЛЬ-МУТАМИД И ЕГО БРАТ АЛЬ-МУВАФФАК.

256-279 г. хиджры / 870-892 г. от р. Х.

Временное возвращение процветания.

С ЭТОГО момента мы неожиданно начинаем видеть халифат в более благоприятном свете, с совершенно ясной перспективой возвращения его былой мощи и процветания. И перспективе этой суждено будет сохраняться до конца столетия. Пример бесстрашия в делах, данный нам Аль-Мухтади, каким бы печальным ни был его конец, а также череда последовавших за ним способных правителей, без сомнения, оказывает здесь свое влияние. Но главной причиной этого мимолетного расцвета явилось все же возвращение двора в восемьсот девяносто втором году от рождества Христова в Багдад,¹ где, заручившись поддержкою местного населения, халифам оказалось легче избегать произвола и пагубного воздействия тюркской солдатни. В то же время, там стало возможным привнести в процессы управления западные элементы — для того, чтобы сбалансировать влияние Востока. Как бы то ни было, во время царствования последующих трех халифов не было рецидивов постыдных попыток нападений на личность властителя правоверных, из-за которых прежний самаррский двор сделался притчею во языцех.

Мутамид, 256 г. хиджры, 870 г. от р. Х.

После свержения Аль-Мухтади, ведущие придворные освободили находившегося в заточении в Самарре старшего сына Аль-Мутаваккиля и провозгласили его халифом под именем «Аль-Мутамид». Муса, сын Боги, хотя и занятый в тот момент различными идеями хариджитов в Аль-Ахвазе, поспешил вернуться ко двору и выразить свое почтение новому повелителю. И в самом деле, Муса, покончив со своим прошлым, проявил себя смелым и преданным вассалом, так что через некоторое время он был назначен по халифскому указу наставником его сына, которому, как престолонаследнику, была доверена в управление западная часть империи ислама. Сам же Аль-Мутамид оказался слабым и беспомощным монархом.

Его брат Муваффак становится фактическим правителем империи.

Однако фактическим правителем и опорой магометанского государства стал его брат Аль-Муваффак, уже упоминавшийся нами под именем Абу Ахмеда. Когда восстание «зенджей» стало угрожать безопасности Багдада, встревоженный Аль-Мутамид призвал своего брата, который являлся в то время правителем Мекки. С тех пор Аль-Муваффак удерживал в своих руках бразды правления всей империей ислама вплоть до своей смерти, которая случилась незадолго до кончины самого Аль-Мутамида.

¹ Имеется в виду та часть Багдада, что располагалась на восточном берегу Тигра; ведь изначально город был основан на западном берегу реки.

Восстание «зенджей», 255 г. хиджры, 869 г. от р. Х.

Восстание зенджей, только что упомянутое, целых пятнадцать лет держало население в страхе и трепете. Главарь мятежников, перс по происхождению, выдавал себя за потомка Али. В начале своей карьеры этот мятежник еще выдвигал какие-то духовные постулаты, но постепенно стали проявляться его истинные чисто разбойничьи интересы, за что он был прозван «Аль-Хабисом», что значило «Нечестивец». После безрезультатных попыток посеять свои интриги в Аравии Аль-Хабис перенес знамя восстания в Аль-Басру, пообещав свободу рабам и бесчисленные трофеи всем, кто рискнет вступить в ряды его банды. В качестве призыва он начертал на своем знамени текст, извращенно трактуя слова Пророка как погребальный звон по рабству.¹ Не удивительно, что, наученные им нападать на своих же хозяев рабы тысячами стекались к Аль-Хабису, также как и постоянно жаждущие легкой добычи бедуины. Слово «зенджи», означавшее эфиопов — то есть, рабских отбросов Африки — и дало название этим мятежникам. В двести пятьдесят пятом году хиджры зенджи одержали свою первую победу; и в последующие два года их банды распространились по всей дельте Евфрата и по берегам Каруна, вплоть до Аль-Ахваза. Вновь и вновь они одерживали верх над посланными против них карательными отрядами, а их флот удерживал господство на обеих реках. Окрыленные такими успехами, мятежники в двести пятьдесят седьмом году хиджры (восемьсот семьдесят первом году от р. Х.) двинулись на Аль-Басру, взяли ее штурмом и в течение трех дней подвергали ее жителей всякого рода надругательствам. В конце концов, они гарантировали несчастному населению пощаду, и множество собравшихся людей, которые поверили лукавому обещанию, были без малейшей жалости перебиты. Большая мечеть была разрушена, а сам город предан огню. Дело кончилось тем, что халиф, встревоженный близостью опасного соседства к его столице, призвал Аль-Муваффака выступить против зенджей. Аль-Муваффак яростно схватился с врагом, но имел лишь частичный успех — ибо возникавшие повсюду опасности заставляли его время от времени отвлекаться на другие операции, также требовавшие его непосредственного участия. Не удалось добиться большего ни Мусе, ни другим исламским полководцам, находившимся в таком же положении.

Восстание зенджей, 265 г. хиджры 878 г. от р. Х.

Из года в год, не взирая на поражения, огромные полчища зенджей заполняли Аль-Ирак, Хузистан и Аль-Бахрейн. То в виде мародерствующих банд, то как более ли менее организованное войско, они вселяли ужас в беззащитных земледельцев, хлынувших отовсюду в Багдад в поисках убежища. Аль-Ахваз был разграблен, а захваченный Васит вообще превратился в центр, откуда мятежники стали осуществлять свои разрушительные набеги. Так на протяжении десяти лет несчастная земля подвергалась опасностям и

¹ Интересное извращение смысла Суры ix. 112: «Господь выкупил у верующих их души [или их самих] и их достояние, пообещав им рай»; в которой Пророк побуждает людей сражаться на путях Господа. Этот изначальный смысл толкуется неверно. Якобы личности всех верующих, будучи, таким образом, куплены, и тем самым искуплены, не могут быть больше объектами рабства. [Не менее интересны и чисто расистские взгляды самого автора, как представителя самой большой колониальной империи того времени — *прим. перев.*].

мучениям. Наконец, Аль-Муваффах, освободившись от досаждавших ему внешних врагов, объединил силы своей собственной армии и той, что действовала под командою его сына Аль-Мутадида. Теперь удача оказалась не на стороне взбунтовавшихся рабов. Зенджи постепенно были выбиты из Хузистана и оттеснены к нижней дельте Междуречья; однако там они продолжали удерживать свои хорошо укрепленные позиции, защищенные с одной стороны прочными стенами крепостей, а с другой — окружавшими их глубокими каналами. Борьба, которая растянулась на целых пять лет, описана с утомительными подробностями. Даже после того, как враг был выбит из всех прочих своих крепостей, основная цитадель, подвергавшаяся почти постоянной осаде, за исключением небольшой передышки вследствие ранения Аль-Муваффаха, еще целых три года оставалась неприступною.

Разгром зенджей и гибель их лидера, 270 г. хиджры 883 г. от р. Х.

Поняв, что сопротивление бесполезно, мятежники большими толпами стали переходить на сторону Аль-Муваффаха, который радушно их принимал. Он даже предложил пощаду их главарю, от которой тот с презрением отказался. Наконец, главная цитадель бунтовщиков пала, и множество женщин, освобожденных из плена, смогло возвратиться по своим домам. Аль-Хабис попытался бежать, но был схвачен и убит. Когда его голову пронесли перед собравшейся армией халифа, солдаты пали ниц, воздав хвалу небесам за то, что были избавлены от проклятого «Нечестивца».¹

Отдаленные провинции Востока отходят теперь в нашей истории на второй план. Традиционный авторитет Багдадского двора все еще имел частичный вес, пускай и не в чем другом, как в том, что оттуда шли все назначения сановников; и славословие халифу по-прежнему звучало повсюду во время публичных молитв, за исключением случаев совсем уж открытой враждебности.

Положение в восточных провинциях, 261 г. хиджры, 874 г. от р. Х.

Тахириды, разбитые Саффаридами, сошли со сцены, и с этого момента упоминаются только лишь как резиденты Багдада, занимавшие там положение главных людей в городе и бывшие его правителями. Династия Алидов все еще удерживала свое господство в юго-восточных районах Каспия; но новый враг поднялся против них в роду Саманидов — благородное семейство, которое с давних пор сохраняло наместничество в Хорасане, а теперь вновь возжелавшее независимости. Эти отдаленные от центра волнения, однако, так же как и карьера проходимца Аль-Худжустани, который с двести шестьдесят первого

¹ Небывалая протяженность этой истории, а также тенденция преувеличивать события, сказались в описании того тяжелого урона, который нанес этот необузданный и ожесточенный враг прилегающим к Багдаду районам. В двести шестьдесят седьмом году хиджры пять тысяч женщин, освобожденных из одной крепости, были посланы в Васит, чтобы затем отправиться по домам; вскоре после этого упоминается о двадцати тысячах пленников, бывших земледельцев из окрестностей Аль-Куфы, которые были освобождены при освобождении другой крепости. Армия Аль-Муваффаха насчитывала пятьдесят тысяч человек, в то время как армия зенджей, нас убеждают, была в шесть раз больше. Даже допуская, что к «Нечестивцу» действительно могли примкнуть огромные массы рабов, такое количество выглядит явно баснословным. Об этой войне рабов читайте у Нельдеке: Nöldeke, *Sketches of Eastern History*, стр. 146 и далее.

по двести шестьдесят восьмой год набрал огромную силу на Востоке, мало повлияли на сам халифат.

Враждебность Якуба-Саффариды, 262 г. хиджры.

Но вот Якуб-Медник («Саффар»), оказался новой причиной для беспокойства. Не удовлетворившись многочисленными провинциями, которые его семья контролировала у себя на Востоке, Якуб бросил свой алчный взор на западные земли, и, пожелав господства над Фарсом, стал просить халифа отдать его ему. Оскорбленный такой бесцеремонной просьбой, Аль-Мутамид, позвав паломников, которые как раз возвращались на Восток, во всеуслышание заявил, что отзывает Якуба из Хорасана. Якуб, прослышав про это, поспешил отомстить, двинув свои войска не только на западные провинции Персии, но уже и на сам Багдад. Отказавшись от уступки, на которую халиф, не на шутку встревоженный, теперь готов был пойти, Якуб переправился через Тигр ниже столицы, прошел Васит, и был уже на подступах к Багдаду, когда встретился с армией Аль-Муваффака. Он был разбит с огромными потерями, и, оставив свой лагерь с десятью тысячами мулов и несметной добычей, был вынужден бежать назад в свои персидские провинции. При этом последнему из Тахаридских правителей, который до этого был разгромлен своим соседом и находился у него в плену, после поражения армии Якуба удалось бежать в Багдад. Там он был радушно встречен и даже получил пост губернатора столицы. Летописцы упоминают один забавный случай. «Нечестивец», лидер зенджей, в то время бывший еще в силе, после поражения Якуба предложил ему объединиться и снова напасть на Багдад. На это предложение тот ответил с презрением: «Скажи: “О вы неверные! Я не стану поклоняться тому, чему вы будете поклоняться, и вы не поклоняйтесь тому, чему я буду поклоняться”»».¹

265 г. хиджры.

Минуло несколько лет, и вновь халиф шлет дружественное послание Якубу, все еще продолжавшему удерживать под своей властью западные земли Персии. Гонец с письмом халифа застал старика на смертном одре. С одной стороны у него лежал меч, а с другой оказалась корка хлеба с луком — свидетельство простых вкусов этого великого воина. Приподнявшись со своего ложа, он ответил посланнику: «Так скажи твоему господину. Я смертельно болен. Если я умру, то считай, что я избавился от тебя, а ты от меня. Если же останусь жить, то между нами не может быть ничего кроме этого меча, которым я попытаюсь одолеть тебя; или же, потерпев поражение, удалюсь, довольствуясь (и он указал на черствую корку) такой простой наградой».

Смерть Якуба.

Якуб умер. Ставший преемником его брат Амр покорился халифу и был со всеми почестями признан правителем исламского Востока до самых отдаленных его рубежей — всего Востока, от Синда до Хорасана.

¹ Сура six.

Династия Саффаридов, 271-274 г. хиджры.

Но через несколько лет положение изменилось; ибо Аль-Муваффах, освободившийся теперь как от внутренних, так и от внешних опасностей, возгорелся желанием восстановить династию Тахаридов. Он повелел объявить Саффаридов вне закона во всех мечетях, и, встретившись с Амром на поле боя, сумел изгнать его прочь от захваченных им западных земель: назад в Сиджистан. Правда, ближе к концу царствования Аль-Муваффаха Амр снова обретает почет и прежнее признание халифа. Но, в конце концов, он падет, как мы увидим позже, в борьбе с многочисленными врагами, которые быстро плодились на Востоке, объединенные жаждой борьбы за превосходство их края над другими землями халифата. Утверждение династии Саффаридов станет первым шагом к обретению Персией национальной независимости.¹

Правление Тулунидов в Египте, 254-270 г. хиджры, 868-883 г. от р. Х.

Мы оставили Египет в тот момент, когда Ахмед Ибн Тулун, назначенный, как мы помним, правителем Фустата в двести пятьдесят четвертом году хиджры, начал постепенно утверждать свою независимую ни от кого власть над всей страной. Этот мудрый и способный правитель способствовал процветанию своей земли, как никто другой до него. Собранные налоги, вместо того, чтобы отправляться в Багдад, стали употребляться на оплату общественных работ дома в Египте; здания, каналы и благотворительность — все это оказалось предметами заботы нового правителя, а мечеть, носящая имя Тулуна, и поныне служит украшением Каира. Стали процветать науки, в то время как блистательный двор и достаточно мощная армия поддерживали достоинство Египта и без чрезмерного повышения налогового бремени. Какое-то время Ахмеду пришлось вести внутреннюю борьбу против Алидов и прочих претендентов, которых он в итоге усмирил; чтобы впоследствии с таким же успехом он сразиться с Ибрахимом, правителем Кайруана из рода Аглабидов, который после значительных побед на Сицилии простер было свои амбиции на восток.

262 г. хиджры.

В это время Аль-Муваффах, возревновав к независимости правителя Египта, отправил туда Мусу с войском, надеясь снова принудить Ибн Тулуна покориться метрополии. Египтяне, располагавшие прекрасными ресурсами, без труда одолели захватчиков. Дело кончилось тем, что войска Мусы, терпевшие значительную нужду и лишения, подняли мятеж в Ар-Ракке, и после долгих месяцев бездействия вынудили своего командира повернуть назад в Аль-Ирак.

*Кампания Ахмеда Ибн Тулуна в Малой Азии и Сирии,
264 г. хиджры, 877 г. от р. Х.*

¹ Подробнее о династии Саффаридов читайте у Нельдеке: Nöldeke, *Sketches of Eastern History*, стр. 126 и далее.

Примерно в это же время Византийский двор, воспользовавшись теми внутренними проблемами, что отягощали халифа, предпринял серьезное наступление в Малой Азии. Тарс, город, которому не везло со своими правителями, позволил крепости Лулуа пасть в руки врага. Ахмед Ибн Тулун уже давно просил разрешения на использование его египетских ратей против византийцев, но Аль-Муваффах высокомерно отверг это предложение. Халиф, однако, относившийся к Тулуну с большим почтением, чем его брат, решился вверить судьбу военной операции в руки египтянина. Оставив своего сына Хумаравея управлять страной в его отсутствие, Ахмед, с радостью воспользовавшись представившейся ему возможностью, тотчас отправился в Сирию, где ему вначале оказали сопротивление. Но, без труда разбив отряды выступивших против него местных правителей, он захватил Дамаск и Антиохию и вскоре подступил к Тарсу. Здесь ему оказали плохой прием, и Ахмед был вынужден воротиться в Сирию, предоставив грекам и далее развивать свой успех. Однако ему удалось сохранить свое господство над Сирией и, повернув свою армию на восток, он взял Харран. В то время как перед Ибн Тулуном открывалась перспектива дальнейшего наступления в сторону Мосула, до него дошли вести о том, что его сын Хумаравей бросил столицу и удалился в Барку, прихватив с собою всю государственную казну. Там глупый юнец задумал основать свое собственное новое царство; но, развязав войну на западе, был разбит Аглабидами и был вынужден вернуться в Барку.

268 г. хиджры.

Хумаравей был схвачен воинами своего отца и доставлен обратно в Фустат — какое жалкое, должно быть, было зрелище! По повелению Ахмеда его сын вынужден был собственноручно исполнить наказание, назначенное сбившим его с пути советникам. Затем он сам получил сотню плетей, после чего Ахмед горько зарыдал от жалости к своему сыну, укоряя его за глупость.¹

Ибн Тулун приглашает халифа в Египет, 268 г. хиджры.

Между тем, освобождение крепости Лулуа мамлюком Ахмедом продолжило триумфальное наступление, начатое его господином. Господство Тулунидов распространялось уже от Сирии до Мосула, когда случился непредвиденный Ахмедом поворот событий [из-за выходки его сына]. Руки Аль-Муваффака были еще связаны в то время смертельной схваткой с мятежниками-зенджами, и империя ислама повсеместно страдала от беспомощности и некомпетентности его брата Аль-Мутамида. Тщеславный Ахмед усмотрел в этом свой шанс. Он предложил халифу, который лишь назывался монархом, не имея реальной власти, бежать в Египет, где его верные вассалы Тулуниды могли бы обеспечить ему безопасность, абсолютное господство и победу над своим деспотичным братом.

¹ Эта сцена описана с большим чувством. Наказание, которое по повелению Ахмеда свершил его сын над своими недобрыми советниками было, однако, столь варварским, что свело на нет весь воспитательный эффект в целом; да я и не решаюсь приводить его описание в этом труде дословно. Сыну тирана было приказано отрубить несчастным руки и ноги, превратив людей в жалкие обрубки. Вы можете подумать, что эти зверства преувеличены. Но даже и более жестокие издевательства совершались на земле злосчастного Египта во времена правления династии Мамлюков.

Мутамида принуждают вернуться, 269 г. хиджры.

Но Ибн Тулун не учел бдительности Аль-Муваффака, который, раскрыв заговор, приказал схватить Аль-Мутамида по пути в Мосул. Вместе со своими основными сподвижниками, в цепях, он был с унижением доставлен назад в Самарру. Ахмед, планы которого оказались, таким образом, разрушены, излил свой гнев, прокляв имя Аль-Муваффака на публичных молитвах; в свою очередь и Аль-Муваффак принудил Аль-Мутамида предать анафеме своего протезе со всех кафедр в мечетях, где еще признавалось главенство халифата. Равно неудачной оказалась и попытка Ахмеда занять председательствующее место на ежегодном паломничестве: отряд того чиновника, которого он отправил для своего представительства в Мекку, был разгромлен имперскими войсками, сопровождавшими персидских паломников. И в этом случае, только уже Священным домом, неудачливый Тулунид был проклят на публичной молитве перед множеством собравшихся мусульман. Хуже всего, однако, была измена Лулу, военачальника Ибн Тулуна, возглавлявшего его войска в Сирии. Этот полководец перешел на сторону Аль-Муваффака и отправился напрямик к тому в Васит, уведя с собою целую армию. Там он был встречен с распростертыми объятиями, и ему суждено было сыграть большую роль в разгроме восстания зенджей. Но спустя несколько лет Лулу, лишенный Аль-Муваффаком своего обширного богатства (владение которым, по утверждению самого Лулу, было его единственной виною), вернулся в Египет нищим, с одним единственным слугой — вот убедительный пример как нестабильности, свойственной тому времени, так и (добавляет наш летописец) справедливого воздаяния за неблагодарность своему хозяину, даровавшему ему некогда свободу.

Смерть Ахмеда Ибн Тулуна, xi. 270 г. хиджры, 884 г. от р. X.

Вскоре после этого Ахмед скончался, свершив период своего шестнадцатилетнего правления в Египте, а также значительный по времени период господства в Сирии. Преемником его стал Хумаравей, недостойный наследник прославленного имени своего отца.

271 г. хиджры.

Между ним и халифом несколько лет не прекращалась борьба за господство над Сирией и Месопотамией, но и по окончанию множественных сражений положение вещей во многом оставалось таким же, каким оно было в самом начале.

Состояние провинций.

Мосул и прилегающие к нему районы, долгое время страдавшие от набегов хариджитов, а позднее — из-за вторжения египетских войск, были теперь на какое-то время возвращены под власть халифата. Но восстания Алидов, продолжавшиеся на протяжении всего этого царствования, не оставляли в покое магометанскую империю. Аль-Куфа была захвачена одним из таких претендентов, отряд которого удалось разбить лишь после нескольких кровопролитных сражений; этот город, однако, лишенный отныне своей исключительности, перестал быть по-настоящему горячей точкой на карте. Медина

подверглась нападению армии, также возглавляемой еще одним из мятежников-Алидов, и в городе снова начался такой беспредел, что в течение четырех недель никто не осмеливался прийти на молитву в мечеть Мухаммада. Эти беспорядки не прекращались до той поры, пока недостойные потомки Пророка не были выдворены вон.

Стычки с греками в Малой Азии.

В самом начале этого правления император Василий, воспользовавшись беспорядками внутри халифата, повел наступление на сирийскую границу, и, как мы уже видели, захватил крепость Лулуа. В последующие годы, несмотря на сопротивление павликиан, занявших сторону арабов, византийцы продолжали одерживать победы, и однажды даже захватили в плен одного арабского военачальника, которого доставили затем к императорскому двору. В более позднее время удача от них отвернулась, и ряд побед был одержан правителем Тарса, представителем Тулунидов, который, однако, плохо кончил — он погиб от камня, брошенного со стены осаждаемой им крепости.

Болезнь Муваффака, 278 г. хиджры, 891 г. от р. Х.

В начале двести семьдесят восьмого года хиджры Аль-Муваффак во время северной кампании был поражен слоновой болезнью. Страдальца пришлось доставить на носилках в Самарру. Очень долгое время он являлся фактическим правителем империи. За несколько лет до этого Аль-Мутамид хотел поставить визирем своего человека, но при приближении Аль-Муваффака бежал через реку; и так как он во всем уступал желаниям своего брата, то даже отправил в темницу своего только что назначенного фаворита. Поэтому Аль-Муваффак, сделавшись больным, решил передать верховную власть, которою он обладал, своему собственному сыну, Аль-Мутаиду (Аль-Мотаиду). Этот юноша пользовался большой популярностью в столице.

Его сын Мутаид.

Когда-то, попросив себе наместничества в Сирии вместо другого поста, на который его назначил его отец, он очень разгневал Аль-Муваффака. Тот даже наложил на сына арест; в результате среди горожан, перепугавшихся за жизнь и безопасность своего любимца, вспыхнули волнения, не прекратившиеся до того момента, пока юноша не был освобожден из-под стражи. Вот и теперь подобные эмоции можно было видеть повсюду. Поскольку конец Аль-Муваффака был уже близок, халиф приказал визирю перевезти своего брата Аль-Мутаида из Аль-Медайна, где тот находился в изгнании, в Багдад. Народ же, подумав, что и визирь отныне принял сторону слабоумного халифа, восстал против его правительства. Вообще-то, Аль-Мутаид и в самом деле находился в некоторой опасности, но его друзья преуспели, сумев без особых затруднений доставить его

Его смерть.

в покои отца, который на смертном ложе успел формально передать сыну верховную власть, которую сам Аль-Муваффак столь долгое время удерживал в своих руках, активно

используя ее на благо исламской империи. Вскоре после этого он скончался, достигнув возраста сорока девяти лет.

*Смерть Мутамида и воцарение Мутадида,
vii. 279 г. хиджры, окт. 892 г. от р. Х.*

Аль-Мутамиду так и не довелось возратить себе власть де-факто; более того, в действительности, он зачастую, как прежде, так и теперь, вынужден был бороться с бедностью, располагая в своем кошельке всего лишь несколькими динарами. На следующий год после смерти его брата, Аль-Мутамида принудили публично лишить своего сына права наследования и объявить своим преемником Аль-Мутадида. Он не на долго пережил своего брата, упившись до смерти вином во время ночной попойки. Умер он в возрасте пятидесяти лет, из которых пробыл главою халифата, пускай и не номинальным, свыше двадцати трех лет.

ГЛАВА LXXI.

АЛЬ-МУТАДИД И АЛЬ-МУКТАФИ.

279-295 г. хиджры / 892-907 г. от р. Х.

Мутаидид, 279 г. хиджры, 892 г. от р. Х.

АЛЬ-МУТАДИД, уже и раньше обладавший всей полнотою власти в халифате, продолжал умело управлять империей уже в качестве законного самодержца. Египет возвратился в свое прежнее подданство; ибо Хумаравей, не устояв перед высокой честью, отдал свою дочь в жены халифу с огромным приданым и обещанием выплачивать дань ежегодно. Вскоре после этого он был убит при обстоятельствах, не делающих чести ни ему, ни его двору.

Египет.

В стране начались беспорядки, когда к власти пришел его младший сын. Но и он, через несколько месяцев после своего воцарения, был также убит. Впрочем, и при другом сыне Хумаравея, Харуне, занявшем место правителя, дела шли хуже некуда.

*Хорасан. Глава Саманидов разбивает Амра-Саффарида;
отправляет пленника в Багдад, 288 г. хиджры.*

А Хорасан постепенно начинает ускользать из нашего поля зрения. Его правители, даже находясь далеко на востоке, все еще были рады получить подтверждение своего титула из Багдада. Но за пределами Аль-Ирака мусульманский халифат имел мало реальной власти. Дом Саманидов, ратовавший за независимость Персии, восставал против приходящих в упадок Саффаридов, чье господство ограничивалось ныне лишь Сиджистаном; и глава последних, Амр Ибн Лейс, взятый в плен правителем из рода Саманидов, был переправлен им в Багдад; где какое-то время находился в заточении, после чего с молчаливого согласия Аль-Мутадида, находившегося уже на смертном одре, был, в конце концов, казнен.

287 г. хиджры.

Династия Алидов, которой в течение столь долгого времени удавалось удерживать господство на территории Табаристана, также была проглочена Саманидами. Непосредственная власть халифа простиралась теперь на восток лишь до Ар-Рея; но даже и в этих пределах существовало могущественное семейство Абу Дулафа,¹ ставшее к тому времени более или менее независимым. Как бы то ни было, на данный момент их независимость была подавлена Аль-Муктафи, сыном халифа, так что западная Персия все еще продолжала признавать верховенство Багдадского двора.

¹ Того самого, чьи достоинства, воспетые слепым поэтом, так раздосадовали Аль-Мамуна. Смотрите выше сноску на стр. 509 текста оригинала.

Месопотамия.

В Месопотамии халиф и его сын долгое время боролись против хариджитов, чьи банды все еще свирепствовали от Мосула до Амида. В конце концов, в этом регионе, который так долго был беспокойным, частью из-за бедуинских мятежников, частью из-за вражды между египетскими и халифскими военачальниками, был, пускай и на время, восстановлен порядок.

Управление Аль-Мутадида.

Аль-Мутаидид оказался храбрым и энергичным правителем. Он достаточно терпимо относился к дому Али. Достаточно сказать, что, когда Алидам было послано большое пожертвование из Табаристана от тамошнего князя, происходившего из их рода, халиф нимало не расстроился, подобно своим предшественникам. Он только настоял, чтобы впредь такие дела велись открыто. А вот по отношению к Омейядам он не проявлял такой толерантности. В действительности его неприятие зашло столь далеко, что Омейядов уже начали предавать проклятию на публичных молитвах. Аль-Мутаидид даже завел книгу со списком их злодеяний, который должен был оглашаться с кафедр всех мечетей; а также запретил любые благосклонные упоминания об этом семействе во время дебатов в обществах по интересам или на религиозных собраниях. Последствием такого отношения к Алидам явилось начавшиеся в Багдаде народные волнения; в итоге, халифу пришлось отказаться от продолжения оглашения его «книги преступлений». Аль-Мутаидид отличался также и крайней жестокостью в своих наказаниях, некоторыми из которых он превзошел своих предшественников. К примеру, мятежник-зендж, получивший прощение, но впоследствии уличенный в хищении на военной службе, был привязан к столбу и сожжен на костре. После чего труп сняли со столба, обезглавили, а останки, посаженные на кол, были выставлены на большом багдадском мосту. Лидер хариджитов из Мосула, попавший к халифу в руки в результате измены, был проведен по улицам столицы, облаченный в шелковое одеяние (ношение одежды из шелка почиталось у хариджитов грехом), а затем распят. Страдалец громко стонал: «Власть должна принадлежать одному лишь Господу, да не простирается так далеко ярость неверных!» Еще с одного из хариджитов была «заживо содрана кожа», как замечает наш летописец, «в точности так, как обдирают барана».

Муктафи, 289 г. хиджры, 902 г. от р. Х.

После почти десяти лет царствования, обернувшегося для исламского государства годами сплошного процветания, Аль-Мутаидид свершил свой жизненный путь; и трон наследовал Аль-Муктафи, его сын от тюркской невольницы. К тому времени он занимал командный пост в Ар-Ракке, но, узнав о смерти отца, тут же вернулся в столицу, где снискал расположение горожан своей щедростью и упразднением подземных тюрем, учрежденных умершим халифом и служивших подлинным ужасом для Багдада. На протяжении его почти семилетнего правления империя подвергалась различным опасностям, которые бесстрашному халифу

Кармасианцы.

удавалось преодолевать. Основная угроза исходила от «Карамиты» (карматианцев), группы фанатиков, особенно разросшейся в конце его правления, о которых мы расскажем подробнее в следующей главе.

Египет возвращается под власть халифа, 290 г. хиджры, 903 г. от р. Х.

В разгроме озверевших орд карматианцев, занявших Сирию и осадивших Багдад, халиф получил существенную помощь от египетской армии, пришедшей под командою Мухаммада Ибн Сулеймана. Впоследствии этот полководец, видя всю беспомощность правления Тулунидской династии, и, как следствие, беспорядки по землям Египта, не только перешел на сторону халифа, но и выступил с весьма мощным войском, чтобы покорить свою родную страну и восстановить ее подчиненность халифату. В то же самое время вышедший из Тарса флот вошел в акваторию Нила с той же целью. Когда армия Мухаммада подошла к Каиру, к ней присоединилось большинство ведущих военачальников, оставив Харуна с незначительными силами.

Харун убит, 292 г. хиджры.

Но и те командиры, что оставались в его распоряжении, перессорились между собой, и Харун, пытаясь усмирить вспыхнувшее волнение, был убит стрелой. Египет, восстановленный таким образом в качестве зависимой от халифата провинции, оказался совершенно разорен вторгшейся в страну армией, и величайшие труды последних двадцати лет безнадежно пошли прахом. Тулунидское семейство со всей своею собственностью было отправлено в Багдад, и знаменитая династия прекратила свое существование. Несмотря на свои колоссальные заслуги и привезенные из Египта огромные богатства, Мухаммад был брошен в темницу, где его пытали, чтобы выведать, где он скрывает якобы утаенные им сокровища. Изгнанные вожди прежней династии вновь заявили в Египет и учредили независимое правительство в Фустате; но, в конце концов, и этот новый мятеж был подавлен, и Египет, наконец, был возвращен в состав халифата.

Мосул, 293-204 г. хиджры.

А Мосул вновь оказался ареной для серьезного нападения. Огромные толпы курдов, спустившихся на равнины из своих горных укрытий, буквально затопили Ниневию. Правительство в то время находилось в руках главы Хамданской династии (основателем их рода был Хамдан), арабов из клана Бени Таглиб, которые запросили помощи из Багдада. С помощью полученных подкреплений арабы-Хамданы выдворили курдов в Азербайджан, и порядок, наконец, был восстановлен. Примерно в то же самое время Саманидский правитель Хорасана был атакован бесчисленными ордами тюрок. Он оказался в такой опасности, что вместо того, чтобы оказать соседям поддержку в борьбе с курдами, сам направил неотложную просьбу о помощи в Багдад, которая была зачитана со всех городских кафедр, что, впрочем, практически не привело ни к какому результату.

292 г. хиджры.

На протяжении этих двух царствований почти не прекращалась война с византийцами, которые не упускали возможности воспользоваться затруднительным положением халифата. В двести восемьдесят пятом году хиджры Византийский флот был предан огню, а три тысячи взятых в плен моряков обезглавлено.¹ Но были также и поражения. Тарс был плотно окружен греческим войском, а его правитель взят в плен. Хуже того, египетские мятежники, назло халифу, уговорили Тулунидского правителя Тарса сжечь мусульманский флот из пятидесяти судов, стоявший там в порту на якоре. Вследствие этого византийцы получили возможность беспрепятственно разорять побережье, как с моря, так и со стороны суши, захватывая и увозя с собою огромное количество пленников. Война велась с переменным успехом.

292 г. хиджры.

Десять золотых крестов, за каждым из которых следовало по десяти тысяч человек, несли опустошение и плен по всему мусульманскому побережью; в то время как с другой стороны, мусульманский флот под командою греческого перебежчика и укомплектованный темнокожими моряками, разорял противоположные берега Константинополя.

294 г. хиджры.

Борьба продолжалась пока, наконец, не был восстановлен мир, и пленники с обеих сторон были обменены или выкуплены.

Смерть Муктафи, ii. 295 г. хиджры, 907 г. от р. Х.

Таким образом, после беспокойного периода правления в шесть или семь лет, Аль-Муктафи оказался все же в состоянии оставить после себя халифат в более безопасном положении, чем он находился во времена Аль-Мутасима. Одним из последних деяний Аль-Муктафи стало признание сына Саманидского князя по смерти его отца своим преемником в Хорасане. Халиф отослал ему знамя, которое сам непосредственно держал в своих руках. Он умер достаточно рано, в возрасте тридцати трех лет, поручив престол заботам младшего брата. Однако прежде чем продолжить печальное повествование о судьбе халифата, давайте немного подробнее остановимся на движении исмаилитов, которое возникло примерно в это же время и оказало значительное влияние на дальнейшую историю ислама.²

¹ Эти цифры приводятся согласно нашему историку, хотя вряд ли они правдоподобны.

² История халифата с двести девяносто первого по триста двадцатый года хиджры (ноябрь 903 — декабрь 932 г. от р. Х.) рассматривается в *the Continuation of the History of At-Tabaru* by 'Arīb ibn Саад of Cordova, edited by De Goeje, Leyden, 1897.

ГЛАВА LXXII.

ИСМАИЛИТЫ, КАРМАТИАНЦЫ И ФАТИМИДЫ.

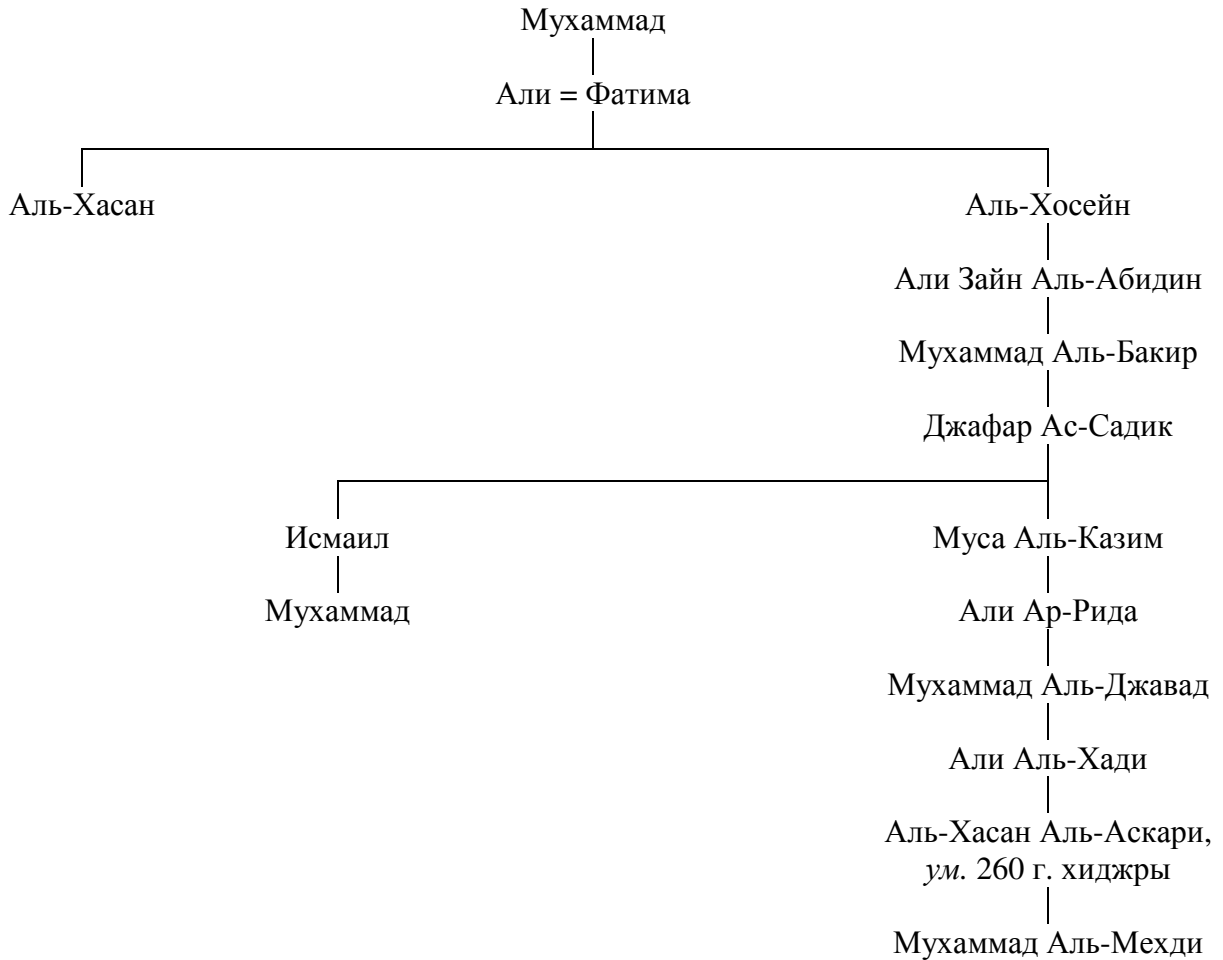
Фанатизм Алидов.

ЕЩЕ СО ВРЕМЕНИ трагедии в Кербеле мусульманский мир, как мы помним, не переставали будоражить различные вспышки фанатизма в поддержку дома Али. В то время как халифат клонился к упадку, вследствие чего повсюду множились беспорядки, персидские шииты со своими мистическими наклонностями, играя на чувствах людей, не упускали возможности воспользоваться любыми обстоятельствами для выдвижения своих собственных претендентов на власть. Вот отсюда и рост числа вспышек восстаний под знаменами Алидов. Тем старым эмоциям, захлестнувшим, таким образом, все магометанское государство, теперь предстояло вылиться в более конкретную и постоянную форму.

Различные секты мистиков.

Развившиеся к тому времени многочисленные секты и ереси в один голос утверждали святость династии Али и проявление в ее представителях Божьей власти и особого произволения. Некоторые из шиитов признавали у Али наличие двенадцати потомков; другие же только семи, и именно этим двум числам в шиизме приписываются исключительные добродетели.

Нижеследующая таблица разъясняет родословную имамов шиизма:

Те из шиитов, кто считает, что имамов должно было быть семеро, почитают седьмым из них Исмаила, либо его сына Мухаммада. От первого из них и получили свое название исмаилиты; от него же исчисляет свое происхождение и род Фатимидов. Двенадцатый имам пропал без вести примерно в двести шестидесятом году хиджры (873 г. от р. Х.), и шиитские сектанты до сих пор ожидают его возвращения. Поэтому его также называют «Аль-Мунтазар» («Ожидаемый»).

По всей стране стали множиться различные школы, в которых тайно и очень осторожно распространялась мистическая вера, включавшая в себя такие неясные доктрины, как сотворение вселенной божественным разумом, переселение душ, постоянство присутствия или проявления Божия в Мехди,¹ и ожидание его пришествия ближайшее время. Новообращенный посвящался в эти эзотерические учения под строгой клятвой сохранять все в тайне, и становился с момента посвящения и душой, и телом, преданным только

¹ «Мехди» означает «Вождь», то есть, лидер от Бога, находящийся в мире сем, являющийся прямым потомком Али.

своему лидеру. Учение о Мехди, в том виде, как оно проповедовалось, стремилось полностью заменить собою Коран, постулаты которого были представлены аллегорически. Изменения, привнесенные по отношению как к догмам, так и ритуалам, были столь необычны и всеобъемлющи, что сам Пророк едва ли смог признать свое учение в этих столь эволюционировавших во всех аспектах доктринах. Эта ересь с небывалой скоростью распространилась по всему Востоку и южному побережью Средиземноморья.

Исмаилиты.

Во второй половине третьего столетия хиджры (872-874 гг. от р. Х.) в Палестине объявился горячий приверженец этой школы Абдалла Ибн Меймун Аль-Кадда Иерусалимский, пропагандировавший теорию, основанную на объединении всех религий в одну универсальную веру. Эта вера должна стать седьмой и последней из «мировых религий», под руководством седьмого из потомков Али — божественного «Мехди». За Мехди принимался Мухаммад, сын Исмаила. От его «отчества» и пошло название «исмаилиты». Во время правления Аль-Мутадида лидер этой секты открыто выражал свои взгляды в Аль-Ираке, приобретя себе множество последователей как там, так и в соседних регионах.

Карматианцы.

У этого человека было прозвище «Кармат» («карлик»), и в честь него члены новой секты стали называться «Карамита» или карматианцы (кармасианцы); и почти целое столетие (примерно с восьмьсот девяностого по девятьсот девяностый года от рождения Христова) они наводили ужас на жителей всей юго-западной Азии. Он появился на сцене еще в то время, когда зенджи находились в силе, и предложил присоединиться к Аль-Хабису со своей армией в сто тысяч мечей; но, не придя к единому мнению при обсуждении постулатов общей веры, они разошлись. На протяжении почти десяти лет правителям из рода Аббасидов удавалось удерживать власть в своих руках, сохраняя независимость. Затем выдвинулся новый лидер, по имени Зикравей. Войска халифа, посланные покарать сектантов, были полностью уничтожены под Аль-Басрой в девятисотом году от рождения Христова, и только лишь одному их командующему удалось бежать. Сыновья Зикравей, один из которых имел прозвище «Обладатель верблюдицы», и его брат, по прозвищу «Обладатель родимого пятна» (из-за родимого пятна на лице, которое он считал своим особым «знаком») вторглись в Сирию. Первый погиб от греческого огня, во время неудачной попытки взять приступом стены Дамаска; а второй брат разорял земли Сирии, убивая и мародерствуя повсюду на своем пути. И, однако, странно сказать, но этого человека прославляли с кафедр мечетей в несчастных провинциях как «владельца правоверных»; а вместе с ним воспевали хвалу и его двоюродному брату, который носил имя «Муддассир», то есть «Завернувшийся» — эпитет самого Мухаммада.¹ Тревога в Багдаде была так велика, что, как мы помним, Аль-Муктафи отрядил египетского полководца Мухаммада на борьбу с воинством этих фанатиков, лично сопроводив карательную армию до самой Ар-Ракки.

¹ Сура lxxiv. 1.

Их разгром и жестокие казни.

В итоге, после того, как карматианцы разорили всю северную Сирию вплоть до самой Антиохии, их банды были полностью разгромлены, а «Обладатель родимого пятна» в сопровождении своего двоюродного брата и еще нескольких последователей бежал в пустыню. Но они были обнаружены и доставлены к халифу в Ар-Ракку, а оттуда перевезены в Багдад, где из них, посаженных на слона и верблюдов, сделали посмешище для всего города. Главарей продержали в заточении до прибытия Мухаммада с большой группой плененных карматианцев, а потом все они были обезглавлены, но лишь после того, как им отрубили руки и ноги. Казнь «Обладателя родимого пятна» была исполнена особенно изощренной жестокости. После получения двух сотен ударов плетью, ему были отрублены руки; затем его предали огню, и, лишь когда его измученное тело начало биться в агонии от обжигающего пламени, страдальцу отрубили голову. Ее подняли и водрузили на шест под крики многочисленной толпы: «Аллаху Акбар!», Господь так велик! Были и другие сцены подобного рода, но, я думаю, и этого примера вполне достаточно.

Поразительное упорство карматианских фанатиков.

Однако поразительной оказалась стойкость этой пагубной ереси. Потерпев поражение в одном месте, она внезапно возникала в другом, неся хаос и разорение на своем пути. Повсюду люди находились в ожидании, вопрошая в своих сердцах, не является ли тот или иной претендент грядущим «Мехди». Вожди сектантов слишком часто руководствовались низкими и корыстными мотивами и привлекали под свои знамена мародерствующих бедуинов, которых теперь не брали в войска халифа, а они продолжали жаждать наживы и грабежей. Но помимо недостойных целей вышеозначенного рода должна же была за всем этим стоять и некая духовная сила, способная собрать воедино такие огромные массы людей и воодушевить их на опасное, пускай вместе с тем и сулящее богатую добычу, восстание.

Возобновление мятежа, 292 г. хиджры.

Еще не минул следующий год, как — халифские войска оказались заняты в то время кампанией в Египте — беспорядки были возобновлены с новой силою, причем на этот раз их сопровождали еще большие жестокостями, чем прежде. Зикравей, который в течение нескольких лет скрывался в потайном убежище в катакомбах, теперь начал рассылать своим людям письма о том, что небесный посланник открыл ему смерть его сыновей, и что пришествие Мехди уже близко. Его последователям надлежало выступить войною, и в День жертвоприношения (десятого числа месяца зуль-хиджа) войти в Аль-Куфу, где тысячи восставших горожан должны будут соединиться с ними.¹ С этого момента вся Сирия, от края до края, оказалась предана огню и мечу, равно как и всякого рода безобразиям. Немедленная просьба о помощи была отправлена Аль-Муктафи, который отрядил против мятежников своих лучших военачальников, без всякого, впрочем, успеха.

¹ Он приводил под видом повеления от Мехди Суру хх. 61, где Моисей назначает в качестве дня своей встречи с фараоном «день украшения» (пиршественный день).

294 г. хиджры.

Как раз в это время Зикравей и решился покинуть свое убежище. Он был встречен с прямо-таки божественными почестями, и введенная в заблуждение толпа на своих плечах несла его, завернутого в покрывало, почитая за наместника Всемогущего. После этого карматианцы исполнились таким необузданным фанатизмом, что разбили армию халифа, потерявшую в сражении с ними полторы тысячи убитыми. Ужас вселился в сердца всех жителей Багдада.

Нападение на караваны паломников.

В голове Зикравея созрел дьявольский план. Он велел своим приверженцам затаиться на дороге между Аль-Басрой и Аль-Куфой: на пути караванов, которые в тот момент возвращались из паломничества. Первому каравану удалось проскочить, но деревня, которая попустительствовала спасению паломников из рук бандитов, была полностью уничтожена. Второй караван был захвачен, и немногие, оставшиеся в живых рассказывали о том, что мятежники убивали даже женщин, за исключением тех, которых решили сберечь для еще худшей участи. Третий караван был предупрежден об опасности и остался ждать выступивших ему на помощь карательных отрядов; однако карматианцы, засыпали все колодцы на пути паломников и, задержав подкрепление, напали на толпы умирающих в пустыне от жажды людей. Последовала очередная бойня; карматианские женщины, разносящие повсюду воду, смотрели, остались ли еще на поле боя живые; и если видели, что кто-нибудь, в ком еще теплилась жизнь, начинал молить о глотке влаги, немедленно добивали несчастного.¹ Двадцать тысяч остались лежать убитыми на этом роковом месте стоянки; и двадцать миллионов золотых монет были увезены оттуда в качестве трофеев. Эти сокровища частично принадлежали Тулунидской казне, перевозимой из Мекки с караваном паломников в целях безопасности. Но дни этого разбойника были уже сочтены. Тюркский военачальник Васиф, посланный халифом Аль-Муктафи с огромной армией, в результате двух дней отчаянной борьбы разгромил войско фанатиков, разогнав его с огромными потерями. Взятый в плен Зикравей скончался от ран на пути в Багдад, жители которого, жаждущие жестокой расправы, были вынуждены удовлетвориться лишь созерцанием его безжизненного тела. Остатки армии мятежников, гонимые до самой Сирии, были рассеяны там Аль-Хосейном Ибн Хамданом.

Возобновленный мятеж, 307 г. хиджры.

Во время следующего правления еще более ужасающие беспорядки вспыхнули среди озверевших фанатиков, все еще удерживавших господство в провинции Аль-Бахрейн. В начале четвертого столетия их вождь Сулейман, послушавшись чьего-то совета, предпринял набег, выступив в поддержку африканского правителя из рода Фатимидов (о котором речь пойдет ниже). Вот этот Сулейман напал на Аль-Басру и разорил ее.

¹ С подобного рода дикостью со стороны мусульманских женщин мы встречаемся при описании битвы при Аль-Кадисии, но тогда магометане сражались против неверных. В данном случае речь идет о более вопиющем, если так можно сказать, факте бесчеловечного обращения. В самом деле, ведь здесь жертвы исповедовали ту же самую веру, они как раз возвращались по домам, исполнив главное требование мусульманской религии.

Нападения на Басру и караваны паломников, 312-313 г. хиджры.

Несколько лет спустя, в триста одиннадцатом году хиджры (девятьсот двадцать третьем году от рождества Христова), Сулейман вновь внезапно налетел на этот несчастный город под покровом ночи. На долгих семнадцать дней Аль-Басра превратилась в арену сплошных пожаришь, кровопролития и насилия. Эти безобразия продолжались пока не подошли войска из Багдада, после чего карматианцы удалились, отяжеленные богатой добычей и множеством пленников, которых они не замедлили продать в рабство. Караваны паломников снова оказались объектом жестоких нападений; успешные набеги сопровождалась ужасными зверствами, как и прежде; тысячи людей были ограблены, убиты или взяты в плен.

Штурм Куфы.

Один караван, состоявший из семи тысяч паломников, подвергся преследованию и был рассеян неподалеку от Аль-Куфы. После чего и сам город был взят и на шесть дней разделил печальную участь Аль-Басры. После этого случая Сулейман имел наглость потребовать себе наместничества над Аль-Ахвазом, а, получив отказ, наводнил своими последователями всю Месопотамию и Аль-Ирак. Торжественное обещание победы от Бога было начертано на его знамени,¹ развевавшемся над головами фанатиков. Оно вновь и вновь вдохновляло их громить отряды карателей, во главе которых стояли прославленные военачальники, и даже угрожать самой столице халифата. Испуганные жители Багдада спешили переправиться через реку в восточную часть города, и как-то даже обратились в бегство, ища убежища в окрестных горах. Насилие и террор являлись, таким образом, уделом этой несчастной земли на протяжении трех или четырех лет. В конце концов, потерпев поражение, воинство фанатиков бежало в Аравию; но только для того, чтобы возобновить свои вопиющие бесчинства в Мекке. Святой город был отдан на поругание; и так мало уважения было оказано его святыням, что тела убитых сбрасывали прямо в священный колодец Земзем. Сама Кааба была разорена, лишившись своих драгоценных вещей, но самым большим кощунством явился перевоз в девятьсот двадцать девятом году от р. Х. священного для мусульман Черного Камня в Хеджер. Он не был возвращен оттуда на свое прежнее место почти двадцать лет. Халиф из рода Фатимидов, чью власть одичавшие фанатики еще признавали, был вынужден вмешаться из своей страны на Западе, чтобы прекратить этот скандал и опустошения, творимые карматианцами. Впрочем, втайне он всячески способствовал тому, чтобы они опять обратились против Багдадского халифата. Сам Сулейман удалился в Хеджер, и после этого о нем почти ничего не было слышно. Но карматианцы и без него не опустили своих рук. Спустя несколько лет они вновь дадут о себе знать нападениями на караваны паломников и опустошением Аль-Куфы.

325 г. хиджры.

¹ Текст на знамени, как передает легенда, гласил следующее: «Мы (т.е. Всевышний) желаем оказать милость тем, которые были ослаблены на земле, и сделаем их имамами, и сделаем их наследниками (царства)». — Сура xxviii. 4.

После этого в их среде произошел раскол; но, должно быть, еще долгое время они имели значительное влияние в Сирии, ибо в триста шестидесятом году хиджры упоминается об их объединении в одну лигу с халифом, чтобы изгнать из этого региона Фатимидов. В результате этого союза Фатимиды были вынуждены согласиться платить им ежегодную дань. Примерно через пятнадцать или двадцать лет, они снова упоминаются в связи с борьбой, долгие годы продолжавшейся в Малой Азии и Египте. Как это ни странно, но именно карматианец был у власти в Аль-Мултане, когда в триста девяносто шестом году хиджры он был взят Махмудом.¹

Образование династии Фатимидов, 280 г. хиджры.

Было бы нелишне упомянуть здесь и о другой ветви исмаилитов, от которой берет свое начало династия Фатимидов в Египте. Новая трансцендентальная доктрина получила довольно широкое распространение в Южной Аравии, и ее приверженцы обрели столь большое влияние, что их лидер завладел Йеменом и Саной. Пропаганда стала вестись и среди берберов в северной Африке, где успехи Идрисидов уже подготовили для этого достаточную почву. Один из миссионеров («даи», мн. ч. «дуа»), Абу Абдалла, был послан еще Мухаммадом, сыном Абдаллы Ибн Меймуна, основателя движения исмаилитов. На новом месте этого эмиссара, продолжившего интриги, начатые еще его предшественниками, ожидал невероятный успех, весьма романтического свойства. Он нашел берберов настолько готовыми к его призыву, что с легкостью увлек за собою целые толпы. С их помощью он свергнул династию Аглабидов и после продолжительной борьбы покорил их столицу и завладел всем царством. Он проповедовал грядущее пришествие Мехди, и чтобы удовлетворить столь горячие ожидания, пробужденные его словами в народе, призвал Саида, сына своего покойного господина Мухаммада. Саид появился в Северной Африке, но не под своим реальным именем. Он утверждал, что является потомком имама Исмаила, и именовал себя Обейдаллой. Приключения этого «Мехди», пересекшего весь Египет и скитавшегося под видом купца, который пристал к торговому каравану, направлявшемуся в Триполи, сами по себе представляют почти готовый роман. По подозрению Аглабидов он был брошен в темницу, где оставался до тех пор, пока его не освободил победоносный Абу Абдалла, который какое-то время сомневался, является ли Обейдалла истинным Мехди или нет.

297 г. хиджры, 909 г. от р. Х.

Все же, в конце концов, он возвел его на царство, но лишь для того, чтобы самому вкусить не столь уж и редкий плод воздаяния за бескорыстные труды в основании династии — благодетель был убит по повелению монарха, который был обязан ему своим тронem, но впоследствии стал ревновать к его влиянию.

Династия Фатимидов.

Согласившись принять титул властителя правоверных, Обейдалла, в честь того, что он якобы является потомком дочери Пророка Фатимы, стал называть себя «халифом

¹ Подробнее об этой истории читайте: De Goeje, *Carmathes du Bahrain*.

Фатимидов». Царство его включало как прежние владения династии Аглабидов, так и соседние районы, ранее входившие в арабский халифат, что граничили с землями Средиземноморья. Его столицей стала Аль-Мехдия — близ Туниса — «Африка» в описании Фруассара. Это название означает «принадлежащий Мехди».

306-309 г. хиджры.

Он предпринимал неоднократные попытки завладеть также и Египтом, однако, получал отпор от находившегося там ставленника Аль-Муктади Муниса, способного военачальника. Примерно пятьдесят лет после этого, как бы то ни было, и Сирия, и Египет будут покорены его последователями, что положит прочное основание Фатимидскому «анти-халифату». А тогда между Фустатом и Багдадом завязалась эпистолярная дуэль, в которой оспаривалась чистота происхождения Обейдаллы от потомков Али и Фатимы, на утверждении чего и основывалась Египетская династия. Горячие дебаты продолжались и гораздо позже того, как миновал чисто политический момент. Фатимидский анти-халифат продлился с девятьсот девятого по одна тысяча сто семьдесят первый год от р. Х.

Друзы, примерно 400 г. хиджры, 1009 г. от р. Х.

Когда династия Фатимидов прекратила свое существование, вера исмаилитов была выметена прочь из Египта Саладином, придерживавшемся в своем исповедовании строго ортодоксальных взглядов. Другая ветвь этой ереси — а именно, друзы¹ — насколько бы это не казалось забавным, все еще продолжает существовать. Эта странная секта была образована в начале пятого столетия неким из нечестивых Фатимидов, Аль-Хакимом, которому друзы призваны были служить, как живому воплощению божества. Выгнанные из Египта его преемником, они удалились на возвышенности Ливана, где и поныне ожидают возвращения своего халифа, божественного Хакима.

Убийцы.

Примерно в то же самое время другое ответвление этой ереси было образовано персидскими фанатиками, называвшими себя «ассасинами» («убийцами»),² которые долгое время удерживали под контролем восточных князей и снискали себе громкую славу во времена крестовых походов. Им пришлось убраться прочь из Ирана после вторжения монголов, но это еретическое течение до сих пор сохраняется в виде небольшой, и теперь уже совершенно безобидной секты в Ливане и в других местах.

¹ См. De Sacy, *Chrestomathie Arabe*, т. ii. стр. 191 и далее. А также: *Expose de la Religion des Druzes*.

² «Хашишин» — это слово происходит от того же корня, что и название наркотика «гашиш», к которому они проявляли пристрастие. Долгое время эта секта навела ужас на Восток, вероломно используя кинжал, как для фанатичных актов самоубийств своих членов, так и для заказных убийств. Ассасины в Сирии никогда полностью и не исчезали. Даже в наши дни их можно увидеть в Ливане. Некоторые представители этой секты также встречаются в Персии, и даже в Занзибаре; но начиная с тринадцатого столетия они становятся безобидными. — *Enc. Britt.* 9th ed. vol. xvi. p.594.

В пылу борьбы всех этих партий ортодоксальная мусульманская вера была возрождена приблизительно в трехсотом году хиджры Абу Хасаном Аль-Ашари, который использовал схоластику мутазилитов против них самих же. Мутазилитские доктрины постепенно исчезли из употребления, в то время как учение Аль-Ашари получило широкое признание. Арабское слово, означающее «схоластику» — «калам», сами схоласты же именуются «Мутакаллимин».

С другой стороны, свободомыслие мутазилитов, кажется, снова возродилось к жизни в обществе «Ихван Ас-Сафа» («Братья чистоты»), или энциклопедистов, которые под покровительством шиитских Бувейхидов издали примерно в девятьсот семидесятом году от р. Х. около пятидесяти трактатов, призванных примирить науку с религией, а ислам — с греческой философией. Они развивали работы Аль-Фарида и сумели подвести к ним труды Ибн Сины (Авиценны). Их знания, будучи переправленными на Запад, положили начало известной дискуссии между сторонниками номинализма и реализма в христианских школах.

ГЛАВА LXXIII

АЛЬ-МУКТАДИР, АЛЬ-КАХИР И АР-РАДИ.

295-329 г. хиджры / 907-940 г. от р. Х.¹

Халифат вновь клонится к упадку.

ТЕПЕРЬ мы возвращаемся к истории собственно халифата.

Ситуация, складывавшаяся на протяжении правления последних трех халифов, при которых удавалось на время удерживать неуклонно надвигавшийся упадок исламской империи, в конце концов, подошла к концу. Нам осталось рассказать теперь совсем немного: впереди лишь утомительная и неблагодарная история о человеческих слабостях, неудачах, жестокости и позоре. В ней не найдется ничего поучительного или привлекательного для читателя, поэтому остаток будет изложен коротко. В то же время, в этот период, как и в предыдущие правления, в халифате появилось немало всемирно известных имен в области науки и литературы. Наиболее прославленные среди них: Исхак Ибн Хонейн Ибн Исхак, целитель и переводчик философских трудов с греческого на арабский (ум. 911 г. от р. Х.), Абу Бекр Ибн Закария Ар-Рази, стяжавший себе известность в Европе под именем «Разес» (ум. 923 или 932 г. от р. Х.); астроном Аль-Баттини, «Альбатегний» (ум. 929 г. от р. Х.); а также семейства Сабита Ибн Курры из Харрана и Бохта-Йишу.

Муктадир, 295 г. хиджры 907 г. от р. Х.

Во время болезни Аль-Муктафи, которая на несколько месяцев приковала халифа к постели, всех занимал вопрос о его будущем преемнике. Выбор стоял между младшим братом халифа, к которому был расположен и сам повелитель правоверных, и сыном Аль-Мутаazza. Рассчитывая, что в случае воцарения малолетнего брата Аль-Муктафи он сможет получить гораздо больше выгод, визирь поддержал его кандидатуру. Так, несмотря на свой нежный возраст, этот тринадцатилетний мальчик получил титул «Аль-Муктадир», означающий «Могущественный помощью Господней», — досадное несоответствие его характеру; ибо даже повзрослев он так и останется лишь безвольным сластолюбцем в руках придворных дам и их фаворитов. История его двадцатипятилетнего правления служит не более чем перечислением его тринадцати визирей, каждый из которых возвышался в результате падения или убийства своего предшественника. Всего через несколько недель после восшествия на престол Аль-Муктадира заговорщики убили первого из этих тринадцати визирей и возвели на халифский трон Ибн Аль-Мутаazza. Главнокомандующий Мунис выступил, однако, в защиту своего юного суверена; и не получивший никакой поддержки среди жителей города претендент был убит вместе со своими сторонниками.

¹ В своем огромном труде по истории Табари заканчивает повествование на триста втором году хиджры (девятьсот четырнадцатом — девятьсот пятнадцатом годах от р. Х.). С этого момента лучшими источниками становятся Ибн Аль-Асир (ум. 1232-1233 гг. от р. Х.) и, изданный уже в последнее время, Ибн Мискавай (ум. 1030 г. от р. Х.).

*Война с греками; те предлагают заключить перемирие,
305 г. хиджры, 917 г. от р. Х.*

К тому времени в Азии уже несколько лет шла война между мусульманами и византийцами. Потери в ней были большими, главным образом, на стороне мусульман, огромное количество которых оказалось в плену у греков. Но границам Византийской империи, однако, стали угрожать орды болгар; и потому императрица Зоя отправила в Багдад двух своих послов с предложением заключить перемирие и договориться о выкупе за пленников-мусульман. Посланцы были любезно приняты, и перемирие заключено.¹ Мунис был отправлен на переговоры, чтобы урегулировать вопрос об общих границах, взяв с собою сто двадцать тысяч золотых монет для выкупа пленников. Но все это лишь усилило беспорядки в Багдаде. Граждане, недовольные победами «неверных» в Малой Азии и аналогичными поражениями исламских войск в Персии, обвиняли халифа в том, что его совсем не трогают все эти горестные события, и вместо того, чтобы поднимать престиж ислама, он дни и ночи напролет развлекается с наложницами и музыкантами. Выкрикивая подобные упреки по ходу пятничного богослужения, магометане начинали бросать в имама камни всякий раз, когда он упоминал имя халифа во время публичной молитвы.

Беспорядки в городе, 317 г. хиджры.

Приблизительно через двенадцать лет Аль-Муктадир во второй раз подвергся унижительному отстранению с поста халифа. Высшие сановники его двора устроили против него заговор и вынудили халифа отречься от престола в пользу своего брата Аль-Кахира. Но после вспышки бесчинств и грабежей, а также гибели несколько тысяч жителей Багдада, заговорщики поняли, что у них нет поддержки в армии. В итоге Аль-Муктадир, который некоторое время укрывался в безопасном месте Мунисом, был вновь возведен на трон. Финансы, и без того постоянно стесненные, оказались после этого мятежа в столь плачевном состоянии, что, несмотря на беспощадные конфискации и захваты имущества, нечем было выплатить жалование городским стражам.

318 г. хиджры.

Вновь возникли беспорядки в халифском войске, спровоцированные враждою между конницей и пехотой; последняя была разбита, большинство пехотинцев были убиты, оставшиеся же изгнаны из города. Положение стало таким критическим, что Мунис, которому тогдашний визирь не давал возможности провести реформы, ушел в отставку и

¹ Сохранились ставшие уже традиционными описания пышности приема и сказочного великолепия обстановки: золотые шторы, роскошные ковры, тысячи евнухов, пажей, слонов, львов и т.п. Также упоминается изумительное дерево с золотыми ветвями и серебряными птичками, сидевшими на них. «Листики различных оттенков приводились в движение от дуновения ветерка, в то время как птички начинали чирикать и петь». Разумеется, этот рассказ не лишен преувеличений, однако, он также отчасти свидетельствует о том, как правитель и его свита, отшатнувшись от всякой добродетели, стали заложниками испорченности и порока, предаваясь в своем окружении всевозможным излишествами и злоупотребляя чрезмерным великолепием. — См. «Журнал Королевского Азиатского Общества», *R. Asiatic Society's Journal* за январь 1897 г., стр. 35-45.

со своими ближайшими сторонниками удалился в личную резиденцию в Мосул. Аль-Муктадир, в конце концов, попросил Муниса вернуться, и тот верноподданно откликнулся на призыв повелителя. Однако когда Мунис уже подъезжал к Багдаду, неразумного халифа уговорили его фавориты, опасавшиеся возвращения преданного сторонника монарха, переменить свое намерение. И вот, вместо того, чтобы радушно встретить верного друга, халиф решил выступить против него со своими охранниками.

Смерть Муктадира, 320 г. хиджры.

Таким образом, облачившись в накидку Пророка, подпоясавшись легендарным мечом «Зуль-Факар» и взяв в руки державный скипетр, несчастный Аль-Муктадир выступил из своего дворца на бой. Но, вышедши за городские ворота, он был убит.

Крайний упадок халифата при Муктадире.

Продолжительное правление этого жалкого халифа привело всю мусульманскую империю в ужасное состояние. Внешние потери имели второстепенное значение; хотя и вся Африка была потеряна, и практически утрачен Египет. Мосул, попавший под власть вождей из рода Хамдан, стал независимым от халифа, и это дало возможность византийцам беспрепятственно совершать набеги на ставшую беззащитной границу. Правда, на Востоке, пускай и формально, халифат все еще продолжал признаваться — даже теми, кто на самом деле ратовал за свою независимость. Что касается ближнего к Багдаду окружения, ужасные карматианцы были на какое-то время повержены. В самом Багдаде Аль-Муктадир являлся лишь орудием в руках порочного и продажного двора. Халиф полностью зависел от своих чужеземных стражей, во главе которых стояли в основном тюркские и прочие военачальники сомнительного происхождения, среди которых постоянно вспыхивали мятежи. Таким образом, униженный и презренный монарх, дважды свергаемый, в конце концов, был убит, выступив против своего же преданного вассала, коего он вызвал себе на помощь. Не удивительно, что престиж, завоеванный его ближайшими предшественниками, был утрачен, и трон опять стал объектом всеобщего презрения дома и вождельного желания захвата за границей. Народ также был деморализован. Багдад больше не являлся центром с энергичными гражданами, способными постоять за себя и даже время от времени непосредственно управлять своим городом. Раздираемые жесточайшими междоусобицами, они с легкостью окрашивали своей кровью городские улицы в красный цвет, сражаясь, например, за какую-нибудь интерпретацию текста Корана. Или еще один пример: противоборствуя с последователями прославленного Табари, «ханбалисты» объявили историка еретиком и не позволили предать земле его останки.¹ Однако, что касается

¹ Стих, из-за которого произошло очередное волнение, был достаточно прост: «Несомненно, Господь вознесет тебя на высочайшее место». Горячая борьба разгорелась из-за того, что «ханбалисты» считали, что в этом стихе Мухаммаду было обещано место на троне на небесах; в то время как другие полагали, что это относится к его рангу посредника. Что касается историка Табари, «ханбалисты» были возмущены, что в своей истории он не упомянул Ибн Ханбала среди выдающихся правоведов ислама. Ат-Табари, *род.* 224 г. хиджры; *ум.* 310 г. хиджры. Его друзья вынуждены были тайно захоронить его под покровом ночи в его же собственном жилище.

мужественности, добродетели и силы багдадцев, по большому счету они совершенно исчезли.

Кахир, 320 г. хиджры, 932 г. от р. Х.

После смерти Аль-Муктадира, верный Мунис, единственной причиной возвращения которого из отставки было желание обеспечить безопасность своему господину, теперь восхотел возвести на трон сына погибшего халифа. Но придворные, опасаясь, что юноша может отомстить им за смерть своего отца, предпочли избрать Аль-Кахира, уже упомянутого в связи с тем, что когда-то он несколько дней уже удерживал титул халифа. Впрочем, последний проявил себя еще более ничтожным правителем, чем даже Аль-Муктадир. За внешним благочестием нового халифа скрывалась чрезмерная жестокость и склонность к вымогательству. Он даже подвергал мучениям мать Аль-Муктадира вместе с его сыновьями и фаворитами, с целью отнятия у них накопленных за время последнего правления сокровищ. Не выдержав железной хватки этого тирана, многие вынуждены были бежать.

321 г. хиджры.

При дворе то и дело возникали заговоры. Опасаясь козней вероломного халифа, Манис и его друзья попытались ограничить его власть, но после неудачной попытки, решили вообще свергнуть его с трона. Заговор, однако, был раскрыт; и противоборствующая партия, подкупив охрану, схватила злоумышленников и назначила на место Муниса нового главнокомандующего («Амира Аль-Умара», «эмира над эмирами», как теперь стали его называть).

Мунис обезглавлен.

Халиф приказал замуровать живым своего племянника, который должен был занять его место; а верный Мунис вместе со своими сторонниками и стражниками, выступившими в его поддержку, был обезглавлен. Освободившись, таким образом, от очередной опасности, Аль-Кахир впал в такой деспотизм по отношению, как к врагам, так и к друзьям, что сделал свое правление совершенно непереносимым. Не замедлил зародиться новый заговор, и халиф, опьяненный вином, был схвачен ночью в своем же собственном дворце.

Кахир свержен и ослеплен, 322 г. хиджры, 934 г. от р. Х.

Отказавшемуся отречься от престола халифу выкололи глаза и бросили его в темницу. Одиннадцать лет спустя он был освобожден, после чего бывшего халифа видели в одежде бедняка и деревянных сандалиях, ведомым каким-то нищим поводырем — какой печальный контраст с его звучным прозвищем «аль-кахир би'ллахи», то есть «победоносный милостью Божией», символизирующий упадок халифата.

Ради, 322 г. хиджры, 934 г. от р. Х.

Семилетнее правление последовавшего за Кахиром Ар-Ради, сына Аль-Муктадира, сопровождалось сплошной чередой неудач. Отличавшийся своим благочестием новый халиф был простой марионеткой в руках своего главного министра. Не имеет смысла вдаваться в подробности интриг двора и предательства, в результате которых даже те немногие области, которые еще оставались подвластными Багдаду, оказались на деле полностью принадлежащими номинальным вассалам монарха. Власть халифа, разумеется, за исключением сомнительного и нестабильного его влияния, едва ли простиралась дальше окрестностей столицы. После того, как один визирь был заключен своими недругами в тюрьму, а другой позорно бежал, оставшийся без средств Ар-Ради попал в зависимость от способного, но жестокого правителя Ибн Раика, ради которого он создал пост Амира Аль-Умара (эмира эмиров). Ибн Раик столь крепко держал в руках все правительство, что его имя наряду с именем халифа упоминалось во время публичных молитв. Чтобы одолеть окрестных правителей, повсеместно бунтуя против халифской власти и поднимавших свои головы, Ибн Раик призвал себе на помощь Баджжаму, вождя из Дейлема, с его ордою диких тюрков. Но спустя два года интриг и махинаций, которые творила эта жуткая банда, положение стало просто невыносимым.

Баджжам, 326 г. хиджры.

Сотворенные ими жестокости почти невероятны. Возревновав к Баджжаму, Ибн Раик решил выжить его; на что Баджжам, поспешно выступив из лагеря, вошел в город вместе со своими головорезами.

327 г. хиджры.

Ибн Раик исчез; и вместо него эмиром эмиров стал Баджжам. Прихватив с собою в поход халифа, он напал в следующем году на Хамданидского князя в Мосуле, и победил его. Однако в его отсутствие вышедший из укрытия Ибн Раик встал во главе армии карматианцев — ибо из них теперь состояла армия халифа — и захватил столицу.

328 г. хиджры.

Эта новость заставила Баджжаму поспешить назад, предоставив Хамданидам править своей провинцией независимо, как и прежде. В действительности же, только им халифат был обязан в то время спокойствием на северной границе, которая в противном случае оказалась бы под угрозой греческого нашествия. При подходе Баджжаму Ибн Раик предпочел покориться, и будучи прощен, сумел выхлопотать себе наместничество в Сирии и Северной Месопотамии. Но для того, чтобы вступить в свои права, ему предстояло сразиться с Ибн Тогджем, правителем Египта и основателем династии Ихшидидов.

Династия Ихшидидов в Египте.

Подобно прочим, получившим свое назначение из Багдада, этот правитель Египта стал независимым монархом и правил в этой стране в течение четверти столетия — сам и его

преемники.¹ После недолгой борьбы Ибн Раику удалось прийти к соглашению с Ихшидидом, и таким образом удержать свою власть на севере страны.

Восстание Бувейхидов, 322 г. хиджры, 934 г. от р. Х.

Тем временем новый враг объявился на Востоке — персидская династия шиитов Бувейх — которым через несколько лет предстояло покорить сам Багдад. Бувейхиды приходились сыновьями Бувейху, князю горной области Дейлем и предводителю тюркской орды, воюющей то на одной, то на другой стороне в продолжительной борьбе между Саманидскими и Алидскими правителями на Каспийском побережье. Освободившись, в конце концов, от такой службы, сыновья Бувейха, прельстившись, подобно прочим авантюристам тех дней, новыми победами, двинули свои войска на юг и завладели Фарсом.

327-328 г. хиджры.

Обеспокоенный их наступлением Баджкам вступил теперь в битву, и почти одолел противника, когда предательство одного из его заместителей, который в его отсутствие стал угрожать Багдаду, заставило его спешно вернуться в столицу. Таким образом, оставленные на время в покое Бувейхиды, смогли объединить захваченные ими повсюду территории.

Распространение фанатизма в Багдаде.

Что касается Багдада, то из событий, относящихся ко времени этого правления, в основном говорится о горячих вспышках фанатизма и нетерпимости, которые все еще имела место. Ханбалиты, сумевшие завоевать себе большие симпатии среди населения, держали все под своим контролем. Врываясь в частные жилища, они уничтожали все, что не соответствовало их строгим принципам морали, опустошали сосуды с вином, где бы их ни находили, ломали на куски музыкальные инструменты, пытались вникнуть во все подробности торговых сделок, и фактически устроили своего рода инквизицию. Так один ученый шиитского толка за веру в переселение душ был посажен на кол и, после долгих часов мучений, заживо сожжен. Другой прославленный ученый также подвергся страшным пыткам за то, что придерживался некоторых, отличных от принятых ханбалитами, трактовок Корана, которые сами по себе не могли иметь хоть какой-нибудь значимости; и, несмотря на то, что он согласился написать публичное отречение и собирался покинуть Багдад, несчастный был разорван на куски толпою разъяренных фанатиков.

Смерть Ради, 329 г. хиджры, 940 г. от р. Х.

Ар-Ради скончался в возрасте тридцати трех лет. Бытует такое мнение, что это был последний из настоящих халифов: последний, по словам нашего летописца, кто

¹ «Ихшиды» — это титул Ферганских князей, один из которых служил при Аль-Мутасиме и приходился дедушкой Ибн Тогджу.

произносил речи на публичных молитвах, кто созывал собрания для обсуждения текущих вопросов и государственных дел с философами и богословами. Также, он был последним, кто распределял среди нуждающихся щедрую милостыню и вмешивался в дела своих чиновников, чтобы умерить их непомерную жестокость. И, тем не менее, он находился в полной зависимости от других людей. Внешне — еженедельно председательствуя в Большой мечети, формально утверждая назначенных исполнителей, хотя порой это было всего лишь фикцией, и участвуя в подобии дворцовых церемоний — он, по всей видимости, еще мог сходить за халифа. Но мало у кого в пределах прежнего халифата еще оставались иллюзии насчет его истинной роли. Не говоря уже о загранице. Восток был потерян; Африка и Египет — тоже, вместе с большей частью Сирии и Месопотамии. Стал независимым Мосул; Аравия находилась под контролем карматийцев и местных вождей; даже Аль-Басра и Васит восстали против власти Багдада. Наступление византийских войск сдерживалось только благодаря смелому князю из рода Хамданидов Сейфу Эд-Дауле («Мечу династии»), другу Аль-Мутанебби. По всей исламской империи верной халифу оставалась одна лишь столица; но и там число его сторонников было слишком мало!

Поэзия Ради.

Ар-Ради был последним из халифов, чья поэзия уцелела до нашего времени. Сохранившиеся произведения, как по настроению, так и по ритму, весьма высокого склада. «В них, — отмечает Вайль, — Ар-Ради изливает свое глубокое религиозное чувство и свое ощущение нестабильности человеческого величия и бренности всех вещей этого мира — переживания, для которых история человека, пришедшего ему на смену, равно как и собственное окружение Ар-Ради, предоставили столь наглядную иллюстрацию».

Упадок в Аль-Куфе.

Аль-Куфа, как мы уже видели, перестала служить для халифата как источником опасности, так и материальной поддержки. Постепенно приходя в упадок, начиная с переезда двора в Багдад, этот город потерял всякую власть вмешиваться путем междоусобных распрей в дела государственного порядка, и, само собой, стал редко упоминаться в летописях.

ГЛАВА LXXIV

АЛЬ-МУТТАКИ И АЛЬ-МАСТАКФИ.

329-334 г. хиджры / 941-946 г. от р. Х.

Муттаки, 329 г. хиджры, 941 г. от р. Х.

БАДЖКАМ, «Амир Аль-Умара» («эмир эмиров»), на момент смерти Ар-Ради был занят кампанией против Аль-Бариди, персидского вождя, занимавшего некогда пост визиря, но, подобно прочим, ставшего впоследствии независимым правителем прилегающей к Багдаду провинции. Теперь Аль-Бариди уже сам угрожал Аль-Медайну. За такой короткий срок халифат переменялся настолько, что, получив известие о смерти халифа, Баджкам удовлетворился тем, что отправил в Багдад своего заместителя, который созвал там старейшин города вместе с потомками как Алидов, так и Аббасидов, чтобы избрать преемника. Выбор пал на Аль-Муттаки, брата покойного, который и занял место халифа, несколько дней остававшееся свободным. Первым делом новоиспеченный монарх послал Баджкаму знамя и почетное облачение — ненужное подтверждение и без того высокого положения «эмира эмиров».

Смерть Баджкама.

Разгромив Аль-Бариди, Баджкам перед возвращением в Васит, где он теперь держал свой двор, решил отправиться на охоту, во время которой и был убит бандой мародерствующих курдов. Несчастливая столица вновь оказалась ареною крайнего безвластия. Отряды из Дейлема, повздорив с тюрками, перешли на сторону Аль-Бариди, уговорив его снова захватить Васит и самому войти в Багдад в качестве «Амира Аль-Умара». После новых вспышек беспорядков, халиф, пробыв у власти всего несколько недель, вынужден был бежать, и его место занял дейлемский вождь Куртекин. Его тирания, однако, оказалась столь невыносимой, что Ибн Раик, в то время правитель Сирии, откликнувшись на просьбу халифа, поспешил в столицу, и, свергнув Куртекина, взял на себя высшее руководство. Тем временем Аль-Бариди вновь захватил Васит, и, переманив на свою сторону тюркских наемников, снова напал на Багдад. Находившийся там Ибн Раик убедил халифа бежать вместе с ним из Багдада в Мосул.

Смерть Ибн Раика.

Аль-Муттаки был радушно встречен хамданидскими князьями, организовавшими кампанию по восстановлению его господства в столице. Однако руководствовались эти князья чисто эгоистическими интересами; так что они не замедлили убить стоявшего у них на пути Ибн Раика, присоединив к своим владениям и его сирийские провинции, а затем обратили свои алчные взоры в направлении Багдада. Итак, все шло своим чередом, и уже под конец года хамданидский князь по имени Насир Ад-Даула двинулся на Багдад, везя халифа в своем караване. После того, как Насир выдворил из столицы Аль-Бариди, он занял его место.

Короткое правление хамданидского князя в Багдаде.

Однако, несмотря на могущество хамданидских князей у себя дома, среди своих арабских собратьев, и несмотря на их блестящие победы над византийцами, вершить всем в Багдаде оказалось совсем другое дело. Дело в том, что арабы оказались неспособными соперничать с господствовавшими в столице необузданными дикарями и фанатиками. Инородные легионеры, как рядовые, так и военачальники, уже в течение долгих лет не выказывали ни уважения, ни повиновения арабским вождям; и даже на поле боя арабские воины, несобранные и отверженные всеми, не могли противостоять хорошо организованной тюркской армии.

Тузун, 331 г. хиджры, 943 г. от р. Х.

И так, не прошло и года, как хамданидские князья вынуждены были вернуться обратно в Мосул; поскольку тюркский военачальник по имени Тузун или Тузин,¹ разгромив Аль-Баради под Аль-Басрой, вошел в Багдад с триумфом и был провозглашен «эмиром эмиров». Однако новые козни его врага вынудили Тузуна оставить столицу; заговор, составившийся в его отсутствие, подверг халифа такой опасности, что тот опять был вынужден обратиться за помощью к хамданидскому князю. Отряды, посланные ему на выручку, позволили халифу бежать; он отправился в Мосул, а оттуда в Нисибин.

Муттаки бежит в Ракку, 332 г. хиджры, 944 г. от р. Х.

Вскоре после того, как между Тузуном и хамданидскими князьями был восстановлен мир, Аль-Муттаки перенес свою резиденцию в Ар-Ракку — несчастный беглец нашел себе пристанище в том самом городе, который так часто служил гордостью халифского двора в гораздо более блестящие времена его предшественников.

Визит Ихшидида.

Там, под надзором хамданидского князя, Аль-Муттаки, который уже несколько месяцев как бежал из своей столицы, обратился к Ихшидиду, бывшему халифскому наместнику Египта, а теперь уже его независимому правителю. Откликнувшись на этот призыв, Ихшидид поспешил к халифу. Поднеся ему роскошные дары, он со смиренным почтением, умолял халифа вернуться с ним в Египет, предупреждая его в то же время, чтобы он остерегался Тузуна. Но ни Ихшидид, ни хамданидский князь, не имели никакой иной цели, когда предлагали халифу убежище, чем, захватив его лично, получить таким образом права на оспариваемую ими сирийскую провинцию.

Свержен и ослеплен, 333 г. хиджры, 944 г. от р. Х.

Впрочем, не доверяя ни тому, ни другому, и не взирая ни на какие предостережения, Аль-Муттаки предался в руки Тузуна, клявшегося ему всеми возможными священными

¹ Согласно Вайлю, «Турун».

клятвами в своей верности и преданности. Несмотря на все свои клятвы, коварный обманщик вскоре свергнул халифа с трона и вдобавок лишил его зрения.

Мустакфи.

В тот же самый день Тузун возвел на престол в качестве преемника брата ослепленного халифа, которому дал новое имя: «Аль-Мустакфи», то есть «Тот, для кого достаточно Господа».

333 г. хиджры, 945 г. от р. Х.

А отряды Бувейхидов стали теперь кружить под столицей, как стервятники над своей добычей; и Тузун вместе с халифом в своем кортеже, двинулся на Васит. Ему удалось разбил их полчища. Между тем, Мосул перестал выплачивать требуемую дань, и казна оказалась стесненной. Тузун, снова захватив с собою халифа, выступил теперь уже против Хамданидов; но дружественные отношения восстановились, и он возвратился с войском назад.

334 г. хиджры.

Вскоре после этого Тузун умер, и на его место встал Абу Джафар, один из его военачальников. Багдад оказался теперь в крайне бедственном положении. Караваны, задерживаемые находившимися повсюду врагами халифа, больше не доходили до рынков, и люди были доведены до такого состояния, что питались собаками, кошками и даже падалью. Повсюду свирепствовало мародерство и грабежи, голодная толпа опустошала еще оставшиеся лавочки и хранилища. Многие из жителей бежали из города в Аль-Басру и другие места, во множестве умирая по пути от слабости. Абу Джафар, наконец, осознав, что не в силах справиться с ситуацией, обратился за помощью к Насиру Ад-Дауле в Мосул; и даже предложил, в случае его прихода, уступить ему свой пост главнокомандующего. Но войска Хамданидов в тот время были заняты с одной стороны войной с русскими [так у автора — прим перев.] в Азербайджане, с другой же — с Ихшидидами в Сирии. Именно в этот момент правитель Васита сдал эту крепость главе Бувейхидов, и, объединившись с ним, двинулся на Багдад. Город охватил ужас. Абу Джафар вместе с халифом сначала поспешили в укрытие; однако, оказавшись без тюркского гарнизона, который при приближении противника выступил из города и двинулся по направлению к Мосулу, оставили свое убежище. В результате халиф внешне радушно принял посланного Бувейхидским вождем парламентария, который передал ему условия предлагаемого перемирия. Халиф выразил свою готовность признать все права за завоевателем и подтвердить его титул правителя всех прилегающих областей, которые тот себе покорил.

*Бувейхидский эмир принимает на себя управление Багдадом,
раби' ии. 334 г. хиджры, 945 г. от р. Х.*

Таким образом, получив официальное приглашение от халифа, Муизз Ад-Даула вошел в Багдад, и под титулом «Амир Аль-Умара»¹ принял верховное командование. Аль-Мустакфи согласился — а что же еще ему оставалось делать? — на унижительное подчинение эмиру, чье имя стало теперь в дополнение к имени Аль-Мустакфи чеканиться на монетах, а также вместе с именем халифа оглашаться во время публичных молитв. Фактически халиф уступил ему всю власть. Но, увы, все его усилия оказались напрасны. Муизз Ад-Даула побаивался Аль-Мустакфи, ибо халиф оставался ставленником тюркских воинов, чьего возвращения из Мосула эмир мог ожидать в любой момент. Возможно, для его опасений была еще какая-то причина. Как бы то ни было, эмир, раздосадованный приемом, устроенным старшей хозяйкой халифского гарема в честь вождей из Дейлема и тюрков, которые еще оставались в городе, посчитал, что праздник был придуман халифом для привлечения тех на свою сторону.

*Мустакфи ослеплен и свержен с престола,
джумада ii., 334 г. хиджры, 946 г. от р. Х.*

Тщетно Аль-Мустакфи оправдывался, говоря, что это была лишь безобидная пирушка. Три недели после этого прошли спокойно, и вдруг эмир неожиданно решил устроить прием для делегации с Востока в халифском дворце, в той его части, которая была отведена ему. Свою свиту эмир оставил сидеть в ожидании. Внезапно два Дейлемских вождя поднялись со своих мест, и подошли к халифу, протягивая ему руки для рукопожатия. Ничего не подозревавший Аль-Мустакфи протянул им свою руку в ответ. Не разжимая хватки, они сорвали с его головы тюрбан и, обмотав его вокруг шеи монарха, потащили его в таком виде во дворец эмира. Там он был ослеплен, что становилось уже общей участью для сверженных халифов, ибо Аль-Муттаки и Аль-Кахир до сих пор еще влачили свое жалкое существование, лишённые возможности видеть свет. Аль-Мустакфи довелось пробыть халифом чуть больше года. В городе начались беспорядки, и халифский дворец был разграблен до такой степени, что в нем остались лишь голые стены. Тиран велел отрезать язык той женщине, что устроила непонравившуюся ему пирушку.

Пришедший в упадок халифат больше не оказывал на происходящие вокруг события какого-либо существенного влияния, и власть халифа теперь была сведена к минимуму. Однако один исключительный случай, в котором авторитет Аль-Муттаки сыграл значительную роль в решении вопроса, по своей сути духовного, имел серьезные последствия. В триста тридцать втором году хиджры вторгшиеся в земли мусульман византийцы продвинулись вглубь страны настолько, что Эдесса оказалась осажденной. Единственной возможностью защитить цитадель было уступить грекам драгоценную реликвию, так называемый «плат Спасителя», хранившуюся в эдесском соборе, в случае получения которой захватчики обещали оставить город в покое. Последовали долгие дебаты относительно законности этой передачи; наконец, было решено оставить последнее слово за халифом, который пригласил для решения этого вопроса законников и

¹ Говорят, что эту пару правителей первыми стали называть «султанами», но на своих монетах они именовали себя только как «эмир» или «мелик».

ученых правоведов. Разрешение было получено, и эта уступка не только спасла Эдессу, но также и дала свободу огромному количеству захваченных в плен греками мусульман.

ГЛАВА LXXV

ДИНАСТИЯ БУВЕЙХИДОВ. ХАЛИФЫ АЛЬ-МУТИ, АТ-ТАЙ, АЛЬ-КАДИР И АЛЬ-КАИМ.

334-447 г. хиджры / 946-1055 г. от р. Х.

Династия Бувейхидов, 334-447 г. хиджры.

БУВЕЙХИДЫ имели на своей стороне все преимущества. Имевшие постоянную поддержку со стороны своих храбрых Дейлемских приверженцев, получившие хорошее боевое крещение в непрекращающихся войнах на юго-восточном побережье Каспийского моря, они стремительно растеклись по землям к востоку от Багдада, и, в конце концов, как мы уже видели, с триумфом вошли в саму столицу. Там их изумили невероятные распри и междоусобицы среди тюркских военачальников, дикий разгул халифской солдатни, беспорядки, анархия, и нищета народа. Единственным возможным противником, кто был еще в состоянии выступить против них, являлось семейство Хамданидов из Мосула, но и его без особых трудностей можно было держать под контролем. И таким образом, Бувейхиды почти сто лет смогли удерживать свою власть в Багдаде. Однако их господство было ослаблено семейными ссорами и шиитскими наклонностями представителей их рода. Ибо Дейлемские солдаты, а также и их военачальники успели перенять эти доктрины на Каспийском побережье от Алидских правителей, на чьей стороне они сражались; в то время как тюркские воины, равно как и граждане Багдада, придерживались традиционных верований. Таким образом, в городе непрестанно вспыхивали конфликты между двумя враждующими фракциями, которые, в конечном счете, привели к падению Бувейхидов и вторжению сельджуков.

Положение халифов при Бувейхидах.

Материальное положение халифов при правлении Бувейхидов стало крайне тяжелым. Они находились в столь унижительной зависимости, что нередко их брали с собой в своем караване Бувейхидские завоеватели, когда им нужно было отправляться на войну вдали от столицы. Такую привычку завел самый первый из Бувейхидский князей, Муизз Ад-Даула (который весьма упрочил эту династию). Он столь сильно тяготел к шиитской вере, что единственной причиной, удержавшей его от того, чтобы поставить во главе халифата потомка династии Алидов, оказалась тревога за собственную безопасность и опасение беспорядков не только в одной столице, но и повсеместно. Ибо Багдадский халифат, в его духовном аспекте, все еще признавался на протяжении всего мусульманского мира, где, за непременным исключением Испании, преобладала традиционная исламская вера. С другой стороны, Фатимидские халифы претендовали на духовное превосходство не только в Египте, но, будучи шиитами, боролись также и за кафедры Сирии. Как-то раз они замахнулись даже на Багдад. На востоке духовное превосходство варьировалось, но, за исключением Персии и Дейлема, перевес явно был на стороне традиционализма. Тюрки оставались стойкими суннитами. Великий Махмуд, столь прославленный на Востоке, всегда был дружественно настроен по отношению к халифам, и о его блестящих победах в Индии было соответственно возведено с кафедр Багдада в пылких и

признательных выражениях. Страницы наших летописцев почти все теперь заняты изложением политических событий тех дней, в руководстве которых халифы редко принимали теперь какое-либо участие, и поэтому мы не будем здесь на них останавливаться. Упомянем лишь о тех немногих событиях, о которых, как мы знаем, они отзывались.

Мути, 334-363 г. хиджры, 946-974 г. от р. Х.

Следующий из халифов, сын Аль-Мугадир, по имени «Аль-Мути», то есть «Послушный Господу», долгое время добивался своего титула. Между ним и Аль-Мустакфи долгое время пребывала довольно ожесточенная вражда, которая привела, в итоге, к тому, что последнему пришлось удалиться от дел в скромное убежище. Когда Бувейхиды вошли в Багдад, он вышел из своего укрытия и, укрепившись при новом дворе, способствовал своими интригами падению своего двоюродного брата. Когда это случилось, и он наследовал халифат, эмир передал ему Аль-Мустакфи; именно тогда, когда он находился в руках Аль-Мути, несчастный и был лишен зрения. Но раболепство перед своими новыми повелителями не принесло Аль-Мути больших выгод. Халиф отныне не имел права голоса при назначении визиря. Для его содержания скуповыдавались лишь жалкие гроши, теперь положение халифа было лишено прежних знаков почтения и величия. В исламском государстве стали насаждаться такие чисто шиитские обычаи, как всенародный траур в годовщину смерти Аль-Хосейна и празднества в честь утверждения Пророка, предположительно сказанного в пользу Али.¹ Однажды шиитские правители дошли даже до того, что разослали по всем городским мечетям объявления, предписывающие проклинать не только ранних халифов, но и Аишу, любимую жену Мухаммада. Жители Багдада пришли в возмущение от такого надругательства, и эти распоряжения были сорваны разъяренной толпой.

Отречение Мути.

Подобного рода волнения время от времени случались; и после одного из них халиф, который носил этот титул уже почти тридцать лет, а теперь лежал, будучи разбит параличом, был принужден отречься от престола в пользу своего сына Ат-Тая.

Тай, 363-381 г. хиджры, 974-991 г. от р. Х.

На протяжении всего времени царствования Ат-Тая, который ни сам лично, ни его правление, никоим образом не заслужили быть отмеченными в истории, Сирия оказалась раздираемой между двумя соперничающими фракциями — тюркскими Фатимидами и карматийцами. В то же время семейство Бувейхидов раскололось на несколько групп,

¹ А именно, восемнадцатого числа месяца зуль-хиджа. Общепринята традиция, что в этот день, возвращаясь из прощального паломничества, Мухаммад собрал своих последователей у озера Хумм, и обратился к ним с различными напутствиями. Относительно Али он сказал: «Кто любит меня, пусть также изберет Али ради его **Друга**. Господь будет с теми, кто поддержит его, и оставит тех, кто выступит против него». Али только что был назначен командующим в Йемен, что вызвало недовольство многих, и вот, чтобы остановить их ропот, и были сказаны эти слова. Слово «маула» имеет двойной смысл, оно может означать как «друг», так и «господин», но шииты чаще употребляют его в последнем значении. Сам Али упоминал об этих словах в свою пользу, когда он, будучи провозглашен халифом в Аль-Куфе, противоборствовал с Муавией.

непрестанно враждовавших между собою. После семнадцатилетнего правления Ат-Тай был свержен и брошен в темницу, это произошло из-за стремления Бувейхидского правителя завладеть его имуществом.

381-422 г. хиджры, 991-1031 г. от р. Х.

На место сверженного халифа был избран его двоюродный брат Аль-Кадир, внук Аль-Муктадира. Изгнанный ранее из столицы за свои притязания на халифат, он был теперь призван и назначен на место, которого он так долго добивался, и на котором ему было суждено продержаться целых два десятка лет. Это во время его правления поднимется Махмуд из Газны, угрожая Западу; и именно по причине вражды, которая разгорится после смерти Аль-Кадир, Бувейхидское царство, парализованное междоусобной войною, окажется поглощенным ордами тюрков или турок-сельджуков, если говорить точнее. Об Аль-Кадире в летописях почти ничего не сказано, кроме того, что он преуспел в назначении ортодоксального богослова на место верховного судьи, в то время как Бувейхиды довольствовались тем, чтобы шиитский «Накиб», или потомок Али, разбирали дела их секты. Аль-Кадир умер в возрасте восьмидесяти семи лет, и наследовал ему его сын Аль-Каим.

В первой половине продолжительного правления Аль-Каима, не проходило и дня без восстания и кровопролития. Столкновения возникали между противоборствующими фракциями, все еще ожесточенными религиозной ненавистью.

Каим, 422-467 г. хиджры, 1031-1075 г. от р. Х.

Нередко город оставался вообще без правителя, поскольку Бувейхидский халиф в целях безопасности часто был вынужден бежать из столицы. Между тем, уже набирал силу дом Сельджуков; и Тогрил-бег, пришедший со своими несметными ордами с востока, захватил Сирию и Армению.

Вторжение сельджуков, 447 г. хиджры, 1055 г. от р. Х.

В конце концов, взор Тогрил-бега обратился на Багдад. Это было в то время, когда город буквально захлебывался в захлестывавших его волнах насилия и фанатизма. Командующие также враждовали друг с другом. Дейлемский командир Аль-Басасири обвинял визиря в попытках сношений с сельджуками; в свою очередь, визирь ставил в вину Аль-Басасири, что тот хочет заменить халифа египетским «анти-халифом». Багдадцы восстали против Аль-Басасири. В результате этих волнений Бувейхидский князь Мелик Рахим отправил халифа в изгнание по же собственной просьбе. Как раз в этот момент Тогрил-бег, под предлогом совершения паломничества в Мекку, вторгся в пределы Аль-Ирака с вооруженной армией, и, заверив халифа в своих мирных целях и выразив подобострастное почтение к его авторитету, попросил позволения посетить столицу. Багдадские тюрки и Бувейхиды были против этого; но сам халиф был только рад дать ему свое разрешение. В итоге великий завоеватель был провозглашен «султаном» — это сделал сам халиф во время публичной молитвы. А несколько дней спустя, сам Тогрил-бег, поклявшись в верности не только халифу, но также и

Бувейхидскому князю Мелик Рахиму, вошел в столицу, где был радушно встречен как вождями, так и народом.

В течение этого периода литература, в особенности персидская литература, расцвела под покровительством Бувейхидов. Философ Аль-Фараби, тюркского происхождения, умер в девятьсот пятидесятом году от р. Х.; Аль-Мутанебби, получивший известность на Востоке, как величайший арабский поэт, и сам араб, — в девятьсот шестьдесят пятом году от р. Х.; Аль-Хваризми (или «Аль-Хорезми» — от его имени произошло понятное нам слово «логарифм») — в девятьсот девяносто втором году от р. Х.; и величайший из всех Аль-Хосейн Ибн Абдалла Ибн Сина (Авиценна) — в тысяча тридцать седьмом году от р. Х.

ГЛАВА LXXVI.

БАГДАД ПОД ВЛАСТЬЮ СЕЛЬДЖУКОВ.

447-575 г. хиджры / 1055-1180 г. от р. Х.

Тогрил-бег в Багдаде, 447 г. хиджры, 1055 г. от р. Х.

ТОГРИЛ-БЕГ не спешил покидать Багдад, и вскоре после того, как народ взбунтовался против его необузданной солдатни, он использовал этот случай для оправдания тому, чтобы бросить в темницу Мелик Рахима, и взять управление городом в свои руки. Дейлемские отряды были тотчас расформированы. Оставив Аль-Ирак, они сплотились вокруг Аль-Басасири, сражавшегося на стороне Фатимидов в сирийской кампании. Тот вскоре собрал достаточно сил, чтобы бросить вызов войску сельджуков. Встревоженный таким поворотом событий, после годичной передышки в Багдаде, во время которой халиф тщетно умолял его очистить город от его тюркских разбойников, Тогрил выступил в поход на Нисибин и Мосул.

499 г. хиджры.

Вернувшись с победой, он был встречен халифом с триумфом. После возложения на Тогрил-бега почетных одеяний, халиф торжественно провозгласил его «императором Востока и Запада». Но на следующий год, в отсутствие Тогрил-бега, отвлеченного восстанием его брата в Персии, Аль-Басасири с сирийской армией вошел в Багдад, и провозгласил там халифат Фатимидов во главе с правителем Египта.

450 г. хиджры, 1058 г. от р. Х.

Взятый в плен великий визирь Тогрил-бега был облачен в воловью шкуру и выставлен на посмешище перед горожанами, а затем в этом же обличье повешен. Даже отрекшийся от всяких прав на престол Аль-Каим был принужден принести клятву на верность своему сопернику-халифу. Символы Аббасидского халифата: царские одежды и тюрбан, старинные драгоценности и халифская кафедра были отправлены в Каир вместе с документом, в котором Аль-Каим формально отрекался от своего титула.¹ Но не долго продлилось господство ненавистных багдадцам захватчиков. Аль-Басасири был брошен на произвол судьбы своими сторонниками при первом же приближении Тогрил-бега; и ровно через год после своего вторжения в Багдад узурпатору пришлось бежать. Аль-Каим вновь занял свое место. Он продолжал править, разделяя почести с сельджукским монархом, пока тот не попросил руки его дочери. Сначала отец попытался отказать султану, но, в конце концов, дал свое согласие. Впрочем, сельджукский воитель вскоре после брачного пира скончался.

Смерть Каима.

¹ Одеяния и прочие ценности были отправлены Саладином обратно, но кафедра, говорят, все еще должна находиться где-то в Каире.

Наследовал ему Алп Арслан, чье правление не только расширило господство халифата Аль-Каима в религиозном плане, но и принесло в Багдад долгожданную безопасность. Повсюду воцарился мир, и, как следствие, пробудилась торговля, люди потянулись к знаниям. Наступила эпоха временного расцвета. Однако о самом Аль-Каиме, который на протяжении своего довольно продолжительного царствования проявил себя слабым и беспомощным халифом, летописцы упоминают мало. Он умер два года спустя после Алп Арслана, и халифский трон унаследовал его внук.

Муктади, 467-487 г. хиджры, 1075-1094 г. от р. Х.

Новый халиф Аль-Муктади оказался прославленным благодаря султану Мелик-Шаху, во время чьего господства халифат был признан на всей территории, завоеванной турками-сельджуками. Аравия с обоими Священными городами, освободившись к тому времени от власти Фатимидов, опять признала духовное первенство за Аббасидами. Султан отдал свою дочь в жены халифу; и с рождением сына мечтал о том, чтобы соединить в нем и халифа и султана на одном престоле. Но эта надежда оказалась бесплодной. Госпожа, пренебрегши своим мужем, вместе с младенцем удалилась ко двору сельджуков в Исфахане. Да и сам султан, недовольный вмешательством халифа в государственные дела, пожелал, чтобы тот уgomонился и перебрался в Аль-Басру, выйдя в отставку; и лишь последовавшая вскоре после этого смерть Мелик-Шаха не позволила осуществиться его повелению.

Мустажир, 487-512 г. хиджры, 1094-1118 г. от р. Х.

Преемником своего отца стал Аль-Мустажир. На время его двадцатичетырехлетнего пребывания в должности проходит множество волнующих событий; тем не менее, ни в истории фанатичной борьбы дома, ни в описаниях ошеломляющих крестовых походов, совершаемых христианами в сирийские земли, имя халифа почти не упоминается. Сельджуков, чье господство было ослаблено внутренними конфликтами, мало заботили интересы ислама. И уже к концу пятого столетия хиджры практически вся Сирия оказалась занятой войсками христиан.

497 г. хиджры, 1103 г. от р. Х.

Более того, Раймонд предпринял пусть и неудачную попытку напасть на Багдад с восточной стороны, чтобы так нанести смертельный удар исламу. Однако его армия была разбита противником недалеко от Токката. Войско Раймонда понесло огромные потери, так что лишь немногим из крестоносцев удалось бежать.

Захват Иерусалима, 15 июля 1099 г. от р. Х.

В четыреста девяносто втором году хиджры ужас распространился по всей магометанской земле: то были слухи о захвате Иерусалима и жестоком обращении с его обитателями. Посланные повсюду исламские проповедники несли эту печальную весть, разжигая чувство мести и призывая мусульман очистить от неверных мечеть Омара и город, который сам Пророк посетил чудесным образом, благодаря вмешательству свыше. Но,

несмотря на успех в других местах, эта миссия потерпела неудачу в восточных провинциях, где люди оставались заняты своими собственными проблемами, и, кроме того, были мало обеспокоены Священной Землею, в которой тогда преобладала вера Фатимидов. Толпы изгнанников хлынули, ища убежища, в Багдад, и вместе с присоединившимся там местным населением, призывали к войне против франков. Но ни халиф, ни султан не вняли их призывам. В течение двух пятниц повстанцы штурмовали Большую мечеть, сломав кафедру и разбив трон халифа на куски, криками заглушая шедшее там служение. Но этим все и ограничилось. Никакое войско никуда и не собиралось выступать.

Мустаршид, 512-529 г. хиджры.

Сельджуки, занятые в то время внутренними войнами на Востоке, оставили Багдад во многом на произвол судьбы. Но, к нашему удивлению, Аль-Мустаршид, сын предыдущего халифа, еще раз решил попытать счастья в борьбе за свою независимость. На этот раз восстания охватили весь Аль-Ирак.

Дубейс и Зенки, 516 г. хиджры.

Во главе одного из них стоял знаменитый, но беспринципный военачальник Дубейс из Бени Мазйад;¹ а интересы султана защищали Аксонкур Аль-Бурсаки и Зенки; впоследствии непримиримый враг крестоносцев. Дубейс, сражавшийся то за одну сторону, то за другую, в зависимости от ситуации дня, присоединился к восставшему брату султана в походе на Аль-Ирак, когда халиф и тюркский наместник Багдада напали на него и обратили в бегство.

518 г. хиджры.

Разорив Аль-Басру, он присоединился к армии крестоносцев, предпринявших попытку захватить Алеппо, а затем уговорил младшего брата султана поднять мятеж и напасть на столицу;

519 г. хиджры.

но предвидевший их наступление халиф выступил с двенадцатитысячной армией и обратил мятежников в бегство.

Вражда с султаном.

Год или два спустя багдадский градоправитель, почувствовав недружелюбное отношение халифа и пожелав освободиться от зависимости, упросил Махмуда, сельджука из Аль-Ирака, приехать в Багдад, чтобы ограничить агрессивную позицию, упорно

¹ Мазйаиды — ветвь Бени Асад, удерживавшая господство в Аль-Ираке с четырехста третьего по пятьсот сорок пятый год хиджры (1012-1150 г. от р. Х.). Их столицей была Аль-Хилла.

удерживаемую Аль-Мустаршидом. Несмотря на протест халифа и угрозу оставить свой дворец и удалиться в западный пригород Багдада, султан выступил в поход;

521 г. хиджры.

на что халиф отправил свою армию для захвата Васита. Но Зенки, в то время правитель Аль-Басры, отогнал его войско назад. После этого султан занял всю восточную часть города, но халиф все еще отказывался принять его условия. Затем борьба перешла на улицы; и воины султана начали уже разорять дворец, когда халиф (который в то время обладал немалыми ресурсами) подоспел с тридцатитысячной армией и обратил их в бегство. Честно говоря, если бы в тот момент он не оказался брошенным одним из своих курдских вождей, султану оказалось бы не так уж просто противостоять его армии. Но вскоре после этого Зенки, прибывший со значительным подкреплением из Аль-Басры, так серьезно потревожил Аль-Мустаршида, что халифу пришлось покориться султану, умиротворив его подношением денег и оружия. Султан оставался в Багдаде большую часть года. Впоследствии он назначил Зенки управлять и городом, и всем Аль-Ираком.

Карьера Зенки.

Этот прославленный воин достиг к тому моменту огромного влияния. Он получил в свое распоряжение Месопотамию со всеми подвластными этой провинции городами, включая Мосул, Нисибин и Харран.¹ Затем он двинул свою армию на запад, и не, спуская глаз с Сирии, которая была завоевана крестоносцами, заключил мир с Жосленом, едва не отбив у него Дамаск и Эмессу.

522 г. хиджры.

Его могущественная слава вызвала в то время огромную радость в Багдаде, жители которого говорили, что, наконец, нашелся хоть один человек, способный оказать крестоносцам достойный прием на поле брани. Однако на закате жизни Аль-Мустаршида Зенки оказался в затруднительном положении, столкнувшись с враждебностью и курдов, и самого халифа.

527 г. хиджры, 1132 г. от р. Х.

После смерти султана Махмуда он был отправлен в отставку на Восток, благодаря стараниям некоторых мятежных представителей дома Сельджуков, поощряемых халифом и Дубейсом. Утратив свое влияние в Багдаде, Зенки был вынужден бегством спасаться от халифа, который преследовал его до Мосула и осаждал там в течение трех месяцев, но безрезультатно.

¹ Двигаясь к Нисибину, Тимурташ Ортукид послал с почтовым голубем его правителью письмо, с обещанием прийти на помощь в течение пяти дней. Уставший в пути голубь сел на землю в лагере осаждавших, и Зенки, заменив это послание другим, в котором сообщалось не о пяти днях, а о двадцати, отпустил голубя лететь в город. Защитники Нисибина оказались так удручены этим сроком, что совсем пали духом и прекратили сопротивление.

529 г. хиджры.

Но впоследствии Зенки возобновил свои операции в Сирии, и в пятьсот двадцать девятом году хиджры осадил Дамаск. Правда, попытка взять город ему не удалась, частью из-за отваги врага, частью по настоянию халифа, которого правитель Дамаска стал вновь признавать, упоминая его имя на публичных молитвах. Халиф уговорил Зенки ослабить свой натиск. Отвлеченный в виду вновь возникших трудностей на Восток, он оказался лишенным возможности активно противостоять крестоносцам до самой смерти Аль-Мустаршида.¹ Вскоре после этого Аль-Мустаршид решился самостоятельно начать кампанию против султана Масуда.

Мустаршид убит, 529 г. хиджры.

Он атаковал армию султана близ Хамадана; там, брошенный своими войсками, был взят в плен, но помилован, пообещав больше не покидать свой дворец. Однако оставленный в отсутствие султана в королевском шатре, он был найден убитым, предположительно эмиссаром секты убийц-ассасинов, невзлюбившей халифа. Чтобы отогнать подозрение от себя, султан обвинил в убийстве старого врага халифа Дубейса и велел предать его смерти. И Аль-Мустаршид, и Дубейс снискали славу у своих современников как неплохие поэты;² и халиф, если был в состоянии удержать свою руку от искушения взяться за оружие (что было для него опасным анахронизмом), смог бы наполнить халифат мирными искусствами, к которым он был более склонен.

Рашид, 529-530 г. хиджры.

Ар-Рашид, последовав примеру своего отца, предпринял еще одну, столь же неудачную, попытку обрести независимость. Мстя за смерть своего родителя, он нанес оскорбление посланнику султана, прибывшему с требованием щедрых подношений. Ар-Рашид настроил толпу разорить его дворец, а затем, при поддержке Зенки, в равной степени враждебно настроенного из-за убийства Дубейса, выступил против своего врага-султана и призвал народ Багдада к войне. Султан Масуд немедленно двинулся на восставшую против него столицу, и поскольку халиф не осмелился покинуть ее пределов, предпочитая прятаться за стенами, осадил город. Багдад, хорошо защищенный рекою и ее каналами, долгое время оказывал сопротивление; но, в конце концов, халиф и Зенки, отчаявшись в успехе, бежали в Мосул. Власть султана была восстановлена, созван совет, на котором халиф был официально низложен, а на его место назначен его дядя, сын Аль-Мустажира. Ар-Рашид бежал в Исфахан, где пал еще одной жертвою от кинжала ассасинов.

Муктафи, 530-555 г. хиджры.

Непрекращающиеся раздоры и разногласия среди представителей дома Сельджуков предоставили новому халифу Аль-Муктафи возможность не только удержать свою власть в Багдаде, но и расширить ее на весь Аль-Ирак.

¹ Вот недавнее исследование по этому важному вопросу: W. B. Stevenson, *Crusaders in the East*.

² Дубейс с почтением упоминается в книге *Makamat of Al-Harir* (xxxix).

551 г. хиджры.

Находясь во главе хорошо организованной армии, он был в состоянии защищать столицу от чьих-либо посягательств. Однако он проявил достаточную неосмотрительность, поддержав восстание сына султана, который вслед за тем выступил против Багдада и вынудил халифа искать убежища в восточной части города, где его спасло только то, что султан вскоре оказался отвлечен на то, чтобы заняться более серьезными беспорядками на Востоке. Аль-Муктафи, как бы то ни было, опять впал в милость к сельджукам, чей султан взял в жены одну из его дочерей. Во время этого царствования вновь разгорелось пламя крестовых походов, и Зенки снискал в борьбе с христианами славу храброго и вликодушного воина. Потоки славословия лились в его адрес, как из уст друзей, так и из уст врагов. Однажды, находясь в критическом положении, он обратился за неотложной помощью в Багдад, откуда, уступив требованиям возбужденного народа, султан и халиф отрядили двадцатитысячную армию. Но в груди как сельджуков, так и самого халифа, да и даже их эмиров, едва ли теплился хоть какой-то энтузиазм, чтобы предпринять серьезные усилия для продолжения борьбы против крестового похода рыцарей из франкских земель.

Новые халифы: Мустанджид и Мустади, 555-575 г. хиджры.

Аль-Муктафи заслужил признательность исламских летописцев за свое благочестие, компетентность в делах управления и смелость. В течение своего халифата, продлившегося четверть века, он предпринял множество небольших вылазок против окрестных врагов, но ни одна из них не заслуживает особого упоминания. О двух последующих халифах еще меньше есть чего сказать, кроме того, что они продолжали сохранять более или менее независимую позицию, вместе со своим с визирем и придворным окружением, и располагали поддержкой достаточно сильной армии, вполне способной для проведения каких-то случайных кампаний, пусть местного значения, и без долговременного успеха.¹ Тем временем, Нур Эд-Дин и Саладин, воодушевленные одержанными ими победами, гнали вперед свои полчища, ведя борьбу не только против крестоносцев, но одновременно и против египетских Фатимидов.

Конец халифата Фатимидов, 567 г. хиджры 1171 г. от р. Х.

Эта династия, в конце концов, прекратила свое существование, пробыв у власти двести семьдесят пять лет. Победитель Фатимидов, Саладин, хотя сам и являлся ортодоксальным мусульманином, не осмелился сразу провозгласить суннитскую веру среди народа, все еще придерживавшегося шиитских убеждений и обрядов. Но вскоре он решился на это; и,

¹ Могу привести здесь, однако, весьма характерную сцену воцарения Аль-Мустаршида. Одна из жен Аль-Муктафи желала, чтобы преемником стал его младший сын, чьей матерью она являлась. Эта женщина склонила на свою сторону многих эмиров, и вооружила своих девушек-невольниц кинжалами, повелев им вонзить их в нового халифа, когда тот придет поклониться останкам своего отца. Халиф заподозрил, однако, заговор, и, облачившись в кольчугу, вместе с верными соратниками набросился на женщин, ранив одних и перетопив других. А непокорного сына вместе с его матерью халиф бросил в темницу.

таким образом, духовное господство Аббасидов вновь одержало верх не только в Сирии, но и во всем Египте и в зависимых от него землях.

ГЛАВА LXXVII.

ХАЛИФ АН-НАСИР, ЕГО СЫН И ВНУК.

575-640 г. хиджры / 1180-1242 г. от р. Х.

Насир, 575-622 г. хиджры, 1180-1225 г. от р. Х.

МЫ добрались теперь до попытки восстановления халифата в той древней роли, которую он некогда играл среди окружавших арабов народов; увы, это был лишь меркнувший свет, последний проблеск затухающего пламени. Ан-Насир, «Защитник веры», не только удержал авторитет Багдада как столицы, но и расширил свое господство с одной стороны на Месопотамии, и с другой стороны на Персию. Тщеславный в своей внешней политике, он стремился к дальнейшим завоеваниям; эгоистичный и жестокий дома, он, в припадке зависти, повелел казнить своих первых двух визирей.

Взаимоотношения с двором Хорезма, 576-590 г. хиджры.

Главным стремлением первых лет его царствования было подорвать господство сельджуков и на их руинах основать свое собственное. Для этого Насир провоцировал беспорядки, время от времени становясь на сторону недовольных ответвлений султанского дома. Наконец, Хорезм-шах, Такаш, по его наущению атаковал армию сельджуков и разгромил ее, оставив Тогрила, последнего из его рода, лежать на поле боя. Голову павшего монарха отправили халифу для того, чтобы она была выставлена на всеобщее обозрение в Багдадском дворце. Такаш, признанный отныне верховным правителем Востока, пожаловал халифу некоторые провинции Персии, принадлежавшие до этого сельджукам.

591 г. хиджры.

В знак своей преданности Ан-Насир послал завоевателю через своего визиря патент на правление и почетные одежды. Но вследствие досадного недоразумения: просто отсутствия чувства такта у визиря, тот так рассердил грубоватого тюрка, что хорезмец напал на армию халифа и обратил ее в бегство. С того времени враждебность, или в лучшем случае лукавое перемирие, воцарилось между двумя этими правителями на многие годы. Халиф, желая избавиться от неуютного ему шахского градоправителя, но не осмеливаясь объявить Такашу открытую войну, был вынужден прибегнуть к услугам наемных убийц. Он обратился за помощью к представителю исмаилитов, оставивших свои алидские убеждения, но вовсе не кинжалы, оказавшиеся теперь вновь в большом ходу при Багдадском дворе. В ответ на убийство своего ставленника, шах приказал выкопать из земли останки визиря Ан-Насира, павшего в кампании против него, и выставить голову погибшего на посмеяние в Хорезме. Тогда, раздраженный этим поступком и другими враждебными действиями шаха, халиф излил свою досаду, проявив неуважение к пришедшим с Востока под знаменем Хорезма паломниками. Однако помимо этой жалкой отместки, он был бессилен на какие-либо открытые военные

действия против властелина, что обладал неоспоримой властью от Джакарты до Персидского Залива.

Хорезм-шах нападает на Багдад, 612-614 г. хиджры, 1216-1217 г. от р. Х.

Выведенный из себя всеми этими делами, Мухаммад, сын Такаша, возжелал теперь не просто разрушить мирскую власть халифа, но и посредством возведения на престол анти-халифа из дома Али, парализовать также и духовное господство Багдада. Совет ученых магометан, собравшийся в Хорезме, соответственно принял решение о свержении Ан-Насира, как убийцы и врага веры, и передачи халифского трона потомку Али, который стал упоминаться на публичных молитвах, и чье имя начало чеканиться на монетах Восточной части мусульманской империи. Предприняв следующий шаг на этом пути, Мухаммад двинул свою всеокрушающую армию на Багдад. Ан-Насир, перепугавшись не на шутку, отправил к нему посланника из наиболее знатного рода, надеясь уладить все миром, но тот был с гордостью отвергнут. Посла надменно уверили, что завоеватель посадит на трон его господина более достойного представителя.

Насир зовет Чингис-хана.

В ответ на это Ан-Насир решил обратиться за помощью к приобретающему все большее влияние монгольскому вождю Чингис-хану. Он жаждал остановить наступление Мухаммада любым путем; и, несмотря на протесты благочестивых мусульман, отправил к монголу свое посольство. Да, «Защитник веры» просил о помощи язычника — вождя языческой орды! Но дело зашло уже слишком далеко, ибо Мухаммад, Хорезм-шах, к тому времени захватил восточный Ирак, и Багдад почти оказался в его власти. Лишь рано наступившая зима своею суровостью заставила его повернуть своих коней обратно в Хорасан. Однако вскоре халиф увидел, какие недобрые плоды несет его дипломатия. Оставив за собой огромные просторы, Чингис-хан повернул на юг в степи Средней Азии и обратил в бегство армию Хорезм-шаха. Тот впоследствии так и умер в изгнании на островке в Каспийском море. Но было бы гораздо лучше для халифа (как мы впоследствии убедимся), если бы Чингис-хан оставался со своими монгольскими ордами в диких степях их далекой северной страны.

Давайте, теперь обратим свой взор на Святую землю. Саладин, все далее и далее теснимый крестоносцами, обращается за неотложной помощью к Насиру, но тот, мало заботящийся о ситуации за пределами своего царства, ограничивается лишь посылкой запасов нефти и специалистов, которые способны использовать греческий огонь против завоевателей на поле боя.

*Насир оставляет крестоносцев в покое,
577-589 г. хиджры, 1181-1193 г. от р. Х.*

Что касается Али, одного из сыновей Саладина, который, рассорившись со своей семьей, намеревался отвоевать Дамаск, то ему Насир пообещал помочь, но закончил лишь

праздной игрой слов. «У Али, — сказал он — по смерти Пророка не было защитника; но теперь сам халиф — “АН-НАСИР”, то есть, **защитник Али**».¹

Халифат Насира.

Об Ан-Насире больше нечего добавить. Помимо каких-то случайных территориальных приобретений, он сохранил нерушимым арабский Ирак от Тикрита до Персидского залива, проявив себя жестоким и деспотичным правителем. Случались, однако, и исключения, когда в ответ на просьбы он вставал на защиту слабейшей стороны — хотя отчасти мотивы этих поступков были, несомненно, продиктованы его опасением более могущественных противников. Его очень долгое правление, которое продолжалось в течение сорока семи лет, в основном отмечено амбициозными и неразборчивыми связями с вождями монголо-татар, а также его рискованным обращением за помощью к монгольским ордам, которым суждено будет вскоре положить конец его собственной династии. Но в его дни в Багдаде царил относительный мир; процветали науки; опекались школы и библиотеки. В то же время раздавались щедрые пожертвования бедным, а также поощрялись и другие дела на благо общества.

*Захир и Мустансир, два последующих халифа,
622-640 г. хиджры, 1225-1242 г. от р. Х.*

Его сын и внук управляли наследием Ан-Насира в последующие восемнадцать лет; но о них мы можем сказать еще меньше, чем о нем самом. Разве что, они отличались мягкостью и благочестием. Крестоносцы продолжали свою борьбу, хотя и немало от нее утомились, в то время как наследники Саладина были разобщены жестокими междоусобными распрями. Халифат, однако, мало интересовался войнами в Сирии. В воздухе Багдада висела постоянная тревога перед татарским нашествием. Однажды монголы подошли очень близко к Холвану и Ханикину, в другой раз подступили даже к Самарре, так что испуганные жители Багдада бросились спешно приводить в порядок городские укрепления. Опасность, однако, прошла в тот момент стороною, не нарушив покой города. Но это было всего лишь затишьем перед роковою бурей.

¹ Визирем у этого правителя был брат нашего летописца Ибн Аль-Асира.

ГЛАВА LXXVIII.

АЛЬ-МУСТАСИМ, ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ХАЛИФОВ.

640-656 г. хиджры / 1242-1258 г. от р. Х.

Мустасим, последний халиф, 640-656 г. хиджры 1242-1258 г. от р. Х.

СТАВШИЙ халифом на шестьсот сороковом году хиджры Аль-Мустасим — которому совершенно напрасно было присвоено его имя, обозначавшее, «Тот, чье убежище в Господе» — был созданием слабым и скаредным. В его неумелых руках халифат, даже и в более спокойные времена, находился бы в крайнем тяжелом положении. Между главным министром, амбициозным и беспринципным придворным, и халифским визирем Ибн Аль-Алками разгорелась сильная вражда. Визирь, что довольно странно, был шиитом; за это он, разумеется, подвергся осуждению ортодоксальных летописцев, обвинивших его даже в том, что из желания облегчить участь своих гонимых собратьев по вере, он пошел на предательский сговор с монголами. Иные были склоны отводить ему более роль большего патриота; но, разумеется, не нужно далеко ходить, чтобы понять беспомощность халифа и визиря, при разобщенности их уменьшившегося к тому времени царства, в их попытках предотвратить неизбежный крах халифата.

Его характер.

О самом Аль-Мустасиме можно сказать немного. В качестве примера свойственной ему подлости можно привести такой случай: халиф, говорят, присвоил себе драгоценности вождя из Керака, которому с большим трудом удалось добиться частичного их возвращения, лишь заявив о нечестности халифа перед собравшимися паломниками в Мекке. Влияние Аль-Мустасима, впрочем, в определенной степени ощущалось даже в Египте. И поскольку в то время там признавался авторитет Аббасидов, султан стал добиваться и получил от халифа признание его титула и знаки отличия для своей должности. Также халиф неоднократно выступал посредником между правителем Дамаска и египетским султаном.¹ Конечно, в его интересах было способствовать установлению стабильного правительства, такого как Эйюби в Сирии, которое могло защитить халифат от надвигавшейся на него опасности. Но все это было слишком поздно.

Намерения Хулагу относительно Запада, 653 г. хиджры, 1255 г. от р. Х.

¹ Когда к нему обратились два соперничавших друг с другом претендента, он послал одному из них искусно сделанный нож, украшенный яшмой, в доказательство своей доброй воли, но посылку почетной одежды, полагавшейся при вступлении в должность, отложил на потом. Он неодобрительно относился к правителям-женщинам. Однажды, в ответ на то, что женщина-царица стала султаншей Египта, он написал, что если египетские эмиры не могут найти на этот пост ни одного достойного мужчины, он мог бы послать им кого-нибудь.

Тем временем, подобно тигру, украдкой наблюдающему за своей добычей, монгольский вождь издалика готовился к решающему наступлению своих войск на прекрасные провинции Запада. Аль-Мустасим уже тринадцать лет находился у власти, когда Хулагу объявил войну исмаилитам, приглашая всех присоединиться к нему в разгроме этого ненавистного племени. Его призыв халиф оставил без ответа. На следующий год, однако, с исмаилитами было покончено, и ничто уже не связывало монгольским завоевателям руки в осуществлении их планов относительно дальнейшего продвижения на Запад. Положение Багдада, как Хулагу, возможно, и предполагал, было в то время ослаблено непрерывной борьбой между двумя уже упомянутыми враждебными друг другу министрами, обвинявшими один другого в измене. Главный министр зашел так далеко, что восстал против самого халифа, и, поддержанный толпой народа, не только вынудил Аль-Мустасима снять с него все обвинения, но и добился, чтобы его имя зазвучало во время публичных молитв.

Его наступление на Багдад, 655 г. хиджры, 1257 г. от р. Х.

Вот именно тогда-то остановившийся в Хамадане Хулагу и направил в Багдад свое посольство с угрозами. Для начала он упрекнул Аль-Мустасима за то, что тот не оказал ему помощи в борьбе с «врагами человечества» — исмаилитами. Затем предложил халифу самому разрушить укрепления Багдада, а после чего, чтобы узнать его волю, немедленно явиться к его двору лично, либо же отрядить для этой цели визиря и главных своих чиновников. Если все это будет исполнено, Хулагу обещал оставить Аль-Мустасима в покое и не трогать его владений. Глупый халиф в ответ стал рассуждать о том, что множество людей не преминет оказать любую помощь для защиты земного заместителя Пророка. Он отказался срыть городские укрепления, но, тем не менее, отправил к монголам своего посланника с подарками и с весьма мягким ответом. Единственным ответом Хулагу на посольство халифа явилось немедленное нападение монголов на Багдад.

Город захвачен и разорен, 656 г. хиджры, 1258 г. от р. Х.

Беспомощный халиф под воздействием своего визиря уже готов был согласиться сдать на милость противника, когда первый министр и возбужденные жители вынудили его послать вместо этого завоевателю вызывающее письмо с напоминанием об участии Саффаридов и им подобных, осмелившихся напасть на «Город мира». Это предостережение не оставило равнодушным суеверного Хулагу, опасения которого то вновь возникали, то исчезали, в зависимости от прогнозов астрологов. В конце концов, убедившись в безопасности этого предприятия, он отдал приказ своим татарским ордам со всех сторон подступить к обреченному городу. А халиф тем временем совсем потерял голову, то пытаясь собрать войска для своей защиты, то посылая противнику парламентеров, сообщая о своей готовности платить ежегодную дань. То и дело он возлагал надежду на какой-нибудь счастливый случай, который бы спас его, как спасал в былые времена его предшественников, и даже ожидал вмешательства свыше.

і. 656 г. хиджры, янв. 1258 г. от р. Х.

В первом месяце шестьсот пятьдесят шестого года хиджры монголы разгромили отряд мусульман под началом Аль-Анбара и преследовали нескольких оставшихся в живых до западной части города. Вскоре после этого сам Хулагу, пройдя вдоль города восточным берегом Тигра, атаковал расположенную на нем часть Багдада. Напрасно халиф отправлял к нему своих сыновей, умоляя о пощаде, напрасно он посылал великого визиря обговорить условия сдачи. Все, чего удалось добиться от завоевателя, это гарантии безопасности для нескольких особо знатных жителей. И лишь уже начав штурм и захватив в свои руки часть города, Хулагу послал за главнокомандующим халифа и его первым министром, чтобы договориться о прекращении военных действий.

4-е ii. г. хиджры, 10-е февраля.

Когда халифские сановники явились в стан к монголам, то, несмотря на обещанную прежде безопасность, все они были преданы смерти вместе со своею свитою. Теперь Аль-Мустасиму не оставалось ничего другого, как самому отправиться к Хулагу, что он и сделал в начале второго месяца в сопровождении своих сыновей и городской знати. Они были встречены с внешней любезностью. Халиф и его сыновья были оставлены в шатре; а жителей предупредили, что им лучше покинуть город, который затем должен быть отдан на разграбление. Несчастный халиф, следуя за кортежем тирана, был вынужден стать свидетелем разорения своего дворца. Ему пришлось показать, где он прятал свои сокровища, в числе которых находились золотые слитки небывалого размера. После многодневных разбоев, в результате которых в Багдаде начались пожарища, Хулагу, положив конец этим безобразиям, взял власть над городом в свои руки.

*Последний из халифов предан смерти,
14-е ii. 656 г. хиджры, 20 февраля 1258 г. от р. Х.*

Аль-Мустасим, находившийся полностью во власти у монголов, в середине второго месяца шестьсот пятьдесят шестого года хиджры был предан смерти вместе со всеми представителями его династии, до которых только смогли дотянуться их руки. Так что последних правителей Багдада постигла та же участь, на которую пять столетий назад они сами обрекли династию Омейядов; и, таким образом, господство Аббасидов пришло к насильственному и безвременному концу.

ГЛАВА LXXIX.

ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ХАЛИФАТ ПОД ВЛАСТЬЮ МАМЛЮКОВ В ЕГИПТЕ.

659-926 г. хиджры / 1261-1520 г. от р. Х.

Мустансир, Египетский халиф, 659 г. хиджры, 1261 г. от р. Х.

ХАЛИФАТ, угасавший уже на протяжении долгого времени, теперь и вовсе прекратил свое существование, не оставив никакой надежды на свое возрождение в будущем. Лишь очень слабое его подобие еще сохранялось в Египте — однако тамошняя череда псевдохалифов, носивших громкое звание, но не обладавших реальной властью, по сути, была не халифатом, а простым фантомом. Вскоре после своего воцарения на троне, Бейбарс прознал, что в Сирии еще продолжает существовать один из потомков династии Аббасидов. Бейбарсу захотелось сделать его халифом и получить из рук настоящего Аббасида духовное благословение и титул султана. Рискнувший покинуть свое убежище потомок знаменитой династии был привезен в Каир. При его приближении султан со всем своим двором вышел навстречу и организовал ему торжественный прием. Даже иудеям и христианам было вменено в обязанность сопровождать торжественный выезд Бейбарса, неся в руках Книгу Закона и Евангелие. Вскоре после этого Аль-Мустансир, номинальный халиф, облачившись в великолепные одеяния, с олицетворявшим государственную власть мечом за поясом, и восседая на белом коне, вступил в должность, приняв присягу верности от Бейбарса, его эмиров и населения Египта. По окончании церемонии с кафедры было зачитано высокопарное обращение халифа, в котором он даровал Бейбарсу монарший титул, убеждая его исполнять свой долг в борьбе за веру, а также и другие обязанности, которые теперь были возложены на него Аль-Мустансиром. Затем под звуки труб и радостные возгласы толпы царственная процессия двинулась по улицам города в обратный путь во дворец: халиф следовал за султаном верхом на коне, а все остальные шли пешком.

Через несколько месяцев Бейбарс преисполнился решимости восстановить власть своего так называемого халифа в Багдаде, и двинулся вместе с ним для этой цели на Дамаск во главе своей египетской армии.

Его попытки занять Багдад.

Там, однако, вожди Мосула, которые должны были присоединиться к кампании, предостерегли Бейбарса о возможной опасности, грозящей ему в случае восстановления багдадского халифата. В результате, бросив свою затею, султан оставил своего протеже продолжать это дело с весьма поредевшей армией, состоявшей, главным образом, из бедуинских кланов. Монгольский правитель Багдада встретил это войско близ Хита и, разгромив его, оставил мертвое тело халифа лежать на поле боя.

Череда номинальных халифов, 661-926 г. хиджры, 1263-1520 г. от р. Х.

В следующем году Бейбарс раскопал еще одного отпрыска династии Аббасидов. Он и его сделал халифом, но теперь уже совсем на другом основании — а именно, в качестве святейшего служителя при своем дворе или, если можно так выразиться, в качестве высшего духовного лица, в обязанности которого входило давать благословление и формальное право на трон каждому последующему преемнику, а также ведение публичных молитв. Будучи всего лишь творением султанского двора, это «халиф» практически все время находился под присмотром, помещенным в крепость. В окружении султана он занимал абсолютно зависимое, и, в общем-то, чисто холопское положение.

Их положение и функции.

Потомки этих египетских халифов неизменно принимали участие в назначении султанов тех времен на протяжении правления всей династии Мамлюков, которые царствовали в течение двух с половиной столетий. Имя мамлюков неизбежно ассоциируется с одним из самых мучительных периодов тирании и кровопролития в мировой истории. За все это время о самих «халифах» почти ничего не слышно, за исключением их участия, так как это являлось их прямой обязанностью, в возведении на трон каждого нового султана, и подтверждении его титула санкцией, если можно так выразиться, «мусульманской церкви». Также халиф проводил публичные молитвы, на которых его имя произносилось после имени правящего монарха. Помимо этого, какие-либо упоминания о халифах встречаются довольно редко, да и те, по большей части, незначительны. В одном месте упоминается о халифе, который был взят в кортеж султана, чтобы стать свидетелем его завоеваний, или, возможно, для того, чтобы составить султану компанию, случись тому попасть в плен к врагу. О другом халифе говорится, что он был заключен в темницу своим сувереном. Бывали случаи, когда халифа свергали и отправляли в изгнание за то, что он вмешивался в государственные дела или устраивал заговор против своего монарха. Правда, однажды мы встречаем халифа, который сам оказался во главе султаната; однако вовсе не в силу того, что до этого он был халифом, да и продержался он на новом посту всего лишь полгода. Один халиф призывает к священной войне против монголов и оттоманов; другой занят более достойной задачей, являясь посредником мира; третий возглавляет процессию из мусульман, иудеев и христиан, идущих со своими священными книгами в поднятых руках и молящихся об избавлении от чумы. В восьмом веке хиджры халиф вместе с султаном принимает делегацию от Мухаммада, сына Таглака, с драгоценными дарами, испрашивающего у него формального разрешения на занятие его поста, а также благословления для одного ученого Аббасидского происхождения, чтобы тот мог наставлять его индийских подданных в магометанской вере. Как бы то ни было, на протяжении примерно двухсот шестидесяти лет мамлюкского правления мы редко находим упоминания об этих так называемых халифах: похвальные или осуждающие, в которых бы были представлены как-то иначе, чем простые орудия в руках властителей Египта тех дней.

Появление оттоманов,

А на Востоке уже поднималась новая сила, которой суждено было вскоре сокрушить династию Мамлюков: то были турки-османы.¹ Подобно другим ордам, хлынувшим на Запад, османы или оттоманы в седьмом веке хиджры вышли из степей Средней Азии за Каспием. В восьмом веке им удалось покорить всю Малую Азию и, в конце концов, переправившись через Босфор, укрепить свой полумесяц на стенах Константинополя. [На самом деле, полумесяц издревле служил в качестве символом этого города, и уже турки переняли его для себя — прим. перев.].

...которые покоряют мамлюков, 922 г. хиджры, 1516 г. от р. Х.

После продолжительной борьбы на равнинах Сирии, армии мамлюков, в конце концов, уступили оттоманскому воинству. В девятьсот двадцать втором году хиджры в знаменитом сражении при Мердж Дабике египетские войска потерпели сокрушительное поражение, и тело Кансуха Аль-Гури, последнего султана из семейства Мамлюков, было оставлено на поле боя. Оставшиеся в живых бежали в Дамаск; но халиф Аль-Мутаваккиль, следовавший в свите Кансуха, решил дожидаться Селима, завоевателя Алеппо, и был им любезно принят. Туманбей, последний правитель из Египетской династии, тщетно пытался остановить наступление врага, отвергнув предложение о мире, переданное ему от османов.

Селим вступает в Каир, i. 923 г. хиджры, янв. 1517 г. от р. Х.

На Египетской равнине Риданийя приблизительно к концу девятьсот двадцать третьего года хиджры войска Туманбея были окончательно разгромлены; и в первых числах следующего года Селим с триумфом вступил в Каир, везя в своем кортеже халифа. Оказавшись дома в Египте, Аль-Мутаваккиль использовал свое влияние на завоевателя, чтобы прекратить разорение и беспорядки, охватившие город, а также спасти мамлюкских вождей, несколько тысяч которых уже успели пасть жертвами ненависти турок-османов. Султан, бежавший через Нил, оказался преданным тем бедуинским вождем, у которого он искал убежища, и был казнен.

Халиф доставлен в Константинополь, 923 г. хиджры, 1517 г. от р. Х.

Так завершилось мрачное и ненавистное для народа правление Мамлюков. Селим провел восемь месяцев на отдыхе в Каире и пустился в такой разгул, которого бы даже Мамлюки, возможно, постыдились. Затем он возвратился в Константинополь и в числе прочих египтян прихватил с собой и Аль-Мутаваккилья. Там его сначала приняли, как настоящего халифа, оказав высокие почести и уважение; однако, всего этого он со временем лишился, благодаря своему не подобающему халифу, да и вообще просто презренному образу жизни.

Заключен в тюрьму, 926 г. хиджры, 1520 г. от р. Х.

¹ Слово «Оттоман» происходит от имени Османа (на Западе так и принято: «Осман»), сына Эртограла, обосновавшегося в Малой Азии во второй половине седьмого столетия хиджры.

Два или три года спустя, обвиненный в незаконном присвоении собственности, доверенной ему в Египте, Аль-Мутаввакиль был заключен в крепость Саба Кулиат. Преемник Селима Сулейман освободил его и позволил вернуться в столицу, где он какое-то время жил на ничтожное пособие.

Передача полномочий халифа в руки султана.

Вскоре после этого он передал свои полномочия в руки оттоманского монарха, а сам возвратился в Египет. Больше о нем практически ничего не слышно, кроме того, что в девятьсот двадцать девятом году хиджры он примкнул там к восстанию, а в девятьсот сорок пятом году скончался. Вот так исчезла с горизонта истории последняя тень халифата Аббасидов.

Притязания османских султанов на титул.

Благодаря тому, что Аль-Мутаввакиль уступил им свой титул, оттоманские султаны посягнули не только на господство над всем мусульманским миром, но и непосредственно на сам халифат, то есть, как на духовную, так и на политическую власть, которая издавна удерживалась преемниками Пророка. Не будь никакого иного препятствия, татарская кровь, которая текла в их жилах, сделала бы эти амбиции несостоятельными. Даже если бы их родословная, в соответствии с некоторым очень приукрашенным вымыслом, могла быть прослежена до прародителя из рода корейшитов, их притязания были бы всего лишь несбыточным анахронизмом. Настоящий халифат закончился с падением Багдада. Иллюзия его восстановления Мамлюками оказалось лишь нежизнеспособным шоу; а оттоманский халифат — мечтой.

ГЛАВА LXXX.

ОБЗОР.

Предпочтение династии Омейядов перед династией Аббасидов.

ПРИНИМАЯ во внимание самые знаменательные эпизоды этой истории, для меня становится очевидно, что лучшие времена ислама, после Абу Бекра и Омара, приходятся на царствование Омейядов. Муавию и Аль-Велида не могут затмить даже Харун Ар-Рашид или Аль-Мамун. Тенденция летописей, на которые мы опирались, в силу того, что сами историографы находились под влиянием идеи о превосходстве Аббасидов, неизбежно состояла в том, чтобы превозносить эту династию в ущерб Омейядам. Но даже со всеми этими внесенными приукрашиваниями правление Аббасидов меркнет перед славой Омейядов, которые, благодаря своим завоеваниям, продвинули господство ислама далеко на восток и на запад. Кроме того, эпизоды массовой резни с многочисленными случаями хладнокровных убийств, склонность правителей к вероломному душегубству, отбрасывающие жуткий свет на нравы двора Ас-Саффаха и его преемников, не находят в целом никаких аналогий с халифами из числа Омейядов. А если мы станем оценивать окружение халифского престола, то и тогда, несмотря на то, что некоторые из Омейядов отличались крайней степенью распущенности, а порою также и жестокостью, я склонен отдать предпочтение, даже и в отношении морали, в целом в пользу Дамаска. История Аббасидов не привнесла ничего такого, что могло бы сравниться с биографиями таких выдающихся людей, как Омар II, или Хишам; и, хоть рассматривать с точки зрения естественных исторических законов, хоть по правилам мусульманского общества, но скандалы в Багдаде, без сомнения, затмевают все обвинения, которые можно было бы выдвинуть против Дамаска.

Секрет величия Омейядов в их поддержке арабами.

Главную причину превосходства Омейядов я вижу в мужественном, умеренном и выносливом характере арабской нации, на которую они в целом полагались. Двор Омейядов состоял по большей части из арабов, арабами были их священнослужители, военачальники и чиновники. Завоевания и богатые трофеи, еще задолго до падения Омейядов, внесли в жизнь арабов пристрастие их к роскошной жизни и чувственным наслаждениям.

Но даже и в этом случае свойственная арабам любовь к пустынной жизни до некоторой степени сдерживала распущенность и падение морали, исподволь начинавшие подкрадываться к мусульманскому миру. А вот под властью Аббасидов все стало по-другому. Главные посты, как в военной, так и в гражданской сфере быстро перешли в руки персидских и тюркских проходимцев. Да и рядовой состав армии, который в основном был представлен арабскими воинами, как правило, расформировывался; и войска халифов стали пополняться за счет племен из Средней Азии или берберов с африканского Запада. И, таким образом, арабы — те из них, которые еще сохранили простоту и решительность, нравы, неоскверненные жизнью в городах — стали удаляться в пустыни. И вместо того, чтобы как прежде быть опорой и поддержкой халифату, они

оказались готовыми идти за любыми разбойниками, будь то «зенджи» или карматианцы, пользующимися их врожденной склонностью к грабежу, беззаконию и разбою.

Влияние Персии.

Персия оказала большое влияние на духовное, интеллектуальное и философское развитие мусульманского государства. В то время как с одной стороны это влияние ослабило и привело к разложению «Город мира»; с другой стороны при помощи Греции оно способствовало расцвету науки, философии и искусств, прославивших Аль-Мамуна и его ближайших преемников, которые превзошли в этом отношении более прочную, но не выделявшуюся таким потрясающим блеском династию Омейядов.

Шииты и традиционалисты.

Персидское влияние породило также широкую поддержку шиитского учения и трансцендентальной философии. Страны, в которых в основном селились и проживали арабы, и где, следовательно, преобладали арабские настроения, все еще придерживались традиционной веры, в том виде, в каком она оставалась еще со времен их четырех великих наставников. Там же, где случались отклонения, они были не в сторону учения об Алидах, а ближе к хариджитской ереси — которая призывала вернуться к истокам веры, к ее простоте, как она была изначально проповедана Пророком. Духовные возрождения следовали по соответствующим направлениям. Среди традиционалистов пробуждающийся дух проявлял себя в безоговорочном возвращении к букве Корана; протесте против порядков и суеверий, несовместимых со священным текстом; во вспышках призыва «сражаться на стезях Господа»; и в основном в склонности (как среди ваххабитов) к древним догматам хариджитской теократии. Среди шиитов, с другой стороны, возрождение выплескивалось в необузданных и мистических посвящениях «монахов»-суфиев или мутазилитов; и в языческих по сути теориях о божественном имамате или об иных эманациях божества. Персия сегодня остается единственной значительной нацией, придерживающейся шиитской веры. В Индии тамошние монархи, сами будучи тюркского происхождения, были в основном суннитами. Они поощряли переселение больших групп арабов из родной земли, в основном из Святых городов, которые оставались стойкими традиционалистами; и, таким образом, на территории всего Индостана сунниты всегда преобладали над шиитами.¹

Ожесточение между двумя этими направлениями.

Турция и Персия также сильно отличаются друг от друга в отношении веротерпимости. Отгоманы, несмотря на свое близкое общение с просвещенными народами, из-за своей приверженности к традиционализму нетерпимы к малейшему отклонению от своей веры; в то время как персы, следуя примерам халифов-мутазилитов, проявляют большую терпимость к другим вероисповеданиям, а также сильнее турок подвержены внешнему

¹ Сунниты — это те, кто придерживается сунны, или примеров, взятых из жизни Мухаммада и описанных традицией. Они также признают права первых трех халифов, которых шииты отрицают.

влиянию.¹ В других отношениях, те древние чувства, что разделяли суннитов и шиитов, остались такими же непримиримыми, как и во времена, когда Али проклинал Муавию, а Муавия проклинал Али на публичных молитвах.² Безнадежная ересь стремится замедлить прогресс ислама и ослабить его агрессивные силы. Так, недавно, когда смертельный удар был нацелен в самое сердце мусульманской империи по эту сторону Босфора, персидские сектанты из-за ненависти и ревности к суннитам отказались сплотиться вокруг знамени полумесяца; а ведь, на самом деле, при наличии помощи и сочувствия со стороны шиитов, ислам мог бы уничтожить всю Европу. Сунниты презирают шиитов; шииты же в свою очередь плюют на могилы великих халифов Омара и Абу Бекра, которым они должны быть обязаны удивительным распространением ислама, даже более того — тем, что ислам сумел пережить свое рождение.

Неизменность ислама.

Ислам сегодня сохраняется, по сути, в том же самом виде, в котором мы видели его на протяжении всей этой истории. Связанная узами Корана, мусульманская вера, в отличие от христианства, не в силах приспособиться к изменяющемуся времени и обстоятельствам, чтобы шагнуть в ногу с гуманизмом, направлять и очищать жизнь общества, а также способствовать прогрессу человечества. Свобода, в надлежащем смысле этого слова, ей незнакома; и это происходит, вероятно, из-за того, что в политических вопросах духовные и мирские понятия в исламе безнадежно перемешаны. Вследствие этого нам не найти в мусульманском мире как зачатков общенародного правительства, так и какого-либо подобия свободных и либеральных институтов. Более или менее приближалось к этим критериям древнее братство ислама; которое, будучи ограниченным в своем влиянии арабской расой и ее господством, исчезло. Примером мусульманского правления является абсолютная и автократическая монархия, сменяющаяся время от времени произволом безудержной военщины. Единственным ограничением власти у такого деспота служат законы Корана, толкуемые учеными людьми и поддержанные человеческой чувственностью, или, быть может, общим подъемом нации.

Семейные отношения.

Нет никаких особых изменений и в жизни общества. Полигамия³ и институт наложничества, как и в былые времена, остаются проклятием и характерной язвой ислама. По этим причинам семейные узы могут быть разорваны в любой момент; чистота и добродетельность семейной жизни нарушаются; подрывается сила и энергия высших слоев общества; и даже сам трон монарха становится объектом весьма сомнительного либо спорного наследования. Что касается женского рабства, мужчина-мусульманин

¹ Фанатизм персов проявляется в первую очередь в вопросах очищения. Возможно, это пережиток их древней веры. Бани и мечети считаются у них загрязненными одним лишь присутствием «неверных». Также любопытно отметить, что персы до сего дня проклинали Аль-Мамуна, как отравителя Али Ар-Риды, своего зятя, и используют его имя в качестве оскорбления. См. выше, стр. 500 по тексту оригинала.

² Стр. 271 текста оригинала.

³ Большинство просвещенных мусульман отдадут, однако, предпочтение моногамии. Некоторые из наиболее выдающихся египтян, получивших известность в последние годы, имели только по одной жене.

пока что не готов отказаться от тех поблажек, которые признает за ним его священное писание. Вообще-то, его влияние на главу семьи заслуживает гораздо большего порицания, чем на подчиненных мужчине членов семьи в исламской среде. Как бы ни улучшалось положение домашних рабов тем положительным влиянием, которое повсеместно в мусульманских странах сопутствует этому виду рабства, все равно, сам факт дозволенности иметь рабынь-наложниц мертвой хваткой удерживает самого владельца, нанося собственнику раба больший вред, чем самому рабу. [Интересное рассуждение. Следуя логике автора, преступник должен больше страдать, чем его жертва — прим. перев.].

Развод.

Вряд ли меньшим злом является и односторонность в вопросе развода, который возможен по одному лишь слову мужа и целиком зависит от его воли. Это правило вознесено над каждой семьей подобно дамоклову мечу, и оно неизбежно влияет на общий характер всего общества. Даже если в реальной жизни это правило редко пускается в ход, само существование подобного закона не может не влиять отрицательно на брачные узы, ослабляя их и принижая достоинство и самоуважение женщины.

Покрывало.

То же самое можно сказать и относительно покрывала, равно как и прочих повелений Корана относительно семейных отношений, лишаящих женщину ее законного места в жизни общества и исключаящих возможность для нее нормально в этом обществе функционировать.¹ Такое исключение, конечно же, для самой женщины является небольшою потерей. Но из-за этого неразумного закона, все человечество в целом, за исключением того, что находится за порогами гаремов, теряет не только возможность созерцания красоты и грации прекрасного пола, но и лишается очищающего влияния, которое производит само присутствие женщин в обществе. Отсюда и столь угрюмое поведение мусульман вне собственного дома, отсюда та мрачность и суровость, что отличает их общественные собрания. Относительно запрета на участие в азартных играх, как и на умеренное употребление вина, мнения могут различаться. Этот двойной запрет, несомненно, способствовал усилению той мрачности и излишней серьезности мусульман, о которых мы упоминали; но нельзя без радости отмечать и тот факт, что в магометанских странах практически отсутствует злоупотребление спиртными напитками: хотя и наряду с весьма частыми исключениями (как видно из истории) в среде высших классов. Но, в общем, в этом плане мусульманское сообщество служит хорошим примером.

Закоснелость ислама.

Все те установления, о которых мы только что говорили, составляют неотъемлемую часть исламского вероучения. Они прописаны и закреплены в том документе, без которого

¹ В последние годы набирает силу движение в направлении эмансипации женщины, в особенности, за отмену покрывала. На открытии турецкого парламента султаном в декабре 1908 года женщины-турчанки, наблюдавшие за торжественной процессией на улицах, были уже без покрывал.

ислам не может существовать. То реформированное вероучение, что поставит под вопрос авторитет свыше, на который опираются эти положения, либо попытается каким-то рациональным образом что-то из них выбрать или как-то их ослабить, с целью изменить общество, уже не будет более собственно исламом. Нет никакого сомнения, что эти установления удерживают мусульманские народы в стагнации, в каком-то отношении даже свойственной дикарям. Конечно, правда и то, что в Дамаске, Багдаде и Кордове бывали времена великого процветания. Коммерция и ростовщичество (невзирая на ограничивающие ее законы) в эти периоды развивались; до определенной степени снижалось лицепрятие по отношению к прочим народам. Либерализм и чувственность получали толчок к развитию благодаря путешествиям и общению с жителями соседних стран; в то время как литература, науки и философия процветали с поразительным успехом. Но все это были непродолжительные периоды, поскольку любое привнесение цивилизации, не имевшее возможности проникнуть внутрь семейных отношений, оказывалось поверхностным. Оно так и не смогло оживить отношения в мусульманских семьях. Раковый червь полигамии, развода, наложничества с рабынями и требования ношения покрывала, разъедает основы семейной жизни. А общество, лишенное живительного влияния со стороны семьи, вновь и вновь впадает в полудикарское состояние.

На всем протяжении этого труда мы часто сталкивались

Насколько сильна ответственность веры за темные пятна в истории ислама.

с примерами добродетели и благородства, и охотно их признавали, касались ли они представителей высшего общества или низов. Однако нашим долгом было, в особенности в последней части книги, проследовать за событиями истории неприятным путем: лабиринтами кровопролития, порока и беззакония, трущобами придворных интриг, болотами распутства, предательства и безнравственности. Здесь будет не всегда легко определить, насколько далеко отстоит само дерево, чтобы судить о нем по его плодам. Иными словами, что из всего этого зла является следствием магометанского вероучения, а чему виной иные причины, может быть даже вопреки самой религии. Но, даже невзирая на эту сложность, у любого достаточно объективного читателя вряд ли не возникнет впечатление, что по большей части эта мрачная ретроспектива является естественным следствием тех законов и установлений, о которых мы только что говорили. В одном отношении, мы должны сказать не колеблясь, нет места хоть каким-либо сомнениям: а именно, относительно нетерпимости ислама и религиозной воинственности. Это по прямому повелению своего Властелина мусульманин идет войной на иудеев и христиан «пока они не выплатят дань своей рукой и не будут унижены». Это по такому же приказу он бьется с язычниками, вплоть до полного их уничтожения. пока не их уничтожит. «Сражайтесь с идолопоклонниками!» — вот заповедь, которую мусульмане считают Божией, — «где бы вы их ни нашли; поработайте их; осаждайте их, и поджидайте их повсюду в засадах». Если христианские народы слишком часто обнажали меч, насаждая свое вероучение, это являлось прямым противоречием слову их Господа: «Если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, ...но ныне Царство Мое не отсюда». Насколько противоположна ситуация с мусульманами! Их племена и целые народы на протяжении столетий стремились на поля сражений, исполняя

то, что они считали за закон их Создателя: «сражайтесь на путях Господа». И непосредственным результатом этого мир оказался залит кровью, от Средиземного до Каспийского моря. Множество мужчин и женщин было взято в плен и впоследствии обращено в рабство. И, однако же, с учетом всего этого, как точны оказываются другие слова Спасителя: «Все, взявшие меч, мечом погибнут». И, в конце концов, полумесяц никнет перед крестом.

Упадок в политике.

В политическом отношении ислам сегодня обречен. Каждый год свидетельствует об очередном упадке, причем в чувствительной степени. В тесной связи с духовной властью находится и власть гражданская, что не может не оказывать влияния на престиж самой религии. Тем не менее, исламская религия сохраняется, и, без сомнения, и будет продолжать свое существование в качестве приоритета в жизни людей, невзирая на свой упадок в качестве приоритета в жизни политической.

Стагнация в мусульманском мире.

В отношении духовных, общественных и догматических аспектов ислама мы не наблюдаем ни прогресса, ни каких-либо существенных изменений. Такой, каким он был во дни халифата, таким он и остается по сей день. Христианские народы могут продвигаться вперед в сферах цивилизованности, свободы, моральных устоев, в философии, науках и искусствах, но исламский мир остается стоять на месте. И в таком застое, если не извлечет уроков из истории, он и останется.

Эти слова, заключавшие работу Сэра Уильяма Мьюира, по-прежнему остаются на своем месте, поскольку они выражают именно то, что в его время, да еще и сравнительно недавно, служило отражением общего мнения, распространенного на Западе в отношении условий и перспектив Востока — в особенности, магометанских государств. — в особенности, магометанских государств. Но за последние несколько лет в азиатском мире произошли существенные изменения. Эхо русско-японской войны пробудило Восток от долгой спячки. Турция и Персия, Китай и Индия взбудоражились, они пробуждаются к новой жизни. Война на Дальнем Востоке показала, что Азия не желает и далее ожидать милостей от западных народов, а монгольская и семитская расы настолько же способны к развитию материальной стороны цивилизации, как и арийская. Вслед за борьбою за государственную независимость следует ожидать требований о свободе личности и конституционных свобод. Осенью 1906 года предыдущий шах Персии, Музаффар Эд-Дин, собрал Верховный меджлис, или государственную ассамблею, который, после продолжительной борьбы, в ходе которой был смещен сын и наследник шаха, благодаря смелости бахтиарских вождей Исфагана, оказался прочно утвержденным в столице государства при нынешнем шахе Ахмед-Мирзе. В том же 1906-м году султан Турции, служивший олицетворением всего наихудшего, что вобрал в себя восточный деспотизм, по настоянию армии был вынужден восстановить конституцию страны 1876 года. Вероломство султана повлекло за собою его отстранение от власти и установление, в

результате практически бескровной революции, парламентского представительства в этом государстве. И, несмотря на расовые, языковые и религиозные различия, палата общин турецкого парламента, самого молодого в мире, очень неплохо справляется с делами при султани Мухаммаде V. Таким образом, эти две страны, где прежде властвовал абсолютный деспотизм, стали свободными, как любая другая страна в Европе.

Но наиболее примечательный пример, который мы видим в Турции, если уж говорить о революции, это вовсе не религиозное, а национальное и патриотическое движение, в котором принимали участие все классы подданных султана. Парламент, чье первое заседание было открыто последним султаном в декабре 1908 года, включал в числе своих членов и турков, и арабов, и друзов, и иудеев, и армян, и греков. Люди разного вероисповедания признали, что их объединяют узы одной общей страны. «Комитет за союз и прогресс» не ограничил выбор народных кандидатов, боровшихся за кресла в парламенте, теми, кто исповедовал мусульманскую религию. Парламентские представители от Смирны и Салоники оказались иудеями. Однако же у людей из Комитета достало духа добиться отставки Великого визиря Камиль-Паши, когда тот встал на пути требований этих кандидатов. Их отношения с «Либеральным Союзом», организацией, представлявшей немусульманский электорат, были в целом дружественными. Более того, стародавняя враждебность между Турцией и Персией была забыта ради общего дела борьбы за свободу.

Однако же этот момент национального возрождения, неизбежно несущий свои собственные слабости, послужил шансом для противников Турции. Австрия уже успела, не удосужившись как-либо объяснить свои действия, полностью завладеть Боснией и Герцеговиной. Территория Триполи оказалась легкой добычей, попав в руки Италии. Те грозные волны, что захлестывали Балканский полуостров три с половиной столетия назад, теперь вновь опустились на самый низкий уровень. Угрожающее положение дел в Европе практически делает невозможным сохранение Персией независимости, да и Турция сама постепенно сползает в водоворот европейской войны.

Эти изменения предсказывают нам неизбежность грядущих, и, как это зачастую случается в самом конце, как получилось, например, с Испанией, настоящие потери могут обернуться приобретениями в будущем. Народы Востока после своей продолжительной спячки смогут пробудиться к новой жизни, которая превзойдет даже блеск раннего халифата.

Но султан Турции не является больше халифом. Молчание, которым во всем мусульманском мире был встречен брошенный им призыв к оружию, показывает, что его заявления прежде основывались на силе, а когда эта сила истощилась, оказались простым мошенничеством. Теперь его требования никем не признаются; и для ислама будет счастливым днем, когда верховенство в этой религии вновь перейдет к тому, для которого родным языком служит язык Пророка.

БИБЛИОГРАФИЯ.

ОБЩАЯ ИСТОРИЯ:

TABARI — *Annales* (ed. De Goeje and others), Leyden, 1879-1901; (French trans. made from the Persian version by Zotenberg, London, 1867-1874).

MAS'OUDI — *Prairies d'or* (Arabic and French), Paris, 1861-1877.

IBN AL-ATHIR — *Chronicon* (ed. Tornberg), Leyden, 1851-1876.

IBN MISKAWAYH — *Tajarib al- Umam*, ed. Caetani (Gibb Memorial Series, vol. vii.), 1909 and 1913; *partein sextam* ed. De Goeje, Leyden, 1871.

IBN AT-TIKTAKA — *Al-Fakhri* (French trans. by Amar), Paris, 1910.

ABU'L-FARAJ — *Historia compendiosa Dynastiarum*, ed. Pococke, Oxford, 1663.

OCKLEY, SIMON — *History of the Saracens*, London, 1708-1718.

WEIL — *Geschichte der Chalifen*, Mannheim and Stuttgart, 1846-1862.

FLUEGEL — *Geschichie der Araber*, Leipzig, 1867.

MUELLER, AUGUST — *Der Islam*, Berlin, 1885-1887.

SEDILLOT — *Histoire des Arabes*, Paris 1854.

CAETANI — *Annali dell' Islam*, Milan, 1905 ff.

HUART — *Histoire des Arabes*, Paris, 1912, 1913.

GIBBON — *Decline and Fall* (ed. Bury), chaps. I. ff, London, 1901-1902.

LANE-POOLE — *Muhammaddan Dynasties*, Westminster, 1894.

ALI, AMEER — *Short History of the Saracens*, London, 1899.

VON KREMER — *Geschichte der herrschenden Ideen des Islams*, Leipzig, 1868.

Он же: — *Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen*, Vienna, 1875-1877.

IBN KHALDUN — *Prolegomena* (French trans. by MacGuckin de Slane), (*Notices et Extraits*, vol. xix.), Paris, 1872.

GOLDZIHNER — *Muhammedanische Studien*, Halle-a-S., 1888-1890.

Он же: *Vorlesungen ueber den Islam*, Heidelberg, 1910.

VAN VLOTEN — *Recherches sur la domination arabe*, Amsterdam, 1894.

WÜSTENFELD — *Geschichtschreiber der Araber*, Göttingen, 1882.

Он же: — *Geschichte der arabischen Aerzte und Naturforscher*, Göttingen, 1840.

Он же: — *Uebersetzungen arabischer Werke im Lateinische*, Göttingen, 1877.

BROCKELMANN — *Geschichte der arabischen Literatur*, Leipzig, 1901.

HUART — *Arabic Literature*, London, 1903.

NICHOLSON — *Literary History of the Arabs*, London, 1907.

STEINSCHNEIDER — *Arabische Uebersetzungen aus dem griechischen* (in various periodicals), 1889-96.

LECLERC — *Historie de la Médecine arabe*, Paris, 1876.

BOURGOIN — *Précis de l'Art arabe*, Paris, 1892.

ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ ХАЛИФА:

CAUSSIN DE PERCEVAL — *Essai sur l'histoire des Arabes*, Paris, 1847.

NOELDEKE — *Die ghassanischen Fuersten*, 1887.

ROTHSTEIN — *Die Dynastie der Lakhmiden*, Berlin, 1899.

LAMMENS — *Le Triumvirat Abou Bakr, Omap et Abou 'Obaida* (*Mélange de la Faculté orientale de Beyrouth*, vol. iv.).

KOSEGARTEN — *Tabapustanensis Annales* (Extract from Tabari, Arabic and Latin), Greifswald, 1831.

SACHAU — *Der erste Chalife Abou Bekr*, Berlin, 1903.

Он же: — *Ueber den zweiten Chalifen Omar*, Berlin, 1902.

ОМЕЙЯДЫ:

WELLHAUSEN — *Das arabische Reich und sein Sturz*, Berlin, 1902.

BRÜNNOW — *Die Charidschiten unter den ersten Omayyaden*, Leyden, 1884.

NOELDEKE — *Zur Geschichte der Omayyaden*, 1901.

LAMMENS — *Le Chantre des Omiades (Journal Asiatique, Series ix., vol. iv.)*.

Он же: — *Études sur le règne du caliph omayyade Mo'awiya I (Mélanges de la Faculté orientate de Beyrouth)*, 1906.

PÉRLER — *Vie d'al-Hadjdjadj (Bibliothèque de l'École des hautes Études)*, 1904.

QUATREMÈRE — *Mémoire historique sur la vie d'Abd-Allah ben-Zobair (Journal Asiatique)*, 1832.

BECKER — *Studien zur Omajjadengeschichte (Zeitschrift für Assyriologie, vol. xv.)*.

АББАСИДЫ:

VAN VLOTEN — *De opkomst der Abbasiden in Chorasán*, 1890.

ZAIDAN — *Umayyads and Abbasids* (English trans by D. S. Margoliouth), (Gibb Memorial Series, vol. iv.).

KREMER — *Ueber das Einnahmebudget des Abbasiden-Reiches (Denkschriften of the Academy of Vienna)*, 1888.

HERZFELD — *Samarra* (archæological), Berlin, 1907.

MEHREN — *Exposé de la Réforme de l' Islamisme commencée au III éme siècle*, Leyden, 1878.

DEFÉRMERY — *Mémoires sur les Emirs al-Oméra*, Paris, 1848.

BARBIER DR MEYNARD — *Ibrahim fils de Mahdi (Journal asiatique)*, 1869.

AMEDROZ — *Buwaihid Rule in Baghdad (Journal of Royal Asiatic Society)*, 1901.

LE STRANGE — *Lands of the Eastern Caliphate*, Cambridge, 1905.

Он же: — *Baghdad during the Abbaside Caliphate*, Oxford, 1900.

ФАТИМИДЫ:

DE GOEJE — *Mémoires sur les Carmathes du Bahrain et les Fatimides*, Leyden, 1886.

WÜSTENFELD — *Geschichte der Fatimiden-Chalifen*, Göttingen, 1881.

QUATREMÈRE — *Mémoires historiques sur la Dynastie des Khalifes Fatimides (Journal Asiatique)*, 1836.

CASANOVA — *Les derniers Fâtimides (Mémoires de la Mission archéologique du Caire, vol. xvi.)*.

NICHOLSON, JOHN — *'Arib (an account of the establishment of the Fatemide Dynasty)*, Tuebingen, 1840.

GOTTHEIL — *A Distinguished Family of Fatimide Cadis (Journal of American Oriental Society)*, 1906.

DR SACY, SILVESTRE — *Exposé de la Religion des Druses*, Paris, 1838.

HAMMER-PURGSTALL — *History of the Assassins* (English trans. by O. C. Wood), London, 1835.

АРАВИЯ:

KAY, H. C. — *Yaman, its Early Medieval History, etc. (texts of Omara al-Yemeni, etc., and trans.)*, London, 1892.

PLAYFAIR — *History of Arabia Felix*, Bombay, 1859.

AL-KHAZREJI — *History of the Resuli Dynasty of Yemen* (text and trans. by J. W. Redhouse), (Gibb Memorial Series, iii.), 1906-1913.

BADGER — *History of the Imams and Seyyids of Оман* (trans. from the Arabic), London, Hakluyt Society, 1871.

BURCKHARDT — *Beduins and Wahabys*, London, 1834.

CORANCEZ — *Histoire des Wahabys*, Paris, 1840.

PALGEAVE — *Central and Eastern Arabia*, London and Cambridge, 1865.

DOUGHTY — *Arabia Deserta*, Cambridge, 1888.

ABD ER-RAHMAN ES-SA'DI — *Ta'rikh es-Sudan* (History of the Sudan; text and French trans. by Houdas), Paris, 1900.

DARMESTETER — *Le Mahdi*, Paris, 1885.

ЕГИПЕТ И СИРИЯ:

IBN SA'ID — *Kitab al-Maghrib*, Bk. iv. (text and German trans. By Tallqvist), Leyden, 1899.

AL-KINDI — *Governors and Judges of Egypt* (Arabic text, ed. Guest), (Gibb Memorial Series vol. xix.), 1912.

MAKRIZI — *Histoire des Sultans Mamloûks* (French trans. by Quatremère), 1837-1845.

Он же: — *Histoire d'Égypte* (French trans. by Blochet, 1908).

AMÉLINEAU — *Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne*, Paris, 1888-95.

JOHN OF NIKIU — *Chronicle* (with French trans. by Zotenberg), (*Notices et Extraits*, xxiv.), Paris, 1883.

BUTLER — *The Arab Conquest of Egypt*, Oxford, 1902.

ROORDA — *Tulunidarum primi vita*, etc., Leyden, 1825.

MUIR — *The Mameluke or Slave Dynasty*, London, 1896.

DE GOEJE — *Mémoire sur la conquête de la Syrie*, Leyden, 1864.

BECHARD et PALMIERI — *L'Égypte et la Nubie* (architectural), Paris, 1890.

LE STRANGE — *Palestine under the Moslems*, London, 1887.

СЕВЕРНАЯ АФРИКА:

TORREY — *The Mohammedan Conquest of Egypt and North Африка*, 1901.

PELLISSIER and RÉMUSAT — *Histoire de l'Afrique (Exploration scientifique l'Algérie)*, Paris, 1845.

CARETTE — *Recherches sur l'origine et les migrations des principales tribus de l'Afrique septentrionale*, Paris, 1853.

FAGNAN — *Nouveaux Textes historiques relatifs à l'Afrique du Nord et à la Sicile*, Palermo, 1910.

COUSIN et SAURIN — *Le Maroc*, Paris, 1905.

MERCIER — *Histoire de l'Afrique septentrionale*, Paris, 1888.

IBN ABI ZER' — *Raua al-Kartas* (History of Mauritania; ed., with Latin trans., by Tornberg), Upsala, 1843.

BEAUMIER — *Histoire des Souverains du Maghreb* (Espagne et Maroc; traduit du Raud al Kartas), Paris, 1860.

WEFRANI — *Nuzhat al Hadi* (Sa'di Sherifs of Morocco; text and French trans. by Houdas), Paris, 1888-9.

FAURE-BIGUET — *Histoire de l'Afrique septentrionale sous la domination musulmane (740-1830)*, 1905.

MACKENZIE — *The Khalifate of the West* London, 1911.

SLAWI — *Kitab al-Istiksa* (History of Morocco), Cairo, 1314 г. хиджры.

BUDGETT MEAKIN — *The Moorish Empire*, London, 1899.

ROUTH — *Tangier*, London, 1912.

LANE-POOLE — *The Moors in Spain*, 1890.

ПЕРСИЯ:

MALCOLM — *History of Persia*, London, 1815.

FRASER — *Historical and Descriptive Account of Persia*, Edinburgh, 1834.

BROWNE — *Literary History of Persia*, London, 1902-1906.

SYKES — *History of Persia*, London, 1915.

GUIGNES — *Histoire générale des Huns*, Bks. x.-xii., Paris, 1756-1758.

МУСУЛЬМАНЕ В ЕВРОПЕ:

SCOTT — *History of the Moors in Europe*, Philadelphia, 1901.

REINAUD — *Invasion des Sarrazins en France*, Paris, 1836.

ZOTENBERG — *Invasions des Visigoths et des Arabes en France* (Histoire générale de Languedoc), Toulouse, 1876.

REY — *Les invasions des Sarrasins en Provence*, Marseille, 1878.

IBN ABD-EL-HAKAM — *History of the Conquest of Spain* (text and trans. by Jones), Göttingen-London, 1858.

MAKKARI — *History of the Mohammedan Dynasties in Spain* (English trans. by De Gayangos), London, 1840.

GONDÉ — *The Arabs in Spain* (English trans. by Mrs Forster), London, 1854-1856.

IRVING, WASHINGTON — *Conquest of Granada*, London, 1829.

DOZY — *Histoire des Musulmans d'Espagne, 711-1110*, Leyden, 1861.

Он же: — *Recherches sur l'Histoire et la Littérature de l'Espagne*, Leyden, 1881.

GOLDZIHNER — *Die Shu'ubijja ... in Spanien*, 1899.

IBN AL-KUTIYA — *Conquête de l'Espagne* (with French trans. by Cherbonneau), 1853-1857.

Он же: — *Conquête de l'Andalousie* (with French trans. by Houdas), Paris, 1889.

ASCHBACH — *Geschichte der Omaiaden in Spanien*, Frankfurt-a-M., 1860.

ABD EL-WAHID MERRAKECHI — *Histoire des Almohades* (French trans. by Fagnan), Alger, 1893.

SIMONET — *Descripción del Reino de Granada bajo la dominación de los Naseritas*, Granada, 1872.

AMARI — *Biblioteca arabo-sicula*, Rome 1880-1881.

Он же: — *Storia dei musulmani di Sicilia*, Florence, 1854-1868.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ:

DERENBOURG — *Ousama ibn Mounkidh, a Syrian Emir* (École des Langues orientales vivantes), 1893.

Он же: — *Recueil des Historiens des Croisades* (texts with French trans.), Paris, 1872 ff.

MICHAUD — *Bibliothèque des Croisades*, Paris, 1829.

Он же: — *Histoire des Croisades*, Paris, 1841.

STEVENSON — *The Crusaders in the East*, Cambridge, 1907.

BRÉHIER — *L'Église et l'Orient au moyen âge*, Paris, 1907.

KEIGHTLEY — *The Crusaders*, London, 1847.

Он же: — *Chronicles of the Crusades*, from contemporary narratives London, 1848.

MILLS — *History of the Crusades*, London, 1822.

ТЮРКИ И МОНГОЛЫ:

HAMMER-PURGSTALL — *Geschichte des osmanisehen Reiches*, Pesth, 1834-1836; (French trans.), Paris, 1835-1843.

JACOB — *History of the Ottoman Empire*, London and Glasgow, 1854.

FRASER — *Turkey, Ancient and Modern*, Edinburgh, 1854.

LANE-POOLE (assisted by E.J.W. GIBB and A. GILMAN) — *Turkey*, London, 1888.

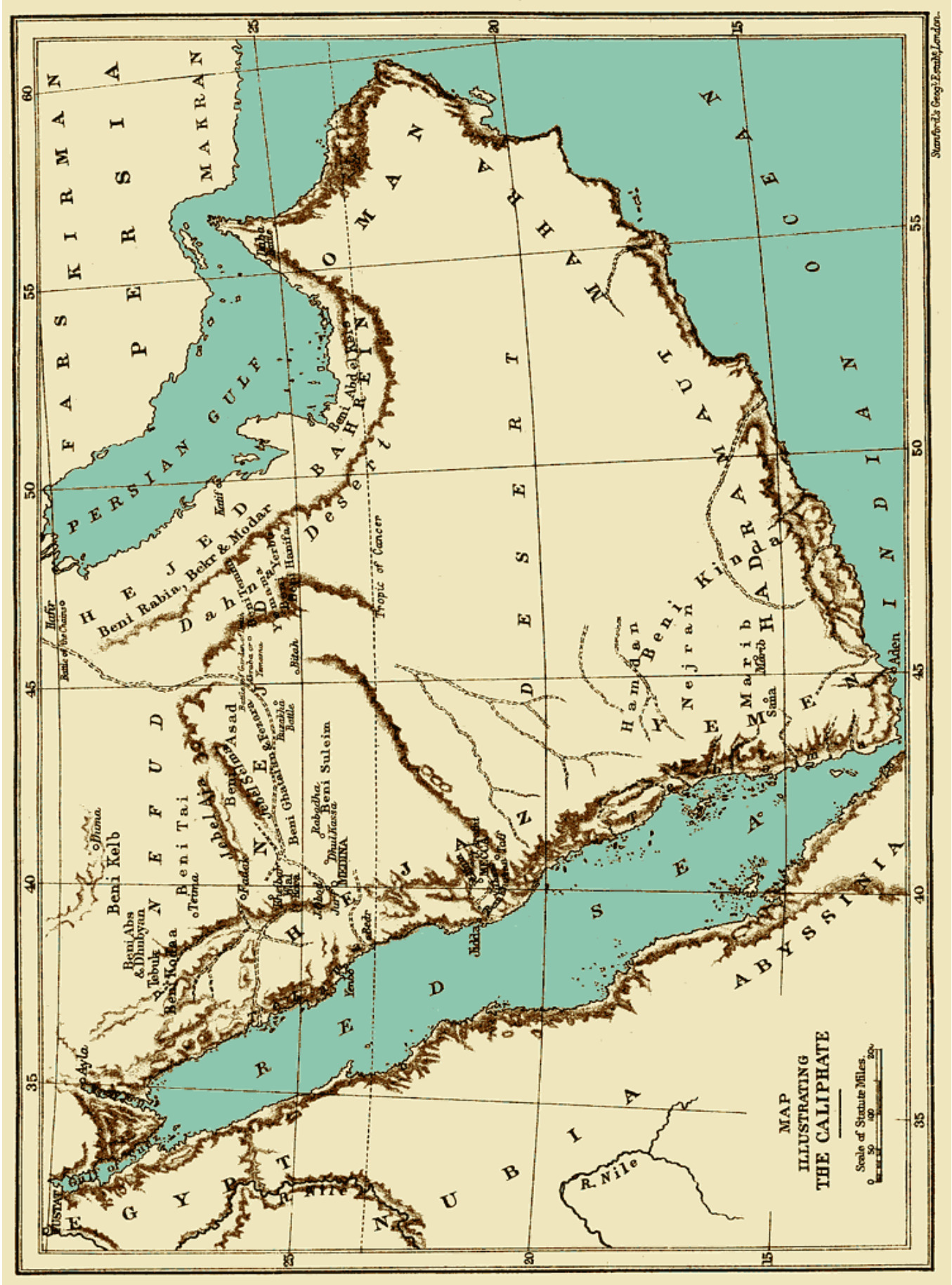
CREASY — *History of the Ottoman Turks*, London, 1854-1856.

GIBB — *History of Ottoman Poetry*, London, 1900 ff.

HOWORTH — *History of the Mongols*, London, 1876-1878.

D'OHSSON — *Histoire des Mongols*, Amsterdam 1852.

FADL ALLAH RASHID ED-DIN — *History of the Mongols*, ed. by Blochet (Gibb Memorial Series xii. and xviii.).

Stanford's Geog. Exampl. London.

